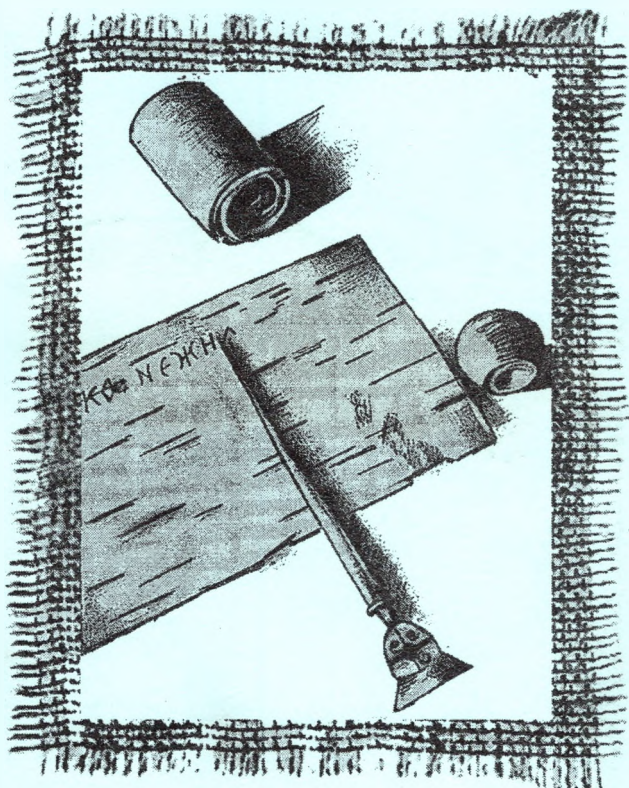

АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ КРЫНІЦАЗНАЎСТВА АЙЧЫННАЙ ГІСТОРЫІ

Віцебск 2011

Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь
Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”
Гістарычны факультэт

Упраўленне культуры
Віцебскага абласнога выканаўчага камітэта
Установа культуры
“Віцебскі абласны краязнаўчы музей”

Галоўнае ўпраўленне юстыцыі
Віцебскага абласнога выканаўчага камітэта
Установа “Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці”

АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ КРЫНІЦАЗНАЎСТВА АЙЧЫННАЙ ГІСТОРЫІ

*Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай
канферэнцыі, прысвечанай 450-годдзю віцебскага
гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі
зборніка “Полоцко-Витебская старина”*

Віцебск, 6–7 кастрычніка 2011 г.

Віцебск
УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”
2011

УДК 930.2(063)+94(476)(063)
ББК 63.211я431+63.3(4Бел)я431+63.3(0)я431
А43

Друкуецца па рашэнні навукова-метадычнага савета ўстановы адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”. Пратакол № 5 ад 27.06.2011 г.

Усе матэрыялы друкуюцца ў аўтарскай рэдакцыі

Рэдакцыйная калегія:
А.М. Дулаў (*адказны рэдактар*),
Дз.В. Юрчак (*намеснік адказнага рэдактара*),
В.М. Шорац, Г.У. Савіцкі, Т.М. Свістунова,
Я.А. Грэбень, У.П. Каханка, М.Дз. Макараў,
А.В. Мартынюк

Рэцэнзенты:
галоўны навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі,
доктар гістарычных навук *Г.Я. Галенчанка*;
загачык кафедры айчынай гісторыі і сусветнай культуры
ўстановы адукацыі “Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт”,
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *С.Я. Новікаў*

А43 **Актуальныя праблемы крыніцазнаўства айчынай гісторыі** : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 450-годдзю віцебскага гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі зборніка “Полоцко-Вітебская старина”, Віцебск, 6–7 кастрычніка 2011 г. / Віц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А.М. Дулаў (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2011. – 350 с.
ISBN 978-985-517-314-5.

У зборніку змешчаны матэрыялы дакладаў, прысвечаныя актуальным праблемам крыніцазнаўства гісторыі Беларусі і замежных краін.

Зборнік можа быць карысны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй і крыніцазнаўствам.

УДК 930.2(063)+94(476)(063)
ББК 63.211я431+63.3(4Бел)я431+63.3(0)я431

ISBN 978-985-517-314-5

© УА “ВДУ імя П.М. Машэрава”, 2011

ЗМЕСТ

РАЗДЗЕЛ 1. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ І СУСЕДНІХ ЗЕМЛЯЎ XI–XVIII стст.	8
Макараў М.Дз. ВІЦЕБСКАЕ МЕСЦКАЕ ПРАВА: ДА 450-ГОДДЗЯ З’ЯВЫ	8
Доўнар А.Б. ПРЫВІЛЕІ ВІЦЕБСКА СА ЗБОРУ ПЕРГАМІНАВЫХ АКТАЎ ГАЛОЎНАГА АРХІВА СТАРАЖЫТНЫХ АКТАЎ У ВАРШАВЕ	11
Глушков С.Н. КАМЕННЫЙ КРЕСТ У д. БЕЗДЕДОВИЧИ КАК ІСТОЧНИК ПО ІСТОРЫІ ПОЛОТЧИНЫ	13
Дзянісава А.Р. ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПРАВАСЛАЎНЫХ МАНАСТЫРОЎ ТУРАВА-ПІНСКАЙ ЕПАРХІІ Ў XI–XVII стст.	15
Жарын Дз.В. РУСКА-ЛІВОНСКІЯ АКТЫ, САБРАНЫЯ К.Е. НАПЬЕРСКІМ У XIX СТАГОДДЗІ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ГАНДЛЕВЫХ ЗНОСІН ГАНЗЫ З БЕЛАРУСКІМІ ГАРАДАМІ Ў СЯРЭДНІЯ ВЯКІ	17
Егоров А.М. ПРАВОВЫЕ АКТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА КАК ІСТОЧНИК ПО ІСТОРЫІ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIV–XV вв.	20
Мартынюк А.В. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В СЕРЕДИНЕ XV в.: ВЗГЛЯД ИЗ ВИЗАНТИИ	23
Шэлегавя К.Дз. НАТАТКІ «ПРА ЛІТВУ» ЭНЭЯ СІЛЬВІЯ ПІКАЛАМІНІ ЯК КРЫНІЦА ДЛЯ ВЫВУЧЭННЯ ПАГАНСКІХ КУЛЬТАЎ БАЛЦКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ВКЛ XV ст.	26
Буцін Д.С. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ КОПНАГА СУДА НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XVI–XVIII стст.	28
Глінскі Я.С. “ЕРІТОМЕ PRINCIPUM LITUANIAE” ЯК КРЫНІЦА ПА ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА XVI ст.	31
Латушкін А.М. НЕВЯДОМЫ ІНВЕНТАР УЛЫ 1581 г. І ЯГО ЗНАЧЭННЕ ДЛЯ ДАСЛЕДАВАННЯ ГІСТОРЫІ УЛЬСКАГА ЗАМКА Ў 60-я – 80-я гг. XVI ст.	34
Падалінскі У.А. СОЙМАВЫЯ ПРАТЭСТАЦЫІ ЯК КРЫНІЦА ПА ПАЛІТЫЧНАЙ ГІСТОРЫІ ВЯЛКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў КАНЦЫ XVI ст.	39
Попель Р.І. ЛЬВОЎСКІ ЛЕТАПІС І АСТРОЖСКІ ЛЕТАПІСЕЦ ЯК УЗОРЫ УКРАЇНСКАГА МЯСЦОВАГА ЛЕТАПІСАННЯ XVII ст.	43
Падбярэзкін П.Д. РУСКАЯ ВЫВЕДКА НА ПАМЕЖЖЫ З РЭЧЧУ ПАСПАЛІТАЙ У ПЕРЫЯД 1652–1654 гг. ПА ДАКУМЕНТАХ РАЗРАДНАГА ПРЫКАЗА	46
Кітурка І.Ф. МЫТНЫЯ ДАКУМЕНТЫ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVIII ст. ЯК УНІКАЛЬНЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ МЫТНІ І ГІСТАРЫЧНАЙ ТАПАГРАФІІ БЕЛАРУСІ	49
Гладкова Г.А. МЕМУАРЫ ІГНАЦІЯ БЫКОЎСКАГА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА ..	52
РАЗДЗЕЛ 2. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ КАНЦА XVIII – ПАЧАТКУ XX ст.	56
Бруханчык К.А. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ПРЫКАЗАЎ ГРАМАДСКАГА АПЕКАВАННЯ Ў ФОНДАХ РАСІЙСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА	56
Ігнатовец Л.М. ІСТОЧНИКИ ПО ІСТОРЫІ БЕЛОРУССКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА	58
Луфэрчык Е.Г. РУССКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАЧАЛА 1830-х гг. КАК ІСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ О ВОССТАНИИ 1830–1831 гг.	61
Соркіна І.В. ГІСТАРЫЧНАЯ ЎРБАЇНІСТЫКА БЕЛАРУСІ Ў МАТЭРЫЯЛАХ ЛІТОЎСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА	64
Афанасьева Т.Ю. ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ІСТОРЫІ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ, ХРАНЯЩИХСЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ БЕЛАРУСИ В г. ГРОДНО	67
Варламова Н.П. К ІСТОРЫІ СВЯТО-УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В д. ВИРОВЛЯ ГОРОДСКОГО РАЙОНА	69

Корчмина Е.С. РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДВОРЯНСТВА	72
Мурашко А.И. ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЖАНДАРМСКОЙ ПОЛИЦИИ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (по материалам Национального исторического архива Беларуси)	75
Власова Н.В. ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ГУБЕРНАТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. (на материалах Рязанской губернии) ...	77
Шнеер Арон. ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОССТАНИЕМ 1863 г., В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВАХ ЛАТВИИ И ЛИТВЫ	80
Серак Е.В. БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О БЕЛОРУССКИХ ПОВСТАНЦАХ 1863–1864 гг. В ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ ...	83
Линкевич В.Н. ИСТОЧНИКИ ПО МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	85
Пивавар М.В. АГЛЯД КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ ПАСЁЛКА ЛУЖАСНА ВІЦЕБСКАГА РАЁНА	89
Грыбко В.В. ІВАНСКАЯ ГАЛІНА РОДУ ВАЛАДКОВІЧАЎ: ПОШУКІ І АДКРЫЦЦІ ..	92
Сидоренко Б.И. «МОГИЛЕВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА (60–90-е гг. XIX ВЕКА)	95
Петров Д.Н. «ОБЗОРЫ» И «ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ» КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	97
Римко О.Г. ДЕЯТЕЛИ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА СТРАНИЦАХ «МОГИЛЕВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1883–1917 гг.)	100
Какенова Г.М. ДЕЯТЕЛИ АЛАШ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА (ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)	103
Белюков Д.А. ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО СПОРТА В ДОКУМЕНТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ (на материалах Псковской области)	105
Падерова И.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА О БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КРЕСТЬЯН БЕЛАРУСИ (1861–1914 гг.)	109
Помалейко О.Л. ЖЕНСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.: ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ПОИСКА	112
Волкова О.А. ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ г. МОСКВЫ ПО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ ЖЕНЩИН В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	115
Лавринович Д.С. ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX ВЕКА	117
Хаданёнак В.М. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў ФОНДАХ ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ І ЗАНАЛЬНАГА ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА Ў ГОРАДЗЕ ПОЛАЦКУ	121
Рынди́н С.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1914–1917 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ	124
Ключарева А.В. ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К СОБЫТИЯМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ (на примере Тульской епархии)	127
Елисеев А.Б. СЛУХИ И СПЛЕТНИ ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ	130
Назарова Е.Л. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛАТЫШЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА МОСКВЫ	134
Акульшин П.В., Соколов А.К. ВОСПОМИНАНИЯ С.Д. ЯХОНТОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	136

РАЗДЕЛ 3. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ НАЙНОЎШАГА ЧАСУ	139
Адамовіч О.В. ДОКУМЕНТЫ ФОНДОВ ПОЛЬСКОГО ПЕРИОДА УЧРЕЖДЕНИЯ «ЗОНАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ» г. МОЛОДЕЧНО КАК ИСТОЧНИК ПО КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ВИТЕБЩИНЫ 1919–1939 гг.	139
Карапузова А.Г. ДОКУМЕНТЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1920–1930-е гг.: АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ (по материалам Государственного архива Брестской области)	142
Таратута А.М. ДЗЯРЖАЎНЫЯ УСТАНОВЫ 2-й РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (па пісьмовых крыніцах у фондах дзяржаўных архіваў Беларусі)	145
Гарматны В.П. АПУБЛІКАВАННЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПРАВЯДЗЕННЯ КАМАСАЦЫІ НА ЗЕМЛЯХ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1921–1939 гг.	149
Мошнік Ю.И. СУДЬБА ВЫБОРГСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО АРХИВА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВЫБОРГА ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ в. В ФОНДАХ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В ВЫБОРГЕ	152
Бобров Н.М. РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ В РККА (1918–1925 гг.)	155
Кур’яновіч Ю.У. ГІСТОРЫЯ МЛІЦЫІ БЕЛАРУСІ ў 1920–1930-х гг.: ПРАБЛЕМАТЫКА ВЫВУЧЭННЯ І АГЛЯД КРЫНІЦ	159
Шевелев П.В. ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ ПЕРИОДА 1920–1930-х гг.	162
Карпинская П.В. ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА НА ВИТЕБЩИНЕ В 20–30-е гг. ХХ в.: КРАТКИЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР	164
Карпекін К.Р. САВЕЦКІ ПЕРЫЯДЫЧНЫ ДРУК ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ІУДЗЕЙСКІХ АБШЧЫН БЕЛАРУСІ ў 1919–1939 гг.	166
Сідорэнка В.М. ВОБРАЗ КАСЦЁЛА НА СТАРОНКАХ ГАЗЕТЫ “ОРКА” ў 1920-я гг.	169
Лугачёва Т.А. ПЕЧАТЬ МОПРа ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В 20–30-е гг. ХХ в.	172
Митракова В.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БССР ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ ПОЛИТИКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В 1926–1935 гг.	175
Пушкін І.А. БЕЛАРУСКАМОЎНЫЯ АДЗВЫ ЯК КРЫНІЦЫ ПА НАЦЫЯНАЛЬНАМУ АНТЫСАВЕЦКАМУ СУПРАЦІВУ ў БССР	178
Дулаў А.М. ЛІСТЫ Г.С. ЕЎДАКІМЕНКІ ЯК КРЫНІЦА ПРА ДЗЕЙНАСЦЬ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА ВІЦЕБСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ПЕДІНСТЫТУТА НА МЯЖЫ 1930–1940-х гг.	181
Мусагалиева А.С. ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ	185
Федюнин В.В. РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦАМО РФ О СОБЫТИЯХ ЛЕТА 1941 г. В БЕЛАРУСИ	188
Агееў А.Р. ВУСНАЯ ГІСТОРЫЯ ЯК КРЫНІЦА ДАСЛЕДАВАННЯ ШТОДЗЕННАГА ЖЫЦЦЯ ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ	192
Тухта В.У. УСПАМІНЫ МЯСЦОВЫХ ЖЫХАРОЎ ЯК КРЫНІЦА ВЫВУЧЭННЯ ЛАКАЛЬНАГА АСПЕКТА ГІСТОРЫІ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (на прыкладзе Слабадскога сельсавета Лепельскага раёна)	195
Гребень Е.А. ДОКУМЕНТЫ КОЛЛАБОРАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ НАЦИСТОВ В ОККУПИРОВАННОМ ВИТЕБСКЕ	196
Докунова Е.Н. СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1944 гг.): ГОВОРЯТ АРХИВЫ	202

Нікалаева І.У. ДАКУМЕНТЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА АРХІЎНАГА ФОНДУ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ЖАНЧЫН НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ 1941–1944 гг.	205
Кулинок С.В. РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СВОДКИ БЕЛОРУССКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК	208
Коханко В.П. КРАТКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ БШПД ПО ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ, ДЕЙСТВОВАВШИХ НА ВИТЕБЩИНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	211
Дубик М.Г. ПИСЬМА НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ С ВОСТОЧНОГО ФРОНТА 1941–1944 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВОЙНЫ	214
Краско Г.Г. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	217
Носова А.А. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ТЕМЕ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В АРХИВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	220
Рогут Дариуш. ВОСПОМИНАНИЯ ИНТЕРНИРОВАННЫХ В СССР СОЛДАТ АРМИИ КРАЙОВОЙ В ПОЛЬСКИХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ	223
Косов А.П. МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»	228
Яковлева Г.Н. ФОНДЫ ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛА ПО ОХРАНЕ ВОЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В ПЕЧАТИ ПРИ ВИТЕБСКОМ ОБЛИСПОЛКОМЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА	231
Касатая Т.В. МЕТОД УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ (ЕХБ) В БССР (1950–1980-е гг.)	235
Тимофеев Р.В. ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 1980-х гг. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА В БССР	237
Мальчэўскі Я.С. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПАТЭНТАВАЙ СПРАВЫ Ё РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ	239
Юрчак Д.В. ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ИСТОЧНИКОВ ПО БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИМ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ В 1991–2011 гг.	242
РАЗДЕЛ 4. ПЫТАННІ ТЭОРЫІ КРЫНІЦАЗНАЎСТВА. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ КУЛЬТУРЫ. МУЗЕЙНЫЯ ПРАДМЕТЫ І КАЛЕКЦЫІ ЯК КРЫНІЦЫ	246
Пушкарева Н.Л. ЗНАЧИМОСТЬ «УСТНОЙ ИСТОРИИ» КАК ВИДА ИСТОЧНИКА И МЕТОДА СБОРА МАТЕРИАЛА ДЛЯ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ	246
Остряк А.Н. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	248
Балюк Т.П. СОКРАЩЕННО НАПИСАННЫЕ СЛОВА В РУКОПИСНОЙ КНИГЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ	251
Зіманскі В.Э. ЦАРКОЎНАСЛАВЯНІЗМЫ Ё “ЖЫЦІ ЕФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ”	254
Кручинина А.Н. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛНОГО НОТИРОВАННОГО СВОДА ГИМНОГРАФИИ В ЧЕСТЬ РАВНОАПОСТОЛЬНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА	258
Смыковская И.И. СОСТАВ ПЕСНОПЕНИЙ УТРЕНИ ВЕЛИКОГО ПЯТКА ПО БЕЛОРУССКИМ ИРМОЛОГИОНАМ конца XVI–XVIII века	259
Бароўка В.Ю. ЛІТАРАТУРНЫ ТВОР І ГІСТАРЫЧНАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ	262
Падстаўленка В.Ф. ЖАНРАВА-СТЫЛЯВАЯ СІНТЭТЫЧНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗЕЙНА-РАЗГОРНУТАГА САТЫРЫЧНАГА АПАВЯДАННЯ 1920–30-х ГАДОЎ ...	266
Котович Т.В. СЦЕНОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ	269
Петухов Ю.С. КОЛЛЕКЦИЯ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПЛАКАТОВ, АФИШ И ПРОГРАММОК А.А. ЖИГУРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВИТЕБСКА	273

Шавлинская О.Н. КНИГА КАК ИСТОЧНИК, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЙ СПЕЦИАЛИСТАМ-ИСТОРИКАМ ОБЛАСТНЫМИ ПУБЛИЧНЫМИ БИБЛИОТЕКАМИ	275
Рева Л.Г. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖНЯ ПЕРИОДИКА – ВАЖЛИВЕ ДЖРЕЛО КРАЭСНАВСТВА	277
Лякишева С.И. УСАДЕБНЫЕ БИБЛИОТЕКИ КАК ЗНАЧИМЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	282
Лисов А.Г. БЕСЕДЫ О ХУДОЖНИКЕ РОБЕРТЕ ФАЛЬКЕ ИЗ ФОНДА ЗАПИСЕЙ ОТДЕЛА УСТНОЙ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МГУ	284
Бяспалая М.А. МУЗЕЙНЫЯ КАЛЕКЦЫІ – КРЫНІЦАЗНАЎЧАЯ БАЗА НАВУКОВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ПА АЙЧЫННАЙ ГІСТОРЫІ	286
Стельмах А.В. ПОЧТОВЫЕ КАРТОЧКИ И ФОТОГРАФИИ ФИДЕЛЬМАНОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЛЕПЕЛЬСКОГО РАЙОННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ г. ЛЕПЕЛЯ НАЧАЛА ХХ в.	289
Давидовская О.Н. ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ФОТОДОКУМЕНТОВ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1919–1924 гг.)	291
Дьякова Е.В. СОБРАНИЕ ДОКУМЕНТОВ В.А. РЫБАЛОВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ХАРЬКОВЕ	296
Сидорова Н.А. ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «СУВОРОВСКОЕ-КОНЧАНСКОЕ» КАК ИСТОЧНИК	299
Сімакова І.М. ФАРМАРАВАННЕ ЭТНАГРАФІЧНЫХ КАЛЕКЦЫЙ ДЗЯРЖАЎНЫХ МУЗЕЯЎ БЕЛАРУСІ (ДРУГАЯ ПАЛОВА ХХ – ПАЧАТАК ХХІ ст.)	301
Жидченко А.В. ЭКСПОЗИЦИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО РАЙОНА (на примере музея Советского округа г. Омска) ...	305
Ермалёнак В.А. ІДЭНТЫФІКАЦЫЯ ЗДЫМКАЎ ПОЛЬСКАГА АФІЦЭРА З ФОНДАЎ ГІСТАРЫЧНАГА МУЗЕЯ ШКОЛЫ № 3 г. МІЁРЫ	307
Свилас С.Ф. ОБ УЧАСТИИ АРХИВИСТОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» ..	301
РАЗДЕЛ 5. ГІСТАРЫЯГРАФІЧНЫЯ КРЫНІЦЫ	314
Чикалова И.Р. ИЗДАНИЯ ПЕРЕВОДОВ «ВСЕОБЩИХ ИСТОРИЙ» В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ	314
Воранаў Р.Г. ТРАКТОЎКІ ПОСТАЦІ ФРАНЦІШКА СКАРЫНЫ Ў ПОЛЬСКАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ ХІХ – пач. ХХ ст. ЯК КРЫНІЦА ВЫВУЧЭННЯ ПОГЛЯДАЎ НА БЕЛАРУСКУЮ ЭТНІЧНУЮ СУПОЛЬНАСЦЬ	320
Мосейчук Л.И. ПОЛЬСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЕНСКОГО ПАПСКОГО АЛУМНАТА	323
Прицев Д.А. ПОСЛЕВОЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ СССР (1946–1953 гг.) В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ..	326
Сакович Е.Г. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СССР И КНР (1953–1964 гг.) В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	329
Крюковский В.Д. КОМСОМОЛ БЕЛАРУСІ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ в 70-е годы ХХ века: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ..	331
Рахимбекова А.К. ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ КОЛОНИЗАЦИИ КАЗАХСТАНА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ	334
Паўлава А.Я. КРЫНІЦАЗНАЎСТВА НА СТАРОНКАХ “БЕЛАРУСКАГА ГІСТАРЫЧНАГА ЧАСОПІСА” ў канцы 1990-х – 2011 г.	337
Трыгорлава Л.Б. ХРЭСТАМАТЫЯ Ў ШКОЛЬНЫМ ГІСТАРЫЧНЫМ КУРСЕ: РОЛЯ І ТЭХНАЛОГІЯ АДПРАЦОЎКІ ТЭКСТУ	341
ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	345

РАЗДЕЛ 1

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ І СУСЕДНІХ ЗЕМЛЯЎ XI–XVIII стст.

Макараў М.Дз. ВІЦЕБСКАЕ МЕСЦКАЕ ПРАВА: ДА 450-ГОДДЗЯ З’ЯВЫ

6 чэрвеня 2011 г. споўнілася 450 гадоў з таго моманту, калі Віцебск атрымаў ад вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста свой першы месцкі прывілей. Гэта падзея мела выключнае значэнне для гісторыі Віцебска і іншых месцкіх паселішчаў Беларускага Падзвіння. Прывілей, нададзены віцебскім мяшчанам 6 чэрвеня 1561 г., легітымізаваў арыгінальную сістэму месцкага права, што склалася на аснове мясцовага земскага права. Пасля афармлення ў Віцебску гэта сістэма шырока распаўсюдзілася на землях рэгіёна: Правы на ўзор Віцебска ў гатовым выглядзе атрымалі Сураж (1570 г.), Ула (1577 г.) і Веліж (1582 г.). На землях Падзвіння віцебскае месцкае права працяглы час паспяхова канкурыравала з агульнапрынятай у Вялікім княстве Літоўскім (далей – ВКЛ) магдэбургскай мадэллю. Паспрабуем сцісла акрэсліць гісторыю гэтай унікальнай з’явы.

Да надання Віцебску ў 1561 г. асобнага месцкага прывілея мяшчане карысталася адзіным для ўсіх катэгорый свабоднага насельніцтва рэгіёна віцебскім земскім правам, асноўныя нормы якога фіксаваліся Віцебскім земскім прывілеем. Гэты дакумент адрасаваўся «всім княземь, боярамь и слугам витебским, войту и мещаномь места тамошнего, и всей земле Витебской». У сярэдзіне XV – першай палове XVI ст. у рамках віцебскага земскага права быў выпрацаваны шэраг нормаў, якія рэгулявалі выключна прававое становішча мяшчанства. Толькі некаторыя з іх былі ўключаны ў склад Віцебскага земскага прывілея, а асноўная частка працягвала дзейнічаць у рамках няпісанага права. У першай палове XVI ст. мяшчанская абшчына Віцебска ўжо карысталася пэўнай аўтаноміяй і мела арыгінальныя органы самакіравання, якія складаліся з войта і «старшых мяшчан».

Князі і баяры, з аднаго боку, войт і мяшчане – з другога доўгі час супольна карысталіся агульным Віцебскім земскім прывілеем, але каля 1540 года паміж гэтымі сацыяльнымі групамі ўзнік востры канфлікт. Галоўнай прычынай сутыкненняў паслужыла тое, што прывілей захоўваўся менавіта ў войта і мяшчан, якія «княземь и боярам ховати его не давали». Пакрыўджаныя князі і баяры Віцебскай зямлі ездзілі шукаць справядлівасці ў Вільню, дзе скардзіліся на дзеянні войта і мяшчан панам-радзе ВКЛ. Улады выклікалі прадстаўнікоў абодвух бакоў у сталіцу дзяржавы, дзе ў прысутнасці радных паноў яны даказвалі свае правы захоўваць прывілей. Выслушаўшы аргументы бакоў, улады прынялі наступнае рашэнне: загадалі трымаць агульны для ўсіх Віцебскі земскі прывілей у спецыяльна прызначанай для гэтага скрынцы, адзін ключ ад якой мусілі захоўваць князі і баяры, а другі – войт і мяшчане. Арыгінал прывілея можна было браць як адным, так і другім толькі ў найбольш адказных і ўрачыстых моманты. Для вырашэння паўсядзённых пытанняў былі зроблены дзве копіі прывілея, замацаваныя дзяржаўнай пячаткай. Адна копія прызначалася князям і баярам, другая – войту і мяшчанам. Копіі прывілея самі па сабе не мелі юрыдычнай сілы. Аднак перададзеная віцебскім мяшчанам 9 ліпеня 1541 г. копія Віцебскага земскага прывілея адыграла прыкметную ролю ў станаўленні віцебскага месцкага права. Яна адрасавалася менавіта мяшчанам: «А такь мають воит и мещане места [...] Витебского тот лист нашъ у себе держати и тым листом въ потребах своихъ оборону чинити и во всем томъ заховатися» [1; 83 – 84].

У хуткім часе віцебскія князі і баяры выпрасілі ў новага караля польскага і вялікага князя літоўскага Жыгімонта Аўгуста пацвярджэнне іх копіі віцебскага земскага прывілея, якая ў выніку набыла сілу юрыдычнага дакумента і стала першым выключ-

чна княска-баярскім прывілеем Віцебскай зямлі. Пасля гэтага, ў сваіх дзеяннях, скіраваных супраць войта і мяшчан, князі і баяры пачалі абапірацца на юрыдычную моц двух дакументаў. Апошні прывілей, які практычна слова ў слова паўтараў стары земскі, дадаў князям і баярам упэўненасці, што яны карыстаюцца больш шырокім наборам правоў, чым мяшчане.

У адказ на дзеянні князёў і баяраў, якія выкарысталі сваё «больш упрывілеяванае» становішча і пачалі асаджваць сваіх падданных на месцкіх землях, войт і мяшчане звярнуліся да вялікага князя са скаргамі. Жыгімонт Аўгуст разгледзеў іх і пацвердзіў перададзеную мяшчанам у 1541 г. копію старажытнага земскага прывілея, чым надаў ёй сілу юрыдычнага дакумента. Такім чынам, 6 чэрвеня 1561 г. віцебскія мяшчане атрымалі свой першы выключна месцкі прывілей, які фармальна «ўраўнаваў» іх у правах з князямі і баярамі Віцебскай зямлі.

У выніку з аднаго старога Віцебскага земскага прывілея атрымаліся два: першы – для князёў і баяраў, другі – для мяшчан. Гэтыя прывілеі нічым не адрозніваліся адзін ад аднаго. Іх тэксты былі практычна ідэнтычныя. Але ў прававой свядомасці грамадства Віцебскай зямлі адбыліся значныя змены. Раней яно карысталася адзіным прывілеем, які кансалідаваў усе сацыяльныя групы і з’яўляўся гарантыяй рэгіянальнай аўтаноміі. Цяпер князі з баярамі і мяшчане карысталіся гэтым дакументам асобна. Той жа набор палажэнняў для першых стаў увасабленнем права земскага (шляхецкага), а для другіх – права месцкага [1; 84 – 85].

Тэкст віцебскага месцкага прывілея 1561 г. не адпавядаў рэаліям віцебскага месцкага права. У яго склад не былі ўключаны многія нормы, якія рэгулявалі прававое становішча мяшчан Віцебска ў сярэдзіне XVI ст. У другой палове XVI ст. ён утрымліваў усё той жа набор палажэнняў, што трапілі ў склад Віцебскага земскага прывілея (які набыў свой канчатковы выгляд у 1440 – 1447 гг.) яшчэ ў XIV – першай палове XV ст. Пры чарговых пацвярджэннях месцкага прывілея ў 1582 г. Стафанам Баторыем і ў 1592 г. Жыгімонтам Вазам яго, згодна са звычаем, перапісвалі ў нязменным выглядзе. Усе сацыяльныя групы віцебскага грамадства, у першую чаргу баяры і мяшчане, лічылі тэкст старога Віцебскага земскага прывілея натуральным пачаткам усіх правоў, якімі яны карысталіся. Да гэтага дакумента ставіліся з выключнай павагай і нічога ў ім не мянялі.

Адлюстраванне рэальных нормаў і практыкі віцебскага месцкага права другой паловы XVI ст. можна прасачыць па тэкстах прывілеяў Суража 1570 г. і Улы 1577 г. Яны былі нададзены на ўзор Віцебска і ўтрымлівалі асноўныя нормы віцебскага месцкага права [2; с. 198 – 199]. Гэтыя прывілеі гарантавалі мяшчанам Суража і Улы цалкам ідэнтычны набор правоў. Мяшчане заставаліся пад юрысдыкцыяй мясцовага гаспадарскага ўрадніка, які мог судзіць іх толькі ў прысутнасці войта і «старшых» мяшчан. Пры гэтым, некаторыя катэгорыі спраў ніжэйшага ўзроўню знаходзіліся непасрэдна ў судовай кампетэнцыі органаў самакіравання мяшчанскай абшчыны. Мяшчане атрымалі права на выбар войта, бязмытны гандль на тэрыторыі ВКЛ (не датычыла ўвозу солі з Рыгі і вывазу воску да Рыгі і Вільні), правядзенне двух кірмашоў у год, вольнае распараджэнне сваёй рухомай і нерухомай маемасцю (у тым ліку, права свабодна завяшчаць яе ў спадчыну як сваяку, так і любому іншаму чалавеку), свабоду выбару месца жыхарства на тэрыторыі ВКЛ. Ім былі перададзены землі на адлегласці 1 мілі вакол замка [1; с. 85 – 90].

Тэксты месцкіх прывілеяў Віцебска, Суража і Улы сведчаць пра тое, што галоўнай павіннасцю мяшчан на віцебскім праве ў другой палове XVI ст. было «службу конную военную напроціво неприятели нашему заступовати». Размова ў дадзеным выпадку ідзе не пра тых мяшчан, якія валодалі маёнткамі на земскім праве і выконвалі вайсковую павіннасць разам са шляхтаю. У Віцебскай зямлі гэтая група выразна адрознівалася ад звычайных мяшчан, і з 70-х гг. XVI ст. вызначалася тэрмінам «мяшчане конныя». У другой палове XVI ст. у месцах на віцебскім праве вайсковая конная служба была абавязкам усяго «посполитого» мяшчанства.

У сваім прывілеі 6 чэрвеня 1561 г. віцебскім мяшчанам Жыгімонт Аўгуст гарантаваў ім тыя ж правы і вольнасці, «яко и князи и бояре тамошние за листом на них особы от нас даным [...] уживають». Віцебскае месцкае права выводзілася з земскага права Віцебшчыны і па сваёй сутнасці мала ад яго адрознівалася. Мяшчане выконвалі вайсковую конную службу і карысталіся рыцарскім правам [1; с. 93].

Ва ўмовах несупынных канфліктаў ВКЛ з Маскоўскай дзяржавай на неспакойным памежжы такая сістэма саслоўных правоў мяшчанства была нават больш прыдатнай, чым магдэбургская. У 70 – 80-я гг. XVI ст. правы на ўзор Віцебска атрымалі тры іншыя паселішчы рэгіёну. 5 чэрвеня 1570 г. віцебскае месцкае права было нададзена Суражу, а 26 студзеня 1577 г. – Уле. Згадку аб наданні віцебскага права Веліжу ўтрымлівае ліст Стафана Баторыя да віцебскага ваяводы Станіслава Паца ад 7 снежня 1582 г. [1; 98 – 99].

У 90-я гг. XVI ст. адбыўся працяглы канфлікт паміж коннымі і паспалітымі мяшчанамі Віцебска, у выніку чаго сістэма самакіравання, што існавала тут раней, практычна перастала функцыянаваць. Каб пераадолець крызіс улады ВКЛ пайшлі на радыкальную змену прававога становішча мяшчанскай абшчыны. 17 сакавіка 1597 г. Віцебск атрымаў ад вялікага князя літоўскага Жыгімонта Вазы прывілей на магдэбургскае права. Аднак гісторыя віцебскага месцкага права на гэтым не скончылася.

Магдэбургскае права дзейнічала ў Віцебску да 1624 г. Пасля забойства 12 лістапада 1623 г. віцебскімі мяшчанамі полацкага уніяцкага архіепіскапа Ісафата Кунцэвіча, паводле распараджэння Жыгімонта Вазы ад 9 снежня 1623 г. і дэкрэта камісарскага суда ад 22 студзеня 1624 г., места было пазбаўлена ўсіх правоў, якімі да гэтага карысталася, а яго насельніцтва пераведзена непасрэдна пад юрысдыкцыю віцебскага ваяводы. Адносіны ўлад ВКЛ да апальных віцяблян палепшыліся толькі ў гады Смаленскай вайны (1632 — 1634 гг.). 7 кастрычніка 1633 г. Уладзіслаў Ваза, прымаючы пад увагу заслугі віцяблян пад час баявых дзеянняў, вярнуў Віцебску ўсе правы, якімі места карысталася да надання магдэбургскага права. Фактычна мяшчанам ізноў было дазволена карыстацца віцебскім месцкім правам. Ва ўмовах Смаленскай вайны, што яшчэ працягвалася, такое рашэнне мела практычны сэнс, бо галоўнай павіннасцю мяшчанства ў рамках гэтай прававой сістэмы традыцыйна было нясенне коннай вайсковай службы. Віцебскае месцкае права дзейнічала ў Віцебску да 28 верасня 1641 г., калі Уладзіслаў Ваза надаў месту другі прывілей на магдэбургскае права. У Суражы і Веліжы яно функцыянавала па меншай меры да пачатку вайны 1654 – 1667 гг., калі гэтыя месцы на працяглы час трапілі пад уладу Маскоўскай дзяржавы [1; с. 110, 116 – 117].

Пэўнай аналогіяй тым працэсам, якія адбываліся ў сацыяльна-палітычным жыцці местаў Віцебшчыны ў другой палове XVI ст. можа служыць хіба што першая спроба надання месцкіх правоў польскаму Плоцку. У 1237 г. усім жыхарам гэтага места, што стала пражывалі ў Плоцку ці маглі пасяліцца тут у будучым, былі нададзены такія ж правы, якімі карысталася рыцарства Мазавецкай зямлі [3; с. 200, 202.]. Аднак, пра рэалізацыю пастановаў гэтага прывілея на практыцы нічога невядома.

Працэс афармлення ўпрывельяванага шляхецкага саслоўя суправаджаўся стратай астатнімі катэгорыямі свабоднага насельніцтва сваіх правоў. Ён ставіў мяшчан, якія раней карысталіся тым жа правам, што і рыцарства (баярства), у вельмі неспрыяльную прававую сітуацыю. Каб выправіць яе ўлады дзяржавы маглі пайсці па двух шляхах: 1) перавесці мяшчанства на імпартаванае з Заходняй Еўропы нямецкае права; 2) пацвердзіць старажытныя правы мяшчанства ў якасці яго саслоўных прывілеяў, інакш кажучы, фактычна зраўнаць мяшчанства ў правах з рыцарствам. Як у Плоцку, так і ў Віцебску мела месца спроба ажыццяўлення другога варыянта. Аднак, як падаецца, ва ўмовах шляхецкага грамадства (для ВКЛ гэта перыяд пасля ўвядзення Статута 1566 г.) такія сістэмы не мелі шансаў існаваць доўга.

Цяжка сказаць, ці асэнсоўвалі віцебскія, суражскія, ульскія і веліжскія мяшчане сваё віцебскае права як асобную сістэму месцкага права. Наўрад ці яны разумелі, што ў

іх жыцці адбываецца нешта ўнікальнае. Для віцяблян гэта права было натуральным працягам тых правоў, якімі яны карысталіся раней. Яго ўвядзенне стала спробай замацаваць за мяшчанами іх старажытныя правы і абавязкі ва ўмовах саслоўнага грамадства. Тым не менш, застаецца фактам, што віцебскае права аформілася ў самадастатковую сістэму саслоўных правоў мяшчанства і ў якасці гатовай мадэлі было нададзена шэрагу іншых месцкіх паселішчаў. Віцебскае месцкае права – адзіная мадэль месцкага права славянскага паходжання, якая дзейнічала на тэрыторыі Усходняй Еўропы ў XVI – першай палове XVII ст.

1. Макараў М. Дз. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. Мінск: Экаперспектыва, 2008.
2. Von Werdt, C. Stadt und Gemeindebildung in Ruthenien: okzidentalisation der Ukraine und Weißrusslands im Spätmittelalter und in der frühen Neuzeit. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006.
3. Wyrozumski J. Dzieje Polski piastowskiej (VIII wiek – 1370). Kraków, 1999.

Доўнар А.Б.

ПРЫВІЛЕІ ВІЦЕБСКА СА ЗБОРУ ПЕРГАМІНАВЫХ АКТАЎ ГАЛОЎНАГА АРХІВА СТАРАЖЫТНЫХ АКТАЎ У ВАРШАВЕ

У часы Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ) гарады клапаціліся аб павышэнні свайго статусу ў дзяржаве і аб павелічэнні сваёй «упрывілеяванасці». Таму кожны горад імкнуўся распаўсюдзіць на сябе як мага большую колькасць правоў і свабод. Не выключэннем быў і Віцебск.

Віцебск меў даўнія традыцыі самакіравання з часоў, калі ён быў цэнтрам Віцебскай зямлі. У XV – першай палове XVI ст. віцебскія мяшчане карысталіся разам з князямі, баярамі-шляхтай і іншымі свабоднымі катэгорыямі насельніцтва Віцебшчыны агульным земскім прывілеям Віцебскай зямлі. З умацаваннем шляхецкай дэмакратыі і кансалідацыяй саслоўяў сітуацыя з юрыдычным афармленнем праў горада змянілася і мяшчане сталі імкнуцца мець свае прывілеі. Чаго і дабіліся ў 1561 г. [4. с. 82-85].

Асноватворнымі для Віцебска былі прывілеі 1561, 1582, 1592, 1597, 1641, 1650, 1669, 1676, 1697, 1735 і 1767 гадоў. Кожны прывілей меў свае адметнасці і свой лёс. Мяшчане Віцебска клапаціліся захоўваць арыгіналы сваіх прывілеяў ў гарадскім архіве на працягу XVI–XVIII ст. Але ў пачатку XIX ст. арыгіналы прывілеяў Віцебска зніклі. Па звесткам А. Сапунова арыгіналы віцебскіх гарадскіх прывілеяў былі пасланы ў 1803 г. віцебскім пракурорам Манькоўскім у Санкт-Пецярбург міністру юстыцыі Расійскай імперыі па справе мяшчан Віцебска, якія прасілі аб захаванні праў і прывілеяў горада. Але гарадскія дакументы па прызначэнню не былі дастаўлены [3. С. XXI]. Далейшы лёс прывілеяў застаўся невядомым. І пытанні: ці былі давезены прывілеі да Санкт-Пецярбурга, ці яны прапалі па дарозе, застаюцца без адказу і цяпер.

Так ці інакш, у цяперашні час пяць прывілеяў Віцебска XVI – XVIII ст. захоўваюцца ў Галоўным архіве старажытных актаў у Варшаве (далей – ГАСА) ў Зборы пергамінавых актаў. Гэта прывілеі Віцебска польскіх каралей і вялікіх князёў літоўскіх Жыгімонта III Вазы ад 13 кастрычніка 1592 г. і 17 сакавіка 1597 г., Яна III Сабескага ад 20 сакавіка 1676 г., Аўгуста III ад 27 лістапада 1735 г. і Станіслава Аўгуста ад 01 студзеня 1767 г. (гл. табліцу).

Табліца: Месца знаходжання арыгіналаў прывілеяў Віцебска

Сігнатура	Дата	Арыгінальнасць	Матэрыял дакумента	Памер дакумента
ГАСА. Збор пергамінавых актаў. № 9136	13.10.1592	арыгінал	пергамін	73 × 44+10,5
ГАСА. Збор пергамінавых актаў. № 9137	17.03.1597	арыгінал	пергамін	66,7 × 44,5+9

ГАСА.Збор пергамінавых актаў. № 9138	20.03.1676	арыгінал	пергамін	78 ×39,5+14
ГАСА.Збор пергамінавых актаў. № 9139	27.11.1735	арыгінал	пергамін	85×54+9,3
ГАСА.Збор пергамінавых актаў. № 9140	01.01.1767	арыгінал	пергамін	31×43 – 6 л. аформлены як сшытак

Па інфармацыі, змешчанай у вопісе Збору пергамінавых актаў ГАСА, віцебскія прывілеі трапілі ў Варшаву дзякуючы Адаму Сцябельскаму. А. Сцябельскі відаць быў афіцэрам польскай арміі II Рэчы Паспалітай (на жаль, аўтару пакуль не ўдалося ўста-навіць, у складзе якога ваеннага падраздзялення ён служыў. Згодна з яго нататкамі ў маі 1920 г. ён знайшоў дадзеныя дакументы ў «разбітай бібліятэцы» аднаго маёнтка ў ваколіцах Лепеля. Пасля прыслаў іх у Варшаву для захоўвання ў сховішчах Помнікаў мастацтва і культуры, якія былі вывезены з тэрыторыі памежжа («Крэсаў») ахопленых вайной, Таварыства Стражы Крэсавай («Straż Kresowej»). Пасля ліквідацыі гэтага Таварыства А. Сцябельскі прывілеі забраў і захоўваў у сябе. на працягу 20 – пачатку 40-х гадоў XX ст. А 10 кастрычніка 1943 г. у прадмесці Варшавы Віланове склаў вышэйзгаданую запіску аб гісторыі знаходкі прывілеяў Віцебска [2. Вопіс, пазіцыі 9136 – 9140]. Як вядома, пад час Варшаўскага паўстання 1944 г. ў Віланове захоўвалася частка най-больш каштоўных дакументаў ГАСА, і хутчэй за ўсё у гэты час прывілеі Віцебска па-трапілі да супрацоўнікаў дадзенага архіва.

Прывілеі Віцебска, якія захаваліся ў ГАСА, з’яўляюцца важнымі для гісторыі горада. Іх важнасць сыходзіла і сыходзіць з іх зместу. Неабходнасць іх захавання разумелі тагачасныя віцебскія мяшчане, у сувязі з чым імі ствараліся правамоцныя копіі прывілеяў, напрыклад, у кнігах Метрыкі ВКЛ (так, прывілей Віцебску польскага караля і вялікага князя літоўскага Яна III Сабескага 1676 г. быў запісаны ў 148 кнігу запісаў Метрыкі ВКЛ, а Аўгуста III 1735 г. – у кнігу запісаў № 169 [5, спр. 148, арк. 167 – 171; спр. 169, арк. 100]. Аналіз кожнага прывілея Віцебска патрабуе асобнага даследавання.

Важнасць прывілеяў Віцебска разумелі і даследчыкі гісторыі Віцебска, у сувязі з чым імі былі апублікаваны некаторыя з іх. Так, былі апублікаваны прывілеі Жыгімонта III Вазы ад 13 кастрычніка 1592 г. [3, № 32, с. 61-67] і ад 17 сакавіка 1597 г. [1, № 118, с. 203- 206; 3, № 37, с. 74-82], Аўгуста III ад 27 лістапада 1735 г. [3, № 101, с.183-188].

Асобнай увагі патрабуюць маргінальныя запісы прывілеяў. Так, ва ўсіх пяці прывілеях пасля подпісаў манархаў і пісараў утрымліваюцца запісы аб тым, што 25 верасня 1803 г. прывілеі былі запісаны ў актавыя кнігі віцебскага земскага суда, і што іх прадставіў для запісу «глава места Віцебска» Ануфрый Бык. Дадзеныя запісы былі замацаваны подпісамі ўраднікаў віцебскага земскага суда: суддзі Ігнація Лускіны і пісара Станіслава Зарэцкага. Відаць, перад адпраўкаў прывілеяў у Санкт-Пецярбург гарадскія ўлады вырашылі падстрахавацца і зрабіць афіцыйныя копіі дадзеных дакументах.

Вельмі важным для прасочвання лёса віцебскіх прывілеяў з’яўляецца запіс на адвароце прывілея 1735 г.: «читаль А. Шидлевский заседатель Игуменского уездного(?) суда. Июля 2 д(ня) 1856 г.» [2, №9139], з якога вынікае, што прывілей ў 1856 г. знаходзіўся, хутчэй за ўсё, у Беларусі.

Такім чынам, папярэдні аналіз запісаў і лёса прывілеяў Віцебска, якія захаваліся ў Зборы пергамінавых актаў ГАСА, з аднаго боку падцвярджае факт іх вывазу з Віцебска ў 1803 г. і дазваляе сцвярджаць, што ў сярэдзіне XIX – пачатку XX ст. яны знаходзіліся ў Беларусі; з другога боку ставіць пытанне аб высвятленні дакладнага месца іх захоўвання і іх трымальнікаў ў гэты час.

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. В 5 т. – Спб.: Тип. Э.Праца, 1846 – 1853, – Т. 4. – Спб.: Тип. Э.Праца, 1851. – 583 с.
2. Галоўны архіў старажытных актаў (Варшава). Збор пергамітных актаў.

3. Витебская старина /Сост. и изд. А. Сапунов. – Витебск, 1883. – Т. 1.
4. Макараў М. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай паловы XVII ст. – Мінск: Экаперспектыва, 2008. – 248 с.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. КМФ-18 Метрыка ВКЛ). Воп. 1.

Глушков С.Н.
КАМЕННЫЙ КРЕСТ У д. БЕЗДЕДОВИЧИ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ ПОЛОТЧИНЫ

“Археологическія розысканія въ окрестностяхъ г. Полоцка” – под таким заголовком в нескольких номерах “Витебских Губернских Ведомостей” 60-х годов XIX ст., в неофициальной их части, печатал свои заметки преподаватель Полоцкого Духовного училища, известный краевед Ксенофонт Говорский. Немало потрудившись на ниве изучения нашего края, он оставил целый ряд открытий, имеющих немалую и непреходящую ценность для дальнейшего исторического исследования Полотчины.

К сожалению, время и люди далеко не всегда бережно хранят материальные вехи своей истории. И если заинтересованный человек и теперь еще смог бы найти в окрестностях Полоцка описанную Говорским Ольгердову дорогу (XIV в.) или осмотреть уникальные, протяженностью более полукилометра, земляные укрепления Глинского замка (XVI ст.), то неудачей закончилась бы попытка увидеть старинный каменный крест с выбитым на нем текстом, что испокон стоял на Дисненском ответвлении вышеупомянутой дороги у дер. Бездедовичи, в имении местного помещика Обрампальского. В свое время и моя попытка отыскать крест не увенчалась успехом. Тогда подумалось, что, вероятнее всего, это одна из многих невозвратных потерь прошлого, духовного безладья столетия. Но прошло много лет и случилось, казалось бы, невероятное – крест отыскался!

Впервые, это известное всей Ветринской округе каменное изваяние, описал в своих дневниках 1818 года исследователь белорусских древностей Петр Кеппен. Тогда же им была предпринята попытка прочесть текст, но, разобрав самую малость, он оставил это занятие, сославшись на плохую его сохранность и недостаточную древность надписи, якобы не представляющей большого интереса. Осенью того же года крест в имении Бездедовичи осматривали архимандрит И. Шулакевич и полицмейстер Двинского судоходства Мосальский, о чем и сообщалось в его рапорте генералу Е. Ф. Канкрину, известному исследователю “Борисовых камней”. Почти через сорок лет осмотрел крест и сделал еще одну попытку прочесть надпись Говорский. Но и ему удалось разобрать немногим более Кеппена. Упоминается об этом кресте и в трудах нашей современницы, кандидата исторических наук Людмилы Дучиц. Так, уже известным науке, но неразгаданным, пролежал он более ста лет, пока по каким-то своим соображениям уже в наше время хозяин соседней крестьянской усадьбы не закопал крест в землю. Однако, казалось навсегда утерянный, пролежав несколько десятилетий под спудом, крест был откопан, благодаря живому участию местных жителей, в особенности Сергея Николаевича и Валерия Сергеевича Козловых и Аллы Васильевны Шпак, а стараниями исследовательницы Ветринского края Ольги Ситдиковой стала возможна экспедиция, приведшая в итоге к полному прочтению текста и разгадке наиболее вероятной истории древнего креста.

Опираясь на прежний опыт изучения таких предметов, учитывая форму, способ изготовления и другие особенности, крест этот уверенно можно отнести к древнейшим антропоморфным (человекоподобным) фигурам, время изготовления которых в мировой практике условно относят к эпохе бронзы, что для нашего региона соответствует второму тысячелетию до Р.Х. Однако анализ легенд и преданий собранных учеными-энтузиастами на протяжении XIX и XX столетий, рассказов местных старожил и тематических научных источников, а так же собственных наблюдений, дает все основания отнести время изготовления таких человекоподобных фигур к верхнему палеолиту или мезолиту (среднему каменному веку), т.е. к 10-му или 9-му тысячелетию до Р.Х., что соответствует времени

появления здесь первых людей, пришедших вслед за отступившим Валдайским ледником. Закрепившись на новых землях, люди обустроивали свой быт, в котором немалое место было отведено религии. Для ее нужд использовали изготовленные, в частности, из камня крестообразные человекоподобные фигуры, которые устанавливались в определенных и важных для жизнедеятельности человека местах, где им и поклонялись. Так появились каменные изваяния при дорогах и вдоль рек. Следует отметить, что такие же каменные человекоподобные фигуры устанавливались и на древних родовых капищах (археологи иногда ошибочно относят их к городищам-убежищам), которые использовались исключительно для отправления языческих религиозных обрядов, а более всего – для собраний (*скопщицей*) сородичей, для вершения суда и решения прочих насущных проблем. Обычай проводить выездные суды на нейтральной территории, вне селений, сохранялся до позднего средневековья, а решения суда, как и сами суды, долго еще называли *копными*. Памятники такого типа в довольно хорошей сохранности нередко еще можно встретить на Полотчине. Наш же крестообразный камень-человек, оберегая и направляя путников, много тысячелетий так и стоял у перекрестка двух важных дорог.

В таком языческом облике просуществовал он до прихода в нашу землю Христианства, когда, в скорости, и был освящен. Однако прежде с него были убраны, сбиты, невозстановимые теперь барельефные изображения, часто наносимые на такие предметы в языческие времена. Следы этой обработки явственно просматриваются до сих пор. В верхней его части был дополнительно выбит небольшой православный крест на круглой Голгофе. Изучив формы и способы изображений голгофы и креста и проведя возможный сравнительный анализ с исторически традиционными изображениями древних православных крестов, стало возможным отнести время его появления к X ст. от Р.Х.

В новом обличье – как христианский поклонный – старый каменный крест просуществовал еще несколько столетий, вплоть до XVII века, когда, после нанесения определенного содержания надписи, перешел (пользуясь современной научной классификацией) уже в ряд памятных. Текст сам по себе представляет немалый интерес для науки как образец средневековой монументальной эпиграфики, однако он не менее любопытен и по своему содержанию, которое гласит: “ВО ИМЯ И ОТЦА И СЫНА И СВЕТАГО ДУХА АМИНЬ СИЯ ПАМЕТЬ ПОСТАВЛЕНА ПО РАБЕ БОЖЕЙ АКСИНИИ ИЛИ ПО МУЖУ РКОУЧИ БУДНИКОВНА П[РЕ]СТАВИЛАСЯ РОКУ #АХН# (1650) А ПОСТАВИЛЬ СЫНЬ ПО МАТЦЕ РОМАН БУДНИКОВИЧ У РОКУ #АХНА# (1651)”. Из прочитанного следует, что крест был использован для нанесения надписи в память о человеке, конкретно – о матери. Такие надписи, с использованием для них древних (ничейных) крестов, особо характерны для позднего средневековья, и делались они, как правило, в память о людях, пропавших без вести в своем краю или сгинувших на чужбине. Ко всему следует еще добавить немаловажные для нас сведения, полученные из документов, найденных исследовательницей собственного родословия Г. Гайдук. В подтверждение своего происхождения из старинного – Полоцкой земли – дворянского рода Малаховских, она приводит несколько разновременных записей земского суда Полоцкого воеводства, в которых немало места занимают дела о земельных тяжбах этого рода. Среди их владений, таких как Янковщизна, Поговщизна и соседнего с ними имения Нача, в промежутке между 1661-м и 1771-м годами всегда упоминаются земли закладного им. Будникова, несомненно же на то время связанного с известными нам именами Аксиинии и Романа Будниковичей. Неясно пока где точно находилось это имение, но, вероятно, именно на стоящем в его земле древнем кресте и была сделана памятная надпись.

Каких-либо свидетельств упоминания в этих местах Будниковичей после 1651-го года пока не найдено. Скорее всего они покинули этот край, переселившись в Можайск и Витебск, где и упоминаются уже как наследники Витебского мещанина Андрея Будникова, основавшие в 1790 году кафельный завод на Взгорье. Так что не исключено, что и теперь где-то на Витебщине живут потомки тех Будниковичей, известных в наших краях не позднее как с XVI столетия.

Так мы стали очевидцами редчайшего случая, когда по прямым и косвенным свидетельствам стало возможным восстановление многотысячелетней истории одного из древнейших каменных памятников Полотчины, судьба которого, на всем протяжении его существования тесно переплелась с судьбами многих поколений людей. Но полное восстановление этой истории стало возможным только после прочтения текста, выбитого на кресте, который из-за крупнозернистой структуры гранитного камня казался почти нечитаемым. Понадобилось почти два месяца упорного совместного труда с историками и специалистами по эпиграфике Игорем Залиловым и Львом Данько, благодаря чему завершилась работа начатая в свое время П. Кеппеном и К. Говорским и приоткрылась еще одна тайна Полоцкой земли.

Дзянісава А.Р.

ДАКУМЕНТАЛЬНЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПРАВАСЛАЎНЫХ МАНАСТЫРОЎ ТУРАВА-ПІНСКАЙ ЕПАРХІІ Ё XI–XVII стст.

Па гісторыі праваслаўнай царквы і манастыроў Турава-Пінскай епархіі захаваліся разнастайныя дакументальныя крыніцы. Да гэтага комплексу належаць *заканадаўчыя акты*, якія даюць магчымасць вызначыць правы статус праваслаўнай царквы і яе вернікаў. Сярод іх: агульназемскія прывілеі канца XIV–XVI стст.; Статуты Вялікага княства Літоўскага 1529, 1566, 1588 гг.; пастановы (канстытуцыі) соймаў Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай XVI–XVII стст.

Асобны від дакументальных крыніц складаюць *гістарычныя акты*, якія падзяляюцца на *публічна-прававыя* і *прыватна-прававыя*. Да першай катэгорыі адносяцца *царкоўныя статуты* («уставы»). Вядомы статуты князёў Уладзіміра (980–1015) і Яраслава (1019–1054), якія вызначалі прававое становішча і юрысдыкцыю праваслаўнай царквы на ўсходнеславянскіх землях.

Публічна-прававыя акты ўключаюць даравальныя і пацвярдзальныя граматы вялікіх князёў літоўскіх царкве і духавенству на землі, нерухомаму маёмасць, імунітэтных правы, духоўныя пасады («хлябы духоўныя»). Прывілеі 1499, 1511 гг. зацвярджалі асноўныя правы царквы і яе ўзаемаадносіны са свецкай уладай. Сярод актаў, якія тычыліся манастыроў, можна выдзеліць наступныя: граматы аб заснаванні манастыроў, аб прызначэнні на пасады архімандрыта, ігумена ці ігуменні, аб захаванні і наданні маёмасці [3, с. 252–253; 4, с. 93–94].

Прыватна-прававыя акты і граматы выдаваліся заснавальнікамі манастыроў або асобамі, якія апекавалі той ці іншы манастыр. Гэта фондушавыя дакументы, маёмасныя акты, граматы, якія зацвярджалі на пасадзе настаяцеляў і вызначалі правілы манастырскіх статутаў [13, с. 216–220, 270–275, 293–294].

Актавыя матэрыялы ўключаюць *дакументы царкоўных інстанцый*. У гэтую групу ўваходзяць акты царкоўных сабораў, якія рэгламентавалі рознабаковую дзейнасць Кіеўскай мітраполіі [1, 12]. Саборныя рашэнні вызначалі статус манастыроў, правілы манастырскай дысцыпліны, маёмасныя і падаткавыя пытанні.

Царкоўныя адносіны рэгуляваліся Кормчымі кнігамі. У канцы XIII ст. яны дапаўняюцца амаль 40 новымі артыкуламі, сярод якіх манаскія статуты і правілы, аскетычна-містычныя, гістарычныя і біяграфічныя творы. Найбольш распаўсюджанымі на тэрыторыі Беларусі былі спісы Сербскай і Рускай рэдакцыі Кормчых [6].

Вызначыць арганізацыю манаскага жыцця дапамагаюць манастырскія статуты (тыпіконы). Функцыі тыпіконаў выконвалі статутавыя і духоўныя граматы, запаветы, павучанні патрыярхаў, мітрапалітаў, епіскапаў і ігуменаў. З’яўленне ўласных манастырскіх статутаў адносяць да больш позняга часу. Інвентарныя вопісы манастыроў Турава-Пінскай епархіі канца XV–XVII ст. называюць «Уставы» сярод іншых кніг [2; 5, с. 251]. Узорам манастырскага статута, які захаваны да нашых дзён, з’яўляецца тыпікон Супрасльскага Дабравешчанскага манастыра, зацверджаны мітрапалітам Іосіфам у 1510 г. [7, с. 11–40].

Звесткі па царкоўнай гісторыі ўтрымліваюцца ў *дакументах бягучага справаводства*. Матэрыялы Метрыкі Вялікага княства Літоўскага ўключаюць копіі даравальных, пацвярджальных грамат вялікіх князёў літоўскіх і каралёў польскіх аб недатыкальнасці правоў царквы, аб прызначэннях на пасады, аб маёмасці і ільготах духоўным установам.

Частка крыніц азначанага віду – гэта данясенні, рапарты, ведамасці XIX ст. Так, у 1800 г. на аснове данясенняў настаяцеляў у Мінскую духоўную кансісторыю былі складзены «Исторические описания...» манастыроў Мінскай і Літоўскай епархій, дзе распавядалася аб часе заснавання, фундатарах, будынках, маёмасці духоўных устаноў [8].

Гаспадарчая дзейнасць і маёмаснае становішча праваслаўнай царквы і манастыроў прадстаўлены *матэрыяламі статыстычнага характару*. Да гэтага віду належаць кнігі рэвізій, пісцовыя кнігі, інвентары, люстрацыі, вопісы, сумарыюшы. Стан гаспадаркі вялікага князя вызначаўся ў «Ревизии пуцц и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском...», складзенай у 1559 г. старастам Р.Б. Валовічам [11]. Да тэксту «Ревизии» былі далучаны прывілеі і граматы, дадзеныя шляхце і духавенству Пінскага павета. Сярод іх шэраг даравальных грамат і запісаў прызначаўся Лешчанскаму манастыру ў Пінску.

Даныя аб маёмасным становішчы праваслаўнага духавенства размешчаны ў пісцовых кнігах Пінскага княства і староства, складзеныя старастамі Л. Войнай і С. Хвальчэўскім у XVI ст. [9, 10]. У кнігах зафіксаваны аграрныя мерапрыемствы, праведзеныя каралевай Бонай Сфорцай і яе сынам Жыгімонтам Аўгустам у сваіх уладаннях. Землі пінскага праваслаўнага духавенства, у тым ліку Лешчанскага і Варварынскага манастыроў, трапілі пад аграрную рэформу. Пісцовыя кнігі пералічвалі аперацыі па абмену зямлі, вызначалі зямельную уласнасць манастырскіх настаяцеляў і мяшчан.

Дакладныя звесткі аб маёмасці манастыроў утрымліваюць інвентары. Асноўнай мэтай інвентарных апісанняў быў улік уласнасці, расходаў і прыбыткаў, а таксама вызначэнне рэнты, якая збіралася з залежнага насельніцтва. Інвентары маглі складацца з нагоды змены манастырскага настаяцеля, пры патрабаванні апекуна. Так, гаспадарчы вопіс Лешчанскага манастыра 1588 г. апісвае манастырскі комплекс, храмы і іх убранне, жылыя і гаспадарчыя будынкi, пералічвае лешчанскія ўгоддзі і павіннасці, якія выконвалі сяляне на карысць духоўнай установы [5, с. 226–253].

Да дакументальных крыніц адносяцца царкоўныя Сінодзікі – спісы асоб для памінання «за спачын душы». Сінодзікі таксама называліся Памяннікамі (запісы памерлых дзеля памяці) і Суботнікі (памінаўне «за спачын душы» ў пэўныя дні, часцей па суботах). У гэтыя спісы ўносіліся імёны вышэйшага духавенства, манастырскіх настаяцеляў і манахаў, роды вялікіх князёў, магнатаў і шляхты [14]. Часам імёны заносіліся ў Памяннікі на працягу стагоддзяў.

Прааналізаваныя крыніцы раскрываюць разнастайныя аспекты жыццядзейнасці манастыроў Турава-Пінскай епархіі ў XI–XVII стст. Галоўнымі праблемамі ў працы з дакументамі па манастырскай гісторыі з’яўляюцца іх захаванасць і нераўнамернае размеркаванне ў часе. Чым далей у старажытнасць, тым іх менш па агульнай колькасці і структурнаму складу. Таму існуе неабходнасць выкарыстання больш позніх актаў, так як у іх часта ёсць прамыя або ўскосныя даныя па ранняй гісторыі манастыроў.

1. Акты, издаваемые Виленск. Комиссией для разбора древних актов: в 39 т. – Т.33: Акты, относящиеся к истории Западно-русской церкви. – 1908. – 612 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссией: в 5 т. – Т. 1: 1340–1506. – 1846. – 419 с.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссией: в 5 т. – Т. 3: 1544–1587. – 1848. – 356 с.
4. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссией: в 5 т. – Т. 4: 1588–1632. – 1851. – 582 с.
5. Довгялло, Д.И. Пинский Лещинский монастырь в 1588 г. // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – №10. – С. 226–253.
6. Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований / сост. В.Н. Бенешевич. – Т. 1. – Вып. 1. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии Наук, 1906. – С. 1–228.

7. Жоховский, митрополит. Супрасльская типография и её издания. – Б. м., 1867. – 40 с.
8. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 136. – Воп.1. – Спр. 1311. Гістарычныя апісанні манастыроў Мінскай епархіі 1800 г.
9. Писцовая книга бывшего Пинского староства. – Вильна: тип. А.И. Зака, 1874. – Ч.1. – X, 421 с.
10. Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств. – Вильна: Виленская археографическая комиссия, 1884. – XXXII, 714 с.
11. Ревизия пуш и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском. – Вильна: Изд. Вилен. Археогр. комис., 1867. – 381 с.
12. Русская историческая библиотека: в 33 т. – Т. 4. – Санкт-Петербург: Тип. А. Траншея, 1878.– 1447, 235, 26 с.
13. Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметом – Минск: Губ. тип., 1848. – 450 с.
14. Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. F 21-799. – Слуцкі Памяннік. Рукапіс. 1517 г.

Жарын Дз.В.

РУСКА-ЛІВОНСКІЯ АКТЫ, САБРАНІЯ К.Е. НАПЬЕРСКІМ У ХІХ СТАГОДДЗІ, ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ГАНДЛЕВЫХ ЗНОСІН ГАН- ЗЫ З БЕЛАРУСКІМІ ГАРАДАМІ Ў СЯРЭДНІЯ ВЯКІ

Для спецыялістаў, якія займаюцца даследваннем гісторыі міжнародных эканамічных адносін і развіццём гандлю у сярэднія вякі, безумоўна, вялікі інтарэс павінны выклікаць так званыя “руска-лівонскія акты”, сабраныя К.Е. Напьерскім у ХІХ стагоддзі. Можна сцвярджаць, што пад агульнай назвай руска-лівонскіх актаў фігуруе вялізарны комплекс сярэднявечных дакументаў, што тычуцца абшару Паўночнай і Усходняй Еўропы і даволі вялікага рэгіёна, прылеглага да Балтыйскага мора.

У 1829 годзе К.Е. Напьерскі атрымаў пасаду дырэктара вучылішч у Рызе і таму меў магчымасць працаваць са старажытнымі пісьмовымі помнікамі, якія захоўваліся ў архіве Рыжскага магістрата (Унутраны і Знешні архівы). Некаторыя дакументы ён вывучаў па копіях з Кенігсбергскага архіва, што знаходзіліся у мясцовым дваранскім архіве. Такім чынам ён назбіраў больш за 200 крыніц па дзейнасці Ганзейскага саюза і нямецкіх купцоў у Лівоніі, ва Усходняй і Паўночнай Еўропе. Дадзеныя дакументы ахопліваюць даволі працяглы перыяд з канца ХІІ да пачатку ХVІІ стагоддзя. Беларускіх гісторыкаў, у першую чаргу, могуць зацікавіць дакументы, у якіх змешчана інфармацыя пра стасункі Ганзы з гарадамі Полацкага і Смаленскага княстваў, а з сярэдзіны ХІІІ стагоддзя, – і Вялікага княства Літоўскага.

Упершыню дакументы, сабраныя Напьерскім, напісаныя на старарускай і старабеларускай мовах былі надрукаваны ў 1857 годзе [1]. Гэта публікацыя змяшчала 11 дакументаў, але, што вельмі важна, ўтрымлівала літаграфічныя здымкі большасці з іх. Памяненныя дакументы тычыліся зносін нямецкіх купцоў з Полацкам, Смаленскам і Ноўгарадам. Найбольшую цікавасць для беларускіх гісторыкаў тут можа выклікаць гандлевы дагавор паміж Полацкам і Рыгай, заключаны каля 1330 года [1, VII]. Аднак асноўным вынікам шматгадовай працы Карла Напьерскага ў Рызе было выданне “Сборніка руска-лівонскіх актаў”, які пабачыў свет у 1868 годзе [2]. Гэты зборнік быў выдадзены Археаграфічнай камісіяй у Санкт-Пецярбургу. Наколькі было магчыма, знойдзеныя дакументы Напьерскі размесціў у зборніку ў храналагічным парадку, забяспечыў большасць з іх кароткімі гістарычнымі каментарыямі і апісаннем прыкмет рукапісаў. Зборнік быў выдадзены на нямецкай мове, але назва зборніка і прамова да яго былі напісаны на двух мовах – рускай і нямецкай. Акты, тэксты якіх былі ўжо надрукаваны дагэтуль і добра вядомы, Напьерскі падаў рэгестамі.

У дадзеным зборніку свае адлюстраванне знайшлі больш за 200 дакументаў на сярэднявечнай нямецкай, лацінскай, старарускай і старабеларускай мовах. Самая вялікая колькасць дакументаў (167) была надрукавана на сярэднявечнай нямецкай мове. Як слушна заўважыў вядомы беларускі гісторык А. Дзярновіч: “Выяўляюцца наступныя заканамернасці выкарыстання моваў – пасланні Вялікіх князеў Літоўскіх у ХІV–ХV ст. пісаліся на сярэднянямецкім; ніжнянямецкі дыялект быў сродкам зносінаў Рыжскага магістрата з іншымі ўстановамі Лівоніі, Ганзы, а таксама з нямецкімі купцамі ў Полацку,

Віцебску, Ноўгарадзе, Пскове і г.д.” [3, с. 15]. Такім чынам большасць дакументаў, што ўвайшлі ў зборнік К.Е. Нап’ерскага, былі напісаны на ніжнянемецкім дыялекце.

Усе дакументы умоўна былі падзелены на 7 катэгорый, пра што сведчыць так званы “Перечень актовъ” у канцы зборніка. Падзел адбыўся па геаграфічнаму прынцыпу, гэтак значыць да якіх тэрыторый адносіліся тыя ці іншыя акты: 1) Акты, якія адносяцца да Ноўгарада (з 1197-1199 г. па 1521 год); 2) Акты, якія адносяцца да Пскова (з 1269 па 1550 год); 3) Акты, якія адносяцца да Смаленска (з 1229 па 1400 год); 4) Акты, якія адносяцца да Віцебска (з 1229 па 1338 год); 5) Акты, якія адносяцца да Полацка (з 1229 па 1553 год); 6) Акты, якія адносяцца да Вялікага княства Літоўскага (з 1253 па 1553 год); 7) Акты, якія адносяцца да Вялікага княства Маскоўскага і да Расіі ўвогуле (з 1470 па 1603 год).

Безумоўна гэты падзел быў у нейкім сэнсе штучны, бо напрыклад, пасля таго як Полацк і Віцебск увайшлі ў склад Вялікага княства Літоўскага, перапіска Рыгі і Ганзы з гэтымі гарадамі пачала аўтаматычна тычыцца і Вялікага княства Літоўскага як агульнай дзяржавы. Вялікія князі літоўскія ў такім выпадку выступалі гарантамі міжнародных і, перад усім, – гандлевых стасункаў.

Зборнік К.Е. Нап’ерскага вельмі карысны для даследвання гісторыі гандлевых зносін Ганзы з беларускімі гарадамі ў сярэдня вякі нават для тых даследчыкаў, якія не ведаюць сучаснай і тым больш сярэднявечнай нямецкай мовы. Каля 49 дакументаў зборніка надрукаваны на старарускай і старабеларускай мовах. Сярод іх у дадатку да зборніка змешчаны 6 спісаў дагавора Смаленскага, Віцебскага і Полацкага княстваў з Рыгай і Гоцкім берагам 1229 года, вядомага таксама ў гістарыяграфіі пад назвай “Смаленская гандлевая праўда”. Гэты дагавор з’яўляецца адным з першых пісьмовых помнікаў гандлевага права на беларускіх землях. У дагаворы 1229 года геаграфічна і палітычна вызначалася прастора, у межах якой дзейнічалі агульныя правілы для нямецкіх гандляроў, дзе яны мелі свабоду гандлю і іншыя прывілеі [4, с. 104]. Таму гэты дакумент выклікае цікавасць не толькі ў гісторыкаў, але і ў спецыялістаў-правазнаўцаў, якія займаюцца пытаннямі развіцця як нацыянальнага, так і міжнароднага права ў старажытнасці.

Іншымі цікавымі дакументамі па гісторыі стасункаў Рыгі і Ганзы з беларускімі гарадамі, змешчанымі ў зборніку руска-лівонскіх актаў і напісанымі на старабеларускай мове з’яўляюцца граматы князей Полацка і Віцебска да Рыжскага магістрата і нямецкіх купцоў. З другой паловы XIII стагоддзя ў перапіску з Рыгай пачалі ўключацца князі Вялікага княства Літоўскага. Напрыклад, у зборніку К.Е. Нап’ерскага пададзена грамата князя Гердзена да рыжскіх ратманаў і Ордэна, дзе вялася гаворка пра ўсталяванне межаў і свабоду гандлю. “Верху того, Немечькому гостю в Полочскую волно ехати торговати, купити и продати. Также Полочаномъ и Видиблянину волно гостити в Ригу и на Готьскы берегъ” [2, с. 13]. Асабліва інтэнсіўна вялася міжнародная перапіска і заключаліся гандлевыя дагаворы з Ганзай і Ордэнам пры вялікіх князях Міндоўге і Вітаўце. У зборніку змешчана грамата Вітаўта 1399 года, якую ен даў “буркгимистру Рзискому Никъбруге и всемъ Немцемъ и купцемъ Ризькимъ” на свабодны гандаль у Полацку [1, с. 94]. Асабліва змястоўная перапіска і гандлевыя дамовы былі напачатку XV стагоддзя. Тут трэба ўгадаць мірнае і гандлевае пагадненне 1405 года палачан (пад патранажам Вітаўта) з лівонцамі – вялікім магістрам і рыцарамі, Рыжскім магістратам і купцамі [2, с. 120], дагавор 1406 года паміж Полацкам і Рыгай, яго ратыфікацыю ў 1407 годзе і інш. У зборніку можна знайсці таксама шэраг цікавых дакументаў, што тычыліся зносін ганзейскага горада Рыгі і Полацка ў XV – перш. палове XVI стагоддзя. Напрыклад, лісты 1465 года “от мещанъ Полоцкихъ и отъ всего посполства Полоцкого места” і “отъ пана Олехнова, наместника Полоцкого Михала, и от мещанъ Полоцкихъ и отъ всего посполства Полоцкого места” да Рыгі з паведамленнем пра тое, што эпідэмія нейкага цяжкага захворвання ў іх горадзе ўжо прайшла, і можна свабодна весці гандаль [2, с. 203-204].

Апошні дакумент Рыгі і Полацка ў зборніку датуецца 1553 годам, калі “бурмістры і рядцы места Полоцкаго” звярталіся да Рыжскага магістрата за дапамогай з нагоды затрымання полацкіх купцоў комтурам Дзюнабурга [2, с. 380].

Вельмі карыснымі для гісторыкаў з’яўляюцца дакументы, што пададзены у зборніку на ніжнянямецкім дыялекце сярэднявечнай нямецкай мовы. Сярод іх найбольшую цікавасць можа выклікаць напрыклад ліст-скарга эльтэрмана і абшчыны нямецкіх купцоў у Полацку да Рыжскага магістрата ў 1400 годзе з паведамленнем пра тое, што вялікі князь Вітаўт чыніць у адносінах да нямецкіх купцоў усялякія перашкоды у гандлі за тое, што яму было адмоўлена ў крэдыце на набыцце тканінаў [2, с. 105]. Таксама вельмі цікавым дакументам з’яўляюцца законы для абшчыны нямецкіх купцоў у Полацку, дадзеныя Рыжскім магістратам 29 верасня 1393 года. Згодна з гэтымі законамі і рэкамендацыямі нямецкім купцам, знаходзячымся ў Полацку “de dudesschen Coplude de in des sormanen recht to ploscowe wesende”, катэгарычна забаранялася набыць някасныя тавары, асабліва футра і воск [2, с. 89-90].

З канца XIV – пачатку XV стагоддзя пачаў інтэнсіўна развівацца гандаль і на ўласна літоўскіх землях Вялікага княства Літоўскага. Адсюль тавары праз Усходнюю Пруссію і іншыя землі Ордэна траплялі ў ганзейскія гарады ўзбярэжжа Балтыйскага мора, а адтуль – на рынкі Заходняй Еўропы. У зборніку К.Е. Нап’ерскага на сярэднявечнай нямецкай мове змяшчаецца шэраг дакументаў, што тычыліся і гэтага напрамку гандлю. Сярод іх можна ўзгадаць прывілей Вялікага магістра Нямецкага Ордэна ў Прусіі 1415 года, дзе ён даваў дазвол купцам вялікага князя Вітаўта весці свабодны гандаль у землях Прусіі і бесперашкодна рухацца з іх таварамі па водах Немана і Віслы. Застаюцца цікавымі для даследчыкаў і дакументы на нямецкай мове з XV стагоддзя, што тычыліся традыцыйнага напрамку гандлю па Заходняй Дзвіне на Рыгу. Кожны вялікі князь літоўскі падцвярджаў ранейшыя гандлевыя дагаворы з Рыгай і Ганзай. Асабліва часта падцвярджалі дагавор Вітаўта 1406 года. Таму цікава чытаць у зборніку К.Е. Нап’ерскага падцверджанні гэтага дагавора, дадзеныя ў 1439 годзе вялікім князем Жыгімонтам і ў 1447 годзе вялікім князем Казімірам. Трэба адзначыць, што руска-ліўонскія акты змяшчаюць даволі цікавы матэрыял не толькі па гісторыі стасункаў Ганзы з беларускімі гарадамі ў сярэднія вякі, але і з Ноўгарадам, Псковам, Смаленскам. Таксама змястоўны матэрыял у зборніку можна знайсці па гісторыі Маскоўскага княства, асабліва XVI стагоддзя.

У XX стагоддзі руска-ліўонскімі актамі, сабранымі К.Е. Нап’ерскім, шырока карысталася вядомы гісторык і даследчыца сярэдніх вякоў Г.Л. Харашкевіч [5]. У каментарыях да большасці выдадзеных полацкіх грамат яна давала спасылкі на публікацыі К.Е. Нап’ерскага XIX стагоддзя.

Для сучасных гісторыкаў зборнік руска-ліўонскіх актаў Карла Нап’ерскага магчыма замовіць у Мінску ў чытальнай зале рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы імя Якуба Коласа Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Стан захавання зборніка – выдатны. Таксама зборнік К.Е. Нап’ерскага магчыма замовіць у Нацыянальнай бібліятэцы Беларусі. Акрамя друкаванага экзэмпляру тут яго магчыма прагледзіць у электронным выглядзе ў “Дэпазітарыі электронных дакументаў”, дзе ён захоўваецца ў pdf-фармаце [6].

Відавочна, што Нап’ерскі не ставіў сабе за мэту зрабіць трапныя копіі з арыгінальных дакументаў, захоўваючы адметнасці стылю і пісьма, напісання літар, правесці іх разгорнуты палеаграфічны, ці філалагічны аналіз. Галоўнае, на што пры друку звяртаў увагу даследчык, – гэта змест дакументаў і абставіны, што выклікалі іх з’яўленне. Руска-ліўонскія акты, сабраныя К.Е. Нап’ерскім у XIX стагоддзі, дагэтуль з’яўляюцца найкаштоўнейшай крыніцай па гісторыі дзейнасці Ганзы як у беларускіх гарадах, так і ўвогуле ў Паўночнай і Усходняй Еўропе. Дакументы зборніка падцвярджаюць непасрэднае дачыненне беларускіх зямель да агульнаеўрапейскіх традыцый развіцця ў старажытнасці, даюць падставы лічыць сучасную Беларусь сапраўды

еўрапейскай краінай з багатай і цікавай гісторыяй. Вельмі пажадана, каб беларускія даследчыкі ў сваіх пошуках звярнуліся да крыніц па гісторыі нашага далекага мінулага, знойдзенных у XIX стагоддзі славытым вучоным К.Е. Напьерскім.

1. Грамоты, касаючыся до сношений Северо-Западной России с Ригой и Ганзейскими городами в XII, XIII, XIV веках. Найдены в Рижском архиве К.Е. Напьерским. Изданы археографическою комиссиею. / К.Е. Напьерский. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1857. – 22 с. с 8 литогр. снимками.
2. Напьерский, К.Е. Русско-Ливонские акты. Изданы Археографическою комиссиею. / К.Е. Напьерский. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1868. – 462 с.
3. Віцебска-Рыжскія акты XIII – XVII ст.: Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплекса Ruthenica Дзяржаўнага Гістарычнага Архіва Латвіі). Выпуск I: Дакументы гаспадарча-гандлёвыя, XV – XVI ст. / Падрыхтаваў Алег Дзярновіч; НАН Беларусі, Інстытут гісторыі. – Мн.: ATHENAEUM, 2005. – 88 с. (Athenaeum, Том XI)
4. Жарын Д.В. Развіццё гандлёвага права на беларускіх землях у XIII стагоддзі // Праблемы гісторыі дзяржавы і права Беларусі: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння І.А. Юхо. Мінск, 18-19 сак. 2011 г. / рэдкал.: С.А. Балашэнка (адк. Рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2011. – 199 с.
5. Хорошкевич А.Л. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI вв. Вып. I – VI. / А.Л. Хорошкевич. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1977 – 1989.
6. Русско-ливонские акты = Russisch-Livländische Urkunden / собранные К.Е. Напьерским. – Санкт-Петербург: изданы Археографической комиссией, 1868. – XXIII, 462 с.
http://content.nlb.by/content/dav/nlb/DDC/DED/9/4/_2011/ba29120k/pdf/ba29120.pdf

Егоров А.М.

ПРАВОВЫЕ АКТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIV–XV ВВ.

Расцвет независимости средневекового Пскова в XIV-XV вв.и его активные контакты с соседними землями нашли свое отражение в правовых актах этой городской республики, которые являются ценным источником по истории ее международных отношений. Многие достижения псковской юстиции в этой области позднее были адаптированы к правоприменительной практике Русского централизованного государства [4, с. 80-81]. Концентрированным выражением юридического опыта граждан торгового города-государства и его пригородов стала Псковская судная грамота (1467), положения которой оказали заметное влияние на содержание первого общероссийского Судебника 1497 года.

Псковское законодательство было генетически связано с древнерусскими источниками права (в частности, с Русской правдой), но по сравнению с ними сделало серьезный шаг вперед. Дополнительными факторами, стимулировавшими укрепление законности в Пскове, являлись постоянная военная угроза со стороны Ливонского ордена, периодически возникавшие конфликты с Великим княжеством Литовским и экономическая конкуренция с Великим Новгородом. Не случайно именно Псковская судная грамота впервые на Руси начала фиксировать преступления не только против отдельных лиц, но и государственную измену [8, с. 332]. Вместе с тем, большое место в Псковской судной грамоте занимают нормы частного права, являющиеся неоспоримым свидетельством значительного развития в Пскове товарно-денежных отношений.

Наконец, особое внимание в средневековом Пскове уделялось упорядочению судебного процесса и повышению значения местной юстиции в сфере регулирования публичных и частных отношений с иностранным элементом, что также диктовалось торговыми и хозяйственными интересами псковичей, которые чрезвычайно рано приобрели трансграничный характер. Несмотря на сложную пограничную обстановку, псковичи вели активную торговлю в прилегающем к Балтийскому морю регионе и на территории современной Беларуси. Поэтому традиционным пунктом мирных договоров Пскова с соседями в XIV-XV вв. оставалось требование свободного пути для своих людей «горой и водой».

Самым серьезным торговым контрагентом Пскова являлась Ганза – мощный купеческий союз Балтики и Северного моря, в котором доминировали немецкие города. Основным перевалочным пунктом и политическим главой этого объединения был Любек, где собирались общеганзейские съезды [1, с. 131].

Многие ливонские города также входили в это сообщество и выступали как посредники в торговле Ганзы с Русью. Ганзейские города Ливонии были связаны не только общими экономическими интересами, но и унифицированной системой так называемого «любекского» права. В частности, магистрат северогерманского города Любека выступал в качестве высшей апелляционной инстанции по гражданским делам для таллинцев. В свою очередь, таллинский магистрат являлся низшей апелляционной инстанцией для Раквере и Нарвы, которые приняли любекское право при его посредничестве [5, с. 79].

Детальный анализ русско-ливонских отношений, осуществленный благодаря таким исследователям как Н.А. Казакова, выявил постоянный дуализм во взаимоотношениях средневекового Пскова с его западными соседями. С одной стороны этот дуализм выражался в стремлении Пскова к развитию мирных экономических отношений с городами Ливонии, а с другой – в попытках Ливонского ордена осуществлять военную экспансию против пограничных русских земель [6, с. 27].

При этом немецкое купечество продвигало свои торговые интересы на северо-западе Руси, прикрываясь вооруженными силами духовно-рыцарских орденов, что обуславливало постоянную мобилизационную готовность Псковской республики в военном плане. Возникшая с самого начала немецкой колонизации Прибалтики военная угроза наложила неизгладимый отпечаток на формирование всей жизнедеятельности средневекового Пскова [9].

Псковичи старались лавировать между отдельными членами ливонской конфедерации и ганзейского союза, пытаясь использовать их противоречия в своих интересах. Когда в 1407 году, например, ганзейские города, особенно Тарту, требовали от Таллина ареста находившихся в городе русских, тот отказался, что гарантировало последним относительно спокойный торговый сезон [5, с. 112]. Иногда представители Пскова и Новгорода присутствовали на ганзейских собраниях в качестве наблюдателей. Так, в 1402 году они принимали участие в съезде ливонских городов, состоявшемся в Тарту, на котором стороны обменялись взаимными претензиями [5, с. 111].

Однако возникавшие противоречия не всегда удавалось разрешить дипломатическими методами. Например, в 1478 году в Риге задержали псковских купцов, и для их освобождения пришлось отправлять к ливонскому магистру специальное посольство. В результате переговоров «гости» были отпущены, но понесли значительный материальный урон, так как немцы отказались вернуть их товары. В подобных случаях действия сторон исходили из принципа взаимности. На следующий год псковская летопись сообщает, что «ходиша псковичи мстить в Немецкую землю, и приведоша немец во Псков и полна много добыша» [7, с. 76]. Обычно после взаимного обмена подобного рода «любезностями» стороны начинали поиск компромисса. Однако до его достижения частные лица, застигнутые войной на враждебной территории оказывались в бесправном положении. Так, в связи с описанным выше походом летопись отмечает, что «в то время наш гость псковской в Юрьеве пол 50 мужь, и гостя псковскаго всадиша в погреб, и послаше посла своего в Юрьев, а немец всадиша в погреб в охабни» [7, с. 76]. Иначе говоря, в ответ на задержание своих граждан псковские власти брали в заложники иностранных подданных. После ареста их держали в специальных камерах, находившихся внутри крепостной стены Псковского кремля (в той его части, которая примыкала к въездным воротам и образовывала узкий коридор – «захаб»).

В период недолгих перемирий коммерческие операции с иностранным элементом осложнялись проблемами чисто юридического свойства. Их причиной была конкуренция между правовыми системами Пскова и его соседей, претендовавших на участие в урегулировании одних и тех же споров. После пересечения границы и возвращения домой иностранные гости Пскова становились практически недостижимыми для его правосудия. Это настраивало некоторых из них на безответственное отношение к своим русским партнерам.

Подобная практика, конечно, была неприемлема для псковской торговой республики, которая всегда заботилась о своей деловой репутации в регионе и желала аналогичного поведения со стороны соседей. Память о щепетильности псковичей при заключении коммерческих договоров сохранялась достаточно долго, что нашло отражение в записках имперского посла барона Герберштейна, составленных уже после присоединения Пскова к Москве в XVI веке: «Именно псковитяне при всяких сделках отличались такой честностью, искренностью и простодушием, что, не прибегая к какому бы то ни было многословию для обмана покупателя, говорили одно только слово, называя сам товар» [2, с. 239].

Исполнение частных обязательств с участием иностранцев обеспечивалось на основе принципа круговой поруки среди их оставшихся в Пскове соотечественников, которые могли ответить за вину своих коллег собственным имуществом. Так, в переписке Пскова с Ригой еще в начале XIV века встречается требование выдать должника Нездильца поручившемуся за него псковичу Ивану Голову. Послание завершается недвусмысленной угрозой взыскать долг с немецких купцов: «Или не выдадите Нездильца поручнику, то мы исправим в Пльскове на вашей братии, а вам поведаем» [3, с. 318]. Справедливости ради следует отметить, что аналогичная тактика практиковалась и по другую сторону псковско-ливонского рубежа.

За обиды, нанесенные псковским «гостям» на чужбине, приезжие иностранцы могли понести не только материальную, но и личную ответственность. В 1436 году, например, в подземельях псковского «захаба» оказались сразу 24 немецких купца, что стало политическим ответом вечевой республики на ограбление ее граждан в Ливонии. Конечно, чрезвычайные меры такого рода (как и вызывавшие их причины) не способствовали повышению взаимного доверия, поэтому в международных соглашениях Псков последовательно проводил идею выдачи преступников, должников и зависимых людей.

Одновременно предпринимались попытки определить пределы юрисдикции в отношении частных лиц. В договоре 1440 года между великим князем литовским Казимиром и Псковом подтверждалось, что тяжбы с участием псковичей в ВКЛ должны рассматриваться на основе княжеского права, в Пскове же аналогичные дела подданных Казимира – как собственно литовцев, так и жителей Полоцка, Витебска, Смоленска – решались по законам вечевой республики.

Но даже наличие договоров не всегда гарантировали взаимопонимание и порядок вдоль юго-западных рубежей Пскова. Об этом свидетельствует псковская грамота 1480 года, адресованная все тому же Казимиру IV. Наряду с жалобой на вероломство «пришедшего на миру» и выжегшего два пригорода ливонского магистра в ней содержалась просьба не задерживать псковских пленников, которые бежали через Литву от немцев, и пожелание королевским воеводам и мещанам не мешать транзитной торговле псковичей с теми же немцами.

Борьба за рынки побуждала граждан Пскова налаживать прямые связи с прибалтийскими городами. Невзирая на все риски и непредсказуемость пограничной обстановки, псковские купцы регулярно посещали Ригу, Колывань (Таллин), Юрьев (Тарту) и Ругодив (Нарву). При некоторых денежных расчетах они обращались к помощи немецкой юстиции. В частности, из переписки 1463-1465 гг. известно, что два псковича давали в Риге деньги в долг «перед судьей, перед Кортом, что на Кеской улице живет» [3, с. 324].

Приезжим псковичам волей-неволей приходилось вникать в тонкости германского права. В связи с этим отдельную проблему представляли не только споры о юрисдикции между Псковом и его соседями, но и юридический партикуляризм правовой системы последних. Возникавшие в том же Таллине гражданско-правовые тяжбы теоретически могли дойти до самого Любека, уголовные дела окончательно решались на месте в соответствии с городским правом, а засевшие на Тоомпеа вассалы Ливонского ордена вообще признавали только ленное и рыцарское право. Корпоративность средневекового права и действие в рамках даже одной территории сразу нескольких правовых подсистем подчас порождали сложные интерлокаль-

ные и интерперсональные коллизии, разрешить которые, особенно при наличии дополнительного иностранного фактора, было крайне нелегко.

Подсудность, насколько можно судить по источникам, обычно определялась из места причинения вреда или возникновения обязательства. Случаи перехвата судебных дел оценивались крайне отрицательно и воспринимались псковичами как подрыв «суверенитета» их города.

В первой половине 1460-х годов острую дискуссию вызвало дело рижанина Иволта, брат которого был убит в Пскове собственным слугой. Несколько принадлежавших покойнику бочек пива и меда забрали за долги псковские кредиторы, остальное имущество и разысканного убийцу передали прибывшему в город Иволту. Но рижанин неожиданно начал отрицать долги своего брата и потребовал от кредиторов вернуть все его имущество. В ответ на предложение псковских властей разобрать спор с этими людьми в судебном порядке он высокомерно заявил: «Язь приехал в Псков не тягаться». Затем Иволт попытался взыскать оставшийся по его мнению долг в Риге, но почему-то с новгородских купцов. Последние, в свою очередь, обратились с жалобой в Псков, власти которого отреагировали следующим образом: «Пусть едет ко Пскову, мы ему суд дадим» [3, с. 323]. Таким образом, не вставая заранее ни на чью сторону, Псковская республика последовательно отстаивала право на собственную юрисдикцию.

В отношении наиболее сложных споров псковичи поощряли своеобразный международный арбитраж. Договоры Пскова с Ливонским орденом не раз упоминают «съезд о прежних обидных делах», который по традиции проводился на реке Нарве. В целом же история средневекового Пскова дает немало примеров прогрессивного международно-правового взаимодействия, которое оказывалось возможным даже в условиях не всегда дружелюбного международного соседства. При этом Псковская вечевая республика последовательно отстаивала право на собственную юрисдикцию, проводя данную политическую линию вплоть до присоединения города к Московскому государству в начале XVI века.

1. Восточная Пруссия. С древнейших времен до конца второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы / В.И. Гальцев, В.С. Исупов, В.И. Кулаков и др. – Калининград: Кн. изд-во, 1996.
2. Герберштейн, Сигизмунд. Московия. М.: АСТ : Астрель, 2007.
3. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
4. Егоров А.М. Средневековая юстиция и иностранцы на северо-западе Руси // Российский исторический иллюстрированный журнал «Родина». 2003. № 12.
5. История Таллина (до 60-х годов XIX века) / Составитель д.и.н. Раймо Пуллат. - Таллин: «Ээсти раамат», 1983.
6. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. – Л.: Изд-во «Наука», 1975.
7. Псковские летописи. (Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 1.) М., 2003.
8. Российское законодательство X-XX веков. Т. I. - М., 1984.
9. Хрусталев Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII-XIII вв. Т. 1-2. – СПб.: Евразия, 2009.

Мартынюк А.В.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В СЕРЕДИНЕ XV в.: ВЗГЛЯД ИЗ ВИЗАНТИИ

Нам уже приходилось писать о значении сообщения византийского историка XV в. Лаоника Халкокондила для изучения генезиса названия «Белая Русь» [3, с. 13–14, 306]. В своем описании Восточной Европы он говорит о «Белой Сарматии» (в которой находится город Новгород) и о «Черной Сарматии» (к ней относятся Москва, Киев, Тверь). Очевидно, что перед нами один из этапов генезиса цветовых обозначений разных регионов Руси, еще не привязанный к территории современной Беларуси. Важно отметить, что по прямому свидетельству Халкокондила «сарматы» (жители Руси) *сами используют* обозначение «Белая Сарматия» и «Черная Сарматия» для названия своих земель. Очевидна некоторая условность сведений Халкокондила (вряд ли в Москве или Киеве именовали свою землю именно *Сарматией*, а не Русью), но они являются важным свидетельством того, что цветовые обозначения имели хождение среди собственно восточнославянского населения.

В рамках данной публикации хотелось бы обратить внимание на сведения, которые Лаоник Халкокондил сообщает о Литве (Великом княжестве Литовском) и которые до сих пор находятся за пределами внимания отечественных историков.

Несколько слов необходимо сказать о том контексте, в котором Халкокондил обращается к Литве. Сочинение Лаоника Халкокондила занимает особое место среди византийских исторических сочинений. Он был современником падения Константинополя в 1453 г. и это не могло не отразиться на его исторических взглядах. В центре внимания Халкокондила, в отличие от его предшественников, находится не только и не столько Византийская империя: одно из центральных мест в произведении занимает история возвышения Османской державы. Автор пытается понять, каким образом пала великая империя и как Константинополь попал в руки турок. Этим можно объяснить пристальное внимание Халкокондила еще к двум регионам, где мир христианства напрямую сталкивался с миром ислама – Пиренейскому полуострову и Восточной Европе. Именно последний фрагмент сочинения Халкокондила (т.н. «Скифский фрагмент» – скифами автор именуется татар) и представляет наибольший интерес для историков Восточной Европы [5 с. 120–128; см. также: 4, с. 29–36].

Общая структура «Скифского фрагмента» выглядит таким образом:

- I. Скифы (татары), их происхождение и образ жизни.
- II. Таврические скифы (крымские татары).
- III. Сарматия (русские земли): ее размеры, города в Белой (Новгород) и Черной Сарматии (Москва, Киев, Тверь), язык, религия и обычаи сарматов.
- IV. Пермьки – северный народ, живущий охотой.
- V. Пруссия и Ливония, сопоставление с рыцарскими орденами в Испании и на Родосе.
- VI. Само́ты (жемайты), их язык, религия и обычаи.
- VII. Богемия, религия богемов.
- VIII. Польша, язык поляков.
- IX. Литва, ее границы, отношения с соседями, язык и обычаи литовцев.
- X. Черная Богдания (Молдавия).
- XI. О языке и происхождении славянских народов.
- XII. Продолжение рассказа о скифах.

Приведенный обзор показывает, что Халкокондил дает системное описание Восточной Европы и демонстрирует при этом довольно хорошее знание местных реалий, несмотря на использование архаизирующей терминологии (*скифы, сарматы, даки* и т.д.), свойственной византийской исторической традиции. Обращает на себя внимание весьма неравноценное количество информации, которая сообщается о разных странах. О некоторых из них (например, о Польше) говорится чрезвычайно кратко, часто буквально в одной фразе, о других, напротив, сообщается более подробная информация – имена правителей, названия городов, сведения о языке и обычаях и т.д. Наиболее подробные сведения Халкокондил сообщает о татарах и о Литве. Если о причинах внимания византийского историка к татарам говорилось выше, то внимание к Литве представляется несколько неожиданным. Попробуем систематизировать информацию, которую Халкокондил сообщает о Литве (Великом княжестве Литовском):

- Литва – обширная страна, границы которой простираются от Польши до Сарматии (Руси) и Черного моря. Король Литвы имеет свою резиденцию в большом и многолюдном городе.
- Короля Литвы зовут Казимир (Казимир Ягеллончик, великий князь литовский с 1440 г.; следует эксплицитно подчеркнуть, что Халкокондил знает Казимира Ягеллончика как правителя Литвы, а не Польши, т.е. его сведения восходят ко времени до занятия Казимиром польского престола в 1447 г.).
- Литовцы – могущественный и воинственный народ, они ведут постоянную борьбу с немцами из Пруссии и поляками, а также находятся во вражде с Черной Богданией (Молдавией).

- Язык литовцев не похож на язык сарматов (русских), а также на язык венгров, германцев или даков (валахов). Они говорят на своем собственном языке.
- Литовцы восприняли обычаи римлян (западноевропейцев), но их одежда похожа на одежду сарматов (русских).
- Само́ты (жемайты) – воинственный народ, не похожий по образу жизни и по языку ни на один другой народ, они поклоняются Аполлону и Артемиде (т.е. являются язычниками).
- Власти Казимира подчиняется часть скифов, они очень полезны ему в войнах с соседями (литовские татары).

Таким образом, Халкокондил довольно хорошо ориентируется в исторических реалиях Великого княжества Литовского 1440-х гг. (именно к этому времени относится основной массив его информации о Восточной Европе [2, с. 90–92]). Византийский историк сумел разглядеть даже обособленное положение Жемайтии и ее языческие традиции (сохранившиеся и после официального крещения в 1413 г.). Заслуживают внимания также языковые экскурсы Халкокондила и отмеченное им отличие языка литовцев и жемайтов от языков соседних народов (славян, немцев, венгров). Примечательна апология Великого княжества: «литовцы – самый могущественный из живущих там народов». Литва находится как бы в фокусе внимания Халкокондила: сведения о ней значительно более подробны и конкретны чем информация о соседних странах – Польше, Богемии, Ливонии и т.д.; складывается впечатление, что именно с литовской перспективы и ведется описание восточноевропейского региона. Более того, в тексте Халкокондила можно отметить отражение восточнославянских языковых реалий, которые можно связать с ВКЛ: таковы, например, название Ливонии (*Ин-флянты*) и используемая форма имени крымского хана Хаджи-Гирея (*Ачи-Керей*), которые характерны для письменной традиции ВКЛ. Весьма вероятно, таким образом, что информация о Ливонии и Крыме также попала к Халкокондилу через литовское посредничество (следует отметить, что Хаджи-Гирей приобрел престол при поддержке великого князя Казимира и сохранял союзнические отношения с ВКЛ).

В связи с этим можно выдвинуть осторожное предположение, что информатором Халкокондила мог быть выходец из Восточной Европы, а конкретно – из Великого княжества Литовского. Подобное предположение (об «устном польском источнике» Халкокондила) уже выдвигал немецкий исследователь Г. Диттен [2, с. 74, 92]. Вряд ли этот источник был именно «польским» (учитывая весьма скудные сведения Халкокондила именно о Польше) – со значительно большим основанием можно говорить об источнике из ВКЛ.

В этой связи следует вспомнить о битве под Варной в 1444 г., в которой турками было разгромлено войско крестоносцев, возглавлявшееся королем польским и венгерским Владиславом Ягеллончиком. Не восходит ли информация Халкокондила к литвину, который был в составе войска крестоносцев и в этой битве попал в плен к туркам? Наличие в войске Владислава воинов из ВКЛ вполне вероятно – он был родным братом великого князя литовского Казимира (напомним, что именно после смерти брата Казимир занял польский престол, о чем гипотетический информатор Халкокондила еще не знает). Тогда становится понятным и хорошее знание реалий ВКЛ, и тот своеобразный «литвинский патриотизм» («Литва – обширная страна, литовцы – могущественный и воинственный народ, который воюет со всеми своими соседями»), который можно увидеть в сообщении Халкокондила. Знакомство с «варненским пленником» могло состояться в 1446 г., когда некий Халкокондил возглавлял посольство морейского деспота к турецкому султану [1, с. 192–193]. В литературе ведется спор, был ли это отец историка, сам Лаоник или какой-то иной его родственник – но любой из этих вариантов допускает возможность прямой или опосредованной передачи информации о Восточной Европе от гипотетического «варненского пленника» к византийскому историку. Разумеется, на данном этапе эта версия остается лишь предположением, но сам факт хорошего знакомства Халкокондила с реалиями Литвы середины XV в. заслуживает самого пристального внимания.

Таким образом, можно сделать вывод, что информация Лаоника Халкокондила представляет значительный интерес как для исследователей средневековой Восточной Европы в целом, так и для специалистов, занимающихся изучением Великого княжества Литовского. В настоящее время нами ведется работа по переводу «Скифского фрагмента» и подготовке его к печати.

1. Веселаго, Е.Б. Еще раз о Лаонике Халкокондилье и его историческом труде / Е.Б. Веселаго // Византийский временник. – 1958. – Т. XIV. – С. 190–199.
2. Диттен, Г. Известия Лаоника Халкокондила о России / Г. Диттен // Византийский временник. – 1962. – Т. XXI. – С. 51–94.
3. Мартынюк, А.В. Пять текстов, о которых следует напомнить исследователям восточноевропейского Средневековья / А.В. Мартынюк // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – 2010. – Вып. 3. – С. 9–16.
4. Europa im XV. Jahrhundert von Byzantinern gesehen / Hrsg. von E. v. Ivánka. – Graz, 1965.
5. Laonici Chalcocondylae historiarum demonstrationes / Ed. E. Darko. – Budapestini. – 1922. – Т. I.

Шэлегава К.Дз.

**НАТАТКІ «ПРА ЛІТВУ» ЭНЭЯ СІЛЬВІЯ ПІКАЛАМІНІ ЯК КРЫНІЦА
ДЛЯ ВЫВУЧЭННЯ ПАГАНСКІХ КУЛЬТАЎ
БАЛЦКАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ВКЛ XV ст.**

Шэраг іншаземцаў пакінулі творы, у якіх змяшчаецца каштоўная інфармацыя па гісторыі, звесткі па матэрыяльнай і духоўнай культуры ВКЛ. Адным з такіх аўтараў з’яўляецца Энэй Сільвій Пікаламіні, які пакінуў нататкі «Пра Літву». Энэй Сільвій паходзіў з старажытнага сьенскага роду Пікаламіні, атрымаў адукацыю ў Сьенскім універсітэце, быў вядомым пісьменнікам-гуманістам Кватрачэнта. У перыяд з 1430–1446 гг. Пікаламіні быў на службе ў трох біскупаў і кардыналаў, а таксама ў германскага імператара Фрыдрыха III, выконваючы функцыі пасла, наведаў шмат краін Еўропы, пра якія пакінуў гісторыка-геаграфічныя працы. Ва ўзросце пяцідзесяці трох гадоў стаў папай Рымскім, прыняўшы імя Пій II. Напрыканцы жыцця напісаў першую аўтабіяграфію папы Рымскага, вядомую як «Каментарыі», дзе апісаў свае падарожжы [1, с. 233-235, 250]. На жаль, на сённяшні дзень з дазволу царквы былі пераведзеныя з сярэднявечнай латыні і надрукаваныя толькі кароткія вытрымкі з 12-томнай біяграфіі Пія II. Але асобныя нататкі былі змешчаны ў кнізе «Aeneae Sylvii historia de Europa с XXVI», якая была надрукавана ў 1551 г. у Базэлі. На працу Пікаламіні, як на каштоўную крыніцу, ссылаўся В.М.Тацішчаў у сваёй «Истории Российской». Як крыніцу па гісторыі Прусіі яе выкарыстоўвалі нямецкія гісторыкі Т. Хірш, М. Цёпен, Э. Штрэлье ў сваёй акадэмічнай працы «Scriptores rerum Prussicarum», выдадзенай ў Лейпцыгу ў 1870 г. [3, с. 290-292]. З беларускіх гісторыкаў нататкі выкарыстоўваў у сваіх даследаваннях П.Урбан.

У сваіх запісах Энэй Сільвій дае кароткі гісторыка-геаграфічны агляд ВКЛ пач. XV ст., а менавіта звесткі пра географічнае становішча Літвы, пра ўрады Ягайлы, Вітаўта, Жыгімонта Кейстутавіча, Свідрыгайлы, а таксама змяшчае інфармацыю пра матэрыяльную і духоўную культуры жыхароў Літвы. Найбольш змястоўнымі і цікавымі атрымаліся апісанні язычніцкіх культаў і звязаных з імі абрадаў, і іх выкараненне хрысціянскімі місіянерамі. Таму мэта дадзенай працы: вызначыць каштоўнасць нататкаў «Пра Літву» Энэя Сільвія Пікаламіні для даследавання паганскіх культаў ў ВКЛ падчас прыняцця хрысціянства каталіцкага абраду пасля падпісання Крэўскай уніі.

Трэба зазначыць, што нататкі «Пра Літву» былі напісаныя Пікаламіні са слоў ліцвінаў, з якімі ён сустрэўся падчас працы Базэльскага Сабора («ў царкве на тым баку Рэйна, ля Картуса» [2]. Пікаламіні ў сваіх запісах падзяляе ўсіх ліцвінаў на некалькі груп у залежнасці ад веры, якую яны вызнавалі: першая – хто «прытрымліваюцца памылак грэкаў», другая – паганцы, што «блукваюць у цемры, укланчаючы перад ідаламі», трэцяя – хто «прыведзен да Хрыста» [2]. Для аўтара найбольш цікавай

з'яўляецца другая група ліцвінаў, якія па-ранейшаму застаюцца паганцамі (гаворка ідзе, відавочна, пра насельніцтва паўночна-заходняй часткі ВКЛ). Іх хрышчэнне пачынаецца «пасля таго як Уладыслаў...прыняў польскае каралеўства» і выказаў «станоўчыя словы, што евангелье Хрыста прыйдзе і да князя Вітаўта, у Літву» [2].

Аўтар яскрава апісвае існуючыя на той час паганскія культы і абрады, якія можна класіфікаваць наступным чынам: пакланенне вужакам; агню; сонцу і ўшанаванне «зязлевага молата»; ушанаванне святарных лясоў, «прысвечаных дэманам», а таксама маленькіх святарных гаёў, дзе пакланяліся багам. Пакланенне вужакам праяўлялася ў тым, што кожная сям'я трымала гэтых істотаў у хаце, клапацілася пра іх і ўшаноўвала, «кідаючы ахвяраў ў сена» [2]. Абрад пакланення агню праходзіў у святарным месцы ўначы, «каб пабачыцца з ценямі памерлых, каб запытацца ў іх ля агню і палучыць адказы» [2]. Адказ тлумачыўся характарам хвалявання агню і ў залежнасці ад гэтага паганцы «вызначаліся са сваімі справамі» [2]. Культ пакланення сонцу і ўшанаванне «зязлевага молата» тлумачылі законы светабудовы. У святарных лясах і маленькіх святарных гаях знаходзіліся старыя дрэвы, дзе «жывуць магутныя богі», якія і былі галоўным аб'ектам ушанавання, менавіта сюды паганцы прыходзілі «звяртацца да моцы боскай, каб атрымаць і дождж, і сонейка» [2]. Пікаламні прыводзіць атрыманыя ад сваіх суразмоўцаў звесткі пра спраўленне абрадаў. Яго асабліва ўразіў культ пакланення сонцу, якім ён з запалам першаадкрывальніка і гуманіста шчыра захапляўся: «гэта выключны і рэдкі культ па сваёй велічы» [2].

Таксама аўтар паведамляе і пра хрысціянізацыю паганцаў, у якой значную ролю адыграў чэшскі тэолаг, асабісты святар Ягайлы Геранім Пражскі, адзін з тых, з кім вёў сваю гаворку Пікаламні. Геранім распавёў пра канкрэтныя дзеянні свае і іншых місіянераў па распаўсюджванню хрысціянства, якія ў асноўным звадзілася да знішчэння паганскіх артэфактаў (місіянеры спачатку падманам вызнавалі аб месцы знаходжання паганскіх капішчаў і месцаў пакланення духам і багам, а пасля бязлітасна іх спальвалі і знішчалі), а пасля ўжо прапаведніцтва. Гэта тлумачылася проста логікай – «святары ня служаць богствам, бо знік аб'ект для ўшанавання». Геранім Пражскі быў непасрэдным ўдзельнікам падзей, што надае яшчэ большую каштоўнасць атрыманай інфармацыі, да таго ж яе дакладнасць у агульных рысах пацвержана ў іншых гістарычных крыніцах. Акрамя Гераніма было шмат іншых місіянераў, іх актыўная дзейнасць параўноваецца аўтарам с «хвалюючым шматлюдным спаборніцтвам» [2]. Але, не глядзячы на гэта, хрысціянізацыя праходзіла марудна з-за моцнага супраціву паганцаў, які быў выкліканы некалькімі прычынамі: на думку аўтара гэта страх людзей здрадзіць сваёй веры – «яны лепш пакідалі б свае хаціны і зямлю, але не перанятую і наказаную дзядамі веру» [2]; а таксама гвалтоўныя метады місіянераў. З мэтай заспакаення народа вялікі князь Вітаўт скасаваў загад намеснікам ваяводстваў дапамагаць місіянерам і выслаў іх за межы княства. Але працэс хрысціянізацыі быў распачаты і, як паведамляе Пікаламні, на час напісання ім нататак (прыкладна 1430-1440-я гг.) ужо большая частка літоўскіх паганцаў была католікамі.

Такім чынам, звесткі аб паганскіх кultaх і ходзе хрысціянізацыі Літвы пададзены, у першую чаргу, з пазіцыі рэнэсанснага даследчыка-гуманіста, а не прадстаўніка каталіцкай царквы, якім у той час з'яўляўся Пікаламні, і таму даволі аб'ектыўныя і дакладныя, наколькі гэта магчыма, улічваючы што аўтар не з'яўляўся непасрэдным сведкам падзей.

1. Записки о достопамятных деяниях Пия II // Средние века. – М., 1997. – № 9. – С.233-253

2. Энэй Сільвій Пікаламні. Пра Літву [Сецеўны рэсурс] / Рэжым доступу: http://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1142360294&archive=&start_from=&ucat=8&

3. Schaff, Ph. History of the Christian Church, vol. VI: The Middle Ages. A.D. 1294-1517 / Philip Schaff. – Dallas: Church Classics Library, 1882. – P. 542

Буцін Д.С.
КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ КОПНАГА СУДА НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў XVI–XVIII стст.

Абраная тэма даследавання прадстаўлена пераважна дзвюма катэгорыямі выключна пісьмовых дакументальных гістарычных крыніц: судовымі і заканадаўчымі. Найбольш значнымі з іх безумоўна з’яўляюцца судовыя. Аднак нават такая небагатая колькасць відаў крыніц дазваляе здзейсніць якаснае даследаванне гэтай праблемы. Абсалютная большасць з іх тычыцца перыяду XVI і асабліва XVII стст.

З апублікаваных крыніц самай важнай, аб’ёмістай – 577 старонак, і ў той жа час адзінай, прысвечанай выключна нашаму пытанню, з’яўляецца XVIII том Актаў, якія выдаваліся Віленскай археаграфічнай камісіяй (далей АВАК) пад назвай «Аб копных судах», што выйшаў у свет у Вільні ў 1891 г. у друкарні А. Сыркіна [1]. Думка аб стварэнні дадзенага зборніка з’явілася пасля таго, як у VI томе АВАК (1872 г.) было надрукавана некалькі дакументаў аб копных судах. З гэтага часу ў Віленскім Цэнтральным Архіве старажытных грамат было прагледжана каля 300 старажытных актавых кніг за XVI–XVII стст., якія тычацца дзейнасці наступных гродскіх судаў: Берасцейскага, Віленскага, Вількамірскага, Ваўкавыскага, Гродзенскага, Ковенскага, Лідскага, Мінскага, Мазырскага, Наваградскага, Пінскага, Расіенскага, Слонімскага, Слуцкага, Троцкага і Ўпіцкага за 1560–1699 гг. Ранейшых крыніц не захавалася.

Першы судовы запіс зборніка адносіцца да 1552 г., а апошні – да 1707 г. Пры гэтым найбольшаю колькасць звестак аб копах пададзена ў актавых кнігах Берасцейскага, Мінскага, Пінскага, Слонімскага і Слуцкага судаў, менш – Віленскага, Ваўкавыскага, Гродзенскага, Лідскага, Мазырскага, Наваградскага і Троцкага, адзінкавыя – Расіенскага, Ковенскага, Упіцкага і Вількамірскага гродскіх судаў. З заходніх беларускіх паведаў найменш копных актаў захавалася на Гродзеншчыне, паколькі пераважна ўсе кнігі Гродзенскага гродскага суда загінулі. Пералічаныя вышэй гродскія суды на тэрыторыі Беларусі ахопліваюць толькі заходнюю і цэнтральную часткі. Аднак ёсць пэўныя матэрыялы, якія сведчаць, што копы існавалі і на ўсходзе этнаграфічнай Беларусі – Смаленшчыне і Браншчыне. З усіх гэтых кніг камісія вылучыла 448 дакументаў, якія маюць прамыя ці ўскосныя адносіны да старажытных копных судаў, што і былі надрукаваны ў XVIII томе АВАК. Некаторая інфармацыя была ўзята з фондаў рукапіснага аддзела Віленскай публічнай бібліятэкі.

Прадмову у 42 старонкі да гэтага грунтоўнага выдання склаў архіварыус Віцебскага архіва старажытных грамат, які пасля працаваў у Віленскім цэнтральным архіве старажытных актаў, І.Я. Спрогіс – асоба, што стала вядучай у складанай працы даследавання тэмы, якая дагэтуль увогуле амаль што не была вядома не толькі шырокаму колу грамадства, але і навуковаму асяродку. Дадзены факт, безумоўна, сведчыць аб яго вялікім навуковым досведзе і аўтарытэце ў гэтым пытанні.

У зборніку, акрамя саміх крыніц, прысутнічае падрабязны змест, імяны, геаграфічны і прадметны паказальнікі. Гэты збор судовых дакументаў з’яўляецца своеасаблівай «энцыклапедыяй» гісторыі копных судаў у ВКЛ, дзе прыведзены ўсе аспекты рэальнай «жыццядзейнасці» дадзенага судовага інстытута як цалкам спецыфічнай з’явы ў гісторыі Беларусі. Такім чынам, на сённяшні дзень гэты зборнік з’яўляецца асноўнай апублікаванай крыніцай для вывучэння дзейнасці такой самабытнай установы, як копы суд.

Сярод слабых месцаў вышэй згаданага выдання можна вылучыць наступныя: значную колькасць апублікаваных матэрыялаў апрацоўвалі студэнты, якія былі не дастаткова кваліфікаванымі і вопытнымі для такой складанай і важнай працы, што не лепшым чынам адлюстравалася на якасці зборніка; археаграфічная недасканаласць; ідэалагічна-палітычным сэнсам працы ўсёй Віленскай археаграфічнай камісіі было жаданне даказаць спрадвечную «расійкасць» беларускіх і ўкраінскіх зямель, што часам адмоўна адбівалася на навуковых вартасцях выданняў.

Даволі цікавым зборнікам малавядомых крыніц для вывучэння гісторыі копных сходаў з'яўляецца праца, якую выканаў і надрукаваў у 1897 г. у кіеўскай друкарні Імператарскага універсітэта Святога Уладзіміра, што належала В. Завацкаму, прафесар М. Ясінскі [8]. Упершыню дадзеныя матэрыялы былі выдадзены ў Архіве Паўднёва-Заходняй Расіі. Даследчык знайшоў і апублікаваў на 846 старонках 359 актаў, што тычыліся дзейнасці копных і панскіх судоў у ВКЛ. Большасць матэрыялаў тут прысвечана вотчынным судам. Храналагічна гэтыя дакументы ахопліваюць прамежак часу з 1501 па 1588 гг., а іх геаграфічная лакалізацыя супадае ў асноўным з тэрыторыямі сучасных украінскіх і часткова беларускіх зямель. Але патрэбна зазначыць, што ў выданні адсутнічае аналіз і сістэматызацыя крыніцавай базы, прадмова, імянны, геаграфічны і прадметны паказчыкі, што вельмі ўскладняе працу з дадзеным зборам.

Шэраг разрозненай, але карыснай інфармацыі па гісторыі капы змяшчаецца ў шматлікіх зборніках крыніц: Акты Заходняй Расіі; Акты Паўднёвай і Заходняй Расіі; Архіў Паўднёва-Заходняй Расіі; Археаграфічны зборнік дакументаў Паўночназаходняй Русі; Акты, выданыя Часовай Камісіяй; Гісторыка-юрыдычныя матэрыялы; Руская гістарычная бібліятэка; Архіў княжат Любартавічаў і г.д. [2].

У якасці крыніц можна выкарыстаць працы М. Іванішава, І. Спрогіса, А. Зянковіча, А. Яфіменкі і М. Бакая, бо некаторыя з іх змяшчаюць у сабе інфармацыю дакументальнага характару [6]. М. Іванішаў апублікаваў 6 копных рэляцый у сваёй манаграфіі «Аб старажытных сельскіх абшчынах у Паўднёвазаходняй Расіі», створанай на падставе 22 актаў паўднёва-заходняй Русі, якія адносіліся да XV-XVII стст. Дзеля гэтага ён прапрацаваў каля 300 актавых кніг Луцкага, Уладзімірскага і Жытомірскага гродскіх судоў. Вышэй згаданы І. Спрогіс надрукаваў у Вільне ў 1896 г. матэрыял народнага суда над чарадзеямі ад 17 чэрвеня 1615 г., адшуканы ў Віленскім цэнтральным архіве ў актавай кнізе Браслаўскага земскага суда. А таксама апублікаваў у Віцебску ў 1898 г. дэкрэт памежнай капы ад 15 лістапада 1531 г., знойдзены ў архіве Віленска-Ковенскага ўпраўлення дзяржаўнымі маёмасцямі. А. Зянковіч знайшоў і апублікаваў у Вільне ў 1914 г. дакумент з кнігі Драгічынскага земскага суда, што датуецца 12 сакавіка 1481 г., які змяшчае ўскосныя доказы аб існаванні капы ўжо ў той час. Адзіная жанчына даследчыца капы – А. Яфіменка – апісала копы працэс на Левабярэжнай Украіне па копнаму акту 1722 г. М. Бакай знайшоў звесткі аб капе і выдаў іх у пратаколах Старадубскага магістрацкага суда 1690 г.

Сярод заканадаўчых крыніц трэба ўзгадаць Рускую Праўду, Пскоўскую судную і Дзвінскую ўстаўную граматы, Судзеднік Казіміра 1468 г. і, канешне, Статуты ВКЛ 1529, 1566 і 1588 гг. [7]. Апошнія хоць і вельмі фрагментарна, але дастаткова паслядоўна адлюстроўваюць кампетэнцыю і функцыі копных сходаў. Статуты паказваюць уплыў уладаў на працэс павелічэння сеткі копаў, распавядаючы аб тым, што мясцовыя падкаморы павінны былі засноўваць новыя капавішчы там, дзе іх яшчэ дагэтуль не існавала. З помнікаў замежнага права карысным для параўнання з беларускім звычайным, з'яўляецца Судзеднік Стэфана Душана [5].

У некаторых хрэстаматых па гісторыі Беларусі таксама можна знайсці спарадычныя дакументы, што тычацца працы капы: Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах (1 том), Беларускі архіў (3 том), Беларусія ў эпоху феадалізму (1 том) і г.д. [4]. Апошняя на дадзены момант надрукаванай крыніцай з'яўляецца Ліст гарадзенскага падкаморыя Рыгора Масальскага ад 22 кастрычніка 1590 г., занесены ў актавую кнігу 2 лютага 1592 г. Дакумент напісаны на «рускай» (старабеларускай) мове з ужываннем правапісу тых часоў. Ён быў уведзены ў навуковы ўжытак І. Бобёр з фондаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі [3]. У лісце ідзе гутарка аб правілах склікання коп і вызначэнні месцаў капавішчаў.

Што тычыцца архіўных крыніц, то самая каштоўная і колькасная інфармацыя змяшчаецца актавых кнігах гродскіх, а ў некаторых выпадках і земскіх судоў ВКЛ. Менавіта гэтыя дакументы паказваюць усе аспекты рэальнай, а не фармальнай

дзеінасці капы, чым часта грашаць помнікі заканадаўства. Дадзеныя судовыя матэрыялы захоўваюцца ў архівах Беларусі, Літвы, Польшчы, Украіны і Расіі. Найбольшы плён пры даследаванні гісторыі капы прынеслі матэрыялы Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі (НГАБ): ф. 694. Архіў Радзівілаў, воп. 4, спр. 1012, арк. 116; ф. 1705. Брэсцкі гродскі суд, воп. 1, спр. 13, арк. 44 адв.-45; ф. 1730. Наваградскі гродскі суд, воп. 1, спр. 1, арк. 279-282 адв.; ф. 1755. Гродзенскі земскі суд, воп. 1, спр. 11, арк. 890-892; ф. 1785. Слоні́мскі земскі суд, воп. 1, спр. 15, арк. 219 адв.-220 і г. д.

Пэўныя разрозненыя звесткі змяшчаюць кнігі Судных спраў «Літоўскай Метрыкі», што знаходзяцца ў Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў у Маскве ў фондзе № 389. Мікрафільмы Метрыкі ВКЛ, захоўваюцца ў НГАБ у фондзе КМФ-18.

Менавіта архіўныя крыніцы з'яўляюцца найбольш каштоўнымі матэрыяламі для вывучэння гісторыі копнага суда на беларускіх землях ВКЛ (XVI-XVIII стст.). Назапашаная база такіх дакументаў дастаткова багатая, але толькі пошук і аналіз новых крыніц у шматлікіх архіўных сховішчах дапаможа праліць святло на шэраг белых плямаў, якіх яшчэ шмат засталася ў дадзеным пытанні. Гэта ўжо справа сённяшніх і будучых даследчыкаў.

1. Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею / Предисл. И.Я. Спрогис. – Т. XVIII. Акты о копных судах. – Вильна, 1891. – 577 с.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. – Т. 5: 1633-1699. – Санкт-Петербург, 1853. – 324 с.; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссиею. – Т. 2: 1599-1637. – Санкт-Петербург, 1865. – 288 с.; Архив Юго-Западной России, издаваемый временною комиссиею для разбора древних актов высочайше учрежденною при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. – Ч. 6. – Т. 1. – Акты об экономических и юридических отношениях крестьян в XVI-XVIII веке. (1498-1795). – Киев, 1876. – 161, 614 с.; Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси, издаваемые при управлении Виленского учебного округа. – Т. 1. – Вильна, 1867. – 409 с.; Акты, изданные Временной Комиссией, Высочайше учрежденной при Киевском Военном, Подольском и Волынском Генерал-Губернаторе. – Т. 1. – Киев, 1849. – 335 с.; Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске / Изд. под ред. архивариуса Витеб. Центр. архива Довгяло. – Вып. 2. – Витебск, 1871. – 388 с.; Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою археографическою комиссиею. – Т. XX. – Отд. 1. – Ч. 2. – Литовская метрика. – Т. 1. – СПб, 1903. – 880 с.; Archiwum ksiazat Lubartowiczow Sanguszkow w Slawucie. – Т. I. – 1366-1506. – Lwow, 1887. – 204 s.
3. Бобёр, И.М. Ліст падкамолага гарадзенскага Грыгорыя Масальскага насельніцтву Гарадзенскага павета аб правах склікання коп і прызначэнні месцаў капавішчаў / И.М. Бобёр // Архіварыус. – Мн., 2001. – Вып. 1. – С. 72-76.
4. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах. – Т. 1 / В.К. Шчарбакоў, К.І. Кернажыцкі, Д.І. Даўгяла. – Мінск: Акадэмія навук БССР, 1936. – 678 с.; Беларускі архіў. – Т. 3. Менскія акты. – Вып. I (XV-XVIII ст.). – Мінск, 1930. – 416 с.; Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов в трех томах. – Т. 1. С древнейших времен до середины XVII века. – Мінск, 1959. – 516 с.
5. Законник Стефана Душана // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. В.М. Корещкого. – Москва, 1961. – С. 889-926.
6. Иванишев, Н.Д. О древних сельских общинах в Югозападной России / Н.Д. Иванишев. – Киев: Киевск. археогр. комис., 1863. – 72 с.; Спрогис, И.Я. Древний русский документ-декрет граничного копного суда 1531 год, 15 ноября. (Коммент. и текст декрета И.Я. Спрогиса) – Витебск, 1898. – 14 с.; Ён жа. Народный суд литвинов над колдунами (чародеями) 1615 года. – Вильна, 1896. – 11 с.; Зенкович, А.Ф. О местном суде в XV-XVI вв. на Подлясье. План г. Вильны 1648 года / А.Ф. Зенкович. – Вильна, 1914. – 16 с.; Ефименко, А.Я. Копные суды в Левобережной Украине / А.Я. Ефименко // Киевская старина, 1885. – № 10. – С. 189–203; Бакай, Н. Значение сельской громады в судебном процессе конца XVII в. // Киевская старина. – 1886. – № 11. – С. 567–569.
7. Русская правда / Под ред. А.И. Яковлева. – Москва, 1914. – 50, [1] с.; Псковская судная грамота, составленная на вече в 1467 году. – Одесса, 1847. – 39 с.; [Уставные грамоты наместнического управления; Губные уставные грамоты; Земские уставные грамоты. – Б.м., Б.г.]. – 161 с.; Судебник Казимира (1468) / К печ. подгот., введ. и поясн. Ю. Юргинис. – Вильнюс: “Минтис”, 1967. – 36 с.; Статут Великаго княжества Литовского 1529 года / Под ред. К.И. Яблонскиса. – Мінск, 1960. – 254 с.; Статут Вялікаго княства Літоўскага 1566 года / Пад. рэд. Т.І. Доўнар, У.М. Сатолін, Я.А. Юхо; рэдкал.: Т.І. Доўнар і інш. – Мінск: Тэсей, 2003. – 250, 1 с.; 24 см.; Статут Вялікаго княства Літоўскага 1588 года: Тэксты. Даведнік. Каментарыі. – Мінск: БелСЭ, 1989. – 573 с.
8. Ясинский, М.Н. Материалы для истории судоустройства и судопроизводства в Литовско-Русском Государстве. Акты о копных и панских судах / М.Н. Ясинский. – Киев, 1897. – Т. I: 1501 – 1588. – 846 с.

Глінскі Я.С.

“EPITOME PRINCIPUM LITUANIAE” ЯК КРЫНІЦА ПА ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАЙ ГІСТОРЫІ Вялікага Княства Літоўскага XVI ст.

У 1576 годзе для новаабранага караля польскага і вялікага князя літоўскага Стэфана Баторыя (1575–1586) быў зроблены пераклад Статуту ВКЛ 1566 году са старабеларускай на лацінскую мову. Да яго тэксту была прыкладзена прадмова перакладчыка і невялікі твор па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага, які меў назву “Epitome Principum Lituaniae a migratione Itolorum P. Libone vel, ut Lituonica historia scribit, Palemone Duce usque ad Jagellones” (“Кароткі аповяд пра літоўскіх князёў ад перасялення італійцаў з Публіем Лібонам, або, які піша Літоўская гісторыя, Палемонам, да Ягелонаў”, далей – “Epitome”) [12]. Археаграфічнае выданне тэксту перакладу здзейсніў у 1900 годзе польскі даследчык Францішак Пекасіньскі ў 7 томе серыі “Archiwum Komisji Prawniczej”. Аднак “Epitome” ён не перадрукаваў, а падаў у пераказе [14, s. XXIII–XXIV]. У выніку гэты твор быў упершыню апублікаваны толькі ў 1912 годзе польскім гісторыкам Янам Якубоўскім [9]. У 2000 годзе “Epitome” быў перадрукаваны ў зборніку “Šešioliktojo amžiaus raštija” (“Пісьменніцтва шаснаццатага стагоддзя”), выдадзеным Інстытутам літоўскай літаратуры і фальклору. Тамсама быў змешчаны пераклад твору на літоўскую мову, зроблены, верагодна, Антанасам Дамбраўскасам, з удакладненнямі і каментарам Сігітаса Нарбутаса.

Але дакладна невядома не толькі постаць перакладчыка на літоўскую мову, але і асоба самога аўтара “Epitome” і перакладу Статуту – у рукапісе яго імя не пазначана. Тым не менш, яшчэ першы публікатар “Epitome” Я. Якубоўскі сцвярджаў, што яго аўтарам з’яўляецца Аўгустын Ратундус Мялескі (каля 1520–1582) [9, s. 66], паляк па паходжанню, віленскі войт, доктар кананічнага і свецкага права, каталіцкі публіцыст. Гэтую гіпотэзу прыняла і паспрабавала падмацаваць іншымі доказамі польская даследчыца жыцця і дзейнасці Ратундуса Марыя Барычова [6, s. 154–157], а ўжо сучасны літоўскі навуковец Альбінас Ёвайшас без усялякіх сумненняў атрыбуе “Epitome” Ратундусу [10, p. 105]. Доказы Якубоўскага грунтаваліся на тым, што тэкст “Epitome” мае відавочнае падабенства з ананімным творам 1565 году “Размова Паляка з Літвінам”, аўтарства якога большасць даследчыкаў (пачынаючы ад А. Брукнэра) прызнае за віленскім войтам (М. Барычова, А. Ёвайшас, Ю. Кажанёўскі) [6, s. 136–141; 9, s. 66; 10, p. 85–104; 11, s. VI–VII]. Зрэшты, частка даследчыкаў (Ю.М. Асаліньскі, М. Баліньскі, гл. [11, s. VI–VII]) прыпісвала аўтарства “Размовы” кальвінскаму дзеячу, правазнаўцу Андрэю Волану (1530–1610), а шэраг навукоўцаў (І.І. Лапо, А.С. Мыльнікаў [1, с. 239–241]), прынамсі, лічылі апошняга сааўтарам твору. Але на карысць Ратундуса як аўтара “Epitome”, так і “гістарычных” частак “Размовы”, кажа тое, што ён стала займаўся даследаваннем мінулага ВКЛ і нават напісаў т.зв. “Хроніку або Гісторыю Літвы”, якая не была выдадзена і не захавалася [6, s. 130–133], у той час як А. Волан не адзначыўся цікавасцю да гісторыі ВКЛ, а ў сваіх творах абмяжоўваўся прыкладамі з антычнай і біблейнай гісторыяй.

Калі звярнуцца да вартасці “Epitome” як гістарычнай крыніцы, то выпадае прызнаць, што яна не дае ніякай каштоўнай інфармацыі па палітычнай або сацыяльнай гісторыі ВКЛ: асноўную частку гэтага твору складае пераказ “рымскай легенды” аб паходжанні літвінаў ад рымлян, а апісанне рэальных падзей фактычна зводзіцца да пераліку вялікіх князёў.

Але з’яўляецца значэнне “Epitome” далёка не нулявое, бо гэты тэкст адлюстроўвае погляд на гісторыю ВКЛ, які існаваў у пэўных колах грамадства ВКЛ у 70-я гады XVI ст. Аналіз інтэрпрэтацыі ў “Epitome” звестак, узятых з разнастайных крыніц, параўнанне з іншымі тагачаснымі “літоўскімі” наратывамі аб мінулым ВКЛ (той жа “Размовай Паляка з Літвінам”, творами Мацея Стрыйкоўскага) дазваляе высветліць, як змянялася стаўленне да тых ці іншых падзей з мінулага, як зварот да мінулага выкарыстоўваўся для вырашэння надзённых патрэб грамадскага жыцця. Такім

чынам, “Епітоме” з’яўляецца важнай крыніцай для вывучэння інтэлектуальнай сферы жыцця грамадства ВКЛ.

Што датычыцца інтэрпрэтацыі мінулага ў “Епітоме”, то спачатку варта звярнуцца да выкладзенага аўтарам “Епітоме” варыянту “рымскай легенды”. Ратундус у “Епітоме” не сумняваецца ў яе слушнасці [10, р. 106]: пасля пералічэння варыянтаў часу прыбыцця рымлян, ён сцвярджае, што “я не бяруся ацаніць спрэчнае, хто з іх больш праўдзівы, пакуль што толькі вядома, што літвіны паходжаннем італійцы” [12, s. 95]. Такім чынам, аформленая ў летапісах у 20-30-я гг. XVI ст. “рымская легенда” [4, с. 159-162; 5, с. 150, 152; 9, s. 46; 13, s. 21-22] была прынята ў 60-70-я гг. Ратундусам, зрэшты, як і прыкладна ў гэты ж перыяд Стрыйкоўскім.

Аднак гэта не прывяло ў выпадку “Епітоме” да поўнага пераказу легенды. Так, у параўнанні з летапісным варыянтам зніклі амаль усе згадкі пра паганскае ўшанаванне (“подле римского обычая”) памяці памерлых легендарных уладароў [3, с. 129, 131-132 і далей]. А адзіны выпадак – з сынам Палемона Сперай – добра паказвае адрозненні ў светапоглядзе Ратундуса і аўтара/аўтараў “рымскай легенды” летапісу. У апошнім сцвярджаецца, што Спера пасяліўся ля возера, якое пасля яго смерці шанавалі як святое месца. У той жа час у “Епітоме” замест “возера” з’яўляецца “балота” (“paludi” – у творным склоне) [12, s. 95]. Сапраўды, Ратундус вядомы як заўзятый католік [6, s. 116-128], натуральна, што такія “паганскія” сюжэты выглядалі б недарэчнымі ў яго тэксце.

Але не толькі асабістыя меркаванні праяўляліся ў працы Ратундуса з летапісным матэрыялам. Так, ён не перадае прысутную ў легендзе беларуска-літоўскіх летапісаў інфармацыю пра “шляхты чотыри были рожай наивышшие, именем Китоврасы, Колюмны, Рожи, Ургы”, якія прыбылі разам з Палемонам [2, с. 128; 3, с. 128 і далей], пра памочнікаў у адным з паходаў на Русь, “панов своих радных”, пачынальнікаў родаў Гаштольдаў, Давойнаў і Манівідаў [2, с. 130; 3, с. 129 і далей]. Сапраўды, “Епітоме” пісалася для азнаямлення Баторыя з генеалогіяй вялікіх князёў літоўскіх [10, s. 105], і гэтыя “магнацкія” аповяды не з’яўляліся для яе абавязковымі. Аднак прамагнацкія фрагменты ёсць і “Епітоме” – толькі змяніліся іх героі: замест Гаштольдаў (іх род згас яшчэ ў 1542 годзе), якія ўсхваляліся ў легендзе летапісаў, замаўляльнікамі стварэння якіх, верагодна, і былі [13, s. 16-22], у Ратундуса ў легенду ўведзены князь па імя Радзівіл, адсутны ў летапісных зводах. Гэтаму князю прыпісаны пачатак падпарадкавання Русі і перамогі над татарамі [12, s. 96-97]. Ратундус быў шчыльна звязаны з родам Радзівілаў (дарэчы, частку сваёй працы па гісторыі ВКЛ ён у 1560 годзе адаслаў Мікалаю Радзівілу Чорнаму [6, s. 130]), так што прычыны гэтага “радзівілаўскага” следу і ў “Размове” [15, р. 263], і ў “Епітоме” вытлумачальны [9, s. 68].

Акрамя асабістага і “магнацкага” фактараў у інтэрпрэтацыі звестак з крыніц, у “Епітоме” выяўляюцца і карэктуры, натхнёныя адрозным ад ранейшых поглядам на гісторыю дынастыі Ягелонаў. Я. Якубоўскі адзначыў, што і ў “Размове” [15, р. 264], і ў “Епітоме” [12, s. 100-101] падкрэсліваецца, што Віцень у простае лініі быў нашчадкам Палемона [9, s. 68-69]. Але, паводле летапісаў, панаванне спачатку перайшло ад Палеманідаў да прадстаўнікоў гербу Кітаўрус, а пасля да ўладальнікаў гербу Калюмны, да якіх і належаў Віцень, і не сказана, што ён быў нашчадкам Палемона [2, с. 136; 3, с. 151 і далей]. Як здаецца, галоўнай задачай у гэтым выпадку было ўстаражытніць і зрабіць непарванай ад часоў Палемона дынастыю Ягелонаў. Гістарычны прэстыж гэтага роду быў неаб’якавы Стэфану Баторыю, які быў жанаты з Ганнай, дачкой Жыгімонта I Стараго.

Што Ратундус і ў “Размове”, і ў “Епітоме” надаваў вялікую ўвагу ўслаўленню дынастыі, паказвае яго зацятая абарона знатнага паходжання вялікага князя Гедыміна [12, s. 101; 15, р. 265-266]. Справа ў тым, што яшчэ польскі храніст Ян Длугаш (1415–1480) пісаў, што Гедымін панаваў, “захапіўшы ўладу і сапраўднага князя, у якога выконваў абавязкі стайніка, забіўшы” [8, р. 92]. Гэтая версія была прынята польскімі

храністамі XVI ст., нават Мацей Стрыйкоўскі ў “Ганцы цноты” (1574 г.) прытрымліваецца таго ж меркавання [17, s. 544], але ўжо ў “Хроніцы” (1582 г.) [16, s. 353-356], наадварот, палымяна выступае супраць гэтай думкі, дарэчы, пашыраючы (без спасылкі) аргументы, выкладзеныя Ратундусам.

Наогул рэальная гісторыя, як ужо адзначалася, пададзена ў “Ерпітоме” канспектывна. Гэта можна патлумачыць пры дапамозе заўвагі самога Ратундуса, які пра Ягайлу піша: “якімі быў знакаміты справамі, добра вядома з польскіх хронік” [12, s. 102]. Але не толькі добрай вядомасцю абумоўлена гэтая няўвага да больш блізкага мінулага. Характэрна, што Ратундус старанна абмінае канфлікты ўнутры роду Гедымінавічаў (перадусім, барацьбу Ягайлы супраць Кейстута і Вітаўта [12, s. 102; 10, p. 106]), на якіх, сапраўды, не выпадала акцэнтаваць увагу ў аповядзе для Стэфана Баторыя. Але таксама замоўчвае аўтар і польска-літоўскія супярэчнасці. А. Ёвайшас выказаў меркаванне, што мэта Ратундуса ў “Ерпітоме” выводзіцца з літоўска-польскага ідэалагічнага супрацьстаяння: трэба было паказаць новаму каралю, што ён кіруе дзвюма дзяржавамі – не адной Польшчай, але Польшчай і Літвой [10, p. 107]. Але, на нашу думку, “Ерпітоме” хутчэй імкнецца не акцэнтаваць увагу на мінулых супярэчнасцях: напрыклад, не адлюстроўвае некаторыя выпадкі наяўнасці толькі персанальнай (а не дзяржаўнай) уніі паміж Польшчай і ВКЛ. Так, сцвярджаецца, што Ян Альбрэхт быў і каралём польскім, і вялікім князем літоўскім [12, s. 103] – у рэчаіснасці ён быў толькі каралём польскім (1492–1501 гг.), а вялікім князем літоўскім у гэты час быў яго брат Аляксандр (1492–1506 гг.). Таксама змову супраць Казіміра ў 1481 годзе Ратундус тлумачыць толькі тым, што літвіны былі “абураныя адсутнасцю [ў Княстве] караля Казіміра” [12, s. 102]. А ў крыніцы гэтага паведамлення – “Аб паходжанні і дзях палякаў” Марціна Кромера [7, s. 539] – прычынай змовы названа не толькі крыўда на працяглую адсутнасць уладара ў Вільні, але і жаданне літвінаў захапіць Падолле, забранае Каронай.

Такім чынам, даследаванне “Ерпітоме” дазваляе прасачыць, як розныя фактары – асабістыя перакананні аўтара (стаўленне да паганства), клопаты аб прэстыжы караляўскага і вялікакняскага дому (неперарванасць і высакароднасць дынастыі, адсутнасць канфліктаў унутры яе), актуальныя праблемы грамадскага жыцця (польска-літоўскія стасункі пасля Люблінскай уніі і іх супярэлівы характар у мінулым) – уплывалі на інтэрпрэтацыю мінулага ў асобным гістарыяграфічным творы.

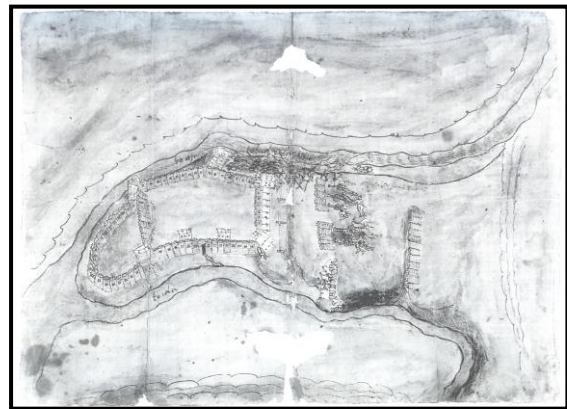
1. Мильников, А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века / А.С. Мильников; Рос. акад. наук. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 1999. – 400 с.
2. Полное собрание русских летописей / Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. Б.А. Рыбаков. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / Сост., авт. предисл. и ред. т. Н.Н. Улащик. – Москва: Наука, 1975. – 233 с.
3. Полное собрание русских летописей / Акад. наук СССР, отв. ред. Б.А. Рыбаков. – Т. 35: Летописи белорусско-литовские / Сост., авт. предисл. и ред. т. Н.Н. Улащик. – Москва: Наука, 1980. – 305 с.
4. Улащик, Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н.Н. Улащик; отв. ред. В.И. Буганов; Акад. наук СССР, Ин-т истории СССР. – Москва: Наука, 1985. – 264 с.
5. Чамярыцкі, В.А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры: узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў / В.А. Чамярыцкі; рэд. Я.С. Лур’е; Ін-т літ. імя Я. Купалы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 192 с.
6. Baryczowa, M. Augustyn Rotundus Mieleski, wójt wileński, pierwszy historyk i apologeta Litwy / M. Baryczowa // *Ateneum Wileńskie*. – 1936. – № 11. – S. 117–172.
7. Cromerus, M. De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX [Electronic resource] / M. Cromerus. – Basilea: Ioannes Oporinus, 1558. – 11, 720, 70 p. – Mode of access: <http://dlibra.biblioteka.tarnow.pl/dlibra/doccontent?id=126&from=FBC>. – Date of access: 16.03.2011.
8. Długossius, J. Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae: libri 12 / J. Długossius. – Varsavia: PWN, 1964–2001. – Liber 10: 1370–1405 / Consilium editorum: C. Pieradzka (praeses) et al.; textum recensuit et moderavit D. Turkowska; comment. S. Perzanowski. – 1985. – 448 p.
9. Jakubowski, J. Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską / J. Jakubowski. – Warszawa: Nakład Towarzystwa naukowego Warszawskiego, 1912. – 104, VI s.
10. Jovaišas, A. Augustino Rotundo Lietuvos valstybės vizija / A. Jovaišas // *Šešioliktojo amžiaus raštija / Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas*; red. S. Narbutas. – Vilnius, 2000. – P. 75–114.
11. Korzeniowski, J. [Wstęp] / J. Korzeniowski // *Rozmowa Polaka z Litwinem*. – Kraków, 1890. – S. III–VIII.
12. Kroniczka Książąt Litewskich 1576 r. // Jakubowski, J. Studya nad stosunkami narodowościowymi na Litwie przed Unią Lubelską / J. Jakubowski. – Warszawa, 1912. – S. 94–104.

13. Łatyszonek, O. Polityczne aspekty przedstawienia średniowiecznych dziejów ziem białoruskich w historiografii Wielkiego Księstwa Litewskiego XV–XVI w. / O. Łatyszonek // Białoruskie Zeszyty Historyczne. – 2006. – №25. – S. 5–44.
14. Pomniki prawa Litewskiego z XVI wieku: Statut Litewski drugiej redakcyi (1566) / Wydał F. Piekosiński. – Kraków: AU, 1900. – LXX, 568 s.
15. Rozmowa Polaka z Litwinem / Parengė R. Koženiaskienė // Šešioliktojo amžiaus raštija / Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas; red. S. Narbutas. – Vilnius, 2000. – P. 201–275.
16. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi: 2 t. / M. Strykowski. – Warszawa: G. L. Glüksberg, 1846. – T. 1 / Przedmowy M. Malinowskiego i I. Daniłowicza. – 1846. – LXIX, XLIX, 392 s.
17. Strykowski, M. Kronika polska, litewska, żmódzka i wszyskiej Rusi: 2 t. / M. Strykowski. – Warszawa: G. L. Glüksberg, 1846. – T. 2. – 1846. – 568 s.

Латушкін А.М.

**НЕВЯДОМЫ ІНВЕНТАР УЛЫ 1581 г. І ЯГО ЗНАЧЭННЕ ДЛЯ
ДАСЛЕДАВАННЯ ГІСТОРЫІ УЛЬСКАГА ЗАМКА ў 60-я – 80-я гг. XVI ст.**

У лютым 2010 г. падчас працы ў Курніцкай Бібліятэцы Польскай Акадэміі Навук (г. Курнік, Познаньскае ваяводства) сярод комплексу рукапісаў, што патрапілі ў бібліятэку з нясвіжскіх збораў Радзівілаў, намі быў выяўлены інвентар замка і места Ула ад 8 ліпеня 1581 г. [9, 35 – 36 v.] Паведамленне аб знаходцы было зроблена ў маі таго ж года на Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі “Этнакультурнае развіццё Беларусі ў XIX – пачатку XXI стст.” (Мінск, БДУ, Гістарычны факультэт, 19 – 20 мая 2010 г., тэма даклада “Невядомы інвентар Ульскага замка ад 8 ліпеня 1581 г. са збораў Курніцкай бібліятэкі Польскай Акадэміі Навук”). Тэкст інвентара прадстаўлены да публікацыі ў 6-м выпуску навуковага выдання Гістарычнага факультэта БДУ “Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны”.

Мал. 1 План аблогі Ульскага замка войскам ВКЛ зімой 1568 г.
Аўт. Мацей Стрыйкоўскі (?). 43 см. х 33 см.
[7, illustr. 3]

Дадзенае паведамленне прысвечана аналізу зместу інвентара і высвятленню стану Ульскага замка пасля яго вяртання з маскоўскіх рук у жніўні 1568 г., у прыватнасці, пытання ступені рэалізацыі італьянскага праекта яго перабудовы¹.

Ульскі замак, закладзены ў 1563 г. на сутоку р. Улы і Зах. Дзвіны па загаду караля польскага і вял. кн. літ. Жыгімонта II Аўгуста неўзабаве быў захоплены ў недабудаваным стане войскамі Івана IV. За некалькі гадоў вораг пераўтварыў захоплены аб’ект у адзін з ключавых пунктаў сваёй абароны на левым беразе Зах. Дзвіны. На гэтым месцы ім была ўзведзена моцная драўляная фартэцыя. Яе выгляд адлюстраваны на плане Ульскага замка, складзеным у лютым – пачатку сакавіка 1568 г. падчас аблогі Улы войскамі ВКЛ пад камандваннем Яна Гераніма Хадкевіча – старэйшым помніку ваеннай картаграфіі, што паходзіць з зямель Вялікага княства Літоўскага (далей – ВКЛ) і Рэчы Паспалітай (Мал. 1) [6, 184 – 191].

Згодна з крыніцай, замак быў узведзены з дрэва, у аснове канструкцыі – сцены-гародні (квадратныя зрубы, засыпаныя зямлёй) [3; 4]. Унутранай сцяной, паралельнай франтальнай, ён падзяляўся на дзве часткі. Па перыметру сцен замка размяшчаўся шэраг абарончых канструкцый, вядомых у гісторыі абарончай архітэктуры пад тэрмінам “башта”. Пад ім разумеецца высотны элемент абарончай сцяны замка, выступаючы за

¹ За дапамогу ў пошуку крыніц і каштоўных заўвагі па тэме даследавання аўтар выказвае падзяку канд. гіст. навук М.Д. Макараву.

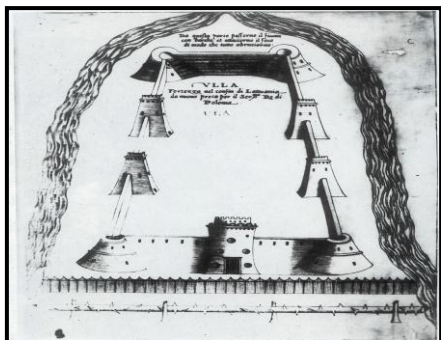
яе перыметр для магчымасці фланкіруючага агня. Ад “вежы” адрознівалася тым, што абавязкова была злучана з лініяй сцен замка, магла быць адкрытай з боку яго ўнутранай прасторы, вежа магла быць асобнастаячай і быць самастойным пунктам абароны [10, 33 – 34]. Дзве з баштаў, размешчаных на сцяне з боку р. Улы, не выходзілі за лінію сцен. Адсутнасць гарызантальнай штрыхоўкі, сімвалізуючай зрубную канструкцыю, на двух франтальных (“нарожных”) вежах і сцяне паміж імі, а магчыма і на фланкіруючай вежы, моцна выступаючай за перыметр сцяны з боку Зах. Дзвіны, дае падставы дапусціць, што гэта частка ўмацаванняў была абтынкавана глінай і пабелена – спосаб вельмі распаўсюджаны ў сярэднявечнай абарончай архітэктуры, пасродкам якога драўляная аснова ахоўвалася ад загарання, гніення і нават гарматных удараў [11, 184]. Сваю магутнасць і абароназдольнасць варожая фартэцыя і яе гарнізон даказалі падчас ужо згаданай аблогі айчыннымі войскамі у пачатку 1568 г., якая, нягледзячы на працягласць, аказалася няўдалай.

Вярнуць абарончы аб’ект удалося 20 жніўня 1568 г. атрадам пад камандваннем ваяводы брацлаўскага, спраўцы польнага гетмана ВКЛ князя Рамана Фёдаравіча Сангушкі [5]. Пры штурме замак быў моцна разбураны. Ступень разбурэння дакладна высветліць складана, крыніцы не даюць адназначнага адказу. Даследчыкі ацэньваюць стан замка як поўнае або амаль поўнае знішчэнне ад пажару [4; 5]. Так ці інакш, стан ранейшых замкавых умацаванняў не адпавядаў далейшым планам, якія мелі ўлады ВКЛ адносна Улы: манарх, віншуючы Р.Ф. Сангушку з перамогай, загадвае закласці на “гарадзішчы Ульскім”, новы замак (!) і даручае асабіста князю кіраваць яго будаўніцтвам: “...Ведже иж Твоя Милость, рада наша, сам бачити можешь, што нам господару и речи посполитой тамошнего панства нашего, злаца земли Полоцкой на том городищи належить, прото для лепшого безпечности хотим мети, якож и жедаем, жебы Твоя Милость с того городища не жеждчаючи, самъ там зостал, ... на нем положился и в доброй опатрности и осторожности мешкаючи там, знову замок заложил и будовати почал” (*надкрэслена – А.Л.*) [8, 285]. Выгаднае размяшчэнне Улы на полацкім тэатры ваенных дзеянняў надавала ёй высокую каштоўнасць, стварала добрую магчымасць замацавання на гэтым плацдарме баявых дзеянняў і натуральна вымушала дзяржаву паставіць тут магутную цытадэль. Заснаванне тут неўзабаве места падцвярджае гэты намер.

Верагодна менавіта ў гэты час з’яўляецца ідэя прыцягнення да стварэння новай фартэцыі італьянскіх (венецыянскіх?) архітэктараў, вынікам чаго і стаў вядомы ў гістарычнай літаратуры праект Ульскага замка, змешчаны ў зборніку “*Tabulae glographicae*” (Венецыя, 2-я пал. XVI ст., Мал. 2). Адсутнасць дакладнай датыроўкі крыніцы спрычынілася да ўзнікнення версіі, што дадзены праект адносіцца да 1563 г. – часу першай спробы будаўніцтва Ульскага замка літоўскім бокам. Аднак яна падаецца не вельмі абгрунтаванай. Доказам на карысць таго, што час замовы праекта ў Італіі адносіцца да апісваемых падзей 1568 г. з’яўляецца ліст падканцлера ВКЛ, дворнага маршалка Астафея Валовіча да князя Р.Ф. Сангушкі (швагера А. Валовіча) ад 29 лістапада 1568 г., дзе падканцлер піша: “О плохости Витебска и иных пустых городов мам по части ведомости, милостивый княже и Боже вховай нещастья, а згубы которого, што Ваша Милость Улою доброго речи посполитой зьєднал, так иж и ве Влоших вже, малюючи Улу, кролеви Его Милости посылают...” (*надкрэслена – А.Л.*) [8, 306]. Такім чынам, ёсць падставы сцвярджаць, што італьянскі праект Улы замаўляўся менавіта для рэалізацыі планаў адбудовы замка ў перыяд пасля жніўня 1568 г.

Згодна з азначаным праектам замак павінен быў мець форму трапецыі з асновай скіраванай у бок уваходу на паўвостраў. Па перыметру – 9 “баштаў”. Адна – уязная, чатырохгранная (?), з брамай – у цэнтры франтальнай сцяны. 4 – “нарожныя”, размяшчаліся па кутах трапецыі, былі ў форме ўсечанага конуса, адкрытыя з боку ўнутранай прасторы замка, з двума баявымі ярусамі і прасторнай верхняй пляцоўкай,

верагодна, прызначанай для артылерыі. Дадзеная акалічнасць і некаторыя асаблівасці формы ўмацавання (яго прыземістасць, размяшчэнне на кутах замка, што давала магчымасць артылерыйскага абстрэлу падыходаў адразу да двух сцен замка) нагадваюць нават не башту, а такі тып умацавання, як бастэя [10, 33]. 4 башты, у форме ўсечанай піраміды, размяшчаліся па дзве на кожнай з двух бакавых сцен, што цягнуліся ўздоўж рэк Улы і Зах. Дзвіны. Перад франтальнай сцяной на ўсю шырыню паўвострава ад ракі да ракі – сцяна з умацавання, падобнага да “частаколу” [10, 37]. Уваход на паўвостраў па ўсёй яго шырыні перагароджаны “кабылінай” – умацаваннем з доўгага бярвяна з каротка абрэзанымі заостранымі сучамі [10, 50]. Цяжка адназначна сцвярджаць аб матэрыяле, з якога па плану мусіў будавацца замак. Яго малюнак дапускае меркаванне і адносна каменю, і адносна абтынкаванага глінай дрэва, і адносна драўляна-земляной канструкцыі асбных частак (асновы нарожных баштаў, аснова франтальнай сцяны, Мал. 2).

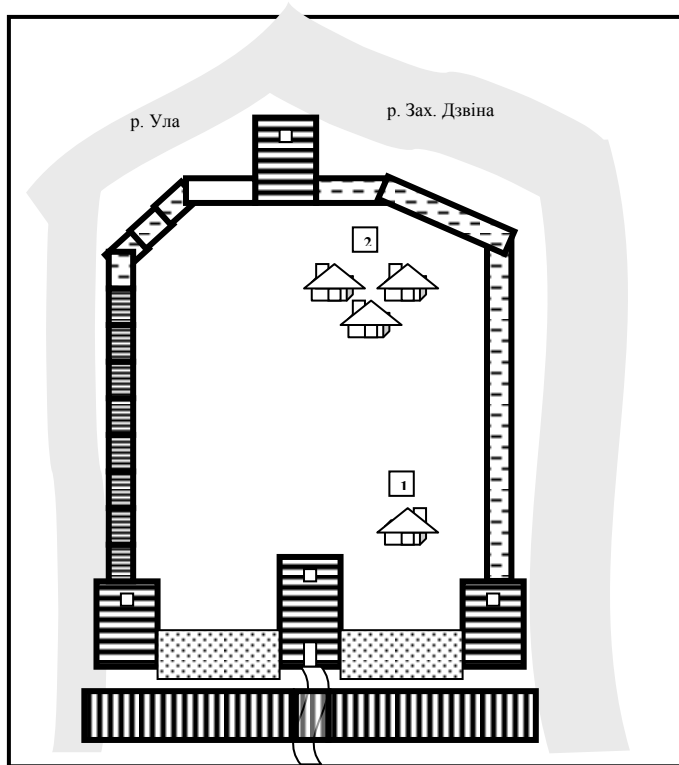
Мал. 2 Праект Ульскага замка, 2-я пал. XVI ст. 19,5 см. x 25, 5 см. [7, illustr. 4; 4]

Важнейшым пытаннем з’яўляецца тое, наколькі дадзены праект быў рэалізаваны? Яго маштабнасць і немалы кошт, цяжкасць рэалізацыі ва ўмовах прадаўжэння баявых дзеянняў і складанай унутрыпалітычнай сітуацыі выклікаюць пэўныя сумненні калі не ў тым, што гэта ўвогуле магло адбыцца, то ў тым, што гэта магло адбыцца хутка. Італьянскі план са сваім з’яўленнем мог выступаць, хутчэй, праграмай максімум. Тым не менш, ужо 13 кастрычніка 1568 г. Рыгор Хадкевіч піша аб Уле : “з ласки Божее ... вжо пачаток ее добрый ест” [8, 299]. А 22 красавіка 1570 г. замак перадаецца вялікім князем у дзяржанне князю Канстанціну (Касцешы) Лукомскаму [1, 96]. Даследчыкі пытання таксама сцвярджаюць, што замак

быў адноўлены і яго новы выгляд ілюструюць італьянскім праектам [4; 7, illustr. 4]. Які ж рэальны выгляд меў адноўлены замак?

Крыніцай, якая можа праліць святло на пытанне стану замка ў наступнае за 1560-мі гадамі дзесяцігоддзе, выступае знойдзены інвентар Улы. Дакумент утрымлівае апісанне замка і закладзенага пад ім места (існавала ўжо к сярэдзіне 1570 г.) [2, 686]. Складзены ён быў 8 ліпеня 1581 г. па загаду кар. пол. і вял. кн. літ. Стэфана Баторыя каралеўскім дваранінам Раманам Васілевічам Корсакам для перадачы Улы ў дзяржанне Марціну Курчу, войскаму віцебскаму, ротмістру каралеўскай кавалерыйскай роты на Вялікіх Луках. Прычынай змены дзяржаўцы была смерць папярэдняга ульскага старасты князя Касцешы Лукомскага, які трымаў яго з 1570 г.

Інвентар малое дастаткова падрабязную карціну замка. Пэўную складанасць у яе рэканструкцыі выклікаюць мова крыніцы (польская) і асобныя найменні ўмацаванняў, якія не ўдалося знайсці ў даведніках па гісторыі айчыннай архітэктуры і аб значэнні якіх можна меркаваць толькі з той або іншай ступенню верагоднасці. Так, згодна інвентара ў замку налічвалася 4 “бакшты” (польск. – “bakszty”). Умацаванне менавіта з такой назвай невядома скарыстанай у працы спецыяльнай літаратуры. Пад ім, верагодна, трэба разумець згаданыя вышэй умацаванні тыпу “башта”. Матэрыял, з якога ўзведзены башты, на жаль, не ўказваецца. Адна з іх з’яўлялася ўязной і стаяла ў цэнтры франтальнай сцяны. Злева ад яе на куце над ракой Ула – другая башта, “нарожная”, паміж імі – вал, перад ім (польск. – “podle kthorego”) – загароджана ўмацаваннем, названым у крыніцы “тын” (польск. – “thynem zagrodzono”). У літаратуры прадмета такі тэрмін адсутнічае. Пад ім, верагодна, трэба разумець частакол. Трэцяя башта размяшчалася на вусці Улы пры яе ўпадзенні ў Зах. Дзвіну. Другую нарожную башту ўздоўж ракі Улы з ёй звязвалі: “ogrodzien 8 pokrytych”, пад якімі, верагодна, можна разумець накрытыя дахам сцены-гародні; 4 недабудаваных гародні (“niedobudowanych ogrodzien czthuzi”); астатняя да башты рэшта сцяны была загароджана “тынам і тростам”

- - частакол
- - пакрыттыя сцены-гародні
- - недабудаваныя сцены-гародні
- - частакол і польскі плот ("тынам і тростам")
- - вал
- - башты
- 1 - вялікакняжскі двор
- 2 - 18 шляхецкіх, ротмістраўскіх, драбскіх двароў

Мал. 3. Рэканструкцыя ўмацаванняў Ульскага замка згодна з інвентаром Улы 1581 г.

Акрамя таго на замку знаходзілася 18 шляхецкіх, ротмістраўскіх і драбскіх двароў (Мал. 3).

Такім чынам, інвентар замка сведчыць, што на 1581 г. італьянскі праект рэалізаваны не быў. Аднак ён дэманструе ў асобных фрагментах замка выразнае падабенства да ўказанага праекта. Асабліва гэта датычыцца франтальнай яго часткі. У ёй план замка паўтарае ідэю італьянскіх архітэктараў: 1) тры башты з двума "нарожнымі" і цэнтральнай уязной; 2) паміж баштамі – вал, які мог быць асновай для сцен або, магчыма, увасабленнем новых ідэй, што распаўсюджваліся ў той час у заходнееўрапейскім, у тым ліку італьянскім, фартыфікацыйным будаўніцтве (замена мураваных сцен валамі); 3) наперадзе вала – сцяна з частаколу (параўнай малюнку 2, 3).

Прыведзеныя вышэй факты дазваляюць рэканструяваць наступную карціну гісторыі ўзнаўлення замка ў канцы 1568 г. – пачатку 1580-х гг. Відавочна, што пасля адбіцця замка неабходна было апэратыўна яго ўмацаваць для прадухілення паўторнай страты. Апошняе магло рэальна адбыцца. Па дадзеных выведкі на 7 кастрычніка 1568 г. планавалася выступленне на Улу з пад Полацка сумесных войск апоцкага ваяводы Нікіпара з паветам Навагародскім і іншымі войскамі, а таксама ваяводы Такмакова. Выступ адкладаўся з-за разгару эпідэміі ("паветрыя") ў краі [8, 296]. Усведамленне магчымасці контрнападу вымусіла да неадкладнага распачатця будаўнічых прац, якія па даручэнні Жыгімонта II Аўгуста вяліся Р.Ф. Сангушкам ужо з першых дзён верасня, так што к кастрычніку, па дадзеных гетмана

(польск. – "osthathek thynem i throsthem zagrodzono"). Пад апошнім фрагментам сцяны трэба разумець, відаць, умацаванне тыпу "польскі плот", якое ў фартыфікацыйных збудаваннях ўяўляла сабой укапаны з меншай чым звычайна рэгулярнасцю частакол, прапрамежкі паміж якім запляталіся лазняком ці іншым падобным матэрыялам, на галінах яго рабіліся заостраныя адшчэпы, скіраваныя ў бок штурмуючых [10, 65]. Чацвёртая башта, таксама нарожная, размяшчалася справа ад уязной на куце франтальнай і правай бакавой сцяны над Зах. Дзвіной. Паміж трэцяй баштай на вусці і чацвёртай баштай – недабудаваныя гародні ("ogrodny niedobudowane"). Ад гэтай башты да ўязной – вал, перад ім – загароджана частаколам ("thynem zagrodzono").

Унутры замка размяшчаўся комплекс будынкаў вялікакняскага двара, які ўключаў: дзве святліцы з сенямі насупраць адна адной, курную хату ("czarna izba"), клець з падклеццем, пуньку, стайню, пограб ("piwnica, nad ktorą kliethka"), ля яго – лазня, цэйхгаўз, святліца, курная хата, дзе жылі пушкары.

Хадкевіча, ужо меўся “добры пачатак” Улы (гл. вышэй). На замак былі скіраваныя значныя сілы і сродкі. Па загаду вялікага князя на будаўніцтва накіроўваліся ўсе падданыя, задзейнічаныя на іншых замках, падданыя з валасцей Барысаўскай, Бабруйскай, Любашанскай, Магілёўскай. Для найму працоўнай сілы на месцы і набыцця правіянту для рабочых і размешчанага на замку гарнізона казакоў выдаткоўваліся асобныя сродкі. Апроч таго, найвышэйшы гетман Рыгор Хадкевічы выслаў на будаўніцтва Улы з свайго Быхаўскага маёнтка 100 падданных (у тым ліку 50 з падводамі), з Магілёўскага староства – 200 падданных. Асобна прадпрымаліся захады для ўмацавання вайсковага гарнізона замка жывой сілай, зброяй, правіянтам [8, 285, 286, 290, 295].

Першапачаткова канкрэтнага плана ўзнаўленчых работ не існавала, калі не лічыць выкладзенага ў адным з лістоў меркавання Р.Ф. Сангушкі аб неабходнасці ўзвядзення адной вежы і абнясення яе “форостом” (?) [8, 285]. Асобныя парады давалі князю найвышэйшы гетман Рыгор Хадкевіч, падканцлер Астафей Валовіч. Апошні ў лісце да Р.Ф. Сангушкі ад 6 верасня 1568 г. пісаў: “...А моим мелким зданьем розумелбых, где бы ся мели добре пали мощные копаючи место колья в тот, а во трое такой плот ведучи, могбы ся нафасоват, а на фасовавши землю, могло бы ся через тую зиму так златат, толко башт поробивши...” [8, 287]. Канчатковае рашэнне выбару таго ці іншага віда ўмацаванняў яны давяралі князю: “...То Ваша милост сам лучшим и болшим баченьем своим огорнути, а што пожиточнейшого вчинити будеш рачил” [8, 287].

Будаўніцтва замка суправаджалася вялікімі цяжкасцямі: краіна рыхтавалася да заключэння уніі, сродкаў на вайну не хапала, загады вялікага князя, найвышэйшага гетмана аб зборы грошаў, рабочай сілы, зброі, жаўнераў для гарнізона выконваліся са значнай затрымкай і не ў поўным аб’ёме... Карэспандэнцыя архіва Сангушкаў па пытаннях адбудовы і абароны Улы ў гэты перыяд з’яўляецца яркай крыніцай, што адлюстроўвае асноўныя праблемы, існаваўшыя ў той час у дзяржаўным кіраўніцтве, войску, фінансавай сістэме краіны [8, 292 – 295, 298 – 299, 307 – 309].

Тым не менш, к красавіку 1570 г. – моманту перадачы замка ў дзяржанне князю Касцешы Лукомскаму – важнейшыя мінімальна неабходныя для яго абароназдольнасці працы былі скончаны. Сумніўна, аднак, каб яны былі выкананы ў такім аб’ёме, які адлюстроўвае інвентар 1581 г. Пасля першачарговых прац, удасканаленне фартэцыі, відаць, працягвалася. К гэтаму часу з Італіі ў ВКЛ павінен быў быць ужо дастаўлены вядомы праект. Будаўніцтва, такім чынам, пачало весціся больш грунтоўна, пачынаючы з фронтальнай сцяны. У аснову яго і быў пакладзены план італьянскіх архітэктараў. Умацаванне замку і давядзенне недабудаваных яго частак, згаданых у інвентары, прадаўжалася, відаць, і пасля складання гэтага дакумента. Сэнс у ім меўся як мінімум, да канца Інфлянскай вайны, аднак звестакі аб гэтым, пазнейшыя за 1581 г., пакуль адсутнічаюць.

1. Макараў, М.Д. Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў беларускага Падзвіння у XIV – XVII стст. / М.Д. Макараў. – Мінск: УП “Экаперспектыва”, 2008. – 248 с.
2. Макараў, М.Д. Ула / М.Д. Макараў // Вял. кн. Літ.: Энцыкл. у 2 т. – Мінск: БелЭн, 2007. – Т. 2. – С. 685 – 686.
3. Ткачоў, М.А. Гародня / М.А. Ткачоў // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1994. – Т. 2. – С. 489.
4. Ткачоў, М. Ульскі замак / М. Ткачоў // Вял. кн. Літ.: Энцыкл. у 2 т. – Мінск: БелЭн, 2007. – Т. 2. – С. 690.
5. Янушкевіч, А. Улы аблога 1568 / А. Янушкевіч // Вял. кн. Літ.: Энцыкл. у 2 т. – Мінск: БелЭн, 2007. – Т. 2. – С. 690.
6. Alexandrowicz, St. Rozwój kartografii Wielkiego księstwa Litewskiego od XV do połowy XVIII wieku / St. Alexandrowicz. – Poznań: UAM, 1989. – 278 s.
7. Alexandrowicz, St. Kartografia wojskowa Wielkiego księstwa Litewskiego do połowy XVII wieku / Alexandrowicz, St. // Kartografia wojskowa krjów strefy bałtyckiej XVI – XX w.: Materiały konferencji naukowej, Toruń, 20 – 22 października 1994 r. / Uniw. Mik. Kopernika w Toruniu, Wyższa Szkoła Oficerską im gen. Józefa Bema w Toruniu; pod. red. St. Alexandrowicza [i in.]. – Toruń: UMK i Zakład Poligraficzno-Wydawniczy POZKAL, Inowrocław, 1996.
8. Archiwum xx. Sanguszków w Sławucie (Dyplomotaryusz gałęzi niesuch-jeżskiej t. II): w 7 t. – Lwów: z drukarni Instytutu staupogijskiego, 1910. – Т. 7: 1554 – 1572. – 433 s.
9. Biblioteka Kórnicka Polskiej Akademii Nauk, Sygn. 00277 “Akta oryginalne za panowania Stefana Batorego z lat 1576-1586”.
10. Mały słownik terminologiczny dawniej architektury obronnej w Polsce / Oprac. J. Bogdanowski, Z. Holcer, M. Kornecki, A. Swaryczewski; wyd. drugie. – Kraków: Zakład Graficzny Politechniki Krakowskiej, 1988. – 126 s.
11. Polska technika wojskowa do 1500 roku. / Praca zb. pod red. A. Nadolskiego. – Warszawa: Oficyna naukowa, 1994. – 440 s.

Падалінскі У.А.
СОЙМАВЫЯ ПРАТЭСТАЦЫІ ЯК КРЫНІЦА ПА ПАЛІТЫЧНАЙ ГІСТОРЫІ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў КАНЦЫ XVI ст.

Вальны сойм быў адным з важнейшых інстытутаў улады ў Рэчы Паспалітай. На яго пасяджэннях разглядаўся надзвычай шырокі спектр актуальных пытанняў як унутранай, так і знешняй палітыкі, вырашаліся агульнадзяржаўныя і лакальныя праблемы. Зразумела, крыніцы, звязаныя непасрэдна з працай сойма, нясуць вельмі важную інфармацыю фактычна па ўсіх сферах жыцця тагачаснага грамадства. У нашым дакладзе паспрабуем прааналізаваць такі від дакументальных крыніц, як соймавыя *пратэстацыі* (лац. – *protestatio*; старабел. – *оповеданье*). Тым больш, што гэтыя акты па-сутнасці не былі прадметам асобнага даследавання ў гістарыяграфіі. Яшчэ ў пачатку XX ст. да характарыстыкі пратэстацый звярнуўся выбітны польскі гісторык У. Канапчыньскі [18, с. 255–262]. Таксама ў агульных рысах і, у асноўным, на польскім матэрыяле разглядала соймавыя пратэстацыі за перыяд 1587–1632 гг. польская даследчыца І. Левандоўска-Малец [19, с. 511–531].

У гістарыяграфіі ўжо зацвердзіўся погляд, што вальны сойм Рэчы Паспалітай не мог навязаць нейкага рашэння ніводнай частцы краіны, нават павету [20, с. 58]. Адным з галоўных прынцыпаў яго функцыянавання было дасягненне згоды. Разам з тым, сутыкненне інтарэсаў розных палітычных сіл не заўсёды спрыяла паспяховаму пошуку такога кансенсусу. Таму на сойме кожны сенатар і земскі пасол (ці нават кароль) мог афіцыйна пратэставаць супраць прыняцця большасцю таго ці іншага рашэння. Традыцыя выступлення з пратэстацыяй аформілася, відаць, яшчэ ў сойме Кароны Польскай. Пасля ўтварэння супольнага сойма Рэчы Паспалітай практыку ўнясення пратэстацый для абароны сваіх інтарэсаў хутка ўспрынялі і прадстаўнікі Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ). Першая вядомая нам пратэстацыя была ўнесена земскімі пасламі ВКЛ на вальным сойме 1576 г. [3, с. 154–156; 5, арк. 96адв.–98].

Віды пратэстацый былі розныя. І. Левандоўска-Малец вызначае шляхецкія (прыватныя і зробленыя на соймах), пасольскія, сенатарскія і каралеўскія пратэстацыі [19, с. 531]. Такая класіфікацыя падаецца нам не поўнай. Па-першае, не ўлічаны пратэстацыі, якія падавалі сумесна сенатары і паслы. Напрыклад, на сойме 1581 г. сенатары і паслы ВКЛ пратэставалі ў справе прызнання за слуцкімі князямі Алелькавічамі спадчыннага месца ў сенаце Рэчы Паспалітай [8, с. 31; 10, с. 394]. Уся дэлегацыя ВКЛ унесла пратэстацыю на канвакацыйным сойме 1587 г. аб тым, што польскі бок не разгледзеў пытанне аб пачатку мірных перамоў з Маскоўскай дзяржавай [1, с. 319–320]. А пратэстацыя на элекцыйным сойме 1587 г. наконт неправамоцнага абрання адразу двух каралёў Рэчы Паспалітай была падпісана сенатарамі і шляхтай як Вялікага Княства, так і Кароны [9, с. 257–262]. Па-другое, да асобнага віду пратэстацый, на нашу думку, трэба адносіць пратэстацыі, якія падаваліся ад імя ўсіх земскіх паслоў ВКЛ. Такія пратэстацыі выказвалі пазіцыю не проста нейкай групы паслоў, а цэлага суб'екта Рэчы Паспалітай. У разглядаемы час падобных салідарных пратэстаў дэлегацыі ВКЛ было даволі шмат: на соймах 1576, 1590, 1591, 1595, 1596 і 1597 гг. [3, с. 154–156; 4, с. 127–129, 134; 5, арк. 96адв.–98; 6, арк. 79–79адв.; 16, с. 119; 18, с. 433–435]. Выступленне з пратэстацыяй земскіх паслоў на вальным сойме 1576 г. падтрымалі і сенатары Вялікага Княства [3, с. 156; 5, арк. 97адв.].

Пратэстацыі выконвалі як мінімум дзве функцыі. Па-першае, давалі магчымасць ініцыятарам пратэсту або ўвогуле не прызнаваць нейкае рашэнне сойма, або адкласці яго далейшае абмеркаванне на соймакі, рэгіянальныя з'езды ці наступны сойм. Так, у 1576 г. дэлегацыя ВКЛ не згадзілася на скліканне сумеснага з палякамі паспалітага рушання як сродку забеспячэння абароны ад Маскоўскай дзяржавы [3, с. 155; 5, арк. 97]. На сойме 1590 г. земскія паслы Вялікага Княства пратэставалі супраць ухвалення пагалоўнага пабору, ланавага і чопаванага падаткаў, кварталы з гаспадарскіх уладанняў ды пазыкі ў 500 000 польскіх злотых на вайну з Турцыяй [18, с. 433–435]. Не зацвердзілі падаткаў літвіны і на

вальным сойме 1590/1591 г., але перанеслі іх ухваленне на разгляд павятовых соймакаў ВКЛ [6, арк. 79–79адв.]. Прадстаўнікі некаторых паветаў Вялікага Княства ўносілі пратэстацыі супраць зацвярджэння на сойме 1596 г. пабору, ухваленага з пэўнымі варункамі да караля і вялікага князя Жыгімонта Вазы яшчэ Галоўным з’ездам ВКЛ 1593 г. [7, с. 168]. Прычым, для шляхты гэта быў важны аргумент, каб не выплачваць пабор, чаго настойліва дабіваўся кароль. На тым жа сойме частка паслоў ВКЛ і Кароны выступіла з пратэстацыяй, у якой, з-за працэдурных парушэнняў, не прызнавала ўсіх соймавых рашэнняў [15, арк. 1–3; 17, с. 151–152]. Часта гэта быў сродак палітычнага ціску. Так, пратэстацыя, зробленая вялікакняскімі пасламі на вальным сойме 1595 г., утрымлівала пагрозу, што шляхта ВКЛ не будзе выконваць соймавых рашэнняў, калі Жыгімонт Ваза не спыніць сваіх спробаў дабіцца прызначэння віленскім біскупам паляка Бярнарда Мацяёўскага [4, с. 129]. Па той жа прычыне і на сойме 1597 г. паслы Вялікага Княства пагражалі не прызнаць ніякіх ухвалаў [16, с. 119]. Сама пагроза ўнясення пратэстацыі на сойме была сур’ёзнай палітычнай зброяй. Прывядзем толькі некалькі прыкладаў. Соймік Віленскага павета даручаў сваім паслам стольніку ВКЛ Яну Глябовічу і Аляксандру Хадкевічу на вальным сойме 1595 г. дабівацца прызначэння віленскім біскупам толькі літвіна. Калі ж гэтага не адбудзецца, то віленскія паслы павінны былі *“як добрыя сторажы правоў і вольнасцей нашых, не ўступаючы ні ў якія соймавыя справы, з пратэстацыяй толькі ўчыненай, да нас ... назад вярнуцца...”* [2, с. 333–334]. Напрыканцы каранацыйнага сойма 1587/1588 г. троцкі пробашч Бенедыкт Война пагражаў, што літвіны, калі ў соймавыя канстытуцыі не будзе ўнесена рашэнне аб статусе Інфлянты, выступаць з пратэстацыяй і не дазваляць *“на ўсе справы паноў палякаў”*. У выніку, польскім сенатарам і паслам просьбамі ды саступкамі ўдалося ўсё ж такі ўгаварыць паслоў ВКЛ адступіць ад іх намераў і не зрываць сойм [12, арк. 191–193, 297–298]. Разам з тым, важна заўважыць, што пратэстацыі ў канцы XVI ст. былі выразам нязгоды з пэўным рашэннем сойма ці з парушэннем нейкіх працэдурных пытанняў, але не ставілі за мэту зрыў яго працы.

Па-другое, афіцыйнае ўнясенне пратэстацыі апраўдвала земскіх паслоў у вачах сваіх выбарцаў (сенатараў – перад усім палітычным народам) у выпадку, калі яны не змаглі дасягнуць даручаных спраў. Так, на канвакацыйным сойме 1587 г. дэлегацыя ВКЛ на чале з троцкім ваяводам Янам Глябовічам нічога не дабілася ад палякаў наконт пачатку перамоў з Маскоўскай дзяржавай аб заключэнні вечнага міру. Літвіны ўнеслі ў варшаўскія гродскія кнігі адпаведную пратэстацыю, у т.л. і для таго, каб гэтая няўдача не была ацэнена як іх халатнасць і бяздзейнасць [1, с. 320]. Фактычна на ўсіх соймах Рэчы Паспалітай 1592–1600 гг. прадстаўнікі Вялікага Княства прасілі Жыгімонта Вазу адмяніць намінацыю паляка віленскім біскупам і прызначыць на гэты ўрад літвіна. Доўгі час просьбы тыя ніякіх вынікаў не мелі, таму паслы ВКЛ рэгулярна выступалі з соймавымі пратэстацыямі (напр., 1595, 1596, 1597 гг.), каб *«недбалства виною у браты, од которыхъ имъ сторожа правъ и волностей есть поверона, не были строфовани»* [4, с. 128, 134]. У 1595 г. А. Хадкевіч пратэставаў супраць упісання ў тэкст канстытуцыі і падатковага універсалу рэчаў, аб якіх на сойме нават не вялося гаворкі. Прычына пратэсту была ўказана толькі адна – каб не быць у чымсьці абвінавачаным шляхтай Віленскага павета, якая абрала яго соймавым паслом [14, арк. 1]. Характар свайго роду апраўдання перад князямі Алелькавічамі мелі і пратэстацыі, унесеныя на вальных соймах 1581 і 1585 гг., калі прадстаўнікі ВКЛ не змаглі станоўча вырашыць пытанне аб месцы слуцкіх князёў у сенаце Рэчы Паспалітай [8, с. 268, 314; 10, с. 394–395]. Нам падаецца, што менавіта гэтая другая функцыя соймавых пратэстацый і была асноўнай для палітычнай практыкі Рэчы Паспалітай канца XVI ст.

У разглядаемы час аформілася працедура ўнясення пратэстацый. Падкрэслім, што яна вызначалася звычай, а не канкрэтнымі прававымі нормаў. Пратэст абвяшчаўся напрыканцы сойма на сумесным пасяджэнні караля, сенатараў і паслоў падчас канчатковага ўхвалення рашэнняў. Пісьмовы варыянт пратэстацыі праз канцлера перада-

ваўся каралю і зацвярджаўся яго подпісам і пячаткай. Затым кароль загадваў запісаць пратэст у кнігі канцылярыі. Пасля чаго паслы маглі атрымаць у канцылярыі выпісы (копіі) пратэстацыі, зацверджаныя каралеўскай пячаткай, і адвезці іх у свае ваяводства ці паветы. Адступленні ад такой працэдуры ставілі легітымнасць пратэсту пад сумнеў [18, с. 255]. Даволі паказальны прыклад дае вальны сойм Рэчы Паспалітай 1590 г., які быў скліканы для пошуку значных грашовых сродкаў перад пагрозай вайны з Турцыяй. Дэлегацыя ВКЛ настойвала на зацвярджэнні Жыгімонтам Вазам міру з Масквой, заключанага яшчэ ў 1587 г., і пачатку перамоў аб вечным міры паміж Рэч Паспалітай і Маскоўскай дзяржавай. Літвіны адназначна ставіла сваю згоду на ўсе фінансавыя рашэнні сойма ў залежнасць ад выканання сваіх пастулатаў. Нічога не дасягнуўшы, на заключным пасяджэнні паслы ВКЛ выступілі з адпаведнай пратэстацыяй. Каб не дапусціць зрыву сойма, кароль паабяцаў выканаць усе патрабаванні літвінаў і праз сенатараў здолеў упэўніць паслоў адмовіцца ад пратэстацыі. Земскія прадстаўнікі Вялікага Княства ўхвалілі ўсе паборы, але пакінулі ў Варшаве сваіх дэпутатаў, якім даручылі сачыць за выкананнем каралеўскіх абяцанняў. Калі аказалася, што Жыгімонт Ваза не спяшаецца іх выконваць, то дэпутаты ўсё ж выступілі з той самай пратэстацыяй, ад якой адступілі раней [18, с. 433–435]. Аднак яна, унесена пасля сойма, ужо не мела фактычна ніякай сілы. Прынамсі, каралеўская ўлада настойвала на выкананні ў ВКЛ рашэнняў сойма 1590 г. [гл. напр.: 6, арк. 71адв.–72; 80адв.–81, 102адв.–103адв., 154адв.–156]. Не маглі адмяняць прынятых соймавых рашэнняў і пратэстацыі, унесеныя ўжо пасля заканчэння пасяджэнняў асобнымі пасламі ў павятовыя гродскія кнігі. Напрыклад, анік не паўплываў на правамоцнасць канстытуцый і падатковага універсала 1595 г. вышэй згаданы пратэст віленскага пасла А. Хадкевіча, запісаны ў люблінскія гродскія кнігі ў красавіку таго года [14, арк. 1–2].

Дададзім, што ў часы бескаралеўя працэдура ўнясення пратэстацый змянялася. Пасля абвяшчэння пратэстацыі перад сенатарамі і земскімі пасламі, яна ўносілася не ў канцылярыю, а ў гродскія кнігі Варшавы, дзе і адбываліся канвакацыйныя ды элекцыйныя соймы Рэчы Паспалітай [1, с. 319–320; 9, с. 257–262].

Эфектыўнасць соймавых пратэстацый залежала ад канкрэтнай сітуацыі. Калі пратэставала нязначная частка паслоў ці сенатараў, то на такі пратэст асабліва маглі не звяртаць увагі. Так, пратэсты некаторых павеатаў ВКЛ на сойме 1596 г. супраць зацвярджэння пабору 1593 г. не перашкодзілі каралю ў тым жа годзе дабівацца выплаты спрэчных падаткаў у Вялікім Княстве [7, с. 166–167]. А вось калі пратэстацыю ўносіла ўся дэлегацыя ВКЛ, то з ёй безумоўна мусілі лічыцца. Так і не было склікана супольнае паспалітае рушанне, супраць якога выступалі літвіны на сойме 1576 г. Як адзначалася, на сойме 1590/1591 г. паслы ВКЛ, з-за абмежаваных паўнамоцтваў, адмовіліся ўхваляць пабор і перанеслі вырашэнне гэтага пытання на павятовы ўзровень. Жыгімонт Ваза згадзіўся з гэтым і склікаў на люты 1591 г. у ВКЛ соймікі для зацвярджэння патрэбных падаткаў [6, арк. 81–83адв.]. Безумоўна, на палітыку караля і вялікага князя аказвалі ўплыў таксама і амаль пастаянныя пратэсты земскіх паслоў ВКЛ наконт канфлікту вакол віленскага біскупства.

У любым выпадку, зробленая па ўсіх звычаях пратэстацыя супраць нейкага рашэння сойма, ускладняла яго рэалізацыю. Ці нават магла прывесці да заканчэння пасяджэнняў без прыняцця канстытуцый і (або) зацвярджэння падаткаў. Асабліва гэта турбавала каралеўскую ўладу. Не дзіва, што каралеўскі двор прыкладаў шмат намаганняў, каб не дапускаць такіх пратэстаў. Вышэй ужо разглядалася, як у 1590 г. шляхам перамоў і абяцанняў Жыгімонтам Вазе ўдалося не дапусціць унясення на сойме пратэстацыі пасламі ВКЛ. У некаторых выпадках проста не дапускалі абвяшчэння пратэсту ў прысутнасці караля. Так, на заключным пасяджэнні сойма 1596 г. не дазволілі агучыць пратэстацыю, з якой хацелі выступіць у т.л. і паслы з Вялікага Княства [15, арк. 1; 17, с. 151–152]. Былі спробы забараніць гродскім урадам прымаць пратэстацыі [19, с. 258]. Па розных прычынах адмовіцца ад рэгістрацыі пратэсту маглі і канцылярыя. На

сойме 1595 г. менскі пасол Ян Гарабурда хацеў выступіць з пратэстацыяй увогуле супраць усяго сойма. Аднак канцлер Леў Сапега адмовіўся яе прымаць, бо палічыў, што дастаткова было пратэставаць толькі наконт спраў, датычных ВКЛ, а не Польшчы [11, с. 221]. Відавочна былі падставы, каб віленскі рэляцыйны соймак у маі 1595 г. скардзіўся на канцылярыю ВКЛ, якая на мінулым сойме адмаўлялася прымаць пратэстацыі паслоў, і тыя мусілі пратэставаць “*на інших урадах*” [13, арк. 2].

Безумоўна, соймавыя пратэстацыі даюць даволі шырокі спектр звестак аб палітычных працэсах у ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Іх змест адлюстроўвае палітычную барацьбу ў краіне, стаўленне і падыходы розных палітычных сіл да вырашэння актуальных дзяржаўных спраў, супярэчнасці паміж суб’ектамі Рэчы Паспалітай. Трэба памятаць і пра аналіз сацыяльна-палітычнага кантэксту, у якім паўставалі тыя ці іншыя пратэстацыі. Некаторыя пратэстацыі (напр., 1576, 1587, 1590, 1596 гг.) падрабязна апісваюць ход працы соймаў, дзейнасць на іх караля, сенатараў і земскіх паслоў. Яны дазваляюць больш падрабязна вывучыць соймавую практыку і працэдуру, прасачыць узровень палітычнай ды прававой культуры шляхты, элементы яе палітычнай свядомасці. Пратэстацыі таксама дапамагаюць у вывучэнні персанальнага складу земскага прадстаўніцтва ВКЛ на соймах Рэчы Паспалітай. Напрыклад, пратэст часткі шляхты на вальным сойме 1596 г. падпісалі 9 паслоў-літвінаў, а пратэст на элекцыйным сойме 1587 г. – 3 сенатары і 16 паслоў з Вялікага Княства [9, с. 261–262; 15, арк. 3]. У некаторых выпадках, ведаючы аўтараў пратэстацый, можна вызначыць і тых, хто стаяў за іх дзеяннямі.

Такім чынам, соймавыя пратэстацыі з’яўляюцца вельмі важнай крыніцай па палітычнай гісторыі ВКЛ і ўсёй Рэчы Паспалітай. І, на нашу думку, патрэбны як далейшы, больш падрабязны гісторыка-прававы аналіз гэтага віду крыніц, так і больш актыўны зварот да фактычнага матэрыялу пратэстацый пры даследаванні разнастайных пытанняў гісторыі Вялікага Княства Літоўскага XVI–XVIII стст.

1. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: В 39 т. – Вильна: Тип. Губ. Правления, 1865–1915. – Т. 3: Акты брестского гродского суда / Предисл. Я. Головацкого. – 1870. – XX, 416 с.
2. Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией: В 39 т. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1865–1915. – Т. 8: Акты виленского гродского суда / Предисл. И.Я. Спрогиса. – 1874. – XXV, 652, 83 с.
3. Лаппо, И.И. Великое княжество Литовское от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569–1586). Опыт исследования политического и общественного строя / И.И. Лаппо. – Спб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. – Т. 1. – XVI, 780 с.
4. Лаппо, И.И. Люблинская уния и третий Литовский статут / И.И. Лаппо // Журнал Министерства народного просвещения. – 1917. – № 5. – С. 89–150.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 56. – Метрыка ВКЛ. Кніга запісаў 56/132 (1571, 1576–1578).
6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Фонд КМФ-18. – Воп. 1. – Спр. 283. – Метрыка ВКЛ. Кніга судных спраў 69/165 (1589–1595).
7. Падалінскі, У. Ухваленне падаткаў на вальных соймах Рэчы Паспалітай як фактар палітычнай барацьбы (1593–1598 гг.) / У. Падалінскі // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2009. – № 3. – С. 157–176.
8. Akta Metryki Koronnej. Co ważniejsze z czasów Stefana Batorego. 1576–1586 / Wyd. A. Pawiński. – Warszawa: Księg. Gebethnera i Wolffa, 1882. – 318, VI s.
9. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego. – Т. 1: Okresy bezkrólewí / Oprac. H. Lulewicz. – Warszawa: Neriton, Instytut Historii PAN, 2006. – 437 s.
10. Akta unii Polski z Litwą 1385–1791 / Wyd. S. Kutrzeba i W. Semkowicz. – Kraków: Nakł. Polskiej Akademii Umiejętności i Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1932. – LVI, 571 s.
11. Archiwum Domu Radziwiłłów. Listy ks. M.K. Radziwiłła Sierotki–Jana Zamoyskiego–Lwa Sapiehy. – Kraków: Nakł. A. Radziwiłła, 1885. – XXIV, 295 s.
12. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. – Archiwum Publiczne Potockich. – Zbiór Dyaryuszów seymowych za panowania Zygmunta III. – Т. 1 (1585–1607). – Acta Coronationis Sigismundi tertii Regis 1587. Dyaryusz Seymu 1588.
13. Archiwum Główne Aktów Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. II. – Nr. 303. – Postanowienie Sejmiku Wileńskiego.
14. Archiwum Główne Aktów Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. II. – Nr. 326. – Protestacja A. Chodkiewicza, posła wileńskiego.
15. Archiwum Główne Aktów Dawnych w Warszawie. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. II. – Nr. 348a. – Protestatywa niektórych posłów w Warszawie na Sejmie uczyniona.
16. Dyaryusze seymowe roku 1597. W dodatkach: akta sejmikowe i inne odnoszące się do tego sejmu / Wyd. E. Barwiński. – Kraków: Nakł. Akademii Umiejętności, 1907. – XXVIII, 545 s.

17. Jarmański, L. Bez użycia siły. Działalność polityczna protestantów w Rzeczypospolitej u schyłku XVI wieku / L. Jarmański. – Warszawa: Semper, 1992. – 270 s.
18. Konopczyński, W. Liberum veto: studium porównawczo-historyczne / W. Konopczyński. – Kraków: Krzyżanowski, 1918. – XVI, 468 s.
19. Lewandowska-Malec, I. Sejm walny koronny Rzeczypospolitej obojga narodów i jego dorobek ustawodawczy (1587–1632) / I. Lewandowska-Malec. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2009. – 640 s.
20. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława IV Wazy / H. Wisner. – Wydanie II. – Warszawa: Neriton, 2001. – 144 s.

Попель Р.І.

ЛЬВОЎСКИ ЛЕТАПІС І АСТРОЖСКИ ЛЕТАПІСЕЦ ЯК УЗОРЫ УКРАЇНСКАГА МЯСЦОВАГА ЛЕТАПІСАНИЯ XVII ст.

Землі колішняй Рэчы Паспалітай пакінулі нам багатую летапісную спадчыну: беларуска-літоўскія, украінскія, польскія хронікі і летапісы, розных напрамкаў, розных стыляў. Канец XVI – XVII стст. у храналогіі летапісання можна адзначыць як час паступовага заняпаду яго агульнадзяржаўнай формы і пераходу да т. зв. мясцовых летапісаў. У Беларусі яны вядомы ў першую чаргу пад назваю гарадскіх хронік, яскравымі прыкладамі якіх з’яўляюцца Баркулабаўскі летапіс, а таксама пазнейшыя віцебскае і магілёўскае летапісанні. Відавочную паралель тут можна правесці з украінскім мясцовым летапісаннем, што бярэ пачатак у XVII і працягвае існаваць у XVIII стст. Ва украінскай гісторыяграфіі яно вядома пад назваю казацкіх ці казацка-старшынскіх летапісаў, хоць назва гэтая дастаткова ўмоўная. І сапраўды, многія з іх ствараліся відавочнікамі ці ўдзельнікамі казацка-сялянскіх войнаў [1, с. 14], часта на падставе мемуарнай літаратуры, і маюць у сваім сюжэце апісанне падзей тых часоў (летапісы Самавідца, Вялічкі, Грабянкі). Аднак пры гэтым яны нярэдка маюць канкрэтную лакалізацыю – горад, мястэчка ці манастыр, дзе былі створаны (Густынскі, Дабрамільскі, Межыгірскі, Хмяльніцкі, Чарнігаўскі летапісы). Натуральна, што гісторыя і побыт роднага месца знаходзяцца ў цэнтры ўвагі падобных летапісаў. Нягледзячы на пэўныя выключэнні (Густынскі летапіс, Летапісцы Валыні і Украіны), большасць гэтых хронік адыйшлі ад характэрнага для больш ранняга летапісання імкнення перадаць гісторыю з біблейскіх часоў і засярадатчылі сваю ўвагу на значна меншым храналагічным прамежку, звычайна сучасным аўтараў падзеям, ці, ва ўсялякім выпадку, не далей за некалькі ранейшых стагоддзяў.

Нягледзячы на свой лакальны характар, часта кораткасць у выкладанні інфармацыі і шматлікія кампіляцыі, наогул характэрныя для летапісання, гарадскія і казацкія летапісы нясуць крайне каштоўную інфармацыю пра мясцовую гісторыю, побыт і штодзённае жыццё простых людзей, што звычайна аказваецца па-за ўвагай маштабных агульнадзяржаўных хронік. Вялізную ролю мясцовыя летапісы адыгрываюць у адлюстраванні бачання насельнікамі пэўнага месца (і часта пэўных поглядаў) значных гістарычных падзей. Пры гэтым і ў беларускай, і ва украінскай гісторыяграфіі мясцовае летапісанне часта не закранаецца буйнымі гістарычнымі даследваннямі, адсюль недастатковая навуковая вывучанасць многіх з такіх хронік [1, с. 38]. Аднак трэба зазначыць, што украінскія мясцовыя летапісы шчыльна закранаюць падзеі, што не маглі абыйсці бокам ніводзін з народаў былой Рэчы Паспалітай: казацка-сялянскія войны, канфесійную барацьбу, міждзяржаўныя адносіны – шэраг можна доўжыць і доўжыць... А гэта абумоўлівае крыніцазнаўчую каштоўнасць украінскага летапісання і для беларускай гістарычнай навукі.

Яскравымі прыкладамі украінскіх мясцовых хронік з’яўляюцца Львоўскі летапіс і Астрожскі летапісец, што адкрываюць сабою шэраг казацкіх летапісаў. Наогул, існуе меркаванне, згодна якому, калі ўлічыць ужыванне ў гэтых хроніках украінскай мовы і фальклорных элементаў, яны з’яўляюцца аднымі з першых узораў уласна украінскага летапісання [1, с. 41]. Пры гэтым большасць украінскіх даследчыкаў усё ж узводзяць пачаткі гэтага працэсу да часоў Старажытнай Русі, але ў любым выпадку значэнне мясцовага летапісання як гістарычнай крыніцы, помніка мовы і літаратуры відавочна. Між Львоўскім летапісам і Астрожскім летапісам гісторыкі знаходзяць шмат падабенства: адны з найбольш ранніх мясцовых хронік, яны былі створаны прыкладна ў адзін час,

маюць падобную структуру, моўныя і сюжэтныя асаблівасці. Таму і ў дадзеным артыкуле мэтазгодна разглядаць іх разам.

Львоўскі летапіс – помнік 30-х – 40-х гг. XVII ст. – быў змешчаны М. Гунаш-эўскім сярод іншых матэрыялаў у асобнай кнізе, складзенай з аркушоў польскай паперы, пра што сведчыць асаблівая філігрань. Летапіс напісаны украінскім ці паўднёварускім звязаным скоропісам (акрамя першых двух уставак за 1339 і 1471 гг. на польскай мове). Рукапіс летапісу быў знойдзены ў пачатку XIX ст. галіцкім гісторыкам і археографам Дзянісам Зубрыцкім у архіве Стаўрапігійскага інстытута. Першае выданне летапіса было зроблена М. Пагодзіным ў Маскве ў 1839 г. у “Русском историческом сборнике”, другое здзейснена ў Львове ў 1867 – 1868 гг. [3, 4]. Ад першых выдавальнікаў летапіс і атрымаў назву Львоўскі, што і замацавалася за ім надалей. Значнае даследванне Львоўскага летапісу і Астрожскага летапісцу, а таксама іх выданне ажыццявіў А. Бэўза ў сваёй працы “Львівський літопис і Острозький літописець: Джерелознавче дослідження”, што выйшла ў Кіеве ў 1971 г. Кніга разам з тэкстам летапісаў зараз даступна, у прыватнасці, на сайце “Ізборник” – буйнейшым украінскім веб-рэсурсе, які створаны як архіў гістарычных крыніц [2].

Львоўскі летапіс ахоплівае падзеі ад 1498 да 1649 гг. уключна. Структура летапісу пабудавана па прынцыпу класічнай хронікі – з перадачай падзей па гадам. Пры гэтым у тэксце (асабліва ў яго першай частцы) шмат пустых дат, чым часта “злоўжывалі” і ранейшыя хронікі. У агульным летапіс можна лічыць арыгінальнай творам, аднак крыніцай яго часткі з’яўляецца гістарычная праца польскага царкоўнага і палітычнага дзеяча Марціна Кромера “Пра паходжанне і справы польскага народа ў 30 кнігах” (“De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX”), што ўпершыню пабачыла свет у Базелі ў 1555 г. на лацінскай мове, а ў 1611 г. выйшла яе польскамоўнае выданне ў Кракаве. Кромер, у сваю чаргу, абапіраўся на больш раннія хронікі Яна Длугаша і Бернарда Вапоўскага [1, с. 34]. Наогул, шчыльная сувязь між украінскім мясцовым летапісаннем і польскімі хронікамі відавочна.

Летапіс утрымлівае каштоўную інфармацыю пра ўнутры- і знешнепалітычную сітуацыю ва Украіне XIV - XVI, а асабліва першай паловы XVII ст. Значная ўвага надаецца ўзаемаадносінам між Рэччу Паспалітай, Маскоўскай дзяржавай, Крымскім ханствам – дзяржавамі, арэнай сутыкнення палітычных і эканамічных інтарэсаў якіх сталі украінскія землі. У параўнанні з першай, другая частка летапісу з’яўляецца значна больш падрабязнай – тут распавядаецца пра казацкія рухі і вайну 1648 –1654 гг., што вельмі тыпова для украінскага мясцовага летапісання. Скончваецца летапіс, дарэчы, перадачай асноўных пунктаў Збаражскага перамір’я між казакамі Б. Хмяльніцкага і ўрадам Рэчы Паспалітай. Утрымліваюцца ў летапісу і звесткі, што не знайшлі адлюстравання ў іншых крыніцах. Перадаюцца тут, канешне ж, і падзеі мясцовага характару, якія надаюць гарадскім хронікам свой непаўторны каларыт: значныя падзеі з жыцця прадстаўнікоў мясцовых арыстакратычных родаў, палітычных і царкоўных дзеячаў, кошты на тавары, ураджайныя і галодныя гады, пажары ва Львове і акрузе і многае іншае. Для прыкладу прыгадаем цытату з летапіса пра ўраджай 1639 г. і яго эканамічныя наступствы: ”Урожай Бог дал над сподіванне, бо ся боялі сіяти, ще б не было урожаю, і так мало сіяли. Але Бог дал великий урожай, же колода жита була по золотих три, гороху полумірок по грошій 20, і вшистка було тане”[5, с. 119]. А вось што летапіс распавядае пра “цуды”, што з’явіліся ў небе над Львовам (1638 г.): “В тім же року на небі якісь чуда ся показовали, і місяць гдесь ся бул заділ: тільки с подполня а погодиивої ночі таки его не було в небі” [5, с. 119].

Астрожскі летапісец быў створаны у канцы 30-х гг. XVII ст. невядомым аўтарам і надае асаблівую ўвагу месцу Астрог (зараз – цэнтр Астрожскага раёну Ровенскай вобласці Украіны) і падзеям яго акругі. Летапіс быў уключаны ў навуковы зварот дастаткова позна. Зараз вядомыя тры яго рэдакцыі ў чатырох спісах. Летапіс першай яго рэдакцыі (так зв. Му-

зейнай) быў знойдзены ў рукапіснай кнізе зборы Дзяржаўнага гістарычнага музея ў Маскве акадэмікам М. Ціхаміравым і выдадзены ім у 1951 г. у працы “Малоизвестные летописные памятники” пад назваю Астрожскі летапісец [8, с. 237]. Музейная рэдакцыя летапісца з’яўляецца на дадзены момант найбольш вывучанай. Таксама вядомыя Харкаўская рэдакцыя (знойдзена ў Навуковай бібліятэцы ў Харкаве) і так зв. Крэхіўская хроніка [6, с. 69]. Апошняя выдавалася А. Крыжаноўскім яшчэ ў 1904 г. Кароткі яе разгляд зрабіў украінскі гісторык І. Крып’якевіч. Ёсць і кароткі варыянт Крэхіўскай хронікі – Скарочаная рэдакцыя, што выкарыстоўвалася А. Петрушэвічам.

У 1971 г. Астрожскі летапіс быў перавыдадзены А. Бэўзам у кнізе, што мы ўжо прыгадвалі вышэй. Даследванні розных рэдакцый і спісаў летапісца выдаў у 1995 г. украінскі навуковец Юрый Мыцык.

Храналагічны прамежак, які ахоплівае летапісец – з 1500 (у Музейнай рэдакцыі) ці з 1497 (у Крэхіўскай хроніцы) да 1636 (у Музейнай рэдакцыі) ці 1649 гг. (у Крэхіўскай хроніцы) – значна меншы, чым у Львоўскага летапісу. Падзеі таксама распісаны па гадам, але пустых дат няма. Па зместу Астрожскі летапісец (Музейнай рэдакцыі) можна падзяліць на дзве ўмоўныя часткі [7, с. 125]. Першая – ад 1500 да 1598 г. – з’яўляецца, па сутнасці, даслоўнай кампіляцыяй звестак з працы польскага гісторыяграфа Марціна Бельскага “Хроніка ўсяго света” (“Kronika wszystkiego swyata”), што выйшла на польскай мове ўпершыню ў 1551 г. Грунтоўная гістарычная праца таго часу, Хроніка Бельскага значна паўплывала на усходнеславянскую гісторыяграфію, сярод іншага, у ёй утрымліваецца і шмат звестак па гісторыі Украіны. Нездзіўляльна ў гэтым святле, што ў пачатку ўсяго спісу Астрожскага летапісцу стаіць загаловак “С кройніки Бельскаго речі потребніі выбрані”.

Другая частка Астрожскага летапісца (з 1598 да 1636 г. уключна) мае, хутчэй за ўсё, арыгінальны характар. Тут разам з агульнагістарычнымі падзеямі ўсё большая ўвага надаецца мясцовым палітычным, грамадскім і эканамічным працэсам [1, с. 36]. На старонках Астрожскага, як і іншых мясцовых летапісаў, добра адлюстравана барацьба між дзяржавамі ўсходнееўрапейскага рэгіёну за сферы ўплыву на ўкраінскія землі. Летапісец прыгадвае таксама пра гаспадарчыя, пабытовыя справы, што збліжае яго з іншымі мясцовымі хронікамі. Часта прыгадваюцца падзеі з жыцця роду князёў Астрожскіх – валодальнікаў Астрога. Асабліва акцэнт у ёй ўвагу летапісец на пытаннях сацыяльных адносін і, канешне ж, расказвае пра казацка-сялянскія войны. Крайне значнае месца адводзіцца асвятленню канфесійнай барацьбы. Між іншым, прыгадваецца і гісторыя з забойствам архібіскупа Ясафата Кунцэвіча ў Віцебску ў 1623 г. Трэба сказаць, што Астрожскі летапісец – твор адназначна праваслаўнай накіраванасці, больш, чым Львоўскі летапіс. Парадокс, але і М. Бельскі, і, тым больш, М. Кромер, на якіх спасылаюцца Астрожскі і Львоўскі летапісы, былі ідэйнымі католікамі. У агульным жа, праправаслаўныя пазіцыі характэрныя для большасці ўзораў украінскага летапісання.

Львоўскі летапіс і Астрожскі летапісец адкрываюць сабою доўгі шэраг украінскіх мясцовых летапісаў, якія з’яўляюцца каштоўнымі гістарычнымі і мовазнаўчымі помнікамі. Мясцовае летапісання, многія ўзоры якога яшчэ чакаюць свайго вывучэння, можа стаць значнай крыніцай даследвання палітычнай, эканамічнай гісторыі і філалогіі Украіны, а таксама Усходняй і Цэнтральнай Еўропы.

1. Бевзо О.А. Львівський літопис і Острозький літописець: Джерелознавче дослідження. — К.: Наукова думка, 1971. — 200 с.

2. «Ізборник» [Электронны рэсурс]. — 2003. — Режим доступу: <http://ito.edu.ru> — Дата доступу : 05.08.2011.

3. Львовская летопись // Научный сборник, издаваемый литературным обществом Галицко-русской митрополии. — Львів, 1867-1868. — Вып. I-IV. — С. 255-294.

4. Львовская русская летопись // Русский исторический сборник, издаваемый обществом истории и древностей российских. — М., 1839. — Т. III, Кн. 3. — С. 233-267.

5. Львівський літопис // Бевзо О.А. Львівський літопис і Острозький літописець: Джерелознавче дослідження. — К.: Наукова думка, 1971. — С. 99-124.

6. Мицик Ю. Острозький літописець // Острозька давнина. — Львів, 1995. — Т.1. — С. 69-73.

7. Острозький літописець // Бевзо О.А. Львівський літопис і Острозький літописець: Джерелознавче дослідження. — К.: Наукова думка, 1971. — С. 125-140.
8. Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники. 4. Острожский летописец // Исторический архив. — М., 1951. — Т. VII. — С. 236-253.

Падбярзкіні П.Д.

РУСКАЯ ВЫВЕДКА НА ПАМЕЖЖЫ З РЭЧЧУ ПАСПАЛІТАЙ У ПЕРЫЯД 1652–1654 гг. ПА ДАКУМЕНТАХ РАЗРАДНАГА ПРЫКАЗА

Асаблівасці памежнага становішча з 1618 г. Пасля заключэння Дэўлінскага перамір'я 1618 г. на межах Рускай дзяржавы з Рэччу Паспалітай складваецца своеасаблівае становішча. Да каталіцкай Польшка-Літоўскай дзяржавы адышлі землі з пераважна праваслаўным насельніцтвам. Паміж асобнымі мясцовасцямі, ня гледзячы на прасоўванне паміж імі дзяржаўных межаў, працягвалі захоўвацца трывалыя гаспадарчыя, гандлёвыя, роднасныя, і інш. сувязі, што рабіла мясцовых жыхароў патэнцыяльнымі фігурантамі выведкі аднаго з бакоў. Ва ўмовах недасканалай аховы мяжы рабіўся магчымым паспяхова збор інфармацыі. Пospех быў за тым бокам, які б найбольш удала скарыстаўся з дадзеных абставін. Мясцовае праваслаўнае насельніцтва патэнцыяльна ўжо было лаяльным да Рускай дзяржавы. Значыцца, ініцыятыва павінна была належыць менавіта Маскве.

Наша задача – на падставе апублікаваных крыніц Разраднага прыказа, т.зв. “веставых стаўбцоў” паспрабаваць раскрыць ролю выведкі ў храналагічны перыяд 1652–1654 гг. – час актыўнай падрыхтоўкі Рускай дзяржавы да ваенных дзеянняў на заходнім напрамку.

Дакументы Разраднага прыказа як крыніца па гісторыі выведкі. Разрадны прыказ – ваеннае і адміністрацыйнае ведамства Рускай дзяржавы – пакінуў пасля сябе каштоўную дакументальную спадчыну, дзякуючы якой, сучасны даследчык мае магчымасць карыстацца пэўным комплексам крыніц па асобных навуковых праблемах, прысвечаных ваеннай, дыпламатычнай і сацыяльнай гісторыі. Для даследавання дзейнасці рускай выведкі XVII ст. дакументы Разраднага прыказа з'яўляюцца фактычна асноўнай групай крыніц. У Рускай дзяржавы XVII ст., калі яшчэ не было асобных устаноў для збору звестак аб праціўніку, існавала трывалае становішча ваеннай пагрозы на межах з Польшка-Літоўскай дзяржавай, пошуку аб'ектыўнай інфармацыі шляхам выведкі надавалася усё большая роля.

Перыяд 1652–1654 гг. у дакументах Разраднага прыказа. Дадзены перыяд трэба разглядаць у якасці асобнага ў дзейнасці выведкі па наступных прычынах. У гэты час у дакументах прыказа (адрозна ад перыяду больш ранняга, дзе пераважнае месца займае “татарская”, “чаркаская” і інш. тэматыкі, звязаныя з тэмай паўстання на Украіне) вялікая ўвага надаецца збору звестак аб руху літоўскіх ваенных кантынентаў і дзеяннях палявых камандуючых, канцэнтрацыі сіл і узбраення. І гэта невыпадкова – менавіта ў 1652 г. каронная армія церпіць буйнейшыя паразы ад паўстанцаў пад Батогама і Жванцом. Рэч Паспалітая знаходзіцца на мяжы ваеннай катастрофы і ў Маскве мэтанакіравана пачынаюць рыхтавацца да будучай вайны. А значыць, актывізуецца і памежная выведка. У пэўныя адрэзкі перыяду 1652–1654 гг. выведку цікавіла тое ці іншае пытанне. Таму паспрабуем разгледзець яе дзейнасць тэматычна і храналагічна.

2 жніўня 1652 г. белгарадскі ваявода Емельян Бутурлін по царскаму даручэнню даслаў “в козачии города черкас Сеньку Маленького до Павлика Калининкова ... для проводыванья вестей за рубежом в польской стороне в козачьих городех ..., в Веприке да в Гадиче“ [1, с. 290]. Пасланцы прыехалі ў вышэйназваныя гарады, але далей іх не пусцілі, сказаўшы: “ехать де вам далее того нельзя, туда де вас пропустят, а назад де не пропустят ... во многих местех мор большой ... поставлены заставы крепкие ... пропускать никого не велено”. Такім чынам, адной з галоўных тэм, якая цікавіла цара на працягу поздняга лета-восені 1652 г., была верагоднасць дадзенай інфармацыі, як убачым – нездарма. З адпіскі вольнаўскага ваяводы Плешчэева ад 2 верасня мы давед-

ваемся, што да апошняга 26 жніўня 1652 г. ”... приехали курчане Любимка Малютин да пушкаръ Куземка Халезев” [6, с. 291]. Па паказаньням Малюціна і Халезева выявілася, што, насамрэч, ніякага “морowego поветрия нет”, а задумана яно было якраз дзеля таго, каб “... государевы люди в их сторону не ездили ... боясь на себя приходу твоего государева боярина и воеводы, князя Григорья Семеновича Куракина с ратными людьми”. Атаманы пыталіся ў Малюціна і Халезева, па якой прычыне баярын Куракін “с ратными людьми идет к литовскому рубежу?”. “Лазутчыкі” тлумачылі гэта тым, што баярын “ходил по черте крепостей осматривать от приходу крымских людей”. Такім чынам, легенда аб “морowym поветрии” была сфабрыкавана мясцовымі казацкімі даводцамі для прадухілення прыходу войск баярына Куракіна, якія маглі спустошыць акругу. Іншая ж версія ў тым, што такім чынам атаманы хацелі перашкодзіць дзейнасці іншаземнай выведкі на сваёй тэрыторыі (Украіна на 1652 г. яшчэ не была звязана дамоўленасцямі з Рускай дзяржавай). Магчыма, менавіта такі метада “морowego поветрия” быў прыменены пазней, ўжо рускім бокам [2, с. 344]. Нельга перабольшваць значэння выкарыстання метада “морowego поветрия” – “учреждение застав” было звычайнай з’явай з-за пашырэных выпадкаў эпідэмічных захворванняў у той час.

Трывалай мэтай выведкі з 1648 г. заставаўся збор інфармацыі аб ходзе паўстання Хмяльніцкага на Украіне. Спецыяльна кранацца яе не будзем, значым толькі, што тэа ці іншыя вынікі барацьбы для паўстанцаў уплывалі на далейшую палітыку Рускай дзяржавы ў адносінах да заходняга суседа ў цэлым. Так, менавіта пасля паразу 1652 г. кароннай арміі назіраецца значная актывізацыя дзейнасці выведкі на ўсім працягу мяжы, таксама як і мэтанакіраваных парушэнняў апошняй. Асабліва цікавіла маскоўскае кіраўніцтва адносіны казацкіх вярхоў з радавым казацтвам (на якое і была зроблена стаўка ў будучым).

У перыяд 1653–1654 гг. першачарговым пытаннем для выведкі была падрыхтоўка літоўскага камандавання да ваенных дзеянняў на маскоўскім напрамку. 8 снежня 1652 г. казакі нежынскага палкоўніка Івана Залатарэнкі схапілі “в языкех поляка, и тот де поляк говорил, что поляком и литве нынешней осени по первому зимнему пути под Новгородок-Северской ... приходит войною” [8, с. 308]. Хоць “палякі і літва” збіраліся дзейнічаць супраць нежынскага палкоўніка на Севершчыне, але ж пасля гэтага выпадку ўжо з восені 1653 г. тэма “літоўскай пагрозы” пачынае ўсё часцей з’яўляцца ў дакументах прыказа.

22 верасня “брянский посадской человек” Міцька Сапронаў данасіў ваяводу Рыгору Далгарукаму аб тым, што “как де твои государевы послы прошли Смоленск, и после де их, неделю спустя, пришли в Смоленск Сапежанок, а с ним литовские люди” [5, с. 345]. Дадзеную інфармацыю падцвердзілі мясцовыя прымежныя сяляне. Дзякуючы параўнанню шматлікіх крыніц, у Маскву прышлі даволі аб’ектыўныя звесткі. У кастрычніку 1653 г. таропецкі ваявода Сцяпан Вельямінаў атрымаў звесткі аб тым, што “от литовских людей будет с московскими людьми война ... и листы де по городам и по местечкам везде поприбиты, ... и от нас де литовская война будет ... чтоб де нам наперед войском своим наступать в Московскую землю ... а люди де готовы наши в Орше ” [9, с. 346–347]. У снежні 1653 г. бранскі ваявода Рыгор Далгарукі падцвердзіў звесткі аб падрыхтоўцы літоўцаў да вайны [4, с. 353]. Ужо ў студзені 1654 г. Далгарукі атрымаў звесткі аб месцы планаваных удараў літоўскай арміі: “хотят де приходит литовские люди на Брянской и на Серпейской уезд” [3, с. 357]. Гэтую ж інфармацыю ўдакладнілі і яблonaўскія ваяводы [11, с. 358]. Тэма “пагрозы” усё часцей прасочваецца ў далейшых адпісках за 1654 г. Становішча ўскладнялі і выпадкі затрымання “падазрых” на памежжы [12, с. 359].

Такім чынам, у пэўных адрэзках часу за 1652–1654 гг. мы назіраем засяроджанасць царскага кіраўніцтва на асобных мэтах збору інфармацыі (“морowego поветрие”, “літоўская пагроза”, інфармацыя аб рухах паўстанцкіх войск і г.д.).

Рэкрутаванне і метады дзейнасці “лазутчыкаў”. Тут мы маем справу з “лазутчыкамі” – людзьмі, якія спецыяльна пасылаліся з мэтай збору інфармацыі. Найбольш поўна апісаны метады адбору шпегаў у адпісцы яблonaўскага ваяводы Рыгора Куракіна за

верасень 1652 г. Цар патрабуе ўзяць “с Корочи, и с Белгорода, и с Царева, с Усерда по доброму человеку черкас, а велеть допрошать... чтоб их послать в Литовскую сторону” [10, с. 294], “добрых и знающих людей”. Такім чынам, дзеля нагляду за ходам паўстання на Украіне бяруцца людзі з чатырох розных гарадоў, якія, відаць, маюць нейкія асабістыя якасці (“добрые и знающие”). Гэта “черкасы” – што значыць людзі, якія будуць сваімі на гэтай тэрыторыі (па такім жа прынцыпе “сваіх” у “лазутчыкі” бралі праваслаўных манахаў і сялян). Шпегаў яшчэ трэба “допрошать” – г.зн. праверыць іх добранадзейнасць і даць пэўную задачу. Далей: “... а отпустили есте тех черкас в Литовскую сторону не в одно время, по одному, чтоб те черкасы меж себя, и сторонние черкасы, того отпуска не ведали” [Там жа, с. 295]. Лазутчыкі пасылаюцца адасоблена, у выпадку ж правалу аднаго з іх шкода агульнай справе з’яўляецца мінімальнай (нават пад катаваннем шпег не можа выдаць іншых, бо ён іх наўпрост не ведае). “А велели бы есте им в Литовской стороне побыть не малое время, чтоб в Литовской стороне доведаться подлинных вестей ...”. Пэўны (не вельмі кароткі) адрэзак часу знаходжання за мяжой дазволіць лазутчыкам здабываць больш верагодныя і поўныя звесткі, карыстаючыся часовай перспектывай і магчымасцю ўдакладняць інфармацыю з розных крыніц. “Будет их в литовской стороне узнают, что они приехали из нашей стороны проводывать вестей, и они бы сказывали, что они не хотя быть в нашей стороне, отъехали в Литовскую сторону, хотячи служить в Литовской стороне”. Яскрава бачны своеасаблівы зародак “легенды” выведніка, якой ён будзе карыстацца ў выпадку правалу.

Забеспячэнне. “И вы б тем черкасом для тех посылок дали нашего денежного жалованья рублей по 6 и по 7 рублей, а самым добрым, от которых знаете всякаго добра и службы, и вы б тем дали нашего жалованья и по 8 рублей; а будет у каких лошади худы ... дати по драгунской лошади”. Бачым прынцып грашовага заахвочвання. Невядома дакладна, на які тэрмін лазутчыкам выдаткоўваліся такія грошы. Тым не менш, гэта была даволі вялікая сума. Параўнаем: Радавы іншаземны дваранін палка новага ўзору атрымліваў 1,05 руб. у месяц, прапаршчык – 1,50 руб., капітан 7 руб., звычайны стралец (не маскоўскі) атрымліваў каля 3,5 руб. штогод, ніжэйшы афіцэрскі чын – дзесятнік – 3 руб. 75 кап., сярэдні (пяцідзятнік) – 4 рублі суадносна. Рубль тады складаўся з 100 кап., 100 кап. каштаваў добры конь. Лазутчык, як мяркуем, пасылаўся на нявызначаны тэрмін і мог вяртацца за новым акладам. Як бачым, гэтых грошаў было дастаткова на доўгатэрміновую дзейнасць за мяжой. Ёсць спроба далейшага карыстання паслугамі “добрых лазутчыкаў” – крокі да прафесіяналізацыі дадзенай справы. Існавала трывалая сістэма забеспячэння шпегаў усім неабходным рыштункам, што адзначалася дакументальна.

Заклучэнне. У абставінах трывалай ваеннай небяспекі на межах, у Рускай дзяржаве XVII ст. працягвае фарміравацца сістэма забеспячэння ваеннага кіраўніцтва інфармацыяй аб праціўніку. Своеасаблівае становішча на прымежных тэрыторыях з Польшка-Літоўскай дзяржавай, дзе абсалютная большасць насельніцтва была праваслаўнай і лаяльнай да ўсходняга суседа, дазваляла ў яшчэ большых маштабах разгарнуць актыўнасць выведкі, удакладняць метады яе дзейнасці. Спецыяльнага інстытута для збору звестак яшчэ не існавала, таму галоўнымі крыніцамі па праблематыцы дзейнасці рускай выведкі таго часу з’яўляюцца дакументы Разраднага прыказа, “вестовые столбцы”, якія можна групіраваць у пэўныя тэматычныя часткі.

Неабходна было б звярнуць увагу на тое, як актывізацыя рускай выведкі ў перадваенны час (1652–1654 гг.) магла быць адным з чыннікаў паспяховасці ваенных кампаній рускіх войск 1654–1655 гг.

1. Отписка Белгородскаго воеводы Бутурлина о моровом поветрии в черкасских городах и о крымских черкасских и польских вестях // Акты Московского государства (далее – АМГ). – Т. II. – Спб., 1894. – С. 290.
2. Отписка боярина В.П. Шереметева с товарищами о получении вестей про моровое поветрие в черкасских городах, и об учреждении застав // АМГ. – Т. II. – С. 344
3. Отписка Брянскаго воеводы Гр. Далгарукава с приложением расспросных речей о перемирии Б. Хмельницкаго с польским королем, и о намерении поляков идти на Русь // АМГ. – Т. II. – С. 357
4. Отписка Брянскаго воеводы Гр. Долгорукова о вестях про прибылых людей в Смоленск // АМГ. – Т. II. – С. 353
5. Отписка Брянскаго воеводы Гр. Долгорукова о вестях, что в Смоленск пришли прибылые люди // АМГ. – Т. II. – С. 345

6. Отписка вольновского воеводы Дм. Плещеева о моровом поветрии в черкасских городах, и о черкасских вестях // АМГ. – Т. II. – С. 291
7. Отписка Путивльского воеводы Ф.Хилкова о турецких и польских вестях, полученных от греческих выходцев // АМГ. - Т. II. – С. 300
8. Отписка Севскаго воеводы А. Бутурлина об отсылке в Москву расспросных речей старца Германа о черкасских и польских вестях // АМГ. – Т. II. – С. 308
9. Отписка Торопецкаго воеводы Степана Вельяминова о получении вестей, что литовские люди намерены вторгнуться в Русь без объявления войны // АМГ. – Т. II. – С. 346-347
10. Отписка яблоновскаго воеводы Куракина о литовских, черкасских и крымских вестях; государев указ, и по нему грамота в ответ на отписку // АМГ. – Т. II. – С.294
11. Отписка яблоновских воевод В. Шереметева с товарищами о мире черкас с поляками и о намерении польских людей идти в Брянский и Серпейский уезды войною // АМГ. – Т. II. – С. 358
12. Отписка яблоновских воевод о присылке указа: отпустить ли моголевских торговых людей, оказавшихся подозрительными относительно сообщения вестей в Литву, в Могилев, или задержать в Яблоне // АМГ. – Т. II. – С. 359

Кітурка І.Ф.

МЫТНЫЯ ДАКУМЕНТЫ ДРУГОЙ ПАЛОВЫ XVIII ст. ЯК УНІКАЛЬНЫЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ МЫТНІ І ГІСТАРЫЧНАЙ ТАПАГРАФІІ БЕЛАРУСІ

Пачатак вывучэнню гісторыі мытнай справы на землях Беларусі ў складзе ВКЛ паклаў М.В. Доўнар-Запольскі ў сваёй працы “Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах” (1901 г.) [1]. Аднак да сёняшняга дня гэтая праблема не атрымала належнага асвятлення ў айчынай гістарыяграфіі. Фактычна можна прыгадаць толькі некалькі навукова-папулярных прац гарадзенскага гісторыка-краязнаўцы Віктара Саяпіна [2; 3] і вучэбны дапаможнік Віктара Астрогі [4].

Разам з тым у архівах і рукапісных аддзелах бібліятэк Літвы, Польшчы, Беларусі, Літвы, Украіны захоўваецца вялікая колькасць дакументаў, якія дазваляюць даследаваць пытанні развіцця мытнай справы на больш высокім навуковым узроўні. Пры гэтым некаторыя матэрыялы з’яўляюцца ўнікальнымі і на іх падставе можна вывучаць пытанні не толькі ўласна гісторыі мытні, але і многія іншыя аспекты мінулага. Да ліку такіх крыніц адносіцца дакумент, які захоўваецца ў Дзяржаўным гістарычным архіве Літвы ў Вільні ў фондзе Скарбавай камісіі (F-11) і ў архіўным вопісе мае назву “Апісанне межаў мытняў” [5].

Гісторыя ўзнікнення гэтага дакумента пэўным чынам звязана з пастановай канвакацыйнага сойма 1764 г. аб стварэнні Скарбавай камісіі ВКЛ [6]. Увогуле 1764 г. лічыцца годам, калі гаспадарка ВКЛ, якая амаль сто гадоў знаходзілася ў стане глыбокага крызісу, выкліканага войнамі сярэдзіны–другой паловы XVII і пачатку XVIII стст., трывала стала на шлях рэформ. Галоўнай мэтай распачатых рэформ была мадэрнізацыя эканомікі, стабілізацыя фінансавай сістэмы дзяржавы, а згодна з думкай польскага гісторыка Р. Рыбарскага, нават спроба ратавання палітычнага ладу дзяржавы [7, с. 1]. І як аказалася Скарбавая камісія ВКЛ або як яе яшчэ называлі Эканамічная Рада літоўскага скарба мела да гэтага працэсу самае непасрэднае дачыненне. У абавязак новаму дзяржаўнаму органу ставілася задача клапаціцца пра павелічэнне паступленняў у скарб і вызначаць усе мажлівыя крыніцы яго папаўнення, сярод якіх важнае месца займалі прыбыткі ад мытных пошлін [6, S. 76–77.].

У згаданай соймавай канстытуцыі (пастанове) Скарбавай камісіі ВКЛ прадпісвалася ўпарадкаваць працу мытных камор². У першую чаргу неабходна было вызначыць сухапутныя і водныя гандлёвыя шляхі на тэрыторыі дзяржавы, па якіх дазвалялася перамяшчэнне тавараў сваіх і замежных купцоў. Акрамя таго, патрабавалася зрабіць дакладнае апісанне гэтых сухапутных трактаў і портаў на рэках з пазначэннем месцаў, у якіх будзе збірацца мыта (масты, грэблі, пераправы і інш.), і з указаннем памеру гэтага мыта. Паведамленні пра збіранне мыта і спецыяльных платаў за карыстанне дзяржаўнымі шляхамі зносін (маставое, берагавое, за карыстанне грэблямі і інш.) неабходна было разаслаць па ваяводскіх і павятовых гарадах,

² Камора – мытня, спецыяльны дзяржаўны дом у ВКЛ у канцы XV–XVIII стст., у якім агледжваўся, ацэньваўся тавар, што правозіўся купцамі і іншымі гандлярамі і спаганялася мыта.

каб давесці да ведама купцоў і папярэдзіць іх аб недапушчальнасці парушэння новапрынятых правіл. У прыватнасці, купцам “пад пагрозай канфіскацыі тавару” раілася не шукаць патаемных спосабаў пераходу мяжы, а ездзіць толькі вызначанымі шляхамі [6, S. 76.].

Пра актуальнасць і важнасць для дзяржавы гэтых мерапрыемстваў сведчыць той факт, што ўжо за першы месяц працы Скарбавай камісіі ВКЛ, якая распачалася 1 студзеня 1765 г., была распрацавана новая мытная інструкцыя і выдадзены шэраг універсалаў, мэтай якіх было ўпарадкаванне дзейнасці камор і прыкаморкаў³, кірмашоў і гандлю, а таксама люстрацыя гандлёвых шляхоў [8]. Аналізуемы дакумент як раз і быў створаны ў развіццё выканання згаданых універсалаў і мае поўную назву “Апісанне межаў, гарадоў, мястэчак, вёсак, размешчаных на памежжы ў Полацкім і Віцебскім ваяводствах і Аршанскім павеце, праз якія пераходзяць купцы, тут жа [апісанне] звычайных і патаемных трактаў у тых жа ваяводствах і павеце, а на іх пошліны і ўмовы [дамоўленасці], а таксама [апісанне] розных гандляў, гатункаў тавараў, якія выходзяць за граніцу, з пазначэннем галоўных кірмашоў, зробленае ў ліпені 1765 г. па распараджэнню Найяснейшай Камісіі Скарбу Рэчы Паспалітай ВКЛ аб правяздэнні люстрацыі з геаметрычнымі малюнкамі” [5, а. 44].

Як сведчыць запіс у канцы дакумента, ён быў аформлены пісарам Аршанскага павета Ігнаціем Янкоўскім, але пры гэтым відавочна, што для яго стварэння патрабавалася шырокая інфармацыя адносна шматлікіх населеных пунктаў, адлегласці паміж імі, а таксама накірункаў і працягласці гандлёвых шляхоў. Таму хутчэй за ўсё яго з’яўленню папярэднічала праца каморнікаў Геаметрычнага дэпартаменту Скарбавай камісіі ВКЛ, імёны якіх на старонках крыніцы не згадваюцца.

“Апісанне” ўключае ў сабе 31 старонку рукапіснага тэксту і рэгламентуе мытны рэжым на памежнай з Расійскай дзяржавай тэрыторыі Полацкага і Віцебскага ваяводстваў. Праз гарады Невель, Себеж і мястэчка Завалочча на тэрыторыю ВКЛ і далей за яго межы – у Прусію, Рыгу, Інфлянты, Каралявец, Гданьск і інш. – прыязджалі “маскоўскія купцы”⁴ са сваім таварам з розных гарадоў: з Вялікіх Лук, Таропца, Вялікага Ноўгарада, Пскова, Вязьмы, Масальска, Цверы, Ржэва, Уладзіміра, Масквы. Такім чынам Полацкае і Віцебскае ваяводства мелі важнае стратэгічнае значэнне ў гандлі з Расіяй, і пры складанні дакумента службовыя асобы зыходзілі з інтарэсаў забеспячэння прыбытковасці скарбу і высвятлення розных прычын, якія прыносілі грашовыя страты дзяржаве.

У адпаведнасці з задачамі, пастаўленымі ва ўніверсалах Скарбавай камісіі ВКЛ, і як вынікае з назвы дадзенага “Апісання”, пры яго складанні ўвага была засяроджана на трох асноўных момантах:

1. на вызначэнні гандлёвых шляхоў з абавязковым пазначэннем існуючых спосабаў кантрабанднага перавозу тавараў;

2. на апісанні розных гатункаў тавараў, якія правозіліся праз тэрыторыю ВКЛ “маскоўскімі” купцамі;

3. на апісанні асноўных мясцовых кірмашоў і торгаў у гарадах і мястэчках.

Згодна з дакументам, на тэрыторыі Полацкага і Віцебскага ваяводстваў існавала вялікая колькасць розных кантрабандных шляхоў, па якіх расійскія купцы незаконна без усялякай платы ў скарб ВКЛ перавозілі свае тавары. Так, праз Полацкае ваяводства праходзілі наступныя таемныя шляхі, якімі можна было абмінуць існуючыя прыкаморкі і мытныя варты: з Невеля ў розныя бакі – да Себежа, Полацка, Віцебска, Бешанковічаў і Астрога; з Полацка да Дзісны на пераправу; з Полацка на Глыбокае; з Бешанковічаў да Караляўца; з Ушачаў да Вільні і Рыгі і інш. Верагодна, што гэтыя шляхі склаліся даўно, былі добра вядомы і наносілі вялікую шкоду скарбу ВКЛ. Кантрабандныя шляхі нават

³ Прыкаморкі – мытні на адгалінаваннях ад асноўных гандлёвых шляхоў у XVI–XVIII стст., якія падпарадкоўваліся адміністрацыі каморы.

⁴ Нягледзячы на афіцыйную назву ўсходняга суседа ВКЛ “Расійская імперыя”, у дакуменце ў дачыненні да яе ўжываецца слова “Масква”: “маскоўскія купцы”, “маскоўская мяжа”, “маскоўскі фарпост”, а сама Масква называецца сталіцай (LVIA. F. 11, w. 1, bib. 1094, l. 45).

дзяліліся на зімовыя і летнія. Так, летам з Полацка да Віцебска такі тракт быў працягласцю 20 міль, а ўзімку маршрут праставаўся і скарачаўся да 15,5 міль [5, а. 50 – 50 адв.]. Пра трываласць такіх кантрабандных трактаў сведчыць той факт, што на некаторых з іх нават ствараліся корчмы, як, напрыклад, карчма Пустэльнік, якая была пабудавана ў лесе на шляху з Невеля да Себежа ў палове мілі ад Інфлянтаў. За гэтай карчмой пачыналіся два тракты, па якіх можна было абмінуць усе мытні (нават Дынабургскую!) і трапіць адным шляхам праз Інфлянты і Курляндыю да Лібавы, Прусіі, Караляўца і Гданьска, а другім праз Друю ў Браслаўскі павет і адтуль таксама ў Прусію [5, а. 45 адв. – 46].

Разнастайным быў асартымент тавараў, якія перавозіліся “маскоўскімі” купцамі праз Полацкае ваяводства як за мяжу, так і назад у Расійскую дзяржаву. Так, галоўным экспартным таварам для расійскіх купцоў было футра, як вырабленае, так і ў зага-тоўках: собаля, куніц, чарнабурак, белых і чорных пясцоў, лісіц, расамах, рысяў, бурых і белых мядзведзяў, ваўкоў, зайцаў. Таксама вывозіліся: вэнджаная рыба (асётр, карп, шчупак, судак і інш.), аўчыны, палатно, украінскі тытунь, алей, воск, мёд, жалеза. Сярод тавараў сустракаліся і забароненыя для правозу праз тэрыторыю ВКЛ рэчы, напрыклад, латунь у лістах [5, а. 46 – 47].

На тэрыторыю Расійскай імперыі ўвозіліся пераважна прадметы раскошы: каралы, жэмчуг, нюрнбергская галантарэя, французскія, англійскія і галандскія дарагія тканіны (аздобленая золатам парча, аксаміт розных колераў і гатункаў, шоўк, атлас, шаўковыя хусткі, аздобленыя золатам і срэбрам і інш.) і да т.п. [5, а. 47 – 47 адв.].

З дакумента вынікае, што дзейнасць расійскіх купцоў наносіла страты скарбу ВКЛ не толькі кантрабандным перавозам сваіх тавараў, але і арганізацыяй незаконнага бяспшліннага гандлю на тэрыторыі Княства. Яны ўваходзілі ў зговар з мясцовым насельніцтвам, пакідалі ў апошніх свой тавар, самі жылі ў іх і займаліся продажам, а падчас кірмашоў нават ездзілі з таварам па розных гарадах і мястэчках і ніякіх пошлін у скарб не плацілі [5, а. 47 адв.]. Нягледзячы на тое, што зговар з купцамі асобаў любога саслоўя ў адпаведнасці з канстытуцыяй канвакацыйнага сойма 1764 г. каралася прыцягненнем да суда і грашовым штрафам [6, s. 76 – 77], выпадкі зговару былі дастаткова распаўсюджанымі. Хутчэй за ўсё суадносіны паміж мажлівасцю пакарання і атрымання рэальнай грашовай нажывы былі на карысць апошняй.

Прыгранічнае становішча Полацкага ваяводства з Рускай дзяржавай спрыяла развіццю гандлю ў гарадах і мястэчках. Як сведчыць дакумент, у васьмі населеных пунктах былі найбольш значныя і вядомыя кірмашы і торгі. У Полацку было чатыры кірмашы: на Пяценку, на Кразціцы, на Вадохрышча і на Збор. Вялікія кірмашы былі таксама ў мястэчку Валынцы на Святога Дамініка, у Юхавічах на свята Дзевятнік, у Бешанковічах на Святога Пятра, у Асвеі, у Себежы на Святога Юрыя, у Расоне на Святога Пятра і тры кірмашы ў Невелі: на Хрышчэнне, на Міколу і на Зборніцу. Усе вышэйпералічаныя кірмашы былі даволі працяглымі – ад аднаго тыдня ў Асвеі да трох-чатырох тыдняў у Валынцах [5, а. 51 адв. – 52]. Складальнікі дакумента падкрэслівалі, што на ўсіх гэтых торгах маскоўскія купцы гандлююць бяспшлінна розным таварам, як расійскім, пераважна скурамі, так і прывезеным з заходніх краін. Таму выказвалася меркаванне, што ў час кірмашовай пары мытнікам трэба мець асаблівую пільнасць [5, а. 52].

Не меншую ўвагу трэба было мець і на партовых рэках Полацкага ваяводства, дзе за сплаў лясных тавараў і за пераправу стругамі і чоўнамі трэба было плаціць розныя спецыяльныя зборы: берагавое, язовае, маставое. У Полацкім ваяводстве партовымі рэкамі былі: Дзвіна, Ушача, Ула, Дрыса, Палата, Нішча, Дзісна. Як сведчыць запіс у дакуменце, для спагнання гэтых спецыяльных збораў, у прыватнасці берагавога, прыходзілася наймаць стражнікаў з карабінамі, якія неслі варту на беразе і пад пагрозай зброі прымушалі абавязаных да таго выплочваць спецыяльныя зборы [5, а. 52 адв.].

Неабходна падкрэсліць, што ва ўніверсалах Скарбавай камісіі службовым асобам пры складанні пэўных дакументаў ставілася задача не проста фіксацыі рэальнай сітуацыі

– ад іх патрабавалася абавязковая аналітычная праца і прапановы па ўдасканаленню існуючага становішча. У сувязі з гэтым складальнікі дадзенага “Апісання” былі перакананы, што незаконны пераход расійскіх купцоў праз тэрыторыю Полацкага ваяводства і мажлівасць бяспошліннага гандлю ажыццяўляліся толькі з-за недастатковай колькасці мытных камор і прыкаморкаў, паколькі Полацкая камора знаходзілася аж у 20 мілях ад Невеля, а прыкаморак ў Дзісне яшчэ ў 6 мілях за Полацкам. Такім чынам, імі была зроблена выснова пра неабходнасць павелічэння колькасці мытных пастоў і вартаў на межах Полацкага ваяводства. У прыватнасці было прапанавана заснаваць прыкаморкі ў Невелю, Себежу, Ушачах, Таўкачах, а дадатковыя мытныя варты стварыць ў карчме Пустэльнік і ў пагранічных вёсках на ўсходзе Полацкага ваяводства: у Лаўніках (6,5 міль ад Невеля), у Паповічах (5 міль ад Невеля), у Якубаве (5,5 міль ад Невеля), у Лапцюкове (6 міль ад Невеля), у Шарапупаве і Сакольніках (8 міль ад Невеля) [5, а. 45 – 45 адв.].

Відавочна, што прапановы, якія патрабавалі дадатковых скарбавых выдаткаў, не заўсёды былі рэалізаваны цалкам. Так, згодна з соймавай пастановай 1766 г., у склад Полацкай каморы ўваходзілі толькі два прыкаморкі ў Невелю і Друі і тры мытныя варты: у Тамейне, Сольнікаве і Паповічах [9, s. 199].

Інфармацыя такога ж зместу ўтрымліваецца ў дадзеным “Апісанні” і адносна Віцебскага і Аршанскага павеятаў. Такім чынам, гэты дакумент, які ў перакладзе з польскай мовы на рускую часткова быў апублікаваны яшчэ ў другім томе трохтомнай публікацыі дакументаў “Белоруссия в эпоху феодализма” [10, с. 348–353], з’яўляецца каштоўнай крыніцай па вывучэнню многіх аспектаў айчыннай гісторыі другой паловы XVIII ст., сярод якіх: арганізацыя мытнай справы, дзейнасць Скарбавай камісіі ВКЛ, гандлёвыя адносіны з Расійскай дзяржавай і гандлёвыя шляхі – легальныя і кантрабандныя, тапаграфія ўсходняй мяжы ВКЛ і інш.

1. Довнар-Запольский, М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. – Т. I. / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: тип. Н.Т. Корчак-Новицкого, 1901. – VIII, 807, СХІІ с.
2. Саяпин, В.Ю. Пять веков Гродненской таможенной службы / В.Ю. Саяпин. – Гродно: ГОУПП «Гродненская типография», 2003.
3. Саяпин, В.Ю. Таможенная служба. В двух книгах. Кн. 1. Мыто и мытники / В.Ю. Саяпин. – Гродно: ГОУПП «Гродненская типография», 2005.
4. Острога, В. История таможенного дела и таможенного права Беларуси: учебное пособие / В. Острога. – Мн., 2005.
5. Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (LVIA). F. 11. Скарбовая камісія ВКЛ, w. 1, bib. 1094. Апісанне межаў мытняў.
6. Volumina legum. – Т. VII. – Petersburg, 1860. – S. 75–78.
7. Rybarski, R. Skarbowość Polski w dobie rozbiorów / R. Rybarski. – Warszawa, 1937.
8. LVIA. F. 11, w. 1, bib. 990. Універсалы Літоўскай скарбовай камісіі, l. 4, 9, 16 і інш.
9. Kościalkowski, St. Antoni Tyzenhauz. Podskarbi Nadworny Litewski / St. Kościalkowski. – Londyn, 1971. – Т. 2.
10. Белоруссия в эпоху феодализма: Сборник документов и материалов в трех томах. – Том второй. С середины XVII века до XVIII века до воссоединения с Россией. – Минск: Изд-во АН БССР, 1959.

Гладкова Г.А.

МЕМУАРЫ ІГНАЦІЯ БЫКОЎСКАГА ЯК ГІСТАРЫЧНАЯ КРЫНІЦА

Польскамоўны пісьменнік Беларусі канца XVIII стагоддзя, паручнік расійскіх войск, ваенная кар’ера якога была звязана з падзеямі руска-турэцкай вайны, паэт, перакладчык, філосаф, мемуарыст, выдатны знаўца сусветнай гісторыі і культуры Ігнацій Быкоўскі пакінуў разнажанравую багатую літаратурную спадчыну, спалучыўшы ў творчасці тэндэнцыі класіцызму і сентыменталізму.

У 1806 годзе Быкоўскі напісаў успаміны “ŻYCIE IGNACEGO BYKOWSKIEGO PORUCZNIKA WOJSK ROSYJSKICH przez niego samego napisane w r. 1806”. Мемуары пісьменніка тэматычна падзяляюцца на дзве часткі: успаміны пра дзяцінства, юнацтва, ваенныя баталіі ў час руска-турэцкай кампаніі і літаратурную частку, дзе мемуарыст

тлумачыць сваю зацікаўленасць літаратурным заняткам, пералічвае ўласныя творы, змяшчае ўрыўкі тэкстаў.

Менавіта аўтабіяграфічная спадчына творцы стала неацэннай крыніцай прыватнай інфармацыі, дазволіла ўбачыць асобу праз прызму суб'ектыўнай трансляцыі падзейнага боку рэчаіснасці, дапоўніць гістарычныя факты, даць матэрыял для даследаванняў па філасофіі, псіхалогіі, этнаграфіі, лінгвістыцы.

Тэарэтык мемуарнага жанра Ж. Гюсдорф сцвярджаў, што аўтабіяграфія немагчымая ў такім культурным кантэксце, дзе не існуе разумення каштоўнасці ўласнай асобы, гэта значыць, што неабходнай умовай для развіцця аўтабіяграфічных жанраў з'яўляецца асабістая самасвядомасць. Менавіта гэтым тлумачыцца папулярнасць мемуарнай літаратуры ў эпоху Асветніцтва, калі на першы план вылучалася самакаштоўнасць, унікальнасць чалавека, цікавасць да ўсіх момантаў яго жыцця. Ва ўмовах існавання дастаткова кансерватыўнай сістэмы літаратурна-эстэтычных рэгламентацый мемуарная літаратура давала аўтарам максімум свабоды для самавыражэння.

Даследчыца Г. Елізавеціна адзначала, што падзеі, адлюстраваныя ў мемуарах, выбіраюцца не выпадкова, яны прызначаны пацвердзіць погляд мемуарыста на самога сябе і “выявіць галоўную ідэю яго жыцця” [1, с. 243]. Як вядома, у якасці аб'екта ўспамінаў І. Быкоўскі выбраў гады ваеннай службы і перыяд літаратурнай дзейнасці. Мемуарыст меў намер працягваць запісы, аднак, працяг успамінаў атсутнічае сярод выяўленых на сёння крыніц. Пісьменнік, надта адданы літаратурнай творчасці, не клапаціўся пра публікацыю мемуараў.

Адзначым, што гістарычная і дакументальная вартасць успамінаў Быкоўскага даволі выразная. Аўтар змястоўна, з клопатам пра дакладнасць аповеду расказаў пра сваё жыццё ад 1750 да 1806 года: падаў звесткі пра месца нараджэння – родавы фальварак Пяцеўшчына у трох мілях ад Мінска (сучасная вёска Пяцеўшчына ў 12 кіламетрах на поўдзень ад Мінска), прыгадаў нялёгкае жыццё шматдзетнай сям'і Быкоўскіх пасля смерці бацькі, калі маці давялося самой клапаціцца пра дзяцей. З архіўных крыніц вядома, што Пяцеўшчына, заснаваная ў пачатку XVI стагоддзя (належала П. Пяцевічу), была спадчынным маёнткам роду Быкоўскіх, пачынаючы з сярэдзіны XVIII стагоддзя [5, с. 615]. Даследчык Ф. Чарняўскі на аснове дакументальных крыніц сцвярджае, што, пачынаючы яшчэ з XVII стагоддзя, на Міншчыне род Быкоўскіх быў адным з самых уплывовых: “Дзякуючы шматлікасці і аб'яднанасці прадстаўнікі клану Быкоўскіх у XVIII стагоддзі змаглі сканцэнтраваць у сваіх руках значную частку ваяводскіх урадаў” [6, с. 71-72]. Т. Мікульскі паведамляў, што павярхоўна радавод Быкоўскіх быў зафіксаваны ў “Геральдыцы, або Апісанні роду” (Т.V), дзе адзначана, што да Быкоўскіх гербу Грыф таксама належыць Мацей Якса Быкоўскі (бацька Ігнація), які меў ад Багумілы Свенташэўскай шасцёра сыноў і дачку [4, с. 473]. Быкоўскі з павагай каза пра маці, якая “імкнулася даць сваім дзецям прыстойную адукацыю, хаця гэта было пры сціплай маёмасці вельмі цяжка” [4, с. 474].

Школьныя гады будучы пісьменнік правёў у езуітаў у Мінску і ў піяраў у Віцебску. Відавочна, перажытае дазволіла пісьменніку адкрыта крытыкаваць езуіцкую педагогіку, над якой выразна – нават у Віцебску – дамінавалі піяры. Невялікая частка халасцяцкага жыцця Быкоўскага прайшла на Валыні ў дробнашляхецкім фальварку і ў пошуку дворнай службы. Такім звілістым шляхам І. Быкоўскі трапіў у барскую канфедэрацыю ў аддзяленне Яна Бахоўскага, “хутчэй гарцуна, чым абаронца айчыны” [4, с. 467].

Зразумеўшы, што вайна – дысцыпліна, якой трэба вучыцца, Быкоўскі ўступіў у 1772 годзе ў расійскае войска. Удзельнічаў у турэцкай кампаніі, мяняючы камандзіраў і палі баёў у складзе Сеўскага пяхотнага палка першай арміі пад камандаваннем Пятра Румянцава. Тут будучы пісьменнік даслужыўся да звання паручніка, якое будзе з гэтага часу пастаянна прыкладаць да свайго прозвішча ў асабістым і літаратурным жыцці. З перыяду турэцкай кампаніі Быкоўскі запомніў ход барацьбы, змог апісаць балканскую тэрыторыю, указаць лінію перамяшчэння фронту, паведаміў таксама пра ваенныя пахо-

ды пад кіраўніцтвам А. Суворова. Пасля заключэння міру ў Кучук Каінарджа (21 ліпеня 1774 года) у 1775 годзе Быкоўскі вярнуўся ў Польшчу.

З вышэйсказанага вынікае, што справаздача І. Быкоўскага мае пэўную вартасць для гісторыкаў руска-турэцкай вайны па прычыне наяўнасці багатага фактычнага матэрыялу. Мемуары не толькі дакладна фіксуюць ваенныя падзеі з падрабязным апісаннем, але і перадаюць шмат прыватнай інфармацыі, што дазваляе бачыць аўтарскую ацэнку падзей, унутраныя перажыванні пісьменніка.

Пасля заканчэння ваеннай службы І. Быкоўскі спрабуе творчыя сілы на літаратурнай ніве. На старонках успамінаў пісьменнік адзначае, што падштурхнуў яго да літаратурнай практыкі Ф. Князьнін. Сваю багатую творчасць Быкоўскі апісаў у бібліяграфічным рэестры дзённіка. Відавочна, мы можам лічыць гэту бібліяграфічную інфармацыю праўдападобнай, бо сам аўтар не меў прычыны для падачы памылковых ці свядома незразумелых бібліяграфічных дадзеных.

Бібліяграфія Быкоўскага, якая складае асноўны змест яго літаратурных ўспамінаў, з’явілася ў цікавым культурным кантэксце. Пасля вяртання з балканскага фронту аўтар пры двары Чартарыйскіх у Волчыне пазнаёміўся ў 1778 годзе з Ф. Князьніным і змог здабыць яго прыхільнасць. У дзённіку Быкоўскага чуюцца выразны адгалосак шчырых разоў з вядомым паэтам пад акампанемент “тэобры” (род лютні).

Каб знайсці веру ва ўласныя сілы, пісьменнік настойліва шукаў свайго рэцэнзента, літаратурнага крытыка і суддзю, аднак, сам таксама быў літаратурным аўтарам для свайго культурнага рэгіёну. Так трапілі да Быкоўскага вершы наваградскай паэтки Тэафілі Глінскай, якія аўтар запісаў у дзённік. Ксёндз Бароўскі, прэфект друкарні піраў у Вільні, даслаў Быкоўскаму для выпраўлення ў рукапісе “Вясковыя забаўкі” Тэклі Бажымоўскай. Такім чынам пісьменнік, сам шукаючы крытычнай ацэнкі ўласнай творчасці, стаў карэктарам правінцыйнай паэзіі. Менавіта з карэктарскай працы пачалося бліжэйшае знаёмства Быкоўскага з Т. Бажымоўскай. З творчасці паэтки мемуарыст таксама ўключыў у свае ўспаміны некалькі фрагментаў.

Пісьменнік шмат чытаў з розных літаратур. Ведаў французскаю мову пасля навучання ў Віцебску, з руска-турэцкай вайны Быкоўскі прывёз добрае веданне рускай мовы (чаму некалькі выразных сведчанняў дае мова мемуараў). Да таго ж, Быкоўскі стаў першым перакладчыкам арыгіналаў рускай літаратуры ў Польшчы (пісьменнік пераклаў на польскую мову трагедыю А. Сумарокава “Мсціслаў”).

Выкладанне французскай мовы ў Віцебску мусіла быць досыць грунтоўным, таму што хутка на гэтай аснове ўзнікла добрая арыентацыя пісьменніка ў французскай літаратуры. З французскіх перакладаў, якія чытала Еўропа, Быкоўскі знаёміўся з англійскай літаратурай. Класічная паэтыка хутка перастала задавальняць вучня Князьніна, сябра Карпінскага. Як вядома, на змену класіцызму прыйшоў сентыменталізм як апазіцыйная літаратурная плынь, што знайшло адбітак у творчай спадчыне пісьменніка. Творы Быкоўскага даюць дастаткова багаты аналітычны матэрыял пра замацаванне сентыменталізму ў польскай літаратуры.

Адносна пісьменніцкай дзейнасці Ф. Язерскі адзначаў: “... wiadomo... są literaci z powinności, za pieniądze, są literaci z ochoty” (“... вядома... ёсць літаратары з абавязку, за грошы, а ёсць літаратары з жадання”) [2; с. 122]. Менавіта пісьменнікам “z ochoty” быў І. Быкоўскі.

Успаміны Быкоўскага ўяўляюць сабой рукапіс, напісаны на асобных аркушах, складзеных па чатыры; запоўненыя чатыры аркушы зноў аб’яднаныя ў чатыры групы і ўтвараюць адну частку; рукапіс мае чатыры часткі, 32 старонкі пранумэраваны, як лічыць Т. Мікульскі, апошнім уладальнікам рукапісу. Арыгінал пацверджаны подпісам пісьменніка на стар.32 (пасля тэксту): “Ігнацій Быкоўскі, паручн[ік]”. У правым верхнім вуглу стар. 32 яшчэ адзін аўтарскі запіс – пакінута слова «тэмперамент», відавочна, гэта проба належным чынам завостранага п’яра. Адзначаныя прыкметы

рукапісу дазваляюць яго лічыць за арыгінал І. Быкоўскага. Успаміны ўзніклі ў 1806 годзе (як сведчыць назва), такім чынам мы маем права лічыць гэты запіс за храналагічнае ўказанне да цэлага рукапісу. Т. Мікульскі адзначаў, што характар пісьма ў дзённіку сведчыць пра працяглы перыяд напісання тэкста.

Аналізуючы мемуарную спадчыну Быкоўскага, улічым грунтоўнае даследаванне па мемуарыстыцы на беларускіх землях XVIII стагоддзя, выкананае аўтарытэтным літаратуразнаўцам А. Мальдзісам. “З сярэдзіны XVIII стагоддзя, - як адзначае А. Мальдзіс, - дзённікі ўсё больш рашуча выцясяліся ўспамінамі, заснаванымі на рэтраспектыўнай рэляцыі” [3, с.13]. Як адзначае навуковец, у адзначаны перыяд мемуары былі адным з папулярных літаратурных жанраў, якому ўласцівы рэтраспектыўны погляд на падзеі, што дае падставы для іх глыбейшага асэнсавання. Аднак, адным з недахопаў мемуараў з’яўляецца страта дэталізацыі, знікненне нюансаў падзейнай лініі. Ідэальным варыянтам становяцца мемуары, напісаныя з выкарыстаннем дзённікавых запісаў, гэта дазваляе аўтару злучыць дзённікавую дакладнасць аддаленых па часе падзей і сінтэтычнасць, характэрную для ўспамінаў. Мемуары І. Быкоўскага адпавядаюць такім характарыстыкам: апавядальная плынь хоць і пазбаўлены дробязей, але вызначаецца дзённікавай лагічнасцю і дакладнасцю.

Пры вызначэнні жанравых разнавіднасцей успамінаў А. Мальдзіс абавіраецца на падзел, прапанаваны сучасным польскім літаратуразнаўцам А. Сайкоўскім, які вылучыў разнастайныя формы ўспамінаў: успаміны-дзённікі, успаміны-раманы, успаміны-аўтабіяграфіі, успаміны-генеалогіі і інш. Як бачым, у XVIII стагоддзі мемуарыстыка Беларусі істотна ўзбагацілася ў жанравых адносінах, пашырыла свае тэматычныя межы. Узмацнілася жаданне адлюстраваць аб’ектыўны свет праз суб’ектыўнае ўспрыманне, выказаць уласны погляд, даць сваю ацэнку падзеям. На нашу думку, гэта сведчыць пра ўзрастанне пачуцця адказнасці за ўласныя учынкi, усведамленне каштоўнасці асабістай грамадскай пазіцыі, пэўны самааналіз перажытага. Чалавек XVIII стагоддзя ўсё больш адчуваў сябе асобай, індывідуальнасцю, пасіўнасць сярэднявечнага светапогляду змянілася на дзейнасць, актыўнасць светаразумення Новага часу.

На падставе класіфікацыі А. Сайкоўскага ўспаміны І. Быкоўскага адносім да ўспамінаў-аўтабіяграфій, яны сталі пэўным падвядзеннем жыццёвых і творчых вынікаў пісьменніка, зробленым у сталым узросце (на момант напісання ўспамінаў І. Быкоўскаму было 55 год). Варта адзначыць шматжанравы характар успамінаў І. Быкоўскага, у якіх сустракаюцца элементы прыгодніцкага апавядання (урывак пра начное здарэнне поблізу Сілістры), бібліяграфічны пералік уласных выданняў, паэтычныя творы цалкам ці ва ўрыўках.

Абапіраючыся на кароткі аналіз структуры “Жыцця...” Быкоўскага, можна вылучыць два кампаненты, якія гарманічна злучаюцца ў адзінае цэлае: біяграфічна-гістарычны кампанент спалучаецца з бібліяграфічна-паэтычнай часткай. Такая структурная пабудова дазволіла аўтару ўспамінаў шматбакова адлюстраваць галоўныя падзеі свайго жыцця, у якім літаратурная творчасць займала адно з галоўных месцаў.

Такім чынам, мемуары І. Быкоўскага сталі сведчаннем актыўнай жыццёвай пазіцыі пісьменніка і грамадзяніна, яны далі багаты гістарычны матэрыял адносна ваенных кампаній XVIII стагоддзя ў Балканскім рэгіёне, засведчылі літаратурныя клопаты пісьменніка, стаўшы бібліяграфічнай крыніцай яго творчай спадчыны.

1. Елизаветина, Г.Г. Становление жанров автобиографии и мемуаров / Г.Г. Елизаветина // Русский и западноевропейский классицизм. Проза. - М.: Наука, 1982, - С.235-262.
2. Jezierski, F. Niektóre wyrazy porządkiem abecadła zebrane i stosownymi do rzeczy uwagami objaśnione / F. Jezierski. - Warszawa, 1791. - S.122.
3. Мальдзіс, А. Беларусь у лустэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: Нарысы быту і звычаяў / А. Мальдзіс. - Мінск: Мастацкая літаратура, 1982. - 256 с.
4. Mikulski, T. Ze studiów nad oświecenem. Zagadnienia i fakty / T. Mikulski. - Warszawa, 1956. - S.463-472.
5. Память: Минский район: Историко-документальная хроника городов и районов Беларуси. - Мн., 1998. - С.615.
6. Чарняўскі, Ф.В. Ураднікі (пасады, тытулы) Менскага ваяводства XVI-XVIII стагоддзяў (Біяграфічны даведнік) / Ф.В. Чарняўскі. - Мінск: Олдеран, 2007. - 224с.

РАЗДЕЛ 2

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ УСХОДНЯЙ ЕЎРОПЫ КАНЦА XVIII – ПАЧАТКУ XX ст.

Бруханчык К.А.

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКІХ ПРЫКАЗАЎ ГРАМАДСКАГА АПЕКАВАННЯ Ў ФОНДАХ РАСІЙСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА

Банкаўская сістэма Беларусі мае доўгую гісторыю. Асновы яе былі закладзены ў канцы XVIII – пачатку XIX ст. з часу далучэння беларускіх зямель у выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай да Расійскай імперыі і заснаваннем у 1775 г. прыказаў грамадскага апекавання. Нягледзячы на існаванне шэрагу банкаў і казеных выхаваўчых дамоў у дзвюх сталіцах, менавіта прыказы грамадскага апекавання сталі правобразам першых правінцыйных банкаў імперыі.

Першапачатковыя прыказы ствараліся як установы, кіруючыя сацыяльнымі аб'ектамі: школамі, бальніцамі, дамамі састарэлых, сірочымі прытулкамі, багадзельнямі, работнымі дамамі. Яны абавязаны былі не толькі ствараць новыя ўстановы догляду, кантраляваць іх дзейнасць, але і забяспечваць іх неабходнымі фінансавымі сродкамі. Для гэтага ім штогод з казны выдаваліся капіталы, якія дазвалялася пазычаць пад невялікія працэнты.

У беларускіх губернях дзейнічалі чатыры прыказы: Віцебскі, Гродзенскі, Мінскі і Магілёўскі. Звестак пра іх у беларускіх архівах амаль не захавалася. Асноўныя крыніцы, якія раскрываюць усе аспекты дзейнасці прыказаў, утрымліваюцца ў Расійскім дзяржаўным гістарычным архіве ў Санкт-Пецярбургу ў дакументах фонда 1287 – Гаспадарчы дэпартамент Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі.

У асноўным гэта крыніцы, якія адносяцца да справаздаўчай дакументацыі: 1) справаздачы устаноў і рэвізій, каштарысы; 2) фінансавыя дакументы, якія паказваюць крыніцы папаўнення даходаў прыказаў, звесткі аб працэнтах на іх капіталы, а таксама аб выдаткоўванні сродкаў; 3) перапіска з кліентамі аб пазыках; 4) тэхнічная дакументацыя (планы будынкаў, якія належалі прыказам, дакументы на арэнду, набыццё будынкаў); 5) паперы па асабоваму складу (звесткі аб перамяшчэнні служачых у ўстановы прыказаў, найманні, звальненні, прызначэнні жалавання).

Фінансавай інфармацыі аб дзейнасці прыказаў захавалася мала. Часцей за ўсё сустракаюцца справаздачы аб рабоце устаноў, якія знаходзяцца ў іх падначаленні. У асноўным маюцца дадзеныя рэвізій, каштарысы больш позняга часу (канца 1850-х – пачатку 1860-х гг.): «Аб аглядзе Сталыпіным стану Гродзенскага прыказа грамадскага апекавання» (1809), «Справаздача Мінскага дабрачыннага грамадства» (1833), «Каштарыс аб даходах і выдатках Віцебскага прыказу на 1861 г.» (1860), «Па каштарысе даходаў і выдаткаў Мінскага загаду на 1862 г.» (1861) [2; 8; 18; 19].

Сярод фінансавай дакументацыі, якая адносіцца да дзейнасці прыказаў, прысутнічаюць дадзеныя аб крыніцах папаўнення даходаў, перадачы сум з аднаго прыказа ў іншы, артыкулах выдаткаў (пабудова новых шпітальяў, багадзелен, школ і г.д., набыццё абсталявання, прадметаў для устаноў і рамонт будынкаў): «Аб аддачы фондушавых сум для абароту ў Гродзенскім прыказе грамадскага апекавання» (1822), «У адносінах віцебскага і магілёўскага генерал-губернатара аб адлічэнні з Магілёўскага ў Віцебскі прыказ на ўпарадкаванне устаноў апошняга беззваротна 100.000 руб. і аб выдачы Віцебскаму прыказу дапамогі ў 5.000 руб. з казны на працягу 1830 г. і 1831 г.», «Аб набыцці ва ўстановах Магілёўскага прыказа апарата для абязбольвання пры

операцыях» (1847), «Аб перадачы ў Гарадзенскі прыказ 95.000 руб. з іншых прыказаў» (1854–1855) [5; 6; 11; 15].

Пазыковыя аперацыі прыказаў распаўсюджваліся на прывіляваныя саслоўі, у першую чаргу дваранства. Яны звярталіся ў прыказы за выдачай пазык пад заклад нерухомай маёмасці: «Аб пазыке кал. сав. Кімбару з Гарадзенскага прыказа» (1811), «Аб пратэрмінаванай пазыцы з Віцебскага прыказа памешчыкам Блажэўскіх» (1854–1860), «Па запісцы губернскага сакратара Ларковіча аб прадастаўленні яму ільгот па пазыцы з Віцебскага прыказа» (1857–1858), «Аб перакладанні пазыкі памешчыка Керанскага з Мінскага прыказа з 26 на 28-гадовы тэрмін» (1860–1861) [3; 14; 16; 17].

Сярод тэхнічных дакументаў у асноўным сустракаюцца дагаворы найму памяшканняў для прыказаў і іх устаноў, куплі зямельных вучасткаў для будаўніцтва, планы будынкаў: «Аб пабудове бальнічнага будынка ў гор. Ігумен Мінскай губерні» (1840–1862), «Аб пастаўцы бальнічных рэчаў і аб найманні дамоў для устаноў Магілёўскага прыказа» (1845), «Аб куплі зямлі для ўстаноў Магілёўскага прыказа» (1847) [4; 10; 12].

Прыказы курыравалі ўвесь асабісты склад падведаных ім устаноў, вырашаючы пытанні аб найманні супрацоўнікаў, звальненні, павелічэнні жалавання, пераходзе на новую пасаду, прысваенні чыну: «Аб дазvole вызначыць у Мінскі прыказ грамадскага догляду адмысловага бухгалтара з памочнікам» (1807), «Аб перайменаванні ў класныя чыны чыноўнікаў, служачых у Магілёўскім прыказе» (1829), «Аб павелічэнні жалавання служачага пры ўстановах Магілёўскага прыказа» (1843–1846), «Аб дадатку жалавання чыноўнікам Магілёўскага прыказа» (1850–1851) [1; 7; 9; 13].

У фондах Расійскага дзяржаўнага гістарычнага архіва захавалася каля 200 дакументаў, якія адлюстроўваюць усе аспекты дзейнасці беларускіх прыказаў грамадскага апекавання. Дзякуючы ім, удалося высветліць, што, нягледзячы на строгую рэгламентацыю іх дзейнасці з боку Міністэрства ўнутраных спраў і Міністэрства фінансаў, неразвітасць гандлёвых сувязяў, вузкую саслоўную накіраванасць, абмежаванне вядзення крэдытных аперацый, яны здолелі цалкам паспяхова ажыццяўляць свае функцыі.

1. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (далей РДГА). Фонд 1287. – Воп. 11. – С. 355. Аб дазvole вызначыць у Мінскі прыказ грамадскага апекавання адмысловага бухгалтара з памочнікам. 1807 г.
2. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 11. – С. 602. Аб аглядзе Сталыпіным стану Гродзенскага прыказа грамадскага апекавання. 1809 г.
3. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 11. – С. 827. Аб пазыке кал. сав. Кімбару з Гарадзенскага прыказа. 1811 г.
4. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 11. – С. 1610. Аб пабудове бальнічнага будынка ў гор. Ігумен Мінскай губерні. 1840–1862 гг.
5. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 12. – С. 47. Аб аддачы фундушавых сум для абароту ў Гродзенскім прыказе грамадскага апекавання. 1822 г.
6. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 12. – С. 657. У адносінах віцебскага і магілёўскага генерал-губернатара аб адлічэнні з Магілёўскага ў Віцебскі прыказ на ўпарадкаванне ўстаноў апошняга беззваротна 100.000 руб. і аб выдачы Віцебскаму прыказу дапамогі ў 5.000 руб. з казны на працягу 1830 г. і 1831 г.
7. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 12. – С. 688. Аб перайменаванні ў класныя чыны чыноўнікаў, служачых у Магілёўскім прыказе. 1829 г.
8. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 12. – С. 1097. Справаздача Мінскага дабрачыннага таварыства. 1833 г.
9. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 12. – С. 1904. Аб павелічэнні жалавання служачага пры ўстановах Магілёўскага прыказа. 1843–1846 гг.
10. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 13. – С. 73. Аб пастаўцы бальнічных рэчаў і аб найманні дамоў для устаноў Магілёўскага прыказа. 1845 г.
11. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 13. – С. 358. Аб набыцці ва ўстановах Магілёўскага прыказа апарата для абязбольвання пры аперацыях. 1847 г.
12. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 13. – С. 499. Аб куплі зямлі для ўстаноў Магілёўскага прыказа. 1847 г.
13. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 13. – С. 755. Аб дадатку жалавання чыноўнікам Магілёўскага прыказа. 1850–1851 гг.
14. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 13. – С. 1318. Аб пратэрмінаванай пазыцы з Віцебскага прыказа памешчыкам Блажэўскіх. 1854–1860 гг.

15. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 13. – С. 1332. Аб перадачы ў Гарадзенскі прыказ 95.000 руб. з іншых прыказаў. 1854–1855 гг.
16. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 13. – С. 1593. Па запісцы губернскага сакратара Ларковіча аб прадастаўленні яму ільгот па пазыцы з Віцебскага прыказа. 1857–1858 гг.
17. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 14. – С. 14. Аб перакладанні пазыкі памешчыка Керанскага з Мінскага прыказа з 26 на 28-гадовы тэрмін. 1860–1861 гг.
18. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 14. – С. 45. Каштарыс аб даходах і выдатках Віцебскага прыказа на 1861 г. 1860 г.
19. РДГА. Фонд 1287. – Воп. 14. – С. 122. Па каштарысу даходаў і выдаткаў Мінскага прыказа на 1862 г. 1861 г.

Игнатовец Л.М.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

Различные аспекты деятельности системы просвещения на территории современной Беларуси являлись предметом исследования многих авторов. Вместе с тем, обращает на себя внимание явно недостаточная исследовательность деятельности БУО (1829-1850 гг.), изучению которой посвящены единичные работы. [1] Это тем более удивительно, что в доступных архивах имеется большое количество разнообразных документов, связанных с созданием, функционированием и ликвидацией БУО. Укажем только некоторые из них.

Письменные источники по указанной теме можно разделить на законодательные акты, материалы делопроизводства, служебную переписку, статистические материалы.

Законодательство, относящееся к регулированию деятельности БУО, содержится во втором собрании «Полного собрания законов Российской империи» [2]. Этот свод законов дополняется и дублируется тематическими сборниками законодательных актов, регулировавших образовательную сферу Российской империи: «Сборник постановлений по Министерству народного просвещения» [3], «Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения» [4], «Дополнение к сборнику постановлений по министерству народного просвещения» [5]. Названные сборники включают не только указы и высочайше утвержденные положения, но также документы, обусловившие их появление (доклады министров и генерал-губернаторов, постановления Комитета министров и Комитета устройства учебных заведений). В сборниках находим, в частности, высочайшие указы: об образовании БУО; о включении в его состав Минской, Виленской и Гродненской губерний и Белостокской области; о ликвидации округа; об открытии, закрытии и реорганизации учебных заведений округа. Опубликованные в сборниках документы отражают не только факт принятия решений, но, в ряде случаев, и их идеологические мотивы, которые в отношении деятельности БУО заключались в деполонизации входивших в его состав губерний. В сборниках содержатся и общероссийские нормативные акты, которыми руководствовались в своей деятельности попечитель, административные органы управления БУО и различные типы учебных заведений округа: Устав гимназий, уездных и приходских училищ, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского (1828 г.), который был взят за основу преобразования системы просвещения в БУО в 1830 г.; Положение об учебных округах Министерства народного просвещения (1835 г.), распространенное на БУО в 1836 г.; Положение о частных учебных заведениях (1835 г.); Положение о казенных еврейских училищах (1844 г.) и др. Законодательные акты, касающиеся еврейского населения БУО, в том числе регулировавшие деятельность еврейских учебных заведений, собраны в сборнике «Столетний период русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях», изданном И.А. Никитиным [6].

Высочайшие указы о назначении, увольнении, награждении попечителей (Г.И. Карташевского, Э.А. Грубера) и других чиновников БУО опубликованы в Журнале Министерства народного просвещения [7].

Материалы делопроизводства представлены выписками из журналов заседаний Комитета устройства учебных заведений, Комиссии рассмотрения проекта устава учебных заведений (фонд 733 РГИА). На заседаниях этих совещательных органов рассматривались проект устройства системы просвещения в белорусских губерниях, разработанный О.И. Сенковским, и вопрос о назначении для этих губерний особого попечителя, - решения по этим вопросам были оформлены в пунктах высочайшего указа от 17 января 1829 г., с издания которого принято считать начало деятельности БУО.

Такая группа исторических источников как служебная переписка отражает процесс и результаты применения законодательных норм на практике, а также вскрывает причины, инициировавшие издание того или иного законодательного акта. К этой группе в первую очередь относятся различного уровня отчеты: Министра народного просвещения, попечителя БУО, директоров дирекций училищ, чиновников министерства, генерал-губернаторов. Ежегодные отчеты Министра народного просвещения, публиковавшиеся в Журнале Министерства народного просвещения начиная с 1834 г., отражают основные меры, принятые по ведомству министерства, дают довольно подробную характеристику состоянию системы просвещения в каждом учебном округе, а также иллюстрируют посредством таблиц динамику изменений количества учебных заведений, числа учащихся и учащихся и др. показатели [7].

Аналогичную информацию, но уже по каждой губернии, содержат отчеты дирекций училищ, представлявшиеся попечителю БУО, на основании которых он составлял сводный по округу отчет, представлявшийся, в свою очередь, Министру народного просвещения. Отчеты попечителя и дирекций училищ хранятся в фонде 567 Управление Виленского учебного округа в Государственном историческом архиве Литвы (ГИ-АЛ) и в фонде 3157 Канцелярия попечителя Белорусского учебного округа в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ).

Важным источником по истории народного просвещения обозначенного периода является отчет Министра народного просвещения С.С. Уварова за десятилетие управления им министерством (1833-1843 гг.) [8]. Этот документ отражает основные направления деятельности министерства и достигнутые им результаты, в контексте которых оценивается и деятельность БУО.

Дела фонда 3157 НИАБ содержат документы, отражающие ход реорганизации системы просвещения в БУО: разработанный первым попечителем Г.И. Карташевским проект устройства системы просвещения в округе, который лег в основу высочайшего указа от 09.09.1830 г.; переписку попечителя с министром об открытии лицея в Орше, о закрытии учебных заведений, содержавшихся католическим и униатским духовенством, об открытии светских учебных заведений в Витебской и Могилевской губерниях. Документы, отражающие подобные процессы в Виленской, Гродненской, Минской и Белостокской области хранятся в делах фонда 567 ГИАЛ и в делах фонда 733 Министерство народного просвещения в Российском государственном историческом архиве (РГИА). В фонде 733 РГИА находится докладная записка Министра народного просвещения С.С. Уварова, которая проливает свет на действительные причины отмены решения об учреждении лицея в Орше, которые до настоящего времени не были освещены в историографии.

Ценным источником для понимания причин и цели образования БУО является отчет профессора Санкт-Петербургского университета О.И. Сенковского о визитации учебных заведений Витебской и Могилевской губерний в 1826 г., а также разработанный им проект устройства системы просвещения в двух белорусских губерниях. Многие из предложений О.И. Сенковского легли в программу деятельности правительства по деполонизации западного края: в частности, его предложение о закрытии учебных заведений, содержавшихся католическим и униатским духовенством, и создания сети светских учебных заведений, финансируемых правительством. Именно О.И. Сенков-

скому принадлежит идея об учреждении на территории Беларуси лицея - высшего учебного заведения, «одним только градусом ниже университета». К сожалению, эта идея, обсуждавшаяся в последующем на самом высоком правительственном уровне, так никогда и не была реализована.

Как отдельную группу источников можно выделить политические записки – сочинения по актуальным вопросам общественной и государственной жизни, содержавшие и пропагандировавшие различные политические идеи, оценки, прогнозы и предложения. Некоторые из этих документов опубликованы. Это хорошо известная записка Белорусского генерал-губернатора Н.Н. Хованского, датированная 18 октября 1824 г. [9, с. 194-196], которая привлекла внимание правительства к проблемам просвещения в двух белорусских губерниях (Витебской и Могилевской), и в которой впервые прозвучала идея о необходимости деполонизации учебного процесса в этих губерниях. Эту идею, уже в процессе ее реализации, поддерживал Могилевский гражданский губернатор М.Н. Муравьев в своих записках о способах сближения западного края с Российской империей [10]. В одной из этих записок М.Н. Муравьев выказывал полное одобрение деятельности попечителя БУО Г.И. Карташевского по деполонизации края в сфере народного просвещения.

В отдельную группу источников можно выделить документы, характеризующие учебный процесс в БУО: учебные планы, расписании занятий, ведомости успеваемости учащихся, реестры книг и учебных пособий (карты, глобусы, математические и физические инструменты, минералогические собрания и т.п.). Сюда относятся и списки учителей, исходя из которых, можно судить об уровне их квалификации, и соответственного, об уровне преподавания. Эти списки вскрывают и национальный состав преподавателей учебных заведений БУО. Документы, содержащие подобную информацию, находятся в фондах: 567 Управление Виленского учебного округа (ГИАЛ), 3157 Канцелярия попечителя Белорусского учебного округа (НИАБ), 2507 Витебская дирекция народных училищ (НИАБ), 2254 Могилевская дирекция народных училищ (НИАБ), 991 Дирекция школ Виленской губернии (ГИАЛ), 38 Гродненская дирекция народных училищ (Нац. Историч. архив в г. Гродно).

Знакомство с этими документами показывает, что правительство Российской империи уделяло большое внимание вопросам деятельности БУО и эффективности функционирования системы образования входивших в него губерний. И надо отметить, что эта деятельность в целом получала высокую оценку императора Николая I и его правительства.

1. Латушка, І.П. З мінулага Беларускай навучальнай акругі / І.П. Латушка // Адукацыя і выхаванне. – 1997. – №2. – С. 100-104; Кузнецова, А.В. Создание Белорусского учебного округа / А.В. Кузнецова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 2 / рэдкал. У.К. Коршук (адк. рэд) [і інш.]. – Мн: БДУ, 2007. – С. 135-139; Пасэ У.С. Беларуская навучальная акруга / У.С. Пасэ, В.А. Цяглова // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: «Бел. Энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1993 – 2003. – Т.1. – 1993. – С. 382-383
2. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание второе: в 55 т. – СПб., 1830 – 1855.
3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: в 3 т. – 2-е изд. – СПб., 1875.
4. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. 1802 - 1834 г. – СПб., 1866. - 1835 - 1849 г. – СПб., 1866. – 1850 - 1864. – СПб., 1866.
5. Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. - 1803 – 1864. – СПб., 1867.
6. Никотин, И.А. Столетний период русского законодательства в воссоединенных от Польши губерниях и законодательство о евреях / И.А. Никотин. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1886. – 420 с.
7. Журнал Министерства народного просвещения. – 1834 -1851. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1834-1851.
8. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833-1843: (Записка, представл. гос. имп. Николаю Павловичу министром народного просвещения гр. Уваровым в 1843 г.…) – СПб., 1864. – [1], 161 с.
9. Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. - 1803 – 1864. – СПб., 1867.
10. Муравьев, М.Н. Четыре политические записки о Северо-Западном крае. 1830 г., 1831 г., 1864 г., 1865 г. / М.Н. Муравьев // Русский архив. – 1885. – №6. – С. 161-199.

Луферчик Е.Г.
РУССКИЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАЧАЛА 1830-х гг.
КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
О ВОССТАНИИ 1830–1831 гг.

Восстание 1830–1831 гг., часто называемое польским или шляхетским, охватило территории Царства Польского и западных губерний Российской империи, то есть тех земель, которые ранее входили в состав Речи Посполитой. По мнению поляков-мятежников, начавших восстание, его целью должно было стать возрождение Речи Посполитой в границах 1772 г. В историографии до сегодняшнего дня нет единства мнений о причинах восстания. В XIX в. российские историографы виновниками восстания называли исключительно поляков. Ф.И. Смит отмечал «непостоянный характер поляков», «беспокойное самолюбие польского дворянства», «ошибочные толкования [поляков, — Л.Е.] об отношении государя к конституции: что будто государь находится в зависимости от конституции» [13, с. 73]. А.К. Пузыревский также указывал на революционный дух поляков и считал его основной причиной событий 1830–1831 гг. [7, с. 1]. Такие оценки стали свидетельством сложившегося в российском обществе XIX — начала XX в. стереотипа в восприятии восстания. Согласно данному стереотипу, события 1830–1831 гг. рассматривались как «бунт» и «мятеж» «неблагодарных» поляков. Они получили после Венского конгресса от Александра I Конституцию, о которой сами русские и не мечтали, а ответили на этот «дар» предательским восстанием [5, с. 19]. Данный стереотип явился результатом политики Николая I, направленной на подавление конституционности, ликвидацию польской самостоятельности. Первыми, кто положительно оценили такую политику, и тем самым укрепили складывающийся стереотип, стали русские поэты начала 1830-х гг.

26 августа 1831 г. А.С. Пушкиным было написано стихотворение «Клеветникам России». Поводом для его сочинения послужило выступление членов французской Палаты депутатов с требованиями оказать помощь польскому народу в восстании. Поэт утверждал, что восстание — это дело «семейное», и другие державы не должны выступать по поводу него [9, с. 269]. А.С. Пушкин писал 1 июня 1831 г. поэту и критику, русскому князю П.А. Вяземскому: «...их [поляков, — Л.Е.] надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря, мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей...» [10, с. 169]. Многим оценка А.С. Пушкина событий 1830–1831 гг. пришлась по душе. Даже такой резкий критик истории России и современных ему порядков, сторонник католицизма и западноевропейской цивилизации, как П.Я. Чаадаев, в письме к А.С. Пушкину от 18 сентября 1831 г. писал: «Вот вы, наконец, национальный поэт; вы, наконец, нашли ваше призвание. Я не могу передать вам удовлетворение, которое вы дали мне испытать [...] Стихотворение к врагам России в особенности изумительно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране» [18, с. 72–73].

В стихотворении «Бородинская годовщина», написанном 5 сентября 1831 г., А.С. Пушкин напомнил французским демократам и участникам русско-польских военных действий о традициях русских воинов, которые могут и должны служить гарантией добрых отношений: «В боренье падший невредим; / Врагов мы в прахе не топтали; / Мы не напомним ныне им / Того, что старые скрижали / Хранят в преданиях немых; / Мы не сожжем Варшавы их; / Они народной Немезиды / Не узрят гневного лица / И не услышат песнь обиды / От лиры русского певца»; «Уж Польша вас не поведет — / Через ее шагнете кости!» [8, с. 274]. 14 сентября 1831 г. П.А. Вяземский, ознакомившись со стихотворением, записал в дневнике: «Будь у нас гласность печати, никогда бы Жуковский не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича [...] Курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить ла-

пу на мышь [...] И что за святотатство сблизать Бородино с Варшавою. Россия вопиет против этого беззакония» [цит. по: 3, с. 507].

А.С. Пушкин однозначно оценил восстание 1830–1831 гг. как мятеж, чрезвычайно опасный для России, подлежащий нещадному подавлению. Поэт сурово осудил всякое сочувствие мятежу. Обращаясь к русским либералам и иностранным дипломатам, А.С. Пушкин писал: «Когда безмолвная Варшава поднялась, / И бунтом опьянела / И смертная борьба началась / При крике «Польска не згинела» — / Ты руки потирал от наших неудач, / С лукавым смехом слушал вести, / Когда бежали вскачь, / И гибло знамя нашей чести» [11, с. 444]. Таким образом, уже в 1830—1831 гг. в русской поэтической среде возникла дискуссия по польскому восстанию. А.С. Пушкин поддержал подавление восстания, с негодованием воспринял сам факт выступления поляков. По оценке польских специалистов Я. Савицкой и М. Топоровского, антипольские стихи были написаны А.С. Пушкиным по заказу Николая I, «который стремился сделать поэта идеологом догм своей эпохи — православия, самодержавия и великорусского национализма» [12, с. 216–217].

С откровенно антипольских, великорусских позиций воспринимал «польский бунт» В.А. Жуковский в двух своих известных стихотворениях 1831 г. В «Старой песне на новый лад» он писал: «Спор решен: дана управа; / Пала бунта голова» [2, с. 283]. А в стихотворении «Русская слава» он воспел подавление восстания как историческое возмездие за унижение Москвы во времена «смуты» [1, с. 284].

«Старая песня на новый лад» В.А. Жуковского была опубликована вместе со стихотворениями А.С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» в брошюре «На взятие Варшавы», которая вышла в свет 11–13 сентября 1831 г. и вскоре была переведена на немецкий язык. Как не удивительно, предисловие к изданию написал солидарный с правительством Н.И. Надеждин, являвшийся редактором прогрессивного и независимого журнала «Телескоп» [15, р. 115].

После поражения восстания, в 1831 г., появилось стихотворение Ф.И. Тютчева «Как дочь родную на закланье» (опубликовано в 1879). Несмотря на европейское воспитание, Ф.И. Тютчев был славянофилом и полагал, что Россия является наследницей Византии. «Он ненавидел католическую церковь и особенно папство, которое считал враждебным институтом» [15, с. 119]. Однако в его стихотворении, в отличие от стихов А.С. Пушкина, нет злорадства. Ф.И. Тютчев видел в подавлении восстания историческую необходимость. Как Агамемнон принес в жертву Ифегению, так на благо истории и общности славянских народов нужно было пожертвовать Варшавой: «Так мы над горестной Варшавой / Удар свершили роковой» [14, с. 120]. Именно такой ценой Россия сохранила целостность.

В 1834 г. М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Опять народные витии...» оценил восстание как политическую интригу Запада, направленную против России: «Опять народные витии, / За дело падшее Литвы / На славу гордую России / Опять шумя восстали вы» [4, с. 223].

В русской поэтической среде, однако, были опубликованы стихи, в которых высказывалось и другое отношение к восстанию и судьбе поляков — сочувственное. В стихотворении А.И. Одоевского, написанном 13 июля 1831 г. (опубликовано в 1861 г.) восстание расценивалось как борьба братского народа за свободу: «Вы слышите: на Висле брань кипит! / Там с Русью Лях воюет за свободу» [6]. Известный славянофил А.С. Хомяков в 1830 г. в стихотворении «Ода (на польский мятеж)» рассматривал восстание как «вражды бессмысленный позор», как братоубийственную войну, когда «Орлы славянские взлетают / Широким дерзостным крылом, / Но мощную главу склоняют / Пред старшим — Северным Орлом» [16, с. 204]. В других своих стихотворениях — «Киев» (1839) и «Орел» (1852) А.С. Хомяков продолжал развивать свои славянофильские идеи на канве восстания 1830–1831 гг. В славянофильском духе были выдержаны

и произведения К.С. Аксакова на польскую тематику — стихотворение «Отрывок из письма к Б.» (1833), драма «Освобождение Москвы в 1612 г.», некоторые его исторические труды. Тем не менее, эта тенденция солидарности с поляками не повлияла на изменение отношения большинства русских к восстанию. В атмосфере антипольской кампании появилось множество «откровенно спекулятивных шовинистических стихотворений “на злобу дня”». К ним относятся поэма Н. Данилевского «Глас умирающего поляка после сражения, бывшего под Прагою», произведения И. Паршова, Н. Кириллова, С. Стромиллова, А. Шишкова и многих других» [17, с. 102–103].

Таким образом, в русской поэтической среде в начале 1830-х гг. был оформлен негативный стереотип восприятия «мятежных поляков» и «польского бунта». А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев и др. в своих произведениях поддержали великодержавную русификаторскую политику царизма. Они оправдывали репрессии, направленные против участников повстанческого движения. В их творчестве выразилось консервативно-монархическое отношение к восстанию 1830–1831 гг. Либерально-компромиссное, сочувственное восприятие восстания нашло свое выражение в стихотворных произведениях А.И. Одоевского, А.С. Хомякова и К.С. Аксакова. Ими была предпринята попытка беспристрастно взглянуть на события 1830–1831 гг., разобраться в их причинах. Они указывали на необходимость взаимоуважения и примирения братских славянских народов. В целом же, именно «пушкинский взгляд» на восстание 1830–1831 гг. определил отношение нескольких поколений русской интеллигенции к польскому вопросу.

1. Жуковский, В.А. Русская слава («Святая Русь, Славян могучий род...») / В.А. Жуковский // Жуковский, В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. — М.: Яз. рус. культуры, 1999—... . — Т. 2. Стихотворения 1815–1852 годов. — 2000. — С. 283–286.
2. Жуковский, В.А. Старая песня на новый лад: (На голос: «Гром победы, раздавайся!») / В.А. Жуковский // Жуковский, В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. — М.: Яз. рус. культуры, 1999—... . — Т. 2. Стихотворения 1815–1852 годов. — 2000. — С. 281–283.
3. Лемке, М. Николаевские жандармы и литература. 1826–1855 гг.: По подлинным делам 3-го отделения собственной его императорского величества канцелярии / М. Лемке. — СПб.: Издание С. В. Бунина, 1908. — 632 с.
4. Лермонтов, М.Ю. «Опять, народные витии...» / М.Ю. Лермонтов // Лермонтов, М.Ю. Сочинения: в 6 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954–1957. — Т. 2. Стихотворения, 1832–1841. — 1954. — С. 223–224.
5. Липатов, А.В. Россия и Польша: «домашний спор» славян или противостояние менталитетов? / А.В. Липатов // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. — М.: Индрик, 2000. — С. 17–29.
6. Одоевский, А.И. При известии о польской революции / А.И. Одоевский // World-art [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=14919>. — Дата доступа: 17.07.2011.
7. Пузыревский, А.К. Польско-русская война 1831 г.: в 2 т. / А.К. Пузыревский; изд. 2-е. — СПб., 1890. — Т. 1. — 440 с.
8. Пушкин, А.С. Бородинская годовщина: («Великий день Бородин...») / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. — 1948. — С. 273–275.
9. Пушкин, А.С. Клеветникам России: («О чем шумите вы, народные витии?») / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. — 1948. — С. 269–270.
10. Пушкин, А.С. Письмо Вяземскому П. А., 1 июня 1831 г. Царское Село / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 14. Переписка, 1828–1831. — 1941. — С. 169–170.
11. Пушкин, А.С. Ты просвещением свой разум осветил... / А.С. Пушкин // Полное собрание сочинений: в 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. — Т. 3, кн. 1. Стихотворения, 1826–1836. Сказки. — 1948. — С. 444.
12. Савицкая, Я. Изображение польских национально-освободительных восстаний в русской поэзии — изменение стереотипов / Я. Савицкая // Россия — Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. ред. В.А. Хорев. — М.: Индрик, 2002. — С. 216–224.
13. Смит, Ф. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов: в 3 т. / Ф. Смит; пер. с немец. В. Квитницкого. — СПб., 1863–1864. — Т. 1. — 1863. — 496 с.
14. Тютчев, Ф.И. Как дочь родную на закланье... / Ф.И. Тютчев // Тютчев, Ф.И. Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. — Л.: Сов. писатель, 1987. — С. 119–120.
15. Филатова, Н. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. / Н. Филатова // *Polacy a Rosjanie. Поляки и русские* / Red. Tadeusz Epstein. — Warszawa: Neriton, 2000. — P. 107–117.
16. Хомяков, А.С. Ода (На польский мятеж). 1831 / А.С. Хомяков // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова: в 4 т. — М.: Университетская типография, 1900. — Т. 4. Трагедии и стихотворения. — С. 204.
17. Хорев, В.А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе / В.А. Хорев // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. — М.: Индрик, 2000. — С. 100–109.
18. Чаадаев, П.Я. Письмо к А.С. Пушкину от 18 сентября 1831 г. / П.Я. Чаадаев // Чаадаев, П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. / Отв. ред. З.А. Каменский — М.: Наука, 1991. — Т. 2. — С. 63–73.

Соркіна І.В.
ГІСТАРЫЧНАЯ ЁРБАНЫСТЫКА БЕЛАРУСІ Ё МАТЭРЫЯЛАХ
ЛІТОЎСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА

Аднаўленне аб'ектыўнай гістарычнай панарамы гарадскога жыцця Беларусі належыць да ліку адной з актуальных і важных задач гістарычнай навукі. Значны комплекс крыніц па шырокаму спектру праблем гістарычнай урбаністыцы Беларусі захоўваецца ў Літоўскім дзяржаўным гістарычным архіве ў Вільні (далей ЛДГА). Крыніцазнаўчую базу пры вывучэнні гісторыі гарадоў і мястэчак Віленскай губерні ў перыяд Расійскай імперыі складаюць дакументы фондаў губернскай адміністрацыі: “Канцылярыі Віленскага грамадзянскага губернатара” (ф.380, 98708 адзінак захавання), “Віленскага губернскага праўлення” (ф.381, 71933 адзінкі захавання).

У пералічаных фондах сканцэнтраваліся звесткі аб колькасці насельніцтва гарадоў і мястэчак, размеркаванні яго па сацыяльных і канфесійных групах, прававым і маёмасным становішчы, развіцці промыслаў, рамяства, ведамасці аб прамысловых прадпрыемствах і абаротах капіталаў на кірмашах і г.д. Важнай крыніцай з'яўляюцца справаздачы губернатараў. Да справаздач звычайна прыкладаліся статыстычныя ведамасці, якія пацвярджалі даныя тэкставай справаздачы. У гэтых ведамасцях утрымліваецца багаты фактычны матэрыял аб сацыяльна-эканамічным развіцці гарадскіх паселішчаў. Яшчэ больш рознабаковай і насычанай інфармацыяй крыніцай з'яўляюцца “Матэрыялы да справаздач губернатараў”. Яны ўтрымліваюць справаздачы ўезных спраўнікаў, дзе найбольш поўна прадстаўленыя разнастайныя звесткі аб мястэчках.

Статыстычныя матэрыялы па шырокаму колу пытанняў, звязаных з развіццём у Віленскай губерні эканомікі, сацыяльных працэсаў, асветы і інш., утрымліваюцца ў фондзе “Віленскага губернскага статыстычнага камітэта” (ф.388).

Інфармацыю аб гарадскіх паселішчах Віленскай, Ковенскай, Гродзенскай (а часам таксама Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай) губерняў утрымліваюць матэрыялы “Канцылярыі Віленскага, Ковенскага і Гродзенскага генерал-губернатара” (ф. 378, 151272 адзінкі захавання). Дакументы гэтага фонду размеркаваныя на агульны і палітычны адзелы. У комплексе яны дазваляюць даследаваць сацыяльнае, эканамічнае, палітычнае, культурнае развіццё, а таксама паўсядзённае жыццё гарадоў і мястэчак заходняга рэгіёна Беларусі ў 1794 – 1912 гг.

У прыватнасці, шэраг дакументаў ф. 378 адлюстроўваюць гісторыю гарадскога кіравання і самакіравання (напрыклад, паказваюць асаблівасці становішча так званых заштатных гарадоў [1], рэалізацыю ў нашым краі гарадской рэформы 1870-х гадоў [2]). Утрымліваюцца звесткі па ўрбаніміцы, якая вывучае ўнутрыгарадскія назвы. Намі выяўленыя дакументы, якія паказваюць ўмяшанне расійскай улады ў мясцовы ўрбанімічны ландшафт. Гэта праявілася ў масавым перайменаванні вуліц беларускіх гарадоў у 1864 – 1866 гг. Тады пад перайменаванне падпалі ўсе вуліцы з “польскім”, каталіцкім зместам. Напрыклад, у Мінску плошча Высокага рынку стала Саборнай, вуліца Бернардзінская – Манастырская, Валоцкая – Хрышчэнскай, Дамініканская – Петрапаўлаўскай, Зборавая – Турэмнай, Зыбіцкая – Балотнай, Францішканская – Губернатарскай, Плябанская – Шырокай і г.д. [3].

Ёсць матэрыялы, якія даюць магчымасць даследаваць горадаўтваральныя працэсы на беларускіх землях і палітыку царызму ў гэтай галіне. Яскравы прыклад – адлюстраваная ў ф. 378 ЛДГА гісторыя змагання жыхароў Смаргоні за наданне ім статуса гараджан. Гэта быў адзін з двух населеных пунктаў Беларусі, які ў парэформеннай Расійскай імперыі дамогся афіцыйнага прызнання горадам*. Спынімся на гэтым больш падрабязна.

* За 44 гады парэформеннага перыяду (1861 – 1917) у Беларусі царскі ўрад заснаваў толькі два гарады – Горы-Горкі і Сморгонь, тады як у цэлым па Расіі – па 5 штогод.

Упершыню пытанне аб пераўтварэнні свайго мястэчка ў горад смаргонцы паднялі ў 1865 г. У 1872 г. жыхары Смаргоні сяляне і мяшчане-яўрэі, аб'яднаўшы свае намаганні, падалі на імя галоўнага начальніка Паўночна-Заходняга края Патапава чарговае прашэнне аб пераўтварэнні гэтага мястэчка ва ўезны горад. Смаргонцы прыводзілі шэраг аргументаў: паказвалі значную заселенасць мястэчка (6 тыс. жыхароў, 16 вуліц, 600 дамоў), выгаднае геаграфічнае становішча, высокую ступень гандлёва-прамысловага патэнцыялу і добраўпарадкавання населенага пункта. Славу Смаргоні прыносіла і шырока вядомае ў наваколлі печыва – “смаргонскія абаранкі”, на выраб якіх ішло каля 20000 пудоў мукі ў год” [4]. Жыхарам мястэчка і на гэты раз адмовілі ў задавальненні іх хадайніцтва.

Мястэчка хутка расло. У другой палове 1890-х гг. неаднойчы ўздыхалася пытанне аб узмацненні штата паліцыі. У 1898 г. у канцылярыі Віленскага генерал-губернатара разглядалася “Справа аб забеспячэнні спакою і бяспекі насельніцтва м.Смаргонь”. Сабраныя статыстычныя звесткі сведчылі аб тым, што “в местечке постоянное население состояло из 8625 душ, в том числе: 833 православных, 1288 католиков, 6504 иудеев; 29 дворян, 16 лиц духовного звания, 32 чиновников с семьями, 80 купцов, 6729 мещан, 1642 крестьян; по роду занятий: 2677 торговцев, 1522 ремесленников, 255 владельцев фабрик и заводов, 707 фабричных рабочих, 1271 земледельцев, 60 государственных и общественных служащих, 802 занимающихся разными промыслами, 1331 чернорабочих. Сумма ежегодного производства фабрик, заводов и других промышленных заведений доходила до 1200000 руб., торгового оборота лавок – 400000 руб., ярмарок – 22500 руб. В местечке 1204 дома, оцененных в 578455 руб., приносящих дохода в год 59809 руб.” [5, арк. 4 – 4 адв.].

У снежні 1900 г. адзначалася, што Смаргонь “выдаюцца в Виленской губернии пункт, как по количеству населения, так и в промышленном отношении; местечко это значительно уездных городов Виленской губернии. Население более 10000 чел. Значительное количество промышленных предприятий и наличие железно-дорожной станции способствует тому, что сюда прибывают люди, не имеющие определенных занятий, неблагонадежные лица с целью преступной пропаганды среди рабочих” [5, арк. 9 – 9 адв.]. Віленскі губернатар прапаноўваў увесці ў Смаргоні паліцэйскую каманду ў складзе 1 наглядальніка і 17-ці гарадавых, утрыманне якой перакласці на жыхароў. Аднак смаргонцы згаджаліся на гэта толькі пры ўмове пераўтварэння іх мястэчка ў горад.

У снежні 1902 г. мясцовыя ўлады канстатавалі, што Смаргонь пераўтварылася ў цэнтр “весьма упорного революционного движения среди рабочих, что выразилось в целом ряде стачек, уличных демонстраций и насилий над рабочими, не принимавшими участие в движении, а также над владельцами местных промышленных заведений... Волнения рабочих настолько разрослись, что вынуждали командирование для подавления беспорядков военной силы...”. Менавіта гэтыя абставіны паскорылі рашэнне аб наданні Смаргоні статусу горада, бо “естественным последствием такого преобразования явилось бы усиление полиции, ... городское управление приняло бы на себя все заботы по расквартированию войск” [6].

У снежні 1903 г. Віленскі губернатар чарговы раз пісаў у адпаведныя інстанцыі аб тым, што Смаргонь заслугоўвае пераўтварэння ў горад, як па дэмаграфічных паказчыках, так і па эканамічнаму развіццю. Адзначалася, што ўмовы жыцця ў Смаргоні мала чым адрозніваюцца ад умоваў жыцця ў губернскім горадзе Вільні. Былі прадстаўленыя пяць ведамасцей аб складзе насельніцтва (па саслоўям, веравызнанню і гаспадарчых занятках) і гандлёва-прамысловым развіцці Смаргоні (колькасць гандлёвых і прамысловых устаноў, абароты на кірмашах)** [7].

** падрабязную інфармацыю можна будзе знайсці ў артыкуле І.В.Соркінай пра Смаргонь на сайце Музея гісторыі польскіх яўрэяў “Віртуальны штэтл”: <http://www.szetl.org.pl>

6 чэрвеня 1904 г. Мікалай II зацвердзіў станоўчае рашэнне Камітэта міністраў аб пераўтварэнні мястэчка Смаргонь у горад [8]. Немалаважную ролю ў гэтым, побач з гандлёва-прамысловым патэнцыялам, адыграў факт пераўтварэння Смаргоні ў цэнтр рабочага руху. Прыклад працяглага і ўпартага змагання Смаргоні за гарадскі статус яскрава паказвае нежаданне царскім урадам прызнаваць правы горада за паселішчамі, якія ўздымаліся да такога ўзроўню, што стрымлівала пашырэнне гарадскога ладу жыцця і гарадской ментальнасці, тармазіла і дэфармавала працэсы ўрбанізацыі і фармаванне гарадской цывілізацыі ў Беларусі. З-за такой палітыкі царызму мястэчкі не сталі падмуркам для пашырэння сеткі беларускіх гарадоў у перыяд фармавання рынкавых адносінаў. Губляўся патэнцыял горадаўтварэння, які закладваўся на працягу стагоддзяў.

Акрамя матэрыялаў фондаў губернскай адміністрацыі шмат цікавых дакументаў, якія з'яўляюцца важнымі крыніцамі па гістарычнай урбаністыцы, захоўваецца ў родавым архіве князёў Радзівілаў. У фондах “Радзівілы” (ф. 1280) і “Камісія па разбору даўгоў князёў Радзівілаў” (ф. 459) ёсць матэрыялы па гісторыі населеных пунктаў, якія належалі гэтаму магнацкаму роду. У прыватнасці, намі выяўлены цікавыя дакументы па гісторыі Капыля (сёння – горад, райцэнтр Мінскай вобласці). Напрыклад, захаваліся даволі рэдкія звесткі аб рамесніках Капыля і Слуцка за 1737 г. [9]. Вельмі інфарматыўнай крыніцай з'яўляюцца матэрыялы аб судовым працэсе паміж Радзівіламі і жыхарамі мястэчка Капыль [10]. Сутнасць гэтага канфлікту заключалася ва ўпартай барацьбе мястэчкаўцаў за вяртанне ім ранейшых правоў, пад якімі разумелася права асабістай свабоды (вызваленне ад прыгоннай залежнасці і вяртанне страчанага ў выніку скасавання расійскімі ўладамі магдэбургскага права мяшчанскага статусу) і права на зямлю (пры правядзенні валочнай памеры ў сярэдзіне XVI ст. мястэчкі атрымалі ад дзяржавы пэўную колькасць зямлі, якую мяшчане лічылі сваёй уласнасцю). У 1833 г. пасля судавага працэсу, распачатага жыхарамі м.Капыль, суд прызнаў іх асабіста вольнымі, аднак зямля мястэчка заставалася памешчыцкай. Далей працягвалася ўжо доўгая і безвыніковая барацьба капылян за зямлю. Дадзеная адзінка захавання ўтрымлівае 1033 аркушаў. Тут сярод іншага змешчаны інвентары Капыльскага княства і мястэчка Капыль за 1642, 1669, 1759, 1774, 1780, 1811, 1837 гады. Прыводзіцца тэкст прывілея вялікага князя літоўскага і караля польскага Яна Казіміра ад 27 жніўня 1652 г. аб наданні Капылю магдэбургскага права [10, арк. 337 – 340].

Такім чынам, нават кароткі агляд некаторых матэрыялаў, знойдзеных у ЛДГА ў Вільні, паказвае, што ў гэтым архіве шмат цікавых дакументаў, якія праліваюць святло на самыя розныя аспекты гістарычнага развіцця нашых гарадоў і мястэчак.

1. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (далей ЛДГА). – Ф. 378, агульны адзел. – 1866 г. – Адз.зах. 1960. “Дело по отношению министра внутренних дел об упразднении в 9-ти заштатных городах и м.Заблудове Гродненской губернии городских дум и хозяйственных ратуш”.
2. ЛДГА. – Ф. 378, агульны адзел. – 1880 г. – Адз.зах. 898. “Дело о введении Городового положения 1870 г. в крае.”; 1881 г. – Адз. зах. 1020. “О числе самостоятельных мещанских обществ в крае”; 1887 г. – Адз. зах. 1224. “Дело по вопросам, относящимся до городского и мещанского управления в Северо-Западном крае.”; 1889 г. – Адз. зах. 562. “Дело о применении Городового положения 1870 г. в городах Гродненской губернии”.
3. ЛДГА. – Ф. 378, агульны адзел. – 1865 г. – Адз.зах. 1977. “Дело по представлению минского губернатора о переименовании польских названий улиц городов Минской губернии. 1865 г.”
4. ЛДГА. – Ф. 378, агульны адзел. – 1872 г. – Адз.зах. 1942. “Дело по просьбе жителей м. Сморгонь об обращении ононого в посад или город”. – Арк. 6 – 7 оборот.
5. ЛДГА. – Ф. 378, агульны адзел. – 1898 г. – Адз.зах. 245. “Дело об изыскании средств к обеспечению спокойствия и безопасности населения м. Сморгонь”.
6. ЛДГА. – Ф. 378, агульны адзел. – 1898 г. – Адз.зах. 745. “Дело по представлению Виленского губернатора о переименовании селения “Вилейка” в местечко и город Ново-Вилейск”. – Арк. 5 – 5 адв.
7. ЛДГА. – Ф. 378, агульны адзел. – 1907 г. – Адз.зах. 215. “Дело об учреждении в Сморгони особого штата полиции”. – Арк. 1, 2 адв., 6 – 8.
8. ЛДГА. – Ф. 378, агульны адзел. – 1903 г. – Адз.зах. 658. “Дело об устройстве в м.Сморгонь городского управления”. – Арк. 4.
9. ЛДГА. – Ф. 459. – Воп. 1. – Адз. зах. 509. “Список ремесленников, проживающих в Слуцком и Копыльском княжествах. 1737 г.”
10. ЛДГА. – Ф. 459. – Воп. 1. – Адз. зах. 4035. “Дело по жалобам мещан м.Копыль в Прокураторию Радзивиловской массы на князя Доминика Радзивила о нарушении им магдэбургских прав. 1818 – 1843 гг.”

Афанасьева Т.Ю.
ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ
ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ, ХРАНЯЩИХСЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ ИСТОРИ-
ЧЕСКОМ АРХИВЕ БЕЛАРУСИ В г. ГРОДНО

Национальный исторический архив Беларуси в г.Гродно является крупнейшим хранилищем документов по истории Гродненской губернии за период XIX- начало XX веков. В архиве на учете 1296 фондов и более 414 тысяч единиц хранения, библиотечный фонд насчитывает более 12 тысяч книг. Многие документальные материалы и печатные издания являются ценными источниками по изучению истории православных церквей Гродненской губернии.

2 апреля 1846 года указом Николая I было утверждено Положение об устройстве православных церквей в селениях ведомства государственных имуществ Западных губерний. В Гродненской губернии были созданы уездные временные комитеты по устройству православных церквей, которые подчинялись Гродненской палате государственных имуществ. В архиве на хранении имеются следующие фонды уездных комитетов: Брестского (ф.844), Гродненского (ф.845), Слонимского (ф.846), Белостокского (ф.847), Волковысского (ф.848), Пружанского (ф.849), Друскеникского (ф.850), Бельского (ф.851), Сокольского (ф.852), которые насчитывают 201 единицу хранения за 1844-1877 годы. Комитеты занимались вопросами постройки и ремонта православных церквей, жилых и хозяйственных помещений для духовенства, перестройкой зданий католических костелов и монастырей в православные церкви. В этих фондах отложились такие виды документов, как проекты, сметы, акты, планы, ведомости, предписания, постановления, протоколы заседаний и др.

По предложению генерал-губернатора от 11 апреля 1864 года был образован Временный губернский комитет по сооружению православных церквей в Гродненской губернии, который подчинялся Министерству внутренних дел.

7 декабря 1867 года вышло Положение Комитета министров «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края». На основании этого Положения Временный губернский комитет по сооружению православных церквей был переименован в Гродненское губернское церковно-строительное присутствие Министерства внутренних дел, с 1890 года присутствие переходит в ведение Гродненской духовной православной консистории (ф.97). В фонде насчитывается 663 единицы хранения, включенных в 2 описи за 1833-1896 годы. В документах фонда содержатся дела о ремонте и постройке православных церквей, о перестройке католических костелов в православные церкви, ассигновании денежных сумм и утверждении кредитов на церковно-строительные работы, открытии приходов и попечительств; сметы на постройку и ремонт церквей, отчёты о церковно-строительных работах в губернии, личном составе; книги прихода и расхода денежных сумм, протоколы заседаний присутствия. В этом фонде отложились такие виды документов, как пояснительные записки, проекты, планы, чертежи, эскизы, сметы, акты, контракты, финансовые ведомости и др. Например, в делах №№ 80,81 за 1865 год имеются сметы на постройку каменной церкви и колокольни в селе Ятвеск Гродненского уезда. Дела №№ 145,154, за 1866-1889 гг. о перестройке католических костелов в православные церкви в Брестском и Кобринском уездах. Дело № 193 за 1867-1870гг. об открытии приходских попечительств при православных церквях Гродненской губернии. В делах №№ 114, 539 за 1865-1889гг. рассматривался вопрос об укреплении берега р.Неман около Коложской Борисо-Глебской церкви в г.Гродно. Дело № 112 за 1865-1868 гг. об открытии иконописной мастерской в г.Вильно. Дело №113 за 1865-1866 гг. об учреждении приюта для сирот при монастыре Рождества Богородицы в г.Гродно. Дело № 369 за 1873 год об исполнении заказов на роспись иконостасов православных церквей академиком Императорской академии художеств Василием Васильевым.

Данная тема нашла отражение в фонде Гродненского губернского комитета по обеспечению православного духовенства (ф.135), который насчитывает 263 единицы хранения за 1822-1872 годы и в фонде Гродненского губернского присутствия по улучшению быта православного духовенства (ф.853), насчитывается 38 единиц хранения за 1862-1880 годы. Этими учреждениями рассматривались вопросы о взыскании десятичного сбора с прихожан, ремонте, постройке помещений православного духовенства и их обеспечении содержанием. В целом это касалось улучшения быта православного духовенства. В этих фондах отложились такие виды документов, как пояснительные записки, сметы, чертежи, проекты, протоколы заседаний, ведомости и др.

Интерес представляют документы фонда Гродненской духовной православной консистории (ф.561), который насчитывает более 40 единиц хранения, включенных в шесть описей за 1900-1914 годы. В этом фонде имеются дела об имущественном положении Красностоцкого женского монастыря, о назначении, перемещении священников, клировые ведомости церквей по Брестскому, Каменецкому, Влодавскому, Высоколитовскому, Полесскому благочиниям. 20 дел описи №2 этого фонда состоят из клировых ведомостей. Клировые ведомости одни из самых интересных документов этого фонда. В них указываются даты постройки, освещения церквей, описание церквей и их месторасположение, содержание причта, количество церковной земли, послужные списки священников и псаломщиков, названия населённых пунктов, которые входили в состав приходов, количество прихожан.

В фондах церквей Гродненской губернии имеются книги записи прихода и расхода денежных сумм, церковно-приходские летописи, протоколы обследования церквей, клировые ведомости, послужные списки священнослужителей, ведомости о состоянии церквей, описи церковного имущества. Например, в фонде Мотольской церкви Кобринского уезда (ф.579) дело №3 состоит из клировых ведомостей и послужных списков священнослужителей этой церкви за 1903-1913 гг., в фонде Лысковской церкви Волковысского уезда (ф.363) дело №4 состоит из церковно-приходской летописи этой церкви за 1880-1913 гг.

Представляют интерес и документы фондов Подоросского, Брестского, Кобринского благочиний (фф.1681, 881, 1008), Гродненского епархиального училищного совета (ф.559). Гродненского, Слонимского уездных отделений Гродненского епархиального училищного совета (фф. 535, 368), Гродненского библейского общества (ф.1193), а также фондов Канцелярии гродненского губернатора (ф.1), Гродненского губернского правления (ф.2), Строительного отделения Гродненского губернского правления (ф.8), Гродненского губернского статистического комитета (ф.14). Например, в фонде Канцелярия гродненского губернатора в одиннадцатом разделе «Материалы по вопросам религии» содержатся дела о строительстве, ремонте зданий церквей, перемене вероисповедания, жалобы разных лиц на служителей религиозных культов и др.

Библиотечный фонд архива также имеет интересные издания по истории православных церквей. Например, «Торжество православия в д.Понижанах Гродненского уезда», «Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794-1900)», «О Жировицкой чудотворной иконе Божией Матери и о Жировицкой обители», «Древняя Коложская церковь во имя святых князей Бориса и Глеба в городе Гродно» (Гродно, 1908 год), «Краткий очерк истории Березвечского женского монастыря, Литовской епархии и Красностоцкой женской обители, Гродненской епархии» (Санкт-Петербург, 1901год), «Борьба Жировицкого монастыря с еврейством» (Гродно, 1897год), «Деречинский приход (краткое историко-статистическое описание)» (Гродно, 1901 год) и др.

На хранении имеются подшивки газет «Гродненские епархиальные ведомости» за 1902-1903, 1912 годы.

Документы архивных фондов и книжные издания используются при написании книг по истории православных церквей. Архивом для плодотворного поиска источни-

ков по этой теме проводится выявление документов как целевое, так и попутное. Все выявленные материалы включаются в систематический каталог архива. Библиотечный фонд пополняется литературой по этой теме как изданной до 1917 года, так и современной, благодаря дарению книг архиву.

Варламова Н.П.
К ИСТОРИИ СВЯТО-УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ
В д. ВИРОВЛЯ ГОРОДОКСКОГО РАЙОНА

История любого культурного или архитектурного памятника формируется на основании комплекса письменных и вещественных источников. В последнее время все больше внимания уделяется сохранению и возрождению духовного и материального наследия Беларуси. Наряду с историей крупных архитектурных памятников силами местных краеведов возрождается история усадебных комплексов, имений, населенных пунктов и отдельных построек.

В одном из дел, которое хранится в Государственном архиве Витебской области и содержит материалы по истории музейного дела на Витебщине [8], встретилось обращение Приходского совета Вировлянской церкви Городокского уезда в Витебскую губернскую комиссию по охране памятников старины и искусства с ходатайством о разрешении произвести ремонт Вировлянской церкви. Данный факт вызывал интерес в связи с тем, что деревня Вировля удалена от города Витебска почти на 80 км и находится в стороне от основных транспортных магистралей. С учетом тогдашней сетки дорог была удалена от уездного города Городка на 22 версты. Тем не менее, Вировлянская Свято-Успенская церковь состояла на учете у Губернской комиссии по охране памятников старины и искусства.

Населенный пункт Вировля (совр. Витебская обл. Городокский р-н, Вировлянский с/с) известен с XVI в. как государственные земли в Витебском воеводстве ВКЛ. В конце XVIII в. Вировля входила в состав Езерещанского староства Городокского уезда Полоцкой губернии. В первой половине XIX в. населенный пункт Вировля насчитывал 137,5 десятин земли. В 1844 г. здесь было основано приходское двухклассное училище, которое содержалось за счет крестьян. Со второй половины XIX в. Вировля становится центром волости. В состав волости входило 414 дворов с населением 3526 жителей. В 1859 г. в имении была организована арендная ферма, которая находилась в пользовании у генерал-майора Данненштерна [12, с. 801]. В 1878 г. Вировлей владела Екатерина Данненштерн [1, стр. 284]. На рубеже XIX-XX вв. в деревне Вировля действовали церковь, каплица, церковноприходская школа.

Энциклопедия «Праваслаўныя храмы на Беларусі» дает следующую информацию о храме в Вировле «Свято-Успенская церковь. Построена в 1897 г. из кирпича. Произведение архитектуры ретраспективно-русского стиля. Снаружи и внутри была отштукатурена и побелена известью, покрыта бляхой зеленого цвета. Над основным объемом возведено 5-куполье. Фасады членились 16 большими и 2 маленькими оконными проемами. Имела четыре входа. Иконостас выделял абсиду. Молитвенный зал отапливался 3 печками» [13, с. 227].

Среди документов Полоцкой духовной консистории, хранящихся в фондах Витебского областного краеведческого музея, Вировлянская церковь упоминается еще в 1800 г. как униатская. В «Росписи генеральной суррогации Полоцкой, которая состояла из двух деканатов – Полоцкого и Городецкого», в деканате Городецком значится Вировлянская церковь. Роспись составлена 21 января 1801 г. с данными на 1800 г. [2].

Еще один факт дает возможность предположить, что церковь существовала уже в середине XVIII в. В инвентарной описи музея Витебского высшего педагогического института сделана запись о поступлении из Вировлянской церкви на престольного креста, который выглядел следующим образом: *«большой деревянный 6-конечный на престольный крест. Обит серебром, беспробная накладка, с односторонним тиснением*

на обкладке. Распятие, на верхнем конце креста INRI над доской(?) терновый венок на Андреевском кресте, еще выше лик нерукотворного Спаса, по бокам два разбойника? на кресте, на нижней перекладине предстоящая слева Богоматерь, справа кусок обкладки с изображением <1> Внизу распятия Ада во главе 4 под ним орудий страстей: лестница, кости, губка, гвозди <2>. в самом низу: Сооруженъ года 1765 Витебск. На оборотной стороне: Спаситель лежащий во гробе, над ним Дух Святой в виде голубя, справа на верхней перекладине две человеческие фигуры, на нижней два ангела, между ними на медальоне Сей крестъ церкви Вир(ов)лѣнскіи. Верхняя и нижняя части обшивки отломлены, нижний кусок заменен медью» [6, л. 160 –160 об. л.161.]. Дата изготовления этого креста – 1765 год. Размеры креста: высота – 50 см, верхняя перекладина – 22 см, толщина – 1,5 см. Изготовлен крест был в Витебске. Достаточно интересен и редок сюжет, изображенный на кресте так называемое «Распятие с разбойниками». Возможно, именно это и привлекло внимание краеведов, т.к. крест не только хранился в коллекции, но и выставлялся в музее института.

В 1834 г. Вировлянская церковь перешла из униатства в православие. В «Ведомости о числе присоединившихся из унии и других исповеданий к православной греко-российской церкви с начала открытия Полоцкой епархии по настоящее время, т. е. с 30-го апреля 1833 г. по 16 ноября 1835 г. разного сословия лиц и крестьян, с показанием, в каких оные состоят местах или в чьем владении, также о числе приходских церквей и филий, поступивших в православное ведомство» записано, что в 1834 г. в православное ведомство перешло Езерищенское староство с тремя церквями: Вировлянской, Меховской и Хвошнянской в количестве 8330 человек униатов. То есть переход Вировлянской церкви в православие был осуществлен еще до официального объединения униатов с православной церковью в 1839 г. [3, л. 6.].

Упоминается Вировлянская церковь и в «Обозрении некоторых церквей Полоцкой епархии Исидором епископом Полоцким и Виленским за 1838 год»: «Успенская в Езерищанском старостве Вировля, деревянная церковь. Стенами крепка и благовидна, но крыша и фундамент требуют переделки вновь. Колокольня ветха и угрожает падением. Утварь достаточна. Ограды не имеется» [4, л. 7].

В «Памятной книге Витебской губернии» за 1865 г. в сведениях о казенных землях Витебской губернии описывается имение Вировль Городокского уезда, состоящее из 87 деревень, где упоминается Вировлянская Свято-Успенская церковь: священники – Евфимий Иванович Гнедовский, диакон Петр Овсянкин [11, с. 107].

В «Статистических сведениях о церквах и притчах Полоцкой епархии», составленных в Полоцкой духовной Консисории в 1884 г., отмечена штатная деревянная церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы в селе Вировле. «Церковь была возобновлена в 1835 г., имела 2698 прихожан мужского пола и 2708 прихожан женского пола. Настоятелем церкви служил священник Василий Соловьев, помощником настоятеля – священник Михаил Заруцкий, псалмовщиками – Николай королев, Иаков Лузгин» [15, с. 27].

В 1900 г. в Вировлянской церкви Успения Божьей Матери при погосте в селе Кузьмино священниками служили Влад. Васильевич Блажевич и Игнатий Августович Вишневский. При этом В. В. Блажевич имел звание учителя начального училища и преподавал в Вировлянском народном училище [14, стр. 37].

Информация о том, что каменная церковь была построена в Вировле в 1897 г., подтверждается «Протоколом заседания приходского совета Вировлянской Городокского уезда церкви, марта 12 дня 1922 г.», где дано описание церкви и указаны места, требующие ремонта: «Церковь в селе Вировль каменная, построена в 1897 г. О пяти главах с каменной колокольней, теплая, отштукатуренная внутри, снаружи покрыта железом, пол деревянный, 14 окон и 6 во втором просвете, 5 дверей, 3 печи, на колокольне 4 колокола, весом около 35 пудов. Точного эскиза в описи в церкви не имеется». Протокол подписан членами комиссии и председателем – священником Л. Рублевским [8, л. 20]. Данный протокол был

составлен и отослан в Витебск в Губернскую комиссию по охране памятников старины и искусства, т.к. еще в 1921 г. Народный комиссариат по просвещению и отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины сделал запрос о дополнительных сведениях о монастырях и церквях в губернии, которые подлежат охране в целом как художественно-исторические памятники (с приложением смет по ремонту и фотографий) [5, л. 40.]. Потому Губернской комиссией были разосланы анкеты и опросные листы для сбора информации по уездам, а также назначены ответственные лица по определенным регионам. Но так как многие памятники старины к началу XX в. требовали ремонта, а ремонтные работы зачастую проводились без учета ценности объектов, то одним из требований комиссии было предоставление отчета о ремонтных работах. В отчете о деятельности Губернской комиссии по охране памятников старины и искусства за июль 1921 г. отмечено, что «приняты меры к тому, чтобы ремонт церквей в Витебской губернии производился с ведома комиссии по охране памятников старины и искусства» [7, л. 10]. Согласно этому требованию, был составлен «Протокол заседания строительной комиссии по ремонту церкви в селе Вировля Городокского уезда». В протоколе были отмечены объем ремонтных работ и планируемые меры по устранению недостатков [8, л. 21 – 22].

Документы о том, были ли проведены ремонтные работы в Вировлянской Свято-Успенской церкви, на данный момент не выявлены.

Дальнейшая история Вировлянской Свято-Успенской церкви связана с общегосударственными изменениями в религиозной политике. С момента проведения кампании сплошной коллективизации в конце 1920-х гг. оживилась и антирелигиозная работа в округе. Начиная с 1929 г. на Витебщине активизируется работа окружного совета СВБ (Союз воинствующих безбожников), который действовал на основании директив КП(б)Б. К 24 февраля 1930 г. в Витебском округе из 155 церквей функционировало всего лишь 14 приходов с двумя приписными церквями. Из них четыре прихода находились в сельской местности, а остальные в городе Витебске. Помимо антирелигиозной идеологической работы достаточно действенным было финансовое воздействие на священнослужителей. Их облагали сельскохозяйственным и подоходным налогами (страховка, земельная рента). При содействии милиции от религиозных общин требовалось соблюдение договоров по части ремонта зданий храма [10, л. 161].

В результате всех этих мероприятий количество церквей в Городокском районе с 1917 г. по 1930 г. сократилось с 17 до 2. Из этих двух действующих на 1930 год церквей в Городокском районе одной была Вировлянская Свято-Успенская церковь.

Интересен тот факт, что после 1922 г., согласно Постановлению ЦИК БССР, церковь в Вировлянском приходе Городокского района была закрыта под нардом. Но в середине 1920-х, при одном из посещений Вировли председателем округисполкома и секретарем райкома, представители от верующих пригласили их на свое собрание, где требовали открытия у них церкви. Это требование было удовлетворено там же на месте, а сельсовету было предложено вернуть ключи от храма. И не смотря на то, что церковь была почти переоборудована под нардом, она была снова восстановлена и освящена. Кроме этого, община хлопотала о возвращении ей колоколов и прочего церковного имущества. В мае 1930 г. с этой целью была послана делегация в Минск в Наркомат внутренних дел [10, л. 162].

Согласно «Докладной записке Витебского оперативного сектора», данный факт несоблюдения Постановления ЦИК БССР по закрытию церквей и молитвенных домов в деревне Вировля привел к активизации работы местных органов, чтобы в ближайшее время расторгнуть договор с общиной и оформить закрытие церкви. При этом местными властями, в том числе и членами КП(б)Б, здания подвергались полному разгрому: выламывались дорогие иконостасы до основания, ломались и сжигались иконы. Подобная участь постигла церкви не только в деревне Вировля, но и в соседних деревнях Городокского района: Хвошно, Оболь, Меховое, Холомерье [10, л. 163]. С этого време-

ни церковь как религиозное учреждение не функционировала. Подтверждением этому служит «Докладная записка уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Витебской области Б.К. Семенова» о деятельности церкви в Витебской области за период с 1944 г. по 1951 г., где отмечено, что в Городокском районе на указанный период не было действующих церквей [9, л. 37].

Со слов местных жителей церковь работала в 1929/30 гг., в 1930 г. была закрыта и далее использовалась в качестве склада для зерна. Здание церкви в годы войны не пострадало, большой подвал под всем зданием церкви служил убежищем для мирного населения во время бомбежки. В течение трех лет оккупации (1941 – 1943) здание церкви использовалось немцами в качестве ремонтных мастерских. После освобождения деревни здание церкви пустовало. В 1945 г. оно было взорвано и разобрано на кирпич для строительства пекарни в соседнем селе Бычиха, а у подножья горы, на которой размещалась церковь, был открыт песчаный карьер.

На сегодняшний день сохранились только фрагменты фундамента храма в Вировле, история которого насчитывает более двух столетий.

В 2009 г. место, где находилась Свято-Успенская церковь, было освящено представителями православной церкви и установлен крест.

1. Алфавитный поуездный список землевладельцев Витебской губернии кроме крестьян, с показанием их вероисповедания, наименования и пространства принадлежащих им имений // Памятная книжка Витебской губернии на 1878 год. – Витебск. – 1878. – 416 с.
2. ВОКМ (Витебский областной краеведческий музей), кп 23167/15.
3. ВОКМ, кп 23167/130.
4. ВОКМ, кп 23167/132.
5. ВОКМ. – Научный архив. – Ф. 3. – Д. 4.
6. ВОКМ. – Научный архив. – Ф. 8. – Д. 2.
7. ГАВО (Государственный архив Витебской области). – Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 3.
8. ГАВО. Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 12.
9. ГАВО. – Ф. 4131. – Оп. 1. – Д. 7.
10. ГАВО. – Ф. 10051-п. – Оп. 1. – Д. 809.
11. Отдел справочный. Городское и сельское духовенство // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. – Витебск, 1865.
12. Памяць: Гарадоцкі р-н: Гіст.-дак. хронікі гарадоў р-наў Беларусі / укл. С.І. Садоўская; рэд.-кал. Н.А. Бурунова і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мінск: Беларусь, 2004. – 894 с.: іл.
13. Праваслаўныя храмы на Беларусі: Энцыкл. Даведнік / А.М. Кулагін; Маст. І. І. Бокі. – Мн.: БелЭн, 2001. – 328 с.: іл.
14. Сведения о православных храмах и притчах в Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии на 1900 год. Витебск. 1900.
15. Статистические сведения о церквях и притчах Полоцкой епархии – Витебск: Типо-Литография Г.А. Малкина, 1884.

Корчмина Е.С.

РЕВИЗСКИЕ СКАЗКИ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.: ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДВОРЯНСТВА

Дворянство как единственное привилегированное сословие Российской империи всегда привлекало внимание исследователей, хотя степень подобного интереса не была одинаково высокой в разные периоды. Сейчас эта тема опять находится в поле зрения историков. Но исследователей интересует преимущественно «духовная» составляющая истории дворянства, особенно если говорить о конце XVIII – первой половине XIX вв., периоде наибольшего влияния благородного сословия, как внутри, так и за пределами империи. Вопросы экономического развития дворянства ушли на второй план, хотя именно современный этап развития технологий позволяет исследовать наиболее трудозатратные источники по истории сословия – ревизские сказки.

Ревизские сказки как исторический источник давно известен ученым. К нему эпизодически обращались исследователи для решения тех или иных задач, как правило, в работах по экономической истории. Одним из успешных примеров можно назвать ра-

боту конца XIX в. А.Д. Повалишина, проведенную на материалах Рязанской губернии, который, правда, использовал окладные книги, а не сам первоисточник. В 1950-х гг. Е.П. Подъяпольская подчеркивала, что ревизские сказки содержат богатый материал о владельцах имений [7, с. 315], но с тех пор они не часто используются, хотя являются одним из очень надежных исторических источников.

Ревизии проводились правительством с целью упорядочения обложения податного населения. Знакомство с материалами ревизского учета выявляет строгое соблюдение переписчиками инструкций, отлаженный механизм проведения переписей (контроль данных при свидетелях, проведение дополнительных ревизий).

Основная цель проводимого исследования - реконструкция социально-экономической истории дворянства отдельно взятой губернии. Рязанская губерния - очень удачный пример, на территории которой было значительно развито дворянское землевладение.

Основная трудность заключается в большом объеме источника. На данном этапе для Рязанской губернии за указанный период было проведено исследование ревизий 1795, 1834, 1850 гг. для двух уездов: Рязанского и Раненбургского, что означает полистовой просмотр 37 дел, объем каждого 800 и более листов. Эти материалы хранятся в фонде 129 Рязанской казенной палаты Государственного архива Рязанской области (ГАРО). На данном этапе собрана информация о 1495 владениях и 955 владельцах.

На основе полученных данных можно говорить, что основные тенденции социально-экономического развития дворянства указанных уездов схожи.

Изучение ведется по направлениям, подсказанным самим источником: 1) дворянское землевладение: размер имения, структура владения крепостным населением (дворовыми и крепостными крестьянами); 2) социальная характеристика дворянства (пол, возраст (малолетство), чин); 3) пути получения имений: наследство, раздел, приданое, покупка, перевод из других мест; 4) операции с крепостными крестьянами и дворовыми: отпуск на волю, отдача в рекруты, ссылка на поселение, продажа, побег, перевод в другое место; 5) изучение дворянских имен; 6) генеалогическое изучение, в особенности восстановление родства по женской линии, и создание базы данных рязанского дворянства; 7) изучение истории населенных мест (непосредственно не связано с историей дворянства).

Приведем первые полученные результаты исследования. Обращение к ревизским сказкам позволило уточнить экономическое положение провинциального дворянства Рязанской губернии. К середине XIX в. происходит постепенное сокращение числа мелкопоместных дворян (менее 20 душ) с 73 до 50 %, за счет увеличения количества владельцев от 20 до 100 и от 100 до 500 душ. Процент крупных душевладельцев оставался одинаковым (около 2 %) и не значительным.

Таблица 1 [1, подсчет наш].
Душевладельцы Раненбургского уезда в конце XVIII - первой половине XIX в.

Число дворян, владеющих душами	1795 г.				1834 г.				1850 г.			
	муж.		жен.		муж.		жен.		муж.		жен.	
	чел	%	чел	%	чел	%	чел	%	чел	%	чел	%
≤1000	-		-		1	0,3	1	0,3	1	0,5	-	
1000-500	4	1	2	0,6	4	1	3	1	2	1	5	2,6
500- 100	25	8	22	7,2	44	13,5	41	12,6	30	16	23	13
100-20	56	18	17	5,5	58	18	53	16	45	23,5	37	19
≥ 20	77	25	102	33	59	18,3	61	18,5	14	7,1	34	17,5

Среди мелкопоместных дворян преобладали дворянки, на наш взгляд, это было связано с путями приобретения недвижимого владения. Основным способом получения имени было наследство с последующим разделом, при котором женщины получали 7-ую (указную) часть имени. Подавляющее число поместий было не очень крупным, поэтому женские имена при условии наличия наследников-мужчин были не значительными. Интересно, что процент владения дворовыми среди дворянок был выше, чем у дворян.

Зарубежные историки, сравнивая экономическое и правовое положение женщин в России и Европе, подчеркивали, что «специфической особенностью России является то, что из 127 крупнейших землевладельцев тридцать шесть (28,3 %) были женщины» [4, с. 63]. Впервые подробно эта тема была исследована М.Л. Маррезе. Она на основе судебных документов XVIII – XIX вв. рассмотрела правовое положение женщины в имущественных отношениях в России. По ее мнению, «процент земельной собственности и крепостных крестьян в женском владении в России резко пошел вверх с середины XVIII в., и со временем треть частновладельческих имений перешла в женские руки, наряду с крестьянами и городской недвижимостью» [5, с. 13].

Данные ревизских сказок показывают, что процент женской собственности был значительно выше предполагаемых 30 %, достигая 50 % к середине первой половины XIX в. Помимо собственно мужских и женских, около 10 % имений стабильно находилось в совместном владении, это, как правило, предполагало, что владельцами являются несовершеннолетние дворяне, которые получили имена в результате смерти одного из родственников. В ревизских сказках 1850 г. в этом случае начал указываться опекун.

На протяжении всей первой половины XIX в. наблюдалась значительная разница в способах приобретения и операций с крепостными крестьянами и дворовыми. Так, последние чаще приобретались покупкой, и чаще отпускались на волю. Крестьяне, как семьями, так и по отдельности, стали получать вольные только после 1834 г., до этого упоминаний об этом практически не встречается. Дворовых чаще переводили с места на место, крестьян значительно реже и только целыми семьями. Отдача в рекруты была характерна для обоих видов зависимого населения, а вот ссылали на поселение чаще дворовых.

Ревизские сказки представляют очень ценным источником для проведения комплексного исследования имен рязанского дворянства, даже с учетом того, что часть владельцев имений в Рязанской губернии не проживали на её территории. Так, например, для конца XVIII в. были описаны имена 473 владелиц на территории двух уездов. В Рязанском уезде землевладелец было больше и наблюдается большее разнообразие имен (45 единиц - в Рязанском уезде и 32 - в Раненбургском). При этом за исключением двух редких имен (Федора и Меланья) множество имен Рязанского уезда перекрывает множество имен в Раненбургском уезде. А в целом по уездам почти нет различий, пожалуй, за исключением имени Степаниды, которое достаточно часто встречалось в Рязанском уезде.

Таблица 2 [1, подсчет наш].
Часто употребляемые имена рязанских дворянок в конце XVIII в.

Уезды	Рязанский	%	Раненбургский	%	всего	%
Анна	39	12,5	18	11	57	12
Мария	31	10	26	16	57	12
Авдотья	24	7,7	11	6,7	35	7,4
Катерина	18	5,8	16	10	34	7,2
Прасковья	22	6,5	9	5,5	31	6,5
Наталья	20	6,4	8	4,9	28	6
Елизавета	13	4,1	7	4,8	20	4,2
Другие имена	143	46,5	67	41	210	44
Всего имен	310	100	162	100	472	100

На первом месте среди женских имен – Анна, которое является одним из самых

распространенных имен как тогда, так и сейчас и не только в России. Если мы сравним полученные данные с материалами, приводимыми А.Б. Каменским для городского населения Бежецка [3, с. 80-82], то увидим почти полное совпадение, пожалуй, за исключением имени Катерина, которое было популярно в дворянской среде и вполне возможно было распространено благодаря тому, что так звали нескольких императриц. Остается открытым вопрос: может ли это свидетельствовать о верноподданнических чувствах рязанского дворянства. Да, и в целом, тенденция называть детей «одними» именами в разных слоях русского общества, говорит о патриархальности российского общества периода империи?

Таким образом, перспективы изучения ревизских сказок громадны, получаемые результаты могут помочь по-новому понять историю российского дворянства и осознать причины не только его расцвета в указанный период, но снижение его политического веса в последующий период.

1. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 129. Оп. 7. Д. 58 - 60, 61 а, 62 - 63, 76 - 80 ; Оп. 32. Д. 112 - 121, 139 - 144 ; Оп. 46. Д. 133,142, 144 - 147, 162, 167, 170, 171.
2. Арсентьев Н.М., Першин С.В., Щербаков В.В. Новые горизонты в исследовании ревизских сказок из опыта создания банка данных «Регион» [Электрон. ресурс.] // Круг идей: традиции и тенденции исторической информатики. Труды IV конференции Ассоциации "История и компьютер. - Режим доступа: <http://kleio.asu.ru/aik/krug/4/10.shtml>
3. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. - М. : рос.гуманим.ун-т, 2007. - 403 с.
4. Ливен Д. Аристократия в Европе 1815 - 1914 / пер. с англ. под ред. М.А. Шерешевской. - СПб. : Академический проект, 2000. - 364 с.
5. Маррезе М.Л. Бабые царство: Дворянки владение имуществом в России (1700 - 1861) / авт. пер. с англ. Н. Лу-жецкой. - М. : Новое литературное обозрение, 2009. - 368 с.
6. Повалишин А.Д. Рязанские помещики и их крепостные: Очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии / реп. изд. - Рязань: Издательство РГПУ, 1995. - 450 с. (По изд.: Повалишин А.Д. Рязанские помещики и их крепостные: очерки из истории крепостного права в Рязанской губернии в XIX столетии. - Рязань: Рязанская Архивная комиссия, под редакцией С. Яхонтова, - 1903. - 463 с.
7. Подьяпольская Е.П. Ревизские сказки как исторический источник.// Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. - М., 1952. С. 311 - 322.

Мурашко А.И.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ ЖАНДАРМСКОЙ ПОЛИЦИИ НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (по материалам Национального исторического архива Беларуси)

С появлением на территории Беларуси во второй половине XIX в. железнодорожного транспорта связано возникновение нового вида правоохранительных органов – жандармской железнодорожной полиции. 27 июля 1861 года император Александр II утвердил «Положение о полицейских управлениях С.-Петербурго - Варшавской и Московско - Нижегородской железных дорог» [1, с. 195]. Именно этот правовой акт положил начало организации жандармской полиции на железных дорогах Беларуси. С развитием железнодорожного транспорта на территории Беларуси параллельно шло развитие структур железнодорожной жандармерии. К 1916 г. железные дороги Беларуси находились в зоне обслуживания 21 отделения шести жандармских полицейских управлений железных дорог (далее – ЖПУ ж.д.) (Московско-Рижского, Виленского, Варшавского, Киевского, Петроградо-Виндавского, Северо-Западных железных дорог) [6]. В обязанности железнодорожных жандармов входило исполнение административных функций по обеспечению и охране общественного порядка в полосе отчуждения железных дорог, расследование, предупреждение и пресечение преступлений на объектах железнодорожного транспорта, выполнение функций политической полиции. Исполняли эти обязанности железнодорожные жандармы до 1917 г. В марте 1917 года по решению Временного правительства жандармская железнодорожная полиция была ликвидирована.

История организации и деятельности жандармской железнодорожной полиции получила свое отражение в большом массиве архивных документов хранящихся в архивах Беларуси. Наиболее широко представлена группа документальных источников. В

первую очередь среди них необходимо выделить документы законодательства. Основные законодательные документы, регламентирующие деятельность железнодорожной жандармерии как одного из институтов государственного механизма Российской империи представлены в Полном собрании законов Российской империи (собрание 2 - 1830 – 1884 гг. - охватывает период правления Николая I и Александра II, собрание 3 – 1885 – 1916 гг. – охватывает период правления Александра III и Николая II), Своде законов Российской империи. К таким документам необходимо отнести «Положение о полицейских управлениях С.-Петербурго–Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог» (1861) [1, с. 195-197, 282-283], «Временный штат чинам и окладам полицейских управлений Рижско-Динабургской и Динабург–Витебской железных дорог» (1863) [2, с. 322, 365-366], «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог» (1866) [3, с. 532], «Положение о Корпусе жандармов» (1867) [4, с. 73-80], «Правила о порядке действия чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» (1871) [5, с. 591-594] и др.

Правовое положение железнодорожной жандармерии по своему было уникальным. Являясь составной частью Отдельного корпуса жандармов – воинским подразделением Военного министерства, выполняла функции общей полиции и политической полиции, в этом отношении подчинялась Министерству внутренних дел, III отделению собственной его императорского величества канцелярии, Департаменту полиции.

Таким образом, организационно-структурное построение жандармской полиции, прохождение службы жандармами, их денежное содержание, обмундирование, вооружение, пенсионное обеспечение регулировалось нормативно-правовыми документами Военного министерства, собранными в Сводах военных постановлений. При расследовании уголовных преступлений и правонарушений железнодорожные жандармы наделялись теми же процессуальными правами, что и общая полиция и руководствовалась в этом отношении Уставом уголовного судопроизводства. Деятельность жандармов по обеспечению общественной безопасности, охранению внешнего порядка и общественного благочиния в пределах полосы отчуждения железных дорог регламентировалась Общим уставом Российских железных дорог. Со всеми вышеуказанными документами можно познакомиться в Национальном историческом архиве Беларуси (далее – НИАБ).

Большой массив источников по данному вопросу составляют материалы делопроизводства. По функциональному назначению эти материалы можно разделить на: 1) распорядительные материалы делопроизводства – циркуляры, приказы Штаба Отдельного корпуса жандармов, Департамента полиции, начальника ЖПУ ж.д., журналы постановлений Особых комитетов по чрезвычайной охране железных дорог и др.; 2) отчетные материалы делопроизводства – сведения о результатах работы, о принятых мерах борьбы с забастовочным движением на железных дорогах, материалы инспекторских проверок, финансовые отчеты и др.; 3) протокольные материалы; 4) переписка с начальниками управлений (отделений), рапорты начальников управлений (отделений), переписка с III отделением собственной его императорского величества канцелярии, Департаментом полиции и другими государственными органами; 5) документы по личному составу, личные дела служащих ЖПУ ж.д.; 6) информационные документы – сведения о деятельности политических партий и общественных организаций, распространении нелегальной литературы, сведения о политической благонадежности рабочих и служащих железных дорог; 7) другие документы.

Определенная часть этих документов представлена в фондах НИАБ. Среди фондов НИАБ необходимо выделить фонды, сформированные непосредственно по документам ЖПУ ж.д., действовавших на территории белорусских губерний Российской империи. Это в первую очередь фонд 3365, содержащий приказы 1868 – 1872 гг., одних из первых ЖПУ ж.д. – жандармских полицейских управлений Либаво-Риго-Орловской, Либаво-Риго-Елецкой и Московско-Смоленской железных дорог. Фонд 1217 включает

дела с приказами по Минскому ЖПУ ж.д. (1873 – 1905 гг.), личные дела жандармов, циркуляры по политическому розыску, переписку с государственными органами и др. документы. Фонд 3065 состоит из документов Гомельского отделения Виленского ЖПУ ж.д. 1907 – 1914 гг. и содержит протокол об обнаружении жандармами подкинутого ребенка и материалы по регистрации огнестрельного оружия. В фонд 3287 представлены документы Двинско-Витебского отделения Смоленского ЖПУ ж.д.

Кроме как в фондах, сформированных из документов ЖПУ ж.д., материалы по деятельности железнодорожной жандармерии встречаются и в других фондах архива. Так фонд 295 Канцелярии Минского губернатора, содержит материалы о взаимодействии железнодорожных жандармов с губернскими органами по вопросам беженцев, эвакуации имущества во время первой мировой войны. В фонде Витебского губернского правления (фонд 1416) можно встретить документы по организации охраны железных дорог во время первой мировой войны, документы по борьбе с шпионажем. Фонд 1430 – Канцелярии Витебского гражданского губернатора включает документы Департамента полиции и Витебского губернатора о мерах борьбы с забастовочным движением железнодорожников, о розыске революционеров, отношения начальников отделений ЖПУ ж.д., находящихся в пределах Витебской губернии, о принятии мер по предупреждению забастовок, документы по переписке железнодорожных жандармов с Витебским губернатором.

Деятельность железнодорожной жандармерии непосредственно была связана с железной дорогой. Поэтому определенная часть документов, касающаяся истории ЖПУ ж.д., отложилась в железнодорожных фондах. Фонды 2414 (Управление Либаво-Виленской железной дороги), 2415 (Управление Полесских железных дорог), 2625 (Управление Риго-Орловской железной дороги) содержат документы о содействии железнодорожных служащих жандармам по обеспечению общественного порядка, при раскрытии уголовных преступлений, по организации охраны железных дорог во время первой мировой войны, о ликвидации ЖПУ ж.д. в 1917, образовании комитетов военно-народной охраны и первых органов милиции на железных дорогах и многие другие.

Таким образом, в Национальном историческом архиве Беларуси сконцентрирован значительный массив документальных источников по истории железнодорожной жандармской полиции, действовавшей на территории белорусских губерний Российской империи. Созданная хорошая источниковая база позволяет историкам всесторонне исследовать историю железнодорожных жандармов.

1. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е.: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830-1884. – Т. 36, отделение 2: 1861. – 1863. – 673 с.
2. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е.: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830-1884. – Т. 38, отделение 2: 1863. – 1866. – 1017 с.
3. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е.: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830-1884. – Т. 41, отделение 2: 1866. – 1868. – 1408 с.
4. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е.: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830-1884. – Т. 42, отделение 2: 1867. – 1871. – 1543 с.
5. Полное собрание законов Российской империи: Собр. 2-е.: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830-1884. – Т. 46, отделение 1: 1871. – 1874. – 935 с.
6. Подсчитано автором по изданию: «Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 10 октября 1916 г. – Петроград: Типография Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1916. – 808 с.».

Власова Н.В.

**ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ГУБЕРНАТОРОВ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.
(на материалах Рязанской губернии)**

Изучение российского чиновничества дореволюционного периода относится к одной из актуальных проблем отечественной истории. Наиболее важным вопросом, который при этом возникает перед исследователем, является выявление круга источников по теме.

Цель данной работы – рассмотреть основные группы источников и на их основе дать характеристику социального облика рязанских губернаторов второй половины XIX – начала XX вв.

Первую группу источников составляют формулярные (послужные) списки. Несмотря на проблемы при их использовании (прежде всего, проблемы достоверности и полноты), эти документы являются основным источником сведений при изучении социального облика российского чиновничества [1].

Формулярный список во второй половине XIX в. содержал следующие сведения: чин, имя, отчество, фамилия, должность чиновника, возраст, вероисповедание, знаки отличия, получаемое жалованье, происхождение («из какого звания происходит»), имущественное положение, образование («где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук»), поступление на службу и продвижение по ней, награды, участие в походах и сражениях против неприятеля, взыскания по службе («был ли в штрафах, под следствием и судом»), время нахождения в отпусках и в отставке, семейное положение («холост, или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания») [2].

Из этих сведений для социальной характеристики чиновничества исследователю необходимы: фамилия, имя, отчество, должность, чин, придворное звание и титул, возраст, вероисповедание, происхождение, имущественное положение, образование, прохождение службы.

Сведения формулярных списков о службе дополняют личные дела (как правило, содержат один или несколько формуляров, различные прошения, официальную переписку в связи с назначением, увольнением, награждением чиновника, предоставлением ему отпуска, пособия, пенсии), а также дела о дворянстве, дворянском роде, внесении в дворянскую родословную книгу.

Еще один источник – краткий список о представляемом «к производству в следующий чин за выслугу лет» чиновнике. Этот документ имел следующие графы: «1) должность, чин, имя и фамилия; 2) которого класса должность, и с какого времени в должности; 3) с которого времени в настоящем чине и краткое изложение прохождения службы с того времени; 4) сколько следовало выслужить и сколько действительно выслужил; 5) не был ли в штрафах, под судом или следствием, и если был, то за что, чем и когда дело кончено; 6) со времени производства в настоящий чин, не был ли в отставке, отпусках, на сколько времени и явился ли в срок; 7) на основании каких узаконений представляется к чину; 8) на основании каких узаконений назначается старшинство и с которого времени; 9) заключение». При исследовании социального облика чиновничества необходимы сведения из первых трех граф.

В Государственном архиве Рязанской области (Фонд 4. Рязанское губернское правление; Фонд 5. Канцелярия рязанского гражданского губернатора; Фонд 98. Рязанское губернское дворянское депутатское собрание) были обнаружены формулярные списки, личные дела, краткие списки и дела о дворянстве рязанских губернаторов [3].

Другую группу источников составляют списки должностных лиц, имевшие различные названия (например, «Список должностным лицам...», «Список лицам, служащим в...», «Список служащих...», «Краткий список лиц...» и др.). В них указаны фамилия, имя, отчество, чин, придворное звание, титул, должность чиновника. При изучении рязанского чиновничества следует обратиться к спискам должностных лиц по Рязанской губернии [4].

Ценным справочным источником являются Адрес-календари – официальное ежегодное издание в Российской империи, которое содержит перечень должностных лиц государственных учреждений (центральных и местных). Это издание, главным недостатком которого исследователи называют неполноту данных, занимало значительное место в системе учета чиновничества. Из него можно почерпнуть такие сведения как должность, чин, фамилия, имя, отчество чиновника. Адрес-календари издавались

под различными названиями («Адрес-календарь», «Памятная книжка», «Календарь и справочный указатель», «Календарь», «Календарь-ежегодник», «Справочная книжка»). Сохранились Адрес-календари Рязанской губернии [5].

Следующая группа источников – некрополи (списки лиц, погребенных на кладбищах в каком-то определенном городе или регионе). Это издание содержит надгробные надписи (даты жизни, эпитафии). Например, надпись на памятнике в Спасском мужском монастыре Рязанской губернии указывает даты жизни рязанского губернатора Абаза Николая Саввича (7 августа 1837 г. – 21 сентября 1901 г.) и его жены Анны Валериановны (12 июня 1837 г. – 23 апреля 1891 г.) [6].

Во второй половине XIX – начале XX вв. (1851–1905 гг.) в должности рязанского губернатора сменилось двенадцать чиновников: Новосильцов Петр Петрович, Клингенберг Михаил Карлович, Муравьев Николай Михайлович, Стремоухов Пётр Дмитриевич, Болдарев Николай Аркадьевич, Абаза Николай Саввич, Зыбин Сергей Сергеевич, Троицкий Николай Александрович, Гагарин Константин Дмитриевич, Кладишев Дмитрий Петрович, Брянчанинов Николай Семёнович, Ржевский Сергей Дмитриевич.

По чинам губернаторы распределялись следующим образом: 8 человек вступили в должность в чине действительного статского советника, 3 – статского советника, 1 – генерал-майора. За время службы три чиновника достигли чина действительного статского советника. В результате этих изменений данные выглядят так: действительных статских советников – 11, генерал-майоров – 1. Таким образом, большинство рязанских губернаторов второй половины XIX – начала XX вв. на момент назначения в должности и к концу своего губернаторства принадлежали к чинам IV класса.

Среди губернаторов шесть человек (50%) имели придворное звание, в том числе: камергера – 4 человека, гофмейстера – 1, шталмейстера – 1.

Анализ сведений о возрасте чиновников показывает относительную молодость губернаторов. Среди них на момент назначения преобладали лица возрастной категории от 36 до 40 лет (50%). Губернаторы моложе 36 лет составляли 16,67%. Таким образом, 66,67% рязанских губернаторов были моложе 41 года. Чиновники, назначенные на должность в преклонном возрасте, отсутствовали.

Данные о вероисповедании губернаторов свидетельствуют о том, что 11 человек из 12 (91,67%) были православными, 1 (8,33%) – лютеранином.

По происхождению все «начальники губернии» являлись дворянами.

Один губернатор имел титул (К.Д. Гагарин происходил «из князей Российской империи»). Н.М. Муравьев, управлявший Рязанской губернией в 1859 – 1862 гг., получил титул графа уже после того, как покинул Рязань.

Приведем данные об образовательном уровне. Четыре губернатора (33,33%) получили университетское образование. Три чиновника (25%) обучались в Александровском лицее. Три губернатора (25%) окончили такие учебные заведения, как Пажеский корпус, школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, гимназию. Двое (16,67%) получили домашнее воспитание.

На основе формулярных списков имеются данные об имущественном положении одиннадцати губернаторов. Три чиновника не имели никакой собственности, восемь человек обладали земельной собственностью.

Итак, источниковую базу при изучении чиновничества составляют формулярные списки, личные дела, краткие списки о службе, списки должностных лиц, некрополи и адрес-календари, которые позволяют исследовать и охарактеризовать социальный облик рязанских губернаторов второй половины XIX – начала XX вв.

1. О недостатках формуляров см.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. - М., 1978. - С. 9-13; Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки. - Калуга, 1994. - С. 9-35; Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. 2-е изд., испр. и доп. - СПб., 2002. - С. 11-20.

2. 16 июля 1849 г. по указу Сената вводилась новая форма послужного списка для гражданских лиц (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXIV. Отд. 1. 1849. №23401; ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXIV. Отд. 2. 1849. Приложения. К №23401.)
3. Новосильцов П.П.: Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 1. - Д. 288. - Л. 3-3 об.; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 11. - Д. 8811. - Л. 1-12; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 740. - Л. 26-26 об.; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 872; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 3071. - Л. 27-29; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 3072. - Л. 26-27, 31-32.
- Клингенберг М.К.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 1. - Д. 348. - Л. 1-16; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 931. - Л. 1, 42-42 об.
- Муравьев Н.М.: ГАРО. - Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 931. - Л. 1, 42-42 об.
- Стремоухов П.Д.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 1. - Д. 1102. - Л. 2; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 1. - Д. 1139. - Л. 2-7 об.; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 1. - Д. 1300. - Л. 8-16; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 3. - Д. 1. - Л. 1-3; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 3. - Д. 100. - Л. 1-20; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 3. - Д. 109. - Л. 1-14; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 11. - Д. 9509. - Л. 100.
- Болдарев (Болдырев) Н.А.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 3. - Д. 1. - Л. 2; Фонд 5. - Оп. 1. - Д. 4191. - Л. 72-80; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 1289. - Л. 1; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 967. - Л. 5; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 4511. - Л. 1; Фонд 98. - Оп. 117. - Д. 5. - Л. 12, 16-23.
- Абаза Н.С.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 3. - Д. 3071. - Л. 1; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 1496. - Л. 1; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 1531. - Л. 1-2; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 3135. - Л. 2-3; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 4518. - Л. 1; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 4532. - Л. 1; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 4536. - Л. 1; Фонд 98. - Оп. 105. - Д. 3.
- Зыбин С.С.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 4. - Д. 3417. - Л. 2-19; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 5. - Д. 3608. - Л. 1-20; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 1906. - Л. 1-3; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 2118. - Л. 1; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 4536. - Л. 3, 7, 20, 21.
- Тройницкий Н.А.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 5. - Д. 3639. - Л. 2-15; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 14. - Д. 656; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 2118. - Л. 7.
- Гагарин К.Д.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 11. - Д. 9798. - Л. 1, 20; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 14. - Д. 698. - Л. 5, 12-17, 18-31; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 4555. - Л. 1.
- Кладищев Д.П.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 5. - Д. 4610. - Л. 2-4; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 4555. - Л. 1, 37-47, 58, 64, 70.
- Брянчанинов Н.С.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 6. - Д. 4860. - Л. 1-14; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 6. - Д. 5084. - Л. 3-6; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 7. - Д. 5381. - Л. 12 об.; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 7. - Д. 5486. - Л. 1-47 об.; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 11. - Д. 10031. - Л. 6, 27-28; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 11. - Д. 10102. - Л. 8-14; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 11. - Д. 10121. - Л. 1-14; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 11. - Д. 10195. - Л. 33-36; Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 11. - Д. 10196. - Л. 1-37; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 2168. - Л. 25-28; Фонд 5. - Оп. 2. - Д. 2235. - Л. 4-5; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3959. - Л. 1; Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 4577.
- Ржевский С.Д.: ГАРО. - Фонд 4. - Оп. 47. - Т. 7. - Д. 5488. - Л. 1-16; Фонд 98. - Оп. 14. - Д. 11; Фонд 98. - Оп. 15. - Д. 14.
4. Список лицам, служащим в Рязанской губернии. - Рязань, 1874; Список должностным лицам, служащим в Рязанской губернии. - Рязань, 1881.
5. Памятная книжка для Рязанской губернии на 1860 г. - Рязань, 1860; Памятная книжка Рязанской губернии на 1868 г. - Рязань, 1868; Справочная книжка Рязанской губернии на 1873 г.: Адрес-календарь и справочные сведения. - Рязань, 1873; Календарь и справочный указатель г. Рязани на 1883 г. - Рязань, 1882; Календарь и справочный указатель Рязанской губернии на 1884 г. - Рязань, 1884; Календарь Рязанской губернии на 1885 г. - Рязань, 1885; Календарь Рязанской губернии на 1886 г. - Рязань, 1886; Календарь Рязанской губернии на 1887 г. - Рязань, 1887; Рязанский адрес-календарь на 1888 г. - Рязань, 1888; Рязанский адрес-календарь на 1889 г. - Рязань, 1888; Рязанский адрес-календарь на 1890 г. - Рязань, 1890; Рязанский адрес-календарь на 1891 г. - Рязань, 1890; Рязанский адрес-календарь на 1892 г. - Рязань, 1891; Рязанский адрес-календарь на 1893 г. - Рязань, 1892; Рязанский адрес-календарь на 1894 г. - Рязань, 1893; Адрес-календарь Рязанской губернии на 1898 г. - Рязань, 1897; Адрес-календарь Рязанской губернии на 1902 г. - Рязань, 1902; Календарь-ежегодник г. Рязани 1903 г. - Рязань, 1902; Календарь Рязанской губернии на 1904 г. - Рязань, 1903; Календарь Рязанской губернии на 1905 г. - Рязань, 1905; Календарь Рязанской губернии на 1907 г. - Рязань, 1906.
6. Любарский К.Н. Рязанский некрополь. Ч. 1. Спасский монастырь. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии, 1913 год / Под ред. С.Д. Яхонтова. - Рязань, 1914. - Т. XXVI. - Вып. 1. - С. 51.

Шнеер Арон **ДОКУМЕНТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ВОССТАНИЕМ 1863 г.,** **В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВАХ ЛАТВИИ И ЛИТВЫ**

Судьбы Беларуси и соседних государств тесны переплетены в истории странством и временем на протяжении многих веков. Часть территории юго-восточной части Латвии еще в XII в. входила в состав Полоцкого княжества. А в XIX в. в состав Витебской губернии Северо-Западного края Российской империи вошли некоторые районы сегодняшней Латвии. Поэтому, многие исторические источники, о которых пойдет речь, сосредоточены в Государственных исторических архивах Латвии и Литвы. Я хочу обратить внимание на некоторые документы из большой коллекции, хранящейся в указанных архивах. В первую очередь речь идет о корпусе документов связанных с восстанием 1863 г., охватившем часть территории Витебской губернии.

Литовский Государственный Исторический Архив, г. Вильнюс. В этом архиве хранятся материалы Канцелярии Виленского, Ковенского, Гродненского генерал-губернаторов с 1768-1913 гг. (фонд 378), материалы Виленской следственной комиссия

политических дел 1863-1908. Для названного периода интерес представляет Фонд политического отдела Витебского Генерал-губернаторства и Временного полевого аудитора при штабе войск Виленского военного округа. Оба фонда содержат ценный материал о польском восстании 1863 года и охватывает период до 1913 г. Центральное место среди изученных мною дел занимает «Военно-судное дело», произведенное в комиссиях военного суда, учрежденного при управлении Динабургского коменданта, о 32 лицах, сужденных по полемому уголовному уложению за участие в беспорядках, произведенных в имении Мариенгаузен, и о печатании возмутительного журнала «Земля и Воля» [1]. Термин «Мариенгаузенское дело» произошел от названия имения Мариенгаузен (ныне г. Виляка) на северо-западе Латвии. Мариенгаузенский процесс являлся одним из крупнейших политических процессов 60-х годов XIX века в России. Процесс длился в течение года с 26 февраля 1863 г. по 21 февраля 1864 г. и оставил после себя большое количество документов, хранящихся в разных архивах. Дело состоит из 4 томов и включает в себя 1500 страниц. В научный оборот частично материалы дела были введены В.И. Неупокоевым, использованы им в статье «Земля и воля по материалам Динабургского процесса». (Революционная ситуация в России 1854-1861 гг. – М., 1962).

Материалы о событиях в Витебской губернии в 1863 г. имеются в фонде 378, опись 1863. Мною, например, использовано лишь одно дело «О Динабургском Голове Будревиче, избранном вопреки большинства русского населения из чиновников и об избрании другого головы на его место» [2, л. 3–5].

Интерес для истории Белоруси представляют материалы, обнаруженные мною в Латвийском Государственном историческом архиве г. Рига. Это фонд Военного начальника Инфляндских уездов. Номер фонда 6396, датировка хранящихся в нем материалов 1863-1865 гг. Фонд состоит из 18 дел. Назову лишь несколько из них: Переписка военного начальника Лифляндских уездов генерал-майора Ковалевского с Муравьевым, относительно приговоров над лицами замешанными в восстании. Донесения Динабургской следственной комиссии военному Губернатору Витебска о законченных дознаниях над ними [3, д. 3]; Дело о дворянах Лепельской губернии Борисовского уезда Костане Козелло, Болеславе Дубовике, Октавии Корсаке, Владиславе Довнаре, Войцехе Дмоховском, Адольфе Сикорском осужденных за участие в восстании [4, д. 6]; Сообщения о вынесении приговоров по делам участников польского восстания 1863-1864 гг., адресованные военному начальнику от Военного и Гражданского губернаторов г. Витебска, начальнику штаба войск Виленского военного округа, председателей следственных комиссий по политическим делам г. Витебска и Динабурга, уездного начальника.

Интересные материалы содержатся в фонде 7293 ЛатГИА «Следственная комиссия по политическим делам в г. Динабурге Витебской губернии за 1863-1864». В фонде 5 единиц хранения: 1) Следственное дело о помещиках Дриссенского уезда и жителях местечка Глубокого 1 января 1864 г. – 20 мая 1864 г., 12 листов; 2) То же – 11 декабря 1863 г. – 20 февраля 1864 г. 27 листов; 3) То же – 18 февраля – 13 июля 1864 г. 310 листов; 4) Следственное дело о лицах Дриссенского уезда, участвовавших в польском восстании 1863 г. 14 июня – 20 ноября 1863 г. 299 листов; Алфавит лицам, о коих дела производятся в уездах и следственных комиссиях Витебской губернии 1864 г. Первые три дела последовательно дополняют друг друга, содержат большое количество допросов, очных ставок, в целом характеризуют политическое положение в районе Дриссы у границ Латгалии, содержат упоминание о действиях отряда Дмоховского [5, л.308-311], о поставках продовольствия, о сочувствии жителей повстанцам.

Историкам может оказаться полезен «Алфавит лицам...», содержащий сведения (фамилия, имя, отчество, социальное происхождение, когда начато и окончено дело,, где содержится) о тех, чьи дела находятся в производстве. Алфавит позволяет точнее определить социальный состав репрессированных участников событий 1863-1864 гг. и

в некотором смысле дополняет известную работу В. Зайцева «Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (опыт статистического анализа) М., 1973)

Основной особенностью дел фондов 1248 ЛитГИА и 6394, 7293 ЛатГИА является то, что они представляют собой судебно-следственные материалы. Все дела следственных комиссий состоят из трех основных частей: ведомственной переписки, показаний свидетелей и показаний обвиняемых, которые можно разделить на добровольные признания, полученные в результате допросов. В делах фонда 6394 имеются материалы об участии крестьян в восстании, об отношении к восстанию дворян, ксендзов, крестьян. Содержатся сведения об известных руководителях повстанцев таких как Дмоховский [4], Доленго-З.Сераковский [6], Гребницкий [7] и других. Содержатся ведомственная переписка, постатейные списки «шляхтичей и простолудинов обвиняемых в участие в волнениях в Новоалександровском, Ковенском и Дисненском уездах [7] В намного меньшем количестве содержатся сведения о событиях в Люцинском, Режицком и Динабургском уездах.

В Латвийском государственном историческом архиве оказался лишь один из трех возможных по уездам (Динабургский, Режицкий, Люцинский) фонд «Управления Люцинского военного начальника (1863-1916) ф.5349, оп.1, д.1.) Однако в нем содержатся Циркуляры Витебского военного и гражданского губернаторов и военного начальника Витебской губернии по борьбе с крестьянскими волнениями. Имеется оценка политической обстановки в уезде и городе, множество фактов характеризующих политику царизма по отношению к различным социальным и религиозным группам уезда и края в целом.

В Латвийском государственном историческом архиве хранится также фонд 711, содержащий материалы Витебского Военного прокурора. В этом фонде хранится корпус документов вплоть до 1917 г.

В том же архиве хранятся документы мировых посредников, в которых содержатся материалы, о национальном, социальном составе, о положении крестьян, о политических и военных мерах центральной и губернской, а также уездной и волостной администрации (Ф. 727, оп. I. Мировой посредник I участка Люцинского уезда 1864 – 1878 гг. – 92 дела; Ф. 729, оп. I. То же II участка 1861 – 1878 гг. – 169 дел; Ф. 729, оп. I. То же III участка 1862 – 1874 гг. – 151 дело; Ф. 730, оп. I. То же IV участка 1861 – 1870 гг. – 27 дел; Ф. 5560, оп. I. Мировой посредник I участка Режицкого уезда 1842 – 1867 гг. – 4 дела). Основными документами указанных дел являются: циркуляры, инструкции центральных учреждений, ведомственная переписка, отчеты, доклады, рапорты, крестьянские приговоры, ведомости о доходах, расходах, поступление податей, оброка, набора рекрутов и другие материалы.

Необходимо отметить, что материалы указанных мною фондов практически не использовались в научной работе, являются новыми ценными источниками не только для изучения восстания 1863 г, но и вообще для истории Северо-Западной Беларуси, а также частично Восточной Латвии вплоть до 1917 года.

1. ЛитГИА. Фонд 1248, оп.2, ед.хр.60, части I, II, III.
2. Лит ГИА: ф.378, оп.1863, д.113, л.3-5
3. ЛатГИА: фонд 6396, оп.1, д.3
4. ЛатГИА: фонд 6396, оп.1, д.6
5. ЛатГИА: ф.7293, оп.1, д.3, л.308-311
6. ЛатГИА: ф.6396, оп.1, д.17
7. ЛатГИА: ф.6396, оп.1, д.18

Серак Е.В.
БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О БЕЛОРУССКИХ ПОВСТАНЦАХ
1863–1864 гг. В ЛИТОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ

Несмотря на наличие ряда научных публикаций [16] и отдельных сборников архивных документов [14] нами ставится задача расширить круг источников позволяющих воссоздать биографии «рядовых» участников восстания 1863–1864 гг. используя, материалы, находящиеся в фондах Литовского государственного исторического архива. К данной теме имеют отношения фонды канцелярии Виленского, Ковенского, Гродненского генерал-губернатора (ф. 378), Временного военно-полевого аудиториата при военном штабе Виленского военного округа (ф. 1248), фонд «Дела по Лидскому уезду» (ф. 712), Виленской следственной комиссии политических дел 1863 – 1908 при Виленском генерал-губернаторе для разбора дел об участниках восстания (ф. 438) [7, 12, 10, 8].

Используемые нами источники можно условно разделить на две группы. К первой группе относятся материалы делопроизводства, источники этой группы в свою очередь можно разделить на несколько подгрупп: судебно-следственные дела, официальная переписка, прошения ссыльных и близкого окружения. Во вторую группу входят документы личного происхождения и представлены тремя подгруппами документов: приватная переписка, воспоминания, фотодокументы.

Наиболее информативным материалом, являются следственные дела участников восстания 1863 – 1864 гг. Они предоставляют возможность установить первичные биографические данные, такие как: возраст, образование, вероисповедание, семейное положение и социальный статус, имущественное состояние, место происхождения находящегося под следствием, условия содержания и меру наказания, определить форму и степень участия в восстании. Так, в материалах судебно-следственного дела «О высылке на жительство в Пермскую губернию дворянина Волковысского уезда Михаила Соболевского» значится, что Михаил Францев Соболевский – дворянин Волковысского уезда, Гродненской губернии, 47 лет, католического вероисповедания, арестован за «подговор крестьян к мятежу». М.Соболевский 5 октября 1863 г. был отправлен под конвоем в «распоряжение генерал-губернатора Санкт-Петербурга», выслан в Пермскую губернию под надзор полиции, был положительно аттестован – «вел себя скромно и вредных политических стремлений в нем не замечено». Семья, жена и шесть малолетних детей остались проживать в д. Олизарки Гродненской губернии. В 1867 г. М. Соболевский подал прошение «о дозволении ему временного приезда на родину для продажи своего имения Хоружанины». В октябре 1867 г. он получил право «водворения на жительство в Царство Польское», проживая в Сувалковской губернии. В 1870 г. Михаил Соболевский ходатайствует «о временной отлучке для устройства домашних дел, которые по случаю болезненного состояния жены находятся в самом жалком состоянии». 9 апреля 1874 г. он получил разрешение возвратиться на родину в Гродненскую губернию с семьей [4, л. 9, 13, 16, 17–18, 21, 24–25об., 30, 33].

Все судебно-следственные дела состоят из нескольких типов документов: протоколы допросов, обысков, очных ставок, выписки из показаний, обвинительные заключения, клятвенные обещания. Внимания заслуживают протоколы допроса – источник богатый фактами, интересный по содержанию и субъективный по характеру так как, охраняя свою жизнь и судьбу своих родных, а так же товарищей подследственные, давая показания, не говорили всей правды. Прощения заслуживали те из «бунтовщиков», кто называл большее число фамилий своих соратников («оговоренных»), поэтому документы содержат обильный биографический материал.

Стоит подчеркнуть значимость различных заявлений и прошений повстанцев и их родственников (жен, вдов, матерей, детей и др.). Они помогают реконструировать взаимоотношения ссыльных с близким окружением [7, 8, 10]. Этот вид источника не-

сколько отличается от всех предыдущих, поскольку создается не сотрудниками государственных учреждений, а непосредственно населением. В них чаяния и надежды о желании семьи повстанца «добровольно последовать в ссылку» ходатайствуя о выделении средства на дорогу; о назначении пособия жене прибывшей к мужу в ссылку; о решении семьи спустя время следовать в Сибирь, так как «не имеет, никаких средств к существованию, на родине»; Из них мы узнаем о причинах «задержки или невозвращения на прежнее место жительства», о желании вступить в брак, об оказании или невозможности оказания материальной помощи родственниками.

Уточняют и расширяют биографические данные документы официальной переписки различных инстанций в связи с регулярным сбором текущей информации в разное время и по различным конкретным случаям персонально о каждом повстанце. Среди подобных источников следует назвать: «Алфавит лиц, дела которых решались в штабе войск Виленского военного округа», «Список лиц, освобожденных на основании 3 п. Высочайшего повеления 13/17 мая 1871 г. от надзора полиции с дозволением им жить повсеместно за исключением столиц и столичных губерний уроженцам же Царства Польского и Западных губерний за исключением и сих губерний», «Именной список, уроженцев Северо-Западных губерний империи, возвращенных из ссылки на основании высочайшего повеления от 17 мая 1867 г. для возвращения на постоянное жительство в Царство Польское» [1, 5, 15]. Характерной особенностью данной группы источников является представление их по установленной форме – в таблицах в виде сводок. Документы данной группы позволяют установить место отбывания наказания, установить получил ли ссыльный помилование в результате амнистий, откуда возвращен из ссылки, где избрал место жительства после окончания срока наказания. Все эти дополнительные сведения позволяют уточнить и расширить биографический материал.

Располагает архив также эпистолярным наследием повстанцев (это источники личного происхождения). Часть его сохранилась в канцеляриях полицейских органов, в фондах департамента полиции, жандармских управлений, так как переводы писем с польского языка, как правило, оставляли в делах органов надзора. Источники эпистолярного характера, непосредственно связаны с персоналиями ссыльных и содержат немало своеобразных, зачастую неожиданных и ценных в исследовательском аспекте фактических свидетельств в значительном большинстве еще не использованных в должной мере. В фонде Виленского общества любителей наук (ф. 1135) нами выявлено «Собрание писем известных лиц к Витольду Оскерко». Эта переписка включает письма А.Одынца, П. Яшиной, Е. Коновалова и др. письма датируются 1865, 1868, 1882 гг. [11].

Помещик Речицкого уезда Минской губернии Витольд Эмильев Оскерко, за участие в восстании был выслан в Вологду. В 1867 г. он получил разрешение на переселение в Варшаву. В апреле 1874 г. Витольд Оскерко получил право вернуться на родину в имение Водовичи Речицкого уезда [3, л. 14–14 об.]. Переписка раскрывает повседневную жизнь и передает настроение ссыльных. Авторы писем обменивались самыми разными новостями, в том числе из жизни общих знакомых, интересовались здоровьем, делились успехами детей, давали советы по их воспитанию, рассуждали о семейных радостях и привязанностях «как самых лучших и прочных в жизни», рассказывали о конфликтах и делились переживаниями.

Мемуарная литература представлена в фондах архива дневниками Медарта Кончи и воспоминаниями Теодоры Мончунской дочери Т. Нарбута [6, 13].

Нельзя не остановиться на обширном иллюстративном материале. В делах фонда Архив музея графа М.Н.Муравьева (ф. 439), сохранилось около 600 фотографий участников восстания 1863 г. и царских чиновников периода 60-х годов 19 – начала 20 вв. [9]. В числе повстанцев, чьи снимки находятся в этом сборе шляхтич из Минска, служил регентом Новогрудского городского суда Богуслав Семирадский, сослан в Новгородскую губернию; помещик Слуцкого уезда Минской губернии, отставной подпо-

ручик Павел Дыбовский, за участие в восстании выслан в Архангельскую губернию; помещик Пинского уезда Минской губернии Эдвард Рачинский, отправлен в ссылку «за причастие» к восстанию; один из организаторов восстания и исполнитель обязанностей минского гражданского воеводы Карнелий Пеликша родом из Новогрудского уезда, по результатам следствия заочно было вынесено решение о смертной казни, но он сумел выехать за границу, жил в Париже, Италии; помещик Игуменского уезда Минской губернии Болеслав Свенторжецкий, с началом восстания выполнял обязанности комиссара Минской губернии, участвовал в отряде С.Лесковского [2, с. 116, 123, 128, 129].

Представленный обзор материалов о ссыльных участниках восстания 1863–1864 гг. в Литовском государственном историческом архиве свидетельствует об их разнообразии. Полноценное использование этих материалов позволит воссоздать биографии «рядовых» ссыльных и по ним проанализировать, социальный состав повстанцев, места отбывания наказания и динамику последующих перемещений ссыльных, перемены в социальном статусе. С наибольшей достоверностью установить непосредственные фактические сведения о повседневной жизни и быте ссыльных в Сибири, об их личных судьбах, профессиональной деятельности.

1. Алфавитный список решенных дел «политических преступников» по Виленской губернии. // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 439. – Оп. 1. – Д. 53.
2. Гарбачова, В. Паўстанцы 1863 года на фотаздымках / В. Гарбачова // АРСНЕ. – 2010. – № 12.
3. Дело об аресте помещика Витольда Аскерко высланного во внутренние губернии // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 3492.
4. Дело о высылке на жительство в Пермскую губернию дворянина Волковысского уезда Михаила Соболевского // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 378. – Оп. 154. – Д. 783.
5. Дело о лицах, высланных из Северо-Западного края за политические преступления и освобожденных по высочайшему повелению от надзора полиции // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 378. – Оп. 162. – Д. 194.
6. Дневник Медатра Кончи // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 1135. – Оп. 18. – Д. 8.
7. Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 378. – Оп. 154–163.
8. Там же. Фонд 438. – Оп. 1.
9. Там же. Фонд 439. – Оп. 1. – Д. 147–178.
10. Там же. Фонд 712. – Оп. 1.
11. Там же. Фонд 1135. – Оп. 20. – Д. 515.
12. Там же. Фонд 1248. – Оп. 2.
13. Материалы относящиеся к 1863 г. Воспоминания Т. Мончунской (дочь Т. Нарбута) // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 1135. – Оп. 4. – Д. 375.
14. Повстанческое движение в Гродненской губернии 1863–1864 гг. / Т.Ю. Афанасьева [и др.]; под ред. Д.В. Карева. – Брест: Академия, 2006. – 404 с.
15. Сведения сообщаемые, Собственно Канцелярией Наместника Его Императорского Величества в Царстве Польском о лицах, переселившихся в оно по Указу 17 мая 1867 г. // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 378. – Оп. 158. – Д. 421.
16. Pezda J. Materiały do historii zesłańców doby powstania styczniowego w zbiorach Biblioteki XX. Czar-toryskich i Muzeum Narodowego w Krakwie / J. Pezda // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja / Pod. red. W. Cabana – Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej, 2005. – S. 325–329.

Линкевич В.Н.

ИСТОЧНИКИ ПО МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ В БЕЛОРУССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Религиозная ситуация в Белоруссии во второй половине XIX – начале XX вв., как и в предшествующий период оставалась довольно непростой. Поликонфессиональный состав населения тогдашнего Северо-Западного края (православные, католики, протестанты, старообрядцы, иудеи, мусульмане), давние противоречия между основными христианскими конфессиями (православной и католической), в том числе в поли-

тической сфере, а также политика царского правительства, которая не всегда соответствовала требованиям времени, создавали определённую напряженность в межконфессиональных отношениях. В экстремальных (польское восстание 1863 – 1864 гг., первая российская революция 1905 г.) ситуациях они обострялись.

О конфессиональной ситуации в Белоруссии в дореволюционный период мы можем судить на основе многочисленных опубликованных и неопубликованных источников того времени. Среди них можно выделить: делопроизводственные материалы, законодательные акты, статистические сборники, мемуары и воспоминания, периодическую печать и др.

Основной базой для исследования темы являются неопубликованные источники из фондов Национального исторического архива Беларуси в Гродно, Национального исторического архива Беларуси в Минске, Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Литовского государственного исторического архива (Вильнюс), рукописных отделов библиотек Беларуси и России. Главными из них являются материалы делопроизводства государственных учреждений Российской империи, которые занимались разработкой и осуществлением мероприятий в конфессиональной сфере: Кабинета Министров, Министерства Внутренних Дел (прежде всего Департамента духовных дел и иностранных исповеданий МВД), Синода, канцелярий виленского генерал-губернатора и гражданских губернаторов, губернских правлений и уездных учреждений. Они дают представление о целях, средствах и методах проведения конфессиональной политики правительства, государственно-церковном взаимодействии, отношениях между духовенством и верующими различных исповеданий.

Так, например, после подавления восстания 1863 г. царская администрация взяла курс на ужесточение политики в отношении католицизма, учитывая антироссийскую позицию значительной части католического духовенства во время «мятежных событий». Введение жесткой административной регламентации деятельности католического клира сопровождалось закрытием костелов и монастырей, а также переводом части верующих (главным образом, бывших униатов) католического вероисповедания в православие. Многочисленные дела, характеризующие эти процессы, находятся в фондах НИАБ в Гродно. Так, в фонде Канцелярии гродненского губернатора имеются материалы, содержащие сведения о количестве закрытых в губернии культовых учреждений (в 1864 – 1867 г.), а также их перечень. Всего в этом списке насчитывается 62 костела и каплицы, в т.ч. по г. Гродно – 1, Гродненскому уезду – 8, Сокольскому – 5, Бельскому – 5, Брестскому – 10, Кобринскому – 13, Пружанскому – 5, Слонимскому – 10, Волковыскому уезду – 6 костелов [1, л.8 – 11об.]. При этом в большинстве своем, упраздняемые католические храмы передавались в ведение православного ведомства. Число таких составило 55 единиц [2, л.22 – 24].

В документах административных учреждений также содержатся сведения, касающиеся правового и материального положения конфессий, численности верующих, культовых учреждений, состояния церковного обучения, исполнения религиозных обрядов, переходов верующих, заключения смешанных браков и т.д. Большой удельный вес занимают материалы, связанные с рассмотрением дел о несоблюдении норм конфессионального законодательства.

В условиях ограниченной веротерпимости, когда переходы из православия в другие вероисповедания были запрещены (до 1905 г.), подобное было массовым явлением. Данные источники еще не полностью включены в научный оборот, требуют тщательной длительной работы, в ходе которой необходимо учитывать характер материалов – царские чиновники не всегда были объективными и точными в своих отчётах и порою тенденциозными в оценке.

Информация, представленная в документах учреждений власти и управления, существенно дополняется, расширяется сведениями фондов культовых учреждений (церквей, костёлов, соборов, монастырей, консисторий, благочиний, деканатов и др.),

церковных школ и братств. Здесь находится огромный пласт материалов, характеризующий храмостроительную, просветительскую, издательскую, миссионерскую и благотворительную деятельность духовенства, содержатся сведения о браках, метрические записки и т.д.

Опубликованные источники по теме представлены, прежде всего, законодательными актами и статистическими материалами.

Наиболее важными среди материалов законодательства являются Свод законов Российской империи (т. 14, 15, Спб., 1890), Собрание постановлений по части раскола (Спб., 1875), Полное собрание законов Российской империи (т. 37, 39, Спб., 1865, 1867), Особые журналы Совета Министров царской России. Детальный анализ этих источников позволяет не только раскрыть цели и задачи конфессиональной политики царского правительства, которая была направлена на укрепление позиций традиционного для русского народа вероисповедания – православия и недопущение прозелитизма, но и проследить основные этапы её эволюции, формы и методы проведения.

Статистические материалы, в том числе данные, собранные офицерами Генерального штаба в начале 60-х годов и вошедшие в «Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям» (Спб., 1864), материалы «Первой Всеобщей переписи населения Российской империи» (1897 г.), ежегодные отчеты губернаторов и приложения к ним, «Памятные книжки» и «Обзоры губерний» и т.д. позволяют определить конфессиональный состав населения Белоруссии и проследить его динамику, а также сопоставить религиозную и этническую принадлежность жителей белорусских губерний. В них также содержатся сведения, характеризующие численность культовых учреждений, приходов, духовных лиц по городам и уездам белорусских губерний. Так, например составленный на основе ежегодных отчетов обер-прокуроров Синода магистром И. Преображенским сборник «Отечественная церковь по статистическим данным с 1840 – 1841 по 1890 – 1891г.» (СПб., 1897) позволяет проследить происходившие после восстания 1863 года изменения в положении православия: закрытие костёлов и превращение их в православные церкви, строительство новых храмов, открытие новых приходов, переходы верующих из католицизма в православие. Вместе с тем, необходимо отметить, что статистика того времени была не столь точной, как хотелось бы. Конфессиональная политика царской администрации, носившая дискриминационный характер по отношению к ряду вероисповеданий, приводила к тому, что определенная часть населения лишь формально принадлежала к «господствующему» вероисповеданию, а в действительности исповедала католицизм, лютеранство, старообрядчество. Понятно, что в официальных материалах это не отражено.

Ценные, часто уникальные сведения по истории межконфессиональных отношений в Белоруссии содержатся в дореволюционной периодической печати. В первую очередь это относится к издававшимся в Минске, Гродно, Витебске, Могилеве и Вильно «Губернским ведомостям», а также к общероссийским изданиям – «День», «Вестник Западной России», «Виленский вестник» и др. Данные светских периодических изданий дополняют материалы церковных изданий.

Так, на страницах «Церковных ведомостей» и «Церковного вестника», других общероссийских журналов и газет, а также местных «Епархиальных ведомостей», издаваемых Литовской, Полоцкой, Минской, Могилевской и Гродненской православными епархиями освещены самые различные аспекты церковной жизни. Среди них особо следует отметить участие православного духовенства в общественно-политической жизни тогдашних западных губерний Российской империи, миссионерскую деятельность церкви, развитие церковных братств и церковно-приходских попечительств. Большое место на страницах изданий занимают публикации по церковной истории и краеведению таких авторов как М. Коялович, Е. Орловский, Л. Паевский, П. Жукович, И. Корчинский, А. Миловидов, Н. Диковский и др. Здесь также представлена полемика по отдельным аспектам этнокон-

фессиональной политики властей. Важное место на страницах этих изданий заняли материалы, повествующие о жизни православных верующих, их взаимоотношениях с католиками, протестантами, иудеями, старообрядцами, борьбе с сектантством.

К сожалению, периодика, принадлежавшая неправославным конфессиям, очень бедна. Однако отдельные издания в этот период все же были. Так, в 1913 – 1915 годах на польском языке выходила еженедельная католическая газета «Bielarus». Религиозная жизнь в Беларуси нашла свое отражение и на страницах газет и журналов, издаваемых старообрядцами, а также в еврейских изданиях. В журналах «Душеполезное чтение», «Кормчий», «Старообрядческий вестник» и др. содержатся сведения о церковной и общественной жизни старообрядцев, их взаимодействии с властью и отношении к представителям иных религий. Еврейские издания «Русский еврей» и «Еврейская старина» позволяют более глубоко и всесторонне (с другой стороны) посмотреть на неоднозначные взаимоотношения иудеев и христианского населения.

Весьма значимым источником является мемуаристика. Богатые сведениями воспоминания, а также эписталярное наследие позволяют раскрыть глубинный подтекст исторических явлений и процессов. Часть мемуаров опубликована. В-первую очередь следует отметить воспоминания виленского генерал-губернатора М.Муравьева [3], митрополита Литовского Иосифа (Семашко)[4], архиепископа Полоцкого Василия (Лужинского) [5]. В этих основательных работах получили широкое освещение самые различные аспекты конфессиональной истории Белоруссии. Большое внимание их авторы уделили таким проблемам как отношение христианского духовенства и верующих к польскому восстанию 1863 – 1864 гг., конфессиональная политика и положение вероисповеданий после этого события, переходы в православие, отношения между православными и католиками, православными и старообрядцами. Вместе с тем, как и для большинства мемуарных материалов, для этих источников характерна порою излишняя субъективность в оценках происходящего. Зачастую их авторы преувеличивают свою роль, или роль тех учреждений, что они представляют, в событиях тех лет. Кроме того, следует учитывать, что авторы мемуаров, занимая ответственные посты в государственной и церковной иерархии, являлись активными проводниками определенной политики. Вследствие этого, оценка происходивших событий дана авторами исходя из официальных позиций, а подбор материалов страдает некоторой тенденциозностью.

В качестве дополнительного источника служит многочисленная религиозно-полемическая литература того времени. Несмотря на то, что такие работы носят преимущественно богословский характер, в них ярко отразился весь накал борьбы в духовной сфере.

В целом следует отметить, что имеющаяся репрезентативная база при условии комплексного использования источников, и их критического научного анализа позволяет создать достаточно полную картину межконфессиональных отношений в рассматриваемый период, а также показать их влияние на общественно-политическое, этнокультурное и духовное развитие Белоруссии. Издание и переиздание некоторых неопубликованных и ранее вышедших в свет материалов могло бы способствовать оживлению интереса белорусского общества к своему прошлому и формированию национального самосознания белорусского народа.

1. Списки упраздненных римско-католических костелов и переписка с генерал-губернатором Северо-Западного края, уездными исправниками по этому вопросу // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно (далее НИАБ в Гродно). – Ф. 1, Оп. 6, Д.1643.
2. Ведомости о количестве упраздненных католических костелов Гродненской губернии, переданных в православное ведомство // НИАБ в Гродно. – Ф. 97, Оп. 1, Д.228.
3. Муравьев, М.Н. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа 1863 – 1864 гг. /М.Н. Муравьев // Русская старина. – 1882. – т. 36.
4. Записки Иосифа, митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора. В 3 т. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской академии наук, 1883.
5. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого.– Казань.: Издание Казанской духовн. Акад., 1885.

Півавар М.В.
АГЛЯД КРЫНІЦ ПА ГІСТОРЫІ ПАСЁЛКА ЛУЖАСНА
ВІЦЕБСКАГА РАЁНА

Вывучэнне гісторыі населеных месцаў мае надзвычай важнае значэнне. Як у кроплі вады адлюстроўваецца ўвесь свет, так, у гісторыі невялікага населенага месца адбываюцца падзеі айчыннай і нават сусветнай гісторыі. І, як правіла, падзеі маюць мясцовыя асаблівасці. З гісторыі месцаў складаецца гісторыя краіны і таму знікненне любой вёскі ці пасёлка вядуць да страты часткі агульнанацыянальнай гісторыі і культуры. Мэтамі артыкула з'яўляецца публікацыя вызначаных пісьмовых гістарычных крыніц пры выкарыстанні якіх магчыма напісанне гісторыі паселішча, а таксама паказаць значнасць падобных матэрыялаў пры вывучэнні гісторыі свайго краю. У дадзенай працы разглядаюцца пісьмовыя гістарычныя крыніцы, якія найбольш даступны для рэгіянальных даследчыкаў і захоўваюцца ў Віцебскай абласной бібліятэцы. Не кранаючы зборнікі дакументаў, акцэнтуюем сваю ўвагу на кнігах і зборніках матэрыялаў XIX – першай паловы XX ст. як найбольш даступных.

Важнейшай крыніцай па гісторыі вёсак з'яўляюцца “Памятные книжки Витебской губернии”. Памятныя кніжкі – афіцыйныя ўрадавыя выданні, у якія ўключаліся звесткі храналагічнага характару: табель-календары, адрас-календары з пералікам губернскіх і павятовых урадавых, грамадзянскіх і рэлігійных устаноў і іх супрацоўнікаў, месяцасловы, юбілейныя указальнікі); адміністрацыйныя (тэрытарыяльна-адміністрацыйны падзел губерні, павеатаў, пошта, тэлеграф); даведачныя: шляхі зносін з указаннем адлегласці між паштовымі станцыямі, кірмашы, інфармацыя пра фабрыкі і заводы, навучальныя ўстановы (народныя школы граматы, царкоўна-прыходскія школы, гімназіі, лютэранскія, яўрэйскія навучальныя ўстановы), прыходы, храмы, прычт, медыцынскія ўстановы, кніжныя крамы, бібліятэкі, друкарні, клубы, дабрачынныя таварыствы; статыстычныя: аб землеўладанні і землеўласніках, звесткі па сельскай гаспадарцы, дэмаграфіі, гандлі, вытворчасці мануфактур і прадпрыемстваў. У неафіцыйным раздзеле друкаваліся артыкула па мясцовай гісторыі, этнаграфіі і фальклоры, эканоміцы, прыродазнаўстве, архіўныя матэрыялы.

Пачнем з духоўнага жыцця. У статыстычнай частцы, раздзеле прысвечаным прыходам і храмам змяшчаецца інфармацыя пра Лужаснянскую Свята-Узвіжанскую царкву. Інфармацыя вельмі скупая, але дазваляе ўявіць пра тое, што быў святаром (Іосиф Томашевский), яго узрост (1826 г.), адукацыю (Окончил Полоцкую духовную семинарию), сямейны (Женат, имеет 2 сына и 2 дочери) і матэрыяльны стан (Оклад 140 руб.) [1].

Не усе запісы настолькі інфарматыўныя. У некаторых кніжках падаецца толькі назва царквы і прозвішча святара: Лужеснянская Св. Воздвиженская церковь настоятель Иосиф Томашевский [2]. Аналіз усіх кніжак дазваляе прасачыць гісторыю храма, змены ў службе святароў. Напрыклад, з кніжкі за 1885 г. даведваемся, што да Свята-Узвіжанскага храма ў Лужасна была прыпісана Траецкая царква ў в. Шалыгіна. Святаром служыў Георгий Іоан. Ліоренцевич. У 1908 г. адбылося асвяшчэнне пабудаванай Пакроўскай царквы [3]. У 1909 г. у Лужаснянскім прыходзе новы святар – *Петр Иоанович Жгун*. Ён жа і загадчык царкоўна-прыходскай школы і законавучыцель.

Зусім невялікія, але каштоўныя звесткі пра ўстановы адукацыі таксама можна знайсці ў памятных кніжках.

У раздзеле “Ведомость об учебных заведениях по Витебской губернии за 1864–65 г”. *Лужеснянское* – належала министерству народного просвещения, мужское, училось 7 учеников / в других от 7 до 14/, учитель 1 – мужского пола [4]. У 1908 г. мелася тая ж царкоўна-прыходская школа. Загадчыкам і законавучыцелем быў *Георгий Лиоренцевич*, настаўнікам *Петр Иоанович Богданович*.

У 1909 г. у Лужасна было ўтворана *сельскохозяйственное училище*. Управляючым з'яўляўся Казимир Адам. Михайлович змяшчаецца інфармацыя пра адукацыю і службу (ок. средн. учебн. заведение сл. 12 авг. 1890 г.) і калі прыступіў да выканання абавязкаў (дол. 15 ноября 1909 г.). такая ж інфармацыя падаецца пра выкладчыка рамяства (нч. Федор Владим. Кондратьев прв. ок. Горецк. рем. училище сл и долж. 8 янв. 1910 г.) [5].

З кніжцы за 1908 г. можна даведацца пра тое, што ў Лужасна пачаў дзейнічаць “*Лужеснянский земледельческий кружок* [(Адр.: г. Витебск) Председатель дсс (действительный статский советник) Вал. Корнил. Златковский, вице-председатель Герон. Франц. Самович, секрет.-казначей двор. Евг. Каз. Стукалич. Члены правления: мещ. Ив. Алексеевич Азеуш, дв. Александр Конст. Сушинский, кр. Григ. Иосиф. Мищенко]” [6]. З такіх дэталей цікава даведацца, што сакратаром-казначаем школы быў брат вядомага віцебскага юрыста, краязнаўцы Уладзіміра Казіміравіча Стукаліча. А брат Івана Аляксеевіча Азеўша Пётр быў растраляны немцамі ў 1942 г. за дапамогу, аказаную чырвонаармейцам у лютым 1942 г. [7]. Па кніжцы за 1912 г. можна прасачыць пэўныя змены, якія адбыліся ў складзе гуртка. Старшынёй стаў [н.с. (надворный советник) К.А. Михайловский, вице-пред. – Мод. Михл. Бартыневич, секретарь – Михаил Ильич Пичугин]. Яшчэ адна навіна – у Лужасна з'явілася Вольно-пожарная дружина, старшынём якой: з'яўляўся Казімір Міхайлоўскі

У кніжках можна адшукаць цікавыя матэрыялы пра эканамічнае развіццё вёскі. Каштоўнейшай крыніцай для далейшых росшукаў інфармацыі пра вёску з'яўляецца “Алфавитный поездный список землевладельцев Витебской губернии” [8]. У спісе “землевладельцев Витебского уезда и их владений”, сярод іншых: “... Краснодемская Екатерина римско-католического вероисповедания - *Лужесно* и Шалыги 2234 десятины. У радзеле “Винокурные заводы и фабрики” можна знайсці звесткі пра тое, што ў маёнтку Лужасна памешчыцы Кацярыны Краснодембскай у 1859 г. быў заснаваны вінакурны завод. Рабочых і майстроў 6 [у іншых заводах працавала да 10 рабочых]. Выраблена прадукцыі на суму *акц. 60 рублей* [у іншых ад 30 до 10000 рублёў] [9]. У 1865 г. у маёнтку [*Лужесное* помещицы Краснодембской] меўся вадзяны млын: [число камней или поставов – 8. Количество вымалываемой муки 27,000 пудов] [10].

Пры Лужаснянскім пагосце 14 верасня, у храмавае святы – дзень Узвіжання Крыжа Гасподняга праводзіўся кірмаш. “...Главный предмет торга составляют, как почти на всех кирмашах напитки, деревенские лакомства, фрукты, кроме того иногда железные сельскохозяйственные изделия: серпы, косы и прочая; тут же являются порой знаменитые офени со своими коробками. В общей сложности каждый из сих кирмашей привозом товаров не более как до 100 рублей, а продажей не более как 74 рублей, а на всех 1700 привезено 1200 продано. [для параўнання – у Віцебскім павеце на 1867 год праводзілася 14 кірмашоў] [11].

Да статыстычных крыніц, у якіх можна знайсці цікавыя звесткі па гісторыі вёскі аднясем “Обзоры Витебской губернии”. Як эканамічнага, так і сацыяльна-культурнага характару. Напрыклад, у кнізе за 1896 год паведамляецца, што “...16 ноября в *имении Лужесно* Витебского уезда сгорели принадлежавшие Купцу Попову, мельница с находившимся в ней хлебом и сукновальной. Убыток оценен в 35000 рублей” [12].

“В 1896 г. в Витебской губернии окончательно обеспечены постройками причты Коратаевский, Кобылинский, Казановской, Язис-Пятницкой, Апанасковичской, Добрыгорской, Липинишской и *Лужеснянской* церковей” [13]. У “Обзоре за 1907 год” можна пачэрапнуць інфармацыю пра тое, што “... проводились но не окончены работы по возведению в *Лужесно* на 10 000 рублей казенных денег и до 6000 рублей местных средств.”

* “... при *Лужеснянском с.-х. училище* – курсы по садоводству и огородничеству...” [14]. У “Отчете Витебской губернской Управы по делам земского хозяйства за 1909 г.” распавядаецца пра тое, што ў пры лужаснянскім земляробчым гуртку была праведзена

сельска-гаспадарчая выстава: “Были устроены с.-х. выставки при следующих земледельческих кружках Жолнеровском, Веляшковичском, Юдинском, Поддубьевском, Верховском, *Лужеснянском* и Храповичском Витебского уезда” [15]. Тут жа змяшчаецца цікавая інфармацыя пра тое, што на ферму Лужасна быў перададзены племянны англійскі бычок: “На получение от Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Государственных земельных имуществ безвозвратное пособие (3600 руб.) на покупку 18 племенных бычков. Было приобретено 22 бычка ангельской породы”. У Віцебскім уездзе бычкоў атрымалі земляробчыя гурткі ў вв. Цвяткоўшчына, Сенькава, Сакольцкі-Вымнянскія, Косава, Паддуб’ева і ферма *Лужасна*.

Важная статыстычная інфармацыя змяшчаецца ў кнізе “Список населенных мест Витебской губернии” [16]. У ім па 5 катэгорыях прыводзяцца ўзвесткі пра: назву паселішча, каму належала, ці у склад якога таварыства сельскіх гаспадароў уваходзіла; колькасць дзесяцін зямлі; колькасць жыхароў; да якога прыходу адносіўся. У Мішкаўскай вобласці знаходзілася два населеных пункта – пагост Лужасна і маёнтак Лужасна.

Название населенного пункта	Кому принадлежит из земледельцев или какому сельскому обществу	Количество земли в десятинах	Число жителей	Какого прихода
<i>Пог. Лужесно</i>	Причту Лужеснянской церкви	38 десятин удобной, 18 десятин под лесом	3 двора 4 мужчины 5 женщин	Лужеснянского православного
<i>Им. Лужесно</i>	Обществу Витеб. сельских хозяев	43 удобной 48 неудобной 15 под лесом	1 двор 4 мужчины 3 женщины	в г. Витебске

Цікавымі можа паказацца і інфармацыя прыродазнаўчага характару. Напрыклад “Сведения о вскрытии и замерзании судоходных, сплавочных рек, озер и каналов Витебской губернии за десятилетие с 1856-1866 гг.”. У іх ліку і Лужаснянкі [17].

У зборніку артыкулаў “Віцебшчына” можна даведацца, што Лужасна (разам з в. Каралева і Фатынь) была метэаралагічная станцыя [18]. У ёй жа Лужасна прыгадваецца сярод найбольш жывапісных куткоў наваколляў Віцебска “*Лужаснянская сельска-гаспадарчая школа*, Мядвежыя горы, Слабодка, сасоннік, хутары па правым беразе Дзвіны” [19].

Звесткі, якія прыводзяцца ў крыніцах могуць быць карысныя і ў нашы дні. У засакрэчанай брашуры “Асноўныя пытанні вапнавання глебы па Віцебшчыне і Полаччыне” выдадзенай у 1930 г. прыводзіцца неабходная колькасць вапны для вапнавання зямлі ў вучэбнай ферме Лужасна: 3,8 тон вугля-кіслай вапны на гектар” [20].

Такім чынам, кароткія, статыстычныя звесткі, якія змяшчаюцца ў памятных кніжках змяшчаюць каштоўнейшую інфармацыю, якая можа быць выкарыстана пры напісанні гісторыі населеных месцаў.

1. Памятная книжка Витебской губернии за 1864 год. – С. 344.
2. Памятная книжка Витебской губернии за 1865 год
3. Тамсама
4. Памятная книжка Витебской губернии за 1866 год. – С. 200
5. Памятная книжка Витебской губернии за 1910 год
6. Памятная книжка Витебской губернии за 1909 год
7. Гончаров В. История Первой Витебской партизанской бригады. [Электронны варыянт] // зберагаецца ў асабістым архіве аўтара
8. Памятная книжка Витебской губернии за 1878 год. – С. 260
9. Статистический отдел: Заводская и промышленная промышленность Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии за 1865 год. – С. 119–130
10. Ведомость о мукомольных мельницах Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии за 1865 год. – С. 302.
11. Сементовский А. О ярмарках Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии за 1867 год

12. Обзор Витебской губернии за 1896 год. – С. 57
13. Обзор Витебской губернии за 1896 год. – С. 121
14. Обзор деятельности объединенной организации губернского и уездного земств и ведомства землеустройства по оказанию агрономической помощи населению Витебской губернии в 1913 г. Витебская т-литограф. П. А. Подземского. 1915.
15. Отчет Витебской губернской Управы по делам земского хозяйства за 1909 г. – С. 9
16. Список населенных мест Витебской губернии. Витебск 1906 г. – С. 32
17. Памятная книжка Витебской губернии за 1866 год.
18. Віцебшчына /пад рэдакцыяй М.І. Касцяровіча. Віцебск. 1925. – С. 179
19. Куткі жывой прыроды у Віцебску і яго ваколіцах // Віцебшчына /пад рэдакцыяй М.І. Касцяровіча. Віцебск. 1925. – С. 184.
20. Асноўныя пытанні вапнавання глебы па Віцебшчыне і Полаччыне. – Віцебск, 1930.

Грыбко В.В.

ІВАНСКАЯ ГАЛІНА РОДУ ВАЛАДКОВІЧАЎ: ПОШУКІ І АДКРЫЦЦІ

У 1990 г. лёс закінуў мяне ў Чашніцкі раён у вёску Іванск, дзе я працую ў мясцовай школе ўжо 20 гадоў. Іванская зямля прыняла з сапраўднай беларускай гасціннасцю. Гэты край з яго багатым мінулым і чудаўнымі краявідамі стаў родным для мяне і маёй сям’і. Вывучыць гісторыю гэтай зямлі, далучыць да яе мясцовых вучняў, навучыць шанаваць свой край зрабілася маёй галоўнай задачай. З гэтай мэтай я стварыў у 1995 г. гісторыка-краязнаўчы гурток “Спадчына”. На яго занятках, а таксама ў паходах і падарожжах вучні пазнавалі гісторыю сваёй роднай зямлі. Разам з тым збіраўся, назіпаўся і апрацоўваўся багаты матэрыял, які дазволіў мне ў 2000 г. апублікаваць гістарычна-краязнаўчы нарыс “Іванск”. Але з цягам часу ўдалося знайсці новыя цікавыя факты, фотаздымкі, сабраць успаміны, правесці новыя даследаванні, якія ўзбагацілі веды па гісторыі Іванска і ваколіц і дазволілі падрыхтаваць другое, значна дапоўненае выданне гісторыка-краязнаўчага нарыса “Іванск”, якое неўзабаве пабачыць свет.

Адна з частак нарыса прысвечана гісторыі незаслужана забытага роду Валадковічаў, які ўнёс значны ўклад у сацыяльна-эканамічнае і культурнае развіццё Чашніччыны. Пры вывучэнні гісторыі гэтага роду я карыстаўся шматлікімі даступнымі мне гістарычнымі крыніцамі. Гэта, перш за ўсё, “Акты Віленскай Археаграфічнай камісіі”, якія ўяўляюць сабой звыш трох дзясяткаў тамоў розных дакументаў (заявы, судовыя рашэнні, прывілеі, наданні і г.д.) з гісторыі нашай краіны, апрацаваных і падрыхтаваных да друку гэтай камісіяй у другой палове XIX – пач. XX ст. Кожны том змяшчае геаграфічны і імяны даведнік, з указаннем нумара дакумента і старонкі, што значна спрашчае пошук патрэбных прозвішчаў і населеных пунктаў. Прагледзеўшы гэтыя тамы, мне ўдалося знайсці змястоўную інфармацыю пра прадстаўнікоў роду Валадковічаў з XV і да XIX ст. Другой важнай крыніцай, якая дазволіла мне знайсці дадатковыя звесткі пра род Валадковічаў у другой палове XIX – пачатку XX ст. з’яўляюцца Памятныя кнігі Віцебскай губерні, якія змяшчаюць багаты і разнастайны статыстычны матэрыял па многіх аспектах жыцця губерні ў той час.

Цікавую інфармацыю пра розных прадстаўнікоў роду Валадковічаў я знайшоў у кнігах польскіх аўтараў Пулаўскага [1], Жыхлінскага [2]. Але найбольш важнай крыніцай звестак пра род Валадковічаў з’яўляецца праца аднаго з прадстаўнікоў роду Валадковічаў Анджэя [3], бо ў ёй сабраны вялікі матэрыял пра амаль усіх прадстаўнікоў Іванскай галіны роду Валадковічаў і складзена яго генеалогія. На жаль, гэтая крыніца не апублікавана і ёсць толькі ў машынапісным варыянце, які мне пашчасціла здабыць.

Апісанне іванскага маёнтка Валадковічаў мне ўдалося знайсці і ў Слоўніку геаграфічным каралеўства Польскага [4]. Падрабязна апісваецца палацавы комплекс і маёнтка Валадковічаў у даследаванні польскага гісторыка Рамана Афтаназі [5]. Дадатковай крыніцай па вывучэнні палацава-паркавага ансамбля Валадковічаў у Іванску з’явілія ўспаміны старажылаў вёскі, якія памяталі яшчэ неразбураны палац і шматлікія гаспадарчыя памяшканні і дзякуючы якім ўдалося зрабіць рэканструкцыю маёнтка.

Таксама мне пашчасціла знайсці некалькі ўнікальных фотаздымкаў палаца, якія ўвайшлі ў першае выданне гісторыка-краязнаўчага нарыса “Іванск”. Я заўважыў цікавую заканамернасць, якая ўласціва для ўсіх апантаных краязнаўцаў. Гэта пацвердзілі і мае сябры-краязнаўцы з іншых куткоў нашай Віцебшчыны: спачатку ты шукаеш цікавы факт, экспанат, інфармацыю, гісторыю, а потым ўсё гэта, вобразна кажучы, пачынае “шукаць” цябе. Такое не раз здаралася і ў маёй рабоце. Позняй восенню 2009 г. да мяне ў школу завітаў з Чашнік ксёндз Анджэй, якога адправілі да мяне супрацоўнікі Чашніцкага музея. Ён распавёў мне, што па даручэнні польскай журналісткі з горада Быдгашч Гізэлы Хмелеўскай шукае, ці застаўся хоць нейкі след Валадковічаў на Чашніцкай зямлі. Аказалася, што яна даследуе гісторыю роду Валадковічаў сумесна з унучкай апошняга ўладальніка Іванска Вінцэнта Валадковіча, дачкой яго сына Густава Эльжбетай, якая жыве ў Варшаве! Ксёндз Анджэй зрабіў фотаздымкі раздзела музея, прысвечанага гісторыі роду Валадковічаў, і адаслаў іх у Польшчу.

Неўзабаве, у польскай газеце “Альбом Быдгашскі” з’явіўся артыкул Г. Хмелеўскай “Пра тое, як Валадковічы злучылі беларускі Іванск з польскім Быдгашчам.” У ім былі змешчаны фотаздымкі экспазіцыі нашага музея і расказвалася пра нашы здабыткі ў даследаванні роду Валадковічаў. Потым па электроннай пошце я атрымаў ліст з Галандыі! Аказваецца, дачка Эльжбеты Ізабела жыве з сям’ёй у Галандыі і па даручэнні Эльжбеты хоча ліставацца са мной для абмену інфармацыяй. Паміж намі завязалася актыўная перапіска. Яны даслалі мне вельмі каштоўную інфармацыю, якая пашырыла мае веды пра гісторыю роду Валадковічаў, іх жыццё і лёс у XX стагоддзі. Гэта ўспаміны М. Ялавецкага, які ў 1914 г. наведаў Іванск і даў падрабязнае апісанне палаца, а таксама звычайў і побыту Валадковічаў у Іванску [6]. З гэтых успамінаў я даведаўся, што Вінцэнт і Соф’я Валадковічы вялі даволі незвычайны, начны распарадак дня. Спаць клаліся недзе каля дзесяці гадзін раніцы, прачыналіся каля шасці гадзін вечара, сьнедалі, займаліся сваімі справамі, а абедалі каля дванаццаці гадзін ночы. Такі распарадак парушаўся толькі ў крайнім выпадку для вельмі важных гасцей, якія прыязджалі да іх у Іванск.

“Успаміны” сына апошняга ўладальніка Іванска Іосіфа (1875-1956), якую мне перадалі нашчадкі Валадковічаў, таксама з’яўляюцца вельмі цікавай крыніцай не толькі па гісторыі роду Валадковічаў, але яна вельмі ярка апісвае жыццё і норавы шляхты Чашніччыны другой паловы XIX ст. [7]. На жаль, гэтая гістарычная крыніца таксама толькі ў машынапісным варыянце.

Ва “Успамінах” Іосіфа таксама гаворыцца аб тым, што з Іванска зімой 1917 г. у Віцебск было вывезена 15 партрэтаў, пісаных алейнымі фарбамі, сярод іх партрэты Міхала Валадковіча, старосты Хойніцкага, першага ўладальніка Іванска Вінцэнта Валадковіча (1761-1839), яго брата Іосіфа Валадковіча (1765-1822), сястры Ганны і інш. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі яны патрапілі ў Віцебскі губернскаму музей і іх далейшы лёс невядомы. У тым самым 1917 г. з Іванска ў Віцебск была вывезена шмат срэбра, сярод якіх былі дзве прыгожыя вазы ў стылі Людовіка XVI з баранімі галоўкамі, кандэлябры і г.д. У тым ліку быў вывезены абраз Маці Божай, які перадаваўся з пакалення ў пакаленне Валадковічаў. У Віцебск былі вывезены персідскія шалі, а ў Мінск прыгожы посуд з саксонскага парцеляну і мэбля. Потым усё гэта знікла і ў Віцебску, і ў Мінску. Згінула і багатая калекцыя першабытных прылад працы з некалькіх дзесяткаў каменных сякер і адбойнікаў эпохі неаліту, знойдзеных у свой час пад Дзямідавічамі. Знікла і цудоўная статуя Ісуса Хрыста. Нават цяжка ўявіць сабе, колькі каштоўных гістарычных крыніц і дакументаў з архіва Валадковічаў было знішчана ў тыя часы...

Магчыма, найбольш каштоўная і важная частка архіву захоўваецца недзе ў розных архівах і бібліятэках былога Савецкага Саюза, чакаючы свайго даследчыка. (Дарэчы, Мая Яніцкая ў сваім артыкуле “Што захоўвалася ў музеі полацкай калегіі езуітаў?”, які быў змешчаны ў зборніку “Вяртанне №2”, піша, што “У гады грамадзянскай вайны царскі генерал А. Жыркевіч, які ў свой час працаваў у Віленскім музеі старажытнасцей, у цейхгаузе

г. Сімбірская выпадкова натрапіў на частку архіва Полацкай езуіцкай калегіі.” Магчыма, гэта была частка архіва, што захоўвалася ў палацы Валадковічаў у Іванску і падчас неразбярыхі і калатнечы грамадзянскай вайны нейкім чынам трапіла ў Сімбірск. Яшчэ адной каштоўнай і цікавай крыніцай з’яўляюцца ўспаміны пра сваю сям’ю, яе гісторыю самой Эльжбеты Мараўскай – Валадковіч [8], а таксама некалькі каштоўных фотаздымкаў з іх сямейнага архіва (фотаздымкі апошняга ўладальніка Іванска Вінцэнта Валадковіча і яе жонкі Соф’і, іх дзяцей Іосіфа і Густава, дзяцей Густава і інш.) У сваю чаргу я даслаў ім звесткі, якія іх вельмі зацікавілі, бо яны нават і не ўяўлялі, што на Чашніччыне застаўся хоць нейкі след Валадковічаў. Ад іх я даведаўся, як склаўся лёс сям’і аднаго з сыноў Вінцэнта і Соф’і – Густава. Эльжбета Валадковіч (Мараўская, па мужу), дачка Густава Валадковіча нарадзілася 30 мая 1924 г. пад Варшавай. Акрамя яе ў сям’і Густава было яшчэ чацвёра дзяцей: Вінцэнт (1919 – 1944), Павел (1921 – 1980), Хелена (1922 – 1994), Казімір (1926 – 1953).

Густаў пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі з’ехаў разам з бацькамі ў Польшчу, і каб утрымаць сям’ю, працаваў хімікам у лабараторыі ў Варшаве (па адукацыі ён быў хімікам). Гэта праца скараціла яго век, бо меў справы са шкоднымі хімічнымі рэчывамі. Калі пачала Другая Сусветная вайна сям’я Густава Валадковіча як магла, удзельнічала ў барацьбе супраць фашыстаў. Так, жонка Густава Ізабела, якая ў гады акупацыі жыла ў Варшаве, хавала ў сябе дома трох яўрэйскіх дзяцей, якія збеглі з Варшаўскага гета. Пасля вайны яна была ўзнагароджана ізраільскай арганізацыяй Яд Вашэм, узнагароду атрымала яе дачка Эльжбета, бо маці да таго часу не дажыла. Сыны Густава ўдзельнічалі ў руху Супраціўлення. Вінцэнт быў рэдактарам падпольнай газеты ў Варшаве і загінуў падчас Варшаўскага паўстання 1944 г. Браты Павел і Казімір, якія не прынялі новую ўладу і да таго ж падчас вайны былі членамі Арміі Краёвай, знаходзіліся пад наглядом польскай тайнай паліцыі. Іх хацелі арыштаваць, але яны ўцяклі за мяжу. Казімір трагічна загінуў у 1953 г. у Канадзе падчас палявання, а Павел жыў у Вялікабрытаніі, дзе памёр у 1980 г. Пасля вайны сям’і прыйшлося цяжка. Эльжбета некаторы час працавала на абутковай фабрыцы, а ў свабодны час рабіла абутак для ўсіх сваякоў і сяброў. Але паступова, дзякуючы ў многім фінансавай падтрымцы сваякоў з замежжа, жыццё наладжвалася. У Эльжбеты двое дзяцей: сын Роберт (нежанаты) і дачка Ізабела (па мужу Хус), якая пражывае зараз у Галандыі. У яе і Марціна трое дзяцей: сыны Вінцэнт і Томас і дачка Ізабела. Муж Эльжбеты Тадэвуш Мараўскі ў 90-я гады быў паслом Польшчы ў Галандыі.

Нарэшце, 4-5 мая 2010 г. Эльжбета Валадковіч-Мараўская, сын Роберт, дачка Ізабела з усёй сваёй сям’ёй наведалі Чашніцкі раён, пабывалі на папяровай фабрыцы, дзе для іх быў арганізаваны цёплы прыём, і канешне ж завіталі ў Іванск, наведалі рэшткі палацава-паркавага ансамблю сваіх продкаў, паслухалі экскурсію ў школьным музеі, якая пачалася з выканання на цымбалах славутага “Паланеза Агінскага”. Не забыць гэтыя слёзы радасці і адначасова болю на вачах нашчадкаў уладальнікаў Іванска, якія праз столькі гадоў вярнуліся да сваіх каранёў, да сваёй спадчыны, бацькаўшчыны! Гэты паланез, хоць ён і называецца “Развітанне з Радзімай”, з’явіўся сімвалам вяртання на сваю Радзіму, аб чым я і сказаў шанюўным гасцям, якія былі вельмі ўзрушаны ўсім убачаным. Сустрэча пакінула ў іх вельмі моцныя і хвалюючыя ўражанні. Не магу забыць, як пані Эльжбета дрыжачай рукой гладзіла рэшткі сцяны былога палаца, дзе жылі яе продкі, як пад праліўным дажджом укланчыла яна на месцы, дзе была радавая ўсыпальніца – капліца, ад якой застаўся толькі адзін надмагільны камень... І так балюча, сорамна і прыкра было за тое, што нарабілі людзі, бо “ не ведают, што творят”, як напісана ў Бібліі. Даруй нам, Божа! Бо рабілі і да нашага часу не ведаем, што робім! Нават тое нямногае, што засталася ад былога палацава-паркавага ансамблю і зараз крышыцца, ламаецца, забруджваецца. Усе гэтыя новыя крыніцы, а таксама ўнікальныя фотаздымкі палаца Валадковічаў, капліцы, кузні, сталовай, гаспадарчых пабудов, якія былі зроблены ў 1928 г., і якія знайшоў у Віцебскім абласным краязнаўчым музеі і лас-

кава перадаў мне М.В. Півавар, за што яму вялікі дзякуй, значна папоўнілі нашы веды пра род Валадковічаў і ўвайшлі ў другое, дапоўненае выданне гісторыка-краязнаўчага нарыса “Іванск і ваколіцы”.

1. Pulaski, K. Kronika polskich rodow szlaheckich. – Brody, 1911, T. 1.
2. Zychlinski, T. Zlota ksiega szlachty Polskiej. – Poznan, 1885. T.3.
3. Wołodkowicz, Andrzej. Wołodkowiczowie - Studium Genealogiczne. – Ottawa, 1978
4. Słownik Geograficzny Królestwa Polskiego i innych Krajów słowiańskich. – Warszawa, 1883. T. 3.
5. Aftanazy, Roman. Dzieje Rezydencji na dawnych kresach Rzeczy Pospolitej. – Ossolineum, 1991.
6. Jałowicki, Mieczysław. Na skraju Imperium. – Warszawa, 2003
7. Wołodkowicz, Jozef. Ze wzmagan na dawnych rubieżach Rzeczy Pospolitej, wspomnienia z 1863 roku i lat następnych.
8. Morawska-Wołodkowicz, Elizka. Wspomnienia z Iwanskiem w tle. (машынапіс).

Сидоренко Б.И.

**«МОГИЛЕВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ
ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА
(60–90-е гг. XIX ВЕКА)**

«Могилевскими губернскими ведомостями» принято считать губернское периодическое листовое подцензурное издание, содержащее официальную, оперативную и текущую информацию о политических, социально-экономических, культурных и других событиях, проходивших на территории Могилевской губернии в 1838-1917 гг. Такое определение отражает сущностные характеристики «ведомостей» и как газеты [1, с.585] и как центрального губернского периодического издания [2, с.259-260]. Наблюдающийся в настоящее время всплеск в изучении регионалистики и истории повседневности [3, с.3-14] сопровождается все возрастающим интересом к местной периодике и превращает ее в ценнейший исторический источник. Поэтому целью данной работы является анализ «Могилевских губернских ведомостей» в наиболее интересный период их становления (60-90-е гг. XIX века) в части содержания в издании исторической информации, которая существенно увеличивает наше представление о различных сторонах жизни Могилевской губернии в означенный период.

По классификации, предложенной Л.Н. Пушкаревым, «Могилевские губернские ведомости» можно отнести к письменным источникам повествовательного рода, а по виду - к периодической печати [4, с.192, 212, 226-227], по классификационному делению Б.Г. Литвака – к массовым источникам [5, с.102], причем все исследователи периодической печати отмечают степень близости этого вида источника к отраженным в нем событиям и его полифоничность, т.к. в газетах помещались разнообразные материалы, необходимые для историка при исследованиях решительно по любой тематике. Кроме этого, в газете имелись законодательные акты, статистические выкладки, делопроизводственные документы, эпистолярные памятники, мемуары, дневники, научные, публицистические, литературные произведения [6, с.326].

«Могилевские губернские ведомости» начали выходить с 1838 г. на русском языке и включали в себя общий и местный отделы. С 14 июля 1839 г. газета начала подразделяться на официальную и неофициальную части. До 1849 г. издание выходило нерегулярно, затем еженедельно, а в 1859-1863 и 1870-1903 гг. дважды в неделю тиражом от 600 до более чем 1000 экземпляров. Газета находилась под общей цензурой Министерства народного просвещения, а с 1862 г. - чиновников по особым поручениям Канцелярии губернатора и Губернского правления, и входила в подведомственный им Губернский статистический комитет. В «Адрес-календаре» можно было найти: «Редакция губернских ведомостей». Редакторы: Официальной части, коллежский асессор Александр Максимович Чоловский (он же начальник Газетного стола и смотритель типографии губернского правления); Неофициальной части, титулярный советник Анатолий Александрович Симановский (он же секретарь Статистического комитета и старший чиновник особых поручений при начальнике губернии, в должности с 1 мая 1873 года)» [7, с.11]. В конце каждого номера

газета должна была стоять подпись начальника Газетного стола, а время от времени и вице-губернатора, что входило в круг его должностных обязанностей.

В официальной части в общем отделе публиковались: постановления и именные указы императора и высших органов государственной власти и управления, сообщения об объявлении Россией войны и последующей мобилизации и «повеления» о заключении мира, обнародовались важнейшие государственные акты (например, об отмене крепостного права 19 февраля 1861 г. или о создании органов городского самоуправления в 1876 г.). В отделе местных известий помещались указы губернатора и губернской администрации, объявления о назначении торгов и извещения о судебных слушаниях, задержании бродяг и случаях насильственной смерти в губернии.

Особое место в газете занимала неофициальная часть. На ее страницах печатались известия, касающиеся буквально всех направлений естественных и общественных наук того времени, культурных и литературных течений, сведений критико-библиографической и публицистической направленности. Все это помещалось в рубриках «Исследования и материалы», «Местная хроника», «Мелкие известия». Рубрики значительно разрослись, когда с 1872 г. начался сбор материала для монументального «Опыта описания Могилевской губернии», первый том которого под редакцией могилевского губернатора А.С. Дембовецкого (1872-1893) вышел в свет десять лет спустя. Именно в «Могилевских губернских ведомостях» были опубликованы многие ценные материалы, которые затем со страниц газеты попали в трехтомное издание [8, с.23-24], ставшее энциклопедией Белорусского Поднепровья. До 1864 г. редактором неофициальной части центральной газеты был С.И. Соколов, а затем Н.Я. Дубенский (1864-1867), В.Н. Биппен (1867-1869), А.А. Потехин (1869-1871), Г.М. Кадьян (1871-1872), И.А. Косунович (1872-1873), А.А. Симановский (1873-1877), И.В. Рубановский (1877-1883), М.В. Фурсов (1883-1897). С 1897 по 1903 гг. этот пост занимал известный впоследствии белорусский этнограф, фольклорист и археолог Е.Р. Романов, который в 1899 г. составил специальный справочный указатель к неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей» за первые 60 лет их существования [9, с.1-29].

К 90-м гг. XIX в. качество «Ведомостей» значительно улучшилось. На передовице (№99 за 1897 г.) неофициальной части за подписью Е.Р. Романова можно было прочитать: «С 15 ноября 1897 г. неофициальный отдел «Могилевских губернских ведомостей» выходит под новой редакцией по следующей расширенной программе: I. Местная хроника, II. Исследования и материалы по истории, этнографии, археологии и географии губернии и западнорусского края, III. Внутренние известия, IV. Сообщения сельскохозяйственные, промышленные и торговые. Корреспонденция. V. Телеграммы Российского телеграфного агентства, VI. Библиография, VII. Судебные известия, VIII. Смесь, IX. Справочный отдел, X. Объявления.

Являясь органом преимущественно местной жизни «Могилевские губернские ведомости» стремятся к тому, чтобы представить изображение ее как в богатом историческом ее прошлом, так и в настоящем, с возможной полнотой и обстоятельностью. Редакцией, кроме того, приняты меры к тому, чтобы на страницах «Ведомостей» своевременно отмечались все крупнейшие явления русской жизни в особенности Западнорусского края» [10, №99]. Годовая подписка газеты обходилась для обязательных подписчиков и частных лиц в 4 рубля 80 копеек (отдельный выпуск газеты стоил 3 копейки), с доставкой в Могилеве – в 5 рублей, что делало «Ведомости» доступными для горожан среднего достатка, в бесплатных народных читальнях с их содержанием мог познакомиться любой грамотный.

Исследователи в один голос отмечают, что анализ корпуса источников российской истории показывает, что во 2-ой половине XIX и на рубеже XIX – XX вв. обнаруживаются существенные изменения, соответствующие переходу от нового времени к новейшему. Переход этот характеризуется, во-первых, усилением унифицирующего влияния социальной среды на человеческую личность, и, во-вторых, определяющим

влиянием определенной социальной группы на самосознание личности. Последнее, по-видимому, во многом связано со становлением фабричного производства, которое не только изменило характер труда, но и усилило отчуждение человека от конечного результата его трудовой деятельности, а также унифицировало окружающую человека среду. Именно промышленное производство породило унификации окружающих человека предметов быта. Оно также содействовало развитию тенденции к унификации формы и содержания многих видов письменных источников, и, прежде всего, изданий периодической печати [11, с.37]. Мы же со своей стороны добавим, что означенный период, отмеченный бурным развитием капиталистического производства, требовал огромного количества грамотных людей всех сословий и всех видов деятельности. Информация становится товаром, а газета как источник информации – признаком времени. Иметь в повседневном обиходе газету становится модным и престижным для среднего класса и в масштабах Российской империи и в охвате Могилевской губернии.

«Могилевские губернские ведомости» как газета губернского уровня вполне шла в ногу с эпохой. Ее отличал высокий уровень информативности, предоставлявший сведения по всем сторонам жизни от коронации очередного императора до местных цен на продукты питания и списков прибывших и убывших из губернского Могилева, что делает газету ценным источником о развитии Могилевской губернии пореформенного периода. К сожалению, в Национальной библиотеке Республики Беларусь имеются лишь отдельные номера газеты, относящиеся к более позднему периоду. Наиболее полно «Могилевские губернские ведомости» представлены в Российской Национальной библиотеке Санкт-Петербурга, где они сохранились за все время издания с 1838 по 1917 гг.

1. Большая энциклопедия: В 62 томах. Т.10. – М.: ТЕРРА, 2006. – 592 с.
2. Могилевские губернские ведомости / Могилев: Энциклопедический справочник // Белорус. Сов. Энцикл; Редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) и др. Мн.: БелСЭ, 1990. – 472 с.
3. Медушевский, А.Н. Региональная история в глобальном измерении / А.Н. Медушевский // Российская история. - №1. - 2009.
4. Пушкарев, Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.Н. Пушкарев. – М.: Наука, 1975. - 279 с.
5. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX - начала XX века / Б.Г. Литвак. - М.: Наука, 1979. – 294 с.
6. Источниковедение истории СССР: Учебник / Под ред. И.Д. Ковальченко. - М.: Высшая школа, 1981. - 496 с.
7. Адрес-календарь Могилевской губернии на 1876 год. - Могилев на Днепре: Тип. Губернского правления, 1876. - 164 с.
8. Опыт описания Могилевской губернии / Под ред. А.С. Дембовецкого. - Могилев на Днепре: Типография Губернского правления, 1882 - т.1. -782 с.
9. Романов, Е.Р. Указатель к неофициальной части «Могилевских губернских ведомостей» (исторические статьи и заметки) с 1839 по 1898 гг. / Е.Р. Романов. – Могилев губернский: Типография Губернского правления, 1899. – 29 с.
10. Могилевские губернские ведомости. Часть неофициальная. №99. Среда 10 декабря 1897 г.
11. Оржиховский, И.В. Классификация, типология и особенности письменных источников по истории России / И.В. Оржиховский // Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучэння і выкладання. Матэрыялы да Міжнароднага навука.-практ. канф., прысвечанага 120-годдзю да нараджэння У.І. Пічэты – Мн.: Белдзяржуніверсітэт, 1998. – С.36-38.

Петров Д.Н.

«ОБЗОРЫ» И «ПАМЯТНЫЕ КНИЖКИ МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ» КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

К «Обзорам Могилевской губернии» относятся официальные ежегодные издания об административной, хозяйственно-экономической и политической жизни губернии, выпускаемые статистическим комитетом в 1879-1915 гг. Поскольку на местном [1, с.315] и на республиканском [2, с.414-415] уровнях имеются расхождения как в хронологии выпусков, так и в полном названии исследуемого источника, автор придерживается данных наиболее авторитетного справочника, составленного П.А. Зайончковским [3, с.483].

Обзор создавался на основе Всеподданнейшего отчета могилевского губернатора в Санкт-Петербург, который попадал в Министерство внутренних дел - высшую инстанцию для главного чиновника губернии, где с отчетом знакомился министр и (выбо-

рочно) сам император, после чего могло последовать «Высочайшее благоволение» или просто «Благоволение». Всеподданнейший отчет о состоянии губернии представлялся ежегодно губернатором непосредственно на Высочайшее воззрение. «Согласно Высочайше утвержденной 11 апреля 1897 г. программе в отчете должно быть изъяснено в кратком и связном очерке, чем именно отразился отчетный год на различных сторонах материальной, умственной и нравственной жизни губернии, как-то: на народном здравии, народном продовольствии, хозяйстве или вообще экономической деятельности населения, поступлении сборов и исполнении повинностей, народном образовании и нравственности, на общественном благоустройстве губернии и т. п., в зависимости от естественных причин, от принятых правительством законодательных и административных мер, а также от результатов и направления деятельности местных правительственных и общественных установлений. Губернатору предоставляется указывать и на важнейшие за отчетный год явления местной жизни, на факты выдающейся благотворительности или самоотверженной человеколюбивой деятельности местных жителей и на т.п. данные, достойные, по общественному значению, Высочайшего внимания» [4, с.477]. Также отчет включал в себя секретную часть, которая больше нигде не фигурировала и при последующих публикациях в Статистическом комитете изымалась.

Собственно сам Обзор представлял из себя довольно сжатый текст губернаторского отчета, обработанного Статистическим комитетом, в котором главное место уделялось цифровому материалу, со всех сторон иллюстрирующему все многообразие жизни Могилевской губернии. Официально издание именовалось в следующей формулировке: «Обзор Могилевской губернии за (далее указывался год). Приложение ко Всеподданнейшему Отчету (или рапорту) Могилевского Губернатора».

Классификационно «Обзоры Могилевской губернии» относятся к письменным источникам статистической делопроизводственной направленности типа, содержащие видовые элементы периодики [5, с.192, 212, 226-227] массового характера [6, с.101-103]. Такие источники характеризуют объекты действительности, образующие определенные общественные системы с соответствующими структурами и отражают сущность и взаимодействие этих объектов [7, с.87]. В этой связи следует отметить, что появление «Обзоров» мы обязаны усложнению общественных процессов центре и на ближней и дальней периферии Российской империи, вызванных ускоренной модернизацией государства, которое стремилось иметь как можно более полное представление об экономическом и социально-политическом развитии своего социума во всем его конкретном многообразии.

В первое десятилетие XX в. окончательно сложилось книжное название «Обзоров» и их структура. Например, издание 1910 г. именовалось: «Обзор Могилевской губернии за 1910 год. Издание Могилевского Губернского Статистического Комитета. г. Могилев губернский. Губернская типография 1911». Структурно оно состояло из разделов, которые, в свою очередь, делились на подразделы:

I. Естественные и производительные силы губернии и экономическая деятельность ее населения (Пространство губернии и физические свойства ее поверхности. Земледелие. Скотоводство, птицеводство, пчеловодство и рыболовство. Меры по охране лесов. Обеспечение народного продовольствия. Промышленность и торговля. Движение грузов по железным дорогам и водным путям. Движение населения);

II. Подати и повинности (Окладные казенные сборы и выкупные платежи. Губернские и частные земские сборы. Городские доходы и расходы. Доходы и расходы по мещанским управлениям. Акцизные сборы. Мирские сборы. Отправление натуральных повинностей);

III. Общественное благоустройство и благочиние (Казенные здания. Государственные имущества. Пути сообщения: железные дороги, шоссе и грунтовые дороги, речное судоходство. Почта, телеграф, страховые и кредитные учреждения. Народная нравственность. Арестанты, тюремные замки и другие места заключения. Пожары. Градобития);

IV. Народное здравие и общественное призрение (Врачи и аптеки. Больницы и пользованные в них больные. Эпидемии. Насильственные и внезапные случаи смерти. Богадельни и приюты. Благотворительные общества;

V. Ветеринарная часть;

VI. Народное просвещение (Учебные заведения. Народное образование: церковно-приходские школы, ученые общества, музеи и памятники старины, библиотеки, книжные лавки, типография и литографии, фотография, мастерские для вырезки печатей);

VII. О ходе крестьянского дела (Деятельность землеустроительных комиссий. Внутреннее землеустройство. Материальная помощь при землеустройстве. Содействие землеустроительных комиссий переселением в другие губернии и за Урал. Агрономическая при землеустройстве помощь. Мелиоративные работы при землеустройстве. Ликвидация казенных земель. Содействие Крестьянскому Поземельному банку и частным владельцам в ликвидации их земель. Наблюдаемые изменения в хозяйстве крестьян, устроившихся на новых местах. Отношение населения к деятельности землеустроительных комиссий. Внутреннее распределение в деятельности землеустроительных комиссий. Недостатки в исполнении и организации землеустроительного дела. Тормозы делу землеустройства);

VIII. О деятельности Попечительств о народной трезвости.

К каждому разделу в специальном Приложении содержались ведомости и таблицы, в которых самым детальным образом были представлены статистические сведения по тому или иному вопросу жизни Могилевской губернии. По части статистики ни советская, ни постсоветская справочная литература местного уровня подобным изданием похвастаться не могла и можно только удивляться, как чиновникам Губернского статистического комитета удавалось обработать такой объем цифрового материала по каждой волости, стану, уезду и городу губернии.

Таким образом, «Обзоры Могилевской губернии» позволяют проследить динамику наиболее значимых социально-экономических, политических и культурных процессов пореформенного и предвоенного периодов, проходивших на территории административной единицы западной части Российской империи. Содержащаяся в Обзорах информация попадала на страницы «Могилевских губернских ведомостей», а также легла в основу фундаментального трехтомного «Опыта описания Могилевской губернии».

Помимо этого статистические данные Обзоров отражались и в «Памятных книжках Могилевской губернии», которые выпускались с 1854 по 1916 гг. Памятная книжка - это вид адрес-календарей и справочных книг, в которых нередко помещались и статьи по географии, статистике, этнографии, флоре, фауне и др., касающиеся конкретного региона [8, с.675]. Памятные книжки каждой губернии имели свои особенности, но в наиболее полном виде включали в себя 4 крупных раздела:

1) адрес-календарь - перечень всех губернских и уездных государственных и общественных учреждений с их личным составом;

2) административный справочник - сведения об административно-территориальном делении губернии, почтовых и телеграфных учреждениях, путях и маршрутах сообщения в пределах губернии, промышленных и торговых предприятиях, больницах и аптеках, учебных заведениях, музеях и библиотеках, книжных лавках и типографиях, периодических изданиях, выписываемых и издаваемых в губернии, списки населенных мест, списки крупных землевладельцев губернии и т.д.);

3) статистический обзор губернии - статистические таблицы населения, землевладения, сельского хозяйства, народного образования, пожаров, доходов и недоимок, данные по судебной, медицинской, фабрично-заводской статистике и т.д.);

4) научно-краеведческий сборник - источниковедческие, описательные, научно-исследовательские, археографические и библиографические материалы, а также публикации документальных памятников.

Все эти элементы придают памятным книжкам исключительную ценность и значение комплексных первоисточников для исторических (в т.ч. генеалогических и биографических), географических, демографических, этнографических, краеведческих, правовых и социально-экономических исследований.

1. Обзор Могилевской губернии / Могилев: Энциклопедический справочник // Белорус. Сов. Энцикл; Редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) и др. Мн.: БелСЭ, 1990. - 472 с.
2. Книга Белоруссии (1517-1917) Сводный каталог. Мн.: Изд-во «Бел. Сов. Энцикл.» им. П. Бровки, 1986.
3. Справочники по истории дореволюционной России. Библиографический указатель / Под научн. рук. и ред. проф. П.А. Зайончковского. - М.: «Книга», 1978.
4. Энциклопедический словарь. Том XXII. Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). С.-Петербург. Типо-литография И.А. Ефрона. 1897.
5. Пушкарев, Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории / Л.Н. Пушкарев. - М.: Наука, 1975. - 279 с.
6. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX - начала XX века / Б.Г. Литвак. - М.: Наука, 1979 - 294 с.
7. Методология истории: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. А.Н. Алпеева, В.Н. Сидорцова и др. - Мн.: «Тетра Системс», 1996. - 240 с.
8. Энциклопедический словарь. Том XXII^a. Издатели Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург). С.-Петербург. Типо-литография И.А. Ефрона. 1897.

Римко О.Г.

ДЕЯТЕЛИ ГРЕКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА СТРАНИЦАХ «МОГИЛЕВСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1883–1917 гг.)

Одним из значимых событий второй половины XIX в. в Северо-Западном крае Российской империи стало появление в пяти белорусских православных епархиях официального церковно-религиозного печатного органа под названием «Епархиальные ведомости». «Могилевские епархиальные ведомости» (далее – МЕВ) выходили в Могилеве с 01.07.1883 по 15.12.1917 гг. [9, с. 40 – 41].

Так как МЕВ являлись изданием, выходившим на территории Беларуси, где, как известно, особенностью церковно-религиозной жизни с 1596 по 1839 гг. являлось наличие официально действующей греко-католической (униатской) церкви, то авторы статей и редакторы МЕВ не могли обойти своим вниманием те персоналии, которые имели отношение к истории униатства на Могилевщине и в целом на территории Северо-Западного края. Все материалы, касающиеся деятелей греко-католической церкви, печатались, как правило, в неофициальном отделе МЕВ, который и отводился для публикации статей исторического и краеведческого характера. Данная статья характеризует и анализирует размещенные в МЕВ публикации, касающиеся деятелей греко-католической церкви на территории Беларуси.

Заметка в разделе «Летопись текущих событий» в № 5 МЕВ «Пятидесятилетний юбилей бывшего архиепископа Минского Антония (Зубко)» кроме краткой биографии владыки, подробно рассказывает о тех праздничных событиях, которые прошли в Пожайске и Ковно 4 февраля 1884 г. в честь полувекового юбилея служения преосвященного Антония в сане архиепископа и митрополита. А уже в № 8 от 11 марта 1884 г. публикуется некролог, касающийся смерти «старейшего по летам из деятелей славной эпохи воссоединения» владыки Антония, которая произошла 15 февраля того же года [8; 1].

Также биографической является статья в № 34 МЕВ за 1893 г. о митрополите литовском и виленском Иосифе Семашко, посвященная 25-летию со дня его кончины [2]. Авторы статьи говорят о том, что хотели бы «несколько освежить» в памяти читателей «образ почившаго Святителя» [2, с. 615]. Эта задача удается им в полной мере. Образ святителя представлен в довольно возвышенных, даже порой поэтических выражениях. Авторы говорят о нем как о «великом труженике, отдавшемся делу подготвления униатов к воссоединению с Православною Церковью», как о человеке очень аккуратном и мягком, но строгом и взыскательном с провинившимися [2, с. 616 – 617]. В целом, данную публикацию характеризует то, что читатель получает достаточно полное представление об особенностях характера и нрава одного из самых известных и ярких «воссоединителей».

В №№ 15 и 18 за 1900 г. в неофициальной части МЕВ размещена довольно объемная статья-некролог под названием «Памяти высокопреосвященнейшего Исидора за время пребывания его на Могилевской кафедре (1840 – 1844 гг.)», посвященная описанию жизнедеятельности известного церковного иерарха, митрополита Исидора (Никольского), принимавшего самое активное участие в деле воссоединения униатов в Полоцкой, а затем и в Могилевской епархиях. Статья включает в себя биографию владыки, начиная с даты рождения до дня его кончины. Автор статьи, назвавшийся И. П. (очевидно, редактор МЕВ И.К. Пятницкий), с большой теплотой и последовательностью описывает весь жизненный путь почившего митрополита. Рассказывает о его детстве, юношеских годах и учебе в духовных заведениях, о его пострижении в монашество, духовной и преподавательской карьере. Но большая часть данной публикации посвящена его деятельности в качестве архиепископа на Могилевской православной кафедре в 1840 – 1844 гг.

Автор достаточно подробно описывает день приезда владыки в Могилев, а также трудности и «душевные страдания», с которыми преосвященный Исидор столкнулся в Могилевской епархии. Проблемы эти заключались в основном в том, что на своем пути во время поездки по епархии «он встречал города и селения с величественными католическими костелами и многочисленными еврейскими синагогами, но только – весьма незначительное количество искони-православной паствы и еще меньшее количество православных храмов» [6, с. 158]. Другим важным вопросом для него стали воссоединенные униаты, которые находились «в неопределенном положении касательно своего духовного управления, еще не выяснено было, оставить ли их в подчинении бывшего Оршанского униатского, а теперь Полоцкого православного епископа Василия (Лужинского)...или ввести их в состав древле-православной Могилевской епархии» [6, с. 158 – 159]. Автор статьи показывает, насколько канонически сложно было разрешить эту вторую проблему, а затем бороться с сильным католическим влиянием на воссоединенных униатов в епархии, где позиции костела оставались по-прежнему сильными. Описываются в статье и другие «труды и заботы» преосвященного Исидора в Могилевской епархии, а также в сане митрополита [6;7]. В своей работе автор публикации руководствовался сохранившимися личными рассказами и записями митрополита, журналами семинарского правления за 1841, 1843 и 1844 гг. А также использовал издание «Христианские чтения» за 1889, 1892 гг., труды Г. Киприановича «Жизнь Иосифа Семашко» и Н. Извекова «Высокопреосвященнейший Иосиф Семашко» (Вильна, 1889 г.).

Не обошла своим вниманием редакция МЕВ и еще одного известного «воссоединителя» – архиепископа могилевского и мстиславского Смарагда (Крыжановского), которому посвящена статья редактора неофициальной части А.А. Малевича «Смарагд, Архиепископ Могилевский и Мстиславский (с 3 июня 1837 года по 6 апреля 1840 года)» в № 19 от 1 октября 1909 г. [5]. Главным источником при составлении данного очерка стали дела архива Могилевской духовной консистории за 1837 – 1840 гг., а также «Собрание мнений и отзывов Московского митрополита Филарета», «Чтения в обществе любителей духовного просвещения» (1870 г.), «Рязанские епархиальные ведомости», «Христианское чтение» (1831 г.), «Харьковские епархиальные ведомости», «Русский архив» (1891 г.), «Археографический сборник документов» и «Витебская старина» А.П. Сапунова. Статья традиционно начинается краткой биографией святителя. Далее автор описывает его «воссоединительную» деятельность в Полоцкой епархии, а также борьбу с унией, старообрядчеством и расколом в пределах Могилевской епархии. Производится подробный анализ некоторых архивных дел (с указанием их номеров) Могилевской духовной консистории, которые касаются массовых воссоединений униатов и их переход в православие в период святительства архиепископа Смарагда.

Очередная статья данной тематики в МЕВ называется «Преосвященный Гавриил, Архиепископ Могилевский и Мстиславский (с 26-го августа 1831 года по май 1837 г.). Из эпохи воссоединения западно-русских униатов» и размещается в № 6 от

15.03.1910 г. и № 8-9 от 15.04 – 03.05.1910 г. [3; 4]. Начинается она с характеристики «осторожной и благоразумной русской политики» в религиозной сфере, проводимой властями Российской империи на присоединенных белорусских территориях в течение 1828 – 1839 гг. Подробно описывается подготовительный период воссоединения. Далее, во второй части статьи автор А. Малевич переходит к личности архиепископа Гавриила. После подробного изложения его «назидательной», как говорит автор, биографии в статье представлен краткий очерк его архипастырского служения в сане могилевского архиепископа. В данной части публикации «с буквальной точностью» представлено письмо обер-прокурора Св. Синода князя Мещерского о цели назначения владыки Гавриила на Могилевскую кафедру. Письмо фактически представляет собой «целую правительственную инструкцию по униатскому вопросу» [4, с. 272 – 274]. Проанализировав письмо, А.А. Малевич приходит к выводу о том, что верховная власть именно на преосвященного Гавриила возлагала важные церковно-политические задачи в деле укрепления православия на белорусской земле, ограждения православной паствы от католического влияния и присоединения униатов к православию. Также в статье приводятся фрагменты писем литовского митрополита Иосифа (Семашко) московскому митрополиту Филарету и обер-прокурора Св. Синода Нечаева к владыке Гавриилу с инструкциями по проведению воссоединительных мероприятий [4, с. 275 – 276]. Также в публикации представлены некоторые пункты программы, составленной самим архиепископом Гавриилом, которой он руководствовался в своей деятельности по отношению к «иноверию» [4, с. 277 – 279]. Далее автор статьи рассказывает о тех противодействиях, которые применялись со стороны католического клира и убежденных униатов по отношению к владыке Гавриилу после того, как он решительно принял меры к «очищению от налетов католицизма униатского обряда» [4, с. 280]. Также в публикации размещены упоминания о наградах, врученных архиепископу Гавриилу «за ревностные труды», и, кроме того, выдержки из прощальных адресов, направленных владыке от православных моголевчан и даже еврейской общины г. Могилева [4, с. 284 – 286]. При написании данной статьи автор использовал труды П.Н. Батюшкова «Белоруссия и Литва» (СПб, 1890 г.), И. Чистовича «Пятидесятилетие воссоединения униатов» (СПб, 1889 г.), «Записки митрополита Иосифа Семашко» (Т. 1, Волынь, 1888 г.), журнал «Странник» за 1863 и 1864 гг., № 213 издания «Северная пчела» за 1835 г., т. 5 Археологического сборника документов и т. 4 Православной богословской энциклопедии.

Таким образом, можно говорить о том, что «Могилевские епархиальные ведомости» являются достаточно важным и ценным источником биографической информации по истории жизнедеятельности униатских иерархов, вступивших на путь присоединения к православной церкви. Из таких статей и заметок, а также из некрологов, читатели могли узнать жизнеописание церковных иерархов и общественно-политических деятелей, которые имели непосредственное отношение к делу насаждения и распространения, а также ликвидации униии, как в Могилевском регионе, так и в целом на территории Беларуси.

Характерная черта всех биографических публикаций МЭВ – положительная авторская оценка деятелей греко-католической церкви в период подготовки ее ликвидации, что является вполне естественным для печатного издания православной направленности, описывающего деятельность людей, отказавшихся от идей униатства и вернувшихся в лоно православия тысячи соотечественников. Такое отношение авторов к описываемым персоналиям строилось не только на идеологических установках того времени, но и на личном, искреннем, истинно православном, убеждении. Следует также отметить тот факт, что инициаторам и насадителям униии в МЭВ не было посвящено ни одной биографической статьи.

1. Высокопреосвященный Антоний бывший архиепископ Минский (некролог) // Могилевские епархиальные ведомости (далее – МЭВ). – № 8. – 11.03.1884. – С. 169 – 170.

2. Высокопреосвященный Иосиф Семашко, митрополит Литовский и Виленский // МЭВ. – № 34. – 01.12.1893. – С. 615–625.

3. Малевич, А. Преосвященный Гавриил, Архиепископ Могилевский и Мстиславский (с 26-го августа 1831 года по май 1837 г.). Из эпохи воссоединения западно-русских униатов / А. Малевич // МЭВ. – № 6. – 15.03.1910. – С.185– 194.
4. Малевич, А. Преосвященный Гавриил, Архиепископ Могилевский и Мстиславский (с 26-го августа 1831 года по май 1837 г.). Из эпохи воссоединения западно-русских униатов / А. Малевич // МЭВ. – № 8-9. – 15.04–03.05.1910. – С. 272–286.
5. Малевич, А. Смарагд, Архиепископ Могилевский и Мстиславский (с 3 июня 1837 года по 6 апреля 1840 года) / А. Малевич // МЭВ. – № 19. – 01.10.1909. – С.706 – 718.
6. Памяти высокопреосвященнейшаго Исидора за время пребывания его на Могилевской кафедре (1840 – 1844 гг.) // МЭВ. – № 15. – 21.05.1900. – С. 155 – 161.
7. Памяти высокопреосвященнейшаго Исидора за время пребывания его на Могилевской кафедре (1840 – 1844 гг.) // МЭВ. – № 18. – 21.06.1900. – С. 215 – 219.
8. Пятидесятилетний юбилей бывшего архиепископа Минского Антония (Зубко) // МЭВ. – № 5. – 11.02.1884. – С. 93–95.
9. Шимолин, В.И. Духовные ценности православия в культуре белорусского народа. Системный анализ белорусских епархиальных ведомостей второй половины XIX – начала XX в.: монография / В.И. Шимолин. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 159 с.

Какенова Г.М.

ДЕЯТЕЛИ АЛАШ ОБ АКТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОГО ОБЩЕСТВА (ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Сегодня перед исследователями стоит сложная задача реконструкции событий, их анализа и оценок, теоретических выводов и обобщений по значительному кругу проблем, связанных с историей дореволюционной интеллигенции Казахстана.

Наибольшим нападкам в советской исторической науке подверглась та часть интеллигенции, которая имела отношение к движению Алаш. Труды самих представителей Алаш являются важнейшими историографическими источниками по отечественной истории конца XIX – начала XX веков [3].

Руководитель Казахстанской партийной организации в 1925-1933гг. Ф.И. Голощекин, давая оценку деятельности национальной интеллигенции в дореволюционный период, писал: «Веяние русской революции 1905 года отразилось только на части национальной интеллигенции и среди нее началось движение, которое можно назвать буржуазно-демократическим. Интересы баев они представляли, как интересы всего народа и высшей степенью контрреволюционности явилась Алаш – Орда, примыкающая к буржуазным и мелко - буржуазным партиям, а после 1917 года и к Колчаку» [4, с. 4].

Объективно прогрессивная роль казахских интеллигентов в борьбе против российского колониализма игнорировалась. Так, в 1930-е гг. С. Брайнин и Ш. Шафиро в статье «К вопросу о роли казакской националистической интеллигенции в 1917 году» называли «вредной по своему политическому значению» трактовку алаш-ордынского движения как революционного движения. В частности, они подчеркивали, что данная трактовка «исходит из... совершенно необоснованного утверждения, что казакская (казакская – Г.К.) националистическая интеллигенция возглавляла национально-освободительное движение широких народных масс и что её (националистической интеллигенции) деятельность в период от Февраля к октябрю была направлена против российского империализма» [2, с. 18].

Как известно, источниковую базу данной работы С. Брайнина и Ш. Шафиро составили сборник документов «Алаш - Орда», составленный Н. Мартыненко (Алма-Ата, 1929) и материалы архивов. Тон и содержание статьи С. Брайнина и Ш. Шафиро являются ярким примером такой формы работы с историческими источниками, когда налицо нарушение методики исследования, применяемой в источниковедении.

Одним из важных источников по истории Казахстана начала прошлого столетия является газета алашского движения «Казах». В период культа личности она была названа «буржуазно – националистической и реакционной». Не изменилась данная оценка и в более поздний период. И в 1970 -1980-е годы в официальной историографии она характеризуется как «орган казахских буржуазных националистов» [5, с. 488].

Газета «Казах» начала издаваться со 2-го февраля 1913 года и стала самой значительной из всех периодических изданий казахов, как по качеству, так и по тиражу. В

первый год газета имела тираж в три тысячи экземпляров (из них в Тургае распространялось 694, в Акмоле – 586 и т. д.). За период с февраля 1913г. по январь 1918г. вышло 265 номеров тиражом до 3000 экземпляров, а некоторые номера выходили тиражом в 8000 экземпляров. Это была первая общедемократическая политическая газета. Следует согласиться с мнением о том, что газета в первоначальный период своего существования не имела четко сформулированного идейно – политического направления и стремилась выразить интересы всего казахского народа.

Политическая линия газеты «Казах» отвечала требованиям реформистской национальной партии: ее основной заботой был культурный подъем казахского народа, главным делом было развитие национального языка и литературы. Так охарактеризовали современные французские исследователи значение газеты, на страницах которой большое место уделялось фольклору, литературе, исследованию национального языка [1, с. 157-184].

Современная, свободная от идеологических клише и шор отечественная казахстанская историческая наука признает «Казах» как газету, определившую стратегию освободительного движения начала XX века [6, с. 706]. Сегодняшняя концепция места и роли газеты «Казах» излагается следующими положениями:

- газета сплотила вокруг себя весь цвет казахской демократической интеллигенции;
- газета поднимала проблемы о судьбе казахского народа в условиях колониального статуса казахской степи;
- в социальной практике казахской национальной интеллигенции одно из главных место занимали концептуальные проблемы места казахской нации в истории цивилизации; консолидации казахского народа, возрождения его древней культуры и казахской национальной государственности в рамках демократического Российского государства;
- газета защищала эволюционный путь развития казахского народа;
- газета на первое место ставила вопросы народного просвещения и книгоиздания;
- на страницах газеты «Казах» видные знатоки аграрной проблемы во главе с А. Букейхановым раскрывали сущность колониализма, историю создания переселенческого фонда путем изъятия исконно казахских земель. Газета встала на защиту концепции А. Букейханова по земельному вопросу, которая предполагала сохранение кочевого скотоводства в сочетании с земледелием, целостности земельных массивов, их плодородия на основе общинного землевладения;
- газета заняла научно обоснованную тактику по вопросу мусульманской религии. Газета не разжигала религиозные страсти, наоборот, призывала к сплочению верующих различных национальностей в составе России; выступала за отделение религии от школ и от государства, против религиозного экстремизма, провозглашая в то же время равенство перед законом всех россиян без различия пола, вероисповедания, национальности, отстаивая неприкосновенность и свободу личности.
- газета учитывала стремление просвещенных народов к равноправию, неприкосновенности личности, свободе вероисповедания в духе французской и иных буржуазных революций.
- на страницах газеты «Казах» поднимались и обсуждались проблемы языка и литературы, этнографии, культуры и этики, педагогики;
- газета способствовала формированию исторического сознания нации, определила задачи воспитания национальной гордости на примерах жизни и деятельности выдающихся личностей;
- газета доказывала, что для построения демократического, независимого государства необходимы в первую очередь знания родного языка и литературы, профессионализм, богатство национальной экономики [6, с. 705-709].

Как мы видим, газета «Казах» поднимала проблемы, касавшиеся интересов и чаяний всего казахского общества. Многие из них не потеряли своей актуальности и сегодня, в начале третьего тысячелетия.

Новый этап в исследовании деятельности казахской демократической интеллигенции начала XX столетия начался в конце 80-х гг. Этому способствовали курс на перестройку и связанный с ним процесс возвращения народу научного и творческого наследия представителей национальной интеллигенции, павших жертвами тоталитаризма.

В казахстанской исторической науке общественно-политическая деятельность казахской интеллигенции в 1905-1917 гг. рассматривается как составная часть национально-освободительного движения. Анализируя публицистические труды А. Букейханова, А. Байтурсынова, М. Дулатова, известный казахстанский историк М. Койгельдиев доказывает их приверженность идеям западноевропейского и российского просветительства, лозунгу “свобода, братство, равенство” [7, с. 154].

Талант А. Букейханова как журналиста, публициста и исследователя, на наш взгляд, особо ярко раскрылся в его публикациях на страницах газеты “Казах” по вопросу о судебной системе, вводимой царизмом в казахской степи.

М. Койгельдиев делает бесспорное заключение о том, что группа интеллигентов, объединившаяся вокруг газеты “Казах”, была последователем школы Абая, заложившими основы национального самосознания [7, с. 162].

Анализ публицистических трудов алашевцев доказывает, что они призывали к борьбе против реакционных, отживших свое время традиций, стремиться к процветанию общества через развитие образования и культуры на уровне, соответствующем требованиям времени.

На сегодняшний день определились и глубоко изучаются основные составляющие направления исследовательского процесса. Отечественным историкам удалось преодолеть сохранявшиеся в течение десятилетий концепции, согласно которым казахскому народу вообще было отказано в праве считать себя носителем самобытной и древней культуры, обладающим своим интеллектуальным потенциалом. Выход на российскую арену представителей народа в лице национальной интеллигенции со своей конкретной и осознанной программой деятельности, а главное – осознанным долгом перед народом – явилось знаковой страницей в отечественной истории.

1. Беннигсен А., Ламарсье – Кельежей Ш. Пресса и национальное движение среди мусульман России до 1920 года. – В кн.: Альманах. Алем. Вып. 1. – Алма – Ата, 1990. – С. 157-184.
2. Браинин С., Шафиро Ш. К вопросу о роли казахской националистической интеллигенции в 1917 году // Большевик Казахстана. 1933. № 4 (28). Голощекин Ф.И. Казахстан на октябрьском смотре. - Кзыл – Орда, 1927. 29 с.
3. Букейханов А. Киргизы. // Формы национального движения в современных государствах. Под ред А.И. Костелянского. СПб, 1910, с. 578-600; Дулатов М. Ахмет Байтурсынович Байтурсынов // Труды общества изучения Киргизского края. Вып. 3. Оренбург, 1922, с. 17-25 и др.
4. Голощекин Ф.И. Казахстан на октябрьском смотре. - Кзыл – Орда, 1927. 29 с.
5. История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. – В 5 томах. – Т. 3. – Алма – Ата, 1979. – 544 с.
6. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. – В 5 томах.– Т. 3. – Алматы. Атамұра, 2000. – 768 с.
7. Койгельдиев М. Движение Алаш. На каз. яз. – Алматы, 1995. – 141 с.

Белюков Д.А.

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО СПОРТА В ДОКУМЕНТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВОВ (на материалах Псковской области)

История физической культуры и спорта изучает происхождение, закономерности и принципы развития физической культуры и спорта. В задачу данного направления научного знания входит накопление, описание и интерпретация фактов общественной жизни, связанных с физкультурно-спортивным движением. Историю физической культуры и спорта рассматривают как отрасль исторической науки. Специфика данной отрасли знаний заключается в том, что она находится на стыке двух наук – истории и

физической культуры. Объектом истории в данном случае является физическая культура [25, с.3-5; 26, с. 3-4; 27, с. 7-10].

Сегодня в российской историографии окончательно утвердилось мнение, что именно в конце XIX – начале XX вв. в России идет процесс бурного развития физкультурно-спортивного движения. Решающую роль в этом процессе, безусловно, сыграли Санкт-Петербург и Москва. Но и в других регионах Российской империи развивались отдельные виды спорта, возникали спортивные общества и союзы, проводились соревнования, активно обсуждались и вводились в практику работы образовательных учреждений уроки гимнастики, а также другие формы физического воспитания во внеурочное время. Региональная история физической культуры и спорта позволяет существенно дополнить новыми фактами и событиями общероссийские тенденции, подчеркнуть региональные особенности, обратить внимание на противоречивость развития физкультурно-спортивного движения в пределах различных территорий. Не является исключением и Псковская губерния, где издревле существовали традиции народной физической культуры, а в конце XIX – начале XX вв. зарождался и развивался спорт, создавались спортивные общества, работали учебные заведения, в которых применялись передовые методы физического воспитания учащихся [28, с. 15-17].

В докладе дается характеристика неопубликованных документов и материалов по истории российского спорта из региональных архивов: Государственного архива Псковской области и Государственного архива в городе Великие Луки.

В первую очередь, это фонды государственных органов и учреждений: канцелярии Псковского губернатора, Псковского губернского по земским и городским делам присутствия, Псковского губернского по делам об обществах и союзах присутствия, Псковского военно-спортивного комитета, Великолукской уездной земской управы Псковской губернии, Исполнительного комитета Псковского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Псковского губернского комиссариата по военным делам, Великолукского уездного комиссариата по военным делам города Великие Луки Псковской губернии.

Для рассмотрения вопросов физического воспитания учащихся Псковской губернии требуется изучить фонды различных учебных заведений. Среди них Псковская губернская мужская гимназия, Псковская Мариинская женская гимназия, Порховское реальное училище, Псковская учительская семинария, Псковское землемерное училище, Псковское Сергиевское реальное училище, Великолукское реальное училище, Великолукское техническое железнодорожное училище, Великолукская женская гимназия, Великолукское I Высшее начальное училище, Великолукская женская учительская семинария, Великолукская школа 2-й ступени им. К.А.Тимирязева, Бобровское начальное училище Псковской губернии, Велейское училище Опочецкого уезда, Опочецкая ремесленная школа.

Различные по характеру документы органов государственной власти, военного ведомства и местного самоуправления. Это приказы по Псковскому гарнизону, списки и реестр обществ и союзов, зарегистрированных Псковским губернским по делам об обществах и союзах присутствиях (1910 г.), сведения и списки о всех существующих в Псковской губернии обществах (1912-1913 гг.), сведения о деятельности в 1911 г. всех образованных по закону 4 марта 1906 г. в г.Пскове обществ и союзов (1912 г.), список обществ, зарегистрированных Псковским губернским по делам об обществах и союзах присутствием (1913-1914 гг.). А также отчет Великолукской земской управы (1891 г.), доклады управы, журналы заседаний земских собраний (1912 г.), отчет Великолукской уездной земской управы о движении денежных сумм за 1911 г., доклад Великолукской уездной земской управы очередному Великолукскому уездному земскому собранию за 1912 г. [3, 5, 7, 8, 12]

Значительный массив дел связан с созданием, регистрацией и деятельностью спортивных обществ и организаций. Это дело об отказе учреждения в селе Бежаницах Новоржевского уезда «Общества лыжного спорта» (1909 г.), дело об утверждении уста-

ва Псковского общества велосипедистов (1896-1903 гг.), устав Опочецкого общества «Здоровье и спорт», краткий отчет совета Общества (1910-1912 гг.), дело о прошении дворянина фон-Цур-Милена и других о разрешении учреждения в г.Холме гимнастического общества «Сокол» (1911-1912 гг.), устав Гимнастического общества «Сокол» (1912 г.), дело о разрешении открытия, устав и отчет о деятельности Псковского общества содействию телесному воспитанию учащейся молодежи (ПОСТВУМ) (1911-1913 г.), дело о закрытии Псковского гимнастического общества и устав Общества (1912-1913 гг.), дело о разрешении регистрации общества атлетизма и физического развития в Пскове и устав общества (1913-1914 гг.), дело о разрешении регистрации шахматного кружка в Пскове и устав кружка (1913 г.), отчет Псковского гимнастического общества «Сокол» за 1912-1913 гг., список спортивных, гимнастических и иных организаций, преследующих цели физического развития (1915 г.), дело об отказе в регистрации общества «Спорт и образование» в пригороде Печоры (1913-1914 гг.) [2, 3, 7, 8].

Важной составной частью источников стали документы специально созданных местных органов, подчиненных Главнаблюдающему за физическим развитием народонаселения Российской империи. Это дело об учреждении в Псковской губернии военно-спортивных комитетов (ВСК) с привлечением в их состав представителей местной администрации (1916 г.), об образовании Псковского ВСК (1917 г.), исходящий журнал Псковского ВСК, отчет ПВСК (1916 г.), переписка с Псковским ВСК (1916 г.), протоколы заседаний Псковского ВСК (1917 г.). Проанализированы дела о допризывной подготовке учащихся Псковского землемерного училища (1915-1917 гг.), Островского реального училища (1917 г.), команды ПОСТВУМ (1917 г.), Псковского учительского института (1917 г.), Печерского высшего начального училища (1917 г.), по организации военно-спортивного комитета и ведении допризывной подготовки учащихся Великолукского реального училища (1916 г.), протоколы заседаний Великолукского ВСК [5, 6, 9, 16].

Большой массив архивных документов связан с организацией и постановкой физического воспитания в различных учебных заведениях губернии. Это циркуляры и предписания попечителя Санкт-Петербургского учебного округа (1880-1916 гг.), копии циркуляров и распоряжений управляющего Санкт-Петербургским учебным округом, переписка с ним по учебным вопросам (1910 г.), переписка с попечителем Петербургского учебного округа по учебным и финансовым вопросам (1913 г.), циркуляры Министерства народного просвещения (1915-1917 гг.). [2, 6, 9, 14, 16, 21]

Обширен и информативен фонд Псковской мужской гимназии. Изучены формулярные списки о службе преподавателей гимназии, дело о пристройке к новому зданию гимназии гимнастического зала (1913 г.), дело о физическом воспитании учеников гимназии по сокольской системе (1910-1916 гг.), отчеты директора Псковской мужской гимназии о физическом воспитании учащихся (1914 г.), отчет о состоянии гимназии и статистические сведения (1916 г.), список личного состава (1916-1918 гг.), устав первой дружины юных разведчиков (бой-скаутов) при гимназии (1917 г.) [2].

Много интересного находится в фондах других учебных заведений Пскова. Это отчеты по Псковской Мариинской женской гимназии, списки личного состава за 1877-1885 гг., аттестаты об окончании 7-го класса женской гимназии, дело о службе преподавателя немецкого языка Псковской Мариинской женской гимназии А.Ю.Шеффера [1]. Кроме того, дело о введении преподавания военной гимнастики в Псковской учительской семинарии (1888-1890 гг.), дело об определении учителем гимнастики в Псковской учительской семинарии Бурова, свидетельства об окончании учительской семинарии, список учащихся, программа учебных предметов (1916 г.) [6]. Содержательны книги по истории Псковского Сергиевского училища (1873-1910 гг.) [10], аттестаты и программы по предметам Псковского землемерного училища (1887 г.), дело о введении в Псковском землемерном училище преподавания уроков гимнастики и разрешении преподавания надворному советнику Харинскому (1890-1891 гг.) [9].

Весьма обширны по своему содержанию документы из фонда Великолукского реального училища: программы предметов на 1878-1879 гг., наряд отчетов о состоянии и деятельности училища, отчет о состоянии училища за 1881-1882 учебный год, отчет о состоянии и работе училища (1883-1885 гг.), сборник документов о постройке здания училища на 1902-1903 гг., расписание занятий военным строем, фехтованием и гимнастикой, требовательные ведомости служащих училища (1915-1919 гг.), сведения, списки служащих представленных к наградам (1916 г.), программа занятий военным строем в училище (1916 г.), личное дело помощника классных наставников Поморцева Михаила Васильевича [16].

Много любопытной информации содержится и в фондах других учебных заведений города Великие Луки. Среди них сборник документов о Великолукском железнодорожном училище, переписка с учебным отделом Министерства путей сообщения о личном составе и финансовых вопросах Великолукского технического железнодорожного училища (списки служащих, ведомости) (1910-1911 гг.), расписание уроков в Великолукском техническом железнодорожном училище (1911-1912 гг.), дело о личном составе Великолукского технического железнодорожного училища (1915 г.), книга для записи постановлений педагогического совета Великолукского 1-го высшего начального (городского) училища (1905-1907 гг.), постановления педагогического совета Великолукского 1-го высшего начального училища (1913 г.), сборники документов о личном составе, протоколы практических уроков, отчеты Великолукской женской учительской семинарии за 1913 г., программы предметов 2-го и 3-го классов семинарии на 1913-1914 гг., отчет семинарии за 1915-1916 гг., свидетельства, удостоверения учениц, окончивших семинарию в 1916 г. А также сборник документов о состоянии и личном составе Великолукской женской гимназии (1879-1918 гг.), отчет Великолукской женской гимназии за 1880-1881 гг., копии аттестатов и удостоверений об окончании полного курса и на право домашней учительницы за 1904 г., переписка по финансовым и учебным вопросам, отчет о приходе и расходе сумм по Великолукской женской гимназии за 1911 г. [17, 18, 19, 20]

Интересная информация находится в сведениях о состоянии училищ Великолукского уезда в 1897 г., формулярном списке о службе чиновников и преподавателей великолукских уездных училищ (1852 г.) [21].

Важная информация содержится в инвентарной книге Порховского реального училища, ведомости о данных и пропущенных уроках преподавателями (1912-1916 гг.), описи учебных книг, списке книг, препровождаемых в Велейское училище Опочецкого уезда, и учебных программах одноклассного народного училища (1888-1891 гг.), книгах протоколов заседаний педагогического совета Опочецкой ремесленной школы (1912-1913 гг.), а также личном деле Анатолия Сергеевича Иванова, преподавателя гимнастики (1911-1924 гг.), очерке развития физкультуры и спорта в губернии до и после Великой октябрьской социалистической революции (1922 г.) [4, 11, 13, 14, 15, 22, 23, 24].

Введение в научный оборот ранее неопубликованных источников из региональных архивов позволяет значительно расширить источниковую базу исторического исследования и составить целостную картину развития физической культуры и спорта, как в Псковской губернии, так и в России на рубеже XIX – XX вв.

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Псковская Мариинская женская гимназия. Ф. 7. Оп. 1. Д. 32., 57, 66, 111, 113.
2. ГАПО. Псковская губернская мужская гимназия. Ф. 8. Оп. 1. Д. 40, 42., 73, 97, 110, 123, 132.
3. ГАПО. Канцелярия Псковского губернатора. Ф. 20. Оп. 1. Д. 2554, 2856, 2895, 2921, 2923, 2951, 2953, 2971, 3035, 3036, 3051, 3058, 3236.
4. ГАПО. Порховское реальное училище. Ф. 34. Оп. 1. Д. 10, 13, 14, 16, 20.
5. ГАПО. Псковский военно-спортивный комитет. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1-9.
6. ГАПО. Псковская учительская семинария. Ф. 67. Оп. 1. Д. 104, 110, 233, 237, 238.
7. ГАПО. Псковское губернское по земским и городским делам присутствие. Ф. 79. Оп. 2. Д. 405, 1273
8. ГАПО. Псковское губернское по делам об обществах и союзах присутствие. Ф. 81. Оп. 1. Д. 15, 18.

9. ГАПО. Псковское землемерное училище. Ф. 125. Оп. 1. Д. 61, 76, 288.
10. ГАПО. Псковское Сергиевское реальное училище. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1, 19, 44, 129-140, 149.
11. ГАПО. Велейское училище Опочецкого уезда Псковской губернии. Ф. 155. Оп. 1. Д. 1, 2.
12. ГАПО. Великолукская уездная земская управа Псковской губернии. Ф. 426. Оп. 1. Д. 2, 5, 10, 11, 11а, 15.
13. ГАПО. Бобровское начальное училище Псковской губернии. Ф. 587. Оп. 1. Д. 17.
14. ГАПО. Инспектор народных училищ 2-го района г. Великие Луки Псковской губернии. Ф. 653. Оп. 1. Д. 1, 7, 9.
15. ГАПО. Опочечская ремесленная школа. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАПО. Великолукское реальное училище г. Великие Луки Псковской губернии. Ф. 656. Оп. 1. Д. 10, 28, 36, 38, 117, 136, 144, 145, 153, 161, 162.
17. ГАПО. Великолукская женская гимназия. Ф. 657. Оп. 1. Д. 2, 3, 6, 12, 17, 33, 42, 48, 70, 73, 78.
18. ГАПО. Великолукская женская учительская семинария. Ф. 659. Оп. 1. Д. 1, 8, 11, 14, 21, 28, 33, 43.
19. ГАПО. Великолукское техническое железнодорожное училище Министерства путей сообщения при Московской Виндаво-Рыбинской железной дороге. Ф. 661. Оп. 1. Д. 43, 47, 51, 61, 78.
20. ГАПО. Великолукское I Высшее начальное училище. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2, 3, 5.
21. ГАПО. Смотритель Великолукских уездных училищ. Ф. 809. Оп. 1. Д. 2, 15.
22. Государственный архив в городе Великие Луки (ГАВЛ). Псковский губернский комиссариат по военным делам, караульный батальон, амбулатория, магазин и потребительское общество при нем. Ф. Р – 609. Оп. 1. Д. 421, 499.
23. ГАВЛ. Великолукская школа 2-й ступени им. К.А.Тимирязева. Ф. Р – 627. Оп. 2. Д. 9.
24. ГАВЛ. Великолукский уездный комиссариат по военным делам г. Великие Луки Великолукского уезда Псковской области. Ф. Р – 691. Оп. 2. Д. 15. Оп. 3. Д. 35.
25. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта. – М., 2007.
26. Столбов В.В., Финогенова Л.А., Мельникова Н.Ю. История физической культуры и спорта – М., 2001.
27. Суник А.Б. Проблема предмета истории физической культуры и ее места в системе наук // Теория и практика физической культуры. – 1986. – № 6.
28. Суник А.Б. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX – XX вв. – М., 2004.

Падерова И.В.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА О БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ КРЕСТЬЯН БЕЛАРУСИ (1861–1914 гг.)

Изучение брачно-семейного положения крестьян Беларуси второй половины XIX - начала XX вв. требует привлечения обширного круга источников, которые способствуют проведению конкретно-исторического исследования. В основе изучения вопроса о матримониальном положении крестьян Беларуси положена идея комплексного анализа разнообразных источников, содержащих информацию о внутренней организации и жизни крестьянской семьи, её правовом статусе, а также о государственной политике, направленной на сохранение и укрепление этого важного социального института. Источники второй половины XIX - начала XX вв. по данной проблеме можно сгруппировать в несколько блоков.

Первый блок – это законодательные и нормативные акты. С 1840 года, после отмены Статута Великого княжества Литовского 1588 г., основным нормативным актом, действовавшим на территории Беларуси, стал Свод законов Российской империи. Как известно, законодательство о браке и семье в Беларуси, принадлежавшей в то время царской России, не являлось самостоятельной отраслью. Отношения, возникающие из брака и принадлежности к семье, регулировались нормами, содержащимися в книге первой тома X части I Свода законов гражданских – «О правах и обязанностях семейственных» [23], а также многочисленными церковными постановлениями. Изучение законодательных материалов позволяет рассмотреть проблему организации и жизнедеятельности крестьянской семьи как социального института. Для семейного законодательства были характерны, с одной стороны, крайняя размытость формулировок, определявших взаимоотношения членов семьи, а с другой – значительное количество вопросов вообще не разрешенных в рамках писаного права. Следует отметить, что в сельской местности в регламентации брачно-семейных отношений важное значение по-прежнему занимало обычное право. Письмен-

ный закон ещё не утвердился здесь в качестве основного источника законодательства о браке и семье. «Семейные чувства вообще мало считаются с законом, - подчеркивал М.В.Довнар-Запольский, - тем более в настоящее время, когда крестьянская семья реорганизуется, когда вековой обычай все более и более уступает новым веяниям, в которых личные отношения играют большую роль» [10, с. 20].

Важное место среди нормативных источников принадлежит разного рода комментариям и разъяснениям законов. Сборник церковных и гражданских законов освещает вопросы о браке, разводе, внебрачных детях и т.д. [5].

«Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с воспоследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений» под редакцией И.Л.Горемыкина раскрывает порядок общинного и наследственного пользования землёй [24, с. 844-853].

Второй блок – делопроизводственные материалы Национального исторического архива Беларуси. Основным документом, подтверждающим создание семьи, являются приходские (метрические) книги [13; 14].

Особо следует сказать о таком источнике, как прошение. С одной стороны, оно не может быть внесено в группу делопроизводственных документов, так как не является продуктом деятельности бюрократического аппарата, с другой стороны, именно с этого документа начинали работу различные учреждения и ведомства. Значение прошений для специалиста в области социальной истории и, особенно, семьи трудно переоценить. В каждом из таких документов – трагедия конкретной семьи, «маленького человека», вынужденного искать помощи у «сильных мира сего». В комплексе с другими материалами прошения выступают как необычайно важный источник, не только характеризующий состояние семейного института, но и дающий представление об особенностях работы и прохождения дел в той или иной инстанции. Архивные материалы включают жалобы крестьян по спорным вопросам землепользования и порядке наследования в семье [8; 9], прошения о разводе, где рассматриваются причины и обстоятельства брачно-семейных отношений, которые привели к разводу [6; 7].

Статистические материалы представляют третий блок источников. Сведения о «движении населения» в сельской местности Беларуси накануне реформы содержат Статистические таблицы Российской империи за 1856 год [25].

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. по Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерниям содержит данные о численности, половозрастном составе, брачном состоянии, грамотности, месте проживания и занятости всех сословий в целом и крестьян в частности. В переписи 1897 г. рассмотрено семейное положение крестьян, типология хозяйств-семейств сельского населения [22].

Четвертый блок документов – это периодические издания. Большею частью газеты пореформенного периода обращались к насущным вопросам сельской жизни: отходничеству и его влиянию на семейный уклад, развитию женского сельскохозяйственного образования, агрономической помощи крестьянам. Эти и другие вопросы затрагиваются в газетах того времени: «Белорусская жизнь» [1], «Могилевский вестник» [3], «Витебский листок» [11], «Газета для сельских хозяев» [4], «Мировой посредник» [15], «Могилевские епархиальные ведомости» [16].

Особую группу периодических изданий представляют памятные книжки Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской губерний [17; 18; 19; 20; 21], которые позволяют проследить динамику «движения населения» по годам. Также памятные книжки содержат сведения об уровне брачности, количестве незаконнорожденных детей, уровне заболеваемости, развитии отходничества в уездах, урожайности губерний и т.д.

Пятый блок – источники личного происхождения. М.И.Кулишер [12, с.96-97], П.В.Шейн [26, с.95-97], М.В. Довнар-Запольский [10], авторы и свидетели изменений, происходивших в пореформенный период, описывали семейный уклад и брачное положение крестьян второй половины XIX - начала XX вв.

В целом, тема брачно-семейного положения крестьян Беларуси во второй половине XIX - начале XX вв. обеспечена различными опубликованными источниками и архивными материалами, которые в комплексе дают возможность с достаточной полнотой охарактеризовать белорусскую крестьянскую семью как социальный институт.

1. Агрономическая помощь хуторянам Минской губернии в 1910 г./ Белорусская жизнь. – 1911. – 29 янв. – С.1.
2. Веремко, В.А. Эволюция дворянской семьи в условиях модернизации России (вторая половина XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ...док. ист. наук: 07.00.02 / В.А.Веремко; Спб.: ГОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А.И.Герцена», 2007 - 50с.
3. Вестник земского хозяйства Могилевской губернии // Могилевский вестник. – 1907. – 19 ноября – с.7.
4. Газета для сельских хозяев – 1861. - №№1-26. – 407 с.
5. Григоровский, С.П. О браке и разводе, о детях внебрачных, узаконении и усыновлении и о метрических документах: Сборник церковных и гражданских законов. с доп. и разъяснениями на основании циркулярных указов и сепаратных отделений Святейшего синода отдельной статьей о родстве и свойстве и с прил. графич. табл. степеней свойства/ С.П.Григоровский – Спб: Синодальная типография, 1912 – XIV, 314 с.
6. Дело о разводе крестьян д.Палужи Чериковского уезда Веремьевых // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Фонд 2301. – Оп.1. – Д.198. – Л.2.
7. Дело о разводе крестьян д.Ротынь Сенненского уезда Азралевых // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Фонд 2301. – Оп.1. – Д.197. – Л.29.
8. Дело по прошению крестьян Смолевичской волости Павла и Петра Ясинских по делу их с Александром и Григорием Ясинскими о земле // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Фонд 242. – Оп.1. – Д.5104. – Л.1.
9. Дело по спору крестьянина Прусевичской волости Викентия Устина с Еввою Устин о земле // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Фонд 242. – Оп.1. – Д.5097. – Л.10.
10. Довнар-Запольский, М.В. Очерки семейственного обычного права крестьян Минской губернии / М.В.Довнар-Запольский // Исследования и статьи / Изд. А.П.Сапунова. – Киев: Тип. 1-й Киев. Артели печ. дела, 1909. Т.1.: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. – 487 с.
11. Женское сельскохозяйственное образование / Витебский листок. – 1899. – 31 янв. – С.3.
12. Кулишер, М.И. Очерки сравнительной этнографии и культуры / М.И.Кулишер – Спб: Типография И.И.Скорородова, 1887. – XV, 287 с.
13. Метрические книги Бабиничской Ефросиньевской церкви Витебского уезда о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1862 год // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Фонд 2531. – Оп.2. – Д.12.
14. Метрические книги Бабиничской Ефросиньевской церкви Витебского уезда о родившихся, бракосочетавшихся и умерших за 1880 год // Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАБ). – Фонд 2531. – Оп.2. – Д.14.
15. Мировой посредник – 1862. – №5 – 516 с.
16. Могилевские епархиальные ведомости – 1884. – 1 января – 25 с.
17. Памятные книжки Виленской губернии за 1861-1914 гг.
18. Памятные книжки Витебской губернии за 1861-1914 гг.
19. Памятные книжки Гродненской губернии за 1861-1914 гг.
20. Памятные книжки Минской губернии за 1861-1914 гг.
21. Памятные книжки Могилевской губернии за 1861-1914 гг.
22. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. / под ред. Н.А.Тройницкого – Спб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899-1905.
23. Свод законов Российской империи. Т.10, ч.1: Свод законов гражданских. – Спб.: Государственная типография, - 1914. – 498 с.
24. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с воследовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений/ Сост. и изд. И.Л.Горемыкиным. Положения о сельском состоянии. Особое приложение к т. 9 Законов о состояниях. Ч.1. – ХCV, 959 с.
25. Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. – Спб.: Издание Статистического Отдела Центрального статистического комитета, 1858. - 300с.
26. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края / П.В.Шейн. – Спб: Типография Императорской Академии Наук, 1902. – 585 с.

Помалейко О.Л.
**ЖЕНСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.:
ОПЫТ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ПОИСКА**

В конце XIX – начале XX вв. на территории Беларуси функционировали различного рода женские объединения: комитеты, общества, попечительства, союзы. Несмотря на значительную роль, которую они играли в общественной жизни края, на сегодняшний день оказались наименее известным сегментом социальной истории. Одной из важнейших причин их слабой изученности является неудовлетворительное состояние источниковой базы. Многие из документального наследия безвозвратно исчезло в водвороте времени, а посему актуально ввести в научный оборот все, что сохранилось.

Значительная часть материалов, позволяющих приоткрыть завесу истории женских объединений, находится в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ). Однако отметим, что делопроизводственные комплексы, отражающие повседневную деятельность женских объединений, практически не сохранились. Исключение составляет лишь «Русский женский кружок» (РЖК), документация которого хранится как единый архивный фонд – «Правление Русского Женского Кружка в г. Минск 1907–1915 гг.» (ф. 65). Он включает 15 дел. Комплекс сохранившихся материалов охватывает в основном период с 1908 по 1909 гг. и включает: устав, отчеты, список членов кружка, официальную переписку и программы музыкально-литературных вечеров. Таким образом, имеющиеся документы не составляют полного комплекта документации по женскому кружку. Еще менее информативным является фонд Минской общины сестер милосердия (ф. 1096). Община существовала с 1903 по 1917 гг., отличалась активной деятельностью. Однако фонд содержит лишь 2 дела, концентрируя документы за период с 1914 по 1915 гг. Информация по иным женским объединениям разбросана по различным фондам архива. Ценные материалы хранятся в фондах канцелярий гражданских губернаторов, губернских и уездных земских управ (с 1911 г. – губернские управы по делам земского хозяйства); в фондах городских управ, губернских правлений, фондах городских и уездных полицейских управлений, местных управлений Общества Красного Креста, губернских статистических комитетов и т.д. Дела указанных фондов содержат: внутреннюю документацию объединений, переписку различных учреждений, многочисленные заявления о проведении акций и мероприятий, в большинстве своем благотворительных. Наиболее информативными по рассматриваемой теме являются фонды губернских по делам об обществах и союзах присутствий, которые регистрировали программные документы и уставы, осуществляли надзор за учреждением и деятельностью обществ. Например, фонд Витебского губернского по делам об обществах присутствия (ф. 2649) содержит ценные материалы об учреждении и функционировании «Женского еврейского благотворительного общества в г. Полоцке»; «Еврейского общества вспомоществования бедным роженицам в г. Двинске»; «Женского общества попечения об учениках «Талмуд-Торы» в г. Режице»; женском совете и женском клубе в Витебске.

Исследование дел фондов Минской городской управы (ф. 1) и Минского губернского по земским и городским делам присутствия (ф. 22) позволило уточнить данные о возникновении общества защиты женщин в Минске. Установлено, что «Русское Общество Защиты женщин от разврата» (РОЗЖ) с целью оказания помощи молодым девушкам «в поиске работы, и ограждения их от обманов и эксплуатации, постановило иметь в разных городах империи своих корреспондентов, к которым девушки, приезжавшие в эти города, могли бы обращаться за советом и указаниями, а в случае надобности защитой». Вследствие чего, 20.06.1900 г. комитет общества предложил минскому градоначальнику, графу К.Э. Чапскому, вступить в его члены и принять на себя обязанности корреспондента в этом городе. Впоследствии была образована особая подготовительная комиссия для детальной разработки вопроса об учреждении в Минске отдела указанного общества. В итоге, как свидетельствуют документы, Минское отделение Российского Общества защиты

женщин было открыто 29 ноября 1901 г. Председателем в нем до 1903 г. и состоял Карл Эмерикович. Также установлен факт попыток организации филиалов РОЗЖ в Бобруйске, Пинске, Речице и некоторых других городах Беларуси.

Документы, которые раскрывают историю зарождения и функционирования женских организаций в сфере тюремного патроната, хранятся в фондах губернских попечительных о тюрьмах комитетов: ф. 29 (Минском) и ф. 2648 (Витебском).

Ценные материалы хранятся и в НИАБ в Гродно. Так, дела фонда Гродненского губернского по делам об обществах присутствия (ф. 103) содержат информацию о: «Дамском попечительстве о больных и роженицах в Брест-Литовске», «Обществе взаимной помощи женской христианской прислуги в г. Гродно», «Обществе равноправия польских женщин в г. Белостоке»; «Гродненском Еврейском Дамском Обществе «Помощь падающим» «Сеймейх Нейфлими». Выявленные документы позволяют установить процедуру согласования и утверждения уставов объединений, сделать выводы об отношении государственной власти к женской инициативе. Воссоздать принципы построения организаций. Описать состав, функции и компетенцию правлений обществ и комитетов как постоянно действующих руководящих органов. Определить финансовую основу деятельности женских объединений. Однако в целом, анализ фондов вышеуказанных архивов показал, что многие дела, содержащие информацию о возникновении и развитии большинства объединений, разрозненны, единичны, состоят из отрывочных и скудных сведений, что не позволяет восстановить их историю в должной мере.

Изученные фотодокументы, хранящиеся в Белорусском государственном архиве кинофотофонодокументов, и фонды Белорусского государственного архива-музея литературы и искусства не смогли пролить свет по заданной теме.

Часть архивного наследия хранится за пределами республики: в архивах Москвы, Петербурга, Варшавы и Вильнюса. Так, в ф. 516 Государственного архива Российской Федерации имеются документы массовых женских организаций: «Союза равноправия женщин» (СРЖ) (1905–1908 гг.) и «Российской лиги равноправия женщин» (1909–1916 гг.), которые имели свои филиалы и на территории Беларуси. Например, дела 12 и 16 (оп. 1) содержат данные о создании отделений СРЖ и раскрывают механизм взаимодействия центральных и местных органов этого объединения.

Среди опубликованных документальных источников интерес представляют, в первую очередь, уставы и отчеты о деятельности различных общественных объединений. Уставы в рассматриваемый нами период были во многом сходными, так как создавались по образцу «нормальных» и «примерных» уставов, разработанных в министерствах. Уставы женских объединений содержат сведения о целях и задачах, об ареоле распространения деятельности, основных источниках финансирования, специфике оказываемой помощи, о составе правлений. Иногда в них указывались, и данные тех лиц, которые стояли у истоков основания того или иного объединения, как, например, в уставе РЖК [5]. Для исследователя уставы интересны и тем, что они дают представление о первоначальном замысле учредительниц, а отчеты о реальном воплощении их в жизнь. Среди последних особый интерес представляют годовые отчеты. Они печатались типографским способом и издавались в виде отдельных брошюр [3, 4], иногда публиковались и в местной печати [2]. Основной целью их публикации являлось ознакомление общественности с деятельностью объединений, а также пропаганда и привлечение новых членов в их состав. Больше всего нами обнаружено отчетов РЖК, охватывающих период с 1908 по 1913 гг. Они позволили реконструировать историю кружка во времени, определить персональный и количественный состав общества, получить представление о деятельности его учреждений. По годовым отчетам женских объединений можно восстановить систему организации управления; через их финансовую часть – возможно обнаружить направления деятельности, их удачи и не свершившиеся планы и задумки. При всем том, в отчетах большинства объединений, отсут-

ствуют данные о социальном статусе их членов, процентном соотношении мужчин и женщин (так как инициалы записаны без расшифровки). Недостатком указанных источников следует считать и то, что они не раскрывают психологической мотивации деятельности состоявших в нем членов и не конкретизируют их вклад.

Особого внимания среди источников заслуживают два крупных издания: «Благотворительные учреждения в Российской империи» (1900) Т. 1–3 и «Благотворительность в России (1907) Т. 1–3. В них собран огромный материал об обществах и их учреждениях, в том числе и женских (дата основания, ведомственная принадлежность, число призываемых). Однако, следует отметить, что в них зафиксированы лишь данные об оказанной помощи на момент сбора материала.

Важными источниками являются материалы, представленные в рамках рассматриваемой темы обзорами и памятными книжками белорусских губерний. «Обзоры» издавались губернскими статистическими комитетами и представляли собой приложения к «Всепогоднейшим отчетам губернаторов». В большинстве из них имеется краткая характеристика деятельности благотворительных организаций, в том числе и женских (данные о приходе и расходе, об объеме оказанной помощи). Большим недостатком является отсутствие в них данных о количественном и качественном составе их членов. В Памятных книжках, издаваемых с 1860 г. в губернских городах, и являвшихся печатными органами губернских статистических комитетов, записаны лишь Ф.И.О. членов правлений объединений. Представляют интерес для исследователя и такие справочные издания как: «Весь Минск или Спутник по Минску, «Весь Могилев. Адрес-календарь», «Календарь вся Вильна на 1915 год».

В ракурсе исследуемой темы также представляют интерес воспоминания. Так, интересный факт записал видный политический деятель, историк А. Луцкевич. Он указал, что при первой национальной политической партии белорусского народа – БСГ, с 1905 по 1906 гг. существовала женская организация, основанная А. Пашкевич (Теткой) [1]. Свидетельств, оставленных самими женщинами, частных источников (переписка, личные дневники, автобиографии) до наших дней дошло крайне мало. Обнаруженные нами, не пролили свет на историю женских объединений. Практически отсутствуют и материалы, отражающие социально-биографический портрет, духовный мир, персональную деятельность общественниц в Беларуси.

Важным источником являются материалы периодической печати. Такие известные российские женские издания, как журналы: «Женский вестник», «Союз женщин», ежегодник «Первый женский календарь» раскрывают тему эмансипации женщин, борьбу за избирательные права. Однако следует отметить, что материал в них по женскому движению в Беларуси в отличие от других регионов Российской империи и зарубежных стран, скуден. Обнаружены лишь факты о деятельности «Виленского Общества равноправия женщин» и существования «Общества взаимопомощи учительниц и воспитательниц в Вильно».

Информацию о женских организациях также можно почерпнуть в различных специализированных журналах, которые в большинстве своем были органами крупнейших российских благотворительных обществ: «Вестнике благотворительности», «Вестнике Российского Общества Красного Креста» и др. Ценная информация содержится и в «Церковных ведомостях», в которых в частности были опубликованы Правила функционирования общин сестер просвещения, утвержденные Святейшим Синодом 19 октября 1911 г. В них подробно прописаны цели и задачи, состав, специфика деятельности, средства указанных организаций. Первая такого рода организация в Российской империи – «Свято-Ольгинская община сестер просвещения» была основана в Беларуси.

Местная периодическая печать дала скудную информацию. Наиболее информативными оказались минские газеты, в которых обнаружены небольшие заметки о деятельности «Кружка союза равноправности», «Дамского кружка помощи проезжающим раненым», «Минской общины сестер милосердия», «Русского женского кружка».

Все вышеуказанные источники были классифицированы в отдельные группы: 1) регламентирующие деятельность обществ со стороны государства (уставы, материалы о внесении изменений в уставы, документы по прошением обществ о проведении различных мероприятий); 2) источники, отражающие деятельность обществ изнутри (отчеты, протоколы заседаний, переписка, финансовая отчетность); 3) источники, отражающие деятельность обществ извне (периодическая печать, справочные издания и т.д.). Это позволило выделить сведения и изучить их абстрагировано от контекста источника, и сделать следующие выводы: 1) в конце XIX – начале XX вв. функционировало по нашим подсчетам более 50 женских объединений, из них более двух десятков благотворительных, внесших существенный вклад в сферу благотворительности, социального призрения и просвещения народных масс; 2) для их деятельности характерны многообъектность, разнообразие сфер применения усилий и форм оказания помощи; 3) революция 1905–1907 гг. стимулировала появление ряда женских профессиональных союзов, отстаивавших экономические интересы, а также организаций, борющихся за гражданское и политическое равноправие: «Общества женского совета в г. Витебске»; отделений «Российской Лиги равноправия женщин» в Бобруйске, Вильно, Витебске, Минске и Могилеве; отделения «Союза равноправия женщин» в Могилеве и некоторых других; 4) основными источниками средств женских объединений были членские взносы и доходы от устраиваемых платных лекций, выставок, спектаклей и вечеров.

1. Луцкевіч, А.І. За дваццаць пяць гадоў (1903-1928) : Успаміны аб працы першых беларускіх палітычных арганізацый : Беларуска Рэвалюцыйная Грамада, Беларуска Сацыялістычная Грамада / А. Луцкевіч // Да гісторыі беларускага руху. – Мн.: Беларус. кнігазбор, 2003. – С. 170–190.
2. Отчет Дамским отделением Минского губернского тюремного комитета ...// Минское слово – 1912 – 15 июня – С. 3.
3. Отчет дамского кружка для призрения бедных еврейских вдов г. Минска с 20 мая 1909 по 31 декабря 1910 г. – Минск: Тип. Гатовскаго и Юршика, 1911. – 31 с.
4. Отчет Могилевской Александринской Общины сестер милосердия Российского Общества Красного Креста за 1909 г.– Могилев на Днепре: Губернская типография, 1910.– 161 [2] с.
5. Устав Русскаго Женскаго кружка в гор. Минске.– Мн.: Губ. тип., 1911.– 15 с.

Волкова О.А.
ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ г. МОСКВЫ ПО
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ ЖЕНЩИН
В ГОДЫ ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Недавние 100-летние юбилеи начала Первой российской революции и проведения Первого Всероссийского женского съезда (декабрь 1908 г.), одного из наиболее значительных проявлений женского движения в России, обусловили переосмысление проблемы женского участия в революционных событиях 1905–1907 гг., борьбы за гражданское и политическое равноправие женщин.

Источники по общественно-политическому движению женщин Москвы в годы Первой российской революции классифицируются на: 1) законодательные акты, правительственные постановления, циркуляры министерств, 2) донесения охранного отделения, 3) документы канцелярии Московского генерал-губернатора, 4) законопроекты, стенографические отчеты о заседаниях Государственной думы, 5) статистические материалы, 6) программы политических партий, 7) протоколы съездов политических партий, профессиональных союзов, 8) уставы союзов, общественных организаций, 9) отчеты о деятельности женских организаций, женских учебных заведений, учреждений здравоохранения, 10) стенограммы I Всероссийского женского съезда и I Всероссийского съезда по образованию женщин, 11) периодическая печать 1905–1907 гг., 12) источники личного происхождения.

Несомненный интерес в исследовании данной проблемы представляют материалы архивов Москвы. В *Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)* ценный материал содержит фонд Союза равноправия женщин и Российской Лиги равно-

правления женщин (ф.516), которые возникли под влиянием революции. Здесь представлены устав и платформа (д.1), протоколы заседаний Центрального бюро СРЖ 1905–1906 гг. (д.2) [9], планы и отчёты о деятельности бюро и комиссий Союза (д.6, д.7). Материалы 1-го, 2-го и 3-го съездов СРЖ 1905–1906 гг. (д.5, 20) [6, 8], тексты докладов, докладные записки, проекты Центрального бюро СРЖ (д.14) содержат подробную информацию о тактике и основных направлениях деятельности Союза в период революционных событий 1905 г., дают представление о масштабах его участия в революции. Так, в разгар революции, на 2-м съезде СРЖ (8–11 октября 1905 г.) был учрежден фонд помощи политическим организациям и стачечникам. В смету 1905/1906 г. было внесено 1000 рублей. В протоколах заседаний Петербургского отделения 1905–1907 гг. (д.3) [2], переписке Центрального бюро СРЖ (д.16) отражены повседневная организаторская деятельность Союза. Научный интерес представляют материалы юридической комиссии СРЖ, разработанный законопроект о равноправии женщин; сравнительная таблица изменений и дополнений в действующих узаконениях; докладная записка Л.Я. Гуревич для думской подкомиссии I Государственной думы; Объяснительная записка к проекту (д.8) [4]. Для понимания политической сущности Союза равноправия женщин представляют интерес письма М.А.Чеховой к деятельницам женского движения Л.Я. Гуревич, Л.Н. Ленской, А.П. Философовой, Е.Н. Щепкиной и др. (д.18). Информация о международных контактах СРЖ нашла отражение в переписке с зарубежными женскими организациями (д.11). Фонд 63 концентрирует документы Отделения по охране общественной безопасности и порядка в Москве при Московском градоначальнике. Кроме дел о ходе Всеобщей политической стачки (оп. 25, 1905, д.773, т.7) [1], о революционных событиях в Москве (д.773, т.8-9), о группе лиц, арестованных во время разгрома полицией училища Фидлера (д.867), о ходе Декабрьского вооруженного восстания (д.870) и др., фонд насыщен делами о женщинах, попавших в поле зрения охранных служб. В их числе дела Е.Я. Рюминой, В.Н. Кабановой, Н.Н. Ибряевой, обвинявшихся в принадлежности к партии социалистов-революционеров (д.80, 113, 114), А.П. Косовой, привлекавшейся за участие в Союзе московских типографских рабочих (д.822), Л.С. Пичугиной, привлекавшейся за агитацию среди рабочих (д.918). Только в 1905 г., помимо групповых арестов, на женщин было заведено более 20 дел. Личный фонд единственной женщины – члена Центрального комитета Конституционно-демократической партии (с апреля 1906 г.) А.В. Тырковой-Вильямс (ф.696) содержит письма, статьи и воспоминания о партийной жизни. Большая часть воспоминаний была ей опубликована в книге «На путях к свободе». Личное восприятие революционных событий отражает дневник дочери профессора Московского университета графини Е.Л. Камаровской «Репетиция русской революции в декабре 1905 г. в Москве» (ф.550, оп. 1, д. 521) [5].

В *Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ)* в фонде Канцелярии Московского генерал-губернатора (ф.16) представлены донесения охранного отделения о ходе забастовок на фабриках и заводах Москвы (д. 120), о революционных митингах, демонстрациях в Москве после издания Манифеста 17 октября (д.138), о революционных выступлениях студенчества (д.206) [3], списки членов РСДРП, арестованных в декабре 1905 г. в Москве (д.154, т.16). Выявлены документы, касающиеся деятельности Общества русских врачей в память Н.И.Пирогова и Пироговских съездов (д.6). Личный фонд председательницы Союза равноправия женщин М.А.Чеховой (ф.2251) содержит черновики её рукописей, материалы о деятельности Союза, статьи, ответы земских и городских деятелей на анкету Союза (1905 г.), анкеты журнала «Союз женщин» с ответами профессоров по поводу допуска женщин в университеты (оп. 1, д.156, 163, 233, 243, 311), письма А.В. Лучинской от 8 ноября 1905 г. (оп.1, д. 319), Л.Н. Рутцен от 11 мая 1906 г. (оп.1, д.479) [7] и других деятельниц СРЖ.

Таким образом, представленный круг источников позволяет наиболее полно раскрыть все аспекты общественно-политического движения женщин Москвы в годы

Первой российской революции. Материалы архивов Москвы характеризуют организационную структуру и основные направления деятельности одной из ведущих женских политических организаций – Союза равноправия женщин, выявляют роль и место разнообразных социальных слоёв женского населения (студенток, интеллигенции, работниц) Москвы в революционных событиях.

1. Дело о ходе Всеобщей политической стачке в Москве в октябре 1905 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд 63. – Оп. 25, 1905. – Д. 773, т. 7. – Л. 1–165.
2. Деятельность С.-Петербургского отделения Союза равноправия женщин (1905–1907) // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд 516. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 44–104.
3. Донесение Московского градоначальника А.А. Адрианова Московскому генерал-губернатору С.К. Гершельману // Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). – Фонд 16. – Оп. 95. – Д. 206. – Л. 42–48.
4. Законопроект о равноправии женщин, составленный юридической комиссией при Союзе равноправия // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд 516. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1–89.
5. Камаровская, Е.Л. Репетиция русской революции в декабре 1905 г. в Москве / Е.Л. Комаровская // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд 550. – Оп. 1. – Д. 521. – Л. 1–39.
6. Первый съезд Союза равноправия женщин (май 1905 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд 516. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 1–36.
7. Письмо Л.Н. Рутцен к М.А. Чеховой (от 11 мая 1906 г.) // Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). – Фонд 2251. – Оп. 1. – Д. 479. – Л. 33–34.
8. Протокол второго делегатского съезда Союза равноправия женщин (8–12 октября 1905 г.) // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд 516. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 36–45.
9. Протоколы заседаний Центрального бюро Союза равноправия женщин (1905–1906) // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). – Фонд 516. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 1–146.

Лавринович Д.С.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ И ЛИБЕРАЛЬНО-КОНСЕРВАТИВНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В БЕЛАРУСИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Исследование деятельности либеральных и либерально-консервативных партий (Конституционно-демократической партии (КДП), «Союза 17 октября» и других) на территории белорусских губерний в начале XX века является актуальным. Изучение проблемы взаимодействия между партиями, как институтами гражданского общества, и властью поможет лучше уяснить сущность процессов политической трансформации в странах Восточной Европы на современном этапе. Источниковую базу по указанной теме можно разделить на четыре группы: материалы официального делопроизводства, материалы политических партий и общественных организаций, документы личного происхождения, материалы периодической печати.

В материалах официального делопроизводства можно выделить несколько подгрупп: нормативные документы, протокольную документацию, деловую переписку и отчетные документы. Большой интерес представляют нормативные документы, регулировавшие отношения между различными ветвями власти и общественными организациями. Из протокольной документации следует отметить стенограммы и журналы заседаний Государственной думы. Например, депутаты-кадеты, избранные в I Государственную думу от белорусских губерний, активно участвовали в обсуждении запросов по поводу действия в ряде регионов Российской империи положения чрезвычайной или усиленной охраны и военных судов, оказания продовольственной помощи голодающему населению, Белостокского погрома в июне 1906 г. и других.

Частью официальной делопроизводственной документации являются также материалы деловой переписки, представляющие собой совокупность документов учреждений и организаций, посредством которых между ними осуществлялся обмен информацией. Из источников данного типа можно выделить переписку, проводившуюся между МВД и губернскими властями о наличии на местах отделов политических партий, их составе, численности,

руководителях, печатных изданиях и т. п. Подобная информация хранится в фондах Особого отдела Департамента полиции в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, ф. 102), Канцелярии МВД в Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 1284) и других. Часть материалов опубликована. Кроме того, сотрудники Особого отдела сами собирали сведения о деятельности КДП, «Союза 17 октября», получая, в том числе информацию и агентурным путем. Деятельность кадетов и октябристов попадала в поле зрения также судебных органов. В частности, весьма информативны дела, касавшиеся нарушений в сфере печати, распространения партийной литературы, нарушениях выборного законодательства. Большой интерес вызывает дело «О разрешении выборов от русского населения на окраинах отдельных представителей в Государственную думу», содержащее материалы о сепаратных действиях белорусских октябристов во время избирательных кампаний 1906 – 1907 гг., стремившихся к изменению избирательного закона от 11 декабря 1905 г. (РГИА, ф. 1327, оп. 2, д. 36).

Составной частью отчетной документации государственных учреждений являлись доклады их руководителей. Большую ценность представляют доклады генерал-губернаторов, губернаторов, начальников жандармских управлений, руководителей полиции о деятельности общественных и политических организаций на территории, подконтрольных им губерний. Интересную информацию содержит «Всепопданнейший отчет» виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского Николаю II, опубликованный М.О. Бичем и В. Пинчуковым в 1997 г. [4]. Важные сведения можно почерпнуть из Всепопданнейшего доклада П.Г. Курлова о состоянии Минской губернии в момент вступления его в исполнение должности губернатора в 1905 г. (ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 669).

Данные о наличии отделов КДП, «Союза 17 октября», «Белорусского общества» и других политических организаций, их адресах, руководящих органах содержатся в издававшихся ежегодно губернскими статистическими комитетами «Памятных книгах» по каждой губернии (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской).

Обширный корпус источников составляют материалы политических партий и общественных организаций. Их делопроизводство складывалось под воздействием норм и правил документирования деятельности государственных учреждений. Поэтому в нем можно выделить несколько подгрупп, аналогичных подгруппам материалов официального делопроизводства: протокольную документацию, деловую переписку и отчетные документы. Вместе с тем политические партии и общественные организации руководствовались в работе собственными программными документами, большинство из которых издано.

Одну из самых больших групп документов политических партий составляет протокольная документация. Она представлена протоколами съездов, конференций, заседаний ЦК, совещаний, собраний партийных организаций. Опубликованы протоколы земско-городских съездов 1904 – 1905 гг., «Союза 17 октября», кадетской партии и других организаций. К сожалению, изданными оказались документы преимущественно московских архивов, большинство материалов политических партий, хранящихся в других архивных собраниях, остались малодоступными исследователям. Значительный интерес представляют сохранившиеся протоколы заседаний местных октябристских организаций, Могилевской прогрессивной партии, Союза земельных собственников в 1917 г.

Существенную информацию о деятельности политических партий и общественных организаций дают материалы их деловой переписки, хранящиеся в архивах. В этой связи громадным информационным потенциалом обладают фонды Конституционно-демократической партии (ф. 523) и «Союза 17 октября» (ф. 115), хранящиеся в ГАРФ. В них отложились переписка ЦК с представителями местных отделов и групп, из которой можно почерпнуть сведения о количестве партийных организаций на периферии, их численности и деятельности, ходе выборов в Государственную думу. Боль-

шую ценность представляет уголовное дело председателя Витебского отдела «Союза 17 октября» и идеолога Белорусского народного союза В.К. Стукалича, находящееся в Государственном архиве Витебской области (ф. 967, оп. 2, д. 1). В деле сохранилась переписка В.К. Стукалича с ЦК партии октябристов, с руководством Киевского клуба националистов, списки членов Гродненского отдела Партии правового порядка и Витебского отдела «Союза 17 октября», материалы о деятельности Русского предвыборного комитета в Витебске.

Большое значение для исследования деятельности политических партий и общественных объединений имеют также отчетные документы. Они содержат подробные сведения о работе их руководящих органов и структурных подразделений. Информация в партийных отчетах группировалась в разделы по темам: численность отделов, политическая платформа, тактика, деятельность в Государственной думе, издательская активность и другим. Как правило, отчеты писались партийными лидерами и поэтому при их анализе надо учитывать интересы составителей.

Значимым источником по истории либерально-консервативной оппозиции царизму являются документы масонских лож. Долгое время они были не доступны отечественным исследователям, т. к. находились в зарубежных архивах или в советских спецхранах. В 1994 г. в архив «Великой Ложи Франции» был допущен российский историк А.И. Серков, опубликовавший часть документов российских масонских лож в своих работах [11]. Большой фактический материал о деятельности российских политических масонов начала XX в. был собран в эмиграции Б.И. Николаевским и опубликован В.И. Старцевым и Ю. Фельштинским [8; 10]. Интересные документы приводятся также в приложении к книге Н.Н. Берберовой, однако относиться к ним нужно с определенной долей скепсиса [3, с. 237 – 330].

Информацию по истории российского дореволюционного масонства собирали и сами «братья». Определенный интерес представляют воспоминания Г.Я. Аронсона о создании масонской ложи в Витебске [2]. Ценные сведения о деятельности масонов содержится в дневнике видного юриста, публициста и политика М. Ромера, хранящемся в отделе рукописей Центральной библиотеки Академии наук Литвы и отделе рукописей библиотеки Вильнюсского университета. Из отечественных исследователей первым данный источник ввел в оборот А.Ф. Смалянчук [12]. Раскрывается информация и из фондов КГБ. Симптоматична в данном случае публикация в журнале «Вопросы истории» извлечений из следственных дел левого кадета Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов [7]. Заслуживает внимания также публикация собственноручных показаний и допросов члена виленских масонских лож, видного белорусского политического деятеля А.И. Луцкевича [1].

Большую группу источников по теме диссертации составили документы личного происхождения. По сравнению с другими историческими источниками они имеют существенные особенности, т. к. наиболее непосредственно отражают субъективность своих творцов. На содержание и достоверность записей влияют социальное происхождение авторов, их общественное положение, профессия, мировоззрение, пол, возраст, характер и множество других факторов и обстоятельств.

Документы личного происхождения можно разделить на три подгруппы: личные дневники, частную переписку и воспоминания (мемуары). Очень интересны записи члена фракции правых священника Ф.И. Никоновича – депутата III Государственной думы от Витебской губернии [9]. Они рисуют картину деятельности Государственной думы, воспринятую глазами рядового депутата. В дневнике содержится информация о существовавших в нижней палате социальных группах и политических объединениях, сведения о позиции депутатов по основным социально-политическим вопросам. Ф.И. Никонович, являвшийся активным членом ряда правых партий и общественных организаций (Русского национального клуба, Славянского благотворительного общества, Общества в память об

Иоанне Кронштадском), затрагивал в своих записях и деятельность депутатов-октябристов от Витебской губернии, передавал их выступления на заседаниях Думы, на которых обсуждались ключевые проблемы окраин Российской империи.

Неотъемлемой составляющей документов личного происхождения является частная переписка. Она наиболее непосредственно отражает взаимоотношения людей и представляет собой ценный источник об интересах и занятиях корреспондентов. Большое количество писем отложилось в личном фонде П.Н. Милюкова (ф. 579) в ГАРФ. Ценную информацию, например, можно получить при анализе переписки с П.Н. Милюковым лидера виленских кадетов И.Д. Ромма. В том же фонде находятся сведения о связях кадетского руководства с «Белорусским обществом» (письмо М.С. Вруцевича) и редакцией «Нашей Нивы» (письма А.И. Луцкевича).

Существенная информация по теме исследования была почерпнута из воспоминаний политических деятелей России начала XX века – представителей исполнительной власти, депутатов, партийных лидеров, просто осведомленных лиц. Как исторический источник воспоминания имеют ряд особенностей. Для них, в отличие от дневников и частных писем, характерен хронологический разрыв между временем создания и временем, когда происходили описываемые события. Также они изначально создавались в расчете на ознакомление неизвестной читательской аудитории.

В качестве примера можно взять мемуары В.А. Друцкого-Соколинского, занимавшего должности могилевского вице-губернатора и минского губернатора накануне Февральской революции 1917 г. [5]. Он подробно описывает взаимоотношения между губернской администрацией и общественными организациями. Причем деятельность последних изображается в «черных красках». Другую точку зрения представляют воспоминания С.М. Дубнова, основателя Еврейской народной партии, члена Виленской еврейской кадетской группы [6]. Он, наоборот, раскрывает реакционную политику царских властей, в частности по национальному вопросу, и детально описывает противостояние с ними либеральной оппозиции.

Самостоятельной группой документов при исследовании либерально-консервативной оппозиции царизму являются материалы периодической печати рассматриваемого периода: газет «Белая Русь», «Белорусский вестник», «Белорусская жизнь», «Вечерняя газета», «Виленский вестник», «Витебский голос», «Витебский листок», «Витебская жизнь», «Голос провинции», «Горецкий вестник», «Минская жизнь», «Минская речь», «Минская русская газета», «Минское русское слово», «Минское слово», «Могилевский голос», «Наша Нива», «Новая заря», «Окраина», «Оршанский вестник», «Речь», «Свободное слово», еженедельников «Восход», «Крестьянин», «Окраины России» и других.

Особенность периодической печати как источника заключается в том, что ее материалы целенаправленно отобраны, систематизированы и хорошо сохранились. Каждая из газет выражала и отстаивала определенные общественно-политические интересы, что необходимо учитывать при анализе, помещенной в них информации. Например, газета «Свободное слово» издавалась по инициативе и на средства Виленской еврейской кадетской группы при помощи ЦК КДП. В соответствии с этим на страницах газеты публиковались материалы представлявшие, главным образом, точку зрения партии кадетов.

Таким образом, анализ источников показал, что все использованные материалы можно поделить на несколько групп, имеющих как свои особенности, так и общие черты. Только при комплексном анализе источников можно получить объективную картину деятельности либеральных и либерально-консервативных политических партий и организаций в Беларуси начала XX века.

1. Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР / подгот. к печати, введение и комментарии В.Н. Михнюка, Н.М. Климовича и А.Н. Гесь. – Мн.: БелНИИДАД, 1997. – 204 с. – (Возвращенные из небытия).
2. Аронсон, Г. Россия накануне революции. Исторические этюды. Монархисты, либералы, масоны, социалисты / Г. Аронсон. – Нью-Йорк: Новое Русское Слово, 1962. – 208 с.

3. Берберова, Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия / Н.Н. Берберова. – Харьков: Калейдоскоп; М.: Прогресс-Традиция, 1997. – 400 с.
4. Всеподданнейший отчет Виленского, Гродненского и Ковенского генерал-губернатора П.Д. Святополк-Мирского Николаю II / падрыхт. да друку М. Біч, В. Пінчукоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 2. – С. 94 – 117.
5. Друцкой-Соколинский, В.А. На службе отечеству. Записки русского губернатора (1914 – 1918 гг.) / В.А. Друцкой-Соколинский. – Орел: РКФ «3 июля»; РИГ «Невероятный мир», 1994. – 405 с.
6. Дубнов, С.М. Книга жизни: Воспоминания и размышления: Материалы для истории моего времени / С.М. Дубнов. – СПб.: «Петербургское востоковедение», 1998. – 672 с.
7. Из следственных дел Н.В. Некрасова 1921, 1931 и 1939 годов / Вступ. ст. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. – 1998. – № 11-12. – С.10 – 48.
8. Николаевский, Б.И. Русские масоны и революция / Б.И. Николаевский; ред.-сост. Ю. Фельштинский. – М.: ТЕРРА, 1990. – 200 с.
9. Никонович, Ф.И. Из дневника члена Государственной Думы от Витебской губернии протоирея о. Федора Никоновича / Ф.И. Никонович. – Витебск, 1912. – 272 с.
10. Русское политическое масонство. 1906 – 1918 гг. (Документы из архива Гуверовского института войны, революции и мира) / вступ. ст. и коммент. В.И. Старцева // История СССР. – 1989. – № 6. – С.119 – 134; 1990. – № 1. – С.139 – 156.
11. Серков, А.И. Русское масонство, 1731 – 2000. Энциклопедический словарь / А.И. Серков. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1222 с.
12. Фрагмэнты Дзеньніку М. Ромэра / пер. А. Смалянчука // Спадчына. – 1998. – № 5. – С.59 – 67.

Хаданёнак В.М.

Ў КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ Ў ФОНДАХ ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ І ЗАНАЛЬНАГА ДЗЯРЖАЎНАГА АРХІВА Ў ГОРАДЗЕ ПОЛАЦКУ

Пераважная большасць дакументаў, якія тычацца Першай сусветнай вайны на беларускіх землях, захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў Мінску. Але ж даволі шырокі пласт дакументаў па дадзенай праблематыцы ёсць у сховішчах Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці і Занальнага дзяржаўнага архіва ў горадзе Полацку.

У Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці можна знайсці шмат матэрыялаў па становішчу членаў прафсаюзаў у гады Першай сусветнай вайны. Гэтай тэматыцы адпавядаюць фонды 52 (Віцебскае губернскае аддзяленне Усерасійскага прафесійнага саюза рабочых металістаў) і 39 (Віцебскае губернскае аддзяленне Усерасійскага прафесійнага саюза рабочых і служачых гарбарнай вытворчасці). У дадзеных фондах можна знайсці пратаколы паседжанняў праўлення Віцебскага губернскага аддзялення УСРМ; пратаколы паседжанняў агульных сходаў служачых Віцебскага гарадскога вадаправода; праграму VII з'езда Усерасійскага саюза рабочых гарадоў; спісы рабочых і служачых Віцебскага вадаправода; заявы аб прыняцці ў члены прафсаюза металістаў; рознага кшталту анкетныя лісты; пратакол паседжанняў Паўночнай абласной нарады прафесійных саюзаў рабочых гарбарнай вытворчасці і матэрыялы да яго; заявы членаў прафсаюза аб паляпшэнні ўмоваў працы; пратаколы паседжанняў канфліктнай камісіі прафсаюза рабочых металістаў; пасведчанні членаў саюза металістаў; пратаколы сходаў рабочых ігольнай фабрыкі Левінсона і г.д.

Фінансавое становішча рабочых, якое і так было дужа складаным, надзвычай пагоршыла Першая сусветная вайна. Шмат прызыўнікоў, якія былі адзінымі кармільцамі ў сям'і, прасілі ў прафесійных саюзаў, каб тыя паклапаціліся пра іх старых бацькоў і малых дзяцей, якія былі пакінуты без сродкаў на існаванне. Нярэдкамі былі заявы ў праўленні прафесійных саюзаў наступнага зместу: “Аддаў на навучанне слесару механічнай працы свайго сына. Але з-за абвастрыўшайся дарагавізны не маю магчымасці яго ўтрымліваць за такую мізэрную плату. А таму прашу ўстанавіць для майго сына адпаведны заробак. Бо працу мой сын выконвае ўсялякую ад 8-мі гадзінаў раніцы да 8-мі гадзін вечара” [1, л.3].

Асабліваю цікавасць для вывучэння стану сельскай гаспадаркі на неакупаванай тэрыторыі ўяўляюць сабой наступныя фонды ДАВВ: 5 (Віцебскі губернска харчовы камітэт), 954 (Віцебскі павятовы харчовы камітэт) 14 (Зямельнае Упраўленне

выканаўчага камітэта Віцебскага губернскага савета рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў). Яны змяшчаюць у сабе цэлы шэраг каштоўных дакументаў, а менавіта: журналы нарад і цыркуляры міністэрства харчавання па пытаннях харчу; пастановы з'ездаў прадстаўнікоў губернскіх харчовых камітэтаў; загады міністра харчавання; журналы нарад загадчыкаў нарыхтоўкай сена ў паветах Віцебскай губерні; справы аб прыёме і здачы сена ў Віцебскім павеце; маршруты рэквізіцый буйной рагатай жывёлы па Віцебскаму павету для патрэбаў арміі; пастановы камітэта аб правядзенні закона аб хлебнай манаполіі, аб устанавленні цвёрдых коштаў на муку; справы аб наяўнасці сельскагаспадарчых прыладаў працы і машынаў на складах Віцебскага павятовага земства і г. д.

Нягледзячы на тое, што ад эфектыўнай працы сялян залежала забеспячэнне арміі харчам і фуражам, грошы на сельскую гаспадарку амаль не выдаткоўваліся. Не хапала фінансаў нават на выплату заробкаў для канцылярскіх служачых харчовых упраў: "...служачыя Суражскай харчовай управы трэці месяц не атрымоўваюць ніякай аплаты" [2, л.1]. Са Старасельскай валасной харчовай управы пісалі ў Віцебск: "вам не адаслалі спісы тых, хто валодае скацінай з-за таго, што ў нас ніхто не жадае працаваць бясплатна. Справаводца А. Жыро прапрацавала 2 месяцы і атрымала 100 рублёў, больш працаваць не стала. Затым іншага нанялі Я. Сініцына, і ён папрацаваў штосьці каля 3-ох тыдняў, і бачучы, што ніхто амаль нічога не атрымлівае - адмовіўся. А таксама члены ўправы не жадаюць выконваць свае службовыя абавязкі з-за неатрымання аклада. А таму просім Віцебскую павятовую харчовую ўправу паклапаціцца зараз жа даслаць Старасельскай харчовай управе грошаў для ўплаты жалавання служачым, і для найма справаводцы [3, л.21-21 аб.].

Дакументы, звязаныя з дзейнасцю работнікаў органаў аховы правапарадку, а таксама разгляд крымінальных і адміністрацыйных злачынстваў можна знайсці ў фондзе 234 (Народны суд Полацкага павета 2-га ўчастка) ЗДАгП і шматлікіх фондах ДАВВ: 1178 (народны суд Віцебскага павета 2-га ўчастка), 75 (народны суд Віцебскага павета 4-га ўчастка), 994 (Упраўленне Віцебскай гарадской рабоча-сялянскай міліцыі), 1640 (начальнікі раёнаў Віцебскай павятовай міліцыі), 520 (народны суд Віцебска 1-га ўчастка) і г. д. У дадзеных фондах ёсць спісы служачых міліцыі; дэкрэты Віцебскага губернскага савета сялянскіх, рабочых, салдацкіх і батрацкіх дэпутатаў аб хабарніцтве і судах; каштарыс выдаткаў на ўтрыманне Віцебскай гарадской савецкай міліцыі ў 1917 г.; мноства дакументаў, якія тычацца разгляду крымінальных справаў. На падставе дакументаў з 994 фонда добра бачна, як пасля ўвядзення "сухога закона", надзвычай абвастралася пытанне па барацьбе з самага наварэннем. Адпаведна ўзраслі і патрабаванні да супрацоўнікаў праваахоўных органаў. Цяпер ад іх патрабаваліся не толькі адмысловыя веды ў дадзенай галіне. Яны павінны былі ўмець : устанавіць прыроду і ўласцівасці затрымліваемых вадкасцяў, вымяраць колькасць і моцнасць напояў, даваць заключэнне аб прыдатнасці да патаемнага вінакурэння затрымліваемых прыстасаванняў і матэрыялаў, весці перагонку знойдзеных вадкасцяў, вызначаць від і гатунак тытунёвых вырабаў, каб устанавіць памер адказнасці [4, л.87].

Чыгунка ў гады Першай сусветнай вайны не проста мела выключнае значэнне, але і была "галоўным нервам, галоўнай сувяззю дзяржавы" [4, л.75]. Шмат матэрыялаў па яе функцыянаванні ў ваенны час знаходзіцца ў фондах 106 (станцыя "Віцебск" Арлоўска-Віцебскай чыгункі) і 573 (Віцебскае транспартнае спажывецкае таварыства) ДАВВ. У прыватнасці яны змяшчаюць пратаколы камісіі па раскватараванні чыгуначнікаў, якія пражывалі ў вагонах; прашэнні на імя начальніка станцыі "Віцебск" ад эвакуяваных з Рыгі; тэлеграфныя ліставанні з Упраўленнем дарогі аб хуткіх, пасажырскіх і змешаных цягніках і аб перавозцы пасажыраў; палажэнне начальніка дарогі аб тэхнічна-гаспадарчых камітэтах па Рыга-Арлоўскай чыгунцы; ліставанне з цэнтральным харчовым камітэтам Рыга-Арлоўскай чыгункі аб забеспячэнні супрацоўнікаў; загады начальніка ваенных зносінаў Заходняга фронту за 1917 г. па Рыга-Арлоўскай чыгунцы і г. д. Сапраўдным бічом для

работнікаў чыгункі быў пастаянны недахоп прадуктаў харчавання. Часам здаралася так, што з-за поўнай адсутнасці прадуктаў на бліжэйшых кірмашах прыходзілася іх прывозіць “...з такіх аддаленых мясцовасцяў, як Самарская, Тамбоўская і Палтаўская губерні і Данская вобласць, з-за чаго азначаныя прадукты знаходзіліся доўгі час у дарозе” [5, л. 29 аб.]. Калі ж прадукты ўсё ж прыходзілі на вузлавыя станцыі, то ўзніклі значныя праблемы па іх размеркаванні. Асабліва цяжкія пры гэтым падзенныя рабочыя. Ім належала атрымоўваць прадукты толькі на саміх сябе, а на жонак і дзяцей такія не выдаваліся: “Усім падзённым рабочым, хаця бы і сямейным, варта выдаваць прадукты як адзінокім” [6, л. 83]. Такая жорсткая мера была ўведзена ў сувязі з тым, што лічылася, быццам бы падзённым рабочым ў абсалютнай сваёй большасці пражывалі ў вёсках. А там яны мелі свой сялянскі надзел і апроч таго карысталіся правам атрымоўваць прадукты ад гарадскіх, сельскіх, альбо земскіх арганізацый. Зразумела, што гэта было не заўжды так. Толькі 1 траўня 1917 г. выйшла пастанова, згодна з якой “падзённым рабочым, які лічыў сябе на асобым становішчы, мог падаць хадайніцтва ў Камітэт з указаннем месца жыхарства сям’і і абавязкам прадаставіць пасведчанні аб неатрымманні прадуктаў у грамадскіх арганізацыях” [6, л. 59-59 аб.]. Вядома ж, што далёка не ўсе такія хадайніцтвы задавальняліся.

Для вывучэння пошты і тэлеграфа ў гады вайны даследчыку варта скарыстацца 263 (Полацкая паштова-тэлеграфная кантора) фундам ЗДАгП. Ён змяшчае ліставанне са Смаленскім паштова-тэлеграфным упраўленнем; ведамасці са справаздачамі аб прыбытках паштовых аддзяленняў за лістапад-снежань 1917 г.; ліставанне з паштовымі аддзяленнямі аб руху карэспандэнцыі; цыркуляры Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі Галоўнага ўпраўлення пошты і тэлеграфаў; тэлеграфы і распараджэнні начальніка Смаленскай паштова-тэлеграфнай акругі; цыркуляры Смаленскай паштова-тэлеграфнай акругі па фінансавых пытаннях і ведамасці на выдачу заробкаў служачым канторы і г. д. Нягледзячы на проста самаахвярную працу часткі паштова-тэлеграфных служачых, работа шэрагу паштовых аддзяленняў выклікала справядлівыя нараканні з боку насельніцтва. З розных гарадоў і вёсак, а таксама і розных часцей фронту паступалі скаргі на недастаткова ўважлівыя адносіны з боку паштова-тэлеграфных служачых да патрэбаў людзей, і ў прыватнасці на зусім не дапушчальную з’яву: знікненне газетаў, лістоў, тэлеграм і пасылак [8, арк. 280]. Само ж кіраўніцтва поштай лічыла, што “...дрэнны стан паштова-тэлеграфнай справы залежыць ад тэхнічнай адсталасці, атрыманай урадам рэвалюцыйнай Расіі ў спадчыну ад старой улады, ад недахопу штатаў, недахопу паштовых вагонаў, тэлеграфных апаратаў, паштова-тэлеграфных кантораў” [8, арк. 262].

Шмат карыснай інфармацыі з розных сфераў жыцця ў гады Першай сусветнай вайны можна знайсці ў 51 (Выканаўчы камітэт Полацкага павятовага Савета рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў) фондзе ЗДАгП. У прыватнасці там змяшчаюцца справы аб асігнаванні сродкаў на ўтрыманне настаўнікаў земскіх вучэльняў Полацкага павета; ведамасці на выдачу заробковай платы работнікам аддзелаў павятовага выканкама з 15 жніўня па 15 снежня 1918 г.; анкетныя лісты і рэгістрацыі замежных грамадзянаў і г. д.

Надзвычай інфарматыўным для вывучэння становішча на франтах у гады вайны з’яўляецца фонд 2289 (калекцыя перыядычнага друку, тэматычных падборак перыядычнага друку і неперыядычных выданняў за 1886 – 1991 гг.) ДАВВ. Ён змяшчае загады па Дзвінскай ваеннай акрузе на тэатры ваенных дзеянняў; загады галоўнакамандуючага арміямі Заходняга фронту за верасень – снежань 1917 г.; абвесткі па Дзвінскай ваеннай акрузе за 1916 г.; абавязковыя пастановы Галоўнакамандуючых Паўночнага і Заходняга фронтоў; загады арміям Паўночнага фронту за 1917 г.; загады Галоўнакамандуючага арміямі Заходняга фронту за 1917 г. і г. д.

Так з загада Галоўнакамандуючага арміямі Заходняга фронту ад 8-га верасня 1917 г. за № 911 можна даведацца, што “... увесь час не спыняюцца гвалтоўныя дзеянні

і самаўпраўства, скіраваныя да вырашэння самаўладным шляхам розных сельскагаспадарчых пытанняў. Дзеянні такога кшталту ў корані нішчаць сельскую гаспадарку краіны, пазбаўляюць насельніцтва Расійскай рэспублікі і нашу армію неабходных прадуктаў сельскай гаспадаркі і пагражаюць голадам” [7, арк. 43]. Але ж, нягледзячы на ўсведамленне ўсіх цяжкасцяў, якія зазнала на сабе мясцовае насельніцтва, у той жа самы дзень (8 верасня 1917 г.) выдаецца загад эксплуатацыйным камісіям. Згодна з ім, эксплуатацыйныя камісіі неадкладна павінны пачаць рэквізіцыі жывёлы ў вясковага насельніцтва ў 30-ці вярстовай прыфрантавай зоне. Па заканчэнні рэквізіцыі жывёлы ў той жа прыфрантавай паласе правесці рэквізіцыю бульбы і гародніны, а затым хлеба і фуража” [7, арк. 20 – 20 аб.].

Такім чынам, без дэталавага выкарыстання асобных фондаў ДАВВ і ЗДАгП, усялякае вывучэнне Першай сусветнай вайны на беларускіх землях будзе не поўным.

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей ДАВВ). Фонд 52. Воп. 1. Спр. 1.
2. ДАВВ. Ф. 954. Воп. 6. Спр. 3.
3. ДАВВ. Ф. 954. Воп. 6. Спр. 4.
4. ДАВВ. Ф. 994. Воп. 1. Спр. 1.
5. ДАВВ. Ф. 573. Воп. 3. Спр. 1.
6. ДАВВ. Ф. 106. Воп. 1. Спр. 4. Т. 1.
7. ДАВВ. Ф. 2289. Воп. 1. Спр. 22.
8. Занальны дзяржаўны архіў у горадзе Полацку. Ф. 263. В. 1. Спр. 1.

Рындін С.Н.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В 1914–1917 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА БЕЛАРУСИ

Пребывание иностранных военнопленных на белорусской земле и использование их труда в годы Первой мировой войны – один из недостаточно изученных аспектов отечественной истории. В 1914 г. российские военные власти исключали возможность постоянного содержания военнопленных на территории западных губерний в виду их прифронтового положения. В Беларуси создавались пересыльные пункты, куда направляли пленных солдат и офицеров для отправки вглубь России. Но в дальнейшем, в условиях дефицита на местном рынке рабочей силы сотни военнопленных стали работать в промышленности и сельском хозяйстве Беларуси. Их значение для белорусской экономики в период Первой мировой войны ещё не становилось предметом тщательного научного исследования.

В фондах Национального исторического архива Беларуси (НИАБ) хранятся документы, содержащие наиболее полные сведения об иностранных военнопленных на территории трёх белорусских губерний: Минской, Витебской и Могилёвской. Они подразделяются на законодательные и делопроизводственные документы.

Основным нормативным актом являлось Положение о военнопленных, обнародованное в «Собрании узаконений и распоряжений правительства» 16 октября 1914 г. Положение предусматривало привлечение военнопленных, за исключением офицеров, к казенным и общественным работам. Но при этом указывалось, что труд пленных не должен иметь отношения к войне и быть изнурительным. Какое-либо вознаграждение за этот труд не полагалось [4, с. 3813]. В следующем году в России началось широкое использование военнопленных как рабочей силы, для чего была подготовлена специальная нормативно-правовая база. 16 сентября 1914 г. Совет Министров утвердил «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств». Это был первый документ, подробно освещавший условия содержания, приёма и сдачи военнопленных работников [2, л. 4 – 4об]. Денежное поощрение за их труд было введено «Правилами

об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915 г. Владельцам предприятий разрешалось вознаграждать усердных рабочих суммами на улучшение довольствия, не превышавшими 20 копеек на одного человека за один день [3, л. 3]. Приём пленных на работу осуществлялся только с разрешения Военного министерства.

Самую многочисленную группу материалов по рассматриваемой теме составляют документы делопроизводства, к которым относятся отчеты, предназначенные для вышестоящих органов, инструкции, телеграммы, служебная переписка и т.д. Они представлены в фондах канцелярий минского губернатора (Ф. 295), старшего фабричного инспектора Минской губернии (Ф. 311), старшего фабричного инспектора Витебской губернии (Ф. 2592), витебского губернского по земским и городским делам присутствия (Ф. 2508), управления витебского уездного начальника (Ф. 2687), могилёвской городской управы (Ф. 2099). Источники данной группы содержат информацию о национальном составе, численности военнопленных и условиях их содержания.

В 1916 г. Министерство торговли и промышленности предписало своим подведомственным учреждениям, в частности фабричным инспекциям, составлять ежемесячные отчёты о распределении военнопленных по промышленным предприятиям. Эти материалы отложились в фондах минского губернатора и старшего фабричного инспектора Витебской губернии. Однако, после февраля 1917 г. данные отчеты стали поступать нерегулярно. В виду этого исследование численности военнопленных рабочих на территории Беларуси в рассматриваемый период затруднено отсутствием полных сведений. В фонде старшего фабричного инспектора хранятся инструкции по проведению запланированной в августе 1917 г. однодневной переписи всех военнопленных на территории России. Главное управление Генерального Штаба прислало в Витебскую губернию 1550 бланков для переписи [3, л. 116]. К сожалению, в архиве они отсутствуют.

Данные о национальном составе находившихся в плену воинов также фрагментарны. В отчётах о количестве военнопленных чаще указывалось их подданство, а не национальность. Поэтому не следует на основании этих документов полагать, что на предприятиях и в сельском хозяйстве Беларуси трудились коренные немцы и австрийцы. В фонде минского губернатора находится именной список 448 бывших военнослужащих австро-венгерской армии, привлечённых к сельскохозяйственным работам в Речицком уезде в мае, июне, июле 1917 г. У всех пленных были славянские имена [1, л. 202об – 219]. Местные власти и владельцы предприятий иногда сообщали в своих рапортах сведения о национальности военнопленных, называя закарпатских украинцев, поляков, чехов, словаков, болгар, румын. Все эти народы российское правительство рассматривало как дружественные.

Делопроизводственные материалы отображают и некоторые специфические черты трудового использования иностранных военнопленных на территории Беларуси. В фонде витебского губернского по земским и городским делам присутствия собрано значительное количество ходатайств земств, городов, частных лиц Витебской губернии командованию Двинского военного округа за 1914, 1915 и 1916 гг. Просители, ссылаясь на крайнюю нужду в рабочих руках, пытались добиться разрешения на предоставление им военнопленных для различных работ, но получали отказ. Близость фронта создавала некоторые ограничения для массового применения труда взятых в плен воинов. Местные военные власти считали неуместным присутствие в прифронтовых губерниях пленных военнослужащих армии противника. Впрочем, позиция военного руководства по этому вопросу не всегда была жесткой. Согласно ведомостям и счетам, хранящимся в фонде могилёвской городской управы, 30 июля 1915 года в распоряжение городских властей Могилёва прибыла трудовая партия германских пленных в количестве 69 человек, в основном, выходцев из Польши. Городской голова в своей записке могилёвскому уездному воинскому начальнику 21 февраля 1916 г. признавал не-

заменяемость этих людей в виду отсутствия в городе других свободных работников. Прибывшие поляки трудились на местных предприятиях, в ассенизационном обозе, на земляных и торфяных работах, а также на уборке снега. Вместе с тем, городской голова отмечал, что пленные в Могилёве обслуживают и военные нужды. Устройство и оборудование новой Ставки Верховного Главнокомандующего стало возможным благодаря их труду. 20 человек были заняты на местном кирпичном заводе, продукция которого поставлялась как гражданскому населению, так и армии. 8 человек работали на городской скотобойне, обеспечивавшей мясом и население, и войска гарнизона, и Ставку [2, л. 238 – 241].

Не предусматривавшееся Положением 1914 г., использование военнопленных в интересах обороны широко вошло в практику с 1915 г. Рабочие из числа германских, австрийских, изредка турецких пленных предоставлялись, прежде всего, тем предприятиям в Беларуси, которые работали на оборону. Об этом свидетельствуют ежемесячные рапорты уездных исправников и минского полицмейстера минскому губернатору о количестве военнопленных за 1916 – 1917 гг., сохранившиеся в фонде минского губернатора. В том же фонде можно увидеть итоговый отчёт минского губернатора в Министерство торговли и промышленности, согласно которому к февралю 1917 г. на промышленных и сельскохозяйственных работах оборонного значения в Минской губернии было занято 1775 человек [1, л. 11об]. Та же картина была характерна и для Витебской губернии. Оборонные предприятия каждый месяц посылали в канцелярию старшего фабричного инспектора Витебской губернии извещения об отчислении в особый фонд 1/3 из заработка военнопленных. В фонде старшего фабричного инспектора Витебской губернии хранятся извещения от 10 таких предприятий, среди которых льнопрядильная фабрика «Двина», сургучный завод братьев Позиных, чугунно-литейные заводы Гринберга, Шехтера и др.

Информация о реальных условиях содержания военнопленных, привлечённых к труду, ограничена. Наиболее подробные материалы по этому вопросу можно обнаружить в фонде могилёвской городской управы. Власти города в меру своих возможностей старались полностью обеспечить прибывших к ним пленных. В фонде управы хранятся сотни оплаченных городом счетов на приобретение всего необходимого: инструментов для работы, провианта, тёплой одежды. Устраивались банные дни, больных направляли в госпиталь. Поставщиками были местные предприниматели, для которых выполнение этих заказов являлось важным источником прибыли. Например, только за мытьё в трёх частных банях и стрижку с 30 июля 1915 г. по 1 апреля 1916 г. городская управа выплатила 1910 рублей 44 копейки [2, л. 104об].

Таким образом, источники в фондах НИАБ позволяют проследить применение на практике предписаний нормативных документов, а также увидеть и особенности трудового использования иностранных военнопленных на территории Беларуси в 1914–1917 гг. Однако, изучение этого вопроса затрудняется отсутствием в фондах архива полных статистических сведений, материалов личного происхождения, касающихся пребывания в Беларуси военнопленных Первой мировой войны.

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 9181. Сведения о числе военнопленных, находящихся в сельскохозяйственных и промышленных работах в Минской губернии за 1916–1917 гг.

2. НИАБ. – Фонд 2099. – Оп. 1. – Д. 361. Требовательные ведомости и счета на выдачу содержания для военнопленных за 1915 год.

3. НИАБ. – Фонд 2592. – Оп. 1. – Д. 331. Дело о порядке использования военнопленных на работах в частных промышленных предприятиях Витебской губернии.

4. Положение о военнопленных: положение Совета Министров от 7 окт. 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. – Петроград. – 1914. – № 281. – Ст. 2568.

Ключарева А.В.

ОТНОШЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ К СОБЫТИЯМ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ (на примере Тульской епархии)⁵

Одним из самых трагических событий в истории России является Первая мировая война 1914-1918 гг. Первая мировая война стала испытанием, в котором проверялась не только сила духа и патриотизма русского народа, не только уровень военной организации в стране, но, и умение высших руководителей страны организовать защиту государства, а также ее внутреннюю жизнь. Военные события оказали влияние на деятельность всех государственных институтов, общественных организаций, в том числе и на деятельность Русской Православной Церкви.

Долгие годы исследователи истории Первой мировой войны обходили стороной вопросы о роли РПЦ в Первой мировой войне, о степени участия священнослужителей в военных действиях, проблемах церковной жизни в 1914-1918гг. На современном этапе начали появляться исследования, рассматривающие отдельные аспекты деятельности церкви в военное время, в том числе работы, основанные на источниках местных архивов.

В данной статье мы хотели бы проанализировать источниковую базу, позволяющую исследовать положение одной из структурных единиц РПЦ - Тульской епархии в годы Первой мировой войны. Многофакторность социально-экономических отношений в Тульской губернии, близость к Москве позволяет провести плодотворный анализ проблемы влияния военных событий на развитие епархии и а то же время оценить роль Церкви в военных действиях.

Источники, позволяющие изучить положение Тульской епархии в годы Первой мировой войны, условно делятся на опубликованные и архивные, из которых многие впервые вводятся в научный оборот.

В группу опубликованных источников относятся нормативные документы, статистические материалы, периодическая печать. Список нормативных документов составляют государственные законы и законодательные акты [11], а также указы, определения и инструкции Святейшего Синода [8], [3], публиковавшиеся также на страницах официальной церковной печати [14], [13], [1]. Статистические материалы представлены опубликованными данными о деятельности Тульского городского комитета по призрению беженцев [9], данными о финансовых расходах Святейшего Синода в военное время [12].

Законодательные акты, регламентировавшие статус и устройство политических институтов самодержавия, основные законодательные акты, определявшие положение Русской Православной Церкви в годы войны представляют собой многоуровневую структуру. Это указы Его Императорского Величества, которые передавались на рассмотрение на заседания Святейшего Синода. Синод издавал свои собственные указы, приказы и распоряжения, которые затем следовали в епархии на места, местному правящему архиерею и в Духовную консисторию, после чего издавались приказы и распоряжения местного уровня. Распоряжения епархиального начальства и консистории направлялись благочинным, которые возглавляли благочиннические округа, они в свою очередь составляли распоряжения для своих подчиненных. Однако следует учитывать, что церковное законодательство не было полностью кодифицировано.

Полное Собрание Законов Российской Империи включало все разновидности законодательных актов дореволюционной России: манифесты, «учреждения», положения, уложения, уставы, рескрипты, «высочайше утвержденные» мнения Государственного совета, журналы Комитета и Совета министров, именные указы.

3-е издание ПСЗ выпускалось ежегодно до 1916 и охватывало период с 1 марта 1881 до конца 1913г., но в него не были включены акты церковного управления (пред-

⁵ Доклад выполнен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ РК «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее», проект № 11-11-71004а/Ц.

полагалось издание отдельного «Собрания узаконений» церковного ведомства, которое так и не было издано), поэтому в работе используются определения и указы Синода, опубликованные в официальных периодических изданиях «Церковных Ведомостях», «Церковном Вестнике», «Тульских Епархиальных Ведомостях» и дублировавшиеся в указах Тульской Духовной Консистории.

Большую ценность из группы законодательных актов представляют собой указы Святейшего Синода, рассылавшиеся в епархиальные правления, в том числе и в Тульскую Духовную консисторию. В фонде ТДК Государственного архива Тульской области имеются материалы, позволяющие проанализировать некоторые аспекты политики высшего церковного руководства, адресованной РПЦ. Можно охарактеризовать некоторые из них в качестве иллюстрации.

20 июля 1914г. вышел Высочайший манифест о войне с Германией, опубликованный в официальных периодических изданиях страны [14, с.348]. В тот же день Святейший Синод вынес определение №6503 об организации во всех православных приходах помощи семьям лиц, находящихся в войсках. Согласно данному определению в каждом приходе немедленно образовывались особые попечительные советы о семьях лиц, находящихся в войсках [14, С.349]. Именно этот документ стал основополагающим руководством к действию для церковнослужителей на всех уровнях – от сельского прихода до столичного кафедрального собора.

Уже в конце 1914 – начале 1915 года по указу Его Императорского Величества вышел указ Синода о призрении выздоравливающих и увечных воинов и детей лиц, павших в бою: «Настоящая великая война... обязывает и всех, остающихся в местах своего жительства, нести все свои силы и средства на алтарь Отечества. Многие из раненых и больных воинов, по выходу из госпиталей, нуждаются в спокойном отдыхе для восстановления здоровья и сил. Получившим увечья необходимо призрение до времени, когда будут изысканы для них новые способы дальнейшего обеспечения в жизни. Дети павших в бою требуют приюта. Святейший Синод обращается ко всем православным людям Российской Империи, православным обителям и всем церковным установлениям с новым призывом – откликнуться своим содействием и к удовлетворению указанных новых потребностей, вызванных настоящим временем войны» [5]. Примечательно, что данный указ является, по сути, обращением ко всем гражданам, неравнодушным к происходящим событиям.

Данный документ довольно точно определил проблемы, с которыми пришлось столкнуться государству уже через несколько месяцев после начала военных действий. Это нехватка госпиталей и лазаретов для раненых, вопрос о содержании увечных воинов, которые получили травмы, не позволяющие вернуться в воинский строй, об их дальнейшем содержании должны были позаботиться государство и Церковь. Еще один важный вопрос – это содержание детей воинов, погибших в бою.

Для его решения необходимо было изучить в целом состояние дела призрения сирот в стране. Выяснить это было возможно, проанализировав еще одну группу документов. Это многочисленные отчеты, входящие в группу статистических документов. Ежемесячные отчеты поступали из каждого прихода епархии к благочинному округа, благочинный формировал отчет епархиальному начальству, затем годовой или кварталный отчет о состоянии епархии за год подавал Преосвященный архиерей в Святейший Синод. Для нас большую ценность имеют отчеты о состоянии Тульской епархии за предвоенный период и 1914-1917 гг., нередко отчеты публиковались в Тульских Епархиальных Ведомостях, а также в Церковных Ведомостях. Например, в Прибавлениях к Церковным Ведомостям №12-13 за 1915 год опубликован отчет о деятельности в деле оказания помощи больным и раненым на войне воинам Тульской Епархии [10, С.422-423].

В целом в России накануне Первой мировой войны существовало довольно много приютов при монастырях, церквях, богадельнях, частных приютов, однако, в большинстве своем они были рассчитаны на небольшое количество детей. Поэтому резко увеличившее-

ся число сирот поставило в тупик руководство многих уже имевшихся учреждений по признанию сирот, которые были не в состоянии принять необходимое количество детей.

Указ Синода о признании выздоравливающих и увечных воинов и детей лиц, павших в бою, был разослан настоятелям всех 9 монастырей Тульской епархии, которые в свою очередь отправили в ТДК рапорты с ответными предложениями. В итоге монастыри Тульской епархии могли принять в 1915 г. на лечение и содержание 22 выздоравливающих воина и в приюты до 40 детей.

Параллельно с церковным руководством действовали и государственные организации местного уровня, отчеты о деятельности которых также являются для нас ценным источником, позволяющим проанализировать, насколько быстро и эффективно реагировали на распоряжения высшего церковного руководства местные духовные учреждения. Так, уже осенью 1914 года последовало обращение Тульского Губернского Попечительного о раненых и больных воинах Комитета, созданного на основании еще одного интересного и ценного в качестве исторического источника документа, Высочайше утвержденного 5 августа 1914 года временного положения об эвакуированных раненых и больных (ст.57, 58, 59) [5]. В данном документе мы видим обращение председателя и членов комитета к частным лицам, общественным организациям, земским учреждениям, а также к Тульскому Преосвященному Архиепископу Парфению с просьбой, поручить настоятелям монастырей открыть временные богадельни, а также устроить в городе Туле богадельню для увечных воинов и организовать сбор пожертвований.

Из числа законодательных актов интерес представляют также указ Святейшего Синода об оказании помощи беженцам и эвакуированным, указ Синода о сборке сведений для расследования нарушений обычаев ведения войны, указ Синода о призвании священников в действующую армию, указ Синода об использовании на нужды войны старой мелкой монеты, находящейся в церквях.

Вторую группу источников составляют неопубликованные материалы делопроизводственного и статистического характера, хранящиеся в разных фондах ГАТО. Это, прежде всего, документы фонда Тульской Духовной Консистории (ф.3), а также документация из фондов Канцелярии Тульского губернатора (ф.90), Тульского губернского правления (ф.51), начальника Тульского гарнизона (ф.1159), Тульского местного военного лазарета (ф.210), Тульского окружного эвакуационного пункта (ф.1130), Слабосильных команд (ф.1133), Попечительства по признанию семейств нижних воинских чинов, призванных на действующую военную службу (ф.ф.444, 481, 772), Комитета по оказанию помощи беженцам (ф.1714, ф.157).

Большой интерес представляют неопубликованные мемуары, дневники и частная переписка духовных лиц, чиновников Синода, государственных и общественных деятелей России. Эта группа обширна и значительно дополняет материалы делопроизводства синодального присутствия. Главная роль здесь отводится свидетельствам лиц, имевших непосредственное отношение к церковному управлению на разных его уровнях. Особенно велика их значимость для характеристики участия высшего и приходского духовенства в событиях Первой мировой войны. Большой фактический материал о жизни провинциального приходского духовенства, внутренних проблемах духовных учебных заведений в предреволюционный период, нравственном состоянии духовных лиц извлечен из воспоминаний митрополита Евлогия Георгиевского [6], а также митрополита Вениамина (Федченкова) [7]. Ценнейшим источником по истории Церкви, приходского духовенства и внутренней политики России в 1914-1918 гг. являются воспоминания протопресвитера Г. Шавельского [15].

В работе также используются воспоминания и дневники государственных и общественных деятелей России – С.Ю. Витте [2], П.А. Валуева, представителя РПЦ в Константинополе Б.Мансурова [4]. Они существенно дополняют картину внутривластительственной полемики в сфере церковных дел в первые два десятилетия XX века.

Третью группу источников составляют материалы периодической печати, церковная и светская публицистика. Они свидетельствуют о всеобщем патриотическом подъеме общества в начале войны, содержат конкретные примеры героических подвигов русских воинов, а также священнослужителей на полях боев. Такие материалы содержатся в следующих периодических изданиях: журналах «Богословский Вестник», «Православное обозрение», «Церковный Вестник», «Церковные Ведомости». «Христианское чтение», «Православно-русское слово», «Русский Вестник», «Русский труд»; газет «Колокол», «Московские Ведомости», «Новое время», «Русское слово», «Слово».

Важнейшим источником для реконструкции приходской жизни в Тульской епархии являются «Тульские Епархиальные Ведомости», на страницах которых публиковались официальные материалы, то есть Высочайшие указы, определения и постановления Святейшего Синода, распоряжения епархиального архиерея, постановления Тульской Духовной Консистории. В неофициальной части редакция Ведомостей не заключала себя в слишком строгие рамки и занималась разработкой вопросов духовно-пастырской, церковно-народной, исторической и современно-бытовой жизни епархии, что определяет очень высокую значимость «Тульских Епархиальных Ведомостей» как исторического источника. Важно обратить внимание на отдел, который почти не встречался в Ведомостях других епархий – это отдел, называвшийся беллетристическим, состоявший преимущественно из рассказов о быте духовенства и простого народа.

Комплексное использование архивных и опубликованных источников позволяет получить достаточно репрезентативную историческую информацию о положении Тульской епархии в годы Первой мировой войны, степени ее участия в общероссийском патриотическом движении и роли в деле поддержки нуждающихся в военное время в поддержке групп населения.

1. Вестник военного и морского духовенства.
2. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х тт. – М., 1960.
3. Высочайше утвержденная в 13-й день сентября 1916 г. инструкция викарным епископам с особыми полномочиями. Пг, 1916.
4. ГА РФ. Ф.990. Оп.2. Д.475. Мансуров Борис Павлович. Заметки Мансурова Б.П. о православной церкви.
5. ГАТО. Ф.3.Оп. 8. Д.2273. Л.1, л.18.
6. Евлогий (Георгиевский) митр. Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. М. Манухиной. М., 1994.
7. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох М, 1994.
8. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 г. Пг, 1917.;
9. Отчет о деятельности Тульского городского комитета по призрению беженцев. Тула, 1916.
10. Прибавления к Церковным Ведомостям. 1915. №12-13. С.422-423.
11. Свод законов Российской Империи. Т.10-15. Пг, 1916.
12. Смета доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1914 г. Пг, Синод, 1913-1916; Смета доходов и расходов ведомства Святейшего Синода на 1917 г. Пг, 1916.
13. Тульские Епархиальные Ведомости.
14. Церковные Ведомости. 1914. №30. С.348- 349.
15. Шавельский Г., протопресвитер. ГА РФ. Ф.1486. Оп.1. Ед.хр.13. ГА РФ. Ф. 1486. Оп.1. Д.9.

Елисеев А.Б.

СЛУХИ И СПЛЕТНИ ОБ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПАДЕНИЯ МОНАРХИИ В РОССИИ

По убеждению жандармского генерала А.И. Спиридовича, многие годы отвечавшего за личную безопасность императора Николая II и его семьи вне дворцовых стен, слухи и сплетни явились тем фактором, который подготовил необходимую для революции атмосферу [13, с. 123]. За месяц до Февральской революции, 28 января 1917 г., охранное отделение при управлении Петроградского градоначальника констатировало, что столичная публика «продолжает жить в области слухов», что «слухи растут с

каждым днем» и что «всякий, кому не лень, распространяет слухи о войне, мире, германских интригах и пр., – не видно конца даже всем этим слухам, которыми живет изо дня в день столица» [1, с. 125-126]. Современник зафиксировал, что в 1916 г. «всякие слухи и пересуды достигли своего апогея» [14, с. 91]. «Я теперь понимаю, – признавалась одна дама после революции в разговоре с дочерью врача императорской семьи, – что мы своими неумеренными разговорами оказали неоцененную услугу революционерам... Если бы мы раньше это поняли или имели достаточно уважения к царской семье, чтобы удерживать свои языки от сплетен, не имевших даже основания, то революционерам было бы гораздо труднее подготовить свое страшное дело» [3, с. 37].

Чтобы «оценить» услугу, которую оказали слухи и сплетни в деле разрушения трехсотлетнего господства династии Романовых и падения Российской империи, обратимся к содержанию этих слухов и сплетен. Толки об императорской семье и людях, окружавших ее, возникли уже в первые месяцы мировой войны. 11 ноября 1914 г. французский посол в России М. Палеолог зафиксировал в своем дневнике явление, которое больше всего поразило его за десять месяцев знакомства с русским обществом – это та свобода и даже излишняя вольность, с которой обсуждались император, императрица и императорская семья. «В этой стране, – писал французский дипломат, – где так сильны традиции самодержавия, где полиция, жандармы, “Охранка”, Петропавловская крепость и Сибирь – постоянно существующие грозные реалии, такое преступление как “оскорбление его величества” является привычным проступком в светских беседах» [8, с. 161-162].

В центре слухов и сплетен была поставлена, благодаря своему немецкому происхождению, императрица Александра Федоровна. «Она, бедная, являлась козлом отпущения за все, за все», – сожалел Спиридович [12, с. 150]. Молва окрестила ее «немкой» и поставила во главе так называемой «немецкой партии», лоббирующей заключение сепаратного мира с Германией (впрочем, в зависимости от конъюнктуры, императрицу именовали и «англичанкой» [13, с. 72]). Распространялся слух, что императрица «по прямому проводу» сносится с Вильгельмом II и выдает ему государственные тайны [16, с. 152]. От сестры милосердия генерал В.И. Селивачев слышал, будто «из царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговоров с Берлином, по которому Вильгельм узнавал буквально все наши тайны». «Страшно подумать о том, – искренне недоумевал генерал, – что это может быть правда – ведь какими жертвами платил народ за подобное предательство?!» [2, с. 110-111]. После Февральской революции член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц В.М. Руднев специально обследовал комнаты императорской семьи с целью найти этот «прямой провод в Берлин» и не обнаружил такового [10, с. 294].

Отступление русской армии в Галиции летом-осенью 1915 г. подняло новую волну слухов и сплетен. В июне по Москве прокатился немецкий погром. «В течение последних нескольких дней Москва волновалась, – писал 11 июня 1915 г. М. Палеолог. – Слухи об измене ходили в народе; обвиняли громко императора, императрицу, Распутина и всех важных придворных» [8, с. 308]. Погромщики устремились и в Марфо-Мариинский монастырь, игуменьей которого была сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна – в Москве были убеждены, что она немецкая шпионка и скрывает в монастыре своего брата великого герцога Гессенского [8, с. 308-309; 12, с. 152].

Вместе с императрицей Александрой Федоровной объектом всевозможных слухов стал Г.Е. Распутин, которому также приписывали шпионаж и участие в «немецкой партии». Ходили слухи о том, что он пытается убедить императрицу сместить Николая II и провозгласить себя регентшей [4, с. 148]. По другой версии, это стремление приписывали влиянию премьера Б.В. Штюрмера. Слух о том, что императрица «хочет быть регентшей» приписывался либо прямо ему, либо его близкому окружению [13, с. 106-107, 169-170]. Само имя Штюрмера было синонимом «германофильства» [13, с. 170].

«Подобно лесному пожару», по словам А.Ф. Керенского, распространялись слухи о пребывании Распутина во дворце [4, с. 150]. Говорили о его интимных отношениях с императрицей и великими княжнами [13, с. 163]. В частности, сплетничали, что Распутин «кушает великих княжон» [15, с. 150], что великая княжна Татьяна «жила с Распутиным и забеременела от него» [2, с. 116]. О своих отношениях с великой княжной Ольгой сам Распутин якобы говорил министру внутренних дел А.Н. Хвостову: «Мать мне надоела: я с дочкой, Ольгой» [7, с. 39].

Помимо императрицы и Распутина «немцами», «сторонниками сепаратного мира», «членами немецкой партии» и «шпионами» называли всех лиц, близких ко двору императора: министра двора графа В.Б. Фредерикса, графа П.К. Бенкендорфа, генерал-майора А.А. Дрентельна, главного конюшего двора генерала фон Грюнвальда, А.А. Вырубову и др. Наконец, «немцем» окрестили и самого Николая II. Один поручик спросил у другого: «О каком Николае ты говоришь?» и услышал в ответ: «Конечно, о великом князе! Тот другой – просто немец!» [8, с. 292]. Замена великого князя Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего Николаем II была расценена как победа «немецкой партии»: «Пошел слух, что Великого Князя свалила “немецкая партия”, что теперь скоро заключат сепаратный мир с немцами» [12, с. 197].

Самого Николая II слухи превратили в пьяницу [5, с. 17-18]. Будто бы спаивала его Александра Федоровна. Одна дама восторженно говорила: «Сегодня мы распускаем слухи на заводах, как императрица спаивает Государя, и все этому верят» [15, с. 161]. Даже отречение Николай II подписывал, будто бы будучи пьяным, о чем передавали, по воспоминаниям современницы, «с особым удовольствием» [3, с. 54]. Другой слух шел о том, что императрица с целью подчинения государя опаивает его каким-то дурманом, который «расслабляет ум и волю Государя» [13, с. 163].

Слухи о «немецком засилье» проникли на фронт. В одном из солдатских писем читаем: «если бы в России начальники были все русские, давно бы врага разбили...» [11, с. 133], в другом еще лаконичнее: «командиры почти все из немцев» [11, с. 139]. Об отношении солдат к императрице говорит следующее свидетельство: «Солдаты на фронте считали дурной приметой получать из рук царицы георгиевский крестик – убьёт немецкая пуля...» [16, с. 152].

Подозрение о проникновении шпионов и изменников в Царское Село было настолько велико, что, «снедаемый сомнениями» морской министр адмирал И.К. Григорович решил проверить эти слухи и на запрос из Царского Села о точной дате осуществления определенной военно-морской операции, передал туда ложную информацию о приказе к отплытию отряда русских крейсеров. «И со всей точностью, именно в тот час и в том месте, когда и где, согласно переданной информации, должны были появиться русские крейсера, оказалась немецкая эскадра кораблей», – свидетельствовал А.Ф. Керенский [4, с. 148].

В феврале 1916 г. московское охранное отделение в сводке о «настроении общества» констатировало, что «сейчас грязные сплетни о царской семье стали достоянием широкой улицы» [1, с. 77]. Полиция отмечала чувство «крайнего неуважения к особе государыни императрицы Александры Федоровны», «чувство озлобления в отношении ее, как к “немке”», а также острое и глубокое раздражение «против особы государя императора» [1, с. 78, 77].

Озлобление против императорской семьи овладело не только улицей. Профессор Московской духовной академии А.Д. Беляев свои впечатления о событиях зафиксировал в дневнике так: «Вот она, германка-то, что натворила! Кликуша немецкая!» [9, с. 15]. 23 марта 1917 г. он вновь вернулся к этому вопросу. Вот его размышления: «Тысячи революционеров не уронили так самодержавия, монархию, трон и династию Романовых, как эта германка с своим гнусным Распутиным, с своим германизмом, с своею сумасшедшею хлыстовщиной, с своей отчужденностью даже от всех членов царского дома и чуть ли не с манией величия. А царь повредил себе и монархии безволием,ленью, беспечностью, пристрастием к вину (по-видимому), тугоумным подчинением сво-

ей обер-кликуше... Жалкие люди и жалкая теперь, да и прежде, семья, несчастная семья! Нравственно и культурно обе главы семьи упали еще раньше переворота и окончательного падения» [9, с. 29].

Нельзя не заметить, что отмеченное А.Д. Беляевым нравственное и культурное падение «обоих глав» августейшей семьи Романовых – не что иное, как результат действия слухов и сплетен, которым верил даже профессор.

В октябре 1916 г. Петроградское охранное отделение фиксирует нарастание тревожных ожиданий. В различных комитетах и организациях, «близко соприкасающихся с обывателем» «все без исключения выражают определенную уверенность в том, что “мы накануне крупных событий”, в сравнении с коими “1905 год – игрушка”» [1, с. 129]. А еще через четыре месяца – в январе 1917 г. – прямо пишет, что «слухи о “ближайших событиях” создали ту почву, на которой теперь наблюдается странное ожидание обществом “событий первой важности”, приуроченных то к 9-му января, то к 12-му, то к 24-му, то к 1 февраля, 8, 14 и т.д. Слухи заполнили собою обывательскую жизнь: им верят больше, чем газетам, которые “по цензурным условиям не могут открыть всей правды”» [1, с. 125].

Неудивительно, что выплеснувшись в 20-х числах февраля 1917 г. на улицы Петрограда с криками «Хлеба!», толпа очень быстро добавила к ним требование: «Долой правительство, долой Алису!» [3, с. 46]. Еще спустя недолгое время углубление революции дошло до вопля: «Товарищи! Говорят, революция продолжается, а где же зарево пожаров, где же кровь?» [6, с. 81].

В предреволюционные годы слухи и сплетни об императоре, его семье и приближенных достигли массовых масштабов, став предвестником радикального слома старого общества и перехода его в новое состояние. Мало кого интересовало, отражали ли они реальное и хотя бы искаженное положение дел или были плодом чистого вымысла. Слухи и сплетни формировали и передавали общественное мнение и настроение. Именно поэтому историку не следует игнорировать этот весьма специфический исторический источник.

1. Буржуазия накануне Февральской революции. – М.; Л.: Государственное издательство, 1927. – 204 с.
2. Из дневника ген. В.И. Селивачева // Красный архив. – 1925. – Т. 2 (9). – С. 104-132.
3. Мельник-Боткина, Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни / Т. Мельник-Боткина. – М.: «Захаров», 2009. – 144 с.
4. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары / А.Ф. Керенский. – М.: ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1996. – 512 с.
5. Курлов, П.Г. Гибель Императорской России / П.Г. Курлов. – М.: Современник, 1991. – 255 с.
6. «Один из возмутительнейших эпизодов нашей революции». Записки комиссара Временного правительства В.Н. Пепеляева о событиях в Кронштадте в марте–июне 1917 г. // Исторический архив. – 2007. – № 4. – С. 70-110.
7. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. – Л.: Государственное издательство, 1924. – Т. 1. – 432 с.
8. Палеолог, М. Дневник посла / М. Палеолог. – М.: Захаров, 2003. – 830 с.
9. «Печально что-то и страшно». Впечатления и размышления профессора Московской духовной академии А.Д. Беляева. Январь–март 1917 г. // Исторический архив. – 2007. – № 5. – С. 3-38.
10. Руднев, В. Правда о царской семье и «темных силах» / В. Руднев // Святой чёрт: Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. – М.: Книжная палата, 1991. – С. 281-295.
11. Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) // Красный архив. – 1934. – Тт. 4-5 (65-66). – С. 118-163.
12. Спиридович, А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 г.г. / А.И. Спиридович. – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960. – 304 с.
13. Спиридович, А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 г.г. / А.И. Спиридович. – Нью-Йорк: Всеславянское Издательство, 1960. – Кн. II. – 234 с.
14. «Судьбы Родины казались в каком-то тумане». Воспоминания В.С. Арсеньева. 1917 г. // Исторический архив. – 1994. – № 2. – С. 89-110.

15. Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. – М.: Советский писатель, 1990. – 299 с.
16. Шаляпин, Ф.И. Маска и душа. Мои сорок лет на театрах / Ф.И. Шаляпин. – М.: В/О «Союзтеатр», 1989. – 318 с.

Назарова Е.Л.
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛАТЫШЕЙ ПО МАТЕРИАЛАМ
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА МОСКВЫ

С конца 80-х гг. XX века историки бывшего СССР, а затем и постсоветского пространства начали уделять существенно больше внимания истории народов в диаспоре, в первую очередь, в других регионах Российской империи/СССР за пределами их этнических территорий. Это очень важно, поскольку миграция народов по экономическим, политическим и прочим причинам была со второй половины XIX века весьма значительной. В этой связи историки активно обращаются к материалам российских архивов, содержащих разнообразную информацию о народах империи.

Обратимся к возможностям изучения истории латышей по архивным источникам современной России. В сферу внимания исследователей уже попали центральные государственные архивы, а также областные хранилища Поволжья, Урала и Приуралья, Сибири, где в разное время - добровольно или вынужденно - селилось большое количество латышей. Первые результаты исследований архивов уже опубликованы в печати [См. 1-9 и др.]. В настоящем докладе подведем первые итоги изучения истории латышей по материалам Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ).

Ориентироваться в более, чем 2 тыс. фондах архива помогло предварительное выявление латышей по адресным книгам г. Москвы и выявление там по фамилиям и именам лиц латышского происхождения. Кроме того, по публикациям и исследованиям о лидерах латышского национального возрождения, определяется круг лиц, которые длительное время трудились (в основном преподавателями) или учились в Москве: К.Валдемарсе, К.Баронсе, Фр. Бривземниксе, Е.Велме и др. В связи с этим в первую очередь вызвали интерес фонды образовательных учреждений Москвы: вузов и средних учебных заведений, а также общий фонд Московского учебного округа[3].

Выявление латышей по русским источникам связано со сложностью идентификации их по фамилиям, которые в России чаще всего получали более привычную для русского языка огласовку, не всегда позволяющую определить этническое происхождение конкретного человека. Христианские личные имена также могли передаваться в русском варианте (*Иван* вместо *Яниса*, *Петр* вместо *Петериса* и т.д.). У значительной части латышей были немецкие фамилии, соответственно определить национальность носителей этих фамилий без дополнительной информации о них не представляется возможным. В первую очередь, ориентиром служит смысловое значение фамилии, хотя нередко при ее русификация могла меняться и корневая часть слова, или же фамилия по виду становилась идентична обычной русской. Так *Латин* мог быть как русским, так и латышом по фамилии *Латиньш*, *Силин* – *Сильньшем*, *Летин* - *Льетиньшем* и т.п. Прямое указание на национальность человека встречалось достаточно редко. Четким показателем может быть территориальное и социальное происхождение: из крестьян Лифляндской или Курляндской губернии. Таким образом, при выявлении лиц латышской национальности в российских архивах приходится учитывать комплекс самых разных признаков.

Тем не менее, даже простой просмотр описей по названным фондам показывает, что число лиц, которые могут представлять интерес для темы «Латыши в Москве» с середины XIX в. до 1917 г. насчитывает не одну сотню. Среди них - преподаватели высших учебных заведений, средних учебных заведений разного типа, студенты, вольнослушатели и учащиеся классических гимназий (государственных и частных) реальных, коммерческих и профессиональных училищ.

Естественно, что предполагаемый объем материала для изучения потребует многих лет постоянной работы и, желательно, работы нескольких исследователей. В настоящее время практически полностью изучены личные дела преподавателей московских гимназий (правда, архивы не всех гимназий сохранились), реальных, двух крупнейших коммерческих и земледельческого училищ. В результате найдены новые свидетельства о жизни и работе не только уже известных деятелей латышского национального движения, ученых, общественных и политических деятелей будущей Латвийской республики (К.Баронса, Фр. Бривземниекса, Е.Велме, Фр.Балодиса, А.Спекке, Э.Лейниекса, др.), но и тех, о которых ранее вообще ничего не было известно. Как правило, учителя преподавали одновременно в нескольких учебных заведениях, а за все годы своей работы – не только в Москве, но и в других городах России. Таким образом, создается достаточно полная и впечатляющая картина преподавательской деятельности этнических латышей в Центральной России, их профессиональной оценки (включая продвижения по карьерной лестнице – по Табели о рангах, получение государственных наград и т.п.), их отношения с коллегами, участия в общественной жизни учебного заведения (руководство ссудными кассами, др.) и города (исполнение обязанностей присяжных заседателей, др.), их материального положения. Чрезвычайно интересна встречающаяся информация о жизни этих педагогов до приезда в Москву, а также о контактах их с родственниками в Латвии). Остаются пока не изученными личные дела учащихся этих заведений, среди которых также, судя по фамилиям, были дети из латышских семей. Поскольку в личных делах обычно содержались разнообразные сведения о семьях учеников (социальное происхождение, занятия родителей, материальное положение, состав семей и др.) надо надеяться, что эти документы расширят наше представление о латышах в разных группах населения Москвы.

Не менее информативны документы о латышах в высших учебных заведениях. Чрезвычайно интересен и содержателен в этом плане фонд Московского Археологического института (существовал с 1907 до 1924 г.), ранее практически не изученного историками. По фамилиям в описи можно говорить примерно о 50 слушателях и вольнослушателях латышского происхождения. Среди них – имена таких латышских ученых как археолог Фр.Балодис (позже читал в МАИ курс египтологии) и историк Б.Брежго, Сведения о них из фонда МАИ (личных дел и отчетов о заседаниях Ученого Совета) ранее не были известны ни в России, ни в Латвии и существенно дополняют научные и жизненные характеристики этих выдающихся представителей латышской интеллигенции. Изучение личных дел других латышей - слушателей МАИ, надо полагать, во многом пополнит наши знания об их жизни в Москве и Витебске (где был филиале института) и конкретных сферах интереса в археологии и истории.

Необычайно ценным в научном плане представляется фонд Московского университета. Изучение этого фонда применительно к истории латышей в России находится пока лишь на начальной стадии. Просматривались отчеты Ученых Советов Историко-филологического факультета, в которых должны были быть сведения об известных деятелях – Е.Велме и Фр.Балодисе. Особый интерес представляют известия о языкеводе и публицисте Е.Велме – начиная с его участия в конкурсе на замещение вакансии на должность лектора немецкого языка в 1883 г. и вплоть до драматических событий, связанных с окончанием его 25-летней службы в университете. Значительно расширилась картина научной деятельности в университете Фр.Балодиса, связанной с началом российской египтологии. Одновременно в исследуемых документах была найдена информация и о других латышах, в разные годы учившихся или преподававших на этом факультете.

Не меньший результат обещают материалы юридического и математического факультетов, а также медицинского факультета (латыши не только значатся среди его студентов, но также среди сотрудников как самого факультета, так и факультетских клиник).

Еще одно учебное заведение, в котором, судя по описям, училось много латышей – Московское высшее техническое училище. Пока изучено дело лишь студента –

Анатолия Безбардиса, внука одного из первых латышских ученых и общественных деятелей Кр.Биезбардиса. Найдены сведения о потомках Кр. Биезбардиса, живших с 70-х гг. XIX в. в Москве и появилась возможность восстановить историю последних трех лет жизни этого великого латыша, умершего в Москве в 1886 г.

Кроме фондов учебных заведений для истории латышей в России, важны фонды Московского почтамта и телеграфа, а также фонд Московской лютеранской общины.

Таким образом, даже столь незначительное обследование материалов ЦИАМ показывает его огромную значимость и перспективность для изучения истории российских латышей, характеризует их вклад в развитие Российского государства, а также дает представление о социальных изменениях в самом латышском обществе, без чего не могло осуществиться создание латвийской государственности после распада Российской империи.

1. Екабсонс Э. Офицеры-латыши в российской армии. 2-я пол. 19 в. -1907 г.// Интеллигенция в многонациональной империи: латыши, русские, немцы. XIX – начало XX вв. М., Институт всеобщей истории РАН. М., 2009. С. 67-127.
2. Кикутс Т. Основные тенденции в истории создания и развития латышских колоний в Уфимской губернии// В.6: Диалог между историками разных стран и поколений. М., «Весь мир». 2011. С. 27-44.
3. Назарова Е.Л. Латышские педагоги в России//Интеллигенция в многонациональной империи: латыши, русские, немцы. XIX – начало XX вв. М., Институт всеобщей истории РАН. М., 2009. С. 128-220.
4. Нам И.В. Латышские организации в Сибири в условиях революции и гражданской войны (1917-1919 гг.)// Россия и Балтия. В.5: Войны, революции и общество. М., Наука. 2008. С. 81-112.
5. Ренев Е.Г. Латышская тема в Ижевском рабочем восстании 1918 года// Россия и Балтия. В.6: Диалог между историками разных стран и поколений. М., «Весь мир». 2011. С. 47-73
6. Чапенко А. А. Характеристика высшего командного состава Латвийской Народной армии по материалам Российского Государственного военного архива// Россия и Балтия. В.5: Войны, революции и общество. М., Наука. 2010. С. 264-280
7. Ылда V., Бартеле Т. Latviešu bēgļi Krievijā 1915-1922. Daugavpils universitātes apgāds "Saule". 2007.
8. Ылда V., Бартеле Т. Latvieši Maskavā. 1915-1922. DPU izdevniecība "Saule". 2001.
9. Ылда V. Latvieši Maskavā. 1923-1938. Daugavpils universitātes apgāds "Saule". 2010.

Акульшин П.В., Соколов А.С.

ВОСПОМИНАНИЯ С.Д. ЯХОНТОВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В фондах Государственного архива Рязанской области находятся воспоминания Степана Дмитриевича Яхонтова (1853–1942), созданные в 1932–1941 гг. на основе частично сохранившихся дневников, которые их автор вел с 1884 г. вплоть до декабря 1941 г. Доступ к полному тексту воспоминаний С.Д. Яхонтова долгое время был невозможен, поскольку его часть, относящаяся к советскому периоду, находилась на «специальном хранении». Отмена прежних ограничений позволило начать изучение этого мемуарного памятника и подготовку его к публикации.

Автограф воспоминания представляют собой 15 рукописных книг общим объемом более 2000 листов архивного хранения, написанных с соблюдением правил орфографии и грамматики, существующей до 1918 г. В текст автор вносил позднейшие вставки, исправления и дополнения. При работе над воспоминаниями С.Д. Яхонтов придерживался хронологически-тематического принципа. Все рукописи снабжены подробным оглавлением. Характерной особенностью воспоминаний является использование в качестве наглядного материала подлинных документов, которые подтверждают приводимые факты (вырезки из газет, программы и пригласительные билеты, письма и тому подобное.). Воспоминания С.Д. Яхонтова, которые охватывают обширный период с 1860-х гг. по 1938 г., являются уникальным источником по российской истории. Они отличаются необычайной тематической широтой и фактической достоверностью. Это объясняется особенностями личности автора – С.Д. Яхонтова, педагога и краеведа, большая часть жизни которого была связана с Рязанью и Рязанской губернией. Он представлял собой ярким примером российского интеллигента-разночинца, сформировавшегося в 1870-х гг. и всю жизнь посвятившего развитию образования и просвещения. На торжественном заседании, посвященном его семидесятилетию, С.Д.

Яхонтов справедливо отметил: «Всю жизнь я работал, работал с пяти лет. Жить – значит работать. Да, это только единственный смысл жизни... Вот почему, если я буду жить и дальше, я буду продолжать работать. У меня есть ноги, не уступающие молодым, есть руки и голова, тоже еще относительно в порядке. Начиная с очистки от снега тротуаров, кончая сидением до 8 часов в Музее, мне приходится трудиться... Просвещению я служил всегда, всю мою жизнь... С жизнью меня примиряет моя работа...» [6. С. 1].

Сын псаломщика сельской церкви, выпускник Рязанской духовной семинарии и Московской духовной академии, с 1880 г. преподавал в духовных и светских учебных заведениях Екатеринославля и Рязани. С момента основания в 1884 г. Рязанской ученой архивной комиссии (РУАК) он активно участвовал в ее деятельности, в 1905–1918 гг. был ее председателем, с 1894 г. – редактором «Трудов» РУАК. Под его руководством в регионе началась работа по выявлению и сохранению документов и вещественных памятников.

С.Д. Яхонтов – автор многочисленных трудов по истории Рязанского края и православной церкви. Как археограф он подготовил к изданию ряд ценных источников. На протяжении 1880–1917 гг. С.Д. Яхонтов играл активную роль в общественной жизни Рязани и губернии, был инициатором юбилейных мероприятий и выставок, посвященных знаменательным датам (800-летию Рязани в 1895 г., 100-летию Отечественной войны в 1912 г., 300-летию династии Романовых в 1913 г. и др.). Помимо РУАК он являлся активным членом Санкт-Петербургского археологического общества, Санкт-Петербургского археологического института, Императорского Палестинского общества, Московского военно-исторического общества, ряда губернских архивных комиссий.

После Октябрьской революции 1917 г. С.Д. Яхонтов участвовал в работе Центрального бюро краеведения, возглавил организацию архивного и музейного дела в губернии. С 1918 по 1927 гг. он был заведующим губернского архивного бюро и директором губернского музея. Благодаря его усилиям были спасены от уничтожения более 10 млн. архивных дел и огромное количество музейных экспонатов. Эти собрания стали основой фондов ныне существующих Государственного архива Рязанской области (ГАРО) и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника (бывшего Рязанского областного краеведческого музея). В 1920 г. С.Д. Яхонтов был одним из организаторов Общества исследователей Рязанского края, объединявшем местных краеведов.

В декабре 1929 г. С.Д. Яхонтов, который к этому времени покинул должности директора музея и заведующего Губархивом, оставаясь хранителем отдела «древнерусского искусства», был арестован, и находился в тюрьме до 22 марта 1930 г., затем освобожден, но лишен права заниматься преподавательской и научно-организационной работой. Вплоть до кончины в 1942 г. он проживал в Рязани, работая над своими воспоминаниями.

В составе ГАРО сохранился обширный личный фонд С.Д. Яхонтова [1], который образован на основе документов переданных его родственниками в 1945 г. Значительное количество документов, содержащих сведения о его биографии и многогранной деятельности, отложилось в фондах нескольких учреждений и организаций – Рязанской ученой архивной комиссии [Ф. 869], Рязанского губернского архивного бюро [Ф. Р-3221], Рязанского областного краеведческого музея [Ф. Р-3611], Общества исследователей Рязанского края [Ф. Р-903], некоторых личных фондах. Ряд материалов, отражающих жизненный путь С.Д. Яхонтова, находится в фондах Российского государственного исторического архива, Отдела письменных источников Государственного исторического музея, Центрального исторического архива Москвы и других архивохранилищах.

С.Д. Яхонтов был внимательным наблюдателем и активным участником происходящих событий. Его воспоминания охватывают несколько десятилетий дореволюционной и советской истории, содержат многообразные сюжеты, касающиеся различных сторон жизни российской провинции. Их основой являлись дневники, которые С.Д. Яхонтов вел на протяжении всей сознательной жизни. Из них сохранились отрывки за 1917-1917 [3. Ед.

хр.1] 1884-1897 [3. Ед. хр. 8], 1897-1922 [3. Ед. хр. 82], и 1932-1941 [3. Ед. хр. 99]. Последняя запись в них 7 декабря 1941 г., за месяц до смерти автора 6 января 1942 г.

Воспоминания, относящиеся к имперскому периоду, составляют пять книг. В первой из них автор ярко воссоздал облик уездного города и сельской глубинки в первые пореформенные десятилетия [3. Ед. хр. 83]. Вторая и третья посвящены учебе в Рязанской духовной семинарии и Московской духовной академии, а также преподавательской деятельности в Ек. Духовной семинарии [3.Ед. хр. 84,85]. В последующих трех частях много внимания в воспоминаниях уделено губернскому городу в 1880–1917 гг., в них дана обстоятельная характеристика его общественно-политической, культурной и повседневной жизни [3. Ед. хр. 86-88]. Особую ценность имеют свидетельства С.Д. Яхонтова об отношении провинциального общества ко многим знаменательным событиям общероссийского масштаба – вступлению на престол Александра III и Николая II, русско-японской и первой мировой войне, обнародованию Манифеста 17 октября 1905 г., выборам в Государственную Думу.

Последующие части воспоминаний относятся к советскому периоду. Особенно много автор писал о революционных потрясениях 1917 г. и «братоубийственной» гражданской войне [3. Ед. хр. 89]. Несмотря на резко отрицательное отношение к радикальным «элементам» и оппозицию к новой власти, С.Д. Яхонтов стремился найти способы сотрудничества с большевиками в деле сохранения историко-культурного наследия. Одной из основных тем воспоминаний является создание и деятельность губернского архива и краеведческого музея в 1919–1929 гг. В четырех следующих частях автор подробно остановился на проблеме взаимоотношений «старых» специалистов и Советской власти, которая не переставала его волновать [3. Ед. хр. 90-93]. Особый интерес представляют впечатления С.Д. Яхонтова о начале «большого террора» и гонениях на интеллигенцию, изложенный в последующих частях [3. Ед. хр. 96-98]. Автор подробно повествует о своем непродолжительном пребывании в тюрьме в 1929–1930 гг. и о дальнейшем «поднадзорном» существовании, доносит до будущего читателя полную драматизма картину жизни советского общества в эту переломную эпоху. Заключительную часть воспоминаний автор успел довести до 1938 г. [3. Ед.хр. 98]. Последнюю часть воспоминаний существенно дополняют дневники автора за 1932–1941 гг.[1. Ед. хр. 99]

Масштаб воспоминаний, охватывающих период от последних десятилетий XIX столетия до кануна Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., открывает новые возможности для изучения эволюции российской провинции от имперского периода к советской действительности. Их издание будет способствовать разработке такой фундаментальной научной проблемы, как взаимоотношения провинциального общества и центральной власти в дореволюционной и советской России. Введение в научный оборот этого источника будет иметь существенное значение для исследования многих проблем региональной истории, которая является одним из приоритетных направлений в современной историографии. Воспоминания С.Д. Яхонтова содержат ценный материал для изучения истории повседневности, как в имперский, так и в советский периоды.

В мемуарах в полной мере получили отражение личные связи автора с выдающимися историками и краеведами того времени (В.О. Ключевским, Н.И. Субботиным, А.П. Лебедевым, Е.Е. Голубинским, П.С. Уваровой, Н.В. Покровским, Д.Я. Самоквасовым, В.С. Иконниковым, Д.И. Иловайским, М.Н. Покровским, В.А. Городцовым и другими), что делает их ценным источником для изучения истории отечественной науки.

1. Государственный архив Рязанской области. Ф. 869.
2. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-903.
3. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-2798.
4. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-3221.
5. Государственный архив Рязанской области. Ф. Р-3611.
6. Чествование С.Д. Яхонтова // Вестник рязанских краеведов. Касимов. 1924. № 3.

РАЗДЕЛ 3

КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ НАЙНОЎШАГА ЧАСУ

Адамовіч О.В.
ДОКУМЕНТЫ ФОНДОВ ПОЛЬСКОГО ПЕРИОДА
УЧРЕЖДЕНИЯ «ЗОНАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ»
г. МОЛОДЕЧНО КАК ИСТОЧНИК ПО КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
ВИТЕБЩИНЫ 1919–1939 гг.

Учреждение «Зональный государственный архив» г. Молодечно является одним из архивов Беларуси, который на своем хранении имеет документы польского периода за 1919-1939 годы (45523 дела 149 фондов). Это один из самых интересных комплексов документов, хранящихся в архиве, включающий документы учреждений и организаций бывшего польского государства на территории Западной Белоруссии: Браславского, Вилейского, Дисненского, Дуниловичского (Поставского), Молодечненского, Ошмянского, Поставского, Свенянского поветов Виленского воеводства и Воложинского повета Новогрудского воеводства. В вышеуказанных фондах находятся документы окружных избирательных комиссий по выборам в Сейм и Сенат Речи Посполитой 1935г., 1938г. созывов; сведения о состоянии сельского хозяйства, промышленности, проведении аграрной реформы на территории Виленского воеводства; сведения о деятельности политических партий и организаций) и др. В данной информации религиозных концессий, существовавших на территории Виленского воеводства до 1939г.

В фондах польского периода имеются документы, которые содержат сведения по истории Витебского края: Виленское воеводское управление и Виленское окружное земельное управление, староства, коменды госполиции, земельные управления Браславского, Дисненского, Поставского и Дуниловичского поветов, избирательные комиссии по выборам в Сейм и Сенат 1935 и 1938 годов по г. Глубокое, Браславскому и Поставскому поветам, гродские (городские) суды городов Видзы, Глубокое, Друя, Поставы, местечка Лынтупы, а также комитеты земельной помощи, комиссии по регистрации убытков в поветах, государственные бюро восстановления и др.

Одним из самых объемных является фонд Дисненского поветового староства Виленского воеводства, хронологически охватывающий период 1919-1939гг. Его объем более 2500 единиц хранения. Среди документов фонда имеются: списки костелов, церквей, молитвенных домов по поветам и переписка по религиозным вопросам; списки попов, ксендзов, духовенства по районам (например, Дисненское староство 5 район); циркуляры МВД и Министерства вероисповедания и переписка с гминными правлениями о передаче православных церквей католическому духовенству; о состоянии и ведении метрических книг духовенством; о возвращении религиозных зданий, переданных православной церкви; списки православных, еврейских, старообрядческих, магометанских парафий; копии метрических записей о рождении, крещении, венчании и смерти и др. Как правило, текст документов рукописный, на польском языке.

Наиболее часто встречающимися документами по вопросам религии в фондах польского периода являются **списки** костелов, церквей, молитвенных домов по районам и поветам, в которых указывается название гмины, имя, фамилия духовенства, вероисповедание, название населенного пункта, в котором находится костел, церковь, расстояние до района, до Глубокого, например в документе за 1921г. читаем: *Лужецкая гмина (V район) Дисненского повета - православный священник Лужецкой церкви Юзеф Щенсович, проживает при церкви, церковь расположена в м.Лужки, псаломщик церкви Ксаверий Ленкевич, проживает также при церкви* [1,с.191]. Узнаем также, что в 1921г. в м. Друя этой же гмины (IV район) Дисненского повета существовали, православный (поп (pop) Михаил

Эрдман), католический (ксендз Станислав Бобель), еврейский (рабин Овсей Эйдельман) и старообрядческий (наставник Карнелий Алексеев) «приходы» [2,с.189].

В фонде Дисненского поветового староста имеются такие документы, как **Данные** о лицах еврейской национальности моисеевого толка (mojżescowego) и о существовании т.н. еврейских гмин (1922г.): оказывается, в это время в Иодской гмине в различных населенных пунктах проживало от 3 (д.Снеги) до 263 (м.Иоды) человек еврейского вероисповедания, гмина считалась еврейской, всего в ней проживало 503 еврея. [3,с.16,17]

На страницах документов освещаются вопросы **возвращения религиозных зданий их первым хозяевам**. По этому вопросу интересны следующие документы, касающиеся возвращения зданий кармелитского монастыря в Глубоком – письмо-просьба католиков и прихожан Глубокского костела «Многоуважаемому Пану Старосте Дисненского повета» от 2 декабря 1919г.: «..в 1858г. российские власти закрыли Глубокский монастырь кармелитов, ксендзов вывезли в м.Бердичев. Часть зданий была продана евреям на кирпич, костел в 1877г. переделали в церковь. Также забрали капличку на кладбище. Просим многоуважаемого пана помочь вернуть утраченные святыни...» и подписи...106 человек. Далее письмо к старосте Понятовского (инициалы неразборчиво) от 04.02.1920г. по этому же вопросу; в своём письме-просьбе приводит следующее четверостишие:

Господи Иисусе Христе

Ты спас вора на кресте

А теперь другое горе

Спаси крест твой на воре... [4,с.19-22].

Затем письмо Генрика Винча от 19.05.1920г, письмо прихожан Глубокского костела от 22 января 1921г., Литовского епархиального Совета от 11.07.1921г. с просьбой оставить за православными здание, и ответ Дисненского старосты от 17.06.1921г.: “...следует приять к сведению, что православная парафия в Глубоком не имеет другого дома молитвы и не в состоянии сейчас построить церковь, поэтому отняв здание можно вызвать большое недовольство среди православного населения...следует дать возможность православной парфии в Глубоком на протяжении 2-3 лет отстроить церковь и только после этого отнять у них существующее здание кармелитского костела...глубокская католическая парафия имеет 2 костела: один в Глубоком, второй отнят в прошлом году у православных в Березвече.” [5, с.33]

В этом же деле находятся документы, рассказывающие **о ведении метрических книг**: несмотря на то, что велся строгий их учет, многие из них отсутствовали, например, в Лужецкой парафии (по состоянию на 1922г., религиозная принадлежность не указана) отсутствовали книги о рождении, браке, смерти с 1893 по 1913гг., т.к. в 1915 году они были вывезены в Москву [6, с.161] В православном приходе “Черневичской гмины Дисненского повета метрические книги до 1915г. вывезены в Москву, с 1915 по 1920гг. книги не велись, только за 1920, 1921, 1922 годы велись метрические записи” [7, с.171].

Копии, выписки из метрических книг.

Метрические свидетельства – документы не о, а непосредственно из церковных источников. За подписью и печатью священника, наставника. Вот тексты из некоторых, два первых в оригинале - на русском языке:

Метрическое свидетельство.

Дано отъ наставника Буевскаго старообрядческаго Успенскаго приходскаго храма Федорова в томъ, что какъ видно изъ метрической книги №1 стр.95.О родившихся что гражданина дер.Буевщины. Перебродской волости. ныне умершаго, Ивана Осипова Леонова и жены его, Ирины Федоровой ихъ старший сынъ Гаврииль родился ноября втораго дня тысяча восемьсот девяносто пятаго года, крещень тогोजе ноября два-

дцать седьмого дня. Восприемниками были гражданъ Перебродской волости Иван Кузмин Девятка и Агафія Яковлева Макарова. метр.№21

старообрядческий

наставник

К. Федоров

печать

[8, с.6]

Метрическая справка

Гражданка мѣстечка Глубокаго Ольга Климентіевна Дроздь родилась въ тысяча восемьсотъ девяносто шестом г. (1896)г. октября 19-го дня и записана в метрической книге о родившихся под №124

1922 года 22 сентября

М.Глубокое

Настоятель Глубокской церкви

Священник подпись (Н.Игнатовичъ)

Печать

церкви

Псаломщик

Подпись [9, с.16]

В случае отсутствия метрических книг, выдавались свидетельства за подписью старосты повета:

Свидетельство

На основании проведенного расследования сообщая следующее, что Константин Науменок сын Андрея и Наталии, рожденный в 1887 году, был записан в книгу крестьянского сословия (*stanu włościańskiego*, так в документе) Плисской сельской гмин, повета Дисненского.

Вместе с тем сообщая, что предоставление выписки из касающихся дела книг невозможно, в связи с уничтожением их во время прошлой войны.

Печать

Староства

подпись

староста Дисненский

[10, с.150]

Удостоверение

Настоятель

Парасковіевской

Черневичской церкви

Литовской Епархіи

Дисненскаго благочинія

7 июня 13/221 1922г.

Прозороки с.Черневич

Виленскаго у.Виленской губ.

Дано сіе прихожанину Черневичской

гражд. деревни Тупичино Черневичской

волости Дисненскаго уезда Василю

Матвѣеву Бортнику въ томъ что

ему одъ роду исполнится пятьдесятъ

50 (лет)

Священникъ (=) П.Выдрицки

Псаломщик (=) Мацкевичъ [11, с.172]

Такие свидетельства встречаются в документах паспортного отдела Дисненского староства: в анкетах, заявлениях лиц, выезжающих или просящих вернуться на родину из-за рубежа. ...

Как видно, документов по вопросам православной церкви и вообще религии в фондах архива много. Добавим, что вышеприведенный материал был представлен на примере только нескольких дел только **одного фонда** – Дисненского поветового староства Виленского воеводства. К сведению: документы польского периода, хранящиеся в архиве, по данному вопросу практически не изучены, поэтому ждут своих исследователей, владеющих польским языком, имеющим терпение и веру в удачу.

1. Зональный госархив г.Молодечно, Ф.437. Оп.1.Д.173.С.189.

2. Там же, с.189.
3. Там же, Ф.437.Оп.1.Д.308.Сс.16,17.
4. Там же, Ф.437.Оп.1.Д.266.Сс.19-22.
5. Там же, с.33.
6. Там же, с.161.
7. Там же, с.171.
8. Там же, Ф.437.Оп.1.Д.1307.С.6.
9. Там же, с.16.
10. Там же, с.150.
11. Там же, Ф.437.Оп.1.Д.266.С.172.

Карапузова А.Г.

**ДОКУМЕНТЫ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И САМОУПРАВЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1920–1930-е гг.:
АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
(по материалам Государственного архива Брестской области)**

На территории Западной Беларуси, вошедшей в состав Польского государства по условиям Рижского мирного договора 18 марта 1921 г., была сформирована общепольская система административного управления. По административно-территориальному делению территория Польши была разделена на воеводства, которые в свою очередь делились на поветы, а поветы – на гмины. Гмина охватывала либо территорию одного города (городская гмина), либо территорию нескольких населенных пунктов (поселков, деревень, местечек, хуторов и т.д.) (сельская гмина).

Местным органом государственной власти на уровне воеводства являлось воеводское управление, на уровне повета – поветовое староство. К органам местного самоуправления относились поветовые отделы, городские управления (магистраты), гминные правления на уровне поветов, городов и гмин соответственно. Причем формирование местного самоуправления началось еще в 1919 году в ходе советско-польской войны 1919-1920 гг. [3, с. 65–66].

Рассмотрим состав и содержание документального комплекса, отложившегося в процессе деятельности местных органов управления и самоуправления, действовавших на территории Полесского воеводства, и находящихся на хранении в Государственном архиве Брестской области.

Первоначально в состав Полесского воеводства входили 9 поветов: Брестский, Дрогичинский, Камень-Каширский, Кобринский, Коссовский, Лунинецкий, Сарненский, Пинский, Пружанский [4, с. 217]. В декабре 1922 г. был образован Столинский повет из числа гмин, выделенных из состава Лунинецкого, Пинского и Сарненского поветов [5, с. 1854]. В 1930 году из состава Полесского воеводства был исключен и присоединен к Волынскому воеводству Сарненский повет [6, с. 1077].

Количество городских и сельских гмин Полесского воеводства на протяжении изучаемого периода постоянно менялось за счет административно-территориальных преобразований, проводимых польским правительством. По состоянию на февраль 1939 г. в Полесском воеводстве насчитывалось 9 поветов, 79 сельских гмин, 12 городских гмин [2, л. 52].

Документы польских местных органов власти и органов местного самоуправления, как впрочем, документы других учреждений и организаций польского периода, поступили на хранение в Государственный архив Брестской области сразу после его создания в 1940 году. Документальные материалы поступили в том виде, как они отложились в делопроизводстве учреждений.

В 1966 году в госархив Брестской области из его филиала в г. Пинске (ныне Зональный государственный архив в г. Пинске) поступила значительная часть комплекса документов межвоенного периода, в т.ч. местных органов управления и самоуправления восточных поветов Полесского воеводства (Пинского, Дрогичинского, Столинского, Лунинецкого).

На сегодняшний день материалы местных органов управления и самоуправления Полесского воеводства, хранящиеся в Брестском областном архиве, составляют 63 фонда и включают в себя 95 045 единиц хранения за 1919-1939 гг.: фонд Полесского воеводского управления за 1921-1939 гг. (26 152 ед. хр.); 8 фондов поветовых староств (Брестского, Дрогичинского, Кобринского, Коссовского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского, Столинского) за 1919-1939 гг. (41 553 дела); 5 фондов поветовых отделов поветовых рад (до 1933 года – поветовых сеймиков) (Брестского, Дрогичинского, Лунинецкого, Пинского, Столинского) за 1921-1939 гг. (3 370 дел); 12 фондов городских управлений (до 1933 года – магистратов) (Бережа-Картузского, Брестского, Высоко-Литовского, Городнянского, Давид-Городокского, Камень-Литовского, Коссовского, Логишинского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского, Столинского) за 1919-1939 гг. (19 658 дел); 37 фондов (в том числе ОАФ) гминных правлений Брестского, Дрогичинского, Кобринского, Коссовского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского, Столинского поветов Полесского воеводства за 1919-1939 гг. (4 356 дел). [1, с. 19-34]

Фонд Полесского воеводского управления не только наиболее объемный из фондов межвоенного периода по количеству дел (26 152 ед. хр.), но и наиболее информативный, так как содержит разноплановую информацию обо всех сторонах политической, экономической, социально-культурной жизни Полесского края.

В архиве сохранились документы 8 поветовых староств Полесского воеводства. Степень сохранности фондов поветовых староств различная: наиболее объемными и хорошо сохранившимися являются фонды Брестского (7956 ед. хр.), Пинского (24194 ед. хр.), Столинского (6409 ед. хр.), Лунинецкого (1905 ед. хр.) поветовых староств; и, наоборот, комплекс документов Коссовского, Пружанского староств неполный. Архивных фондов Камень-Каширского и Сарненского (повет находился в составе Полесского воеводства до 1930 года) поветовых староств в архиве не имеется, но отдельные документы, образовавшиеся в процессе их деятельности, отложились в ряде других фондов, прежде всего в фонде Полесского воеводского управления. Однако на репрезентативность комплекса документов поветовых староств отсутствие материалов двух староств не влияет.

Чуть хуже представлены комплексы документов поветовых отделов и рад (5 из 9). Наиболее полно сохранились материалы Брестского (1654 дела), Пинского (1036 дел) и Столинского (619 дел) поветовых отделов.

Из 12 фондов городских управлений только сохранившиеся комплексы документов 3 городских управлений отвечают критериям репрезентативности: Брестское (11049 ед. хр.), Пинское (6509 ед. хр.), Пружанское (1765 ед. хр.).

Что касается гминных правлений, то на хранении в архиве находятся документы 97 правлений гмин, в т.ч. в составе объединенных архивных фондов. Степень сохранности документов гминных правлений различная.

Исследуемый комплекс документов возник в процессе деятельности (в ходе выполнения функций и обязанностей, входящих в компетенцию) местных органов власти и органов местного самоуправления, действовавших на территории Полесского воеводства (до 04.02.1921 – Брестского округа) в 1919-1939 гг. Таким образом, этот комплекс источников в целом является делопроизводственной документацией.

Остановимся на характеристике содержания исследуемого источника. Изучаемый комплекс документов обладает богатым информационным потенциалом и может служить полноценной источниковой базой по изучению различных аспектов истории Западной Беларуси в межвоенный период.

Документы местных органов власти и самоуправления Полесского воеводства содержат информацию по следующим темам и вопросам истории Западной Беларуси в межвоенный период в рамках воеводства:

1. История формирования и деятельности органов управления и самоуправления (структура, выполняемые функции, практическая деятельность, национально-

конфессиональный, возрастной, образовательный, профессиональный состав служащих и т.д.).

2. Административно-территориальное деление Полесского воеводства.

3. Организация проведения выборов в Сейм и Сенат Польши, органы местного самоуправления в воеводстве.

4. Общественно-политическая ситуация: политика польских властей в отношении местного населения, различных национальных групп, политических партий, общественных организаций; деятельность легальных и нелегальных политических партий, общественных организаций, профессиональных союзов; белорусское, еврейское, русское, украинское национальное движение; забастовочное движение и др.

5. Социально-экономическое развитие: финансово-бюджетная деятельность органов управления и самоуправления; развитие промышленности, ремесла и торговли, работа торговых и промышленных предприятий; состояние сельского хозяйства (проведение аграрной реформы, проведение парцелляции и хуторизации хозяйств, вопросы землевладения, осадничество и др.); состояние лесного и водного хозяйства; налогообложение и взимание налогов и оплат, снабжение населения продуктами, ценообразование; имущественное и материальное положение местного населения, состояние безработицы; состояние строительства (административных, жилых зданий, торгово-промышленных предприятий, школ, дорог, мостов, коммуникаций), хозяйственная жизнь поветов, городов, гмин, благоустройство населенных пунктов; развитие транспорта; исполнение населением повинностей (воинской, дорожной, гужевой и др.); социальное обеспечение (деятельность социальных учреждений (приютов, домов престарелых), благотворительность) и др.

6. Состояние здравоохранения, санитарии, ветеринарии, аптечного дела: деятельность медицинских, ветеринарных и аптечных учреждений; статистика заболеваемости и смертности населения; санитарное состояние населенных пунктов, борьба с инфекционными болезнями и др.

7. Состояние образования, деятельность учебных заведений.

8. Демографическая ситуация в целом в воеводстве и в отдельных административно-территориальных единицах, статистика населения по национальному, конфессиональному, возрастному, половому, профессиональному признаку, движение населения, эмиграция.

9. Конфессиональная ситуация и религиозная жизнь: деятельность православной и католической церквей, иудейских и протестантских организаций и др.

10. Культурная жизнь: деятельность учреждений культуры (библиотек, кинотеатров, концертных и театральных трупп); состояние прессы и др.

11. Деятельность руководителей воеводства, поветов, городов, других работников воеводских, поветовых, городских и гминных организаций.

Это лишь краткая характеристика содержания документов, т.к. в рамках одной статьи осветить все аспекты содержания исследуемого источника не представляется возможным. Тем не менее, очевидно, что информация, содержащаяся в документах местных органов власти и самоуправления, касается различных сторон жизни Полесского воеводства в межвоенный период, и данный комплекс источников должен привлекаться при изучении того или иного вопроса истории Западной Беларуси.

1. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919-1939 / Науч.-метод. учреждение «Гос. архив Брест. обл.»; сост.: А.В. Теребунь [и др.]; редкол.: А.Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. – Брест: Альтернатива, 2010. – 130 с.

2. Государственный архив Брестской области

3. Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 215. Отчет полесского воеводы о деятельности административных учреждений, органов самоуправления, об экономическом и культурном состоянии Полесского воеводства за 1939 год.

4. Карапузова, А.Г. Органы местного управления и самоуправления на территории Западной Беларуси в 1919–1930-е гг. (по материалам Государственного архива Брестской области) / А.Г. Карапузова //

Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2009. – Вып. 10 – С. 65–76.

5. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1921. – № 16. – Poz. 93. – 950 s.

6. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1922. — № 116. — Poz. 1051. — 1866 s.

7. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – Warszawa: Drukarnia Państwowa, 1930. — № 82. — Poz. 649. — 1314 s.

Таратута А.М.

ДЗЯРЖАЎНЫЯ УСТАНОВЫ 2-Й РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

(па пісьмовых крыніцах у фондах дзяржаўных архіваў Беларусі)

Згодна з другім артыкулам Рыжскага дагавору ад 18 сакавіка 1921 года да Польшчы адышла амаль палова сучаснай тэрыторыі Беларусі. Каб захаваць на далучаных тэрыторыях непарушнасць рэжыму, польскія ўлады пачалі ствараць выканаўчыя, карна-надзорныя (дзяржаўную паліцыю) і судовыя органы.

У траўні 1919 г. у Заходняй Беларусі быў створаны спецыяльны орган Грамадзянскай адміністрацыі «Галоўнае ўпраўленне усходніх зямель» (ГУУЗ). Тэрыторыя, на якую распаўсюджвалася дзейнасць ГУУЗ (Віленская, Гродзенская і заходняя частка Мінскай губерні), была падзелена на акругі, а тыя, у сваю чаргу, на паветы.[1]

24 студзеня 1921 г. акругі былі ператвораны ў ваяводства, якія падзяляліся на паветы і гміны. Такім чынам, на тэрыторыі Заходняй Беларусі былі ўтвораны чатыры ваяводства – Віленскае, Беластоцкае, Навагрудскае і Палескае). Згодна з законам Савета Міністраў Польскай Рэспублікі кіраўніцтва ваяводствамі адыходзіла да Міністэрства ўнутраных спраў. [2] Міністэрствам былі створаны ваяводскія праўленні на чале з ваяводамі, да якіх адышла поўная ўлада ў ваяводствах.

Ваявода меў неабмежаваную ўладу і з'яўляўся галоўнай службовай асобай у ваяводстве. Да кампетэнцыі ваяводы адыходзілі амаль усе накірункі дзейнасці ваяводства, пачынаючы адміністрацыйнымі і заканчваючы ваеннымі. Ваяводзе падпарадкоўваліся адміністрацыйныя і гаспадарчыя органы, прамысловыя, сельскагаспадарчыя, фінансавыя, транспартныя і гандлёвыя прадпрыемствы і ўстановы. Ваявода кантраляваў дзейнасць паліцыі, органаў аховы здароўя, працы і сацыяльнай бяспекі, ажыццяўляў нагляд за дзейнасцю прафсаюзных, рэлігійных і легальных палітычных арганізацый.[3]

Ваяводскія праўленні спачатку дзяліліся на пяць аддзелаў, дзе ў сваю чаргу вылучаліся рэфераты і аддзяленні. Акрамя таго, па распараджэнні Савета Міністраў Польшчы 13 сакавіка 1921 г. ва ўсходніх ваяводствах былі ўтвораны дарадчыя органы пры ваяводскіх праўленнях – Ваяводскія Рады.[4] Рады ўзначальваліся ваяводамі і служылі для вырашэння бягучых праблемаў ваяводства.

Да 1929 г. ваяводскія праўленні складаліся з 5-6 аддзелаў. Затым, пасля рэфармавання адміністрацыйнай улады, колькасць аддзелаў павялічылася да 10-12, а ў 1934 г. аддзелаў у ваяводскім праўленні стала 17. [5] Такім чынам, адбывалася пастаяннае рэфармаванне мясцовых органаў улады, што было вызвана неабходнасцю паляпшэння сітуацыі ў рэгіёнах.

Асноўнымі аддзелаў ваяводскага праўлення былі агульны і адміністрацыйны аддзелы. Агульны аддзел кантраляваў працу павятовых старостваў, бюджэтную, правую, прамысловую, рэлігійную дзейнасць у ваяводстве. У склад агульнага аддзела ўваходзілі канцылярыя, адміністрацыйна-выканаўчы рэферат, рэфераты агульнай бяспекі, па ваенным справам, статьистыкі і персанальны рэферат. Узначальваў агульны аддзел начальнік аддзела (у большасці выпадкаў ён жа з'яўляўся віцэваяводай – намеснікам ваяводы).[6]

Адміністрацыйны аддзел займаўся пытаннямі адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу, улікам і дзейнасцю прамысловых прадпрыемстваў, аховай помнікаў

мінуўшчыны. Акрамя таго, да кампетэнцыі адміністрацыйнага аддзела датычыліся пытанні грамадзянства і міграцыі насельніцтва.

Акрамя вышэйназваных аддзелаў, у склад ваяводскага праўлення ўваходзілі адзел самакіравання, землекарыстання, агульна-палітычны, ваенны, па справах веравызнання і іншыя. Трэба адзначыць, што праца аддзелаў рэгулявалася палажэннямі і нарматыўнымі інструктыўнымі дакументамі, якія выдаваліся Міністэрствам унутраных спраў, ваяводскім праўленнем і былі абавязковымі да выканання.[7]

26 чэрвеня 1925 г. адбылася адміністрацыйна-тэрытарыяльная рэформа, пасля якой адбыўся падзел некаторых значных па плошчы і колькасці насельніцтва паветаў на больш дробныя.[8]

У сваю чаргу, паветы дзяліліся на гміны і раёны. У склад кожнага павета ўваходзілі 3-5 гмін і столькі ж раёнаў.[9] Галоўным органам улады павета з'яўлялася павятовае староства альбо «ўрад земскі». На чале староства стаяў павятовы староста. Староства кантралявала дзейнасць павятовых, гарадскіх, гмінных і сельскіх устаноў, за выключэннем воінскіх часцей і чыгуначных станцый. Згодна з канцылярскай інструкцыяй для старостваў, апошнія падзяляліся на 7-9 рэфератаў (агульны, бяспекі і грамадскага парадку, адміністрацыйны, ваенны і інш.), якія ўключалі ў сябе некалькі аддзяленняў. [10]

Акрамя таго, мясцовая ўлада ў паветах была прадстаўлена павятовымі саюзамі самакіравання, створанымі 4 чэрвеня 1920 г. [11] Павятовыя саюзы самакіравання складаліся з павятовых соймаў, якія выконвалі ролю распарадчых і кантралюючых органаў, павятовых аддзелаў і службы пажарнай аховы. Павятовыя аддзелы сачылі за выкананнем сваіх абавязкаў службовымі асобамі гмін і раёнаў.

У склад праўлення павятовага староства ўваходзілі намеснікі павятовага старасты, канцылярыя, начальнікі раёнаў, старшыні гмінных праўленняў (войты).

Павятовы староста і яго намеснікі былі падначалены непасрэдна ваяводскаму земскаму праўленню і ваяводзе. Павятовыя старасты, як правіла, прызначаліся на пасаду Міністэрствам унутраных спраў з ліку служачых ваяводскага праўлення і былі па нацыянальнасці палякамі. [12] Сваіх намеснікаў, канцылярыю, начальнікаў раёнаў і войтаў павятовы староста выбіраў і прызначаў на пасаду самастойна з ліку членаў павятовага староства. Як правіла, гэтыя былі асобы з добрым узроўнем адукаванасці і, у большасці выпадкаў, – палякі. Такім чынам, адзначаецца прыхільнасць польскіх улад не да мясцовага насельніцтва, а да стаўленнікаў польскага паходжання ў якасці кіруючых асоб у гмінах.

Начальнікамі раёнаў называліся службовыя асобы, якія прызначаліся на пасаду павятовым старастам і былі падначалены павятоваму староству і павятовай камэндзе паліцыі. Начальнік раёна выконваў выканаўчыя і надзорныя функцыі ў так званых раёнах – адміністрацыйных адзінках, створаных у павеце незалежна ад гмін, у склад якіх ўваходзілі населеныя пункты двух-трох гмін адначасова. [13] Раёны ствараліся спецыяльна на памежных тэрыторыях некалькіх гмін з мэтай больш шчыльнага кантролю як за дзейнасцю мясцовай улады, так і за дзейнасцю «антыўрадавых элементаў» – бальшавіцкіх і нацыяналістычных арганізацый.

Начальнік раёна цесна супрацоўнічаў з паліцыяй, меў добрыя кантакты з мясцовымі жыхарамі, валодаў і кіраваў асабістай агентурнай сеткай, сачыў за працай солтысаў беларускага паходжання. Начальнік раёна меў пячатку, штамп, спецыяльнае памяшканне, дзе знаходзіліся яго працоўнае месца і архіў дакументаў (у асноўным скаргі грамадзян і рашэнні па ім). Дапамагалі начальніку раёна ў яго дзейнасці сакратар, што займаўся дакументацыяй, і памочнік начальніка. Часта разам з начальнікам раёну працаваў і натарыус.

Гмінныя праўленні, якія існавалі на тэрыторыі паветаў, выконвалі самыя разнастайныя ўладныя функцыі. Перш за ўсё, да кампетэнцыі гмінных праўленняў адносілася вырашэнне набалелых жыхарам гміны пытанняў. Гэта і вырашэнне незначных зямельных

спрэчак, і пытанні нарыхтоўкі кармоў, збожжа, арганізацыі сельскагаспадарчай вытворчасці ў гміне і г.д. [14]

На чале гміннага праўлення стаяў воіт гміны, які прызначаўся на пасаду павятовым старастам з найбольш адукаваных жыхароў гміны, як правіла, польскага паходжання. Гэта рабілася з мэтай больш пільнага і дакладнага кантролю за справамі ў гміне, больш пэўнага вызначэння напрамкаў працы гміннага праўлення.

Воіт падпарадкоўваўся павятоваму старасце ў гаспадарча-адміністрацыйных справах і начальніку раёна – у справах крымінальных. У склад гміннага праўлення, акрамя воіта, уваходзілі яшчэ сакратар праўлення (ён выконваў тую ж ролю, што і начальнік канцылярыі ў павятовым старостве), пісар гмінны (памочнік сакратара), які займаўся складаннем і афармленнем дакументаў, солтысы і намеснікі солтысаў. Пры гмінным праўленні заўсёды ствараўся і паліцэйскі пастарунак.

Солтысаў і іх намеснікаў выбіралі адкрытым галасаваннем у кожнай грамадзе (вёсцы) на грамадскіх сходах у азначаны дзень і час. Солтысамі маглі стаць мужчыны і жанчыны, узрост якіх быў большы за 21 год. [15] У большасці выпадкаў солтысамі выбіраліся мясцовыя жыхары польскага паходжання і каталіцкага веравызнання. Аднак вельмі часта солтысамі і іх памочнікамі станавіліся грамадзяне беларускага паходжання праваслаўнага веравызнання. Прычым у пратаколах агульных сходаў сялян па выбарах солтысаў і іх намеснікаў адназначна ўказвалася: “... narodowości białoruskiej, wyznania prawosławnego...” (народнасці беларускай, вызнання праваслаўнага). [16]

Пасля абрання солтысы і іх намеснікі прыносілі прысягу павятоваму старасце. Тэкст прысягі быў замацаваны ў канцылярскай інструкцыі для павятовых старостваў. Солтысы павінны былі мець адпаведныя службовыя адзнакі і насіць урадавую уніформу. [17]

Акрамя названых дзяржаўных устаноў, уладныя і адміністрацыйныя функцыі ў павеце выконвалі:

- павятовыя зямельныя праўленні. Да іх юрысдыкцыі былі аднесены ўсе зямельныя пытанні: рэгістрацыя зямельных надзелаў, іх афармленне, замер, вырашэнне зямельных спрэчак, тэрытарыяльна-адміністрацыйныя пытанні. Узначальваў павятовае зямельнае ўпраўленне намеснік павятовага старасты па зямельных пытаннях;

- павятовыя камітэты зямельнай дапамогі займаліся выдзяленнем маламаёмным асобам, ці тым, хто пацярпеў ад ваенных дзеянняў і страціў маёмасць увогуле, зямельных надзелаў. Таксама павятовыя камітэты зямельнай дапамогі займаліся адшукваннем звестак аб наяўнасці ў той ці іншай асобы зямлі ў павеце, якая страцілася раней ці была перададзена па спадчыне;

- павятовыя камітэты надзялення зямлёй дзейнічалі пры павятовых зямельных праўленнях і займаліся выключна выдачай зямельных надзелаў у карыстанне;

- дзяржаўныя бюро аднаўлення павеатаў былі створаны спецыяльна толькі ў паветах Заходняй Беларусі з мэтай поўнага аналізу і дакладнага ўстанаўлення звестак аб стратах, якія панёс павет пасля сусветнай і грамадзянскай войнаў. Затым дзейнасць гэтых дзяржаўных устаноў крыху змянілася і ператварылася з назіральна-апісальнай у рэальна працуючую;

- камісіі па рэгістрацыі ваенных страт займаліся апісаннем пасляваеннага становішча і працавалі толькі 1-2 гады, пасля чаго былі ліквідаваны;

- школьныя павятовыя інспектарыяты. Гэтыя дзяржаўныя органы сачылі за сістэмай школьнай адукацыі на тэрыторыі усходніх павеатаў Польшчы. Галоўнай мэтай іх дзейнасці было недапушчэнне пранікнення ў навучальны працэс варожых элементаў – беларускай мовы і літаратуры;

- павятовыя камунальныя ашчадныя касы былі своеасаблівай налагавай інспекцыяй рэгіёну. Яны займаліся зборам падаткаў з насельніцтва, выдавалі дазвол на гандаль падчас павятовых кірмашоў, выдзялялі грашовую пазыку насельніцтву пад

невялікі працэнт. Яшчэ адной з шматлікіх функцыяў ашчадных кас было прыняцце каштоўных рэчаў у залог (т. зв. ламбард);

- апякунскія павятовыя саветы займаліся пытаннямі дзяцей-сірот, бацькі якіх загінулі падчас ваенных дзеянняў. Саветамі былі складзеныя спіскі такіх дзяцей з указаннем іх дат нараджэння, якія адшукваліся па царкоўным кнігам метрыкі. Акрамя таго саветы займаліся размеркаваннем дзяцей па навучальным установам павета і ваяводства. Так, дзякуючы дзейнасці такой установы больш за 800 дзяцей Маладзечанскага павета атрымалі сярэдняю адукацыю ў школах і семінарыях рэгіёну. [18]

У гарадах таксама ствараліся мясцовыя ўладныя органы – магістраты. У склад магістрату ўваходзілі 4-8 аддзелаў (у залежнасці ад памераў горада і колькасці насельніцтва), а таксама Гарадская Рада. На чале горада стаяў прэзідэнт (Prezydentmiasta) ці бурмістр (у невялікіх гарадах).[19]

Гарадская Рада з’яўлялася дарадчым органам пры магістраце, накіраваным на ваяводскае. У склад Рады ўваходзілі 10 – 15 чалавек, але на паседжаннях прысутнічалі таксама запрошаныя члены магістрату, якія фактычна ў склад Рады не ўваходзілі, а з’яўляліся адказнымі за тое ці іншае пытанне, што разглядалася на паседжанні.[20]

Пастаяннымі членамі Гарадской Рады былі прэзідэнт (бурмістр), яго намеснік (віцэ-прэзідэнт ці віцэ-бурмістр), лаўнічыя (2-3 чалавекі), сакратар магістрату і яго памочнік. Названыя службовыя асобы складалі прэзідыум Гарадской Рады і абавязаны былі прысутнічаць на кожным яе паседжанні.

Такім чынам, гісторыя дзяржаўных устаноў 2-ой Рэчы Паспалітай, немагчымая без вывучэння польскага справаводства ў цэлым і справаводства пэўных уладных устаноў (паліцыі, мясцовых органаў улады, судаў і пракуратуры) у прыватнасці, з’яўляецца неад’емлімай часткай у даследаванні гісторыі Беларусі. Тым больш, што з Польшчай нас звязвае не толькі агульная мяжа, але і шматгадовае сумеснае гістарычнае развіццё і супрацоўніцтва. Улічваючы недаследаванасць гэтай тэмы, можна сцвярджаць, што яе дасканалае вывучэнне можа быць карысным для ўдасканалення сучаснай гістарычнай навукі ў Беларусі.

1. История Зонального архива в Молодечно // Официальный сайт города [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.molodechno.by/history/zga.php>. – Дата доступа: 19.01.2011
2. Ciałkowski, R. System prawno-finansowy samorządu terytorialnego w Polsce w latach 1918 – 1939 / R.Ciałkowski // Nauki humanistyczno-społeczne. – 1967. – Zesz. 52. – S. 55 – 87.
3. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Прадмова да вопісу №1 спраў пастаяннага захавання за 1920-1939 гг. “Наваградскае ваяводскае праўленне” – С. 4 – 9.
4. Тамсама.
5. Тамсама.
6. Тамсама.
7. Маладзечанскі занальны дзяржаўны архіў. – Фонд 9. – Воп. 1. – Спр. 123. Загады і распараджэнні Віленскага ваяводскага праўлення.
8. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Прадмова да вопісу №1 спраў пастаяннага захавання за 1920-1939 гг. “Нясвіжскае павятовае староства” – С. 3 – 6.
9. Тамсама.
10. Тамсама.
11. Тамсама.
12. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Фонд 46. – Воп. 1. – Спр. 366. Ведамасці на выдачу заробкаў працаўнікам і служачым устаноў і прадпрыемстваў.
13. Маладзечанскі занальны дзяржаўны архіў. – Фонд 9. – Воп. 1. – Спр. 123. Загады і распараджэнні Віленскага ваяводскага праўлення.
14. Тамсама.
15. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Фонд 103. – Воп. 1. – Спр. 7. Пратаколы агульных сходаў сялян па выбарах солтысаў і іх намеснікаў.
16. Тамсама.
17. Тамсама.
18. Маладзечанскі занальны дзяржаўны архіў. – Фонд 15. – Воп. 1. – Спр. 10. Перапіска Маладзечанскага павятовага староства з начальнікам 2-га раёну.

19. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці. – Фонд 46. – Воп. 1. – Спр. 281. Пратакты нарад гарадской рады (г. Гродна).
20. Тамсама.

Гарматны В.П.
**АПУБЛІКАВАННЯ КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПРАВЯДЗЕННЯ КАМАСАЦЫІ
НА ЗЕМЛЯХ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ ў 1921–1939 гг.**

Камасацыя (хутарызацыя) – гэта адна са складаючых частак аграрнай рэформы, якая ажыццяўлялася польскімі ўладамі ў 1921-1939 гг. на землях Польшчы, і найперш за ўсё Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, з мэтай ліквідацыі цэраспалосіцы і інтэнсіфікацыі сельскай гаспадаркі, і заключалася ў аб’яднанні раскіданых сялянскіх надзелаў у адзін з перанясеннем сюды хаты і сельскагаспадарчых будынкаў і стварэннем такім чынам хутара.

Навуковае даследаванне правядзення польскімі ўладамі камасацыі на землях Заходняй Беларусі ў 1921-1939 гг. і публікацыя крыніц пачаліся яшчэ ў разглядаемы перыяд. У 1927 г. у Мінску быў выдадзены зборнік інтэрпеляцый (запытаў) паслоў (дэпутатаў) ад Заходняй Беларусі ў Сейм II Рэчы Паспалітай па фактах парушэння прадстаўнікамі мясцовай урадавай адміністрацыі правоў заходнебеларускіх сялян у 1921-1926 гг. [5]. Камасацыі датычацца дзве прыведзеныя інтэрпеляцыі: ад 19 снежня 1924 г. па справе пераходу на хутары вёскі Кушчыцы Клецкай гміны Нясвіжскага павета Навагрудскага ваяводства і ад 30 кастрычніка 1926 г. па факту парушэння правоў жыхароў вёскі Песьлі (на самой справе Пескі) Індурскай гміны Гродзенскага павета Беластоцкага ваяводства пад час правядзення ў іх вёсцы камасацыі [5, с. 169-170, 432]. Заходнебеларускія сяляне былі незадаволены тым, што пад час правядзення камасацыі яны не атрымоўвалі дадатковай зямлі, а лепшыя землі даставаліся заможным сялянам. Акрамя таго, жыхары вёскі Песьлі, якія толькі адбудаваўліся пасля знішчальнага пажару, прасілі ў польскіх улад дапамогі, бо “новаадбудаваныя хаты прышлося-б пераносіць на новыя месцы, што роўназначна другому пажару” [5, с. 432], пасля якога сялянам больш не ўдалося б аднавіць сваю гаспадарку.

З цягам часу у савецкага кіраўніцтва ўзнікла неабходнасць ажыццяўлення больш актыўнай і грунтоўнай навуковай працы па вывучэнню гісторыі Заходняй Беларусі. Гэтыя задачы павінна была вырашыць Камісія па вывучэнню Заходняй Беларусі (КЗБ, створана 28 лютага 1927 г., па іншых звестках у 1926 г.) пры Прэзідыуме Інбелкульта, потым пры АН БССР, якая ў 1931(?)–1936 гг. выдавала Інфармацыйны бюлетэнь [9; 10], а таксама створаны ў 1931 г. заходні сектар Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б. Аўтарамі навуковых публікацый, прысвечаных Заходняй Беларусі, сталі як прафесійныя гісторыкі і ўдзельнікі і кіраўнікі заходнебеларускага нацыянальна-вызваленчага і рэвалюцыйнага руху: М. Арэхва, Л. і Я. Бабровічы, П. Мятла, І. Дварчанін, Л. Родзевіч, Б. Тарашкевіч і іншыя. З гэтымі навуковымі ўстановамі ў 1920-1930-я гг. была звязана асноўная навуковая і выдавецкая праца па вывучэнню сацыяльна-эканамічнага развіцця Заходняй Беларусі.

У рамках пануючай у навуцы марксісцка-леніскай метадалогіі правядзенне польскімі ўладамі ў Заходняй Беларусі ў 1921-1939 гг. камасацыі разглядалася праз прызму тэорыі класавай барацьбы і ацэньвалася адназначна негатыўна. Так, паводле меркаванняў аўтараў-складальнікаў Інфармацыйнага бюлетэня, “камасацыя пазбаўляе дзесяткі тысяч працоўных сялян рэшткі іх зямель, якія ідуць на карысць асаднікаў і кулакоў. Урад (Юзэфа) Пілсудскага праводзіць гэтую камасацыю, як і ўсю фашысцкую зямельную політыку, з асаблівай энергіяй, і то перш за ўсё на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Калі ад 1918-1925 г. праведзена камасацыя ва ўсёй Польшчы на абшары 217.428 га, гэта значыць штогод 27.158 га ў сярэднім, то ад 1926-1929 гг. праведзена на абшары 1.166.573 га, гэта значыцца штогод 291.643 га... Найвялікшы процант заграбленай

праз ліквідацыю сервітутаў і камасацыю сялянскай зямлі прыпадае на Заходнюю Беларусь і Валынь (Заходняя Украіна)... З кожным годам расьце супраціўленне працоўных сялян камасацыі..." [9, с. 6-7].

Аўтары-складальнікі Інфармацыйнага бюлетэня падкрэсліваюць, што заходне-беларускія сяляне не прымалі камасацыю і пад кіраўніцтвам КПЗБ выступалі рэзка супраць яе ажыццяўлення. Так, напрыклад, у 1933 г. на старонках выдання адзначалася, што "выступаючы супроць камасацыі, руйнуючай беднату і сярядняцтва, (заходнебеларускае) сялянства праганяе каморнікаў, нішчыць іх прылады, цэлымі вёскамі ўступае ў крываваыя баі з поліцыяй. КПЗБ кіруе гэтымі выступленнямі сялян, заклікаючы даваць масавы адпор (польскай) уладзе ў правядзеньні кулацкай камасацыі, прызывае пад свой сьцяг змагацца рэвалюцыйным шляхам за зямлю без выкупу, за захоп абшарніцкай і кулацкай зямлі" [10, с. 88].

У 1936 г. пад навуковай рэдакцыяй М.П. Горава выдадзены зборнік "Аграрный вопрос и крестьянское движение. Справочник. Том второй" [1] (раздзел, прысвечаны сельскай гаспадарцы Польшчы, напісаны Б.А. Тарашкевічам і Я.П. Міхальчуком). Аўтары адзначаюць, што польскія ўлады "расматривают ликвидацию чересполосицы (комассацию) как самую существенную часть землеустройства, даюшую возможность интенсификации сельского хозяйства, в особенности кулацких хозяйств, а тем самым расширение внутреннего рынка" [1, с. 31], і пры правядзеньні камасацыі ўлады абяцалі малазямельным сялянам прырэзку зямлі, але потым падманулі іх і перадалі лепшую зямлю найбольш заможным сялянам. Даследчыкі падкрэсліваюць цесную сувязь камасацыі з ліквідацыяй сервітутаў, у выніку чаго сяляне пазбаўляліся магчымасці трымаць свойскую жывёлу і павялічвалася іх запазычанасць перад банкам.

Паводле дадзеных складальнікаў зборніка, "с 1919 г. по 1934 г. в Польше проведена комассация 505,6 тыс. крестьянских хозяйств с общей площадью в 3 578,4 тыс. га. В 1934 г. комассация была проведена в 59,9 тыс. хозяйствах с площадью в 352,7 тыс. га... В 1935 г. чересполосица была ликвидирована в 83,3 тыс. хозяйств на площади в 473,4 тыс. га... По самым оптимистичным подсчётам ликвидация чересполосицы (в Польше) должна ещё продолжаться свыше 15 лет" [1, с. 31-32].

У 1936 г. пад рэдакцыяй Я.П. Міхальчука выдадзены зборнік лістоў польскіх сялян аб сваім цяжкім жыцці [8], у якім змешчаны ліст дачкі малазямельнага селяніна Пастаўскага павета Віленскага ваяводства (датаваны 1933 г.), якая параўноўвае становішча сваёй сям'і да і пасля правядзеньня камасацыі. Паводле звестак аўтаркі ліста, камасацыя ў іх вёсцы была праведзена ў 1926 г. і сустрэта мясцовымі сялянамі з вялікім энтузіязмам і спадзяваннямі, але ўсе планы парушыў неўраджай 1928 г. Сяляне вымушаны былі браць у банку крэдыты, аддаць якія своечасова яны не змаглі, чым яшчэ больш пагоршылі сваё і без таго цяжкае матэрыяльнае становішча. Сусветны эканамічны крызіс 1929-1933 г. значна ўскладніў існуючы стан спраў у аграрнай сферы і таму камасацыя не прынесла чаканых вынікаў [8, с. 247-249].

У зборніку ўспамінаў былых членаў КПЗБ – актыўных удзельнікаў нацыянальна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі ў 1921-1939 гг. змешчана паведамленне Д.Д. Сівага, які распавядае пра барацьбу ў 1927 г. сялян вёскі Сакаўшчына Валожынскага павета Віленскага ваяводства і некаторых навакольных супраць правядзеньня камасацыі [4, с. 33-39]. Сяляне пад кіраўніцтвам членаў мясцовай ячэйкі КПЗБ выступалі супраць ажыццяўлення хутарызацыі і таму праганялі з сваіх надзелаў землямераў, якія пад аховаю паліцыі павінны былі правесці неабходныя работы.

У 1958 г. выдадзены зборнік успамінаў былых членаў КПЗБ – актыўных удзельнікаў рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі [11], у якім змешчаны сведчанні П.Ф. Дзмітрук аб барацьбе сялян Скідзельскай гміны Гродзенскага павета Беластоцкага ваяводства супраць камасацыі і мітыngu ў Скідзелі вясною 1928 г., на якім выступаючыя рэзка крытыкавалі камасацыю [11, с. 114-116].

У 1962 г. і 1972 г. выдадзены двухтомны зборнік дакументаў [2; 3], якія сведчаць аб барацьбе заходнебеларускіх сялян у 1921-1939 гг. за свае правы, вызваленне і ўз'яднанне з БССР. У зборніку змешчаны архіўныя дакументы, прысвечаныя барацьбе заходнебеларускіх сялян супраць камасацыі – найперш за ўсё сялян вёсак Загарняты Ашмянскага павета Віленскага ваяводства (жнівень 1930 г.) і асабліва Баранав Гродзенскага павета Беластоцкага ваяводства (1930-1932 гг.) [3, с. 99, 308, 467]. Дакументы сабраны і пададзены даволі тэндэнцыйна з мэтай паказаць празмерна цяжкае матэрыяльнае становішча заходнебеларускіх сялян і іх барацьбу супраць аграрнай палітыкі польскіх улад. Складальнікі зборніка адзначаюць, што ў многіх выпадках польскія ўлады ішлі на свядомы падман для таго, каб атрымаць з заходнебеларускіх сялян як мага больш грошай – так, напрыклад, сяляне вёскі Блізна Пружанскага павета Палескага ваяводства скардзіліся ў лістападзе 1933 г., што пры правядзенні камасацыі з мэтай павелічэння платы за землеўпарадкаванне зямля трох сялян іх вёскі была ацэнена землямерамі па першаму разраду, у той час як на самой справе яна належала да чацвёртага [3, с. 275].

У зборніку змешчана справаздача ўпаўнаважанага КПЗБ пад псеўданімам Савельеў ад 3 снежня 1934 г. [3, с. 308-313], у якой падрабязна распавядаецца пра барацьбу сялян вёскі Баранав Гродзенскага павета Беластоцкага ваяводства на працягу 1930-1932 гг. супраць правядзення камасацыі і ролю КПЗБ у кіраўніцтве гэтым выступленнем. Разам з тым трэба адзначыць, што, напрыклад, сялян вёскі Кашэвічы Жабчыцкай гміны Пінскага павета Палескага ваяводства 15 лютага 1937 г. прасілі палескага ваяводу “освободить нашу деревню от уплаты упомянутых платежей (по хуторизации)” [3, с. 417-418]. Такім чынам, сяляне не выступалі супраць хутарызацыі, а наадварот прасілі ўлад зняць з іх неабходныя выплаты, каб лягчэй было правесці ў іх вёсцы камасацыю.

Асаблівую цікавасць выклікае справаздача начальніка аддзялення сельскай гаспадаркі і зямельнай рэформы аддзелу грамадскай бяспекі Палескай ваяводскай управы ад 5 снежня 1938 г. аб супраціве мясцовых сялян правядзенню хутарызацыі [3, с. 471-472], у якой ён прыводзіць прыклады барацьбы сялян-палешукоў супраць ажыццяўлення камасацыі і лічыць, што асноўнымі прычынамі сялянскага супраціву хутарызацыі былі “непонимание сущности предпринимаемых землемерных работ, а также влияние агитации... местных крикунов” [3, с. 472].

Паводле меркаванняў А.А. Альшэўскага (Юркі Пружанскага, вядомага ўдзельніка і кіраўніка рэвалюцыйна-вызваленчага руху Заходняй Беларусі ў 1921-1939 гг.) “хвалёная камасацыя... Што яна прынесла бедняку, сярдняку? Як былі без зямлі, так і засталіся, як уміралі з голаду, так і ўміраюць” [2, с. 120]. Такім чынам, паводле ацэнак аўтараў, якія прытрымліваліся камуністычных поглядаў, “(аграрная) рэформа (польскіх улад, і найперш за ўсё камасацыя) яшчэ больш пагаршае становішча мясцовых (заходнебеларускіх) сялян” [3, с. 61].

Сярод апублікаваных на сучасным этапе крыніц неабходна адзначыць кнігі серыі “Памяць”, у якіх разглядаецца гісторыя заходнебеларускага рэгіёну і апублікаваны некаторыя фрагментарныя крыніцы па пытанню камасацыі. Так, напрыклад, у кнізе “Памяць” Івацэвіцкага раёна змешчана данясенне Косава-Палескага павятовага староасты палескаму ваяводзе ад 17 чэрвеня 1930 г. аб бунце сялян вёскі Альшаніца Косаўскай гміны, якія пад уплывам агітацыі сеймавага пасла Яна Грэцкага выступілі супраць ажыццяўлення камасацыі, але пасля растлумачвання ім зместа палітыкі камасацыі пагадзіліся і нават прыслалі сваіх рабочых [7, с. 128-129]; у кнізе “Памяць” Іванаўскага раёна змешчана заява сялян вёскі Глінна Адрыжынскай гміны Драгічынскага павета Палескага ваяводства ад 30 студзеня 1935 г. з просьбаю зняць з іх плату за хутарызацыю ў сувязі з цяжкім матэрыяльным становішчам [6, с. 111].

Такім чынам, за перыяд з 1921 г. па сучаснасць айчыннымі даследчыкамі апублікавана некалькі зборнікаў дакументаў і крыніц па гісторыі Заходняй Беларусі ў 1921-1939 гг., некаторая частка якіх прысвечана правядзенню камасацыі. Разам з тым,

трэба адзначыць, што ўсе гэтыя зборнікі былі выдадзены ў савецкі час і прыведзены ў іх дакументы і крыніцы падабраны даволі тэнтэнцыйна з мэтай паказаць цяжкае матэрыяльнае становішча заходнебеларускага насельніцтва, яго рэвалюцыйную барацьбу пад кіраўніцтвам КПЗБ за ўз'яднанне з БССР.

На сучасным этапе развіцця айчынай гістарычнай навукі неабходна падрыхтоўка да друку чарговага зборніка дакументаў па гісторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд, у якім былі б усебакова адлюстраваны многія актуальныя пытанні яе сацыяльна-эканамічнага развіцця, у тым ліку і правядзенне польскімі ўладамі ў 1921-1939 гг. камасацыі.

1. Аграрный вопрос и крестьянское движение. Справочник. Том второй / Под ред. М.П. Горова. – Москва, Международный аграрный институт, 1936. – 198 с.
2. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. В 2 т. – Т. 1. 1921-1929 / В.И. Жигалов (сост.) [и др.]. – Минск, Госиздат БССР, 1962. – 620 с.
3. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР: Документы и материалы. В 2 т. – Т. 2. 1929-1939 / И.П. Ховратович (сост.) [и др.]. – Минск, Беларусь, 1972. – 560 с.
4. Годы испытаний и мужества. Сборник воспоминаний бывших членов КПЗБ – активных участников революционного движения в Западной Белоруссии. – Минск, Беларусь, 1973. – 415 с.
5. Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі Сойм 1922-1926 гг. Зборнік дакументаў аб панскіх гвалтах, катаваннях і зьдзеках над сялянамі і рабочымі ў Заходняй Беларусі. – Мінск, Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1927. – 497 с.
6. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Іванаўскага раёна. – Мінск, БЕЛТА, 2000. – 592 с.
7. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Івацэвіцкага раёна. – Мінск, БЕЛТА, 1997. – 496 с.
8. Польские крестьяне о своей жизни / Под редакцией и с предисловием Я. Михальчука. – Москва, Международный аграрный институт, 1936. – 253 с.
9. Становішча сялянства ў Заходняй Беларусі // Інформацыйны бюлетэнь № 4 аб новых момантах у сялянскім і нацыянальным пытанні ў Заходняй Беларусі за 1 паўгоддзе 1931 г. – Менск, Друкарня БАН, 1931. – 49 с. – С. 6-22.
10. Сялянскі рух // Інформацыйны бюлетэнь аб Заходняй Беларусі. № 7. – Менск, Друкарня БАН, 1933. – 190 с. – С. 72-104.
11. У суровыя гады падполля: успаміны былых членаў КПЗБ – актыўных удзельнікаў рэвалюцыйнага руху ў Заходняй Беларусі [склад.: М. С. Арэхва і інш.]. – Мінск, Дзяржаўнае выдавецтва БССР, 1958. – 363 с.

Мошник Ю.И.

СУДЬБА ВЫБОРГСКОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО АРХИВА И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ ВЫБОРГА ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХХ в. В ФОНДАХ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА В ВЫБОРГЕ

История Выборга в равной степени принадлежит истории Швеции, Финляндии и России. Город, входивший последовательно в состав Шведского королевства, Российской империи, Финляндской республики, Советского Союза и Российской Федерации, существующий более семи веков, открывает обширное поле для исследовательской деятельности.

Первое «Описание истории Выборга» на шведском языке было опубликовано в 1893 г.[7]. Более подробная «История города Выборга» профессора Й.В. Руута, также на шведском, была издана через десять лет, и вскоре после этого была переведена и опубликована по-фински [10]. «История города Выборга» – впечатляющий двухтомный труд, основанный на богатейшей источниковой базе. Об этой, сразу ставшей популярной, книге выборгский архитектор Ю. Виисте писал: «Едва ли у нас найдется другой такой учёный, который бы так блестяще знал все архивные собрания, как новые, так и старые, и активно помогал разбираться в них всем тем, кому это было необходимо»[12, s.148] (здесь и далее цитаты на финском языке даны в переводе автора). В распоряжении Руута были материалы из архивов Выборгского губернского правления, конторы коронных фогтов Выборгской губернии, городской управы, суда первой инстанции, Национального архива и др. В 1928 г., после смерти Руута, Комиссия по истории при Выборгской городской думе, по рекомендации директора Национального архива Финляндии К. Бломштедта обратилась к хельсинкскому историку Рагнару Розену с предложением «закончить рукопись, доведенную до 1617 года и подготовить ее к печати» [4, л. 1]. Розен дал согласие и обратился к изучению

письменных источников по истории Выборга. В 1936 г. Розен был назначен директором Выборгского провинциального архива и оставался в этой должности до 1944 г.

В 1970 – начале 1980-х гг. на основе исследования И.В. Руута группой финских историков была подготовлена пятитомная «История города Выборга» [11] (первый том которой вышел под редакцией Р. Розена). Несмотря на то, что за годы, прошедшие после публикации книги Руута, было выявлено немало документальных источников по истории города, накоплен впечатляющий фонд фотодокументов, собраны и опубликованы воспоминания бывших жителей Выборга, учёным пришлось столкнуться с серьезной проблемой, преодоление которой до сих пор остается актуальным вопросом для любого исследователя истории Выборга. Эта проблема заключается в разделении основного корпуса письменных источников по выборгской истории между двумя архивами, один из которых расположен в Российской Федерации, а другой – в Финляндии, причем архивная документация (названия и описи фондов) существуют только на государственных языках.

Круг документальных, прежде всего письменных, источников по истории Выборга весьма обширен. Связанные с историей города документы хранятся в архивах России, Финляндии, Швеции и других европейских стран. Однако основной корпус документов представлен в собраниях государственного казенного учреждения «Ленинградский областной государственный архив в Выборге» (ЛОГАВ) и Провинциального архива в Миккели (Финляндия). Оба этих архива являются правопреемниками одного архивного учреждения – Выборгского провинциального архива, основанного в январе 1934 г.

Уже в первые годы существования Выборгскому провинциальному архиву были переданы ценнейшие собрания документов из архивов губернских и городских органов управления. Это были документы XVII–XX вв., в том числе «старейший в Финляндии документ на пергаменте» [2, л. 2]. Широта охвата и разнообразие документальных материалов выделяли выборгский архив среди других архивных учреждений страны. «Выборгский провинциальный архив ... находится в положении исключительном для всей Финляндии. Это нашло отражение в материалах, среди которых имеются официальные государственные документы, документы общин, церковных приходов, объединений, торговых обществ, а также частные бумаги. С увеличением рабочих сил ... расширится круг обязанностей, и “охота” за ценными документами станет более интенсивной» [2, л. 2], – писал в 1936 г. Р. Розен.

В годы второй мировой войны (в 1940 и 1944 гг.) значительная часть документов провинциального архива Выборга была эвакуирована. Некоторое время документы хранились в Яаникоски, затем в Куопио. В 1953 г. выборгская коллекция была переведена в Миккели, где с 1945 г. действовал Архив провинции Саво-Карьяла. Объем переданных из Выборга дел оценивается в 4000 погонных метров архивных стеллажей [8].

Несмотря на то, что была проведена эвакуация наиболее ценных коллекций, в Выборге осталось огромное количество документов, из которых впоследствии было сформировано свыше 100 тыс. дел. Кроме того, населению советского Выборга было предписано сдавать властям «по первому требованию» «трофейные» книги и документы [5, л. 42], и за счет этого пополнились фонды городской библиотеки и архива.

В мае 1940 г. в здании бывшего Выборгского провинциального архива открылся филиал Центрального государственного архива НКВД Карело-Финской ССР. Из Петрозаводска в Выборг были направлены сотрудники Государственного архива Республики Карелия (совр. Национального архива Республики Карелия) и студентки Петрозаводского государственного университета. Им предстояло сформировать дела и коллекции, составить описи дел, описать библиотеку архива. Трудность этой работы усугублялась тем, что и документы, и книги были преимущественно на финском и шведском языках. В 1941 г., при отступлении войск Красной Армии из Выборга, часть документов архива была эвакуирована в архивы Костромы и Казани. За время эвакуации архивному фонду был нанесен серьезный урон. Директор архива М.И. Демидов был в мае

1944 г. осуждён военным трибуналом НКВД и приговорен к расстрелу «за хищение бумаги из филиала и нарушение систематизации документальных материалов» [6, с. 3]. По распоряжению Демидова из дел изымались чистые листы, и в результате этого более 100 тыс. единиц хранения оказалось превращено в россыпь или повреждено.

Тем временем деятельность Выборгского провинциального архива была на три года восстановлена. В отчете архива за 1943 г. отмечено, что «количество обращений за справками было значительным, но меньше, чем в 1942 г.» [3, л. 1об.] В марте 1943 г. проводилась инспекционная проверка деятельности архива.

В 1944 г., когда Выборг вновь вошел в состав СССР, вывезенные в Кострому документы вернулись в здание архива. Начался новый этап истории этого учреждения. Теперь это был Государственный архив Ленинградской области в г. Выборге. С 1964 по 1969 гг. архив был филиалом Ленинградского государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства, а в 1969 г., после передачи фондов учреждений областного уровня из ГАОРСС ЛО, архив получил самостоятельность и современное название.

Коллекции ЛОГАВ, сформированные из документов, некогда принадлежавших Выборгскому провинциальному архиву, на настоящий момент составляют 136993 единицы хранения. Это документы, датируемые 1650-1944 гг., из которых большая часть относится к концу XIX – первой трети XX вв. Наиболее ценную часть коллекции составляют документы органов управления губернией и городом (ф.ф. 1, 67, 68, 70, 74): протоколы заседаний губернских и городского правлений, управ, дум, комиссий, сведения об экономическом состоянии города, строительстве, подушные и налоговые списки населения, протоколы заседаний избирательных комиссий, сведения о безработице, договоры аренды и мн. др. В числе источников, отражающих события периода революции и гражданской войны в Финляндии – документы Выборгского городского комитета Совета народных уполномоченных Финляндии (ф. 527), исполкома Выборгского городского совета рабочих и солдатских депутатов (ф. 526), полицейского городского управления (ф. 133) и отделения государственной полиции в Выборге (ф. 136). В документах Выборгского городского магистрата (ф. 70) содержатся сведения о регистрации обществ и организаций Выборга с уставами и списками членов обществ. Отдельный корпус письменных источников представлен документами, отражающими историю выборгского гарнизона и добровольных воинских формирований. Отдельные фонды сформированы из документов крупных промышленных предприятий, страховых обществ, учреждений транспорта и связи, торговли и городского хозяйства. Обширный материал по истории образования в Выборге представлен документами финских, шведских и русских народных школ и училищ, училищных комитетов, школьных дирекций, учительской семинарии. Кроме того, в архиве широко представлены письменные источники по истории культурно-просветительных учреждений, спортивных обществ, учреждений здравоохранения, церковных общин. Уже из этого перечня очевидно, что руководство Выборгского провинциального архива уделяло большое внимание сбору документов и их систематизации; были разработаны номенклатура дел, подлежащих передаче в архив, и инструкции по подготовке документов. Так, например, в ЛОГАВ хранится «Инструкция о подготовке и сдаче в провинциальный архив документальных материалов православных церковных приходов» от 6 октября 1936 г. [1], регламентирующая порядок передачи в архив церковных книг. Параллельно с этим пополнялась архивная библиотека, в которую поступали, среди прочего, издания по истории Выборга, путеводители, изданные типографским способом отчеты выборгских организаций и др. В наши дни в библиотеке ЛОГАВ хранятся многочисленные карты, брошюры, книги, опубликованные в Выборге, Хельсинки и Турку в 1880-1938 гг.

К числу важнейших источников по истории Выборга первой трети XX в. следует отнести также подшивки периодических изданий, выходивших в Выборге. В ЛОГАВ хранятся почти полные подшивки крупнейшей газеты Юго-Восточной Финляндии “*Karjala*” (с

1904 г.), газеты социал-демократической партии “Kansan Työ” (с 1917 г.), газеты Аграрного Союза “Maakansa” (с 1912 г.), газеты Шведской народной партии “Wiborgs Nyheter” (с 1899 г.), а также подшивки газет “Karjalan Aamulehti” и “Karjalan Lehti”. Эта богатейшая коллекция, к сожалению, до сих пор мало изучена, хотя столь полного собрания периодических изданий Выборга нет даже в библиотеке Хельсинкского университета.

В целом, представленные в ЛОГАВ письменные источники по истории Выборга первой трети XX в., отражающие все области жизни города и его населения, исследованы явно недостаточно. Сотрудниками архива в 1950-1960-х гг. составлены описи и переводы на русский язык отдельных документов, однако значительная часть источников до сих пор не использовалась в исследовательской работе. В 1997 г. был опубликован «Краткий справочник по фондам Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге» – первый путеводитель по фондам архива. Научный потенциал архивных коллекций ЛОГАВ огромен, однако нет достаточного числа специалистов, которые могли бы с ним работать. Не хватает времени на научную работу и у самих архивистов. «Увы, начиная с 1990 года, наукой практически не занимаемся. Имею в виду целенаправленную плановую научную деятельность» [6, с. 3], – с горечью отметил в интервью в 2000 г. тогдашний директор архива В.Ф. Пантелеев. Что же касается финских исследователей, которые приезжают работать в ЛОГАВ, их интересы, прежде всего, направлены на поиски, связанные с историей их семей.

В последние годы связи между двумя частями бывшего Выборгского провинциального архива укрепились, осуществляется программа сотрудничества, включающая в себя, среди прочего, обмен выставками. По инициативе нового директора Института Южной Карелии Пертти Колари будет начата работа по переводу описей дел из собрания бывшего провинциального архива, хранящихся в ЛОГАВ на финский язык и их оцифровке [9, с. 1]. В архиве Миккели уже начата работа по переводу описей на русский язык. Хочется верить, что эта программа поможет исследователям обеих стран в изучении истории Выборга.

1. ЛОГАВ, ф. 309, оп.1, ед.хр. 13.
2. ЛОГАВ, ф. 309, оп. 1, ед.хр.18.
3. ЛОГАВ, ф. 309, оп.1, ед.хр. 24.
4. ЛОГАВ, ф. 534, оп. 1, ед.хр. 4.
5. ЛОГАВ, ф. P440, оп.1, ед. хр.1.
6. Дом, где хранится история. Выборгскому архиву – 60 лет // Выборг. – 2000. – №№ 128-129. – 21 июля. – С. 3.
7. Lagus G. Ur Wiborgs historia: minnesskrift första delen. – Wiipuri: Wiipurin kaupunki, 1893.
8. Сайт Архивного ведомства Финляндии: Mikkelin maakunta-arkiston vaiheet. [Электронный ресурс]. URL:http://www.arkisto.fi/fi/arkistolaitos/historia/#mikkeli_vaiheet
9. Parjanen P. Etelä-Karjala-instituutti kiinnostunut asiakirjafondien kääntämisestä // Karjala. – 2011. – № 28. – 14 heinäkuu. – S. 1.
10. Ruuth J.W. Viipurin kaupungin historia. – Viipuri: Viipurin kaupunki, 1906.
11. Viipurin kaupungin historia. Osat I-V. – Lappeenranta: Torckelin Säätiö, 1974-1981.
12. Viiste J. Viihtyisä vanha Wiipuri. – Porvoo: WSOY, 1943.

Бобров Н.М.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ВОИНСКОЙ СЛУЖБЕ В РККА (1918–1925 гг.)

Комплектование вооруженных сил важнейшая составная часть военного строительства. Под комплектованием вооруженных сил понимается: «принятая в государстве система обеспечения потребности ВС в личном составе, а в более широком понимании также в оружии, военной технике и материальных средствах» [9, с.348]. В данной статье речь будет идти о такой задаче комплектования РККА, как пополнение воинских частей, соединений и др. личным составом, которая осуществлялась на основе воинской обязанности.

15 января 1918 года СНК принял декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) [1, с.352]. Доступ в ее ряды был открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. Для вступления в ряды Красной Армии требовались рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требовалось поручительство всех и поименное голосование. Принцип комплектования РККА был на добровольной основе, на начальном этапе планировалось принимать только представителей эксплуатируемых классов, т. е. рабочих и крестьян. Однако в дальнейшем стало нарастать вооруженное сопротивление противников Советской власти. 8 апреля 1918 года издается декрет СНК об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам, с целью проведения мероприятий по учету годного к военной службе населения, его призыву, обучению и формированию вооруженных сил [2, с.63-70] и создается сеть военных комиссариатов. 22 апреля 1918 г. принимаются декреты ВЦИК, первый о сроке службы в Красной Армии, которым установлено, что всякий гражданин, добровольно вступивший в ряды Красной Армии, обязуется прослужить не менее 6 месяцев [3, с.156]. Второй, о порядке замещения должностей в РККА [4, с.154], которым предусматривалось составление списков кандидатов на должности командиров, местными комиссариатами по военным делам. И третий декрет об обязательном обучении военному искусству, предусматривавший обучение военному делу и вооружение только рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян [5, с.152]. В дальнейшем вопросы военного строительства и в частности комплектования РККА корректировались с учетом сложившихся условий, началом вооруженного сопротивления внутренней контрреволюции и началом военной интервенции.

29 мая 1918 года выходит Постановление ВЦИК о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в РККА [6]. ЦИК считал, что переход от добровольной армии к всеобщей мобилизации диктуется положением страны. 10 июля 1918 г. выходит Постановление Пятого Всероссийского съезда Советов об организации Красной Армии [7], которым предусматривалось использование опыта офицеров бывшей царской армии и постановка их на учет. Последние обязаны были занимать те должности, которые им укажет Советская власть (п.8 постановления). Из буржуазии формировались рабочие команды и укомплектовывались нестроевые части, но уже предусматривалось, что при обнаружении верности трудящимся классам, буржуазные элементы могли переводиться и в строевые части. Однако в принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года Конституции РСФСР, в статье 19 по-прежнему указывалось, что почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся. Летом 1918 года в РККА была отменена выборность командиров, введенная декретом о выборном начале и об организации власти в армии еще 16 декабря 1917 года [8, с.244], в РККА мобилизуются офицеры старой армии, в результате чего наметился определенный отход от классового принципа комплектования Красной Армии.

В период гражданской войны сложился военно-политический союз советских Республик. В 1919 г. ВЦИК РСФСР при участии представителей советских республик издал декрет "Об объединении Советских Республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с мировым империализмом". В сложных условиях войны удалось создать единую военную организацию республик, на территории которых осуществлялись также и мобилизационные мероприятия с целью комплектования РККА. Неоднократные мобилизации проводились и на территории Белоруссии. 1 января 1919 года была провозглашена Социалистическая Советская Республика Белоруссии, в феврале принята первая Конституция. В соответствии Конституцией ССРБ предусматривалось вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии, полное разоружение имущих классов, устанавливалась всеобщая воинская повинность.

С окончанием гражданской войны пришлось решать сложные вопросы дальнейшего военного строительства, в том числе и порядок комплектования Красной Армии в будущем. Красная Армия к 1923г была сокращена до 562 тысяч человек [10, с.548]. Принудительная система комплектования армии сохраняется, но несколько видоизменяется. Основой военного строительства была система, когда в армии имелось кадровые дивизии и территориально-милиционные. Кадровые дивизии личным составом, вооружением обеспечивались полностью (но по штатам не военного, а мирного времени, т.е. от 25 до 75% численности военного времени), а в территориальных дивизиях была в наличии только небольшая часть командного состава (менее 25%), стрелковое и другое вооружение на складах. Основная часть командного и рядового состава трудилась в народном хозяйстве и периодически призывалась на сборы. Лошади и автотранспорт были приписаны из народного хозяйства и поступят только по мобилизации. Переход к смешанной системе строительства РККА был продиктован экономическими и политическими причинами. Армия не могла обеспечить казарменное обучение военному делу всего годного призывного контингента.

30 декабря 1922 г. делегатами 1 общесоюзного Съезда Советов, состоявшегося в Москве, принята Декларация об образовании Союза ССР. На основании договора к ведению СССР, в лице его верховных органов, подлежало установление основ организации вооружённых сил. Также на основании ст. 1 Конституции СССР 1924 г. к ведению СССР, в лице его верховных органов, подлежали организация и руководство Вооружёнными Силами и, соответственно, законы СССР, были обязательны и на территории БССР, в том числе и определяющие комплектование Красной Армии. 18 сентября 1925 года ЦИК и СНК СССР утверждает «Закон об обязательной военной службе», которым определялся порядок комплектования армии личным составом, устанавливался ежегодный призыв в армию. В соответствии с вышеуказанным законом защита СССР являлась обязанностью всех граждан Союза и осуществляется только трудящимися. На нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей. В целях комплектования РККА и обучения военному делу устанавливается всеобщая обязательная военная служба трудящихся мужского пола с 19 до 40 лет. Обязательная военная служба состояла из: допризывной подготовки; действительной военной службы и состояния в запасе.

К допризывной подготовке привлекались все трудящиеся мужского пола по достижении ими 19 лет. На действительную военную службу граждане призывались по достижении 21 года и продолжалась 5 лет.

Действительная военная служба проходила в кадровом составе частей или в переменном составе территориальных частей РККА, а также вневойсковом порядке: а) действительная военная служба в кадровом составе состояла из непрерывной службы в частях РККА в течение от 2 до 4 лет, в зависимости от рода оружия и специальности, и из пребывания в долгосрочном отпуске продолжительностью от 1 года до 3 лет, с привлечением на повторные сборы на срок не свыше 1 месяца, а для младшего начальствующего состава на срок не свыше 2 месяцев за все время пребывания в долгосрочном отпуске; б) действительная военная служба в переменном составе территориальных частей слагалась из учебных сборов, общей продолжительностью не более 8-12 месяцев, в зависимости от рода оружия, за все время нахождения на действительной службе и из пребывания в отпуске в периоды между сборами; в) обучение вневойсковым порядком осуществлялось на периодических учебных сборах, общей продолжительностью не более 6 месяцев за все время нахождения на действительной службе, и из пребывания в отпуске в периоды между сборами.

Для граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу, устанавливались льготы по семейно-имущественному положению, состоящие в освобождении призываемых от службы в мирное время в кадровом составе частей РККА и замене ее службою в переменном составе территориальных частей или вневойсковым обучением.

Граждане, лишённые права избирать и быть избираемыми в советы, согласно конституциям союзных республик, составляли тыловое ополчение. В Конституции ССРБ 1919 г. указывалось: эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти; почетное право защищать революцию с оружием в руках предоставляется только трудящимся; на нетрудовые элементы возлагается отправление иных военных обязанностей; руководствуясь интересами рабочего класса, ССРБ лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции. В дальнейшем, в ст. 71 Конституции БССР 1927 г., перечень категории лиц лишённых избирательного права уточнялся, к ним относились лица: прибегающие к наемному труду; живущие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т.п.); частные торговцы; монахи и духовные служители религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, жандармов и охранных отделений, члены царствовавшего в России дома, руководившие деятельностью полиции, жандармерии и карательных органов; душевно-больные; осужденные за корыстные и порочащие преступления на установленный законом или судебным приговором срок. Срок состояния в тыловом ополчении устанавливался в 19 лет, с 21 года до 40 лет включительно. Призыв граждан, подлежащих зачислению в тыловое ополчение, производился одновременно с очередным призывом их сверстников на действительную военную службу. В мирное время на граждан, зачисленных в тыловое ополчение, возлагались особые повинности согласно специального закона. В военное время из них предполагалось образовывать особые команды для обслуживания тыла и фронта.

Таким образом, можно заключить, что организация кадровых и территориально-милиционных частей было вынужденной мерой, но являлась выходом из создавшегося положения и обеспечивала обучение основам военной подготовки военнообязанных для некоторых родов войск при незначительных затратах. С утверждением в 1925 г. «Закона об обязательной военной службе», в котором был закреплён с учетом практического опыта порядок комплектования и прохождения воинской службы, что являлось частью военной реформы 1924-25 гг. в СССР, остались ограничения на призыв в РККА по классовому признаку.

1. Декрет СНК об организации рабоче-крестьянской Красной Армии 15(28) января 1918 г. // Декреты Советской власти – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1.- С. 352 - 355.
2. Декрет СНК об учреждении волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам. 8 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2.- С. 63 - 70.
3. Декрет ВЦИК о сроке службы в Красной Армии. 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2.- С. 155 - 156.
4. Декрет ВЦИК о порядке замещения должностей в Красной Армии. 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2.- С. 154 - 155.
5. Декрет ВЦИК об обязательном обучении военному искусству. 22 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2.- С. 151 - 153.
6. Постановление ВЦИК о переходе к всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян в РККА. 29 мая 1918 г. // Декреты Советской власти – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2.- С. 334 - 335.
7. Постановление Пятого Всероссийского съезда Советов об организации Красной Армии. 10 июля 1918 г. // Декреты Советской власти – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 2.- С. 541 - 544.
8. Декрет о выборном начале и об организации власти в армии. 16(29) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т. 1.- С. 244.
9. Огарков Н.В. Военный Энциклопедический Словарь. // М. Военное издательство. 1983
10. Жуков Е.М. Советская историческая энциклопедия. // Государственное научное издательство «Советская энциклопедия». М. 1963.

Кур'яновіч Ю.У.
ГІСТОРЫЯ МІЛІЦЫ БЕЛАРУСІ Ў 1920–1930-х гг.:
ПРАБЛЕМАТЫКА ВЫВУЧЭННЯ І АГЛЯД КРЫНІЦ

Даволі маладаследаванымі ў айчыннай гісторыі застаюцца пытанні станаўлення, развіцця і дзейнасці праваахоўных органаў у 1920–1930-х гг. і, у прыватнасці, аднаго з цэнтральных звёнаў сіл правапарадку – міліцыі [1]. Часткова гэта тлумачыцца спецыфічнасцю самой праваахоўнай структуры і абмежаваным доступам даследчыкаў да неабходных крыніц, у першую чаргу дакументаў архіваў КДБ і МУС. Як адзначае І. Саракавік, «установы ўнутраных справаў (міліцыя) у сілу сваёй спецыфікі больш за ўсё падвергнутыя тэндэнцыям самастойнасці і адчужанасці. А спецыфіка вызначаецца ваенізаванасцю сістэмы, закрытасцю ці паўзакрытасцю шэрагу накірункаў яе дзейнасці, пераважна прымусовым характарам дзейнасці, якая закранае інтарэсы многіх грамадзян» [2]. З іншага боку, варта зазначыць, што дадзеная тэма можа ўяўляецца даследчыкам непрывабнай і вузкай у грамадска-палітычным кантэксце і з пункту гледжання гісторыі.

Трэба адзначыць, што ўвогуле па гісторыі Беларусі ў 1920 – 1930-х гг. не бракуе літаратуры, а ў навуковых працах і шматлікіх публікацыях, у якіх краіна разглядаецца ва ўмовах таталітарнай сістэмы, па-за ўвагай даследчыкаў не застаецца дзейнасць органаў, якія выконвалі праваахоўныя функцыі: суда, пракуратуры, органаў дзяржаўнай бяспекі, да якіх зазвычай адносяць Надзвычайную камісію, Аб'яднанае дзяржаўнае палітычнае ўпраўленне і Народны камісарыят унутраных спраў (НКУС) [3], складовай часткай якога з'яўлялася міліцыя [4]. Але функцыянаванне апошняй у асноўным падаецца фрагментарна. Прыкладам могуць служыць грунтоўныя работы Т. Процькі і М. Касцюка [5], прысвечаныя зацвярджэнню савецкай таталітарнай сістэмы ў Беларусі.

Заўважым, што ў поўным аб'ёме станаўленне, развіццё і функцыянаванне праваахоўнай сістэмы савецкай Беларусі ў айчыннай гістарыяграфіі не асвятлялася.

Дзейнасць жа міліцыі ў даваенны перыяд савецкага часу найбольш вывучана прафесарам А. Ф. Вішнеўскім, які, дарэчы, першы ўзняў тэму ўдзелу міліцыі Беларусі ў ажыццяўленні карнай палітыкі савецкай дзяржавы. Але да ягоных прац мы звернемся ніжэй.

Наконт вартасці даследаванняў гісторыі міліцыі ў зададзеных храналагічных рамках адзначым наступнае.

Па-першае, міліцыя як адміністрацыйна-ваенізаваны орган савецкай улады [6] з самага пачатку сваёй дзейнасці з'яўлялася адным з найважнейшых механізмаў станаўлення і ўмацавання гэтай улады ў Беларусі. А пасля рэарганізацыі структуры і кіравання ёю, якія адбыліся на мяжы 1920 – 1930-х гг. яна ператварылася, як падкрэсліў А. Ф. Вішнеўскі, «у яшчэ адну дадатковую сілу, накіраваную на знішчэнне палітычных праціўнікаў і апанентаў Сталіна і тым самым – на ўзмацненне рэжыму яго асабістай улады, на разгром сялянства, якое супраціўлялася калектывізацыі, на тое, каб прывесці краіну ў цэлым і кожнага чалавека ў асобнасці ў аняменне перад страхам быць у любы час пакараным не толькі за непажаданае дзеянне або бяздзейне, але і за іншадумства» [7, с. 86].

Па-другое, менавіта ў гэты час адбылося станаўленне прафесіянальнай савецкай міліцыі і былі закладзены асновы арганізацыйнай пабудовы міліцыі, якія ажно па сённяшні дзень развіваюцца і ўдасканальваюцца, а таксама прыныц падвойнага падначалення міліцыі, калі, з аднаго боку, начальнікі мясцовых органаў міліцыі па рабоце з'яўляюцца непасрэдна падначаленымі і падсправаздачнымі начальнікам вышэйшых міліцэйскіх органаў, а з другога – кіруюцца ўказаннямі мясцовай выканаўчай улады і таксама падсправаздачныя ёй.

Трэба падкрэсліць, што ў разгляданы перыяд побач з рэпрэсіўнай дзейнасцю міліцыя (у адрозненне ад органаў дзяржаўнай бяспекі) праводзіла вялікую работу па прадухіленні і раскрыцці забойстваў, рабункаў, крадзяжоў, канакрадстваў, займалася вышукам крымінальнікаў, забяспечвала ахову грамадскага парадку. У той час адбылося станаўленне падраздзяленняў міліцыі, якія і зараз не толькі функцыянуюць, але і не

змянілі свае асноўныя кірункі дзейнасці і нават абрэвіятуры, як, напрыклад, крымінальны вышук (сёння ў структуры цэнтральнага апарату МУС гэта Галоўнае ўпраўленне крымінальнага вышуку крымінальнай міліцыі) і Дзяржаўная аўтамабільная інспекцыя (Упраўленне дзяржаўнай аўтамабільнай інспекцыі міліцыі грамадскай бяспекі).

Паўнаважнае навуковае адлюстраванне мінулага мажлівае толькі на аснове спалучэння гістарычных крыніц ва ўсёй іх разнастайнасці. Нягледзячы на існуючыя аб'ектыўныя цяжкасці ў вывучэнні гісторыі міліцыі ў зададзеных храналагічных рамках (абмежаваны доступ да дакументаў архіваў МУС і КДБ, заідэалагізаванасць публікацый і кніг савецкага часу), даследчыкам гуманітарных дысцыплін застаецца яшчэ багата матэрыялу, які патрабуе больш пільнай увагі і навуковага аналізу.

Крыніцы па вывучэнні гісторыі міліцыі ў 1920–1930 гг. умоўна можна падзяліць на тры асноўныя групы: дакументальныя (дакументы архіваў і музеяў), дакументы заканадаўства, статыстычныя матэрыялы.

Што тычыцца архіваў Беларусі, то матэрыялы аб міліцыі даваеннага часу захоўваюцца ў фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ), абласных гістарычных архіваў, архіваў МУС і КДБ. Сярод фондаў, дзе дадзеныя дакументы найбольш сканцэнтраваны і сістэматызаваны па храналагічна-структурнаму прынцыпу, у першую чаргу трэба назваць наступныя фонды НАРБ: НКУС БССР (ф. 34), Галоўнага ўпраўлення міліцыі і крымінальнага вышуку (ф. 35), Школы міліцыі ім. Фрунзэ пры Галоўным упраўленні міліцыі і крымінальнага вышуку НКУС БССР (ф. 37). У справах гэтых фондаў захоўваюцца пастановы, цыркуляры, інструкцыі НКУС РСФСР і БССР, пратаколы паседжанняў калегій і нарад НКУС БССР, пратаколы агульных сходаў супрацоўнікаў міліцыі, справаздачы аб рабоце асноўных служб цэнтральнага апарата НКУС БССР і аддзелаў Галоўміліцыі БССР, справаздачы павятовых міліцый, дадзеныя аб асабовым складзе Галоўміліцыі БССР і павятовых міліцый, дакументы аб беларусізацыі міліцыі, статыстычныя дадзеныя аб дзейнасці міліцыі і крымінальнага вышуку, зводкі аб здарэннях, матэрыялы аб культурна-асветніцкай дзейнасці в органах міліцыі, праграма школы міліцыі ім. Фрунзэ і аўтабіяграфіі яе курсантаў.

У архіве МУС назапашаны дакументы, першыя па часе з якіх датуюцца 1932 г. У фондах яны сістэматызаваны па храналагічнаму прынцыпу. Пастановы, цыркуляры і загады сканцэнтраваны ў 50-м фондзе.

Пэўная колькасць цікавых матэрыялаў захоўваецца ў цэнтральным музеі МУС Рэспублікі Беларусь. Гэта ў асноўным фотадакументы, а таксама некаторыя каштоўныя рэчавыя экспанаты, сярод якіх, напрыклад, унікальнасцю вызначаецца першы і адзіны рэспубліканскі знак «Пачэснаму міліцыянэру», якім узнагароджваліся ў 1920-я гады лепшыя супрацоўнікі беларускай міліцыі.

У вывучэнні нарматыўна-прававой базы дзейнасці міліцыі добрым дапаможнікам з'яўляецца «Храналагічны даведнік» І. Саракавіка [8], дзе зроблены кароткі гістарычны агляд асноўных дакументаў пра органы ўнутраных спраў Беларусі, а таксама пра ўдзел грамадскіх арганізацый у ахове грамадскага парадку і барацьбе са злачыннасцю за перыяд з 1917 па 2002 гг.

Пры аглядзе крыніц па вывучэнні гісторыі міліцыі ў 1920 – 1930 гг. варта асобна спыніцца на некаторых выданнях. У 1927 г. пабачыў свет «Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі (1917–1927)» – кніга, якая выйшла накладам 1000 асобнікаў пад агульнай рэдакцыяй і з прадмовай народнага камісара ўнутраных спраў Алеся Сташэўскага, і складальнікамі якой з'яўляліся супрацоўнікі НКУС БССР. Гэта была першая кніга па гісторыі беларускай міліцыі і, заўважым, напісаная па-беларуску. Яе аўтары змаглі сістэматызаваць і ў храналагічным парадку выкласці матэрыял аб арганізацыйнай пабудове міліцыі, яе штатах, матэрыяльным забяспячэнні, раскрытых злачынствах. Але ў кнізе адсутнічаюць тэарытычныя высновы, навуковы аналіз

гістарычнага матэрыяла. Нягледзячы на гэтыя недахопы, выданне мае дастатковы эмпірычны матэрыял для навуковага абагульнення.

У 1987 г. пад грыфам «для службовага карыстання» з друку выйшла найбольш грунтоўнае даследаванне савецкага перыяду – кніга калектыва аўтараў «Очерки истории милиции Белорусской ССР. 1917 – 1987» [9]. Незважаючы на ідэалагізаваную скіраванасць, выданне каштоўна багатым і разнастайным фактычным матэрыялам.

Робячы агляд навуковых выданняў па гісторыі міліцыі ў 1920 – 1930 гг., нельга абыйсці увагай працы ўжо вышэй узгаданага прафесара А. Ф. Вішнеўскага, сярод якіх прыкметна выдзяляецца манаграфія «Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917 – 1940 гг.: историко-правовые аспекты» [10]. Дарэчы, ён таксама прымаў непасрэды ўдзел і ў напісанні «Очерков истории милиции...» 1987 г.

І нарэшце, варта ўзгадаць дужа карысны і адзіны бібліяграфічны паказальнік «На страже правопорядка: (к 90-летию белорусской милиции)» [11], у якім сабрана найбольш значная літаратура аб беларускай міліцыі, у тым ліку і літаратурныя творы, змешчаны бібліяграфічныя апісанні манаграфій, матэрыялаў канферэнцый, артыкулаў з часопісаў і зборнікаў.

1. У адпаведнасці з Законам Рэспублікі Беларусь ад 17 ліпеня 2003 г. № 263-З «Аб органах унутраных спраў» (зарэгістраваны ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 18 ліпеня 2007 г. № 2/1360) міліцыя – «*сістэма падраздзяленняў органаў унутраных спраў, якая прызначана абараняць жыццё, здароўе, гонар, годнасць, правы, свабоды і законныя інтарэсы грамадзян, правы і законныя інтарэсы арганізацый, інтарэсы грамадства і дзяржавы ад злачынных і іншых проціпраўных замахаў*». Яна з’яўляецца складовай часткай сістэмы органаў унутраных спраў – «дзяржаўных праваахоўных органаў, якія ажыццяўляюць барацьбу са злачыннасцю, ахову грамадскага парадку і забяспечваюць грамадскую бяспеку».
2. У нядзёным ужо Законе Рэспублікі Беларусь ад 26 лютага 1991 г. № 637-ХІІ «Аб міліцыі» (зарэгістраваны ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь 15 сакавіка 2001 г. № 2/284) міліцыя вызначалася як «*дзяржаўны ўзброены праваахоўны орган, прызначаны абараняць жыццё, здароўе, правы, свабоды і законныя інтарэсы грамадзян, грамадства і дзяржавы ад злачынных і іншых проціпраўных замахаў*».
3. Саракавік, І. Да пытання пра перыядызацыю гісторыі міліцыі Беларусі 20 ст. / І. Саракавік // Гістарычны альманах на старонках камунікату [Электронны рэсурс]. – 2002. – Рэжым доступу : <http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/almanach/07/07sarakavik.htm>. – Дата доступа : 08.08.2011.
4. Першапачатковы рэспубліканскі НКУС быў створаны ў студзені 1919 г., але ў сакавіку гэтага года ў сувязі з утварэннем Літоўска-Беларускай савецкай рэспублікі (Літбел) спыніў дзейнасць, а свае функцыі перадаў аддзелу Упраўлення міліцыі Мінскага губваенрэўкома і Народнаму камісарыяту ўнутраных спраў Літбел. 17 снежня 1920 г. па рашэнні ІІ Усебеларускага з’езда Саветаў Камісарыят унутраных спраў Ваенрэўкома быў пераўтвораны ў Народны камісарыят унутраных спраў (НКУС) ССРБ.
5. НКУС ССРБ у 1920-х гг. займаўся пытаннямі савецкага будаўніцтва, адміністрацыйна-тэрытарыяльнага ўладкавання, камунальнай гаспадаркі, у яго структуру ўваходзіла міліцыя і органы ЗАГС. У снежні 1930 г. НКУС БССР быў ліквідаваны, а яго функцыі перададзены іншым органам улады (ЦВК, Наркамюсту БССР і інш.). У 1934 г. быў утвораны НКУС БССР з новай структурай, вядучымі падраздзяленнямі якой з’яўляліся Упраўленне дзяржаўнай бяспекі (УДБ) і Упраўленне рабоча-сялянскай міліцыі (УРСМ). На раённым узроўні адзіным апаратам, які выконваў задачы органаў НКУС, было райаддзяленне (РА) НКУС. Начальнік аддзялення міліцыі РА НКУС БССР адначасова з’яўляўся памочнікам начальніка РА па міліцыі.
6. Першапачаткова міліцыя ў Беларусі была створана ў сакавіку 1917 г. пасля Лютаўскай рэвалюцыі, калі Часовы ўрад абвясціў «замену паліцыі народнай міліцыяй с выбарным начальствам, падчіненым органам месчнага самаўправлення». Днём заснавання беларускай міліцыі лічыцца 4 сакавіка. У гэты дзень у 1917 г. згодна загаду грамадзянскага камэнданта г. Мінска Б. Самойленкі на пасаду часовага начальніка міліцыі Усерасійскага Земскага Саюза па ахове парадку ў горадзе быў прызначаны служачы Усерасійскага Земскага Саюза Міхаіл Міхайлаў (пад гэтым прозвішчам хаваўся бальшавік Міхаіл Фрунзэ).
7. Улічваючы сацыяльна-палітычныя абставіны, нявызначанасць дакладнага адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу, а таксама часовую акупацыю нямецкімі і польскімі войскамі, гаварыць аб фарміраванні на тэрыторыі Беларусі штатнай структуры савецкай міліцыі да лістапада 1920 г. не варта.
8. Першае палажэнне аб Галоўным упраўленні рабоча-сялянскай міліцыі (Галоўміліцыі) Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі (ССРБ) было зацверджана 30 лістапада 1920 г. Камісарыятам унутраных спраў Ваенрэўкома Беларусі, у распараджэнні якога знаходзілася Галоўміліцыя.
9. У 1920 г. у склад Галоўміліцыі як аддзел следча-вышуковай міліцыі ўваходзіў крымінальны вышук (Галоўвышук). 26 красавіка 1922 г. згодна з загадам НКУС БССР яго вывелі з падпарадкавання міліцыі. У цэнтры было створана Упраўленне крымінальнага вышуку, непасрэдна падначаленае наркаму ўнутраных спраў. 22 сакавіка 1924 г. Упраўленне крымінальнага вышуку ліквідуецца, а яго функцыі перадаюць Галоўміліцыі БССР, якую пераймаюць ва Упраўленне міліцыі і крымінальнага вышуку НКУС БССР. У 1927 – 1930 гг. – Адміністрацыйнае ўпраўленне НКУС БССР, у 1930 – 1934 гг. – Галоўнае ўпраўленне міліцыі і крымінальнага вышуку пры СНК БССР.
10. Гл.: Протыко, Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917 – 1941 гг.) / Т. С. Протыко. –

Мінск.: Тесей, 2002. – 688 с.; Касцюк, М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі / М. Касцюк. – Мінск : Экаперспектыва, 2000. – 308 с.

11. Так вызначалася міліцыя паводле Палажэння аб рабоча-сялянскай міліцыі і крымінальным вышуку БССР, зацверджанага 27 лютага 1930 г. У адпаведнасці з Палажэннем аб рабоча-сялянскай міліцыі, якое было зацверджана СНК СССР 25 мая 1931 г. і дзейнічала да 1962 г., міліцыя вызначалася як адміністрацыйна-выканаўчы орган саветскай улады, галоўнай задачай якога з’яўлялася ахова рэвалюцыйнага парадку і грамадскай бяспекі, неабходных для сацыялістычнага будаўніцтва.

12. Вишневский, А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917 – 1940 гг.: Историко-правовые аспекты / А. Ф. Вишневский. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.

13. Гл.: Саракавік, І. Гісторыя органаў унутраных спраў Беларусі: храналаг. давед. / І. Саракавік. – Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2002. – 200 с.

14. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917 – 1987 / М-во внутрен. дел. БССР, Мин. высш. шк. милиции ; В. Н. Савичев [и др.] ; под общ. ред. В. А. Пискарева. – Минск : Беларусь, 1987. – 535 с.

15. Вишневский, А. Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917 – 1940 гг. : историко-правовые аспекты / А. Ф. Вишневский. – Минск : Тесей, 2000. – 224 с.

16. На страже правопорядка: (к 90-летию белорусской милиции) : библиограф. указатель / М-во внутрен. дел, Акад. МВД ; сост. Ж. Б. Швед (рук.) [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 68 с.

Шевелев П.В.

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ ПЕРИОДА 1920–1930-х гг.

С развитием антропологического поворота в исторической науке, внимание ученых-историков все больше стали привлекать темы связанные с жизненным опытом и миром простого человека, с его реагированием на политику государства и ее влиянием на жизнь простого обывателя. Однако, вместе с новыми перспективами исследований, появились и новые трудности. Пожалуй, самая главная из них связана поиском информации и попыткой реконструировать поведение человека ушедшей эпохи на ее основании. С возникновением такого рода вопросов, появилась необходимость и новых методов получения информации, а также ее интерпретации. В связи с этим, целью данной работы является попытка показать особенности интерпретации содержащейся в законодательных материалах информации. В качестве объекта исследования в историко-антропологическом русле, мы выбрали семейно-брачные отношения на территории советской Белоруссии в 1920-е – 1930-е гг.

В целом, особенность законодательных источников по любому периоду состоит в том, что они декларируют то, как должно было быть. На вопрос было ли так на самом деле, они не отвечают и для получения ответов нужно привлекать другие виды источников. В изучении темы семейно-брачных отношений 1920-х – 1930-х годов, к источникам такого характера можно отнести Кодекс о браке семье и опеке РСФСР 1918 года, новые Кодексы о браке 1926 РСФСР и 1927 БССР [2]. Так, до принятия в БССР Кодекса 1927 года, на ее территории действовали законы принятые в 1918 году в РСФСР и деклариовавшие признание брака зарегистрированного только в органах ЗАГС. Никаких иных форм брака, судя по данному Кодексу, не допускалось [3]. Вместе с тем, мы знаем, что в период 1920-х годов, существовало минимум четыре способа создания семьи, и все они могли порождать юридические последствия, несмотря на отсутствие регистрации данного события [7, с.216 - 218]. Последующие кодексы были более адаптированы к реалиям времени. Например, они уже допускали фактический брак, однако, в вопросах регулирования семейных отношений после регистрации или в случае развода, часто снова оставались декларативными [5]. Такая особенность законов, конечно же, не говорит о неактуальности их изучения. Работая с ними, можно получить информацию о том, какую цель ставило перед собой руководство страны, создавая данный закон, какого поведения со стороны населения хотело добиться и для чего это было нужно. Например, непризнание религиозного брака и поощрение зарегистрированного, могло быть продиктовано двумя причинами. С одной стороны, это была часть политики отде-

ления церкви от государства и церковь, как конкурирующая идеология, серьезно мешала молодой советской власти. С другой стороны – в условиях послевоенного времени и серьезных потерь населения, необходимо было выяснить его количество, число семей, и регистрация браков по единому порядку давала четкие статистические сведения. Здесь следует отметить еще и то, что гражданская регистрация проходила более легко и создавала меньше моральной ответственности для вступающих в брак. Все это приводило к большему количеству браков, нежели это было возможно с участием церкви, а это в свою очередь, по мнению советской власти, могло способствовать восстановлению потерь населения в многочисленных войнах последних лет.

Вместе с тем, в рамках изучаемых темы и периода, можно выделить еще одну группу законов которые носили не столь декларативный характер, а отражали реакцию властей на то или иное событие. Иными словами, советская власть наблюдала некую ситуацию, которая ей не нравилась и принимала запрет сначала на уровне циркуляров, а потом и на уровне законов. Были случаи, когда циркуляру не имевшему, по идее, силы закона, все же придавался такой статус. Поэтому в данном контексте, мы рассматриваем его как законодательный акт. Примером такого акта может служить совместный циркуляр НКВД и НКЮ БССР «О недопустимости совершения служащими культов религиозных обрядов крещения и брака без предварительной регистрации их в подотделах ЗАГС» [6, с. 158]. Исходя из него, логично предположить, что имели место события, когда население либо игнорировало ЗАГСы, продолжая заключать браки в церквях, либо сначала шло в церковь, а потом в ЗАГС [7, с. 217]. Данный циркуляр можно интерпретировать как чисто административный запрет иллюстрирующий борьбу властей с религиозностью населения. Однако, на наш взгляд, этот документ имел и не столь очевидный смысл. Дело в том, что регистрация брака как в отделах ЗАГС, так и в церкви, была платной. Люди же, заплатив сначала в органах ЗАГС и получив справку, уже не хотели платить еще раз в церкви [4, с.75].

Еще одним примером закона реагирования можно назвать закон «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах». Принят он был 27 июня 1936 года ЦИК и СНК СССР и в том же году его приняли ЦИК и СНК БССР [1, с.4].

Уже из названия ясно, что касался он широкого круга назревших и существовавших все время до его принятия проблем. Данный закон ознаменовал собой откат от либеральной политики в сфере семейно-брачных отношений, характерный для 1920-х и первой половины 1930-х годов. Он показывает нам реакцию на явления существовавшие благодаря свободным идеологическим и политическим установкам в вопросах, семьи, брака и любви. Среди историков существует разные мнения о причинах принятия данного закона, однако, в рамках источниковедческой статьи приводить их не будем.

Таким образом, данная группа законодательных материалов показывает нам реакцию власти на поведения населения как СССР, так и БССР и тем самым является как бы слепком с реальной ситуации.

Подводя итог данной статье, можно сделать однозначный вывод, что в изучаемый период и по изучаемому вопросу в советской Белоруссии существовало два вида законодательных источников. А именно, «законы декларирования» и «законы реагирования».

Первые, не отражая реальной ситуации, дают нам возможность понять цели и стремления власти по отношению к населению. Сопоставляя данную группу источников с другими видами материалов, можно проследить способы адаптации населения к таким законам.

Вторые, более информативные в своем классе, показывают реакцию властей на конкретное поведение населения, что в рамках антропологического поворота в истории

дает возможность проследить повседневные жизненные практики простого населения, уже на этапе изучения законодательства.

1. Аб зменах у кодэксах БССР у сувязі з выданнем пастаноў ЦВК і СНК СССР ад 27 чэрвеня 1936 г. «Аб забароне абортў, павелічэнні матэрыяльнай дапамогі рожаніцам, устанавленні дзяржаўнай дапамогі многасямейным, пашырэнні сеткі радзільных дамоў, дзіцячых ясляў і дзіцячых садоў, узмацненне крымінальнага пакарання за наплату аліментаў і аб некаторых зменах у заканадаўстве аб разводах». Пастанова ЦВК і СНК БССР, 29 кастр. 1936 г., №160 // Собр. узаконений и распоряжений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства БССР. – 1936. – №30.
2. Кодекс законов о браке семье и опеке БССР 1927 г. (с изменениями на 1 октября 1935 г.). – Минск: Гос. изд-во Белоруссии, 1935. – 64 с. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском принят ВЦИК, 16 сент. 1918 // Библиотека юриста [Электрон. ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.lawbase.ru/content/view/2937/35/>. – Дата доступа: 14.08.2011.
3. Нац. архив Республики Беларусь. Фонд 41. – Оп.1. – Д.2. Циркуляры НКВД.
4. О введении в действие нового кодекса законов о браке семье и опеке (вместе с кодексом): Постановление ВЦИК от 19 нояб. 1926 г. // Библиотека юриста [Электрон. ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.lawbase.ru/content/view/2932/35/>. – Дата доступа: 14.08.2011.
5. О недопустимости совершения служителями культов религиозных обрядов крещения и брака без предварительной регистрации их в подотделах ЗАГС: циркуляр Наркомвнутдела и Наркомюста ССРБ, 26 авг. 1922 г., № 85 // Собр. узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССРБ. – 1922. – №12.
6. Шевелев П.В. Трансформация форм заключения брака на территории советской Беларуси в контексте советского семейного права 1920-х годов. / П.В. Шевелев // Вклад молодых ученых в развитие правовой науки Республики Беларусь: сб. материалов Международной науч. конф., Минск, 26 нояб. 2010 г. / редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.] / НЦЗПИ. – Минск: Позитив-центр, 2010. – С. 216-218.

Карпинская П.В.

ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА НА ВИТЕБЩИНЕ В 20–30-е гг. XX в.: КРАТКИЙ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ ОБЗОР

Развитие общеобразовательной школы на Витебщине в советский период является предметом изучения для многих историков уже достаточно долгое время. Несмотря на это в настоящее время тема ещё мало изучена и требует более детального рассмотрения. В фондах государственного архива Витебской области содержится огромное количество документов по истории развития системы образования на Витебщине.

В фонде №1737 «Отдел образования Витебского городского исполнительного комитета» [1] содержатся документы о введении единой трудовой школы 1 и 2 ступеней, о состоянии церковно-приходских училищ, о нормах оплаты труда учителей и др. Кроме этого в фонде хранятся инструкции, декреты, постановления местных органов власти, которые отражают особенности проведения государственной политики в области развития общеобразовательной школы в регионе в 20 – 30-е гг. XX ст.

Большой объём информации о работе единой трудовой школы содержится в протоколах заседаний школьных педагогических советов, отчетах учителей, приказах Витебского горкома профсоюзов рабочих начальных и средних школ. В статистических отчетах отдела образования Витебского горисполкома отражены сведения о количественном составе учителей и учеников, планах учебных занятий в школах, финансовом положении школ, решении проблемы безграмотности населения, привлечении учителей и учеников к сельскохозяйственным работам и т. д.

Фонд №246 «Отдел народного образования исполнительного комитета Витебского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Витебский губоно)» [2] состоит из множества документов, отражающих развитие школьного образования в губернский период (1917 – 1924 гг.). Здесь хранятся декреты, постановления, циркуляры, инструкции, приказы ВЦИК и СНК РСФСР, Наркомата просвещения БССР, Главного комитета социального воспитания детей Наркомпроса РСФСР, Витебского губисполкома о состоянии трудовой школы, введении обязательного совместного обучения, организации народного образования в стране, организации и работе школ для национальных меньшинств, частном патронаже детей и т. д.

Наиболее информативными являются протоколы заседаний коллегии Витебского губоно, совещаний заведующих уездными отделами народного образования, заседа-

ний школьных советов школ г. Витебска. Здесь рассматриваются вопросы состояния «учебного дела» Витебской губернии, финансирования и снабжения школ, введения платы за обучения и т.д.

Исследуя развитие школьного образования в период существования Витебского округа (1924 – 1930 гг.), необходимо обратиться к документам фонда №170 «Витебский окружной инспекториат народного образования» [3].

Необходимый материал для изучения содержания образования в школах, порядка введения четырехлетнего и семилетнего образования для детей сельской бедноты, введения всеобщего обучения в БССР в рассматриваемый период времени можно найти в постановлениях, циркулярах, инструкциях СНК БССР, Наркомата просвещения БССР, Витебского окрисполкома. Кроме этого фонд содержит протоколы заседаний коллегии и научно-методического комитета Наркомата просвещения БССР, пленумов и заседаний президиума Витебского окрисполкома, заседаний секции народного образования Витебского горсовета и др. о мерах по улучшению состояния школ и подготовки педагогических кадров. Здесь также можно обнаружить списки учителей школ, месячные отчеты Витебского окроно, статистические сведения о количестве общеобразовательных школ в городе и округе.

Фонд №813 «Отдел образования Чашникского районного исполнительного комитета и подведомственные ему учреждения» [4] содержит множество документов, отражающих состояние всеобщего обучения, подготовительной работы по ликвидации безграмотности, подготовки педагогических кадров в масштабе отдельно взятого района. Здесь можно найти постановления и приказы коллегии Наркомата просвещения БССР, выписки из протоколов заседаний СНК БССР о мероприятиях по организации сети образцово-показательных школ, открытии вечерних школ в 1929 – 1933 гг. XX ст.

Немалый интерес для исследователей представляет переписка Чашникского отдела образования с райисполкомами, районными инспекторами и другими учреждениями об укомплектовании школ, перестройке культурно-просветительской работы в школах района.

Не менее важными для изучения выше указанной темы являются фонды партийного комплекса. В них содержатся документы, отражающие особенности политики партийных органов власти в области развития общеобразовательной школы в регионе. Документы фонда №102-п «Витебский городской комитет КП(б)Б» [5] содержат ценную информацию о создании сети начальных, средних и других учебных заведений, подготовке педагогических кадров для школ города и т.д. в период с 1929 г. по 1941 г. В постановлениях и отчетах Витебского горкома находятся сведения о мерах по улучшению состояния народного образования, финансирования учебных заведений города и т.д.

Необходимую информацию о состоянии народного образования в губернии и округе, о работе Наркомата просвещения БССР, введении платы за обучение в учебных заведениях всех типов, материальном положении учителей, проведении национальной политики и белорусизации в области народного образования, состоянии сельской школы и ликвидации безграмотности в период с 1917 по 1930 гг. можно получить, обратившись к фондам №10050-п и 10051-п «Витебский губернский комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)» (1917 – 1924 гг.) [6] и «Витебский окружной комитет Коммунистической партии(большевиков) Белоруссии» (1924 – 1930 гг.) [7].

Изучение данных фондов позволяет осветить следующие вопросы: состояние и развитие сети общеобразовательных школ на Витебщине в 1920 – 1939-е гг. XX ст.; особенности государственной политики в области народного образования в условиях Витебского региона; проблема подготовки педагогических кадров для школ региона; введение единой трудовой школы в стране; содержание школьного образования в регионе; финансовое положение общеобразовательных школ; введение всеобщего обучения в БССР, особенности этого процесса в Витебском регионе и др.

Таким образом, следует отметить, что архивные материалы всегда являлись и являются незаменимыми источниками при изучении исторических тем. Они служат основой для выдвижения научных гипотез и их доказательства. Рассмотренные фонды являются необходимыми источниками для изучения развития общеобразовательной школы на Витебщине в 1920 – 1930-е гг. XX ст.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО), ф.1737, оп.1
2. Там же, ф.246, оп.1
3. Там же, ф.170, оп.1
4. Там же, ф.813, оп.1
5. Там же, ф.102-п, оп.1
6. Там же, ф.10050-п, оп.1
7. Там же, ф.10051-п, оп.1

Карпекін К.Р.

САВЕЦКІ ПЕРЫЯДЫЧНЫ ДРУК ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ІУДЗЕЙСКІХ АБШЧЫН БЕЛАРУСІ Ў 1919–1939 ГГ.

Паводле стану на 1917 г., на тэрыторыі Беларусі знаходзілася 704 сінагогі, вакол якіх групаваліся яўрэйскія рэлігійныя абшчыны. Савецкая палітыка прывяла да скарачэння іх колькасці. У 1933 г. у БССР засталася 287 дзеючых сінагог і малітоўных дамоў, а ў канцы 1936 г. – 71. Адносіны паміж савецкай уладай і іудзейскай рэлігіяй знайшлі сваё адлюстраванне ў перыядычным друку таго часу. Мэта даследавання – вызначыць асноўныя характарыстыкі савецкага перыядычнага друку як крыніцы па гісторыі іудзейскіх абшчын Беларусі ў 1919 – 1939 гг. Дзеля гэтага быў прааналізаваны шэраг агульнасаюзных, рэспубліканскіх і мясцовых выданняў, якія распаўсюджваліся на тэрыторыі БССР.

У якасці прыкладу агульнасаюзнага выдання прааналізаваны часопіс “Антырэлігійнік” – друкаваны орган Цэнтральнага Савета Саюза ваяўнічых бязбожнікаў (СВБ). Усе матэрыялы, якія былі змешчаны тут і датычыліся гісторыі іудзейскіх абшчын, можна падзяліць на тры катэгорыі. Да першай адносяцца артыкулы, у якіх апісваецца ход кампаній, накіраваных на змяншэнне ролі рэлігіі ў жыцці яўрэйскага насельніцтва, праводзімых членамі СВБ. Прыкладамі апісанняў такіх кампаній могуць служыць звесткі пра мерапрыемствы, праводзімыя мінскай арганізацыяй СВБ, аповед пра дзейнасць антырэлігійнікаў ў м. Свержань Рагачоўскага павета летам – восенню 1927 г. (імі былі праведзены вечарына жывой газеты, шэраг дакладаў, арганізаваны атэістычны гурток) [7, с. 59 – 60]. Падобныя матэрыялы важныя для разумення адносін савецкай улады і камуністычнай партыі да іудзейскіх абшчын, а таксама для вывучэння тактыкі барацьбы з рэлігійным светапоглядам. Цікавымі з’яўляюцца падборкі невялікіх паведамленняў пра правядзенне антырэлігійных кампаній. У некаторых нумарах часопіса былі змешчаны звесткі пра антыпэйсаховыя вечарыны, сходы ў Бабруйску, Барысаве, Мінску, Слуцку, Тураве, пра адмаўленне яўрэяў Мазыра, Полацка пячы мацу, пра жаданне рабочых зачыніць сінагогі ў Полацку, Старых Дарогах, Талачыне [12, с. 33 – 34; 15, с. 40 – 41]. Трапляюцца ў дадзеных падборках і звесткі пра дзейнасць рабінаў, іх імкненне захаваць рэлігійныя традыцыі яўрэяў. У прыватнасці, ёсць паведамленні пра рабінаў Жлобіна, Клімавічаў, Магілёва, Турава [12, с. 35].

Да другой катэгорыі артыкулаў, змешчаных у “Антырэлігійніку”, варта аднесці агітацыйныя тэзісы, матэрыялы, якія раілася выкарыстоўваць пад час кампаній супраць святаў Пэйсах, Рош-Гашана, Іом-Кіпур.

Нарэшце, да трэцяй катэгорыі матэрыялаў трэба залічыць тыя з іх, што былі прысвечаны тэрэтычным асновам дзейнасці СВБ: вызначалі структуру саюза (у тым ліку месца яўрэйскіх секцый у гэтай структуры), прынцыпы разгортвання працы Саюза і асаблівасці яе правядзення сярод яўрэяў.

Што датычыцца беларускіх рэспубліканскіх выданняў, то матэрыялы па становішчы іудзейскіх абшчын у савецкім грамадстве ўтрымліваюцца ў такіх з іх, як “Ка-

муніст” (газета ЦК Кампарты Літвы і Беларусі), “Бальшавіцкі друк” (часопіс ЦК КП(б)Б), “Маладняк” (часопіс ЦК ЛКСМБ), “Асвета” (часопіс Народнага камісарыята асветы БССР).

Так, у газеце “Камуніст” быў надрукаваны шэраг матэрыялаў, якія крыjne негатыўна ацэньвалі дзейнасць рабінаў у рэспубліцы. У адным з іх зазначалася: “Папы, ксяндзы і рабіны казалі народу: “Бог пакараў нас за грахі нашы. Пастом і малітвай мы павінны замаліваць нашы цяжкія грахі”. І веруючыя ішлі за сваімі настаўнікамі ў цэрквы, касцёлы і сінагогі, здзяйснялі зямныя паклоны, паўтаралі да атупення незразумелыя малітвы і рабілі тысячы глупстваў замест таго, каб выйсці на вуліцы з зброяй у руках, для барацьбы супраць сапраўдных ворагаў і прыгнятальнікаў народа” [6, с. 1].

Матэрыялы, якія з’явіліся на старонках друкаваных органаў ЦК КП(б)Б і ЦК ЛКСМБ, таксама былі скіраваны ў першую чаргу на падштурхоўванне яўрэйскага насельніцтва да адыходу ад рэлігійных традыцый. У прыватнасці, былі артыкулы пра разгортванне антырэлігійнай агітацыі праз перыядычны друк на Магілёўшчыне [4, с. 28]. У “Маладняку” змяшчаліся матэрыялы, прысвечаныя антырэлігійнай дзейнасці яўрэйскай секцыі Беларускай асацыяцыі пралетарскіх пісьменнікаў – антырэлігійным літаратурным выступленням пісьменнікаў і паэтаў у Капцэвічах, Мазыры, Мінску [16, с. 141].

У часопісе “Асвета” маюцца звесткі, важныя для вывучэння становішча хедараў (пачатковых іўдзейскіх навучальных устаноў). У прыватнасці – інфармацыя пра месцазнаходжанне хедараў Бабруйскай акругі і лік навучэнцаў у кожным з іх. Тут жа змешчаны паведамленні пра прыстасаванне меламедаў (настаўнікаў хедараў) да новых умоў існавання. Пасля забароны выкладаць асновы рэлігійных ведаў у пастаянна функцыянуючых установах яны сталі праводзіць заняткі з невялікімі групамі дзяцей. Пры гэтым дзеці нярэдка наведвалі і хедары, і савецкія яўрэйскія школы [11, с. 126 – 127]. Адначасова ў часопісе друкаваліся парады і метадычныя рэкамендацыі па выяўленні дзяцей-навучэнцаў хедараў (у прыватнасці, была распрацавана спецыяльная анкета з мэтай вывучэння рэлігійнасці вучняў), указанні па паляпшэнні сістэмы савецкай адукацыі. Напрыклад, раілася паляпшаць матэрыяльную базу савецкіх школ, уводзіць навучанне на мове ідыш, прымаць на працу кваліфікаваных настаўнікаў. Акрамя праблем традыцыйнай яўрэйскай адукацыі з дапамогай часопіса “Асвета” магчыма прасачыць лёс маёмасці іўдзейскіх абшчын (скруткаў Торы, дзевяцісвечнікаў, амулетаў), частка з якіх трапляла ў беларускія музеі [8, с. 134].

Матэрыялы пра розныя аспекты жыцця іўдзейскіх абшчын БССР у 1919 – 1939 гг. маюцца ў мясцовым перыядычным друку. Пры правядзенні даследавання былі апрацаваны газеты: “Весткі Віцебскага губвыканкама і губкама РКП(б)”, “Палеская праўда” (выдавалася ў Гомельскай губерні), “Камуніст” (друкаваны орган Бабруйскага павятовага выканкама і павятовага камітэта КП(б)Б), “Саха і молат” (Магілёўскае павятовае выданне), “Зара Захаду” з дадаткам на ідышы “Віцебскі рабочы” (выдаваліся ў Віцебскай акрузе). Трэба адзначыць, што тут, як і ў агульнасаюзных, рэспубліканскіх выданнях, інфармацыя пададзена праз прызму антырэлігійнай палітыкі таго часу.

Напрыклад, маюцца звесткі пра закрыццё сінагог і яўрэйскіх малітоўных дамоў у гарадах і мястэчках рэспублікі. Як правіла, такія артыкулы мелі форму рэзалюцый, хадайніцтваў рабочых пра неабходнасць скарачэння колькасці культавых будынкаў і перадачу іх пад савецкія ўстановы [14, с. 4]. Найбольш актыўна аналагічныя матэрыялы з’яўляліся ў друку пад час кампаніі 1929 – 1930 гг. па закрыцці сінагог [1, с. 2].

З дапамогай мясцовага перыядычнага друку магчыма вывучаць ход кампаніі па канфіскацыі каштоўнасцяў 1922 г. У газетах адлюстраваны ўсе асноўныя этапы гэтага мерапрыемства. Тут былі змешчаны аб’явы пра арганізацыю губернскіх камісій па канфіскацыі каштоўнасцяў, іх асноўныя функцыі, рэзалюцыі сходаў гараджан пра неабходнасць ажыццяўлення гэтага мерапрыемства. Напрыклад, у заяве чырвонаармейцаў аўтабранявога атрада Віцебска адзначалася: “Сход ганьбіць тых, хто

чыніць перашкоды канфіскацыі каштоўнасцяў, становячыся тым самым забойцамі галодных. Чырвоныя браневікі патрабуюць ад Віцгубсавета, каб выняцце каштоўнасцяў з цэркваў, сінагог, касцёлаў і малітоўных дамоў было праведзена цвёрдай рукой без усялякага маруджання і паслаблення” [5, с. 2]. Адначасова ў перыёдыцы змяшчаліся адозвы беларускіх рабінаў, накіраваныя да вернікаў, якія былі сугучнымі з палітыкай савецкай улады. У гэтых адозвах лідары іўдзейскіх абшчын заклікалі ахвяраваць усе каштоўнасці на справу выратавання галадаючых. Вялікую цікавасць уяўляюць звесткі пра вынікі канфіскацый з сінагог. Яны дазваляюць удакладніць вагу забраных срэбных рэчаў у кожным горадзе, тэрміны правядзення канфіскацый [10].

Шэраг матэрыялаў, змешчаных у мясцовым перыядычным друку, адлюстроўвае адносіны савецкай улады да іўдзейскіх свят і абрадаў. У выданнях пачатку 1920-х гг. сустракаюцца паведамленні пра тое, што некаторыя яўрэйскія рэлігійныя святы з’яўляліся выхаднымі днямі, аб’явы рабінаў пра продаж пэйсаховага віна [13, с. 2], што сведчыць пра адносна лаяльнае стаўленне савецкай улады да рэлігійных традыцый у гэты час. Адначасова ў перыядычным друку змяшчаліся матэрыялы пра ход антырэлігійных мерапрыемстваў у гарадах і мястэчках. У прыватнасці, у перыядычным друку асвятляліся кампаніі супраць суботняга адпачынку [18, с. 1], супраць выпечкі і ўжывання мацы на Пэйсах [17, с. 2], супраць святкавання асенніх іўдзейскіх святаў Рош-Гашана і Іом-Кіпур [20, с. 2]. У дадатак да гэтага напярэдадні святаў у перыядычных выданнях друкаваліся агітацыйныя матэрыялы, тэзісы для выступленняў агітатараў, у якіх рэлігійныя традыцыі яўрэяў характарызаваліся з адмоўнага боку.

З мясцовых выданняў можна атрымаць звесткі пра колькасць службыцеляў іўдзейскага культу (рабінаў, рэзнікаў, кантараў, магідаў) [19, с. 1], а таксама пра іх дзейнасць па захаванні іўдзейскіх традыцый. Апошняя выклікала незадавальненне з боку савецкіх і партыйных органаў. Тыповай для 1920-х – 1930-х гг. была такая ацэнка дзейнасці рабінаў: “Яны ў апошні час, што называецца, разбэсціліся і адкрыта павялі шалёную працу па аб’яднанні ўсіх рэакцыйных і косных элементаў яўрэйскай буйной і дробнай буржуазіі супраць прадпрымаемых Савецкай уладай мер барацьбы з рэшткамі сярэднявечча і варварства...” [9, с. 1].

Дзякуючы мясцоваму перыядычнаму друку магчыма вывучаць стан яўрэйскай рэлігійнай адукацыі, адносіны да яе савецкай улады. У газетах пачатку 1920-х гг. змяшчаліся афіцыйныя распараджэнні пра закрыццё хедараў, талмуд-тор, ешыботаў, звесткі пра агітацыйныя мерапрыемствы супраць гэтых навучальных устаноў. Прыкладам могуць быць артыкулы пра лютучыя мітынгі ў мястэчках Магілёўскага павята: Дзєбрах, Дубровенцы, Лупалаве, суды над хедарамі ў Магілёве, Чачэрску, вечарыну дакладаў у Гомелі [2, с. 3]. Указаныя артыкулы былі напісаны ў тым рэчышчы, што “хедары з’яўляюцца, паводле саёй сутнасці, рэлігійнымі школамі, у якіх выкладаюцца прадметы, зусім непрымальныя для дзіцяці, недапусцімыя з пункту погляду педагагічнага і якія супярэчаць духу і прынцыпам працоўнай школы” [3, с. 2].

Такім чынам, звесткі па гісторыі іўдзейскіх абшчын Беларусі ў 1919 – 1939 гг. маюцца як у агульнасаюзным, рэспубліканскім, так і ў мясцовым перыядычным друку. На працягу даследуемага перыяду тут змяшчаліся матэрыялы пра працэс закрыцця сінагог, кампанію канфіскацыі каштоўнасцяў 1922 г., змаганне савецкай улады і камуністычнай партыі з іўдзейскімі традыцыямі і святочнымі абрадамі, а таксама пра дзейнасць СВБ, службыцеляў іўдзейскага культу і стан сістэмы яўрэйскай рэлігійнай адукацыі, іншымі словамі, пра ўсе асноўныя аспекты жыцця іўдзейскіх абшчын. Выяўленыя матэрыялы маюць агітацыйны, антырэлігійны характар, яны змяшчаліся ў перыядычным друку ў сувязі з правядзеннем пэўных кампаній, накіраваных на змяншэнне ролі рэлігіі ў яўрэйскім асяроддзі. Нягледзячы на спецыфіку падачы матэрыялу, савецкі перыядычны друк з’яўляецца важнай крыніцай для вывучэння гісторыі іўдзейскіх абшчын Беларусі ў 1919 – 1939 гг.

1. Вал. Рабочыя “Самаходзь” патрабуюць / Вал. // Заря Запада. – 1929. – 3 апр.; Міркін. Царкві і синагогі непатрэбны / Міркін // Там же; Зварот рабочых працкалектыву шорнікаў да рабочых п.-к. “Прагрэс” // Там же.
2. В.Ш. Вечер докладов о хедере / В.Ш. // Полесская правда. – 1922. – 21 июня.
3. И.С. К суду над хедером / И.С. // Соха и молот. – 1921. – 19 февр.
4. Кабакоў, Н. Падрыхтаваць кадры, узмацніць штодзённае кіраўніцтва / Н. Кабакоў // Большэвіцкі друк. – 1934. – №8.
5. Красноармейцы авто-бронированного отряда об изъятии ценностей // Известия Витебского губисполкома и Губкома РКП(б). – 1922. – 2 апр.
6. Лазарев, Н. Религия есть частное дело / Н. Лазарев // Коммунист. – 1919. – 14 февр.
7. Лапан, С. Опыт антирелигиозной работы / С. Лапан // Антирелигиозник. – 1927. – №11.
8. Ластоўскі, В. Музейнае будаўніцтва ў БССР / В. Ластоўскі // Асьвета. – 1927. – №7.
9. М.Х. «Гихоновцы иудейского вероисповедания» / М.Х. // Полесская правда. – 1922. – 6 июня.
10. Полесская правда. – 1922. – 29 апр.; 4 мая; 5 мая; 23 мая.
11. Розэнфельд, П. Барацьба з хэдэрам і русіфікацыйнымі настроямі ў яўрэйскай школе на Барысаўшчыне / П. Розэнфельд // Асьвета. – 1927. – №3.
12. Розенфельд, П. К итогам кампании против иудейской пасхи / П. Розенфельд // Антирелигиозник. – 1935. – №3.
13. Соха и молот. – 1921. – 24 апр.
14. Три синагоги переданы рабочим // Коммунист. – 1923. – 14 марта.
15. Хаитов, Л. Кампания против иудейской пасхи (Обзор местной печати) / Л. Хаитов // Антирелигиозник. – 1936. – №3.
16. Хроніка // Маладняк. – 1929. – №5/6.
17. Х-ски. И с мацой пора покончить / Х-ски // Заря Запада. – 1929. – 29 марта; Хомечный. Новоиспечённая «артель» / Хомечный // Там же
18. Ш-н, М. День отдыха – среда / М. Ш-н // Коммунист. – 1923. – 4 мая.
19. ל. די קלערקאלן קריכן ארויס / ל. לעווין // וויטעבסקער ארבעטער. – 1927. – 25 יוני
20. ארבעטער און אנטווערפער ארבעטער / א. ראבקינ, א. פירן, סיסטעמאטיש אן אנטווערפער ארבעטער / א. ראבקינ // קומוניסט. – 1935. – 11 קאסט.

Сідорэнка В.М.

ВОБРАЗ КАСЦЁЛА НА СТАРОНКАХ ГАЗЕТЫ “ОРКА” Ў 1920-я гг.

Матэрыялы перыядычнага друку 1920-1930-х гг. змяшчаюць каштоўныя крыніцы па гісторыі польскага насельніцтва БССР. У міжваенны час адбывалася станаўленне і фарміраванне савецкай прэсы не толькі як носьбіта інфармацыі, але перад ўсім як сродка ідэалагічнага ўплыву. Негледзячы на тое, што савецкая прэса ніколі не ставіла перад сабой мэту аб’ектыўна адлюстроўваць рэчаіснасць, пры пэўных навукова-метадалагічных захадах, магчыма выкарыстанне матэрыялаў перыядычнага друку міжваеннага часу ў якасці каштоўнай крыніцы. Сярод мноства газет 1920-1930-х гг. звернем увагу на польскамоўную “Orka”. Яна з’яўлялася штотыднёвым друкаваным органам польбюро ЦК КП(б)Б і арыентавалася на сельскае польскае насельніцтва БССР. Газета выходзіла з 1926 па 1937 г. Яе папярэднікам была “Polska Prawda”, арганізаваная ў 1919 г. ў Мінску. У розны час ў рэдакцыі працавалі: Рагінскі, Б. А. Вансоўскі, Прынц, Клыс, Г. Жарскі, У. Кавальскі, Я. Кірштэйн, С. Гельтман, Ю. Мірэцкі, Р. Бржазоўскі, П. І. Пяско, Я. М. Савіцкая, С. Майхровіч. Большая іх частка удзельнічала ў рэвалюцыйных падзеях 1917 г., працавала ў польскім бюро ЦК КП(б)Б. Напрыклад, Стэфан Гельтман ў снежні 1917 г. узначаліў камісарыят па польскіх справах Заходняй вобласці і фронту [1]. Ён уваходзіў у склад рэдакцыі газеты “Polska Prawda”, садзейнічаў усталяванню савецкай улады, выступаў супраць акупацыі польскімі войскамі Беларусі. Яму належыць мноства артыкулаў у перыядычным друку БССР, ў тым ліку ў газеце “Orka”, “Trybuna radzecka”. Ён уваходзіў у бюро комфракцыі і польскі сектар Інбелкульту [2, л.12]. У 1927 г. выйшла падрыхтаваная ім праца аб удзеле працоўных палякаў БССР ў Кастрычніцкай рэвалюцыі [3]. Разуменне грамадска-палітычных пазіцый, узроўня адукацыі, кваліфікацыі рэдактара газеты дапамагае ў крыніцазнаўчай крытыцы матэрыялаў “Orki”.

“Orka” – важная крыніца пры вывучэнні становішча польскага насельніцтва БССР ў міжваенны час. На яе старонках друкаваліся важнейшыя заканадаўчыя акты, загады і распараджэнні ўраду БССР, ЦК КП(б)Б, іншых органаў улады, што датычыліся палякаў. Газета рэгулярна змяшчала аналітычны матэрыял, крытычныя артыкулы, міжнародную хроніку, агляды важнейшых палітычных падзей савецкай краіны, друкавала матэрыялы рабкораў і селькораў, змяшчала на сваіх старонках аб’явы, літаратурныя творы на польскай мове. Газета мела пастаянную рубрыку - “Stroniczka

gospodarza” для руплівых гаспадароў, з мэтай павышэння ўзроўню эканамічных, агра-тэхнічных і гаспадарчых ведаў.

Аналітычны матэрыял, што змяшчала “Orka”, цалкам супадаў з афіцыйнай пазіцыяй уладаў. Рэдактара газеты рэгулярна запрашалі на паседжанні польскага бюро ЦК КП(б)Б, якое каардынавала накірункі дзейнасці газеты. У выніку журналістам і супрацоўнікам “Orki” практычна не заставалася месца для крытычнага разумення рэчаіснасці. Крытычныя заўвагі друкаваліся толькі ў адрас асобных яе прадстаўнікоў, як правіла “з месцаў”. Крытыка звычайна датычылася “няправільнага” правядзення палітыкі партыі, яе скажэння, бюракратызму, фармальнаму падыходу да працы. На старонках польскамоўнага штотыднёвіка, як і ва ўсёй савецкай прэсе, не можна было абыйсціся без сацыяльна зарыентаванай крытыкі. Яна была накіравана супраць кулакоў, былых памешчыкаў, каталіцкіх святароў, вернікаў і іншых варожых элементаў. Пастаянным аб’ектам крытыкі з’яўлялася суседняя буржуазная Польшча. Газета малявала надзвычай цяжкае становішча працоўных і сялян. Рознымі сродкамі падкрэслівалася варожы статус Польшчы, яе імкненне развязаць вайну супраць савецкай краіны. Пастаянная рубрыка “Chronika” абавязкова утрымлівала звесткі аб стачках, забастоўках, мітынгах, лакаўтах, разгонах мірных дэманстрацый польскай паліцыяй. Урад Пілсудскага і яго палітыка адкрыта называлася “фашысцкай” [4, 5, 6].

Наступным аб’ектам крытыкі, якому адводзілі не менш ўвагі, быў каталіцкі касцёл. “Orka” супрацоўнічала з “Саюзам бязбожнікаў” (“Саюзам ваяўнічых бязбожнікаў”) і павінна была рэгулярна друкаваць матэрыялы антырэлігійнага зместу. Барацьба з рэлігіяй падавалася як барацьба за пабудову сацыялізму [7]. Шырока асвятляліся факты злоўжыванняў святароў і членаў касцёльных камітэтаў, іх амаральныя паводзіны, асуджаліся рэлігійныя забабоны. У мэтах павышэння ўзроўню асветы на старонках штотыднёвіка змяшчаліся артыкулы аб паходжанні чалавека, стварэнні космаса і планеты Зямля. Сродкам барацьбы з рэлігіяй выступаў гумар. Асабліва напярэдадні вялікіх рэлігійных святаў газета друкавала антырэлігійныя вершы, анекдоты, гумарэскі, эсэ, карыкатуры [8].

“Orka” імкнулася стварыць негатыўны вобраз касцёла, і не хавала сваіх намераў. Каталіцкі касцёл ператвараўся ў з’яднанне махляроў, што карыстаюцца нізкім узроўнем асветы сялянства ў мэтах асабістага ўзбагачэння. Толькі дрэнныя якасці павінны былі асацыявацца з воблікам ксяндза – скупасць, п’янства, амаральныя паводзіны, ілжывасць. Напрыклад ў артыкуле “Damagamy się wyjaśnienia! Książdz – chuligan” газета разпавядала аб ксяндзе Паўле Казюнасе з в.Загацце Ветрынскага раёна Полацкай акругі. Ён нецвярозы з’явіўся ў школе і ўчыніў там пагром, праклініў настаўніцу і вучняў. Хуліганствы ксяндза на гэтым не скончыліся. У сталоўцы г. Ветрына ён занадта перабраў моцных напояў, так, што ўсё скончылася танцамі ксяндза і біццём посуду [9]. Ксёндз – гэта цалкам антысавецкі элемент, чужы ўсяму новаму, што будзецца ў БССР. Асабліва рэдакцыя газеты цікавілі факты адмовы ксяндзоў ад сана святара. Такі матэрыял падрабязна распрацоўваўся, друкаваліся ўсе падрабязнасці гэтай падзеі. У 1929 г. у БССР у час разгула антырэлігійнай кампаніі, нарастання рэпрэсій супраць святароў некалькі ксяндзоў адмовіліся ад сана: Вл. Хшчонавіч, Ю. Жамойтук, А. Сак, Б. Валынец. Падзеі разгорнута былі адлюстраваны ў матэрыялах газеты “Orka”. Газета дала безапеляцыйную ацэнку гэтых фактаў, як “упадак, загнуванне і выміранне” каталіцкага касцёла ў БССР [10, 11, 12, 13]. Друкаваліся іх лісты-звароты да веруючых. Яны тлумачылі прычыны адмовы ад сана, пісалі аб расчараванні ў касцёле, выкрывалі памкненні каталіцкага біскупства, гаварылі аб шпіёнскай дзейнасці ксяндзоў.

Каталіцкі касцёл, як вынікае з “Рэзалюцыі аб антырэлігійнай і антыклерыкальнай працы сярод польскага насельніцтва” польбюро ЦК КП(б)Б ад 15 -17 кастрычніка 1928 г., увасабляе адзіную легальную антысавецкую арганізацыю, што гуртуе вакол сябе ўсе незадаволеныя элементы горада і вёскі. Каталіцкія ксяндзы – агентура фашыс-

цкай Польшчы [14]. Гэта была афіцыйная пазіцыя савецкай улады, яна абумовіла наступныя рэпрэсіўныя мерапрыемствы ў дачыненні да святароў і вернікаў. Гаворачы аб уплыве друку варта перасцерагчыся ад разумення беларускага грамадства, як пасіўнага рэцэпіента. Крытычнае стаўленне да агітацыйна-прапагандысцкіх матэрыялаў было досыць пашыраным. У справаводстве польбюро КП(б)Б зберагліся водгукі мясцовых палякаў, якія адмаўляліся выпісываць савецкую прэсу. Яны тлумачылі гэта тым, што газеты маняць, ашукуюць грамадства, пішуць зашмат хлусні. Таму пры вывучэнні вобразаў, што ствараў перыядычны друк, каштоўным і неабходным з'яўляецца ўсведамленне стаўлення грамадства да таго ці іншага друкаванага органа.

Беларускае грамадства 1920-1930-х гг. пакінула вялікую дакументальную спадчыну. Перыядычны друк зберагае інфармацыю аб рэлігійных і грамадска-палітычных поглядах насельніцтва БССР. Барацьба з царквой і рэлігіяй пачалася адразу пасля ўсталявання савецкай улады. Абвешчаная свабода веравызнання была фармальнай. Камуністычная ідэалогія павінна была заняць месца рэлігіі ў жыцці грамадства. Антырэлігійная праца адбывалася адразу па некалькіх накірунках: адзяленне школы ад царквы, асветніцкая праца, дзейнасць таварыства “Саюз бязбожнікаў”, антырэлігійныя кампаніі ў перыядычным друку, выступленні лектараў і г.д. Усё гэта дапаўнялася актыўнымі рэпрэсіямі супраць духавенства.

Спецыяльнага друкаванага органа, арыентаванага выключна на антырэлігійную прапаганду ў БССР, не было. Выхад артыкулаў антырэлігійнага зместу становіцца рэгулярным і мэтанакіраваным толькі з 1927-1928 гг. Матэрыялы газеты “Orka” з'яўляюцца каштоўнай крыніцай пры вывучэнні становішча каталіцкага касцёла ў БССР ў міжваенны час. Яны дазваляюць зразумець які вобраз ксяндза імкнулася стварыць новая ўлада. Гэты вобраз павінен быў дэскрэдытаваць не столькі кожнага асобна ўзятага святара, колькі ўвесь касцёл цалкам. Ён павінен быў перастаць асацыявацца з міласэрнасцю, высокімі маральна-этычнымі нормамаі, традыцыйнымі каштоўнасцямі. Касцёл ператвараўся ў ворага, памагатага “буржуазнай фашысцкай Польшчы”, асяродак кламства, цемнаты, забабонаў, скупасці. Яго атаясамлівалі з былой эпохай, тым, што павінна адыйсці ў небыццё. Сучасныя даследчыкі прызнаюць, што савецкая краіна, страціўшы былую духоўную аснову ў выглядзе рэлігіі, яшчэ доўгія дзесяцігоддзі не магла стварыць новы культурны падмурак. Вынікам гэтага стала мноства сацыяльных праблем: рост злачынстваў, прастытуцыі, павелічэнне колькасці разводаў, абортаў, падзенне маралі і нораваў у грамадстве, страта сацыяльнай арыентацыі, зніжэнне павагі да каштоўнасці жыцця.

Такім чынам, матэрыялы газеты “Orka” з'яўляюцца каштоўнай крыніцай пры вывучэнні грамадска-палітычных працэсаў, што адбываліся ў БССР ў міжваенны час. Газета стварала новы вобраз каталіцкага святара, надавала яму выключна негатыўныя ўласцівасці, звязывала з варожай разбуральнай дзейнасцю. Выкарыстоўваліся розныя метады: крытыка, асуджэнне, выкрыццё, тлумачэнне, гумар і г.д. Афіцыйныя акты, артыкулы, журналісцкія даследаванні, лісты карэспандэнтаў (рабкораў і селькораў), рэпартажы, эсэ, навукова-асветныя матэрыялы, літаратурныя творы, анекдоты – усе гэтыя жанры прадстаўлены на старонках газеты.

1. Хацкевич, А. Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть советов в Белоруссии/ А. Ф. Хацкевич – Мн.: «Наука и техника». – 1967. – с. 152.
2. НАРБ, Ф. 4п Оп. 1 Д.4270 Пратакол №2 Бюро комфракцыі Інстытуту Беларускай Культуры 2 . 02. 1928 г.
3. Heltman, St. Robotnik polski w Rewolucji Październikowej na Białorusi/ Stefan Heltman – Minsk: Centralna Komisja CRW BSSR, 1927. – 136 s.
4. Krwawym terorem chce Pilsudski zdusić wyzwolenczo-rewolucyjny ruch białoruski// Orka – 31 stycznia (№4) – 1927
5. Wojenizacja wśród młodzieży w Polsce// Orka – 18 lutego (№6) - 1927
6. Pokrzyżujemy zamiary panów polskich // Orka – 29 czerwca (№51)- 1929
7. Walczyć z religią - to walczyć o socjalizm // Orka – 22 czerwca (№48) – 1929 г. – л. 1.
8. 1-go grudnia rozpoczyna się kampanja antyświęteczna. Przygotujmy się do kampanji// Orka- 2 grudnia (№93) – 1929
9. НАРБ, Ф.4п О.1 С.
10. Rozkład kościoła katolickiego. Książd Jozef Zamojtuk zrzucił sutannę // Orka – 10.09(№71) – 1929

11. Upadek kościoła katolickiego. Ksiądz Bolesław Wołyniec zrykł się stanu duchownego // Orka – 24. 10 (№84) – 1929
12. Dalszy upadek kościoła katolickiego: ksiądz Sak zrzucił sutannę // Orka – 21. 09 (№90) – 1929
13. Oświadczenie byłego ks. Proboszcza kościoła chojnickiego, Saka // Orka – 21. 09 (№90) – 1929
14. НАРБ, ф.4п О.1 С.4279 Протоколы заседаний польбюро ЦК КП(б)Б 13.01. – 26.12.1928 г. л.63-63

Лугачёва Т.А.

ПЕЧАТЬ МОПРа ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ В 20-30-е гг. XX в.

Печать является одним из важнейших источников изучения истории, в том числе и деятельности Международной организации помощи революционерам (МОПР) Западной Беларуси.

ЦК МОПРа Западной Беларуси издавал газеты «Чырвоная дапамога» (на польском языке «Czerwona Pomoc»), «Палітычны вязень», «Турмы клічуць да барацьбы», «Бюлетэнь ЦК МОПРа»; Белостокский окружной комитет МОПРа выпускал газету «Мопровец Белостокский». Политзаключенные гродненской тюрьмы издавали газету «Вастрожныя думкі», виленской – «Лукішскі сцяг», пинской – «Знамя политарестованных» [7]. Всего было 7 тюремных изданий. В самой крупной в Западной Беларуси тюрьме Лукишки в Вильно начал выходить ежемесячно в двух экземплярах тюремный журнал «Краты» [3]. МОПР Польши и Западной Беларуси издавали брошюры и сборники статей.

Большую роль играли мопровские воззвания и листовки. Так, в листовке, изданной «Красной помощью» в ноябре 1925 г. говорилось, что в польских тюрьмах заключенные находились в тяжелых условиях, что в «царских тюрьмах не мучали электричеством, не прижигали губ горящими папиросами, в царские времена никогда не было голодовок, как сейчас» [12]. Мопровцы распространяли также воззвания и листовки, написанные политическими заключенными и вышедшими из тюрьмы революционерами. Мопровские газеты, воззвания и листовки не только информировали трудящихся о терроре властей, но и призывали к борьбе с ним [25].

В начале 1925 г. КПП, КПЗБ и МОПР развернули массовую кампанию в защиту депутата польского сейма коммуниста С. Ланцуцкого. Массовым тиражом издавались воззвания и листовки с призывом к борьбе за освобождение С. Ланцуцкого и всех политзаключенных [11].

Мопровцы Западной Беларуси приняли активное участие в кампании в защиту Белорусской крестьянско-рабочей громады (БКРГ), в т.ч. проводили агитационно-пропагандистскую работу, используя и печать. В одной из листовок МОПРа говорилось: «Правительство Пилсудского распустило Громаду и растоптало даже всякую видимость прав. Пусть во всех деревнях и городах раздаётся голос борьбы и протеста, голос охраны мучеников белорусского народа. Рабочие и крестьяне, созывайте собрания и массовки. Принимайте резолюции. Добивайтесь освобождения послов и борцов Громады. Долой угнетение народов! Честь геройским борцам Громады!» [6].

Газета «Чырвоная дапамога» сообщала, что МОПР Западной Украины также выступил с протестом против мести польского правительства лучшим представителям белорусского народа [18].

Из печати мы получаем сведения о борьбе против введения нового тюремного устава 1931 г., лишавшего политических заключенных всех прав, уравнивавшего их с уголовными преступниками. МОПР Западной Беларуси в газетах, многочисленных воззваниях и листовках подверг острой критике введение нового тюремного устава [5]. «Чырвоная дапамога» сообщала о широком отклике среди трудящихся борьбы политзаключенных Лукишской тюрьмы [21].

Печать МОПРа является источником изучения борьбы против чрезвычайных судов. Печать «Красной помощи» широко освещала эту борьбу. Так, февральский номер 1932 года «Чырвонай дапамогі» сообщал о тысячной демонстрации рабочих и крестьян Волчинской гмины. Полиции, несмотря на отряд самообороны, удалось арестовать 40

человек, их хотели передать полевому суду. Демонстранты выступили с решительным протестом. Полиция вынуждена была освободить большую часть арестованных [22]. Также «Чырвоная дапамога» сообщала, что только в конце ноября – начале декабря 1932 г. в массовках в Асташинском районе приняло участие 400 человек, в Индурском – 220, в районе Горниц – 450 человек; массовки состоялись в деревнях Лаша, Сухая Долина, Рогачи, Зарубичи и других. Массовка в Баранове охватила 500-600 человек и вылилась в мощную демонстрацию [19].

В 1934-1938 гг. КПП, КПЗБ и МОПР проводили широкую деятельность по созданию единого фронта борьбы против террора и наступления фашизма. Буквально в каждой газете, бюллетене, листовке МОПРа Западной Беларуси звучала идея необходимости объединения всех прогрессивных сил в едином фронте борьбы. ЦК МОПРа призывал бороться за ликвидацию концлагеря в Берёзе Картузской, за освобождение всех заключенных антифашистов [15].

Печать является одним из источников изучения кампании борьбы за спасение жизни белорусского революционера С.О. Притыцкого. ЦК МОПРа Западной Беларуси издал воззвание с требованием отмены смертной казни С.О. Притыцкому [2]. Было издано 500 песен о Притыцком и распространено 2000 воззваний «Красной помощи» с его фотографиями [8].

Печать является одним из источников освещения деятельности организаций по оказанию помощи жертвам террора и борьбы за амнистию. В воззвании ЦК МОПРа Западной Беларуси к трудящимся в 1926 году говорилось: «Собирайте деньги, продукты, книги, теплую одежду для политзаключенных. Все вступайте в ряды МОПРа, организуйте его кружки на фабриках, в профсоюзах, в деревнях и селениях. Делайте регулярно отчисления от своего жалования в пользу политзаключенных» [1].

Важное место в деятельности МОПРа занимала помощь семьям политзаключенных и погибших революционеров. Особенно чуткую заботу проявляли КПЗБ и мопровские организации о детях заключенных и погибших революционеров. Уже в первые месяцы своего существования МОПР приступил к организации юридической помощи, на которую направлял значительную часть средств.

Деятельность МОПРа по оказанию юридической помощи была тесно связана с борьбой за освобождение политических узников. Массовые кампании, развернувшиеся под руководством Компартии и МОПРа, заставили польское правительство дважды – в 1928 и 1936 гг. – объявить амнистию и освободить часть политзаключенных.

В мопровских изданиях печатались призывы политических заключенных западнобелорусских тюрем ширить движение за амнистию. Так, в газете «Палітычны вязень» было помещено обращение заключенных Лукишской тюрьмы ко всем трудящимся Западной Беларуси, в котором они призывали рабочих и крестьян бороться за полную амнистию политических заключенных, за прекращение арестов рабочих и крестьян, за отмену смертных приговоров [13].

Газета «Палітычны вязень» (1926, № 1) также сообщала, что при активном участии Красной помощи в июне 1926 года был создан Центральный Межпартийный секретариат по борьбе за амнистию для политических заключенных (ЦМС). В пользу амнистии собирались подписи, а также денежные взносы [13, 16]. Комитет помощи заключенным издавал специальный бюллетень «Амнистия». 1-й его номер вышел в июле 1926 г. [17].

Партийная и мопровская печать сообщала, что под руководством КПЗБ, МОПРа, межпартийных секретариатов проходили многочисленные митинги и собрания трудящихся. Рабочие и крестьяне требовали амнистии политических заключенных, выносили резолюции протеста. В городах, местечках и селах вывешивались транспаранты, плакаты с требованием амнистии, красные флаги. Широкое участие в этой кампании приняло крестьянство. В сейм из самых глухих уголков Западной Беларуси поступали требования крестьян об освобождении политических заключенных. Широкого размаха достиг

также сбор подписей под требованием освобождения политических заключенных. В конце октября 1926 г. было собрано уже 35 тысяч подписей [13, 24].

В изданных ЦК МОПРа Западной Беларуси и окружными комитетами листовках в связи с процессами «133», «34», «71», «35», «18» и другими выдвигались лозунги «Долой массовые процессы над революционными рабочими и крестьянами Западной Беларуси», «Требуем освобождения всех политических заключенных» [9, 4].

В 30-е годы, как отмечает газета «Чырвоны сцяг» (1934, № 3, сентябрь), борьба за освобождение политзаключенных была тесно взаимосвязана с борьбой в защиту Э. Тельмана.

О размахе борьбы за амнистию свидетельствуют данные газеты «Czerwoparomoc» (1936, март). В Вильно в кампании участвовали более 1000 человек. Трудящиеся Виленщины послали в министерство внутренних дел письмо с требованием амнистии. В Гродно в митингах и собраниях участвовали около тысячи человек.

Печать МОПРа и КПЗБ играет большую роль в изучении международной деятельности МОПРа. Широко комментировалась борьба рабочих всего мира за жизнь Сакко и Ванцетти, а также за спасение 9 негритянских юношей из Скоттсборо (США). «Чырвоная дапамога» (1931, № 21 (6), август) писала: «В ответ на вырастающую революционную борьбу негров в Северной Америке, правительство осудило 9 молодых негров на смертную казнь. В связи с этим во всем мире происходят массовые демонстрации протеста рабочих и крестьян. Рабочие и крестьяне Западной Беларуси пусть также присоединят свой голос протеста» [23].

Яркой страницей в истории МОПРа явилась организованная им под руководством Коминтерна международная кампания в защиту жертв германского фашизма. Летом 1933 г. МОПР провел неделю интернациональной солидарности с жертвами германского фашизма. ЦК МОПРа Западной Беларуси в своей листовке напечатал обращение Клары Цеткин к мопровцам всего мира [10]. В связи с Лейпцигским процессом «Чырвоная дапамога» (1933, № 1, июль) писала: «Встанем к борьбе в защиту наших немецких товарищей, созовем массовые митинги для выражения протеста и солидарности. Примем резолюции, соберем деньги для жертв немецкого фашизма. Пойдем демонстрациями к гитлеровским представителями в Польше – немецкому консульству» («Чырвоная дапамога», 1933, № 1, июль).

ЦК МОПРа Западной Беларуси выпустил на польском языке в июле 1934 специальный номер газеты «Czerwona pomoc» (1934, июль) [25]. В статьях «Кто такой Тельман» и «Спасем товарища Тельмана» рассказывалось о его жизни и революционной борьбе, подчеркивалось, что освобождения Э. Тельмана можно добиться только совместной борьбой миллионов рабочих, крестьян, трудовой интеллигенции, массовым участием их в митингах, демонстрациях, политических забастовках. На митингах и собраниях трудящихся принимались резолюции с требованием освобождения Э. Тельмана, которые посылались в немецкое консульство, говорит «Чырвоная дапамога» (1935, № 2, май) [21].

МОПР проводил значительную работу по пропаганде внешней политики СССР. «Чырвоная дапамога» и др. широко освещали антивоенную деятельность мопровцев, сообщали о выступлениях среди солдат [22].

1. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Т. 1. – Мн.: Госиздат, 1962. – с. 435-436; Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ), ф. 242, оп. 1, д. 42, л. 36.
2. Борьба трудящихся Западной Белоруссии за социальное и национальное освобождение и воссоединение с БССР. Документы и материалы. Т. 2. – Минск: Беларусь, 1972. – с. 404-406.
3. Воткович, Г.Л. КПЗБ в борьбе за интернациональное единство трудящихся / Г.Л. Воткович. – Минск: Изд. БГУ, 1975. – с. 39-40.
4. Государственный архив Брестской области (далее ГАБО), ф. 93, оп. 1, д. 961, лл. 93-94.
5. ГАБО, ф. 1, оп. 9, д. 1413, лл. 51, 52, Чырвоная дапамога, 1931, л. 2 (6).
6. Государственный архив Гродненской области (далее ГАГО), ОНСЛ, № 2642, лл. 17-18.
7. Зелинский, П.И. Печать КПЗБ в борьбе за свободу / П.И. Зелинский, Н. А. Ракевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1977. – с. 10, 87.
8. Ладысеў, У.Ф. КПЗБ – арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934-1938 гг.) /

- У.Ф. Ладысеў. – Мінск: Выд-ва БДУ, 1976. – с. 122-123.
9. НАРБ, ф. 242, оп. 1, д. 122, лл. 16, 26.
 10. НАРБ, ф. 242, оп. 1, д. 67, л. 43.
 11. НАРБ, ф. 242, оп. 1, д. 68, л. 49; д. 42, л. 17; Государственный исторический архив Литвы (ГИА Литвы), ф. 128, оп. 1, д. 253, л. 16.
 12. НАРБ, ф. 242, оп. 1, д. 68, л. 10.
 13. Палітычны вязень, 1926, верасень.
 14. Российский центр сохранения и изучения документов новейшей истории (далее РЦСИДНИ), ф. 539, оп. 3, д. 930, л. 13.
 15. РЦСИДНИ, ф. 539, оп. 3, 991, л. 29, д. 1002, л. 1.
 16. РЦСИДНИ, ф. 539, оп. 5, д. 12, л. 276.
 17. РЦСИДНИ, ф. 539, оп. 5, д. 12, л. 273.
 18. Чырвоная дапамога. – 1928, сакавік.
 19. Чырвоная дапамога. – 1933, № 1, люты.
 20. Чырвоная дапамога. – 1933, ліпень.
 21. Чырвоная дапамога. – 1935, май.
 22. Чырвоная дапамога. – 1932, люты.
 23. Чырвоная дапамога. – 1931, № 2 (6), жнівень.
 24. Чырвоны сцяг. – 1926, № 7, лістапад.
 25. Czerwona pomoc. – 1934, lipiec.
 26. Więzień polityczny. – 1924, № 2, grudzień.

Митракова В.А.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БССР ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОПАГАНДЫ ПОЛИТИКИ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ В 1926–1935 гг.

В исследовании процесса коллективизации сельского хозяйства Беларуси важное место занимает изучение роли и места периодической печати как одного из важнейших средств пропаганды политики коллективизации. Годы проведения политики коллективизации стали временем становления газетной сети БССР, ряд изменений в структуре изданий (реорганизация окружных и создание районных газет, выпуск газет политотделов МТС и колхозов) был непосредственно связан с осуществлением политики коллективизации. Особенный интерес к периодической печати как историческому источнику для изучения пропагандистской деятельности коммунистической партии в 1920-1930-е годы объясняется и тем, что в это время она была наиболее распространенным средством массовой информации.

До сих пор освещение вопросов коллективизации на страницах газет рассматривалось в рамках исследований по истории периодической печати БССР [3]. В исследованиях по истории коллективизации белорусской деревни вопросам определения роли пропаганды в осуществлении коллективизации уделялось незначительное внимание, периодической печати отводилась роль второстепенного источника [2; 5].

Такой подход был обусловлен как характером информации, содержащейся в периодике (ее отрывочность, неполнота, ограниченность цензурными рамками), так и методами, применявшимися при изучении газет как исторического источника. Наиболее распространенным приемом использования периодической печати как источника была классификация отдельных материалов, представленных в издании по жанрам и дальнейшее их изучение с использованием методов, характерных для данной группы источников (законодательные документы, мемуары), или в соответствии с методами, практикующимися в журналистике (передовая статья, репортаж, очерк). В результате исследователи, занимавшиеся вопросами коллективизации, использовали гораздо более полную и надежную информацию из других источников, изредка дополняя ее наиболее яркими фактами, полученными из газет, а исследования по истории периодической печати сводились к перечислению важнейших тем, затронутых газетами, с цитатами из отдельных статей [2, с.28; 3, с. 132-239; 5, с.126].

При таком подходе из поля зрения историков выпадала важнейшая особенность информации, содержащейся в периодической печати, которая становится определяю-

щим фактором при изучении пропаганды политики коллективизации: цель ее опубликования не столько отражение действительности, сколько активное воздействие на массовое сознание. Все недостатки газетной информации как источника по истории белорусского крестьянства, нейтрализовать которые исследователю приходилось строгой источниковедческой критикой и привлечением данных из других источников, делают периодическую печать уникальным источником для изучения пропагандистской деятельности коммунистической партии. Материалы, представленные в газетах, позволяют проследить изменения в идеологических установках партии по отношению к крестьянству со второй половины 1920-х до середины 1930-х годов.

Партийное руководство подходило к содержанию газет в соответствии с ленинской установкой «печать – коллективный пропагандист, агитатор, организатор». Примером партийного руководства организацией газетного материала является письмо инструктора культпропа ЦК КП(б)Б Фуксона редактору ушачской районной газеты «Прымежны калгаснік», в котором даются рекомендации по пропаганде газетой постановления ЦК ВКП(б) «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов» от 4 февраля 1932 г.: отметив, что, отсутствие в газете материалов с мест о ходе перестройки работы в колхозе, возможно, связано с тем, что в районе еще не началась практическая работа в соответствии с указанным постановлением, инструктор культпропа предлагает «не ждать, пока начнется перестройка (работы в колхозе – *В.М.*) и самотеком начнут присылать материал. Вам надо, - рекомендует инструктор, - в наиболее крупном колхозе мобилизовать колхозный актив, селькоров, помочь им организовать работу в духе постановления ЦК и показать это на страницах своей газеты, и на примере этого колхоза учить колхозные массы, как, каким образом перестроить свою работу на бригадный метод» [4]. Поэтому, как и при работе с другими видами источников, исследователь обязательно должен учитывать исторический контекст и функции, которые исполняла периодическая печать в изучаемом периоде.

Для более эффективного воздействия на читателей газеты часто используют яркие, необычные факты, которые апеллируют к эмоциям читателя. В качестве примера такого материала можно привести очерк «11 лет в когтях у кулака», опубликованный в газете «Беларуская Вёска», рассказывавший о судьбе француза Марселя Бака. В статье конкретно описывалось, в чем выражалась эксплуатация: батрак ничего не получал за свою работу, не получал от нанимателя спецодежды, не имел выходных дней. «Эксплуатация батрака дошла до того, что кулак Зенкевич посылал его на раскорчевку пней, а деньги клал себе в карман». В заключение сообщалось, что, после вмешательства газеты по заметке селькора, Марсель Бака «работает в совхозе и очень доволен своей жизнью и работой» [1]. Прежде чем использовать подобную информацию, исследователю необходимо определить, цель которую преследовала газета, публикуя данный факт.

Безусловно, исследование периодической печати невозможно без привлечения материалов отдельных статей. Особенно интересные факты можно встретить в газетах 1920-х годов, когда редакции часто печатали полемические статьи в порядке обсуждения. Ценнейший материал содержится в номерах, посвященных «Дню коллективизации», «Дню урожая и коллективизации». Однако при таком подходе мы практически не можем оценить, насколько типичной для данного периода была использованная публикация.

В том случае, когда хронологические рамки исследования охватывают не несколько месяцев, а десятилетие, а количество изданий, которые необходимо проанализировать, исчисляется несколькими десятками, использование подобного подхода становится практически неосуществимым и нецелесообразным, так как исследователь теряется в массе однотипных фактов, характерных для определенного исторического контекста. В данных условиях оптимальным является применение в исследовании периодической печати методов, разработанных для массовых источников. Это позволяет обеспечить подход к материалам периодической как к особому виду исторических ис-

точников, обладающему внутренним единством и непрерывностью. Именно эти специфические особенности периодической печати предопределили обращение к методу контент-анализа. Процедура контент-анализа предусматривает выделение определенных смысловых категорий, соответствующих теме исследования, с последующим подсчетом частоты и/или объема их упоминания в исследуемых текстах. Анализируя материалы газет с помощью данного метода можно более точно интерпретировать темп, характер и условия проведения политики коллективизации.

В ходе пилотного исследования в качестве единицы анализа был выбран заголовок статьи, так как в нем наиболее полно выражается содержание публикации. Было проанализировано 3919 заголовков статей из газет “Звезда” за 1928, 1929, 1932 гг., “Савецкая Беларусь” за 1927, 1929 гг., “Чырвоная змена” за 1928-1929 гг., “Беларуская Вёска” (с 1931г. – “Калгаснік Беларусі”) за 1926-1935гг., “Заря Запада” за 1926-1927 гг., “Віцебскі пралетарый” за 1929-1935 гг., “Віцебская сялянская газета” за 1926-1927 гг., “Ленінскі прызыў” за 1935г. В результате десятилетия 1926-1935 годы (от принятия партией курса на индустриализацию, которая повлекла за собой проведение форсированной коллективизации до завершения массовой коллективизации) было разделено на несколько периодов, подходы к пропаганде политики коллективизации в которых существенно различаются.

В первом периоде (1926 – первая половина 1927г.) периодическая печать уделяла преимущественное внимание развитию потребительской кооперации и простейших форм сельскохозяйственной кооперации. Публиковались практические рекомендации по организации кооперативов, особенно много внимания уделялось привлечению в кооперативы бедноты. Пропаганда велась на основе ленинского кооперативного плана и базировалась на разъяснении выгоды коллективных форм ведения хозяйства, коллективизация крестьян рассматривалась лишь как одно из средств повышения продуктивности сельского хозяйства. В периодической печати объективно отражались трудности, с которыми сталкивались кооперативы и колхозы, недостатки в их работе.

Второй период (вторая половина 1927- нач.1929г.) характеризуется повышением внимания периодической печати к деятельности колхозов. Доля статей, посвященных кооперации упала. В этом периоде газетами стали печататься очерки о жизни коллективных хозяйств, которые должны были показать крестьянам выгоду коллективных хозяйств и служить пособием по практической организации их работы, передавать положительный опыт работы колхозов.

Третий период (вторая половина 1929- нач.1930г.) характеризуется активным участием газет в массовой коллективизации, которая сочеталась с кампанией по борьбе за ликвидацию хуторов. Эффективность воздействия периодической печати в проведении массовой коллективизации подтверждается тем, что обвиненные в перегибах работники ссылались на то, что они действовали по установкам печати.

Со второй половины 1930г. начинается четвертый период, в котором произошли изменения в работе газет. Для обеспечения более эффективной работы среди крестьянства была создана сеть районных газет. Пропаганда политики коллективизации стала ориентироваться не только на принуждение крестьян вступить в колхоз, но и на то, чтобы экономически заинтересовать их. Начиная с этого времени основным направлением работы газет было организационно-хозяйственное укрепление колхозов. В 1933-34гг. Для приближения пропагандистской работы к крестьянским массам была создана сеть газет политотделов МТС и совхозов, которая просуществовала до ликвидации политотделов МТС.

Данная периодизация уточняет ранее предложенную С.В. Марцелевым, который, в соответствии с распространенной в советской историографии периодизацией процесса коллективизации сельского хозяйства, выделял следующие этапы в деятельности периодической печати по освещению коллективизации: 1926-1928 гг. – пропаганда в печати ленинского кооперативного плана и решений XV съезда ВКП(б); 1929-1932 гг. – агитационная и организационная работа печати в период развертывания сплошной коллективизации; с

1933 г. – пропаганда печатью организационно-хозяйственного укрепления колхозов в условиях завершения сплошной коллективизации [3].

Таким образом, при изучении материалов периодической печати, исследователю необходимо использовать как традиционные методы анализа документальных источников, так и качественно-количественный анализ (контент-анализ), что позволяет обеспечить подход к материалам периодической как к особому виду исторических источников, обладающему внутренним единством и непрерывностью и получить новые данные.

1. Беларуская Вёска. – 1930. - №28. – 8 марта
2. Костюк, М.П. Идеино-политическое воспитание крестьянства. Из опыта работы КПБ в период строительства социализма 1926-1937гг. / М.П.Костюк. - Мн.:Беларусь,1979. – 254с.
3. Марцелев С.В. На путях строительства социализма: Печать Белоруссии 1926-1937гг./ С.В.Марцелев - Мн.: Беларусь, 1972. – 312с.
4. Национальный архив Республики Беларусь, ф.4п, оп.1, д. 5483 л. 380
5. Победа колхозного строя в Белорусской ССР / М.П.Костюк, В.А.Полюян, А.Н.Сорокин и др. – Мн.: Наука и техника, 1981. – 422с.

Пушкін І.А.

БЕЛАРУСКАМОЎНЫЯ АДЗВЫ ЯК КРЫНІЦЫ ПА НАЦЫЯНАЛЬНАМУ АНТЫСАВЕЦКАМУ СУПРАЦІВУ Ў БССР

Асноўная частка дакументаў па нацыянальнаму, антысавецкаму супраціву ў БССР захоўваецца ў архівах КДБ, да якіх даследчык мае абмежаваны доступ. Але ж спазнаць рэальнае грамадска-палітычнае жыццё Беларусі ў 1920–30-х гадах магчыма пры знаёмстве з інфармацыйнымі зводкамі, справаздачамі ДПУ, камітэтаў КП(б)Б па асобных тэрытарыяльных адзінках, якія складаліся ў некалькіх асобніках. Адзін з іх абавязкова дасылаўся ў мясцовыя і цэнтральныя кіраўнічыя органы КП(б)Б. Іх шмат захоўваецца ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці (ДАВц), Дзяржаўных архівах грамадскіх аб’яднанняў Гомельскай (ДАГАГом) і Магілёўскай (ДАГАМаг) абласцей.

Сучасныя даследаванні засведчылі, што ў Беларусі ў 1920–30-я гг. частка насельніцтва не ўспрымала савецкую дзяржаву як сваю і траквала бальшавіцкую ўладу як нелігітымную. Выступленні насельніцтва супраць парадку кіравання на абшарах Савецкай Беларусі можна падзяліць на некалькі груп. Паўстанні і выступы з акрэсленай палітычнай праграмай: з мэтай рэстаўрацыі дарэвалюцыйнага ладу; аднаўлення буржуазна-дэмакратычных свабод, якія былі атрыманы ў ходзе Лютаўскай рэвалюцыі, і з заклікам да перадачы ўлады Устаноўчаму сходу; нацыянальна-вызваленчыя паўстанні і з заклікамі да незалежнасці Беларусі. Былі паўстанні і выступы без акрэсленай палітычнай праграмы, выкліканыя эканамічнай палітыкай бальшавікоў [2; 5; 8; 9; 10; 11; 12].

Беларускія нацыянальныя арганізацыі, якія імкнуліся да стварэння беларускай незалежнай дзяржавы, – гэта “Брацтва беларускае”, “За Радзіму”, “Зялёны дуб”. Яны мелі ваенную структуру і узаемадзейнічалі паміж сабой. Найбольш буйным быў “Зялёны дуб”, ваенная арганізацыя паўстанцкага характару, ён налічваў у 1921 г. каля 5000 чалавек [9; 12].

Значную ролю ў разгортванні грамадскага руху, які накіраваны супраць існуючай улады, адыгрывае агітацыя і прапаганда. Найбольш шырока распаўсюджанай формай былі адозвы або лістоўкі (улёткі). Гэта від літаратуры і сродак масавай інфармацыі актуальны паводле зместу і аператыўны ў распаўсюджанні. Яны выдаюцца эпизадычна з агітацыйнымі, прапагандысцкімі, інфармацыйнымі, выхаваўчымі і да таго падобнымі мэтамі. Выконваюцца ў выглядзе аркушаў паперы малога або сярэдняга памеру з рукапісным ці друкаваным тэкстам. Тэкст можа быць арыгінальным (адозвы, аб’явы) або запазычаны з іншых крыніц (афіцыйныя дакументы, мастацкія творы).

На тэрыторыі Беларусі рукапісныя лістоўкі, вядомыя з 17 ст., выкарыстоўваліся ў прыватнасці ў ходзе вайны Расіі з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. На беларускай мо-

ве выдаваліся лістоўкі падчас паўстання 1863–1864 гг. У выглядзе лістовак выходзілі нумары легендарнай газеты “Мужыцкая праўда” К.Каліноўскага. Больш за 3 млн. асобнікаў лістовак выдадзена на тэрыторыі Беларусі ў перыяды развалу Расійскай імперыі ў 1917 г., нямецкай і польскай акупацый 1918–1920 гг. У гады Другой сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі выдавалі і распаўсюджвалі лістоўкі ўсе супрацьстаячы бакі. Вядомыя выданні: беларускія – савецкія (каля 11 тыс. назваў), калабарацыянісцкія і незалежніцкія, нямецкія акупацыйныя, польскага падполля (Арміі Краёвай), украінскай незалежніцкай партызанкі (УПА) і інш. Лістоўкі шырока выкарыстоўвацца ў сучасных перадвыбарчых кампаніях, у дзейнасці палітычных партый і грамадскіх арганізацый, рэкламных акцыях [6].

У Беларусі не шмат захавалася агітацыйнага матэрыялу, які быў створаны на беларускай мове. Захаваліся адзінкі беларускамоўных адоваў і лістовак антысавецкага зместу. Вялікай рэдкасцю з’яўляюцца лістоўкі, створаныя ў выглядзе верша. Найбольш вядома падобная агітацыя, якая праводзілася ў Слуцкім раёне ў час дзейнасці (1924–1925 гг.) нелегальнай антысавецкай групы пад кіраўніцтвам Юркі Лістапада [4, с. 191–192].

Таму вялікую каштоўнасць уяўляюць нядаўна знойдзеныя ў Магілёўскім архіве дакументы. У адным з іх распавядаецца аб з’яўленні ў м. Глуск (сёння райцэнтар Магілёўскай вобласці, знаходзіцца паміж Слуцкам і Бабруйскам) лістовак (пракламацый), якія былі рэакцыяй на гвалтоўнае правядзенне калектывізацыі.

Лістоўкі былі надрукаваны на аркушы звычайнай паперы (памер прыкладна 20 x 28 см.) у вершаванай форме і на беларускай мове ў выглядзе звароту да акадэміка АН БССР Я.Коласа. Адбітак адной з іх захоўваецца ў фондзе Бабруйскага АК КП(Б)Б як дадатак да інфармацыйнага паведамлення ад 08.02.1930 г. [7]

Тут упершыню публікуюцца змест часткі дакумента і цалкам лістоўка на мове арыгіналу, з захаваннем асаблівасцяў, арфаграфічных памылак, якія маюцца ў тэксе. У вершаваных радках амаль цалкам адсутнічаюць знакі прыпынку. Прозвішча паэта Ц.Гартнага надрукавана з маленькай літары. На нашу думку, у першым слупку 8 радок трэба чытаць – спіце, 9 – праткнулі, 10 – эшалоны, у другім слупку 24 радок – гняздзе. У нізе лістоўкі надрукаваны вершаваныя радкі на рускай мове.

№ 178/с

ЦК КП(Б)Б

Сакрэтна

ад 8/02 – 30 г.

Аб клясавай барацьбе, контррэвалюцыйнай агітацыі і урадзіцельстве кулацтва

... У сувязі са шпаркімі тэмпамі росту калектывізацыі і ліквідацыяй кулацтва як кляса маецца шэраг выпадкаў, акрамя усиленай агітацыі проціу калгаснага будаўніцтва, метады барацьбы адкрыты тэрар, урадзіцельства і г.д.

У Глускім раёне у ноч на 26/1 – 1930 г., у м. Глуску былі расклеяны контррэвалюцыйныя пракламацыі (копія прыкладаецца). ...

Заг. інфармацыі Бабруйскага АК КП(Б)Б САЛАДУХІН

Копія прокламації

Кому гор. МИНСК Академия НАУК Якубу КОЛАСУ

Эй гартны, Колас і Купала
Нібы памерлі Вы ня стала
Паперы Вам чарніл?
Ужо цяпер ня мае сіл
Як пры цару дык вы сьпявалі
Дзе была гора вы казалі
Цяпер жа усе Вы маучыце

Не гэта хлеба не хапіла
І у некаторых бульба не урадзіла
Так гэта іх за то вядуць
У той страшны нявядомы пуць
Ня мала тысяч і папала
За тое што бульбы не хапіла
У той страшны белый дом

Нібы глухія, бы сьціце
А можа горла Вам пратанулі
Глядзеце ашалены ідуць
У турму таварышы вядуць
Людзей па твару Вам знаемых
Даўгія косы кароткі вус
Прыглянцесь, гэта ж беларус
У падранай сьвітцы і у лапцех
З мазолем кроуным на руках
Да дня на працу ен уставау
Да ночы у полі прабываў
Бедняга біўся з усіх сіл
За тое воддых заслужы
Яго з вінтоўкамі вядуць
У незнаемы яму пуць
Ні дзед ні прадзед, а ніколі
Ня былі у гэтым страшным доме
За што ж яны туды папалі
А можа што яны укралі

Пройдет года все на свете
Кошмар насилия пройдет
Вы будете тогда в ответе
И суд история возьмет

З савецкім што стаіць гербом
Вы ж гэтак добра у сваіх вершах
Насільле злое заклеімлі
Чаму ж цяпер Вы маучыце
А можа голаса лішылі
А можа Вы зьмянілі шкуру
Вайтамі сталі ужо служыць
Забралі хлеб забралі бульбу
І нашу кровь схацелі піць
За нашу працу, за нашу шчырасьць
Вы нас у турму паслалі гніць
За тое, што Вас мы пакармілі
Вашэй паслалі шчэ карміць
А можа Вам зусім ня відна
З акадэміі НАУК
Або любуецесь Вы жэртвай
Як на сваім зняздзе паук

И за молчание перед светом
Она Вас разве наградит
О нет советские поэты
Позором страшным заклеимит

Бобруйск 11/X11 1929 года

На нашу думку, напісаў гэты верш-зварот да паэтаў Ц.Гартнага, Я.Купалы, Я.Коласа паэт-пачатковец або настаўнік. Цікавая акалічнасць: у 1930 г. Глускую сямігодку скончыў будучы паэт Сяргей Грахоўскі [1, с. 245]. Спакусліва выглядае гіпотэза, што менавіта ён аўтар радкоў. А можа хтосьці з былых “лістападаўцаў”. Варта параўнаць прапанаваны тэкст з іх жыццёвым лёсам, заклікамі і зместам лістовак, якія яны распаўсюджвалі сярод насельніцтва.

Слуцкая арганізацыя была выкрытая ДПУ. У сакавіку 1926 г. іх судзілі. Ю.Лістапада (ён быў галоўны абвінавачаны), Нічыпара Мяцельскага і іх найбліжэйшых паплечнікаў – Міхася Макарэню, Міколу і Рыгора Казакоў, Міхася Дзямідовіча – засудзілі на тэрмін ад трох да пяці гадоў. Ю.Лістапад быў у 1927 г. амніставаны, доўгі час не мог уладкавацца на працу. Зарабляў грошы як “вольны перакладчык” у Белдзяржвыдавцтве. Улетку 1930 г. арыштаваны па “справе Саюзу вызвалення Беларусі”, але праз некалькі месяцаў выйшаў на волю (у 1934 г. зноў арыштаваны, у 1938 г. расстраляны) [11].

Арганізацыя Ю.Лістапада ставіла перад сабою мэту праводзіць нацыянальную асветніцкую працу, антыкамуністычную прапаганду, каб потым, стварыўшы шырокую сетку збройных аддзелаў, узняць паўстанне і вызваліць Беларусь ад чужынцаў. Працу сваю патрыёты меліся весці не толькі ў БССР, але і ў Заходняй Беларусі, што была тады пад Польшчай.

Яны выдавалі беларускі часопіс “Наша слова”. З яго старонкаў гучалі заклікі: “Бальшавікі забіраюць наш хлеб і кормяць сваю Расію”, “Хопіць стагнаць. Давайце будаваць уласную дзяржаву – Беларусь. Народ паўстань!” [3, с. 6]. “Браты родныя! Абрыдла нам панаванне чужынцаў – і камуністаў, і паноў. Трэба нам паўстаць і збудаваць вольную незалежную Беларусь”, – звярталіся маладыя патрыёты да насельніцтва. Адна з лістовак, якія распаўсюджваліся сярод жыхароў Слуцка і ваколіцаў, змяшчала наступны верш, падпісаны псеўданімам Малы Язэп:

Паўстань!
 Ня сьпі, мой любы селянін!
 Паўстань супроць чужой улады!
 Паўстаньне – сродак твой адзін,
 Ты роднай Бацькаўшчыны сын,
 Сваіх ня згубіш пуцявін,
 Дык не шукай чужых спагады!
 За зброю! Бі! Хай гінуць гады!
 Паўстань! Ня бойся і ня трусь!
 Ратуйма нашу Беларусь!

Такім чынам, беларускамоўныя адозвы маюць ярка выражаны нацыянальны і патрыятычны змест. Іх аўтары былі перакананымі змагарамі за вольную Бацькаўшчыну–Беларусь. Выяўленьня новых дакументы з’яўляюцца важнай крыніцай па гісторыі нацыянальнага антысавецкага руху ў Беларусі ў міжваенны перыяд.

1. Беларускія пісьменнікі: Бібліягр. слоўн. У 6 т. Т. 2 / Пад рэд. А.В. Мальдзіса; Рэкал.: І.Э. Багдановіч і інш. – Мінск: БелЭн, 1993. – 541 с.
2. Віцьбіч, Ю. Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі / Ю.Віцьбіч. – Нью-Ёрк: БІНІМ, 1996. – 398 с.
3. Гігін, В.Ф. Разгром небальшавіцкіх палітычных партый і груп на тэрыторыі Савецкай Беларусі ў першай палове 1920-х гг. / В.Ф.Гігін // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 10. – С. 6.
4. Гісторыя Беларусі: У 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А.Вабішэвіч [і інш.]; рэдкал. М.Касцюк (гал.рэдактар) і інш. – Мінск: Экаперспекыва, 2006. – 613 с.
5. Грыцкевіч, А.П. Слуцкае паўстанне 1920 г. / А.П.Грыцкевіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6 / Беларус.Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 2001. – С. 347–348.
6. Ермаловіч, В. Лістоўка / В. Ермаловіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 4 / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш. – Мінск: БелЭн, 1997. – С. 374.
7. Інфармацыйнае паведамленне Бабруйскага АК КП(Б)Б ад 08.02.1930 г. // ДАГАМаг. – Фонд 6575. – Воп. 1. – Спр. 770. – Арк. 95–96.
8. Кузьміч, В.М. Нелегальная дзейнасць на беларускім участку савецка-польскага памежжа (1921–1939 гг.) / В.М.Кузьміч // Весці НАНБ. Серыя гуманітарных навук. – 2008. – № 1. – С. 53–61.
9. Латышонак, А. Жаўнеры БНР / А.Латышонак. – Беласток: БГТ, 2009. – 366 с.
10. Пушкін, І.А. Узброены супраціў ва Усходняй Беларусі (20–30-я гады XX ст.): дакументы і матэрыялы / І.Пушкін. – Мінск: Медысонт, 2009. – 192 с.
11. Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакументах і ўспамінах / Ул.Ляхоўскі, Ул.Міхнік, А.Гесь. – Мінск: “Энцыклапедыкс”, 2001. – 274 с.
12. Стужынская, Н.І. Беларусь мяцежная: з гісторыі ўзброенага антысавецкага супраціву: 20-я гг. XX ст. / Н.І.Стужынская. – Вільня: Беларуская жаночая ліга, 2000. – 255 с.

Дулаў А.М.

ЛІСТЫ Г.С. ЕЎДАКІМЕНКІ ЯК КРЫНІЦА ПРА ДЗЕЙНАСЦЬ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА ВІЦЕБСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ПЕДІНСТЫТУТА НА МЯЖЫ 1930–1940-х гг.

Навуковае вывучэнне перыяду 1930-х гг. у дзейнасці гістарычнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя С.М. Кірава толькі пачынаецца. Асноўнымі крыніцамі звестак з’яўляюцца матэрыялы афіцыйнага справаводства факультэта, якія захоўваюцца ў складзе фонда педагагічнага інстытута ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці [1]. Аднак патэнцыял гэтых крыніц ў даследаванні шэрага аспектаў, у прыватнасці, вучэбнага працэсу праз прызму ўспрыняцця тагачасных студэнтаў, студэнцкага паўсядзённага жыцця, даволі абмежаваны. На жаль, да нядаўняга часу нам былі невядомыя і крыніцы асабістага паходжання, якія б утрымлівалі інфармацыю па акрэсленых праблемах. У пэўнай ступені выправіць сітуацыю ўдалося выпадкова.

Напрыканцы лютага 2011 г. газета “Аргументы і факты в Белоруссии” змясціла фотаздымак студэнтаў гістфака ВДПІ імя С.М. Кірава набору 1938 г., зроблены пасля заканчэння імі другога курса, і невялічкі допіс аднаго з тых студэнтаў – Георгія Савіча

Еўдакіменкі з Гомеля, які спадзяваўся даведацца пра лёс аднакурснікаў [2]. Намеснік дэкана гістарычнага факультэта ВДУ імя П.М. Машэрава Дз.В. Юрчак звязаўся з рэдакцыяй, высветліў адрас Георгія Савіча і напісаў яму ліст з шэрагам пытанняў. Разгорнуты адказ кандыдат гістарычных навук, дацэнт, інвалід другой групы Вялікай Айчыннай вайны, падпалкоўнік у адстаўцы Г.С. Еўдакіменка даслаў аператыўна. Завязалася ліставанне. Такім чынам мы атрымалі новую крыніцу асабістага паходжання пра дзейнасць гістфака ВДП імя С.М. Кірава на мяжы 1930 – 1940-х гг. і лёсе аднаго са студэнтаў. Мэта працы: вызначыць каштоўнасць лістоў Георгія Савіча Еўдакіменкі як крыніцы пра дзейнасць гістарычнага факультэта ў перадваенныя гады.

Найбольш інфарматыўнымі ў кантэксце праблемы, якая нас цікавіць, з’яўляюцца першыя два лісты, якія ўтрымліваюць успаміны Г.С. Еўдакіменкі [3; 4]. Пры аналізе іх зместу неабходна ўлічваць, што ўспаміны аўтара з’яўляюцца разгорнутым адказам на пастаўленыя пытанні (перад намі своеасаблівае завочнае вольнае інтэрв’ю). Прысутнічае ў лістах і даследчыцкі элемент: аўтар імкнецца дайсці да ісціны ў пытаннях, якім па ліку ў 1930-я гг. быў іх набор, якім быў лёс ВДП падчас Вялікай Айчыннай вайны? Крэда гісторыка – вернасць гістарычнай праўдзе. У “лірычным адступленні” (тэрмін самога Георгія Савіча) у другім лісце, аўтар палемізуе з акадэмікам М.М. Пакроўскім, які казаў, што гісторыя ёсць «политика, опрокинутая в прошлое». Г.С. Еўдакіменка піша: «Мы то с Вами знаем, что это не так. Это просто есть люди, которые опрокидывают историю под существующую политику...» [4, арк. 10]. Лісты напісаны даволі добрай літаратурнай моваю.

Аўтар лістоў паведаміў звесткі з уласнай біяграфіі. Георгій Савіч нарадзіўся ў 1920 г. ў сям’і вясковых настаўнікаў, што паходзілі з сялян [4, арк. 6 – 7]. Станавіцца гісторыкам ён не збіраўся. Пасля заканчэння сярэдняй школы ў мястэчку Шумячы на Смаленшчыне ён падаў дакументы на фізіка-матэматычны факультэт Смаленскага педінстытута імя К. Маркса, аднак не прайшоў па конкурсе (конкурс склаў 7 чалавек на месца). “Вярбоўшчыкі” з трох іншых ВНУ запрасілі хлопца падаваць дакументы на фізмат. Свой выбар Георгій Савіч спыніў на Віцебскім дзяржаўным педінстытуце імя С.М. Кірава, дзе па словах “агітатара” Камінскага на фізіка-матэматычны факультэт быў недабор. У Віцебску ж Г.С. Еўдакіменку чакала вялікае расчараванне: дырэктар інстытута Каляда паведаміў, што фізмат цалкам укамплектаваны, недабор толькі на гістарычны факультэт, “и стал убеждать меня поступить именно на исторический факультет, подкрепив это предложение высказыванием И.В. Сталина о том, что «историки нам нужны на вес золота»” [3, арк. 1; 4 арк. 1]. Георгій Савіч мусіў пагадзіцца. Так, даздаўшы іспыты па гісторыі і геаграфіі, ён стаў студэнтам гістфака.

Вялікая Айчынная вайна заспела студэнтаў педінстытута за здачай летняй сесіі. На другі дзень вайны Г.С. Еўдакіменка разам з таварышамі з’явіўся ў ваенкамат, аднак у армію хлопцаў з прыпіснымі пасведчаннямі не ўзялі, бо ажыццяўляўся прызыў тых, хто прайшоў службу ў войску. У той час гаркам камсамола мабілізаваў камсамольцаў на барацьбу з дыверсантамі, якія ракетамі паказвалі нямецкім самалётам аб’екты для бамбёжкі. У ліку іншых Георгію Савічу давялося патруляваць вуліцы Віцебска [5].

5 чэрвеня 1941 г., па ўспамінах аўтара лістоў, па радыё было аб’яўлена, што з горада адыходзіць на ўсход апошні эшэлон і тыя, хто жадае эвакуіравацца, павінны прыбыць на вакзал. Эшэлон са 150 вагонаў вывозіў з горада ў Куйбышаў (сёння – Самара) абсталяванне і рабочых панчошна-трыкатажнай фабрыкі імя К. Цэткін [3, арк. 5]. Гэтым эшэлонам пакінулі горад і Г.С. Еўдакіменка разам з двума таварышамі. Як паведаміў Георгій Савіч, “кто-то нам сказал, что туда же (у Куйбышаў – А.Д.) отправлено и имущество нашего пединститута”. Але звесткі не пацвердзіліся. Марнымі аказаліся і пошукі інстытута ў Саратаве і Энгельсе [3, арк. 6; 4, арк. 2].

Хлопцы накіраваліся ў г. Мелекес (Дзімітраўград), дзе жылі сваякі аднаго з іх. У канцы лістапада 1941 г. яны прыехалі ў горад, дзе Георгій Савіч уладкаваўся падсоб-

ным рабочым на будаўніцтва цэхаў эвакуяванай фабрыкі імя К. Цэткін. 11 снежня яго выклікалі ў ваенкамат і накіравалі вучыцца на Ленінградскія курсы ўдасканалення палітсаставу запасу Чырвонай Арміі, што былі эвакуяваны ў Мелекес. Пасля двух месяцаў вучобы, у лютым 1942 г., Г.С. Еўдакіменка – зампалітрука роты 170-га палка ў складзе 50-й арміі – прыбыў на Цэнтральны фронт. У ліпені 1942 г. Георгій Савіч быў цяжка паранены ў баях пад Зайцавай гарой на Смаленшчыне. Пасля выпіскі са шпіталю прызнаны абмежавана годным к нестраявой і накіраваны ў 85 аэрадромна-тэхнічную роту 102 батальёна аэрадромнага абслугоўвання ў складзе якой прайшоў вайну на Калінінскім, 1-м Прыбалтыйскім і 3-м Беларускам франтах. Заканчэнне вайны сустрэў пад Кёнігсбергам (Калінінград) [3, арк. 6 – 7; 4, арк. 7 – 8].

Пасля дэмабілізацыі ў жніўні 1945 г. Г.С. Еўдакіменка спрабаваў аднавіцца на гістфак ВДП імя С.М. Кірава, аднак набор быў толькі на першы курс. Каб не губляць час, пасля года працы ў Мсціславе (там жылі бацькі) Георгій Савіч аднавіўся на гістарычны факультэт Яраслаўскага педінстытута імя К.Д. Ушынскага. Летам 1947 г., пасля заканчэння інстытута, разам з маладою жонкай Г.С. Еўдакіменка вярнуўся ў Мсціслаў, прыступіў да працы, а ў снежні паступіў па дадатковым наборы ў аспірантуру пры кафедры гісторыі СССР Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя М. Горкага.

Пасля аспірантуры быў накіраваны на працу ў Гомельскі педінстытут імя В.П. Чкалава старшым выкладчыкам кафедры гісторыі СССР. У лістападзе 1951 г. у БДУ імя У.І. Леніна Георгій Савіч абараніў кандыдацкую дысертацыю “Сацыялістычная індустрыялізацыя ў БССР за гады трох Сталінскіх пяцігодак (1928–1941)”. Пачаў працаваць над доктарскай, але падвяло здароўе (гісторык прыслухаўся да думкі ўрача: “лучше быть живым доцентом, чем мертвым профессором”) [4, арк. 9]. У Гомельскім педінстытуце (пазней – дзяржуніверсітэце імя Ф. Скарыны) Г.С. Еўдакіменка адпрацаваў больш за 40 гадоў, займаў пасады дацэнта, намесніка дырэктара інстытута па вучэбнай і навуковай рабоце, дэкана філалагічнага факультэта, загадчыка кафедры гісторыі СССР і ўсеагульнай гісторыі, гісторыі СССР і БССР. У чэрвені 1991 г. Георгій Савіч, які ўжо некалькі гадоў працаваў, знаходзячыся на пенсіі, пакінуў ўніверсітэт. Спіс апублікаваных прац і паслужны спіс Г.С. Еўдакіменка прывёў у другім лісце [3, арк. 7–8; 4, арк. 8–14].

У лістах Г.С. Еўдакіменка паведаміў інфармацыю пра студэнцкі побыт, вучэбны працэс, распавёў пра выкладчыкаў, стварыў каларытныя партрэты некаторых з іх. Яскравае ўражанне ў першакурсніка Г.С. Еўдакіменкі пакінулі жыллёвыя ўмовы першага семестра навучання. Паколькі інстытут не паспеў завяршыць будаўніцтва інтэрната для студэнтаў, больш чым сотню першакурснікаў размясцілі ў актавай зале інстытуцкага клуба (былой царкве). “Коечки стояли впритык друг к другу. Теснотища и духотища. А ночью – дышать было нечем” [3, арк. 1–2]. Новы інтэрнат па праспекце Фрунзэ быў здадзены ў канцы снежня. Там умовы былі значна лепшыя – па чатыры чалавекі ў пакоі. Як успамінае Георгій Савіч, з хлопцаў свайго пакою толькі ён не атрымліваў стыпендыю, хаця вучыўся на “чатыры” і “пяць”. Справа ў тым, што па сацыяльным паходжанні ён лічыўся прадстаўніком інтэлігенцыі (бацькі – настаўнікі), якім па тагачасным палажэнні выплата стыпендыі не прадугледжвалася [3, арк. 2].

Найбольшай цяжкасцю ў вучобе Г.С. Еўдакіменка называе адсутнасць стабільных падручнікаў (напрыклад, першы падручнік па гісторыі СССР для ВУ з’явіўся толькі ў 1939 г. – *А.Д.*). Гэта патрабавала ўважлівасці на лекцыях. “На лекциях приходилось ловить каждое слово преподавателя. Конспектировать услышанное как можно полнее. Мой метод в этом отношении был довольно простым. Тетрадный лист делился на две части. На одной части я записывал то, что успевал. Затем, придя после занятий в общежитие, я внимательно перечитывал записанное. По ходу чтения вспоминал услышанное на лекции и записывал на второй половине листа. Затем шел поиск дополнительной литературы (в основном в библиотеке им. М. Горького)” [3, арк. 2–3].

Вольнага часу амаль не было. Шмат увагі камсамольская арганізацыя інстытута надавала падрыхтоўцы студэнтаў да абароны: кожны павінен быў здаць экзамен на атрыманне абарончых значкоў (ГТО, ГСО, ПВХО, “Варашылаўскі стралок”). Рэгулярна праводзіліся ваенізаваныя паходы (пешыя або лыжныя). У сувязі з гэтымі падзеямі аўтар згадвае трагічны лёс студэнткі, якая падчас сесіі не прыняла ўдзелу ў паходзе, бо рыхтавалася да экзамену, а стыпендыя з’яўлялася для яе адзінай крыніцай існавання. Дзяўчыну выклікалі ў камітэт камсамолу, дзе загадалі пакласці на стол камсамольскі білет. “Мотив: «а если завтра война, она убежит в кусты»” [3, арк. 3]. Расчуленая дзяўчына на вуліцы кінулася пад трамвай, ёй адрэзала кісці рук. Аднак ўрачы здолелі яе выратаваць, зрабілі пратэзы, з дапамогай якіх студэнтка магла пісаць. Яна працягнула вучобу. “Но когда город заняли немцы, ее выдал как идейно преданную Ленину–Сталину бывший председатель студенческого профкома института. Ее немцы расстреляли” [3, арк. 3].

Георгій Савіч адзначыў адну з асаблівасцяў выкладчыцкага калектыву: паколькі гістарычны факультэт быў створаны нядаўна, многія выкладчыкі былі прыезджыя. Нягледзячы на дзесяцігоддзі, што прайшлі з часу навучання, прафесійная памяць Георгія Савіча Еўдакіменкі захавала прозвішчы выкладчыкаў, што працавалі на гістфаку. Аўтар вельмі сціпла зазначыў: “я помню только некоторых из них и то только фамилии (тогда все были товарищи: товарищ Умрейко и т.д.)”, аднак у пераліку ў сваім першым лісце прывёў звыш 20 прозвішчаў з указаннем дысцыплін, якія выкладаліся гэтымі людзьмі на першым – трэцім курсе гістфака ў перадваенныя гады [3, арк. 4]. Пра траіх – М.Б. Фрыдман (выкладала гісторыю СССР перыяду капіталізму), М.Ф. Лазбенья (выкладаў педагогіку і гісторыю педагогікі), а таксама М.Х. Ханіна (выкладаў рускую мову) Георгій Савіч прывёў некаторыя дадатковыя звесткі [3, арк. 4–5]. У другім лісце аўтар прывёў звесткі таксама пра М.В. Кочатва (чытаў гісторыю СССР ад старажытнасці да капіталізму, з першага па трэці курсы), выкладчыка дыямату і гістмату Аздуні, выкладчыцу школьнай гігіены Дэлэарю [4, арк. 3 – 4].

Выклікае цікавасць інфармацыя пра лёс дацэнта М.Ф. Лазбенья, які да ВДПІ працаваў у Гомелі на рабфаку і ў аддзеле народнай адукацыі. “По чьему-то доносу ему приписали участие в Стрелокопытовском мятеже, исключили из партии и запретили жить на территории БССР (відавочна, доказаў віны не было – *А.Д.*). Он поселился где-то в России. Приезжал в Витебск, читал 2 – 3 лекции и в тот же день покидал пределы Белоруссии. После войны его в какой-то степени реабилитировали, но в партии не восстановили” [3, арк. 4 – 5]. М.Ф. Лазбень, які разам з Георгіем Савічам працаваў у Гомельскім педінстытуце, узначальваў кафедру педагогікі, дамагаўся аднаўлення ў партыі, дайшоў да XX х’езда КПСС. Аднак яму адмовілі ў аднаўленні стажу, прапанавалі ўступаць наноў, ад чаго педагог прыняццова адмовіўся і да канца жыцця застаўся беспартыйным [3, арк. 5].

У сваіх лістах Георгій Савіч прывёў звесткі пра тое, што ў шостым семестры яго навучання (г.зн. у 1941 г.) на гістфак ВДПІ імя С.М. Кірава для чытання спецкурсаў прыязджалі буйныя гісторыкі, прафесар С.У. Бахрушын і акадэмік Я.В. Тарле. “Бахрушин Сергей Владимирович что-то рассказывал о Сибири (адна са сфер навуковых інтарэсаў гісторыка – *А.Д.*). Читал лекции свободно, без всяких конспектов. Приходил. Становился за трибуну, здоровался, затем устремлял свой взор в верхнюю часть ближайшего окна и очень живо излагал материал. Иногда только на аудиторию бросал беглый взгляд. Слушать его было очень легко. И конспектировать тоже” [4, арк. 3]. Лекцыі акадэміка Я.В. Тарле, па ўспамінах Г.С. Еўдакіменкі, былі не такімі яскравымі, аднак “все было понятно, конспектировать тоже успевали. Рассказывал он нам о военных действиях против армии Наполеона на территории Белоруссии. И нас он сразу успокоил, заявив, что в библиотеке есть изданные им книги о Наполеоне и об Отечественной войне 1812 года” [4, арк. 3].

Г.С. Еўдакіменка паведаміў пра выкладанне гісторыі Беларусі: “В общей системе предметов курс истории Белоруссии занимал свое особое место. Во-первых, потому что он только что был включен в наш учебный план. А, во-вторых, это был единствен-

ный предмет, который читался на чистом белорусском языке и назывался он «Гісторыя Беларусі». Читал его нам преподаватель Лютаровіч (так у тэксце – *А.Д.*). Поскольку все остальные предметы нам читались на русском языке, то мы по привычке конспектировали и его лекции на русском языке. Но попытка сдать экзамен по этому предмету тоже на русском языке первой пятерке экзаменующихся (обычно первыми на экзамен шли отличники) обернулась оценкой “пасрэдна”. Остальные «вошли в колею» и получили достойные оценки в соответствии с показанными знаниями” [4, арк. 4 – 5].

Звяртаюць на сябе ўвагу і звесткі пра бацьку і сына Брандтаў, высленых з Ленінграда інтэлігентаў, заўважных у перадваенным культурным і грамадскім жыцці Віцебска, якія падчас Вялікай Айчыннай вайны пайшлі на супрацоўніцтва з нацыстамі і панеслі заслужанае пакаранне: былі ліквідаваны падпольшчыкамі [6, с. 57 – 60; 7]. Характарыстыка паводзін Брандтаў напярэдадні вайны і ў час яе дала магчымасць Г.С. Еўдакіменку зрабіць выснову: “Оба Брандта – типичный образец двурушничества, предательства” [4, арк. 5–6].

Такім чынам, лісты Г.С. Еўдакіменкі ўтрымліваюць успаміны, якія з’яўляюцца каштоўнай крыніцай пра стан гістарычнай адукацыі ў ВДП імя С.М. Кірава ў перадваенны перыяд. Інфармацыя, выкладзеная ў лістах дазваляе паглядзець па жыццядзейнасць гістфака вачыма тагачаснага студэнта, адчуць дух эпохі, прасачыць франтавы шлях і пасляваенны лёс чалавека, сэнсам жыцця якога, дзякуючы віцебскім выкладчыкам, стала “рамяство гісторыка”.

Апошняе падкрэслівае каштоўнасць прыведзенай у лістах інфармацыі. Г.С. Еўдакіменка падае свае ўспаміны лагічна, канкрэтна, з высокай ступенню дакладнасці (прыводзячы звесткі з уласнай біяграфіі ён абапіраецца не толькі на памяць, але і на дакументы). Праўда, прысутнічаюць у лістах і памылкі памяці, верагодна, у асобных эпізодах ёсць насленні інфармацыі, атрыманай пазней з літаратуры, некаторыя факты патрабуюць дадатковай праверкі. Аднак, безумоўна, звесткі лістоў будуць карыснымі пры падрыхтоўцы абагульняльнай працы пра мінуўшчыну гістарычнай адукацыі на Віцебшчыне.

1. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. Ф. 204. Віцебскі дзяржаўны педагагічны інстытут імя С.М. Кірава.
2. Евдокименко Г.С. Первые историки Витебского пединститута // Аргументы и факты в Белоруссии. – 2011. – 23 лют. – С. 16.
3. Ліст Г.С. Еўдакіменкі Дз.В. Юрчаку ад 15.03.2011 // Асабісты архіў Дз.В. Юрчака.
4. Ліст Г.С. Еўдакіменкі Дз.В. Юрчаку ад 05.04.2011 // Асабісты архіў Дз.В. Юрчака.
5. Еўдакіменка Г. Пятая калона не прайшла // Гомельскі ўніверсітэт. – 1991. – 12 чэрв. – С. 2.
6. Подлипский А.М. Первая не только по номеру: История Витебской СШ № 1. Ч. 1: 1918 – 1968. – Витебск, 1998. – 167 с.
7. Подлипский А.М. История одного предательства // Витебский проспект. – 2011. – 21 чэрв. – С. 6.

Мусагалиева А.С.

ИСТОЧНИКИ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ

На сегодняшний день вопрос о политических репрессиях в Советском Союзе исследуется историками всего мира. Сейчас назрела необходимость в более глубоком раскрытии страниц истории тоталитарного государства. Для этого, прежде всего, необходимо всесторонне изучить исторические источники, связанные с политическими репрессиями. Уже имеются многочисленные исторические труды, но более глубокое исследование источников по этой теме даст возможность раскрыть ее еще глубже.

Для СССР, в том числе и Казахстана, XX век был трудным. Пришедшие к власти новое советское правительство в корне изменило не только общество, но и трагически повлияло на судьбы народов. Это волна политических репрессий в годы тоталитарного государства.

Нам, свидетелям перехода государства от тоталитаризма к демократии, понятно насколько трагичной была прошлая система. К сожалению, невозможно изменить сразу новыми идеями, мнениями ту советскую пропаганду, навязываемому народу много лет. Это возможно лишь благодаря принятию всех ценностей, созданных человечеством но-

вому, молодому поколению независимого государства. Самый трагический период советского тоталитаризма – это время политических репрессий.

30 декабря 1996 года Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев объявил «1997 год – годом памяти жертв политических репрессий», что стало еще более важным в жизни общества значение этой темы. С этого момента тема политических репрессий в новейшей истории Казахстана стала наиболее острой. Начали издаваться исторические труды, изучаться источники. Однако, тема политических репрессий требует дальнейшего изучения. 31 мая 2007 года на торжественном открытии музейно-мемориального комплекса «АЛЖИР» (Акмолинский лагерь жен изменников Родины) в Акмолинской области, Целиноградского района, с. Акмол (ранее – с. Малиновка), Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев подчеркнул, что открылись новые исторические перспективы и мы в обязательном порядке будем претворять это в жизнь. В связи с этим считаем, что, прежде всего, необходимо всесторонне изучать исторические источники. Несмотря на то, что написано много исторических трудов, более глубокое изучение исторических источников поднимет эту тему на более высокий уровень. Поэтому необходимо раскрыть особенности источников советского периода, в документах казахстанских архивов.

Источники из архивных документов дают возможность раскрыть всю страшную правду преступлений тоталитарного государства в ущемлении прав человека для последующей их реабилитации. Раскрыть проблему удастся благодаря новым методологическим подходам в исследовании новых данных советского периода. Для этого необходимо ввести материалы в научный оборот, направить казахстанскую археографию в правильное русло, рассекретить источники, обеспечить доступ исследователей к запрещенным материалам. Помимо этого, освоив работу с источниками, проведя необходимую подборку перейти к основной работе. Это актуализирует изучаемую тему исследования.

Особенностью изучения источников советских политических репрессий XX века заключается в том, чтобы восстановить имена незаконно уничтоженных представителей интеллигенции, раскрыть последствия трагедии простого народа. Вместе с этим, нам раскроются яркие страницы национально-освободительной борьбы казахского народа на пути к независимости.

Путем изучения архивных материалов на сегодняшний день очень важно для истории раскрыть проводимую тоталитарным государством политику репрессий. Более полному, достоверному освещению поможет изучение, раскрытие, анализ и синтез исторических источников. Бесспорно также, что к всестороннему исследованию преступлений советской власти даст доступ к изучению источников. В этой связи, необходимо досконально изучить приказы, указы, представления, ведение дел различными органами. Для раскрытия темы, в отечественной истории должны изучаться источники архивов. Большая проблема заключается в том, что документы, связанные с политическими репрессиями недостаточно опубликованы и не доступны. Поэтому по сравнению с другими периодами, документы советского времени недостаточно рассмотрены. Многие годы большое количество неиспользованных документов находятся в различных казахстанских организациях.

Многие проблемы, связанные с политикой террора советского правительства, дадут нам источники, введенные в научный оборот из центральных и местных архивов республики.

Достаточное количество материалов, связанные с отечественной историей, находятся в государственных архивах республики периода 1917-1956 гг. Многие из этих материалов еще не введены в научный оборот и ждут своих исследователей. Все это вызывает необходимость в работе с источниками, связанными с историей политических репрессий в советский период.

Наиболее важной задачей отечественной истории является выявление запрещенных советским властью документов и ведение внутренней и внешней критики источников. Первоначально для этого необходимо провести аналитическую работу с архивными документами. Далее проанализировав источниковедческий материал, сможем приступить к дальней-

шему изучению документов. Мы можем применять для исследования, постоянно пополняющиеся фундаментальные теоретико-методологические проблемы источниковедения.

Источники, хранящиеся в государственных архивах о политике террора советского правительства, которые постепенно переросли в массовые политические репрессии, решают многие проблемы и дают возможность ввести много новых материалов в научный оборот. Их составляют: Архив Президента РК, Центральный государственный архив РК, а также Карагандинский, Акмолинский, Алматинский, Джезказганский, Костанайский, Восточно-Казахстанский, Атырауский, Актюбинский, Павлодарский, Чимкентский областные архивы. Ценными документами являются материалы Комитета правовой статистики и специального учета Генеральной Прокуратуры РК. В Президентском архиве РК хранятся воспоминания детей и родственников той части интеллигенции, которая подверглась политическим репрессиям, в том числе представителей партии Алаш, а также документы исправительно-трудовых лагерей. В Центральном государственном архиве хранятся материалы, относящиеся государственным компетентным органам.

Карагандинской областной государственный архив является самым крупным из местных архивов. В этом архиве хранятся документы, касающиеся областных силовых органов, а также Карагандинского исправительно-трудового лагеря. В филиале архива Комитета правовой статистики и специального учета Генеральной Прокуратуры РК создан фонд с личными делами осужденных. В Акмолинском областном архиве обнаружены и раскрыты материалы о первых годах «красного террора», связанные с первыми годами советской власти в Акмолинской области, а также исправительно-трудовых лагерях в послевоенные годы. В Восточно-Казахстанском областном архиве, в фондах Центра новейшей истории, хранятся документы, раскрывающие политику установления советской власти в первые ее годы. В Алматинском областном архиве есть некоторые материалы, касающиеся проведения «красного террора» в регионе. В Астанинском государственном архиве имеются отдельные документы, раскрывающие некоторые стороны политических репрессий в годы Великой Отечественной войны. В Джезказганском городском архиве найдены документы, касающиеся количества военнопленных в лагерях, а также о Степном лагере.

Большую часть документов составляют воспоминания, мемуары о борьбе против политики большевиков и о репрессиях. Наравне с ними, следующую часть источников представляют казахстанско-российские сборники документов. Президентский архив РК опубликовал самое большое количество документов. О преследованиях представителей Алаш советской властью освещены в сборниках документов «Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919-1920 гг.)», в 2,3,4 томах сочинений «Движения Алаш», а деятельность республиканского государственного органа и проблема «большого террора» рассмотрены в книгах: «Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг.», и дополнительные материалы в «История Казахстана XX века в документах» [1]. Названные учреждения издали сборник документов, касающиеся истории депортации отдельных народов.

Материалы, относящиеся к данной теме, издаются также преподавателями вузов. Например, издан сборник документов «Красный террор: политическая история Казахстана» [2]. В стенограмме представлены в полном виде выступления в прениях, связанных с изданиями историка, во второй книге опубликованы личные дела из архива Комитета Государственной Безопасности РК.

На очереди и выход материалов областных государственных архивов. Карагандинским государственным архивом совместно с Карагандинским городским филиалом Комитета правовой статистики и специальным учетом Генеральной Прокуратурой РК. Некоторые документы изданы в трудах «Я с вами во все дни до скончания века. Тяжелые времена гонений и репрессий 1931-1946 гг.», «Узницы Алжира (Список женщин - заключенных Акмолинского и других отделений Карлага)», «Спецпереселенцы в Карагандинской области» [3], Павлодарским областным государственным архивом «Забвению не подлежит», Чимкентским областным государственным архивом «Саяси куғын -

сүргіндер: шындық пен қауесет», Кустанайским областным государственным архивом «Кустанайский уезд. 1917-1919 гг.», Актюбинским областным государственным архивом «Депортированные в Казахстан народы» [4]. Перечисленные сборники документов рассматривают различные стороны политических репрессий.

Казахстанские историки чаще раскрывают некоторые отдельные стороны преступной политики советской власти. В основном это, связано с такими реформами как конфискация, коллективизация, оседание, «большой террор» 1937-1938 гг., преследования интеллигенции в 1940-1950 годах, депортация и переселение народов. В связи с этим, разделы документов, связанные с темой политических репрессий выпали. Например: такие, как «красный террор», репрессивная работа официальных органов в Казахстане, казахстанские исправительно-трудовые лагеря, особые лагеря и лагеря военнопленных и т.д.

Этому способствовали и то, что недостаточно вводится в научный оборот документы, связанные с политическими репрессиями. Историки не сопоставляли источники центральных и местных архивов. Использовали или только центральный архив, или только местные архивы. Не выполненной осталась очень важная часть: это связь центрального и местных архивов, сопоставление документов, проведение их анализа. Материалы областных архивов не вводились в научный оборот. Поэтому документы имели узкое направление. Тем более, что рассекречивание казахстанских архивов началось лишь во второй половине 1990-х годов. До сих пор недостаточно исследовано теоретико-методологическое направление советского периода. Не проводилось специальное изучение документов советской эпохи, не раскрыта внутренняя и внешняя критика источников. Поэтому на наш взгляд, сегодня стоит большая задача дальнейшего изучения архивных источников советского периода.

1. Протоколы Революционного комитета по управлению Казахским краем (1919-1920 гг.): Сб. документов / Ред.кол.: член - корр. НАН РК К.Н. Нурпеисов, д.и.н. В.К. Григорьев, А.С. Елагин. Сост.: А.В. Бучнева, В.К. Григорьев, Н.К. Майчеченова, Т.Б. Митропольская. - Алматы: Ғылым, 1993. - 230 с; Политические репрессии в Казахстане в 1937-1938 гг. Сб. документов / Отв. редактор Л.Д. Дегитаева. - Алматы: Казахстан, 1998. - 336 с.; История Казахстана XX века в документах. Сб. / Сост. Е. Грибанова, А. Ипмагамбетова. - Алматы: АП РК, 2005.- 81 с.; Из истории немцев Казахстана (1921-1975 гг.). Сб. документов: АП РК. - Алматы - М.: Готика, 1997. - 376 с.; Из истории поляков в Казахстане (1936-1956 гг.). Сб. документов. Алматы: ТОО Издательский дом: Казахстан, 2000. - 344 с.; От депортации к интеграции: документы и материалы, посвященные 60 - летию депортации чеченцев и ингушей в Казахстан: Международный фонд гуманитарной помощи «Нур» / Составители: Е. Грибанова, А. Гунашев, А. Зулкашева, Л. Сапонова. - Алматы: Дәуір, 2004. - 256 с.
2. Красный террор: Политическая история Казахстана (Сборник документальных материалов политических репрессий 20-50 - х годов XX века / Составители: Койгелдиев М.К., Популях В.И., Тлеубаев Ш.Б.) - Алматы: ТОО «Типография оперативной печати», 2008. - 307 с.
3. Я с вами во все дни до скончания века. Книга 1. Тяжелые времена гонений и репрессий. 1931-1946 гг. - Караганда - Штайнхаген, 2001. - 185 с.; Узницы Алжира (Список женщин - заключенных Акмолинского и других отделений Карлага). - М.: «Звенья», 2003. - 567 с.; Спецпереселенцы в Карагандинской области. Сборник документов и материалов / Сост.: Р.М. Жумашев, Л.В. Михеева / Под. ред. Е.К. Кубеева. - Караганда: Изд-во Кар ГУ, 2007. - 325 с.
4. Забвению не подлежит. - Павлодар: Управление архивами и документацией акима Павлодарской области, 1997. - 205 с.; Депортированные в Казахстан народы. - Алматы: «Арыс» - «Қазақстан», 1998. - 428 с.; Саяси қуғын - сүргіндер: шындық пен қауесет. Құжаттар жинағы. - Шымкент: «Ғасыр - Ш» баспасы, 2003. - 180 б.; Кустанайский уезд. 1917-1919 гг. Сб. документов. Составители: Бондаренко М.А., Бурякова В.И., Яремин Ю.В. Костанай: ОАО «Костанайский печатный двор», 2003. - 152 с.

Федюнин В.В.

РАССЕКРЕЧЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ ЦАМО РФ О СОБЫТИЯХ ЛЕТА 1941 г. В БЕЛАРУСИ

Изучая историю боевых действий в начале Великой Отечественной войны на территории Беларуси, автор столкнулся с документами, рассказывающими о заградительных отрядах (заградотряды) Красной Армии в Великой Отечественной войне, что является одной из самых малоизученных тем.

Автор статьи столкнулся с нижеизложенными документами абсолютно случайно, т.к., скорее всего, они оказались в делах (рассекреченных 8.11.2000 г.), в названиях которых ничего не говорилось о заградотрядах Красной Армии, но когда автор попросил дело № 154

(ф. 208, оп. 2511), которое называлось «оперсводки и разведсводки штаба фронта, штабов ВВС Зап. направления и ЗапОВО, УПВО фронта, штаба Зап. зоны ПВО, штаба артиллерии фронта, штаба войск охраны тыла и фронтового заградительного отряда (выделено – В.Ф.), штаба 22-й армии; спецсводки Химотдела фронта; боевые донесения, донесения штаба ВВС фронта о боевом и численном составе и потерях материальной части в авиачастях фронта; список войсковых частей ВВС фронта», то получил решительный отказ на основании того, что это дело не рассекречено. Но при работе с документами удалось выяснить, что возникшая необходимость навести строжайший порядок в прифронтовом тылу, потребовала от штаба Западного фронта отдать своим войскам приказ (без даты и подписей, но, скорее всего, 24 июня 1941 г.) на всех путях войсковых, артиллерийских и фронтовых тылов выставить заградительные отряды [1].

Далее в этом приказе штаб Западного фронта приказывал в войсковых и армейских тылах выставить заградотряды распоряжением командующих армий, которые должны были определить состав отрядов с обязательным включением в них представителей 3-х отделов и отделений армий, корпусов, дивизий и местных органов НКВД. Во фронтовом тылу приказывалось выставить заградотряды на рубежах: Глубокое, Долгинов, Красное, Раков, Столбцы, Несвиж, Синявка, Зембин, Логойск, Суковичи, Койданово, Узда, Тимковичи [1]. Минскому Областному Военкомату приказывалось сформировать из добровольцев (не призываемых возрастов) преимущественно коммунистов и комсомольцев, 20 отрядов численностью по 50 человек, и к каждому из них приставить 1 среднего и 3 младших командиров при следующих районных военкоматах: Бегомльский, Плещеницкий, Дзержинский, Узденский, Копыльский, Сталинский РВК, Кагановичский РВК и Ворошиловский РВК по 2 отряда, а Заславльский – 4 отряда. Формирование отрядов требовалось начать немедленно и закончить к утру 26.6.41 г. [1].

Формируемым отрядам приказывалось подчиняться начальнику минского гарнизона, который эти отряды должен был использовать для заграждения зоны г. Минска во фронтовом тылу на названных выше рубежах. Окружному индентанту приказывалось отпустить в распоряжение райвоенкоматов для этих отрядов необходимое количество продпайков, а начальнику Артуправления фронта обеспечить отряды вооружением по расчёту: 1 пистолет, 2 ручных пулемёта, 27 винтовок и необходимое количество патронов на каждый отряд [1, л. 82]. Таким образом, отряды из добровольцев, коммунистов и комсомольцев планировалось формировать и для помощи армейским заградотрядам.

Но в ночь на 25 июня И.В. Сталин по телефону дал разрешение на эвакуацию из Минска в Могилёв штаба Западного фронта, аппарата ЦК КП(б)Б, СНК, Президиума Верховного Совета, обкома и горкома партии, облисполкома, райисполкомов, а 26 июня в Минске уже царило безвластие, и происходили беспорядки, сопровождавшиеся грабежами местных складов, магазинов и предприятий [2]. Вполне возможно, что в такой обстановке этот приказ неподписанным просто был подшит в дело и забыт.

Тем временем в Москве 25 июня 1941 г. Совнарком СССР принял постановление № 1756 – 762 сс о возложении ответственности за охрану тыла действующей Красной Армии на НКВД [3], а 27 июня 1941 г. от начальника Третьего управления (контрразведка) НКО СССР майора госбезопасности А.Н. Михеева начальники 3-х отделов военных округов, фронтов, армий, корпусов, начальники 3-х отделений дивизий получили директиву Третьего управления наркомата обороны за № 35523, в которой говорилось об организации подвижных контрольно-заградительных отрядов на дорогах, железнодорожных узлах, для прочёсывания лесов и т.д., выделяемых командованием с включением в их состав оперативных работников органов Третьего управления для задержания дезертиров и всего подозрительного элемента, проникшего на линию и за линию фронта, а также предварительного расследования, производимого оперативными работниками органов Третьего управления НКО (1 – 2 дня) с последующей передачей материала вместе с задержанными по подсудности [4].

Но в той сложнейшей обстановке первые армейские заградотряды формировались по инициативе решительных военачальников Красной Армии, т.к. войска НКВД не имели возможности быстро навести порядок в прифронтовом тылу. Так, к примеру, уже 1 июля 1941 года в прифронтовом тылу Западного фронта в Толочине действовал так называемый штаб заградотряда Западного фронта, который в этот день докладывал штабу Западного фронта о налётах немецкой авиации и их результатах, и о своей деятельности на этот день, а это: организация постов ВНОС и сигналов оповещения населения и войсковых частей о воздушной опасности [5].

Сформированный им в Толочине батальон по борьбе с десантами в количестве 105 человек из комсомольского и советского актива охранял местные ж\д станцию и мост, два моста по автомагистрали, льнозавод, аэродром, имея 6 постов по 3 человека вокруг Толочина, 4 постами по 3 человека охраняя заготовленное зерно и нефтебазу, проводя круглосуточные патрули по Толочину в количестве 10 человек, а 25 человек охраняли местные госучреждения [5].

В этот же день прокурор Толочинского гарнизона военюрист Луцевич сообщил прокурору Западного фронта о том, что в заградотряде Западного фронта в Толочине, Борисове и Орше имелись дела по дезертирству и одно дело по 71-й ст. УК БССР. А так как трибунала в Толочине не было и некому было рассматривать эти дела, то военюрист Луцевич ждал соответствующего распоряжения, как поступить с этими делами [5, л. 109]. Даже в такой критически сложной обстановке предпринимались попытки соблюдать законность, которую даже в такой обстановке никто не отменял.

В оперсводке № 4 штаба заградотряда Западного фронта за 3 июля сообщалось о 5 сбитых немецких бомбардировщиках, экипажи которых были взяты в плен, о производстве работ оборонительного порядка, и уборке машин, потерпевших аварию, о 204 военнослужащих, собранных на дорогах и отправленных в Оршанский военный городок для формирования частей, о расстреле неизвестного за стрельбу по советским военнослужащим из винтовки [6].

В оперсводке № 5 за 4 июля штаба заградотряда Западного фронта сообщалось о ночных и утренних авианалётах на район Толочина, о том, что в течение вечера 3 июля и ночи на 4 июля по автостраде Борисов – Орша в сторону Орши двигались беспорядочные группы и одиночки, покидавшие фронт, которых собрали в отдельную стрелковую роту и послали на оборонительную полосу, а задерживаемые отдельные подразделения возвращались в район боевых действий, в течение дня два раза задерживались и возвращались обратно остатки героической 1-й мотострелковой дивизии и 7-я бригада ПВО, которые к концу дня заняли позицию в 30 км от Борисова. Остальные же отходящие части направлялись заградотрядом к стыку дорог Орша, Витебск и Смоленск для формирования полка. Работы оборонительного порядка производились в Толочинском, Крупском и Холопеническом районах силами двух сапёрных батальонов и трудящихся окрестных посёлков и деревней. Сделано было следующее: взорваны 4 шоссе и 2 ж\д моста на реке Бобр и др. Крупского района, заминировано шоссе в нескольких местах, завалы и контрэскарпы выровнены на 2 км. Отрядом были приняты меры по вывозу из района запасов продуктов питания, вывезя за день 50 тонн, а в местах, где вывоз был проблематичен, продукты сжигались [6, л. 138].

Командовал заградотрядом Западного Фронта (район: Толочин, Орша, Борисов) начальник местного гарнизона – интендант 1-го ранга Маслов (начальником штаба заградотряда был капитан Зайделов), который докладывал 5 июля командующему Западным фронтом о том, что его заградотряд состоял из 57 человек командного начсостава и 415 красноармейцев, собранных из отставших и отступавших с фронта лиц, и был недостаточно вооружён. В связи с масштабными задачами заградотряда, такими как преграждение пути бегущим с фронта одиночек, групп и подразделений, борьба с возможным вражеским воздушным десантом и создание укрепленного рубежа на участке по фронту, то означенный состав и отсутствие должного вооружения затрудняли выполнение этой работы [7].

А для того, чтобы заградотряд имел возможность по фронту и в его глубине на значительно обширном расстоянии прощупывать и обнаруживать дезертирующих одиночек, группы, а также и подразделения, интендант 1-го ранга Маслов просил пополнить заградотряд ротой полного состава из регулярных пограничных войск НКВД, вооружить 20 станковыми пулемётами, 5 зенитными спаренными установками, 2 бронемашинами и соответствующим количеством боеприпасов, а также выдать 2 полевые карты участка действия заградотряда, которых у интенданта 1-го ранга Маслова не было [7].

В оперсводке за 5 июля штаба заградотряда Западного фронта (в лесу, севернее 2 км м. Коханово, т.к. за Толочин уже шли бои) сообщалось об авианалётах в течение дня, о производстве работ по подготовке оборонительного района на участке: Дубы, Гончаровка, для чего было мобилизовано местное население, о минировании на участках: Михайловщина, Заречье, железнодорожного пути и автотрассы на расстоянии 200 м в обе стороны. А также о том, что были остановлены и отправлены на фронт 7-й ОЗАД в составе трёх орудий, был обнаружен 226-й сапёрный батальон в лесу севернее 3 км м. Коханово, который получил задание от начальника заградотряда по оборудованию района обороны, были пропущены в сторону Орши остатки 1-й мотострелковой дивизии и возвращён на передовую линию 24-й отдельный миномётный батальон, по автотрассе продолжали отступать остатки 175-го стрелкового полка (СП) 1-й мотострелковой дивизии, 7-й бригады ПВО, 165-го арtpолка и батальонов охраны аэродромов [7, л. 137].

Далее в оперсводке докладывалось о том, что велась большая работа по оставлению нужных людей в глубоком вражеском тылу, и что за последнее время движение одиночек, отставших от своих частей по автотрассе значительно уменьшилось ввиду обстрела их самолётами противника пулемётным огнём, и движение теперь шло по просёлочным дорогам в радиусе 10 км от м. Коханово, в связи с чем, были приняты меры. Так же штаб заградотряда доложил об опросе отдельных частей, из чего следовало, что кадровая 1-я мотострелковая дивизия имела огромные потери и большие проблемы с вооружением и боеприпасами. 7-й ОЗАД был без снарядов, а сапёрный батальон без детонирующего шнура [7, л. 137].

Интендант 1-го ранга Маслов, продолжая доклад, сообщил о том, что, признав работу по созданию оборонительной полосы по реке Горбатой неудовлетворительной, заставил её переделывать, и военнослужащих 9-го СП, которые не чинили дорогу после бомбардировки, а болтались в Орше, в связи с чем, интендант 1-го ранга Маслов просил принять меры для их обуздания, или он будет вынужден их расстреливать, а также обещал выяснить наличие на его участке ГСМ и боеприпасов для обеспечения войск генерал-майора Юдина, к которому уже послал делегата с докладом о подготовленной оборонительной полосе на его направлении [7, л. 137].

Таким образом, появление заградотрядов Красной Армии в начале войны было вызвано суровой необходимостью, возникшей из-за неготовности Красной Армии немедленно найти противодействие германскому «блицкригу», а не потому, что её бойцы и командиры не желали воевать за Советскую власть, как это пытаются доказать некоторые публицисты, вроде М. Солонина [8]. Заградотряды Красной Армии не только останавливали и отправляли задержанных советских военнослужащих на сборные пункты для формирования сводных частей, возвращали дрогнувшие воинские соединения обратно на свои позиции, но и наводили порядок в зоне своей ответственности, ведя бои с прорвавшимися немецкими разведподразделениями и заброшенными с самолётов диверсантами, а также участвовали в подготовке оборонительных рубежей на своих участках, лишь немного позднее перейдя в подчинение НКВД.

Необходимо справедливо отнестись к тем, кто выполнял эту суровую и необходимую работу, т.к. в процессе попыток очернения истории Великой Отечественной войны применение советских заградотрядов с 1941 по 1944 годов упоминалось исключительно с негативной точки зрения, что тоже категорически недопустимо.

Заградотрядам Красной Армии в начале войны пришлось решать одну из трудных задач тяжелейшего начала войны – охранять прифронтовой тыл и поддерживать его жизнедеятельность, ибо дезорганизация и хаос в прифронтовом тылу означали полное крушение самого фронта. А чуть позднее появились и войска по охране войскового тыла действующей армии, в которые вошли и заградотряды.

И.И. Петров в книге «1941. Пограничники в бою», рассказывая о роли пограничных войск НКВД в достижении победы над врагом, коснулся и их роли в создании войск по охране тыла действующей армии в начале войны, т.е. в наведении порядка в прифронтовом тылу, что позволило в срочном порядке стабилизировать обстановку в прифронтовых районах [3, с. 107–123]. Но как мы теперь знаем, не только пограничники, но и представители других родов войск приняли участие в создании войск по охране войскового тыла действующей армии.

1. ЦАМО, Ф. 208, Оп. 2511, д. 20 (Оперотдел штаба Западного фронта. Боевые приказы, распоряжения). Л. 81.
2. Шарков А., Бествицкий Ю. Июньский рассвет, нюрнбергский закат: трагедии и судьбы Второй мировой. – Минск: Тесей, 2008. С. 37.
3. Петров И.И. 1941. Пограничники в бою. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 112.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Начало. Книга 1. 22 июня – 31 августа 1941 года. М.: АО «Книга и бизнес», 2000. С. 92 – 93. Также: Дайнес В.О. Штрафбаты и заградотряды Красной Армии. – М.: Яуза, Эксмо, 2008. С. 59 – 60.
5. ЦАМО, Ф. 208, Оп. 2511, д. 29 (Оперотдел Западного фронта. Разная переписка). Л. 17.
6. ЦАМО, Ф. 208, Оп. 2511, д. 29. Л. 119.
7. ЦАМО, Ф. 208, Оп. 2511, д. 29. Л. 136.
8. См.: Солонин М. 22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война? – М.: Яуза, Эксмо, 2005.

Агееў А.Р.

ВУСНАЯ ГІСТОРЫЯ ЯК КРЫНІЦА ДАСЛЕДАВАННЯ ШТОДЗЁННАГА ЖЫЦЦЯ Ё ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны перажыла настолькі моцную псіхалагічную траўму, што боль ад яе яна адчувае і сёння. Адным з спосабаў яе лячэння ў пасляваенны час было стварэнне парадэгмы аб усенароднай барацьбе з нямецка-фашысцкімі захопнікамі. У БССР, асабліва ў час кіравання П.М. Машэрава, сфарміравалася ўяўленне аб Беларусі партызанскай, у якім савецкія партызаны мелі амаль бездакорны гераічны вобраз, а ўсё насельніцтва, якое пакутавала ад каланіяльнага рэжыму “беззаконня, гвалту, грабжы і крывавага тэрору”, за выключэннем купкі калабарантаў, адназначна выступала супраць нацыстаў і разгарнула ўсенародную барацьбу супраць акупантаў. Натуральнай ў савецкай гістарыяграфіі была і адназначна негатыўная адзнака дзейнасці акупантаў і калабарантаў.

З часоў перабудовы пачало з’яўляцца ўсё больш публікацый аб неадназначнасці сітуацыі на акупаваных тэрыторыях. У апошнія гады станоўчы вобраз партызан у асобных публікацыях трансфармуецца ў негатыўны. Прыводзяцца факты акцый застрашвання, распавядаецца аб тым, як партызаны расстрэльвалі мірных жыхароў, якіх падазравалі ў супрацоўніцтве з нацыстамі, і г.д. Калі збіраецца шмат такога матэрыялу то ў тых, хто чытае падобную літаратуру, міжволі складаецца ўражанне, што партызаны трымалі насельніцтва ў страху, займаліся звычайным тэрорам. Паралельна з’явілася шмат публікацый аб дзейнасці на акупаванай тэрыторыі ўстаноў культуры і адукацыі, нацыянальных і палітычных працэсах, спробах акупантаў наладзіць эканамічнае жыццё. Усё гэта разам ламала стэрэатыпныя уяўленні аб жыцці ва ўмовах акупацыі.

Трэба адзначыць, што, нягледзячы на шырокую палітру меркаванняў, даследчыкі, як правіла, абапіраюцца на падобныя літаратурныя і архіўныя крыніцы, але часам інтэрпрэтуюць іх супрацьлеглым чынам. Так, абапіраючыся на партызанскія справаздачы, адны даследчыкі пішуць аб барацьбе партызан з калабарантамі, а іншыя разглядаюць іх, як акцыі застрашвання.

Відавочная разнастайнасць і супярэчлівасць існуючых у навуковай літаратуры і публіцыстыцы вобразаў нацысцкіх акупантаў і партызан, неабходнасць пашырэння кола крыніц для вырашэння палемічных пытанняў падштурхнула да правядзення намі палявых даследаванняў дадзеных праблем. Было цікава, ці супадаюць літаратурныя вобразы з уяўленнямі сведак вайны. Напачатку нашы палявыя даследаванні арганізаваліся перш наперш дзеля збору рэчавага матэрыялу, неабходнага для стварэння экспазіцыі этнаграфічнага музея ўніверсітэта, а апытанне было дадатковай задачай і праводзілася перш наперш не з навуковых, а ў вучэбна-метадычных мэтах.

Першыя палявыя выходы ў 1996–1997 гг. са студэнтамі гістарычнага факультэта Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова далі цікавыя вынікі і паказалі тыповыя адказы на пытанні аб жыцці мірных жыхароў Магілёўшчыны ў гады акупацыі. На базе апошніх было распрацавана стандартызаванае інтэрв'ю, з гатовымі варыянтамі адказаў на асобныя пытанні. Яно, ў пэўнай ступені, дазваляла вывучаць асаблівасці штодзённага жыцця на акупаванай тэрыторыі, ацаніць вобразы немцаў, паліцэйскіх і партызан ва ўспамінах відавочнікаў.

Яго адрозніванне ад збору ўспамінаў сведак вайны, якія праводзіліся ў савецкія часы, заключалася ў тым, што галоўнымі задачамі нашага апытання была не збор сведчаньняў злачынстваў акупацыйных войск, гераізму савецкай арміі і партызан або ўспамінаў аб канкрэтных баявых дзеяннях, а ў першую чаргу вывучэнне асаблівасцей штодзённага жыцця на акупаванай тэрыторыі, ацэнка вобразаў партызан, немцаў і паліцэйскіх ва ўспамінах сведак вайны. Да таго ж магчымасці стандартызаванага інтэрв'ю дазваляюць даць колькасную ацэнку, паказаць тыповасць, або адзінкавасць тых ці іншых меркаванняў або адзнак відавочцаў падзей.

У канцы 1990-х – пачатку 2000-х гадоў пад час правядзення летніх музейна-краязнаўчай і этнаграфічнай практык студэнты гістфака апытвалі сталае насельніцтва Магілёўскай вобласці, якое пражывала на акупаванай тэрыторыі ва ўзросце большым чым 7 гадоў. Азнямленне з вынікамі першых даследаванняў дазволіла на масавым матэрыяле пацвердзіць многія побытавыя ўяўленні аб жыцці беларусаў у гады вайны, па новаму паглядзець на некаторыя вядомыя гістарычныя факты: памеры голаду пад час акупацыі ў 1941 – 1944 гг. і пасля вызвалення ў 1945 – 1946 гг.; вобразы і паводзіны партызан, немцаў і паліцэйскіх; страхі мірнага насельніцтва і г.д. і зразумець важнасць працягу такіх даследаванняў.

Каб выйсці на больш глыбокі ўзровень аналізу, ў 2009 г. мы перайшлі да суцэльнага абследавання пэўных сельскіх саветаў вобласці. Гэта павінна было даць магчымасць параўноўваць і правяраць інфармацыю ў суседніх вёсках і, на наш погляд, дазволіла б выйсці на больш глыбокі ўзровень аналізу. Пры правядзенні абследавання разам з назіраннем, аналізам статыстычных дадзеных, запісам успамінаў выкарыстоўваўся метада сацыялагічнага апытання – стандартызаванае інтэрв'ю. Напярэдадні летняга сезону 2009 г. яно было мадыфікавана, што дазволіла прыступіць к правядзенню палявых даследаванняў. Разам з некаторымі пытаннямі папярэдняй анкеты быў уключаны цэлы шэраг новых пытанняў, мэтай якіх было высветліць памеры страт насельніцтва ў гады вайны ад розных прычын. Дзейнічалі мы па метаду “снежнага кому”, калі пасля першых даследаванняў робяцца накіды справаздачы. Выяўленыя пры напісанні накіда нераскрытыя пытанні ўносяцца ў мадэрнізаваны гід інтэрв'ю. Далей работа ідзе па гэтаму ж колу набываючы форму спіралі.

Намі прымяняўся куставы метада правядзення экспедыцыі. Разбіваўся лагер і штодня праводзіліся палявыя выходы або выезды ў навакольныя вёскі. Трэба адзначыць, што ўсе палявыя даследаванні праводзіліся пад непасрэдным кіраўніцтвам аўтара. Вялікая ўвага ўдзялялася інструктажу студэнтаў-інтэрв'юораў. Кожны дзень увечары каля вогнішча падводзіліся вынікі дня, студэнты дзяліліся ўражаннямі, аналізавалі назапашаны за дзень матэрыял. У некаторых для ўдакладнення інфармацыі выпадках дадаткова апытваліся інфарманты. Гэта дазваляе лічыць атрыманыя ў выніку

палявых даследаванняў дадзеныя дастаткова пэўнымі. Палявыя даследаванні пад час летніх практык мелі для студэнтаў вялікае навучальна-выхаваўчае значэнне, што многія з іх адзначалі ў сваіх справаздачах.

Для абследавання ў 2009 г. былі абраны два сельскіх саветы: Старасельскі Шклоўскага раёна і Княжацкі Магілёўскага раёна. Адзін знаходзіцца ў тыповай для поўначы Магілёўскай вобласці вясковай мясцовасці, другі – каля буйнога абласнога цэнтра. У 2010 г. праводзілася апытанне насельніцтва Раснянскага сельскага савета Дрыбінскага, Копцеўскага с/с Горацкага, Далгавіцкага с/с Мсціслаўскага раёнаў Магілёўскай вобласці. Дзевяць месяцаў з 2 кастрычніка 1943 г. па 23 чэрвеня 1944 г. па рацэ Проня праходзіла лінія фронту. Мірнае насельніцтва было эвакуіравана як з савецкай, так і з нямецкай прыфрантавой зоны. Такая сітуацыя была тыповай для шэрагу ўсходніх раёнаў Магілёўскай вобласці. У сувязі з карацейшым чым у іншых рэгіёнах вобласці перыядам нацысцкай акупацыі, ўспаміны аб немцах, партызанах тут былі менш інфармацыйныя. Па сутнасці намі тутака былі сабраныя інтэрв’ю жыхароў прыфрантавой зоны. У 2011 г. працягвалася даследаванне Шклоўскага раёна і пачата Глускага раёна, які знаходзіцца на мяжы з суцэльна партызанскім краем Прыпяцкага Палесся.

Нашы спробы прымянення крыніц вуснай гісторыі і метадаў сацыялогіі для вывяснення гістарычных праблем паказалі пэўныя магчымасці такіх даследаванняў. Яны дазваляюць праясніць многія праблемныя пытанні, у якіх цяжка вызначыцца з дапамогай традыцыйных метадаў. Матэрыялы запісаў ўспамінаў і апытання дакладваліся намі на рэгіянальных канферэнцыях, публікаваліся ў магілёўскіх часопісах [1; 2; 3].

Трэба адразу зрабіць рэмарку, што нам зразумела, што пераканаўчасць колькасных пабудов не адмяняе праблемы аўтарскага суб’ектывізму. Індывідуальнае ўспрыманне акупацыйных органаў улады, паводзін акупантаў і партызан, наяўнасці голаду і г.д. безумоўна было шматварыянтным. Тым не менш, агульныя тэндэнцыі, якія выяўлены намі яшчэ ў 1997 - 2008 гг., зноў пацвердзіліся.

На індывідуальным і сямейным узроўнях выявілася вялікая ступень дакладнасці ўспамінаў. Таксама, незалежна адзін ад аднаго інфарматары называлі амаль аднолькавыя лічбы жыхароў вёскі, якіх вывезлі ў Германію, забітых немцамі аднавяскоўцаў, колькасць калабарантаў, або членаў іх сямей забітых партызанамі. Значна меншая аб’ектыўнасць інфармацыі была выяўлена на абшчынным узроўні. Толькі ў невялікіх вёсках інфарматары браліся вызначыць агульную колькасць загінуўшых на франтах вайны. Звычайныя адказы: “Дык з кожнай хаты каго-небудзь забілі на фронце!” “Ой дзетачкі, усіх не ўзгадаеш...”

Трэба таксама ўлічваць, што апытанне, па сутнасці, адлюстроўвае жаночы і дзіцячы погляд на вайну. У сілу дэмаграфічных асаблівасцяў у старшых узростах катэгорыях, якіх і апытвалі студэнты, сёння пераважаюць менавіта жанчыны. Натуральна і тое, што большасць інфармантаў у гады вайны былі падлеткамі, або дзецьмі. Так, напрыклад, яны даволі ўпэўнена называлі тых аднавяскоўцаў, каго вывезлі ў Германію на працу – бо гэтыя былі хлапцы і дзяўчаты іх ці крыху старэйшага ўзросту. Інфарманты таксама памятаюць забітых партызанамі калабарантаў па прычыне выключнасці такіх падзей, калі свае забівалі сваіх. А вось паміралі ад старасці і гінулі на франтах значна старэйшыя за іх аднавяскоўцы. Спробы ўспомніць іх, як правіла, заканчваліся няўдачай. Іх, як нам уяўляецца, не памятаюць менавіта па прычыне рознасці пакаленняў.

Мы далёкія ад таго, каб гэты палявы матэрыял лічыць самай дакладнай гістарычнай крыніцай і ў гэтым сэнсе аўтэнтчным эпасам вайны. Па першае, скажэнні пры напісанні мемуарнай літаратуры добра вядомы і апісаны. Па другое, інфарманты не жылі ў ізаляваным грамадстве, на іх уздзейнічаў увесь прэс таталітарнай савецкай прапаганды, так і фальклорныя і літаратурныя стэрэатыпы, якія склаліся ў пасляваенную эпоху.

Відавочна, што патрэбны больш маштабныя даследаванні, каб пераканацца ў тым, што нашы вывады пацвярджаюцца ў іншых рэгіёнах і з’яўляюцца тыповымі. Але і

абмежаванья па колькасці рэспандэнтаў даследаванні паказалі іх важнасць для ўдакладнення нашых уяўленняў аб падзеях Вялікай Айчыннай вайны.

1. Агееў, А.Р. Штодзённае жыццё вясковага насельніцтва Дрыбінскага раёна ў гады Вялікай Айчыннай вайны (па матэрыялах гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнтаў гістфака МДУ імя А. Куляшова) / А.Р. Агееў // Романовские чтения – 7: сб. статей Международной науч. конференции / под общ. ред. А.А. Воробьева. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2011. – с. 45 – 46.
2. Агееў, А.Р. Штодзённае жыццё вясковага насельніцтва Шклоўскага раёна ў гады Вялікай айчыннай вайны (па матэрыялах летняй гісторыка-краязнаўчай практыкі студэнтаў гістфака МДУ імя А. Куляшова) / А.Р. Агееў // Романовские чтения – 6 (к 75-летию истор. факультета УО «МГУ им. А.А. Кулешова»): сб. статей Международной науч. конференции. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010 – С. 40 – 41.
3. Агееў, А.Г. Штодзённае жыццё ў гады вайны / А.Р. Агееў // Могилевский поисковый вестник / сост. Н.С. Борисенко. – Могилев: Могилев. обл. укрупн. тип. им. Спиридона Соболя, 2011. – Вып. 6. – с. 90 – 95.

Тухта В.У.

УСПАМІНЫ МЯСЦОВЫХ ЖЫХАРОЎ ЯК КРЫНІЦА ВЫВУЧЭННЯ ЛАКАЛЬНАГА АСПЕКТА ГІСТОРЫІ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (на прыкладзе Слабадскога сельсавета Лепельскага раёна)

На працягу адзінаццаці гадоў з сябрамі краязнаўчага гуртка “Нашчадкі” Слабадской сярэдняй школы Лепельскага раёна займаемся вывучэннем падзей Другой сусветнай вайны, што мелі месца адбыцца ў нашым краі амаль семдзесят гадоў таму назад. Па шэрагу суб’ектыўных і аб’ектыўных прычын асноўнай крыніцай па якой вывучаем ваенную гісторыю рэгіёна з’яўляюцца менавіта ўспаміны жыхароў нашага сельсавета, як найбольш даступная крыніца інфармацыі.

У выніку шматлікіх гутарак, праведзеных інтэрв’ю і апытанняў нам адкрыліся неведомыя да апошняга часу факты мінулай вайны.

Такім чынам стала магчымым складанне спісу ўраджэнцаў Слабадскога сельсавета, якія прымалі ўдзел у сваецка-фінляндскай вайне 1939-1940 гг. Ня сёняшні дзень гэта прозвішчы 26 чалавек, толькі пра 9 землякоў ўтрымліваецца інфармацыя ў кнізе “Памяць. Лепельскі раён”, тых якія загінулі ў ходзе “фінскай” кампаніі. Каштоўнасць дадзенага спісу ў тым, што ён з’яўляецца адзінай крыніцай інфармацыі ўдзелу нашых землякоў у “фінскай” вайне. Улетку 1941 года перад самай акупацыяй Лепельшчыны, архівы райваенкамата былі знішчаны ў полыме пажару. Таму на сёняшні дзень дадзена колькі лепельчан на самай справе прымала ўдзел у той з’ямнай кампаніі не ўяўляецца магчымым.

Вялікую ролю адыгралі ўспаміны жыхароў у пошуку няўлічаных пахаванняў на тэрыторыі сельсавета. Так, дзякуючы сведчанням шэрагу апавядальнікаў стала вядома сем месцаў ваенных пахаванняў перыяду Другой сусветнай вайны і адно пахаванне сваецка-польскай вайны 1919 – 1920 гг. У выніку раскопак праведзеных 52-ім асобным пошуковым батальёнам Міністэрства Абароны падцвердзілася наяўнасць шасці з іх. У шэрагу выпадкаў апавядальнікі самі з’яўляліся сведкамі гібелі і пахавання партызанаў і чырвонаармейцаў.

У 2010 годзе дзякуючы знойдзеным у архіве Слабадской школы ўспаміныў былога партызана брыгады “Чэкіст” Свірыдава Паўла Міхайлавіча, праведзенаму сябрамі гуртка “Нашчадкі” апытанню жыхароў Слабады, стала магчымым устанавіць імя партызана брыгады “Чэкіст” пахаванага на мясцовых могілках. На магілу да бацькі ўжо некалькі разоў з далёкай Омскай вобласці прыезджала дачка. Каб упэўніцца ў тым, што гэта сапраўды магіла бацькі жанчына сама звярталася з распытамі да жыхароў Слабады.

Збіраючы інфармацыю пра ўраджэнцаў сельсавета змагаўшыся з ворагам на фронце і ў партызанскіх фарміраваннях сутыкнуліся з цяжкасцямі ў тым сэнсе, што ўліковыя карткі на ўдзельнікаў вайны, якія захоўваюцца ў Лепельскім райваенкамаце складзены не раней 1984-1985 гг. Паўстала пытанне – як сабраць масксімальна інфармацыю на ветэранаў? Многія з іх адышлі ў лепшы свет за доўга да 1984-1985 гг. Зноў па дапамогу звярнуліся да мясцовых жыхароў. Многія з іх маглі расказаць не

толькі пра сваіх бацькоў, ці дзядоў, але і ўспаміналі хто з аднавяскоўцаў ваяваў і як знайсці іхніх родных. Каб упэўніцца ў праўдзівасці слоў апавядальнікаў прасілі паказаць ваенны білет, чырвонаармейскую кніжку, ці іншы дакумент – адкуль выпісвалі патрэбную нам інфармацыю.

Для параўнання прывядку адзін прыклад. Ва ўліковых картках сельсавета на ўдзельнікаў вайны па стану на 1987 г. налічвалася 38 чалавек. На сёняшні дзень у спісе складзеным “нашчадкамі” пры дапамозе родных і блізкіх ветэранаў значацца прозвішчы 196 ураджэнцаў слабадскога сельсавета і больш за 60 прозвішчаў ветэранаў памежных рэгіёнаў. У гэты спіс занесена інфармацыя і пратых хто памёр у першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі, калі рабіць дасканалы ўлік ветэранаў не ўяўлялася мэтазгодным з-за іх вялікай колькасці.

Не гледзчы на тое, што ўспаміны мясцовых жыхароў даюць толькі лакальныя прадстаўленні пэўнага эпизоду вайны, носяць суб’ектыўны характар, не ствараюць цэласнай карціны таго, што адбывалася ў краі на самай справе, тым не менш яны запэўняюць прабелы ў пэўным гістарычным перыядзе. На тое, як дакладна людзі выкладаюць факты уплываюць розныя акалічнасці – узрост, наколькі апавядальнік быў уцягнуты ў сацыяльныя адносіны свайго населенага пункта, сацыяльнае становішча. Хаця апошняя акалічнасці, ды яшчэ ўзрост не з’яўляюцца вызначальнымі фактарамі ў дакладнасці выкладаемых чалавекам фактаў. Напрыклад, ў 2008 годзе ў в. Слабада Кузьміч Вольга Фёдараўна 1930 г.н пералічыла каля двух дзесяткаў прозвішчаў сваіх землякоў, што прымалі ўдзел у партызанскім руху, і нават назвала хто і ў якой партызанскай брыгадзе значыўся. Шаснаццаць з іх, па словах жанчыны, былі ў складзе быгады “Чэкіст”. На чатырнаццаць чалавек названых Вольгай Фёдараўнай знайшлося дакументальнае падцверджанне ў Нацыянальным архіве Беларусі ў тым, што яны сапраўды былі ў складзе брыгады “Чэкіст”.

Толькі супастаўляючы вялікую колькасць сабраных сведчанняў, аналізуючы і параўноўваючы з агульнагістарычнымі фактамі, архіўнымі матэрыяламі можна зрабіць пэўныя гістарычныя высновы, скласці цэласную і праўдзіваю карціну таго, што адбывалася на тэрыторыі пэўнага рэгіёна ў гады апошняй вайны.

Гребень Е.А.

ДОКУМЕНТЫ КОЛЛАБОРАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ НАЦИСТОВ В ОККУПИРОВАННОМ ВИТЕБСКЕ

Пенитенциарная система понимается как совокупность тюремных мероприятий направленных на кару и исправление заключенных, а также как государственный институт, ведающий исполнением уголовных наказаний (как связанных, так и не связанных с лишением свободы), наложенных на граждан в соответствии с законом [1]. В период немецкой оккупации Беларуси нацисты внедрили здесь свою пенитенциарную систему в соответствии с собственным представлением о новом порядке.

Пенитенциарная система нацистов в оккупированной Беларуси до настоящего времени детально не изучена. Порядок функционирования тюрем лишь фрагментарно затрагивался в отдельных исследованиях. Краткая аннотация фонда Витебской городской тюрьмы дается в статье Шалаевой С.Б. «В оккупированном Витебске» [2, с. 10–11]. Функционирование Витебской тюрьмы затрагивается в работе Ивановой Т.П. «Политика оккупационных властей в Витебске во время Великой Отечественной войны» [3, с. 50]. Однако в настоящее время нельзя говорить о хотя бы частичном изучении этой составляющей оккупационного режима на фоне имеющейся обширного комплекса источников, хранящихся в фондах Государственного архива Витебской области: фонд Витебской тюрьмы (2155, 18 единиц хранения) и фонд местной комендатуры (2116, 3 единицы хранения). Имеющиеся в распоряжении исследователей документы

позволяют достаточно полно реконструировать механизм функционирования пенитенциарной системы нацистов в оккупированной Беларуси.

В Витебске в годы нацистской оккупации, помимо печально известного концлагеря 5-ый полк, трудового лагеря по ул. Фрунзе на территории Зеркальной фабрики (так называемая «Зеркалка») и тюрьмы СД, действовала еще находившаяся в ведении местной полиции городская тюрьма, ставшая местом заключения многих жителей города и района [4, л. 577]. В 1941–1942 гг. тюрьма имела статус городской, в документах 1943 г. именовалась районной [5, л. 224].

Суровые условия жизни и быта периода нацистской оккупации имели следствием рост преступности, жертвами которой становилось гражданское население, а порой и сами немцы. Естественно, оккупационная администрация пыталась жесткими мерами пресечь нарушение порядка. Помимо роста преступности ортскомендатура Витебска в начале 1942 г. констатировала рост антинемецких настроений среди гражданского населения, выражавшихся в ожидании возвращения Красной Армии, помощи ей (например, подача сигналов советской авиации) и, одновременно, рост криминала в городе, в первую очередь, воровства, в том числе у немцев. Отмечались случаи воровства горючего в воинских частях. Только в феврале 1942 г. было арестовано 953 чел. В г. Витебске было проведено 14 облав, 4 городских участка были тщательно прочесаны, в результате было арестовано 166 чел., 87 из которых не имели документов [6, л. 2]. За период с 1.04.1942 г. по 15.05.1942 г. было арестовано еще 843 чел., из которых 46 чел. арестовано за воровство, 35–за нарушение рабочей дисциплины, 42–из-за подозрения на заболевание венерическими болезнями, 541 чел. из-за отсутствия документов. 25 чел. было передано ГФП и СД для дальнейшего выяснения личности [6, л. 4]. С 15.05.1942 г. по 14.06.1942 г. аресту со стороны фельдкомендатуры, СД, ГФП и ОД подверглись: 176 чел. из-за нарушения паспортного режима, 245 чел. из-за нарушения запрета на посещение базара, 72 за нарушение комендантского часа, 31 за подозрение на венерические заболевания, 15 за уклонение от исполнения трудовой повинности, 1 за диверсию (подозрение в повреждении кабеля) и 1 за агитацию, всего 541 чел. [6, л. 9]. Сохранились также сведения об арестах и причинах задержания граждан за июнь 1942 г. Из 210 задержанных гражданских лиц 11 чел. обвинялись в содействии партизанам, 2–в агитации, 1 за саботаж, 11 за воровство, 21 чел. за подозрение в венерических заболеваниях, 1 военнопленный за побег, 2–уклонение от работы, 1–вредительство, 3–спекуляция, 3 как евреи, 151 за передвижение без пропусков, 3–другое [6, л. 6].

В фонде Витебской тюрьмы сохранились ежедневные рапорты фельджандармерии в ортскомендатуру о количестве задержанных граждан. Например, 21.06.1942 г. в Витебске было задержано 57 чел. мужчин и женщин, передвигавшихся без пропусков. Одни направлялись из деревень на базар в Витебск, другие следовали из города в деревни с целью закупить продукты. У задержанных были изъяты продукты питания, которые были переданы для нужд ортскомендатуры. Граждане, у которых документы оказались не в порядке, были направлены в рабочую команду [6, л. 16].

В тюрьме до выяснения личности содержались граждане, не имевшие документов, причем нарушение паспортного режима могло повлечь достаточно продолжительное тюремное заключение, иногда с повторным разбирательством, поскольку граждане с недействительными документами или вообще не имевшие таковых вызывали вполне обоснованное подозрение оккупационных властей, видевших в них потенциальных членов движения Сопротивления [6, л. 380; 4, л. 285]. Местом задержания граждан, не имевших документы, становился базар. Например, 27.12.1942 г. на базаре были задержаны 6 витебчан, не имевших документов [7, л. 216].

Содержание под стражей могло объясняться тем, что обвиняемые в преступлении могли повлиять на ход следствия, находясь на свободе, как, например, в случае с тремя гражданами, жителями общины Себяхи Елагинской волости Витебского района, обвиняемыми в краже в мае 1942 г. В результате начальник Службы порядка предписал

начальнику Витебской тюрьмы взять обвиняемых под арест на время следствия и сообщить об этом задержанным [6, л. 355]. 8.06.1942 г. начальник Службы порядка предписал взять под стражу кладовщика дер. Давыдовка Витебской волости гражданина Василия Ю., подозреваемого в растрате из кладовой общины 400 кг. пшеницы и 317 кг. ячменя. мера пресечения была выбрана для «предупреждения способов уклониться от следствия и суда», как было сказано в постановлении о взятии под стражу [6, л. 31]. Изредка практиковалось освобождение граждан, находящихся в заключении, под подписку о не выезде [6, л. 348; 8, л. 393].

Причины арестов и виды правонарушений видны из сохранившихся многочисленных распоряжений коменданта Витебской ортскомендатуры, издаваемых начиная с середины сентября 1941 г. и, по крайней мере, до октября 1942 г. Очевидно, позднее карательные функции были переданы Витебскому мировому суду. По крайней мере, семь приговоров коменданта 15–16.09.1941 г. касались граждан (9 чел.), обвиненных в грабеже во время пожара в Витебске во время отступления советских войск 10–11.07.1941 г. В ряде постановлений содержатся поясняющие обстоятельства дела комментарии: «во время пожара награбили целый склад продуктов», «воровал в огромных количествах при пожаре», «взял в госпитале коня, белье и продукты». В первую очередь, речь идет о случаях оккупационные власти карали граждан за присвоение государственной собственности, которая рассматривалась как принадлежащая рейху. За подобные проступки налагалось наказание от одного до четырех месяцев тюрьмы [9, л. 312–313; 10, л. 61]. При вынесении приговора фельдкомендант принимал во внимание обстоятельства совершения правонарушения. 20.10.1941 г. к трехнедельному аресту был приговорен житель Витебска Павел А за спекуляцию спиртом (требовал «ростовщическую» цену 6 немецких марок за четверть литра). В постановлении коменданта отмечалось, что гражданин приговорен к столь малому наказанию только потому, что он как безработный регулярно отмечался на бирже труда [4, л. 340]. В других случаях аналогичные правонарушения карались более сурово. Среди других приговоров также доминируют дела о воровстве продуктов питания, присвоение собственности (в том числе и сотрудниками полиции и городской управы), отсутствие регистрации и тунеядство, спекуляция, нарушение правил торговли (отказ принимать советские денежные знаки). Иногда несколько преступлений фигурировали в одном приговоре, например, отсутствие регистрации, тунеядство и спекуляция одновременно. Осенью 1942 г. подобные проступки карались тюремным заключением от одной недели до трех месяцев, а также во многих случаях комендант приговаривал граждан к определенному количеству палочных ударов, например, 10 палок в два приема, 20 палок в два приема и т.д. [8, л. 69, 70, 168; 10, л. 61; 6, л. 38, 41; 9, л. 312, 314]. Арестом на 24 часа карались граждане за нарушение общественного порядка (драки, появление на улице в нетрезвом виде) [11, л. 342, 346; 10, л. 162].

Помимо ареста фельдкомендатура могла приговаривать граждан к возмещению материального ущерба. Например, 10.10.1941 г. 13 витебчан, обвиняемых в воровстве дров и кровельного железа, были приговорены к аресту на одну неделю и денежному штрафу или принудительным работам, а при не внесении штрафа или не выходе на работу тюремное заключение увеличивалось еще на неделю [10, л. 59].

Для 1942 г. характерны те же правонарушения (по-прежнему лидировали кражи), но сроки тюремного заключения увеличились и составляли 2–3 месяца плюс по 10–20 палочных ударов за каждый месяц заключения [8, л. 68, 164, 244; 10, л. 160–168]. Для карательных процедур 1942 г. характерна также практика учета или не учета срока предварительного заключения при вынесении приговора [4, л. 574, 576; 12, л. 2, 7]. С началом мобилизации граждан на принудительные работы в Германию туда в виде меры наказания или как граждане, которые не могли скрыться от угона, могли отправляться и заключенные [6, л. 372].

Периодически узниками тюрьмы могли становиться и сами сотрудники полиции, наказанные за различные проступки [5, л. 215]. Например, 6.02.1942 г. начальник уголовного отдела приговорил к 5 суткам ареста следователя Ш. за злоупотребления по службе (нарушение процедуры допросов, выразившееся в уничтожении протокола допроса начальника транспортного отдела) [4, л. 215]. 7.02.1942 г. начальником уголовного отдела на основании распоряжения СД к 5 суткам ареста был приговорен следователь К. за “проявленную трусость при исполнении задания ГФП [4, л. 4]. 16.09.1942 г. охранник был приговорен к трехдневному заключению за утерю документов. В 1943 г. еще двое сотрудников полиции было приговорено к заключению, в одном случае причина ареста не уточнялась, в другом охранник был приговорен полево комендатурой к месяцу ареста за халатное наблюдение заключенной [12, л. 22; 4, л. 207, 564].

В тюрьме постоянно происходило движение заключенных. Подозреваемых в сопротивлении оккупационному режиму граждан регулярно вызвали на допросы в полицию, СД, жандармерию, некоторые не возвращались, либо расстреливались либо отправлялись в лагеря, тюрьму СД на принудительные работы в Германию, некоторые узники умирали, взамен на временное содержание прибывали новые арестованные, кто-то отпускался по окончании срока заключения или по причине не доказанности преступления. Например, 5.01.1942 г. в тюрьму из фельдкомендатуры прибыло 2 чел., из уголовного отдела полиции 3 чел., 4 заключенных были освобождены уголовным отделом. С 5 на 6.01.1942 г. в тюрьме содержалось 126 заключенных [4, л. 11]. 2.08.1942 г. в Витебскую тюрьму из ортскомендатуры и фельдкомендатуры поступило по одному гражданину, трое прибыло из уголовного отдела полиции, в свою очередь, туда же в этот день было направлено 4 граждан, трое было освобождено по отбытии срока; всего в тюрьме содержалось 198 чел. [8, л. 23]. 4.08.1942 г. в тюрьме содержалось 175 чел., в последующие недели количество узников постоянно росло и к 22.08.1942 г. достигло 311 чел., после чего уменьшилось до 282 чел. к 24.08.1942 г. [13, л. 29–33, 40, 41, 43].

За период с 30.10.1942 г. по 26.11.1942 г. движение заключенных в Витебской тюрьме выглядело следующим образом:

Дата	Откуда прибыло, количество чел.	Куда убыло, количество чел.	Осталось заключенных
10.11.1942	ортскомендатура–2, фельдкомендатура–1, полиция–1	ГФП–1	120
9.11.1942	ГФП–1, фельдкомендатура–1, полиция–1	ГФП–3, фельдкомендатура–2	125
5.11.1942	фельдкомендатура–4,	фельдкомендатура–2, полиция–1	134
12.11.1942	ГФП–2, фельдкомендатура –3, полиция–1	полиция–1, освобождено–2	128
11.11.1942	ГФП–1, полиция–1	ГФП–1, фельдкомендатура–5, освобожден–1	125
7–8.11.1942	ГФП–2, фельдкомендатура–2	фельдкомендатура–5, освобожден–1	127
2.11.1942	фельдкомендатура–5, ГФП–4, полиция–4	ГФП–12, ортскомендатура–2, освобождено–3	137
26.11.1942	ГФП–16, ортскомендатура–2, фельдкомендатура–1, полиция–3	ГФП– 9, фельдкомендатура–1, полиция–2	131
30.10–1.11.1942	ГФП–3, фельдкомендатура–6, СД–1	фельдкомендатура–1, больница–1, освобождено–3	142

Аналогично ситуация выглядела и в последующем 1943 г. Число узников не опускалось ниже 100 чел., ежедневно кто-то из них выбывал по различным причинам, а на их место прибывали другие граждане [8, л. 269, 304, 315, 316, 331, 332, 342–344].

При направлении граждан в тюрьму криминальный отдел Охраны г. Витебска пересылал начальнику Витебской тюрьмы, в котором указывалось фамилия и имя арестованного (или арестованных; до 5 человек), направляемого для содержания под стражей, а также требование произвести тщательный обыск арестованных, оформив его специальным актом [6, л. 401].

Периодически заключенных вызывали на допрос, для чего начальник криминального отдела ОД выписывал специальное извещение начальнику тюрьмы, в котором указывались имена и фамилии конвоируемых на допрос граждан и их номера [6, л. 24]. По окончании срока заключения начальник тюрьмы подавал на имя начальника криминального отдела рапорт, в котором сообщал, что срок заключения истек, наказанный за конкретное преступление гражданин освобожден из-под стражи, а также сообщалось, что выполнено указание о наказании заключенного определенным количеством палочных ударов, если он был к этому приговорен [8, л. 163]. Полиция также оповещала начальника тюрьмы о передаче дел конкретных заключенных в суд [4, л. 319, 319 об.]. Постановления о заключении граждан в тюрьму выносились разными органами власти. Чаще всего на подобных документах стояла подпись полевого коменданта, иногда совместно с инспектором полевой юстиции, либо только подпись последнего [6, л. 30]. Решение о временном заключении на период следствия мог принимать начальник полиции [10, л. 77]. Например, согласно приказу начальника полиции, 27.09.1942 г. в тюрьму поступил гражданин Дорофей Б., подозревавшийся в связях с партизанами и принадлежности к партии большевиков. Начальник полиции подозревал, что, находясь на свободе, гражданин скроется от следствия [10, л. 118]. 14.09.1942 г. по этой же причине предварительному заключению были подвергнуты граждане Федот Р. и Федор З. [10, л. 77]. С организацией в Витебске мирового суда часть уголовных дел перешла в его компетенцию, и ряд граждан приговаривались к различным срокам тюремного заключения уже судом [6, л. 282].

Освобождение из тюрьмы следовало в результате окончания срока заключения (это касалось абсолютного большинства узников, получавших за криминальные преступления относительно небольшие сроки заключения), а также по решению суда или криминального отдела полиции, если последние находили гражданина не виновным, и предварительный арест заканчивался [10, л. 236, 81]. В случае если участие в преступлении не было доказано, обвиняемый отпускался. Например, гражданин Ефим О., обвиняемый в краже материалов с фанерной фабрики в январе 1942 г., был отпущен за неимением улик, но при этом был наказан 25 палочными ударами [7, л. 234]. Полевая комендатура Витебска в лице инспектора полевой юстиции 22.09.1942 г. предписывала начальнику тюрьмы немедленно освободить гражданина, чей срок ареста еще не окончился. Очевидно, в ходе повторного разбирательства была выяснена его невиновность [6, л. 385]. Подобные случаи в 1942 г. имели место, как минимум, еще трижды [4, л. 155, 178]. Начальнику тюрьмы также сообщался ход разбирательства дел некоторых узников. Например, в марте 1942 г. криминальный отдел Витебской полиции сообщил начальнику тюрьмы, что дело № 432 гражданина Прохора М., обвиняемого в убийстве, направлено в районный суд [6, л. 381].

В ряде случаев заключенные направляли заявления о помиловании, которые, чаще всего, отклонялись, о чем в письменной форме комендант фельдкомендатуры уведомлял через городскую управу просителей [6, л. 45; 4, л. 342]. Тем не менее, в редких случаях помилование могло быть оказано. Например, 18.04.1942 г. фельдкомендатура направила в Витебскую тюрьму приказ о немедленном освобождении гражданина Владимира И., который был помилован [10, л. 158]. Причиной для отмены наказания могла служить также психическая невменяемость граждан [10, л. 56].

Тюремный быт характеризует рапорт начальника Витебской городской тюрьмы начальнику полиции от 29.07.1942 г., в котором первый просил отпустить для тюрьмы доски для настила кроватей, так как в тюрьме не было ни одной доски [4, л. 172]. Анти-санитарные условия и дефицит продовольствия приводил к заболеваниям узников сыпным тифом [10, л. 164]. Мизерный тюремный паек обрекал узников на полуголодное существование, поэтому заключенным разрешалось получать передачи от родственников. Они же имели право на поучение оставшихся от заключенных вещей и продуктов в случае убийства граждан в Германию или смерти [6, л. 372].

Условия содержания узников красноречиво иллюстрируют донесения о смерти некоторых заключенных. В Витебской тюрьме из приговоренных полевым судом к различным срокам заключения 167 граждан за период 6.11.1941–26.12.1941 г. умерло 3 чел., из отбывавших заключение за период 21.12.1941–12.12.1942 г. 70 чел. умерло еще двое узников [8, л. 418–439]. Суровая тюремная действительность периодически вызывали побег или попытки побега заключенных. В донесении Витебской ортскомендатуры фельдкомендатуре от 3.02.1942 г. сообщалось о попытке к бегству из заключения одного из узников, который был расстрелян [6, л. 15].

21.10.1942 г. начальник Витебской тюрьмы издал распоряжение относительно порядка прогулки заключенных. Тюремной охране предписывалось производить прогулки арестованных, сидевших в одной камере, каждая партия должна была ходить, разбившись по парам и заложив руки за спину, в круговую по тюремному двору в течение 15 минут; прогулка начиналась ежедневно с 9.00. Прогулочный двор должны были охранять два вооруженных охранника (в помощь могли привлекаться и немецкие солдаты), ответственный дежурный и его помощник наблюдали за арестованными внутри прогулочного двора без оружия, чтобы в случае побега заключенные не могли завладеть им [8, л. 162].

Количество узников, прошедших через Витебскую тюрьму, по не полным данным можно оценить цифрой не менее 2791 чел. С начала немецкой оккупации и до конца в 1941 г. заключению подверглись 663 чел., в 1942 г.–898 чел., в 1943 г.–1230 чел., данные по 1944 г. отсутствуют [14, л. 1–176; 15, л. 1–40]. Штат Витебской тюрьмы по состоянию на 6.03.1943 г. составлял 28 чел. [16, л. 10 об.]. На фоне этих статистических данных достаточно странно выглядит тезис витебского исследователя Ивановой Т.П., которая утверждает, что «с учетом сроков заключения (от 1 недели до 3 месяцев) можно сделать вывод, что *практически все* (выделено мною–Е.Г.) население Витебска перебивало в тюрьме» [3, с. 50]. Во-первых, как уже отмечалось ранее, в подчиненной местной администрации тюрьме содержались граждане со всего Витебского района, во-вторых, детальный анализ документов из фонда Витебской тюрьмы не позволяет делать вывод о таком огромном количестве заключенных на фоне более чем 30-тысячного населения Витебска в период оккупации [17, л. 6].

Таким образом, изучение материалов оккупационных органов юстиции и мест содержания под стражей гражданского населения позволяет реконструировать механизм функционирования немецкой пенитенциарной системы в отношении гражданского населения оккупированной Беларуси.

1. [http://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз%20и%20Ефрон/Пенитенциарная%20система/;](http://slovari.yandex.ru/~книги/Брокгауз%20и%20Ефрон/Пенитенциарная%20система/)
<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%8F.%D1%81%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0>. Дата доступа 13.09.2011.
2. Шалаева С.Б. В оккупированном Витебске // Выстояли и победили: свидетельствуют архивы / авторы-составители М.В. Пищуленок, Т.В. Бувич, С.Ю. Каравка, С.Б. Шалаева.–Витебск: Государственный архив Витебской области, 2005.–92 с. С. 10–12.
3. Иванова Т.П. Политика оккупационных властей в Витебске во время Великой Отечественной войны // Европа во Второй мировой войне: Материалы международной научно-теоретической конференции / Ред. кол. В.А. Космач (гл. ред.) и др.–Витебск, 2005.–С. 48–51.
4. Государственный архив Витебской области. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 8.
5. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 10.
6. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 2.

- 7 Там же. Ф. 2116. Оп. 1. Д. 1.
8. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 5.
9. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 1.
10. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 4.
11. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 11.
12. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 6.
13. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 3.
14. Там же. Ф. 2155. Оп. 2. Д. 1.
15. Там же. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 12.
- 16 Там же. Ф. 2155. Оп. 2. Д. 1 А.
17. Там же. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 181.

Докунова Е.Н.
СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ НА ОККУПИРОВАННОЙ
ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941–1944 гг.): ГОВОРЯТ АРХИВЫ

Тема советских военнослужащих, попавших в немецкий плен, является одной из малоизученных на страницах истории. Остаются неисследованными вопросы участия церкви в судьбе военнопленных, положения в лагерях женщин-военнопленных, инвалидов, евреев, врачей, не известно точное количество советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси. Документы, касающиеся содержания советских военнопленных, собраны в архивах Беларуси, России, Украины, Германии и других стран. В работе рассмотрим корпус источников по данной теме в белорусских архивах. Они сосредоточены, в основном, в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ). Среди них – организационно-распорядительные документы (приказы, распоряжения, директивы, инструкции, положения) высших и местных органов оккупационной администрации, регламентирующие пребывание советских военнопленных в немецких лагерях на оккупированной территории Беларуси. Эти документы дают представление о социальном, политическом, экономическом, военном положении советских военнопленных, об особенностях функционирования органов управления лагерями.

Документальные источники отечественных архивов, относящиеся к изучаемой теме, по происхождению можно условно разделить на четыре основные группы: 1) фонды оккупационных организаций; 2) фонды советских партийных органов и организаций, партизанских формирований; 3) переведенные документы фонда № 1440 «Институт истории партии при ЦК КПБ» и № 510 «Переведенные документы Великой Отечественной войны»; 4) фонд № 1363 «Уголовные дела на осужденных немцев».

Фонды оккупационных организаций содержат документальные материалы высших, местных органов управления и экономического освоения оккупированных территорий. Значительное количество ценных сведений по исследуемой проблеме содержится в фонде № 370 «Генеральный комиссариат «Беларусь». Здесь представлены распоряжения, приказы, инструкции, памятки руководящих оккупационных структур, которые характеризуют функционирование лагеря, охрану и режим содержания, нормы питания, медико-санитарные нормы, трудовое использование военнопленных. Особое внимание администрация лагерей уделяла использованию труда советских военнопленных как внутри лагеря, так и за его пределами. Для повышения производительности труда практиковались поощрение и наказание. В данном фонде имеется распоряжение Рейхминистра по занятым восточным областям от 17.11.1942 г. «О премировании советских военнопленных табачными изделиями за особо усердную работу» [1, л. 1]. В фонде № 655 «Штаб группы армий «Центр» находятся приказы командования вооруженными силами Германии по организации явки в лагерь отбившихся солдат (приказ командующего тылом центрального армейского участка Макса фон Шенкендорфа по корпусу № 40 от 16.10.1941 г.) [2, л. 71], борьбы с партизанами, оказывающими помощь военнопленным; дневники боевых действий; данные о количестве захваченных в плен советских военнослужащих. Также в фонде имеется документ главного

штаба сухопутных сил при главнокомандующем войсками от 25.07.1941 г. «Обращение с неприятельскими гражданскими лицами и русскими военнопленными в тыловых армейских областях» [3, л. 34–35].

В рамках исследуемой проблемы интерес представляют и материалы местных органов оккупационной администрации. Фонды № 391 «Борисовский окружной комиссариат», № 393 «Минский окружной комиссариат», № 4232 «Вилейский окружной комиссариат» содержат распоряжения, инструкции генеральных и окружных комиссаров, волостных властей по вопросам содержания советских военнопленных в лагерях, а также отчеты, донесения, переписку с комиссариатами по проблеме социального обеспечения военнопленных в лагерях, лагерной дисциплины, об использовании труда, розыске сбежавших военнопленных, обмундировании. Так, в фонде № 391 имеются циркуляры ГКБ от 18 июня 1942 г. по организационным вопросам, о порядке обращения с военнопленными [4, л. 33–34]; распоряжение ГКБ и местной комендатуры № 352 г. Минска от 26 сентября 1941 г. об отношении к русским военнопленным и использовании их в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве [5, л. 1–2]. О привилегированном положении военнопленных врачей говорится в выписке из особых распоряжений об обращении с военнопленными в фонде № 393 [6, л. 34–35 об.]. Имеются также бланки месячных отчетов о работе военнопленных на организации ТОДТ [7, л. 1]. В фонде № 4232 содержатся указания бургомистрам по организации обеспечения питания советских военнопленных в области правления вилейского комиссара [8, л. 64].

В архивных фондах городских, районных управ находятся распоряжения, постановления о регистрации военнопленных в городах и волостях, представлены списки, памятки об охране советских военнопленных в лагерях, отчеты бургомистров о количестве военнопленных, работающих в волостях, видах выполняемой ими работы, образцы удостоверений о назначении военнопленных на сельскохозяйственные работы. В фонде № 259 «Общеадминистративный отдел Могилевской государственной управы» находится перечень предприятий, на которых использовали труд военнопленных [9, л. 146]. Особое внимание при этом уделяли мерам охраны в лагерях и рабочих командах. Так, в фонде № 2073 «Витебская городская управа» находится инструкция по охране советских военнопленных в составе рабочих команд [10, л. 1]. В фонде № 2848 «Браславская районная управа» имеются образцы удостоверений за август – сентябрь 1941 г. о назначении военнопленных на сельскохозяйственные работы, а также списки военнопленных, предоставленных местным крестьянам на сезонные полевые работы [11, л. 6].

Важным источником информации по проблеме принудительного использования труда советских военнопленных на оккупированной территории Беларуси являются материалы фонда № 379 «Организация ТОДТ» и № 378 «Главная железнодорожная дирекция «Центр». В этих фондах находятся переписка с комендантами лагерей по предоставлению и использованию труда военнопленных на промышленных объектах, железнодорожных станциях, инструкции по охране и нормам питания советских военнопленных в составе рабочих команд, табели учета их труда, бланки отчетов. Документы дают представление о видах работ, выполняемых военнопленными, продовольственном и медицинском обеспечении, формах наказания и поощрения, способах борьбы. В фонде № 379 имеется письмо верховного командования сухопутных войск от 24.10.1942 г. о нормах питания советских военнопленных в лагерях и в составе рабочих команд [12, л. 46–48]. А в фонде № 378 представлены материалы по использованию труда военнопленных, видах выполняемой ими работы, охраны в табличной форме по лагерям [13, л. 24–25].

Вторую группу составляет значительный комплекс документов, который сформировался в результате деятельности советских партийных и комсомольских органов, партизанских формирований. Наибольшее количество документов по данной теме хранится в НАРБ: фонд № 4-п «Центральный комитет КПБ», фонд № 1450 «Белорусский штаб партизанского движения», фонд № 845 «Белорусская республиканская комиссия содей-

ствия в работе Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба». Архивные материалы данных фондов содержат обширную информацию о преступных деяниях по отношению к советским военнопленным, существовании штрафных лагерей для военнопленных, статистические сведения о боевом и численном составе партизанских формирований, листовки с обращением к военнопленным, документы о формировании из числа военнопленных воинских частей, акты об ущербе, нанесенном оккупационными властями советским гражданам, протоколы допросов, доклады, свидетельские показания очевидцев расправ немецко-фашистских войск и оккупационных властей над военнопленными. В документах Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) зафиксированы случаи сопротивления советских военнопленных как во время их нахождения в лагерях, так и во время массовых расстрелов. Сопротивление носило как пассивный (самоубийства), так и активный характер (групповые и индивидуальные побег). В этих делах большое значение имеют воспоминания очевидцев. Документы ЧГК являются неоценимым источником, так как содержат конкретные сведения об установленном нацистами режиме в лагерях, его ужесточении, факты издевательств и злодеяний над конкретными людьми. Документы данной группы позволили уточнить и проверить отдельные факты существования лагерей, определить процентный состав бывших советских военнопленных в партизанских отрядах и бригадах.

Третью группу составляют переведенные материалы фонда № 1440 «Института истории партии при ЦК КПБ», опись 3 и № 510 «Переведенные документы Великой Отечественной войны». Эти фонды содержат документы немецких военных и гражданских оккупационных учреждений: отчеты об инспекционных поездках по лагерям для советских военнопленных коменданта округа «Я» полковника Маршалла, приказы по комендатуре шталага № 352. Значение этих источников заключается в том, что они дают широкое представление о положении пленных осенью и зимой 1941–1942 гг., об организации и функционировании лагеря, расположении лагерей военнопленных в Генеральном округе «Беларусь» и на территории группы армий «Центр», перечни лагерей и армейских сборно-пересыльных пунктов для военнопленных.

Четвертую группу составляют документы фонда № 1363 «Уголовные дела на осужденных немцев». Это обвинительные акты, материалы следствия, протоколы судебных заседаний, приговоры. Эти документы также являются ценным источником по проблемам плена, в них содержатся данные об устройстве лагерей, охране, аппарате управления, о внутреннем режиме. Вместе с тем существенный недостаток их в том, что вся информация базируется, в основном, на показаниях осужденных, которые, чувствуя вину в совершенных преступлениях, старались говорить не всю правду, преуменьшить масштабы причиненного зла. Поэтому при использовании уголовных дел немецких военнопленных необходимо привлекать дополнительные сведения для проверки информации.

Перечисленные архивные источники характеризуются информационной насыщенностью и обладают высокой степенью репрезентативности. Будучи четкими по содержанию и подробными, они позволяют рассмотреть дислокацию лагерей военнопленных в оперативном тылу группы армий «Центр» и организацию стационарных лагерей в гражданской административной зоне, провести социальную дифференциацию военнопленных, а также выявить иерархию среди военнопленных и типологию лагерей.

1. Die Abteilung von Arbeitspolitik und Sozialverwaltung, Zigaretten als Leistungszulage für sowjetische Kriegsgefangenen // НАРБ. – Фонд 370. – Оп. 1. – Д. 930. – Л. 1.
2. Приказ Командующего тылом центрального армейского участка Макса фон Шенкендорфа по корпусу № 40 от 16 августа 1941 г. // НАРБ. – Фонд 655. – Оп. 1. – Д. 1. – Л.
3. Распоряжение главного штаба сухопутных сил при главнокомандующими войсками от 25.07.1941 г. «Обращение с неприятельскими гражданскими лицами и русскими военнопленными в тыловых армейских войсках // НАРБ. – Фонд 655. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 34–35
4. Циркуляры генерального комиссариата «Беларусь» от 18 июня 1942 г. по организационным вопросам, порядке обращения с военнопленными // НАРБ. – Фонд 391. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 33–34.

5. Распоряжение ГКБ и местной комендатуры № 352 г. Минска от 26 сентября 1941 г. // НАРБ. – Фонд 391. – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 1–2.
6. Выписка их особых распоряжений об обращении с военнопленными // НАРБ. – Фонд 391. – Оп. 1. – Д. 144. – Л. 34–35 об.
7. Kriegsgefangenen Monatsmeldung nach dem Stand 1 jeden Monats // НАРБ. – Фонд 393. – Оп. 1. – Д. 417. – Л. 1.
8. Донесение областному комиссару в Вилейке о питании русских военнопленных от 08.12.1941 г. // Государственный архив Минской области. – Фонд. 4232. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 64.
9. Перечень предприятий, на которых использовали труд военнопленных // Государственный архив Могилевской области. – Фонд 259. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 146.
10. Инструкция по охране советских военнопленных в составе рабочих команд // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 2073. – Оп. 1. – Д. . – Л. .
11. Образец удостоверения о назначении военнопленного на сельскохозяйственные работы // ГАВО. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 353 . – Л. 6.
12. Verpflegung der sowjetischen Kriegsgefangenen// НАРБ. – Фонд 379. – Оп. 3. – Д. 1. – Л. 46–48.
13. Kriegsgefangenen-Nebenlager 4 September 1942 // НАРБ. – Фонд 378. – Оп. 1. – Д. 171. – Л. 24–25.

Нікалаева І.У.

ДАКУМЕНТЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА АРХІЎНАГА ФОНДУ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ЖАНЧЫН НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ 1941–1944 гг.

Прынцыповыя змены, якія намеціліся апошнім часам у асэнсаванні гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, паставілі у цэнтр гістарычных даследаванняў не столькі пытанні ваеннай гісторыі, колькі гісторыі “чалавека на вайне”. Гэта абумовіла неабходнасць асэнсавання гісторыі мінулай вайны з пазіцыі вопыту разнастайных сацыяльна-дэмаграфічных груп, у тым ліку жанчын, і вызначэння іх спецыфічнага становішча ў сістэме грамадскіх адносін ваеннага перыяду.

Нягледзячы на пэўны інтарэс айчынных даследчыкаў да жаночай гісторыі вайны, на сёняшні дзень значнае прырашчэнне ведаў пра становішча жанчын на акупаванай тэрыторыі Беларусі адбываецца, галоўным чынам, за кошт матэрыялаў сабраных метадамі вуснай гісторыі, якія патрабуюць ад прафесійнай гістарыяграфіі іх далейшага скрупулёзнага аналізу ў комплексе з іншымі крыніцамі. У гэтай сувязі каштоўнай крыніцазнаўчай базай з’яўляюцца дакументы нацыянальнага архіўнага фонду, пераважная большасць якіх уяўляе сабой беларуска- і рускамоўныя матэрыялы, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ) і дзяржаўных абласных архівах у рукапіснай, друкаванай і мікрафільмавай формах.

Дадзеныя архіўныя крыніцы адрозніваюцца тэматычнай разнастайнасцю. Сярод іх вылучаюцца, па-першае, дакументы, якія характарызуюць сацыяльна-эканамічныя, культурныя, ідэалагічныя аспекты нацысцкай палітыкі на акупаванай тэрыторыі Беларусі, дзейнасць германскіх улад у адносінах да мясцовага жаночага насельніцтва; па-другое, матэрыялы, якія раскрываюць масава-палітычную работу партыйных і камсамольскіх органаў і арганізацый сярод жаночага насельніцтва ў тыле ворага, а таксама адлюстроўваюць удзел жанчын у антынацысцкім супраціўленні.

Першы комплекс крыніц па паходжанні можна падзяліць на дзве групы. У першую чаргу гэта справаводная дакументацыя органаў акупацыйнага кіравання: генеральных, акруговых і гарадскіх камісарыятаў, гарадскіх, раённых і валасных упраўленняў. Карыстаючыся класіфікацыяй, прапанаванай І.Э Яленскай [1], тут можна вылучыць наступныя віды крыніц: арганізацыйна-распараджальныя дакументы (загады, распараджэнні, прадпісанні, цыркуляры акупацыйных улад у дачыненні да жаночага насельніцтва); справаздачная дакументацыя (даклады, справаздачы акупацыйнай адміністрацыі, дакументы выніковага характару, якія ўтрымліваюць прамыя і ўскосныя звесткі пра жаночае насельніцтва); справачна-інфармацыйная дакументацыя (статыстычныя звесткі аб працаздольнасці, занятасці, прафесійным складзе жаночага насельніцтва, паведамленні пра ўдзел жанчын у прымусовых работах, даведкі) Аналіз гэтай катэгорыі архіўных крыніц, якія ўтрымліваюцца пераважна ў фондах дзяржаўных абласных архіваў, дае магчымасць высветліць метады і пры-

ёмы прыцягнення жанчын да прымусовай працы, асноўныя накірункі выкарыстання жаночай працоўнай сілы ў інтарэсах германскай ваеннай эканомікі, ацаніць дзейнасць мясцовай акупацыйнай улады ў дачыненні да жаночага насельніцтва ў сацыяльнай сферы, ахарактарызаваць ступень харчовага і таварнага забеспячэння жанчын, становішча з аказаннем ім медыцынскай дапамогі ва ўмовах акупацыйнага рэжыму.

Сярод адпаведных матэрыялаў, якія захоўваюцца ў НАРБ, найбольшую каштоўнасць уяўляе 370 фонд, у якім сабраны дакументы, што характарызуюць палітыку германскіх улад у адносінах да жаночага насельніцтва ў межах генеральнай акругі Беларусі. Яны прадстаўлены загадамі і інструкцыямі Рэйхсміністэрства па ўсходніх занятых абласцях, Рэйхскамісарыята “Остланд”, якія датычацца мясцовага жаночага насельніцтва. Справы фонда ўтрымліваюць перапіску Рэйхскамісарыята “Остланд” з генеральным камісарыятам Беларусі па пытаннях аплаты працы жанчын з ліку мясцовага насельніцтва, умоў працы цяжарных і г.д.

Акрамя таго, сярод крыніц, якія захоўваюцца ў НАРБ, нам бачацца каштоўнымі арыгінальнымі дакументы, што адлюстроўваюць дзейнасць германскіх акупацыйных улад па стварэнні калабарацыйных жаночых арганізацый. Так, цікавасць уяўляе статут Усебеларускага жаночага камітэта, які ўтрымліваецца ў 384 фондзе – “Цэнтральнае ўпраўленне беларускай самапомачы”. У другім вопісе 385 фонду – “Кіруючы штаб Саюза беларускай моладзі” – зберагаюцца статут і план работы “Аб’яднання Беларускай Жанчын”, матэрыял пра асноўныя напрамкі дзейнасці аб’яднання, яго непарыўную сувязь з палітыкай германскіх акупацыйных улад.

Важнае значэнне для раскрыцця тэмы становішча жанчын на акупаванай тэрыторыі Беларусі маюць таксама трафейныя варожыя дакументы, змешчаныя ў фондзе Інстытута гісторыі партыі пры ЦК КПБ (ф. 4683). Перш за ўсё тут звяртае на сябе ўвагу інфармацыя пра аддзелы па рабоце сярод жанчын у структуры нямецкіх акупацыйных органаў, метады і маштабы выкарыстання нацыстамі працы жаночага насельніцтва Беларусі.

У асобную групу трэба вылучыць дакументы падпольных партыйных і камсамольскіх органаў і арганізацый, БШПР, антыфашысцкіх арганізацый, якія ўтрымліваюцца ў адпаведных фондах НАРБ і асвятляюць сацыяльна-эканамічную і рэпрэсіўную палітыку акупацыйных улад у адносінах да жаночага насельніцтва. Галоўным чынам гэта матэрыялы, складзеныя на падставе аператыўных даных савецкіх груп, органаў НКУС, партызан і падпольшчыкаў, якія знаходзіліся на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Яны наглядна сведчаць пра метады нацысцкай акупацыйнай палітыкі ў дачыненні да жаночага насельніцтва, утрымліваюць багаты факталагічны матэрыял пра злачынствы нацыстаў у адносінах да беларускіх жанчын, які практычна адсутнічае ў крыніцах першай групы.

Другі тэматычны блок крыніц складаюць дакументы савецкага паходжання па гісторыі антынацысцкай барацьбы ў Беларусі, сярод якіх прысутнічаюць матэрыялы, якія садзейнічаюць раскрыццю пытанняў пра ўдзел жанчын у супраціўленні акупацыйнаму рэжыму.

У адзначаным корпусе архіўнага матэрыялу важнае месца належыць фонду ЦК КП(б)Б (ф. 4-п), дзе сабраны пратаколы пасяджэнняў бюро ЦК КП(б)Б перыяду вайны, пастановы, дырэктывы, указанні, распараджэнні па пытаннях падполля і партызанскага руху. Сярод крыніц названага фонду важнае месца займае статыстычная інфармацыя аб партызанскіх сілах асобных абласцей і рэспублікі ў цэлым з указаннем колькаснага складу ў іх жанчын на розных этапах барацьбы.

Удзел маладых жанчын у атынацысцкім супраціўленні найбольш поўна пададзены ў фондзе ЦК ЛКСМБ (ф. 63-п). Фонд утрымлівае пратаколы пасяджэнняў бюро ЦК ЛКСМБ за ўвесь час вайны. Асабліваю цікавасць уяўляе прынятая ім 10.10.1942 г. пастанова “Аб рабоце камсамольскіх арганізацый Беларусі сярод жаночай моладзі ў тыле праціўніка”. Сярод матэрыялаў фонду звяртаюць на сябе ўвагу шэраг

інфармацыйна-справаздачных матэрыялаў падпольных абласных, гарадскіх і раённых камсамольскіх арганізацый аб падрыхтоўцы дзяўчат-партызанак да ўзброенай барацьбы, звесткі пра іх баявую дзейнасць.

Значная колькасць інфармацыйных і справаздачных дакументаў і матэрыялаў, якія адлюстроўваюць патрыятычную дзейнасць жанчын у рэгіёнах, арганізатарскую і палітычную работу мясцовых партыйных і камсамольскіх камітэтаў сярод гэтай катэгорыі насельніцтва, захоўваецца ў фондах падпольных абкамаў і райкамаў КП(б)Б і ЛКСМБ, сістэматызацыя якіх ажыццёўлена згодна адміністрацыйна-тэрытарыяльнаму падзелу Беларусі на канец 1940 г.

У прыватнасці, у вышэй названых фондах значным патэнцыялам для даследавання гісторыі удзелу жанчын у партызанскім руху валодаюць дакладныя запіскі, паведамленні і справаздачы ўпаўнаважаных ЦК, падпольных абкамаў і райкамаў КП(б)Б і ЛКСМБ “о работе среди женщин”. Нягледзячы на тое, што структура гэтых справаздач відавочна адпавядае прадпісанай зверху схеме, яны пакідаюць месца для індывідуальнага зместу і даюць некаторае ўяўленне пра праблемы, звязаныя з уключэннем значнай колькасці патрыятычна настроеных жанчын у мужчынскія баявыя падраздзяленні, а таксама дазваляюць прааналізаваць, наколькі раўнапраўе палоў у ваеннай сферы, якое дэкларавала савецкая дзяржава, адпавядала сапраўднаму становішчу ў партызанскіх фарміраваннях. Названыя архіўныя дакументы ўтрымліваюць не толькі меўшыя месца факты дыскрымінацыі па палавой прыкмеце, але і сведчаць пра пратэстныя настроі саміх партызанак па прычыне суб’ектыўных адносін да іх каманднага складу і мужчынскай большасці ў цэлым, а таксама адлюстроўваюць, як партыйнае і партызанскае кіраўніцтва вырашала праблемы, звязаныя з “недооценкой роли женщин в партизанской борьбе”.

Сярод дакументаў, якія таксама знаходзяцца на захаванні ў НАРБ, важнай крыніцай даследавання пытанняў удзелу жаночага насельніцтва рэспублікі ў патрыятычным падполлі з’яўляюцца матэрыялы прадстаўлення ў фондах падпольных груп і арганізацый. Іх вывучэнне дазваляе вызначыць прадстаўніцтва жанчын у складзе асобных арганізацый, прааналізаваць некаторыя дэмаграфічныя даныя пра падпольшчыц, прасачыць формы іх удзелу ў антыфашысцкім падпольным руху 1941–1944 гг.

Вялікую каштоўнасць уяўляюць матэрыялы фонду БШПР (ф. 3500). Пільную ўвагу выклікае змешчаная тут справаздачная статыстыка, прадстаўленая аддзелам кадраў штаба, якая характарызуе ўдзел жанчын у партызанскім руху на тэрыторыі рэспублікі: іх прадстаўніцтва ў складзе партызанскіх фарміраванняў, сувязных, агентурных разведчыкаў, колькасць загінуўшых, прапаўшых без вестак, трапіўшых у палон, расстраляных па прыгаворы партызанскіх судаў. Асаблівую цікавасць мае такі від масавых крыніц, як спісы асабовага складу партызанскіх фарміраванняў, аналіз якіх дазваляе стварыць рэпрэзентатыўную карціну жаночага складу партынскіх фарміраванняў, а таксама прасачыць далучэнне жанчын да партызанскага руху на розных этапах яго развіцця. Асобную групу крыніц, змешчаных у фондзе, складаюць “гісторыі” партызанскіх брыгад і атрадаў, у якіх асобна прадстаўлена агульная інфармацыя пра жанчын-удзельніц партызанскага руху (колькасны склад, пасады ў атрадзе, канкрэтныя прыклады дзейнасці асобных партызанак, імёны і прозвішчы жанчын і дзяўчат, прадстаўленых да ўзнагароды, і г.д.), а таксама прысутнічаюць звесткі, якія датычацца партызанскай паўсядзённасці асобных фарміраванняў і даюць унікальную магчымасць рэканструяваць жаночы партызанскі быт.

Такім чынам, пералічаныя архіўныя крыніцы, якія знаходзяцца ў даступных для даследчыкаў фондах, характарызуюцца значнай інфармацыйнай насычанасцю і іх крытычнае асэнсаванне, а магчыма і новае прачытанне, супастаўленне і параўнальны аналіз з крыніцамі асабістага паходжання дазваляць сфарміраваць цэльнае, сістэмнае, панарамнае ўспрыняцце гісторыі жанчын на акупаванай тэрыторыі Беларусі 1941–1944 гг.

1. Еленская, И.Э. Документы немецко-фашистских оккупационных органов управления и учреждений как исторический источник: (По материалам Госархива Брест. обл.) / И.Э. Еленская: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / НАН Беларуси, Ин-т истории – Минск, 1999. – 18 с.

Кулинок С.В.
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СВОДКИ БЕЛОРУССКОГО ШТАБА
ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Великая Отечественная война – яркий пример широкого, целенаправленного и организованного использования партизан для решения разведывательных задач в интересах регулярных войск. Английские историки Ч.О. Диксон и О. Гельбрунн отмечали: «... если агентурная разведка могла раскрыть главные стратегические замыслы немцев, то партизаны в свою очередь могли установить, как проводятся эти стратегические замыслы в жизнь; если агентурная разведка могла раздобыть сведения об отдельных планах немцев, то партизаны могли наблюдать осуществление этих планов. И поскольку партизаны могли следить за противником сразу во многих районах, их данные позволяли русским распознавать главные замыслы врага даже в тех случаях, когда агентуре ничего не удалось узнать. Поэтому партизаны вправе считать, что не только честь завоевания побед на полях сражений, но и честь достижения успехов в разведке отчасти принадлежит им» [1, с. 235-236].

Среди огромного количества архивных материалов по истории партизанской борьбы на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны встречаются документы, заслуживающие специального исследования. К их числу относятся разведывательные сводки, составленные Белорусским штабом партизанского движения.

Разведданные стали поступать от партизан уже в первые месяцы войны, однако эта информация носила преимущественно разрозненный, а не систематический характер. Данные поступали с большим опозданием, часто просто терялись и не доходили до военного руководства страны из-за практически полного отсутствия налаженной связи. С созданием в 1942 г. Центрального и Белорусского штабов партизанского движения (ЦШПД и БШПД) стала налаживаться система связи с партизанскими отрядами, происходило упорядочение делопроизводства партизанского движения, разрабатывались требования и рекомендации по составлению и оформлению документов. Однако только 4 июня 1943 г. был утвержден табель срочных донесений, представляемых в ЦШПД. В нем определялись виды донесений, форма заполнения, срок и способ предоставления. В указании по заполнению форм табеля прописывались рекомендации по составлению интересующих штаб данных, ведению разведдеятельности, использованию карт местности и т. д. [2, л. 6-6об, 10-11].

В августе 1943 г. в БШПД были направлены подробные инструкции по совершенствованию разведывательной деятельности партизан за подписью заместителя начальника ЦШПД полковника госбезопасности Бельченко. В документе указывались недостатки в работе разведорганов партизанских формирований, приводились рекомендации и указания по ведению агентурной и войсковой разведки, работе с местным населением, ведению отчетности и документации по разведывательной работе. В частности отмечалось, что «до сего времени изучение и систематизация полученных сведений о противнике достаточно четко не производится... Необходимо в штабах партизанского движения вести следующую документацию: разведсводки, отчетные карты о противнике, целевые карты по объектам с исчерпывающими легендами к ним» [2, л. 29-32].

Основными оперативными документами, наиболее интересными по своей структуре и информативности, являлись разведсводки БШПД. Они составлялись на основании всех разведданных, полученных за определенный период времени. Представленная в них информация тщательно отбиралась, сортировалась и перепроверялась, после чего наиболее важные и достоверные разведданные сводились в разведсводки БШПД. Систематически они стали составляться с 1942 г., однако завершённую форму и структуру приобрели только летом 1943 г. 27 октября 1942 г. БШПД получил от ЦШПД «Примерную схему разведывательной сводки». В документе указывалось, что разведыва-

тельные сводки должны составляться штабом партизанского движения каждые три дня и включать информацию по 16 вопросам, которые охватывали широкий спектр данных от движения поездов, расположения аэродромов и баз до дислокации немецких частей и гарнизонов и подготовки крупных наступательных операций против партизан [2, л. 21-21об]. Однако уже 9 июня 1943 г. полковник С. Бельченко направил в БШПД замечания о качестве разведсводок, представляемых в БШПД. В частности указывалось на наличие существенных недостатков, заключавшихся в том, что «разведданные по одному и тому же вопросу разбросаны по всему тексту сводки и, чтобы сопоставить и анализировать данный вопрос на это тратится время совершенно непроизводительно». В этой связи БШПД рекомендовалось в сводках «располагать материал по следующим разделам: борьба противника с партизанами; скопление и сосредоточение войск противника; подтверждение ранее установленных частей противника; установление новых частей противника; перегруппировка и смена частей противника; железнодорожные и автомобильные перевозки; аэродромы и посадочные площадки; базы, склады и предприятия; изменчивые и полицейские формирования; мобилизация и увод населения в Германию; политико-экономическое состояние оккупированных районов; подготовка противника к химической войне; новые виды вооружений; строительство оборонительных сооружений; строительство дорог и мостов; состояние железнодорожной сети; система охраны коммуникаций; действия советской авиации; планы и намерения противника» [2, л. 19]. Как видим, перечень вопросов, требующих отражения в сводке, был достаточно значительным и охватывал практически все стратегически важные сферы.

Начиная с середины 1943 г. практически все разведсводки в своей структуре опираются на данный перечень вопросов. Вместе с тем, практически в каждом документе присутствует несколько новых вопросов, представляющих большое значение для Красной Армии и партизанского движения. Например, партизаны довольно часто передавали данные о дислокации и перемещении войск союзников Германии (итальянцев, венгров, словаков, чехов, французов, финнов), а так же деятельности немецких разведшкол и школ гестапо на территории Беларуси. Именно благодаря разведке было установлено наличие таких школ и курсов в Сенно, Могилеве, Борисове, Слуцке, Витебске, Петрикове, Минске, Полоцке, Бресте, Орше, Гомеле [3, л. 13, 89, 113, 129-130, 147, 172, 214, 219, 250, 316]. Отражались в разведсводках и данные о количестве населения городов. Так, например, в документе от 3 мая 1943 г. указывалось, что «по официальным немецким данным в г. Минске зарегистрировано 100 тысяч жителей, в том числе мужчин – 30 тыс.; женщин – 40 тыс.; детей до 14 лет – 30 тыс.» [3, л. 103]. Значительное количество сообщений касалось деятельности немецких радиостанций, моральном состоянии немецких войск, минирования немцами городов, деятельности антисоветских организаций, экономических мероприятий (уборка урожая, налоги, реквизиции) и т.д. Таким образом, к 19 основным разделам составления разведсводки можно добавить около 20 второстепенных. Однако количество вопросов, отражаемых в отдельно взятой разведсводке, составляло в среднем 10-13 разделов. Из них 8-10 соответствовали рекомендациям ЦШПД и 2-3 были дополнительными. Следует отметить, что в каждой разведсводке присутствуют несколько обязательных разделов, которые включали информацию о железнодорожных перевозках немцев, перечне установленных частей и гарнизонов противника, их перемещении и характеристике.

Объем разведсводки БШПД колебался от 3 до 16 печатных листов в зависимости от количества поступившей информации и стратегического положения на фронтах. Это было связано с тем, что накануне и в период крупных наступательных операций вермахта или Красной Армии значительно увеличивалось количество поступающих в партизанские штабы разведданных. Так, например, за июнь-июль 1943 г. (канун и проведение Курской битвы) было составлено 13 разведсводок на 110 листах, в то время как за январь-февраль 1943 г. соответственно 12 и 47. Всего же за 1943 г. было направлено 85 разведсводок общим объемом 618 страниц [3, л. 1-608].

Следует отметить, что разведсводки составлялись в нескольких экземплярах (от 7 до 12) и отправлялись во все важнейшие военные и партийные органы руководства: Главное разведывательное управление, ЦШПД, ЦК КП(б)Б, Наркомат государственной безопасности БССР, оперативные отделы фронтов и др. С ними знакомились Г. Жуков, А. Василевский, П. Пономаренко, Л. Цанав. Количество экземпляров напрямую зависело от стратегической обстановки на фронте и решаемых задач.

Значимость данных разведсводок трудно переоценить. Только за первое полугодие 1944 г. была собрана информация о дислокации 9 немецких армий и корпусов, 96 дивизий и бригад, 95 полков, 188 батальонов, установлена пропускная способность и интенсивность движения на 25 участках железной дороги в Беларуси, месторасположение 154 баз и складов противника, 75 аэродромов и посадочных площадок, подробно описана система оборонительных сооружений германской армии [4, л. 2-92]. Эти разведданные оказали огромное влияние на подготовку и успешное проведение операции «Багратион».

Вместе с тем необходимо отметить, что при всей тщательности отбора и проверки информации для составления разведсводок, в них встречаются ошибки и неточности. Так, в разведсводке БШПД от 25 июня 1943 г. указывалось, что в Минск прибыла вновь сформированная 6-я армия вермахта. Это не соответствует действительности, так как после разгрома 6-й армии под Сталинградом ее формирование проходило на юге России и она входила в состав группы армий «А» [5, л. 157а; 6, с. 501]. В другом документе приводились данные, что в августе 1943 г. в Борисове разместились 44-я дивизия СС, а в районе Западноприпятской зоны боевые действия вела дивизия СС «Варшава» [7, л. 251, 265]. Однако дивизий с такими порядковыми номерами и названиями в германской армии не было. Как сейчас известно, в то время на этой территории действовала кавалерийская дивизия СС «Флориан Гейер» под командованием оберфюрера СС Г. Фагелейна. В конце сентября того же года в разведсводке БШПД сообщалось, что на территории Беларуси охранную службу несут болгарские войска, хотя достоверно известно, что Болгария на Восточный фронт свои войска не посылала. Все эти неточности и ошибки являются следствием ограниченной возможности партизанской разведки в уточнении и перепроверке полученных данных.

Таким образом, можно констатировать, что разведсводки БШПД являются одним из важных источников по истории Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Представленная в них информация отражает боевые действия, экономическую и политическую ситуацию на оккупированной территории, состояние городов и промышленности, уничтожение местного населения и другое. Многократные проверки разведданных привели к тому, что информация в разведсводках носит достоверный характер, а встречающиеся неточности и ошибки вызваны объективными факторами. Подробное изучение указанного исторического источника позволит исследователям дополнить историю Великой Отечественной войны на территории Беларуси новыми данными.

1. Диксон, Ч., Гейльбрунн, О. Коммунистические партизанские действия. – М., 1957. – 325 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь ф. 1450, оп. 1, д. 1. Приказы, циркуляры и инструкции ЦШПД о подготовке планов мероприятий по развитию партизанского движения.
3. Там же, д. 4. Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения о действиях противника на территории Белоруссии.
4. Там же, оп. 3, д. 117. Отчет о разведывательной работе белорусских партизан IV приложение. 1944 год.
5. Там же, оп. 1, д. 4. Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения о действиях противника на территории Белоруссии.
6. Залесский, К. Вермахт. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. – 656 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь ф. 1450, оп. 1, д. 4. Разведывательные сводки Белорусского штаба партизанского движения о действиях противника на территории Белоруссии.

Коханко В.П.

КРАТКИЙ ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ БШПД ПО ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ, ДЕЙСТВОВАВШИХ НА ВИТЕБЩИНЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Источники по истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси весьма разнообразны. Важнейшими из них являются архивные документы. Основной комплекс документов по рассматриваемой проблеме хранится в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ). Одним из наиболее содержательных можно назвать архивный фонд Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), документы которого отражают деятельность и самого штаба, и партизанских формирований, подчинявшихся БШПД. Последние представлены приказами и отчетами командования бригад, отрядов, докладными записками, информацией, сведениями, дневниками, донесениями, рапортами и др.

Вначале обратим внимание на то, что архивный фонд Белорусского штаба партизанского движения, ранее хранившийся в партийном архиве Института истории партии при ЦК КПБ, имел номер 3500. В настоящее время фонд, хранящийся в НАРБ, переработан и ему присвоен новый номер – 1450.

В данном исследовании остановимся на документах лишь одной из описей указанного фонда, а именно, описи № 4, структурированной по административно-территориальному (документы партизанских формирований сгруппированы по областям БССР согласно предвоенному административно-территориальному делению) и хронологическому принципам. Отметим, что такой порядок формирования дел очень удобен для поиска информации о партизанском движении в отдельно взятом регионе или о конкретной партизанской бригаде.

Рассмотрим раздел «Партизанские формирования Витебской области», всего включающий 53 единицы хранения. Наиболее типичные заголовки дел раздела – «Документы о боевой и диверсионной деятельности...» либо «Документы о боевой, диверсионной и политмассовой деятельности...» партизанских формирований. Дела с подобными заголовками включают приказы, отчеты, докладные записки, рапорта, донесения, ведомости, справки, сведения и др. В частности, имеются документы о деятельности следующих бригад: 1-й, 2-й и 3-й Белорусских, 2-й Ушачской им. П.К. Пономаренко, 1-й Витебской, 1-й и 16-й Смоленских, «Железняк», «За Советскую Белоруссию», им. К.Е. Ворошилова, им. А.Ф. Данукалова, им. С.М. Короткина, им. В.И. Ленина, им. В.И. Чапаева, им. ВЛКСМ, им. М.И. Кутузова, Лепельской бригады им. В.И. Сталина, бригады «Неуловимые», Россонской бригады им. В.И. Сталина, 1-й и 2-й Дриссенских, Лиозненской, Освейской им. М.В. Фрунзе, 1-й и 2-й партизанских бригад им. Заслонова, им. Н.П. Гудкова, «Гроза», Сенненской, Чашникской партизанской бригады «Дубова», 1-й Антифашистской (Минской обл.), бригады Стрелкова (Смоленская обл.), Богушевских (первого и второго составов), 2-й Ушачской им. П.К. Пономаренко, 16-й Смоленской, а также Смоленского партизанского полка.

Отметим, что район деятельности многих бригад не ограничивался территорией Витебской области, в то же время, на Витебщине действовали бригады из сопредельных регионов (например, Калининской и Смоленской областей РСФСР), поэтому определять перечисленные выше бригады как «витебские» будет неправомерным. Систематизацию по месту действия, подчиненности и времени образования, а также структурную организацию партизанских формирований в БССР приводят авторы справочного издания «Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» [17].

В рассматриваемой описи обращает на себя внимание ряд не дублирующихся заголовков дел, например, «Документы о боевой и диверсионной деятельности партизанских формирований Витебской области...» [2]. Внимание витебского исследователя могут привлечь также дела с заголовками «Приказы командования отряда М.Ф. Бирюлина, 1-й Белорусской и 1-й Витебской бригад, сведения о боевом и числен-

ном составе и списки командно-политического состава 1-й Витебской бригады и ее отрядов» [3], «Отчеты 1-й Белорусской партизанской бригады о боевой, диверсионной деятельности и разведработе, записки М.П. Машкова – командира отряда – о создании, развитии и деятельности отряда» [4], «Отчеты, информации, тексты бесед, опросные листы участников создания партизанских отрядов, членов диверсионных групп об организации сопротивления и действиях диверсионно-разведывательных формирований в тылу противника» [8] и ряд других.

Без сомнения, привлечет внимание современного исследователя дело на 84 листах с заголовком «Докладная записка КГБ при СНК БССР от 17 августа 1962 г. об освещении боевой деятельности бригады «Неуловимые» и установлении истинных причин отказа в награждении отдельных командиров и рядовых партизан и приложения к ней» [5].

Документы ряда дел, включенных в раздел «Партизанские формирования Витебской области» описи № 4 содержат сведения не только о партизанском движении на Витебщине, но и сопредельных территорий, а также в целом по Беларуси. Примерами могут служить «Отчеты, донесения, докладные записки, информации командира спецгруппы Казанцева и ее агентов о проведенных диверсиях на промышленных предприятиях, подготовке ликвидации гауляйтера Кубе, Готберга, Власова, деятельности националистических организаций и их руководителей, действиях в г. Минске партизанской агентуры, доклады и сведения о состоянии партизанского движения перед фронтом 4-й Ударной армии, списки и характеристики на агентов и связных спецотряда БШПД» [6], а также «Документы о диверсионной деятельности оперативно-учебного центра при Северо-Западной группе ЦК КП(б)Б (доклады, донесения, отчеты, крюки минных полей, программы, списки)» [7].

Среди документов рассматриваемой описи обращают на себя внимание «Справки об истории возникновения, организации, боевой, диверсионной и политмассовой деятельности» партизанских бригад. Это отчетные документы о деятельности партизанских формирований, оформленные летом 1944 года сразу после освобождения белорусских земель от немецко-фашистских оккупантов.

«Истории» партизанских бригад (так они названы составителями), в большинстве своем, весьма значительные по объему – как правило, не менее 50 страниц рукописного текста – и имеют типичную структуру, поскольку составлены по схеме, разработанной БШПД в июле 1944 г. [1].

В их основу положены так называемые «дневники боевых действий» бригад, которые велись на протяжении деятельности партизанских формирований.

Согласно схеме истории партизанских бригад, вышедших в советский тыл, должны были отражать следующие аспекты: формирование отрядов и бригад, их структуру, начало боевой деятельности; военную, политическую и экономическую обстановку в районе действия партизанских формирований; краткое описание положения в районе после его оккупации немецко-фашистскими захватчиками. Основная часть истории партизанской бригады должна была содержать описание ее боевой деятельности: организацию агентурно-разведывательной сети и самое главное – подробное описание проведенных боевых операций, включая их подготовку, ход и результаты (степень решения боевой задачи, нанесенный урон противнику, захваченные трофеи, а также потери в личном составе бригады и среди местного населения). Кроме сведений об организации и боевой деятельности бригад, истории должны были включать информацию о взаимодействии бригады с Красной Армией, партийно-политической работе внутри бригады и среди местного населения, помощи с «большой земли», быте бригады, моральном состоянии личного состава, участии женщин и девушек в деятельности бригады, а также краткие характеристики и описание боевых заслуг партизан-героев. В качестве заключения предлагалось сформулировать общие выводы, включающие оценку боевой деятельности бригады.

Анализ «историй» партизанских бригад, действовавших на современной территории Витебской области, показал соответствие большинства из них предложенной схеме. Тем не менее, некоторые пункты не всегда освещались или освещались недостаточно. Основное внимание уделялось описанию наиболее значимых боевых операций.

К сожалению, в архивном фонде БШПД имеются «истории» лишь восьми партизанских бригад, действовавших на оккупированной территории Витебской области, хотя по состоянию на июль 1944 г. таковых было тринадцать. Всего же в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. – июль 1944 г.) здесь действовало 39 партизанских бригад, 325 отрядов и 34 отдельных отряда [17, с. 226].

Значительная часть современной территории Витебской области (Браславский, Глубокский, Миорский, Докшицкий, Поставский, Шарковщинский районы) к началу Великой Отечественной войны входила в состав Вилейской области, созданной в декабре 1939 г. Здесь партизанское движение не имело такого размаха, как в Витебской области, поэтому большую помощь в его развитии оказал Витебский подпольный обком КП(б)Б. По его указанию из отрядов, действовавших в Витебской области, сформированы бригады: в июле 1943 г. – им. Г.К. Жукова и вторая им. А.В. Суворова, в апреле 1944 г. – им. М.И. Калинина и послано ряд инициативных групп, на базе которых выросли партизанские формирования. Также по плану ЦК КП(б)Б и БШПД из Витебской области были передислоцированы бригады: в июне 1943 г. – им. К.К. Рокоссовского, в сентябре – им. В.И. Ленина, в октябре – 4-я Белорусская. Помощь в развертывании партизанского движения на территории Вилейской области оказал также Минский подпольный обком КП(б)Б, направив туда отряды С.Г. Сулова, «Боец» и им. Н.А. Щорса. В итоге на день соединения с частями Красной Армии в Вилейской области действовало 18 бригад и 5 отдельных отрядов общей численностью около 12 тысяч партизан [17, с. 162 – 163].

С учетом отмеченного выше, очевидно, что при работе с описью № 4 архивного фонда БШПД в рамках исследования истории партизанского движения на Витебщине (в границах современной Витебской области), следует обратить внимание и на раздел «Партизанские формирования Вилейской области».

Учитывая, что видовой состав документов данного раздела аналогичен составу рассмотренных нами документов партизанских формирований Витебской области, ограничимся лишь перечислением имеющихся в нем «историй» бригад, имеющих отношение к Витебщине. Таковыми являются «Справки об истории возникновения, организации, боевой, диверсионной и политмассовой деятельности» бригад имени Доватора [9], Рокоссовского [10], Суворова [11], Гастелло [12], Жукова [13], Фрунзе [14], 4-й Белорусской [15] и партизанского отряда Ждорова [16].

На наш взгляд, «истории» являются очень «удобным» источником для исследования регионального характера, поскольку содержат концентрированную информацию по истории партизанского формирования с момента его организации до соединения с войсками Красной Армии или расформирования. Указанное обстоятельство существенно упрощает работу исследователя, позволяет получить максимум информации при минимуме временных затрат. Здесь же отметим, что мы вовсе не абсолютизируем значение именно этого вида источника, скорее наоборот, склонны рассматривать его как некий фундамент для организации документального исследования комплекса по истории того или иного партизанского формирования.

Исследование истории даже одной из партизанских бригад, действовавших в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси, безусловно, потребует длительной и кропотливой работы с архивными документами, хранящимися в Национальном архиве Республики Беларусь и других архивах, в том числе зарубежных. Представленный обзор призван облегчить эту работу, дав отправную точку для подобного рода исследований.

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1405. – Оп. 1. – Д. 1968. – Л. 72 – 75.

2. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 15.
3. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 19.
4. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 21.
5. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 28.
6. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 53.
7. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 54.
8. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 60.
9. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 70.
10. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 73.
11. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 75.
12. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 81.
13. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 89.
14. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 103.
15. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 94.
16. НАРБ. – Ф. 1450. – Оп. 4. – Д. 95.

¹⁷ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе/[Манаенков А.Л., Горелик Е.П., Маркова А.Ф. и др.]. – Мн.: Беларусь, 1983. – 756 с.

Дубик М.Г.
ПИСЬМА НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ С ВОСТОЧНОГО ФРОНТА
1941–1944 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ВОЙНЫ

В последние годы история повседневности становится одним из ведущих направлений в украинской историографии. На современном этапе представляется почти невозможным исследовать различные проблемы, связанные с историей общества, без привлечения методологических подходов истории повседневности и соответствующих источников. Основную роль в исследованиях повседневности играет наличие репрезентативной источниковой базы. Привлечение в качестве источников интервью с участниками событий, их мемуаров играет важную роль для характеристики повседневности периода Второй мировой войны. На наш взгляд, большой потенциал кроется в эпистолярных комплексах, которые разрабатываются как зарубежными, так и отечественными исследователями.

Эпистолярный период Второй мировой войны является одним из самых мощных источниковых массивов, которые позволяют исследовать повседневность существования человека в условиях фронта или тыла с точки зрения на повседневность как на смену стратегий поведения человека в зависимости от обстоятельств. Хотя влияние «антропологического поворота» на немецкую историографию и перенос внимания с изучения политических и социально-экономических структур на уровень отдельного человека и повседневности относят к 70-х годов XX века, внимание эпистолярному жанру как источнику индивидуальных представлений и перипетий судьбы уделялось на протяжении всего послевоенного времени, возможно, ранее оно было сосредоточено более на фактологических моментах, нежели на психологическом состоянии человека в изменившихся условиях.

Эпистолярный оккупантов периода 1941 – 1944 годов долгое время был почти недоступен для отечественных исследователей в силу разных причин. Единичные исследования лишь подчеркивают начальность усилий в осмыслении значения этого источника для истории оккупации и, в частности, истории повседневности оккупации. В Германии избранные письма солдат с восточного фронта с соответствующим содержанием публиковались еще в период войны для подтверждения преступлений врага и преступности сталинского режима. В послевоенное время вышло несколько сборников писем, одним из которых стала публикация в 1961 году в Мюнхене писем военного времени от обычных людей из разных государств, погибших в той войне. Не политики, не какие-то высокопоставленные лица, они рассуждали о судьбах своей родины и мира в целом. Среди других в данном издании было опубликовано письмо обычного немца, погибшего вскоре в России: «Действительно, уже далеко зашло, уже нет шансов найти разумные «человеческие» урегулиру-

рования наших политических и экономических проблем, однако всегда встает вопрос о смысле, исторической ценности этой войны, которая ведется вопреки всем ожиданиям последних 25 лет... Сегодня повсюду в мире делается попытка силой решать проблемы, назревшие в течение последнего столетия, которые требуют иного лечения, чем могут предоставить пушки, самолеты и ядовитый газ...» [2, S. 73]. Это лишь один из многих, но очень показательный пример осмысления обычным человеком событий в мире, проникновение в сущность военного конфликта между государствами.

Письма с фронта немецких солдат являются одним из источников, позволяющим, в зависимости от склонности автора письма рефлексировать и излагать свои мысли на бумаге, проследить изменение их настроений, представлений и предубеждений относительно целей и характера войны, повседневность существования в чужеродном пространстве и т.д. В течение Второй мировой войны только через немецкую почтовую службу прошло до 40 млрд. писем с фронта [10].

Отдельные коллекции писем публиковались в 1980 – 1990 годах, но наиболее известной стала публикация писем с фронта будущего писателя Генриха Болля в 2001 году [1]. В последующий период в Германии можно констатировать рост внимания к эпистолярному источнику – было опубликовано значительное количество отдельных сборников. На сегодняшний день библиография относительно немецкой полевой почты насчитывает более 300 позиций [5], как археографических публикаций, так и аналитического анализа переписки. На интернет-сайте Музея коммуникаций в Берлине, специально посвященном полевой почте Второй мировой войны, опубликовано более 1400 писем, доступных в режиме онлайн [6], данный проект предусматривает сотрудничество с исследователями с доступом к банку данных на более 100 тысяч документов, ведется дальнейшая работа по сбору и оцифровке частных собраний, отдельные коллекции насчитывают до тысячи писем от одного автора, написанных в течение войны.

Одна из руководителей данного проекта Катрин Киллиан опубликовала диссертацию и ряд статей, посвященных анализу фронтовой корреспонденции как особого источника по истории Второй мировой войны [7-10]. Письма полевой почты стали предметом дискуссии специальной международной конференции, которая прошла в Музее коммуникаций в Берлине в середине октября 2010 г. [13]. Тематика конференции была посвящена возможностям и границам использования этого источника в исследованиях войн.

Бум публикаций писем с фронта был вызван и развернувшейся в Германии дискуссией о преступлениях Вермахта во время Второй мировой войны. Умалчивание авторов писем о страшных подробностях их будней на фронте вызвало сомнения в ценности данного вида источника для исследования истории Второй мировой войны.

Само собой разумеется, что письма подвергались цензуре, и авторы знали об этом. Помимо этого, следует учитывать элементы самоцензуры, когда автор не хотел писать родным и близким обо всем, что с ним происходило. В любом случае данный тип источника субъективен и не претендует на достоверность освещения событий. Его основная ценность состоит в отображении психологического восприятия авторами повседневной жизни на фронте, их эмоционального состояния, предубеждений и иллюзий.

Проиллюстрировать значение данного источника для отечественной истории можно на примере писем немецких солдат, в которых они упоминают, например, о Витебске. Клаус Бекер, 1902 г.р., юрист по профессии и член НСДАП, рядовой, прошел в составе 320-го артиллерийского полка через Польшу, Белоруссию, Украину и Россию. 19 июля 1941 г. он писал своей жене: "...На нашем марше мы прошли через Витебск. Должно было бы быть около 200 тысяч жителей. По территории, может, это меньше, чем крупные города с таким количеством населения в Германии, потому что русские живут гораздо теснее, но он все же имеет значительную протяженность. В Витебске в настоящее время нет ни одного дома, который не был бы полностью разрушен или разорён. Деревянные постройки - такие преобладают также в городах России – все сожжены, стоит, как правило, только часть дымохода.

Если постройки из камня, то они выгорели, и только частично остались стоять обгорелые стены. Здесь война действительно проделала большую работу" [11]. Далее автор описывает сборный пункт военнопленных в Витебске: "Судьба пленных в первые дни страшна. На открытом пространстве были согнаны около 5 тысяч человек. Там они сидели целыми днями на корточках без укрытия, под ветром и непогодой, почти без еды и питья и без достаточной одежды. Между тем, стало очень холодно – конечно, если оценивать по времени года – у нас снова дожди. Некоторые пытались освободиться, иногда успешно, поскольку количество охранников крайне мало, при этом несколько пленных были убиты, иначе охранники не могут справиться, конечно. Снова и снова военнопленные транспортируются в тыл, насколько это позволяют транспортные возможности. Среди русских есть дичайшие типы. Поволжские немцы находятся отдельно, они должны, конечно, оставаться на сборном пункте, но особенно не охраняются, служат переводчиками и поддерживают охрану при надзоре" [11].

Даже почти через год военных действий Клаус Бекер вспоминал в письме от 27 апреля 1942 г., насколько он был потрясен состоянием Витебска. Описывая, как тяжело пострадал город в России, в котором он находился тогда, он подчёркивал: "Смоленск тоже так пострадал от войны, что едва только можно представить. Единственно в Витебске из всех крупных городов, которые здесь я видел, было ещё хуже. Там почти не осталось ни одного дома на левой стороне Даугавы" [12].

Ганс-Йоахим С., 1905 г.р., лейтенант 511-го полка армейской разведки, писал своей жене 21 июля 1941 г. из Витебска: "С каждым днём становится всё сложнее. Город на 160 тысяч человек превращён в огненное море. Русский сжигает всё, думая, что может нам так навредить. Из-за этого убивает себя сам. Нищета неопишуемая - «советский рай» - издевательство. Дороги невообразимые - 120 км за 48 часов. Все колодцы заражены или пусты. Водопроводные трубы, мосты - всё разрушено. Из-за этого наступление становится всё более тяжёлым. Несмотря на это, в целом хорошее настроение. Опыт чрезвычайный - вчера снова полыхал огонь, чтобы дать цель советским бомбардировщикам. Сегодня 300 расстреляны в качестве возмездия. Юнкеры неустрашимо мчатся на фронт, чтобы доставить оружие. Проезжали линию Сталина возле Полоцка, грязь по колено. Немецкие танки на дисковых минах взлетали на воздух, как игрушки. Много, очень много немецких могил. Хуже, чем во Франции. Всё беспрецедентно" [3].

В июне 1942 г. Ганс-Йоахим С. еще надеется на успешное завершение войны и считает, что будет гордиться впоследствии своим участием в войне против России. Он описывает свои чувства как внутреннее удовлетворение от хорошо сделанной настоящей солдатской работы. В этом же письме он пишет о своём сослуживце: "Гельмут все еще находится в Витебске, ведет там жизнь горожанина, с кино, казармой и театром. Да, и это тоже скоро закончится" [4]. Пройдёт совсем немного времени, и всё изменится.

Тем не менее, отрезвление вследствие реалий войны на советской территории можно наблюдать уже в письмах, написанных спустя два месяца после ее начала. Курт М., 1914 г.р., санитар 68 пехотной дивизии, писал жене 30 августа 1941 г.: "В такой войне, которая ведется здесь, человек кардинально меняется, и так сильно, что самое лучшее воспитание утрачивается. Здесь насильно воспитывается действительно полезный человек, судьбы гражданских совсем не интересуют, поскольку мы их совсем не воспринимаем. Руководству на родине так хорошо, что они вовсе не доходят до таких болезненных размышлений. Надо увидеть, как эти пастыри тосковали бы по своим домом, если бы они так сидели бы в этом тумане и пыли, как мы. [...] Мы здесь желаем всему миру мужчин, которые еще не участвовали в войне, только одну танковую атаку, когда не знаешь, хорошо ли завершится в этот раз, - это излечило бы на всю жизнь" [14].

Отражение в эпистолярной настроений военнослужащих Вермахта и их трансформация в ходе войны позволяет исследовать повседневность приспособлений авторов к быстрому течению событий и их реакции на них, соображения по поводу смысла войны и изменения представлений о враге, который казался сначала таким неполно-

ценным и бестолковым, но стал со временем безжалостной громадой, которая уничтожает всё на своем пути.

1. Böhl Heinrich. Briefe aus dem Krieg 1939-1945. 2 Bde. Nachwort von James H.Reid. – Köln, 2001.
2. Die Stimme des Menschen. Briefe und Aufzeichnungen aus der ganzen Welt 1939-1945. Gesammelt und herausgegeben von Hans Walter Bähr. – München, 1961.
3. Hans-Joachim S. an seine Frau am 21.07.1941 (3.2002.1214) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
4. Hans-Joachim S. an seine Frau am 25.06.1942 (3.2002.1214) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
5. <http://www.feldpost-archiv.de/05-literatur.shtml>
6. <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
7. Kilian Katrin. Das Medium Feldpost als Gegenstand interdisziplinärer Forschung. Archivlage, Forschungsstand und Aufbereitung der Quelle aus dem Zweiten Weltkrieg. – Dissertation. – Berlin, 2001.
8. Kilian Katrin. Der andere Krieg. Fragen an die Kriegsgeneration. Lebensdokumente aus der Zeit um den Zweiten Weltkrieg // www.eforum-zeitgeschichte.at/kilian.html
9. Kilian Katrin. Kriegsstimmungen. Emotionen einfacher Soldaten in Feldpostbriefen // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. – Bd. 9/2. – München, 2005. – S. 251-288.
10. Kilian Katrin. "Man stirbt nicht gern, wenn man 22 Jahre alt ist, aber ich war bereit..." Der Krieg in Russland 1941 bis 1945 im Spiegel deutscher Feldpostbriefe // www1.historisches-centrum.de/forum/kilian02-1.html
11. Klaus Becker an seine Ehefrau am 19.7.1941 (3.2002.0224) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
12. Klaus Becker an seine Ehefrau am 27.4.1942 (3.2002.0224) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>
13. Konferenz "Schreiben im Krieg - Schreiben vom Krieg. Feldpost im Zeitalter der Weltkriege". Museum für Kommunikation Berlin, 13-15.09.2010. <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/termine/id=14321>
14. Kurt Marlow an seine Ehefrau am 30.08.1941 (3.2002.0884) // <http://www.museumsstiftung.de/feldpost/brief.html>

Краско Г.Г.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕМЕЦКИХ СПЕЦСЛУЖБ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В советской и белорусской историографии различным проблемам Великой Отечественной войны и послевоенного периода на территории БССР посвящено значительное количество исследований самого разного уровня: от отдельных статей до диссертаций. Вместе с тем, до настоящего времени некоторые страницы отечественной истории остаются недостаточно изученными. Представляется, что к числу таковых можно отнести и деятельность на временно оккупированной территории БССР немецких специальных служб. Вместе с тем, проведенный анализ различных источников, архивных материалов показал, что после того, как на оккупированной в результате наступления войск вермахта летом 1941 г. территории Белорусской ССР немецкие власти установили оккупационный режим и новое административно-территориальное деление, поддерживать «новый порядок» предполагалось не только с помощью вооруженных сил. Оккупанты рассчитывали на активное участие местного населения, набираемого на службу оккупационными властями, а также на целый ряд немецких специальных служб и их агентов, вербуемых из числа советских граждан. На спецслужбы фашистской Германии и их агентуру возлагалось, в первую очередь, решение задач по выявлению партизан и членов их семей, граждан, оказывавших помощь советским патриотам, коммунистам, комсомольцам, советского актива, евреев, а также иных лиц, представлявших даже потенциальную угрозу для оккупационных властей.

Следует отметить, что активную вербовочную работу в западных регионах Советского Союза фашистская Германия начала проводить еще перед началом военных действий. Так, в 1940 г. общее количество выявленной на территории СССР немецкой агентуры по сравнению с 1939 г. увеличилось в четыре раза [1, с. 103]. В 1940 – начале 1941 гг. советскими органами государственной безопасности было выявлено 66 резидентур немецкой разведки и разоблачено более 1600 агентов, из которых около 1400 – в западных районах Советского Союза [2, с. 138].

В целом, в период оккупации БССР вербовочный контингент формировался немецкими спецслужбами, как правило, за счет военнопленных Красной Армии, граждан, обремененных советской властью и их родственников, лиц, негативно относившихся к советской политической системе, инициативно предлагавших свои услуги оккупационным властям.

На временно оккупированной территории БССР в период с 1941 г. по 1944 г. вербовочную работу проводили такие немецкие специальные службы как абвер (военная разведка и контрразведка), Главное управление имперской безопасности (гестапо и политическая разведка), тайная полевая полиция (исполнительные органы военной контрразведки в действующей армии), а также специальные части и специальные службы в структуре группы армий «Центр». По мнению советского исследователя Ю.Б. Долгополова, в вербовочной работе немецких спецслужб на оккупированной советской территории можно выделить два периода. Для первого (июнь 1941–1942 гг.) была характерна массовая вербовочная работа среди военнопленных и местного населения, для второго (1943 – июль 1944 гг.) – качественный подбор и подготовка агентуры [1, с. 111].

Подразделения абвера на оккупированной территории БССР формировались при группе армий «Центр». Они были широко представлены и на территории Витебской области. Так, на территории этого региона активно действовала «Абверкоманда 103», «Абвергруппа 107» (радиопозывной «Сатурн») – основной немецкий разведывательный орган на московском направлении [3, с. 3, 5]. Среди иных подразделений абвера, которые действовали на Витебщине можно выделить, «Абвергруппы: 108, 109, 113, 307, 310, 315, 317, 318» [2, с. 158-159].

Кроме абвера на территории западных районов Витебской области активно работал специальный контрразведывательный орган Главного управления имперской безопасности – «Ингвар». С марта 1942 г. в г. Витебске действовала «Ауссенкоманда № 4» специального диверсионного органа полиции безопасности и СД унтерменен «Цеппелин», в городе также дислоцировалась «Оперативная команда № 9» полиции безопасности, отряды которой располагались в Полоцке, Городке и Бешенковичах [2, с. 191, 159]. В Витебской области также дислоцировался 206-й отряд Тайной полевой полиции, а одно из отделений отдела «А» (разведка) полиции безопасности и СД, подчинявшегося Берлину, находилось в г. Глубокое [3, с. 19, 22]. В регионе активно функционировали также и резидентуры СД, действовали полицейские батальоны, охранные части, воинские формирования, созданные немецким командованием и укомплектованные из числа местного населения.

В период с 1941 по 1944 гг. на оккупированной территории БССР также дислоцировалось около 25 разведывательных и разведывательно-диверсионных школ. Их «выпускников» готовили к проникновению в советский тыл, части Красной Армии, а также внедрению в партизанские отряды, спецгруппы и спецотряды советских органов госбезопасности и внутренних дел. Одна из школ абвера находилась в г. Полоцке. Курсанты этой школы из числа советских военнопленных и местного населения проходили обучение методам проникновения в партизанские отряды, вербовке агентуры из числа партизан, умению сбора информации, а также дезинформированию [3, с. 7]. В г. Витебске при «Абвергруппе 210» действовала школа разведчиков-диверсантов, численность около 50 человек. Агенты на протяжении 3-4 месяцев изучали подрывное дело, топографию, общевойсковую разведку, а затем группами по 5-8 человек направлялись с заданиями на проведение диверсий на коммуникациях советских войск [2, с. 159].

В августе 1944 года, когда действующие части вермахта были отброшены за пределы советских границ, война на территории республики, по сути, ещё продолжалась, но уже другими методами. Так, из докладной записки НКГБ БССР № с/225 следует, что в августе 1944 г. на Минщине были задержаны подростки-парашютисты, заброшенные немцами в советский тыл с заданиями по совершению диверсий на железнодорожном транспорте, порче автомашин и линий связи. В результате проведения следственных действий было установлено, что немцы намечали к выброске в конце августа на территорию БССР до 60 парашютистов-подростков, которые прошли специальную подготовку в немецкой разведывательной школе, дислоцировавшейся вблизи г. Кассель (Германия) [4, с. 219-220]. Направляли немецкие спецслужбы на освобожденную территорию БССР и значительно более квалифицированных агентов. Так, в докладной записке народного ко-

миссара государственной безопасности БССР № с/255 от 23 сентября 1944 года секретарю ЦК КП(б) Белоруссии, Председателю СНК БССР П.К. Пономаренко указывалось, что в ночь с 11 на 12 сентября в Логойском районе Минской области противником была выброшена специальная группа агентов-парашютистов. Группа состояла из четырех человек в возрасте от 22 до 45 лет, которые ранее являлись бывшими членами и кандидатами в члены ВКП(б), командирами Красной Армии. Названная агентурная группа имела при себе две рации, типографию, около 2000 антисоветских листовок, до 1000 различных бланков документов со штампом разных воинских частей, органов НКВД и милиции, личное оружие, экипировку и продукты питания. На следствии член группы Г. Шалыгин, задержанный органами госбезопасности БССР, показал, что, будучи командиром эскадрона 4-й кавалерийской дивизии Красной Армии, в конце августа 1941 г. попал в окружение и сдался в плен, после чего был направлен в офицерский лагерь военнопленных в Литовской ССР, где был завербован немецкими разведывательными органами под кличкой «Сидоров Иван». Затем Г. Шалыгина направили в школу радистов-разведчиков, находившуюся в местечке Гросс-Раум (место дислокации Варшавской разведшколы, Восточная Пруссия) [4, с. 341-343].

В подобных школах проходили подготовку и будущие участники структур антисоветского вооруженного подполья, серьезно дестабилизировавшего в первые послевоенные годы обстановку в регионе. Отдельные участники антисоветских вооруженных структур, действовавших на территории БССР в послевоенный период, например, прошли специальную подготовку в Дальвитской разведывательно-диверсионной школе (Восточная Пруссия).

В период Великой Отечественной войны оккупационные власти неоднократно предпринимали попытки создания единого антибольшевистского фронта на оккупированной территории. Это обстоятельство в значительной части способствовало тому, что на территории западных районов республики сразу же после их освобождения от немецко-фашистских захватчиков появилось большое количество антисоветских вооруженных групп и формирований. Отдельные их организаторы и участники были непосредственно связаны с немецкими спецслужбами (состояли в штате либо, как правило, являлись агентами разведывательных и контрразведывательных органов противника). Так, 29 августа 1949 года управлением МГБ Полоцкой области был арестован один из активных участников антисоветского вооруженного подполья. Проведенные следственные мероприятия позволили установить его подлинные установочные данные (с 1945 года использовал фиктивные документы) и вскрыть все факты противоправной деятельности. В частности, было установлено, что «Б», проживая на оккупированной территории, добровольно поступил на службу в Шарковщинскую полицию, где служил до июля 1944 года. Затем, опасаясь ответственности, вместе с немецкими войсками бежал в Восточную Пруссию, где уже в сентябре того же года был завербован немецкой разведкой и направлен на учебу в Дальвитскую разведывательно-диверсионную школу. На протяжении двух месяцев «Б» проходил специальную подготовку (готовился к переброске в советский тыл для проведения разведывательной и диверсионной работы как агент-диверсант). Однако стремительное наступление советских войск внесло свои коррективы и «Б» распоряжением президента Белорусской центральной рады Р. Островского был зачислен на службу в т.н. белорусскую дивизию СС, где и служил до апреля 1945 года, когда перешел на сторону американский войск. После окончания войны «Б» под видом репатрианта вернулся в СССР под чужими установочными данными. Однако за нелегальный переход Государственной границы был арестован и осужден к 3 годам лишения свободы, Вместе с тем, фиктивные документы не позволили идентифицировать его и привлечь к ответственности за преступления военного периода. После отбытия этого наказания «Б» «отсиделся» в приграничном с БССР районе Литвы и вступил в ряды антисоветской вооруженной группы, которая оперировала, в

т.ч. на территории Шарковщинского, Глубокского, Плисского, Дисненского районов Полоцкой области. В составе указанной банды «Б» принимал личное участие в ограблении магазинов, сожжении хутора в Шарковщинском районе, вооруженном нападении на деревни, представителей органов власти и партийно-советского актива [5].

После освобождения БССР от немецко-фашистских оккупантов органы государственной безопасности закономерно проявляли особое внимание к лицам, причастным к деятельности немецких спецслужб, а также принимавшим участие в деятельности оккупационных органов власти, различных военизированных структур, созданных немецким командованием в период оккупации. Это было обусловлено, во-первых, тем, что отдельные представители указанных категорий граждан продолжали активно использоваться иностранными спецслужбами (в 1944-начале 1945 гг. – немецкими, а затем иными) для дестабилизации обстановки, эскалации протестных настроений в советском обществе. Во-вторых, отдельные из них могли продолжать тайное сотрудничество с немецкими или иными (американскими, английскими и др.) разведывательными и контрразведывательными органами либо вернуться к этому в случае начала новой войны.

1. Долгополов, Ю.Б. Война без линии фронта / Ю.Б. Долгополов. – М. : Воениздат, 1981. – 200 с.
2. Надтачаев, В.Н. Военная контрразведка Беларуси: судьбы, трагедии, победы... / В.Н. Надтачаев. – Минск : Кавалер, 2008. – 416 с.
3. Ходанович, А.П., Сенюков, Г.П. Спецслужбы фашистской Германии, действовавшие на территории Белоруссии во время Великой Отечественной войны / А.П. Ходанович, Г.П. Сенюков. – Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2007. – 31 с.
4. Органы государственной безопасности СССР в Великой отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. Границы СССР восстановлены (1 июля – 31 декабря 1944 г.). – М.: Кучково поле, 2007. – 897 с.
5. Архив управления КГБ Республики Беларусь по Витебской области.

Носова А.А.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ТЕМЕ РЕПАТРИАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В АРХИВАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вопрос о возвращении на Родину насильно угнанных в Германию граждан СССР, беженцев является одним из наименее изученных в белорусской исторической науке. Вплоть до начала 1990-х годов документы по этому вопросу были засекречены. В настоящее время исследователи получили доступ к ранее закрытым источникам. Так, к примеру, данные о рассекречивании документов по проблеме репатриации есть в изданном в 1993 году справочнике [9].

Для проведения репатриации на территории БССР в 1944-1945 гг. были созданы проверочно-фильтрационные, сборно-пересыльные пункты (в Гродненской, Брестской и Барановичской областях), где репатрианты проходили проверку, получали питание, медицинскую помощь. Помимо этого в каждой области работали отделы переселения и репатриации, которые подчинялись республиканскому отделу при СМ БССР и непосредственно занимались вопросами репатриации на местах, а также приемно-распределительные пункты.

Основные материалы, раскрывающие работу этого обширного аппарата, находятся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ). В 1998 году был опубликован сборник, выявленных в нем документов, «Белорусские остарбайтеры», ставший первой и до настоящего времени единственной работой такого плана в республике [2; 3]. Вместе с тем, отдельные материалы некоторых региональных архивов стали предметом исследования только в начале XXI века.

В данной статье анализируются документальные источники областных архивов Республики Беларусь: Государственного архива Витебской области (ГАВО), Государственного архива Гомельской области (ГАГомО), Государственного архива Гродненской области (ГАГО), Государственного архива Минской области (ГАМО), Государственного архива Могилевской области (ГАМогО). Учитывая изменившееся административно-территориальное деление БССР, необходимо изучать материалы не только

областных, но и зональных архивов в городах, которые в 1944-1953 гг. также были областными центрами БССР: Барановичи (Зональный государственный архив в г. Барановичи), Бобруйск (ЗГА в г. Бобруйске), Молодечно (ЗГА в г. Молодечно), Полоцк (ЗГА в г. Полоцке), Пинск (ЗГА в г. Пинске), Мозырь (ЗГА в г. Мозыре).

Пользуясь классификацией, предложенной С.Н. Ходиным [12, с. 9], следует отметить, что значимую группу составляют законодательные документы. К ним относятся постановления СНК (СМ) БССР, совместные постановления ЦК КП(б)Б и Правительства БССР. Они, как правило, принимались после аналогичных Союзных постановлений и регламентировали работу специальных пунктов и отделов, занимавшихся вопросами репатриации в республике.

Законодательные источники содержатся в фондах областных Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов. К примеру, Бобруйский, ф. 254 (ЗГА в г. Бобруйск), Барановичский, ф. 188 (ЗГА в г. Барановичи), Молодечненский, ф. 237 (ЗГА в г. Молодечно), Пинский, ф. 221 (ЗГА в г. Пинске), Полоцкий, ф. 686 (ЗГА в г. Полоцке) и др. [8; 9, с. 40].

Самую обширную группу источников составляют материалы делопроизводства. В них отражены функции обслуживания управляющих систем различного уровня (государственного, организаций, учреждений).

Наибольший интерес представляют фонды отделов переселения и репатриации при исполнительных комитетах областных Советов депутатов трудящихся: ф. 2786 в ГАВО (25 дел), ф. 3442 в ГАГомО (27 дел), ф. 1214 в ГАГО (64 дела), ф. 2314 в ГАМО (31 дело), ф. 828 в ГАМогО (71 дело), а также ф. 938 – отдел переселения и репатриации в ЗГА в г. Молодечно (14 дел), ф. 710 – в ЗГА в г. Пинске (80 дел), ф. 497 – в ЗГА в г. Барановичи (44 дела) [5].

Эти фонды содержат книги приказов по личному составу отделов за разные годы, штатные расписания, журналы учета репатриированных, переписку с СМ БССР, облисполкомами, докладные записки, отчеты о работе отделов, телеграммы и др. [7].

Следует, однако, обратить внимание, что эти фонды значительно отличаются не только по количеству содержащихся в них дел, но и по информационной насыщенности. К примеру, в ф. 938 в г. Молодечно сохранились только книги приказов начальников отдела и расчетно-платежные ведомости на выдачу зарплаты работникам. В аналогичных фондах, к примеру, в ГАГО, ГАМО находится помимо этого переписка отделов, списки репатриированных. В целом, в областных архивах эти фонды сохранились в более полном объеме, нежели в зональных.

Материалы о работе приемно-распределительных пунктов по обслуживанию репатриированных советских граждан есть в фондах Областных управлений связи: ф. 572 (ЗГА в г. Барановичи), ф. 2786 (ГАГомО), ф. 818 (ГАМогО), ф. 539 (ЗГА в г. Пинске), ф. 764 (ЗГА в г. Полоцке) [9, с. 82].

В ряде фондов облздравотделов есть документы о работе медицинских работников республики по оказанию помощи репатриированным в проверочно-фильтрационных, сборно-пересыльных и приемно-распределительных пунктах [6].

В ГАМогО имеется также коллекция документов по репатриированным гражданам УКГБ по Могилевской области, содержащая сведения на 100 000 граждан, угнанных фашистами в Германию, а также трофейные немецкие карточки на советских военнопленных, находившихся в лагерях на территории Германии [1, с. 91]. Аналогичные документы можно найти в фонде 375 ГАГО. Кроме того, в данном фонде есть материалы о работе Гродненского и Волковысского ПФП, в т.ч. книги регистрации лиц, поступивших на пункты, списки репатриированных, документы о направлении их в спецлагерь и на спецпоселение и др. [11].

Большое значение имеют документы фондов областных и ряда городских исполнительных комитетов депутатов трудящихся. В них содержится переписка по во-

просам репатриации граждан, сведения о прохождении репатриантов через приемно-распределительные пункты, а также отчеты о трудовом и бытовом устройстве репатриированных граждан, прибывших в данную область и др.

Следует обратить внимание и на фонды Финансовых отделов облисполкомов: Бобруйского, ф. 1099 (ЗГА в г. Бобруйск), Барановичского, ф. 584 (ЗГА в г. Барановичи), Могилевского, ф. 346 (ГАМогО), Пинского ф. 244 (ЗГА в г. Пинске), Полоцкого, ф. 711 (ЗГА в г. Полоцке), содержащие ведомости и отчеты по оказанию денежной помощи репатриированным советским гражданам [9, с. 71, 72]. К примеру, в фонде Финансового отдела исполкома Молодечненского облсовета депутатов трудящихся есть подобные данные за 1949 год [4]. Эти материалы можно использовать как статистический источник.

Статистические данные также содержатся в отчетах областных отделов переселения и репатриации по форме № 4. В них отражались сведения о возвращенных на родину гражданах БССР, их поломом, возрастном составе, данные о направлении их на работу. Статистические данные есть и в списках репатриированных, которые вели отделы [10].

Эти данные есть как в фондах отделов переселения и репатриации, так и в фондах областных и городских исполнительных комитетов. В фонде 172 (Городской Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет) в ЗГА в г. Мозыре имеются, к примеру, списки репатриированных из Германии граждан г. Мозыря [9, с. 39].

Изучение вышеназванных материалов, наряду с данными, хранящимися в НАРБ, позволяет более полно раскрыть проблему репатриации советских граждан в БССР, проследить, как выполнялись постановления и распоряжения центральной власти на местах. Их анализ позволяет также определить отношение областных и районных властей к процессу репатриации, выявить его особенности в регионах БССР. Данные документы также могут быть использованы при написании работ по послевоенной истории отдельных областей и городов Беларуси.

1. Архивные документы Республики Беларусь – сокровищница социальной памяти государства : Государственная архивная служба Республики Беларусь : кратк. справ. / сост. : Т.И. Седяревич. – Мн., 2005.
2. Белорусские оstarбайтеры : документы и материалы : в 3 кн. / сост. : Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. – Мн. : НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 1. Репатриация (1944-1951) – 368 с.
3. Белорусские оstarбайтеры : документы и материалы : в 3 кн. / сост.: Г.Д. Кнатько, В.И. Адамушко и др. – Мн.: НАРБ, 1998. – Кн. 3, ч. 2. Репатриация. (1944-1951). – 310 с.
4. Годовые и квартальные отчеты на оказание помощи репатрируемым советским гражданам...// ЗГА в г. Молодечно. – Фонд 407. – Оп. 4. – Д. 24.
5. Государственные архивы Республики Беларусь (1944–1997). Краткий справочник [Электронный ресурс] / авт.-сост. : А.Н. Михальченко, С.В. Жумарь, Л.Н. Александрова и др. – Мн. : БелНИИДАД, 2000. – Режим доступа : <http://archives.gov.by/index.php?id=821720>. – Дата доступа : 11.07.2011.
6. Декадные сводки об эпидсостоянии и эпидмероприятиях сборно-пересыльного пункта репатриированных советских граждан № 309 // ГАГО. – Фонд 828. – Оп. 2. – Д. 4.
7. Докладные записки о работе отдела за 1945 г. 1.08–20.08.1945 г. // ГАМО. – Фонд 2314. – Оп. 1. – Д. 2, Приказы начальника отдела по личному составу 29.01.1948–23.12.1950 г. // ЗГА в г. Молодечно. – Фонд 938. – Оп. 2. – Д. 4, Переписка с СМ БССР о приеме, трудовом и жилищном устройстве и об оказании материальной помощи советским гражданам, прибывшим из-за границы 1.10.1946–16.11.1949 гг. // ЗГА в г. Барановичи. – Фонд 497. – Оп. 1. – Д. 2, Книга приказов отдела переселения и репатриации 15.03.1946–23.08.1948 гг. // ГАГО. – Фонд 1214. – Оп. 2. – Д. 14.
8. Постановления Совета Министров БССР по вопросам репатриации граждан 8.01–20.07.1946 г. // ЗГА в г. Барановичи. – Фонд 188. – Оп. 4. – Д. 20, Постановления и распоряжения Совмина БССР 10.01–6.07.1948 г. // ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 65.
9. Рассакрэчаныя архівы: Дакум. дзярж. арх. Рэспублікі Беларусь, якія пераведзены на адкрытае захоўванне : Давед. Вып. 1 / Камітэт па архівах і справядству пры СМ РБ; БелНДЦДАС; склад.: В.А. Дабычына, В.І. Пташнікава. – Мн. : БелНДЦДАС, 1993. – 147 с.
10. Сведенья о количестве граждан СССР насильственно угнанных фашистскими захватчиками в период временной оккупации Гродненской области и возвратившихся на родину по состоянию на 1/VI–45 г. // ГАГО. – Фонд 1171. – Оп. 1а. – Д. 23. – Л. 10, Справка о приеме, размещении и трудоустройстве советских граждан, возвращающихся на родину по состоянию на 16.8.1945 г. // ГАМО. – Фонд 2314. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 7.
11. Списки репатриированных январь-март 1945 г. // ГАГО. – Фонд 375. – Оп. 1. – Д. 1, Документы о направлении репатриированных в спецлагеря и на спецпоселение // ГАГО. – Фонд 375. – Оп. 1. – Д. 34.
12. Ходзін, С.М. Крыніцы гісторыі Беларусі (гісторыка-генетычнае і кампаратыўнае вывучэнне) : вуч. дапаможнік / С.М. Ходзін. – Мн. : БДУ, 1999. – 193 с.

Рогут Дариуш
ВОСПОМИНАНИЯ ИНТЕРНИРОВАННЫХ В СССР СОЛДАТ
АРМИИ КРАЙОВОЙ В ПОЛЬСКИХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ

Победа Красной Армии в битве под Сталинградом начала период систематических поражений фашистских армий на Восточном фронте. Последующие сильные удары приблизили Красную Армию к границам её восточного соседа – Польши. Очередных военных успехов Красная Армия добилась в результате начатой 23 июня 1944 г. операции «Багратион». За короткое время Красной Армии удалось взять Вильнюс, захватить Белоруссию и выйти к Висле. Главный удар 1-го Белорусского фронта на люблинском направлении начался 18 июля 1944 г. со стороны Ковеля. Одновременно началось наступление 1-го Украинского фронта на львовско-сандомирском направлении.

Подход Красной Армии к довоенным восточным границам II Речи Посполитой вызвал проведение Армией Крайовой акции «Бужа». Главной её целью была борьба с отступающими гитлеровскими частями и вывод из строя их коммуникаций. Одновременно Армия Крайова и гражданские подпольные власти должны были выступать в качестве хозяина освобождённых земель, встречающего вступающие советские войска. Выход из подполья органов польской военно-административной власти происходил с намерением подтвердить принадлежность восточных земель к Республике Польша. Таким образом реализовались политические и военные цели. Однако вслед за войсками Красной Армии вступали также части НКВД (Народный комиссариат внутренних дел), которые отвечали за проведение планов Иосифа Сталина относительно Польши, а первые контакты со строевыми советскими частями не предвещали надвигающейся трагедии солдат АК [1].

В рамках акции «Бужа» части АК на Люблинской земле в половине июля 1944 г. освободили ряд местностей, в т.ч. Белжец, Коцк, Любартов, а совместно с частями 1-го Белорусского фронта также Томашув-Любельски, Пулавы, Замосьц, Люблин. И здесь также, после переговоров, продолжающихся несколько дней, которые вёл полковник Казимеж Тумидайски, псевдоним «Марцин» (командир Люблинского округа АК) начались аресты среди членов польского гражданского и военного подполья.

Вступление на польские земли с половины 1944 г. частей Красной Армии несомненно освободило Республику Польша от немецкой оккупации. Не привёл однако к созданию независимого и суверенного государства. У Сталина были свои политические планы относительно Польши и средневосточной Европы. По его решению образовалась в Москве марионетковая политическая структура: Польский комитет национального освобождения (ПКНО). Вместе с её обоснованием начался новый период – период коммунистического режима. Коммунисты лишены более широкой общественной поддержки не были в состоянии самостоятельно, демократическим путём перенять и организовать власть в послевоенной Польше. Для того, чтоб захватить власть в Польше, они вынуждены были уничтожить всякие проявления оппозиции. Перед ними стояли три главные задачи. Во-первых – перенять контроль над администрацией и ликвидировать вооружённые структуры связанные с законным польским правительством, а потом также антикоммунистическое подполье, массово возникавшее со второй половины 1945 года. Во-вторых – уничтожить законных политических оппонентов, в том числе наибольшую политическую партию: Польскую крестьянскую партию. В-третьих – подчинить своей власти католический костёл, пользующийся по традиции сильной поддержкой польской общественности. Приведённые выше цели реализовались постепенно и систематически.

Первые месяцы образования коммунистического аппарата власти опирались на советские структуры безопасности (НКВД, НКГБ и контрразведку «Смерш»). Эти части начали массовые аресты среди солдат польского антигитлеровского подполья. Это подполье, насчитывающее около 250-300 тысяч членов, подчинялось законным польским властям в Лондоне. Репрессии НКВД обрушились не только на солдат Армии Крайовой (в большинстве крестьян), но и на гражданское население. Репрессии НКВД

вступили « в силу» в момент создания ПКНО, который как «административная власть», подписал 26 июля 1944 г. договор об отношениях между Верховным Главнокомандующим и польской администрацией. Из него вытекало, что ПКНО соглашается поддать юрисдикции советского права польское гражданское население в зоне военных операций, не определяя тогда её величины. За безопасность и общественный порядок в этом районе отвечало командование фронтов и оргединицы НКВД [2]. Практически это предоставляло неограниченные возможности арестов. В тюрьме оказались помещики, учителя, врачи, железнодорожники, рабочие и духовные лица. Аресты проводились среди образованных людей, которые считались «опасным, вражеским элементом», представляющим опасность для новой коммунистической власти. Репрессии особенно коснулись прежде всего крестьянского населения составляющего ряды АК. По оценочным данным процесс с января 1944 года до конца сороковых годов охватил на территории II Речи Посполитой (включая Восточные пограничные области) около 80-95 тысяч поляков (не учитывая польских граждан других национальностей) [3]. Аресты, интернирование и осуждение (по советскому законодательству) а также массовый насильственный угон населения являлись нарушением и попранием международного права [4].

Лиц, в отношении которых применялись репрессии, в основном, можно разделить на пять категорий. В первой, в качестве «интернированных», нашлись солдаты подполья, стремящегося к независимости. Их разместили в лагерях для военнопленных и интернированных. Рядовых солдат и младших офицеров сосредоточили в частности в лагере Боровичи и Осташков. Руководящие кадры и сотрудников Представительства Правительства увезли в лагерь в Рязани [5]. Вторую группу, гражданские лица (интернированные и из Восточных пограничных областей II РП), которые только подозревались в участии в польском подполье, направляли в контрольно-фильтрационные лагеря (в частности в Донбассе, Сталиногорске, Шатуре. Эшелоны с Вильнюсской земли отправлялись также и до Саратова) и в лагеря для военнопленных и интернированных [6]. Транспорты отправлялись также в «уральские» лагеря, находящиеся недалеко от Молотова, Челябинска, Свердловска, а также в Красноводск [7]. В этой группе находились лица из районов Гданьского Поморья, Великой Польши, Силезии немецкого происхождения, *volksdeutsche*, *eingedeutsche* а также подозреваемые в сотрудничестве с немцами [8]. В третью группу входили лица обвиняемые в совершении преступления против советского государства. В большинстве, осуждённых фронтовыми военными трибуналами или Особым совещанием НКВД (Особое совещание – ОСО), вывозили в исправительно-трудовые лагеря – ИТЛ [9]. Четвёртую группу составляют лица насильственно и незаконно включаемые в состав Красной Армии. Это прежде всего касается населения проживающего на восточной территории II РП аннексированной Советским Союзом. Примером является судьба солдат Армии Крайовой, разоруженных и вывезенных в Калугу после акции «Остра Брама», а затем направленных в рабочие батальоны Красной Армии. Пятую группу составляют арестованные польские граждане, в частности мазуры, кашубы и силезцы направляемые в батальоны труда создаваемые для немцев [10].

Как я упомянул выше, главными лагерями НКВД в которые отправляли солдат АК были лагеря в Боровичах, Осташкове и Рязани. В системе Управления НКВД № 270 в Боровичах находилось в пяти подлагерях в годы 1944-1949 почти 6 000 поляков. С конца 1944 г. до начала 1946 г. лагерь являлся одним из двух самых больших сборищ поляков арестованных структурами НКВД. Солдат Армии Крайовой отправляли в Боровичи из люблинского, варшавского, келецкого и жешовского воеводств. Отсутствие соответствующих санитарных, бытовых и снабженческих условий, тяжёлая, изнуряющая работа в каменноугольных шахтах и торфоразработках причинялись к высокой смертности среди поляков. В трагическом для них 1945 году от изнурения и болезней умерло свыше 12% всех интернированных солдат АК. Всего в годы 1944-1946 в лагерях Боровичи умерло свыше 600 поляков [11].

Лагерь НКВД № 41 в Осташкове был организован в 1943 г. в качестве временно-го передаточного лагеря. С июля 1944 г. считался уже стационарным лагерем для военнопленных с несколькими филиалами. В 1945 г по лимиту могло в нём пробывать 7800 военнопленных. Первый транспорт (эшелон) 1030 лиц из Польши был отправлен в лагерь № 41 в Осташкове 8 ноября 1944 г. Всего тремя эшелонами доставили из белостоцкой тюрьмы в лагерь 2905 лиц, в том числе 383 женщины и 11 детей [12].

Лагерь НКВД № 178-454 помещался на окраине города Рязань. Основан в 1942 г. в качестве спецлагеря, был он предназначен для бывших солдат Красной Армии, которые вернулись из плена или окружения. В июне 1944 г. спецлагерь № 178 был преобразован в лагерь для военнопленных. В лагере большинство составляли солдаты и офицеры АК из Львова, Вильнюса, Люблина, Белостока и районов Варшавы, но некоторую группу составляли штатские граждане подозреваемые в сотрудничестве с немецким оккупантом. Условия в рязанском лагере коренным образом отличались от лагерей, в которых пребывали другие солдаты АК. Была создана внутренняя лагерная камендантура с польскими офицерами и снабженческой службой. Офицеров освободили от обязанности работы, а солдаты работали в пределах лагеря (мастерские), исполняли полевые работы, ремонтно-строительные и разгрузочные. Заключённые имели также право организовать самостоятельные артистические и развлекательные группы, но с программой подвергнутой цензуре. Переписка запрещалась. Всего в годы 1944-1947 в лагере пребывало 2672 поляка и польских гражданина [13].

В период коммунистического правления в Польше принадлежность к Армии Крайовой была заклеимённой. В официальной историографии практически не существовали публикации о судьбе солдат Армии Крайовой после II мировой войны. Лишь политический перелом в 1989 году начал новый период для мемуарной литературы и исследовательской работы. Ветераны могли, без опасения за свою жизнь, говорить о своей борьбе и публиковать репортажи о трагической послевоенной судьбе.

В Польше есть несколько центров, занимающихся документацией и накоплением источников того периода. Это между прочим: Восточный архив Центра «Карта» в Варшаве, Архив Исторической комиссии Главного управления Союза сибириков в Варшаве, Научный архив главного управления Польского народоведческого общества во Вроцлаве, Ягеллонская библиотека – Отдел рукописей в Кракове, Национальная библиотека – Отдел рукописей в Варшаве. Личные анкеты и короткие воспоминания собирают также территориальные Отделения Института национальной памяти – Комиссии преследования преступлений против Польского народа. Особенно ценные материалы находятся также в архивах окружения бывших фронтовиков нп. Общественного всепольского комитета «Рязаньчиков» в г. Радзымин, Архив среды «Боровичан» в г. Сопот или Общество любителей Вильнюса и Вильнюсской земли в г. Быдгощ. Учитывая ограниченность во времени, представлю только несколько избранных фондов.

Одним из важнейших учреждений является основанный ещё в конспирации в ноябре 1987 года Восточный архив (ВА) в Варшаве. Его работу продолжал с 1990 года Фонд восточного архива, а в настоящее время Фонд центра «Карта». Архив был основан в качестве независимого общественного учреждения охватывающего несколько десятков человек. Законную документационно-архивную деятельность начал в 1990 году после регистрации Фонда восточного архива. Сначала имел территориальные отделения, в частности в Познани (Западный архив), во Вроцлаве, Белостоке, Люблине а также представителей за границей (Лондон, Москва, США, Канада). Важнейшая часть фонда ВА касается истории Восточных пограничных областей II РП, судеб польских граждан в СССР (расстрелянных, ссыльных, интернированных, заключённых в лагерях, включённых в состав Красной Армии) и переселений после II мировой войны [14]. В фонде ВА находятся в частности: 1258 репортажей списанных или записанных на плёнку, 3420 воспоминаний и дневников (в том результаты конкурсов), 474 разработки и списки поляков и польских граждан репрессиро-

ванных Советским Союзом или во время образования коммунистической власти в Польше. ВА имеет тоже богатый иконографический фонд: письма, фотографии, сувениры, рисунки передаваемые частными лицами. Фонд постоянно пополняется и упорядочивается. Актуальная информация о фонде доступна в карточном каталоге (алфавитном, географическом и вещевом) и в компьютерной базе в Центре «Карта» [15]. База данных воспоминаний и реляций ВА содержит основную информацию о свыше 6000 единиц в фонде ВА и Архиве союза сибиряков в Варшаве (СС). Собранные личные анкеты репрессированных и материалы основанные на источниках из польских и послесоветских архивов были внесены в каталог и в компьютер. Составляют они базу данных для «Индекса репрессированных». Это позволило предпринять проверочные и статистические исследования в полном объёме. Проверенная информация о свыше 114 900 тысяч человек была опубликована в пятнадцати томах издательской серии Индекс репрессированных [16]. Биограммы в них находящиеся содержат основные данные идентифицирующие лицо и описывающие способ репрессий в СССР а также информацию об архивных источниках, в которых это записано. ВА имеет около 150 реляций интернированных солдат Армии Крайовой, в том числе свыше 30 о Боровичах, 20 из Сталиногорска, Рязани и Калуги. Довольно большой фонд составляют также сообщения из «уральских» лагерей.

Очень ценные и важные материалы об интернированных солдатах АК находятся в фонде Ягеллонской библиотеки. Это документы из *Архива Ежего Полячека*, переданные после его смерти, 28 апреля 1997 года. Полячек, солдат АК, офицер контрразведки во Львове, заключённый в лагерях в Рязани, Череповце и Грязовце, стал собирать свою коллекцию вероятно с половины 70-ых годов. Поддерживал контакты со своими товарищами по плену. Таким образом переписывался многие годы с почти 500 человек. Его наследие в общем содержит 139 прибылей-дел (Приб. 308/01-Приб. 447/01). В каждой находится от нескольких до нескольких десятков документов (записок, реляций ит.д.), материалы касаются в частности аспектов функционирования АК, борьбы с немецким захватчиком – операции «Бужа»/Гроза/ и воспоминаний об интернировании и пребывании в лагерях. Особенно ценные материалы касаются лагеря НКВД-МВД № 178-454 в Рязани, в которых затрагиваются практически все аспекты лагерной жизни интернированных. Сверх того собрал материалы о лагере № 270 в Боровичах (Приб. 373/01-374/01); о лагере в Харькове (Приб. 375/01-380/01); о лагере в Череповце (Приб. 380/01), о лагере в Грязовце (Приб. 391/01); о лагере в Калуге (Приб. 392/01) [17]. Благодаря работе Полячека удалось сохранить воспоминания многих покойных уже свидетелей, а его собрание является наибольшим собранием такого типа в Польше.

Очередной организацией, собирающей материалы об интернированных солдатах АК является Союз сибиряков с его территориальными отделениями. Архив Исторической комиссии Главного управления союза сибиряков в Варшаве хранит не только личные анкеты своих членов, но тоже большую коллекцию их воспоминаний. Эти материалы в небольшом объёме были опубликованы в форме томов серии *Воспоминания сибиряков*, Т. 1-9, (Варшава 1989-1997). Архив получает также из своих отделений собранные там материалы [18]. Фонд содержит большую коллекцию мемуарной литературы о депортации 1939-1941 гг. и о политзаключённых в годы 1944-1956. Воспоминаний о лагере в Боровичах находится в числе 25, но нп. о Сталиногорске всего только 13. Воспоминания и сообщения свидетелей всегда имеют большую познавательную ценность. Описываются в них вопросы функционирования лагерей, санитарные, бытовые и снабженческие условия, в каких пребывали поляки. Отдельное место занимают рабское использование на работе заключённых в лагерях лиц, события в лагере и повседневные проблемы, с которыми они сталкивались. В реляциях говорится также о деятельности агентурного аппарата, о применяемых следственных методах и об освобождении из лагеря. Представляют тоже проблемы внутренней жизни в лагере, вопросы переписки с родными и организацию поляками попыток бегства. Естественно воспоминания о тех трагических событиях имеют разнородную ценность. Они всегда представ-

ляют субъективный подход к описуемой лагерной жизни и всегда эмоционально насыщены. Часто не отражают, что вполне понятно, всех сторон лагерной жизни. Однако их верификация, бывающая в них тоже извращения, составляет ценное пополнение лагерных источников. В настоящее время как в Польше, так и в России проводятся сходные исследовательские программы. В Польше разрабатывается *Индекс репрессированных* а в России *Книга памяти жертв политических репрессий* [19]. Это с точки зрения общественности очень важные действия. Однако для научных нужд всё не хватает монографий касающихся функционирования лагерей НКВД и судеб пребывающих там заключённых. Я глубоко убеждён, что этой цели можно достигнуть путём проведения совместных польско-русских научных исследований. Тем более, что именно русский народ является наибольшей жертвой сталинских преступлений. В лагерях чередовалась история жизни, но очень часто и смерти, польских и русских политзаключённых. Не удастся ее разделить.

1. Первые отряды красноармейцев вступили на довоенные восточные земли Речи Посполитой уже в январе 1944 г. на Волыни. Там действовали части 27 Волынской пехотной дивизии АК во главе с её командиром майором Яном Войцехом Киверским псевдоним «Олива». Установил он военное сотрудничество с Красной Армией и проходили совместные бои с немецкими войсками. Киверски вёл также разговоры по вопросу постоянного содействия Армии Крайовой и Красной Армии, которые первоначально были хорошо приняты командованием Красной Армии. Также на Вильнюсской земле сотрудничество с Красной Армией проходило только вначале хорошо. Проведена ночью с 6 на 7 июля 1944 г. операция «Остра Брама», целью которой был захват Вильнюса силами АК, была толчком для проведения акции «Бужа» на северо-восточных землях РП. Переговоры с командующим 3-го Белорусского фронта генералом Иваном Черняховским вёл комендант Вильнюсского округа АК полковник Александер Кжижановски псевдоним «Вильк». Однако в период 17-20 июля советские части разоружили командующие кадры округа и свыше 4000 солдат АК. Аресты и облавы проводили части НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) и НКГБ (Народный комиссариат государственной безопасности). Человеком ответственным за эти операции во многих случаях был генерал Иван Серов, заместитель шефа НКВД Лаврентия Берия. Таким же образом и проходили события в районе АК Львов. При большом содействии АК, советские войска 27 июля заняли Львов. Здесь тоже во время переговоров командующего районом полковника Владыслава Филипковского псевдоним «Янка» в ставке 3-го Украинского фронта с генералом Ивановым (псевдоним Серова) было выдвинуто требование полного разоружения польских отрядов, которые подчинялись законным органам польской власти в Лондоне.
2. Глубину прифронтовой полосы (на 60-100км) определило лишь решение Государственного Комитета Обороны СССР № 7558 от 20 февраля 1945 г.
3. Ciesielski S., Materski W., Paczkowski A. Represje sowieckie wobec Polaków i obywateli polskich. Warszawa, 2002. S. 26-30. По мнению Автора оценки эти скорее всего завышены.
4. Понятие «интернированные» - официально употребляемое к полякам является неточным. По отношению к гражданским лицам обозначает: «временное (не дольше завершения вооружённого конфликта) лишение их свободы». Эту форму репрессий применяется к гражданскому населению вражеского государства, с каким продолжается вооружённый конфликт. Польша, как союзник союзнических государств, была также формально в союзе с Советским Союзом, поэтому трудно согласиться с применением этого определения к полякам.
5. Rogut D. Polacy w obozach dla jeńców wojennych i internowanych NKWD-MWD ZSRR po 1944 r. //Łambinowski Rocznik Muzealny. 2007, T. XXX. S. 33-60.
6. Rogut D. Polacy z Wileńszczyzny w obozach sowieckich „saratowskiego szlaku” (1944-1949). Toruń, 2003; Rogut D. Polacy w obozie kontrolno-filtracyjnym nr 283 NKWD-MWD w Stalinogorsku (1945-1947) / Od Rosji po Bliski Wschód. Studia historyczne z XX w./ Red. Rogut D. Żelów, 2010. S. 175-208; Przeżyliśmy łagry. Wspomnienia żołnierzy Okręgu Wileńskiego АК (1945-1949), opracował Rogut D. Warszawa, 2011.
7. В лагерь № 516 в Красноводске (поблизости пустыни Кара-Кум, Туркмения) попало несколько сот человек. Лагерь, вследствие высокой смертности вызванной трагическими бытовыми и питательными условиями (отсутствие питьевой воды), спустя несколько месяцев функционирования был ликвидирован. Из 3287 интернированных большинство составляли немцы – 2613, поляков было 633. Всего умерло 1978 (или 1988) заключённых, т.е. 60% общего числа (sic!). Поляков умерло 346, т.е. 10,5% общего числа, но это составляло свыше 54% (!) личного состава польской группы. На нынешнем этапе исследований не был обнаружен другой лагерь с таким высоким показателем смертности. Без сомнения можно к нему применить определение «лагерь смерти». Государственный архив Российской Федерации. фонд 488/п. Опись 1. Дело 1, Лист 221-222.
8. Шире см.: Golon M. Polityka radzieckich władz wojskowych i policyjnych na Pomorzu Nadwiślańskim w latach 1945-1947. Toruń, 2001; Baziur G. Armia Czerwona na Pomorzu Gdańskim 1945-1947. Gdańsk, 2003; Deportacje Górnolązaków do ZSRR w 1945 r. / Red. Dziurok A., Niedurny M. Katowice, 2004.
9. Rogut D. Zarys historii sowieckiego obozu specjalnego nr 4 (Stiepląg) w latach 1948-1954 //Pamięć i Sprawiedliwość. 2010, № 2. S. 273-293.
10. Шире см.: Rogut D. Polacy i obywatele polscy w obozach NKWD-MWD ZSRR 1944-1956 / Represje sowieckie wobec narodów Europy 1944-1956 / Red. Rogut D., Adamczyk A. Żelów, 2005. S. 69-97.
11. Rogut D. Z dziejów internowanych Polaków w Związku Sowieckim: obóz nr 270 w Borowiczach //Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Historica. 2001. № 73. S. 121-144.
12. Idem, Z dziejów internowanych Polaków w Związku Sowieckim: obóz nr 41 w Ostaszkwie //Dzieje Najnowsze. 2001, № 2. S. 79-101.
13. Оказались в нём кадры командного состава АК, в т.ч.: несколько генералов, несколько десятков штабных офи-

церов: полковников, подполковников и майоров, несколько сот офицеров строевой службы: капитанов, поручников, подпоручников, курсантов, сержантов и рядовых. Rogut, D. *Ucieczki żołnierzy Armii Krajowej z obozu NKWD-MWD nr 178-454 w Riazaniu (1945-1946)*, //Dzieje Najnowsze. 2008, № 3. S. 79-93.

14. ВА приобретает источники, записывая на плёнку реляции свидетелей, занимаясь тематическими поисками в архивах на территории Польши и стран бывшего СССР, организуя самостоятельно и будучи одним из организаторов конкурсов воспоминаний (в частности Восточная судьба поляков, Восточный отпечаток новейшей истории Польши, Восточные пограничные области под оккупацией 1939-45, Выселение – совместный опыт народов, Репатрианты из Восточных пограничных областей в годы 1944-1957 – судьба лиц, семей, коллективности), получая материалы от частных лиц.

15. В фонде находятся копии польского фонда Института Гувера в Станфорд (США)/Instytutu Hoovera w Stanford – USA/ - фрагменты коллекции Андерса, Министерства информации и документации, Посольства РП в Куйбышеве и Института Сикорского в Лондоне а также копии советских документов о репрессиях применяемых к польским гражданам из архивов России, Беларуси и Украины, полученных в рамках международной программы Совместное место – Восточная Европа.

16. В серии Индекс репрессированных созданы, в полном сотрудничестве с Ассоциацией «Мемориал», следующие тома: 1. Расстрелянные в Катыни (4410 лиц); 2. Расстрелянные в Харькове (3739); 3. Расстрелянные в Твери (6314); 4. Заключённые в Боровичах (5795); 5. Пленные в Грязовце и Суздали (3640); 6. Арестованные в районе Львова и Дрогобычи (5822); 7. Заключённые в Сталиногорске (6326); 8. Заключённые в Донбассе и под Саратовом (4782); 9. Пленные умершие и пропавшие без вести (1785); 10. Заключённые в лагерях в районе Воркуты (9795 – в двух частях); 11. Пленные в Юже (9567); 13. Заключённые в Осташкове и Рязани (4307); 14. Ссылные в Архангельской области, часть первая (9320); 15. Арестованные на «Западной Беларуси» (4669); 16. Ссылные в Архангельской области, часть вторая (8559); 17. Ссылные в Архангельской области, часть третья (10344); 18. Ссылные в Вологодской области (14 226).

17. Есть тоже документы: интернированные в бывшем СССР в годы 1944-47 (Приб. 371/01); планы, карты лагерей для интернированных солдат АК (Приб. 372/01); лагерь в Рязани-Дягилеве, биографические материалы (Приб. 381/01, 390/01, 394/01; 400/01-405/01; 418/01-427/01); другие лагеря (Приб. 395/01-398/01); возвращение на родину интернированных лиц, послевоенная судьба (Приб. 399/01); воспоминания и сообщения разных лиц (Приб. 406/01-417/01). Процесс 16-ти лиц (Приб. 433/01).

18. Союз сибиряков был основан в конце 1988 г. Первое общее собрание возобновившегося Союза сибиряков произошло 13 января 1989 г.

19. Pantalejczuk M. *Działalność Kolegium Redakcyjnego Księgi Pamięci Ofiar Represji Politycznych w obwodzie nowogrodzkim na rzecz uwiecznienia pamięci historycznej narodu rosyjskiego / Represje sowieckie wobec narodów Europy 1944-1956 / Red. Rogut D., Adamczyk A. Żelów, 2005. S. 385-392.*

Косов А.П.

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Занимаясь изучением истории «холодной войны» исследователи во всем мире обращаются к целому кругу разнообразных источников, проливающих свет на те или иные события данной исторической эпохи. Безусловно, самыми ценными являются документальные источники, постепенно извлекаемые из архивов разных стран. Однако наряду с документами авторы для написания своих работ активно используют и другие виды источников. Одним из них являются мемуары, представленные, как правило, воспоминаниями (иногда к ним относят и дневники).

Следует отметить, что мемуары и дневники – это так называемые источники личного происхождения, характеризующиеся наличием изрядной доли субъективизма. Кроме того, в воспоминаниях зачастую встречаются ошибки и неточности, поскольку они представляют собой позднейшее изложение некогда пережитых автором событий. Поэтому мемуарист, если он не вел дневника и не пишет свои воспоминания на его основе, и допускает те или иные ошибки. А иногда авторы воспоминаний их делают сознательно, дабы представить себя в лучшем свете, нежели это было на самом деле. Иначе говоря, все зависит от степени объективности самого автора. Важным является и взаимосравнение различных мемуарных произведений, что дает возможность критически подойти к содержащимся данным. Тем не менее, несмотря на определенные нюансы, мемуарная литература представляет для исследователей немалый интерес. Во-первых, мемуары передают сам дух эпохи, когда происходили события; весь авторский пафос, его настроение, заблуждения, тревоги и надежды; помогают понять идеи и взгляды автора. Во-вторых, довольно часто воспоминания помогают исследователям нарисовать более полную картину происходивших событий, поскольку к сухим фактам из архивных документов добавляется весь колорит той атмосферы, описанной участниками событий.

Сегодня мемуары и дневники активно используются в процессе исследования эпохи «холодной войны». Обращение к ним, наряду с документами, помогает воссоздать всю полноту описываемой картины. Так, из мемуарной литературы можно узнать о порядках и нравах в верхних эшелонах власти 1940 – 1980-х гг., о методах подготовки политических и идеологических акций в окружении лидеров страны, в Политбюро, в аппарате ЦК, МИДе и т.д. Авторы мемуаров рассказывают о встречах с государственными и общественными деятелями, о событиях, свидетелями или участниками которых им довелось быть, о странах, где жили и работали.

Анализируя воспоминания и дневники советских партийных и государственных деятелей, военных и дипломатов, видно разительное их отличие: если одни представляют более-менее частную позицию авторов, то в других порой ярко выражен официоз, многие события описываются в черно-белых тонах. Тем интереснее порой сравнить разные трактовки одних и тех же событий.

Из мемуаристики членов высшего руководства значительный интерес представляют воспоминания М.С. Горбачева, А.А. Громыко, А.И. Микояна, В.Е. Семичастного, Н.С. Хрущева, Э.А. Шеварднадзе [11, 13, 31, 36, 44, 50], записи разговоров с В.М. Молотовым [47]. Много интересной информации о руководстве страны и о принятии ими порой судьбоносных решений дают воспоминания и дневники помощников и советников советских лидеров: А.М. Александрова-Агентова, Г.А. Арбатова, К.Н. Брутенца, А.С. Черняева, Г.Х. Шахназарова [2, 3, 4, 8, 45, 46, 48]

Из воспоминаний и дневников много интересного можно узнать о перипетиях советской дипломатии в годы «холодной войны». Так, цельная картина побед и поражений советской дипломатии в годы глобального противостояния двух сверхдержав представлена в книгах Я. Бурляя, О.А. Гриневского, В.И. Ерофеева, В.Л. Израэляна, Ю.А. Квицинского, Г.М. Корниенко, Б.И. Поклада, Р.А. Сергеева, О.А. Трояновского и др. [10, 12, 16, 20, 21, 24, 28, 33, 37, 42].

Некоторые авторы заостряют свое внимание лишь на отдельных моментах советской внешней политики и дипломатии, участниками или очевидцами которых им довелось быть. Например, сюда можно отнести книги С.И. Демина, Н.М. Канаева, К.В. Киселева о работе советской и белорусской делегаций в ООН и ее институтах [15, 22], Ю.Б. Кашлева о хельсинкском процессе [23], Н.П. Семенова о событиях в Чехословакии [35], В.Л. Израэляна о ситуации на Ближнем Востоке [51], Р.М. Тимербаева о переговорах по нераспространению и разоружению [41].

Обширная информация о буднях советской дипломатии, напряженной дипломатической борьбе в условиях «холодной войны» содержится в воспоминаниях послов СССР в стане главного противника – Соединенных Штатах Америки. Написанные А.А. Громыко, А.Ф. Добрыниным, Ю.В. Дубининым, М.А. Меньшиковым, Н.В. Новиковым книги позволяют как бы заглянуть за кулисы почти полувекового отрезка дипломатической истории в сложнейшие периоды взаимоотношений двух сверхдержав [13, 17, 19, 30, 32]. В ряде случаев авторы дают исчерпывающие характеристики государственным деятелям США, СССР и других стран, с которыми им доводилось общаться, описывают атмосферу подготовки и проведения различных саммитов и т.д.

На сегодняшний день российская историография содержит также большое количество мемуаров, написанных советскими послами и посланниками в различных странах Европы, Америки, Азии, Африки, в которых повествуется не только о дипломатической службе и жизни их авторов, но и о взаимоотношениях этих стран с Советским Союзом на двусторонней и многосторонней основе [1, 5, 9, 26, 27, 34, 38, 39].

Определенный интерес представляют мемуары военных и работников спецслужб о тех или иных событиях, связанных с «холодной войной». В частности можно назвать воспоминания и свидетельства Ф.Д. Бобкова, В.Ф. Грушко, Ю.И. Дроздова, Н.С. Леонова, П.А. Судоплатова, А. Феклисова, Л.В. Шебаршина [6, 7, 14, 18, 29, 40, 43].

Таким образом, мемуарные источники представляют значительный интерес для исследователей, занимающихся изучением истории «холодной войны». Достаточно часто ссылками на мемуары заполняются имеющиеся архивные пробелы. Однако присущий воспоминаниям и дневникам субъективизм требует от исследователей крайне осторожно подходить к их использованию и стараться сочетать их с другими, в первую очередь, документальными источниками. По мере возможности необходимо путем сравнительного анализа перепроверять данные, почерпнутые из мемуаров, чтобы убедиться в их достоверности.

1. Абрасимов, П.А. Четверть века послом Советского Союза / П.А. Абрасимов. – М.: Национальное обозрение, 2007. – 308 с.
2. Александров-Агентов, А.М. От Коллонтай до Горбачева / А.М. Александров-Агентов. – М.: Междунар. отн., 1994. – 299 с.
3. Арбатов, Г.А. Жизнь, события, люди. Автобиография на фоне исторических перемен / Г.А. Арбатов. – М.: Любимая Россия, 2009. – 359 с.
4. Арбатов, Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953 – 1985 гг.). Свидетельство современника / Г.А. Арбатов. – М.: Междунар. отн., 1991. – 400 с.
5. Белоногов, А.М. Посол в стране пирамид: из воспоминаний дипломата / А.М. Белоногов. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 303 с.
6. Бобков, Ф.Д. Как готовили предателей: Начальник политической контрразведки свидетельствует... / Ф.Д. Бобков. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. – 240 с.
7. Бобков, Ф.Д. Последние двадцать лет: Записки начальника политической контрразведки / Ф.Д. Бобков. – М.: ООО «ТИД «Русское слово – РС», 2006. – 320 с.
8. Брутенц, К.Н. Тридцать лет на Старой площади. Мемуары / К.Н. Брутенц. – М.: Междунар. отн., 1998. – 568 с.
9. Бубнов, И.Д. Встречи в Америке – Северной и Южной: записки дипломата / И.Д. Бубнов. – М.: РОССПЭН, 2007. – 175 с.
10. Бурляй, Я. 35 лет на дипломатической службе / Я. Бурляй. – М.: Волшебный фонарь, 2007. – 176 с.
11. Горбачев, М.С. Жизнь и реформы: в 2-х кн. / М.С. Горбачев. – М.: Новости, 1995.
12. Гриневский, О.А. Тысяча и один день Никиты Сергеевича / О.А. Гриневский. – М.: Вагриус, 1998. – 368 с.
13. Громько, А.А. Памятное: в 2-х кн. / А.А. Громько. – М.: Политиздат, 1990.
14. Грушко, В.Ф. Судьба разведчика. Книга воспоминаний / В.Ф. Грушко. – М.: Междунар. отн., 1997. – 224 с.
15. Демин, С.И. В кривых коридорах ООН / С.И. Демин; Ин-т общегуманитарных исследований. – М., 2005. – 303 с.
16. Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы / Ю.Б. Кашлев [и др.]; под ред. П.П. Петрика [и др.]. – М.: Научная книга, 1997. – 506 с.
17. Добрынин, А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962 – 1986 гг.) / А.Ф. Добрынин. – М.: Автор, 1996. – 688 с.
18. Дроздов, Ю.И. Вымысел исключен (записки начальника нелегальной разведки) / Ю.И. Дроздов. – М.: Артстиль-полиграфия, 2009. – 188 с.
19. Дубинин, Ю.В. Время перемен. Записки посла в США / Ю.В. Дубинин. – М.: АВИАРУС-XXI, 2003. – 464 с.
20. Ерофеев, В.И. Дипломат: книга воспоминаний / В.И. Ерофеев. – М.: Зебра Е, 2005. – 487 с.
21. Израэлян, В.Л. Дипломатия – моя жизнь: из личного архива российского дипломата / В.Л. Израэлян. – М.: Изд-во МБА, 2006. – 226 с.
22. Канаев, Н.М. Дорогами ЮНЕСКО: воспоминания дипломата / Н.М. Канаев. – М.: Междунар. отн., 2006. – 431 с.
23. Кашлев, Ю.Б. Хельсинский процесс 1975–2005: свет и тени глазами участника / Ю.Б. Кашлев. – М.: Известия, 2005. – 391 с.
24. Квицинский, Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала / Ю.А. Квицинский. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 576 с.
25. Киселев, К.В. Записки советского дипломата / К.В. Киселев. – М.: Политиздат, 1974. – 527 с.
26. Колоколов, Б.Л. Профессия – дипломат: мемуары / Б.Л. Колоколов. – М.: Междунар. отн., 2006. – 173 с.
27. Колоколов, Б.Л. Чрезвычайный и полномочный. Повесть о дипломате / Б.Л. Колоколов. – М.: Междунар. отн., 2008. – 160 с.
28. Корниенко, Г.М. «Холодная война». Свидетельство ее участника / Г.М. Корниенко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – 415 с.
29. Леонов, Н.С. Лихолетье / Н.С. Леонова. – М.: Междунар. отн., 1994. – 400 с.
30. Меньшиков, М.А. Вашингтон. 16-я улица. Из записок советского посла / М.А. Меньшиков. – М.: Междунар. отн., 1986. – 222 с.
31. Микоян, А.И. Так было. Размышления о минувшем / А.И. Микоян. – М.: Вагриус, 2000. – 640 с.
32. Новиков, Н.В. Воспоминания дипломата: Записки о 1938 – 1947 годах / Н.В. Новиков. – М.: Политиздат, 1989. – 399 с.
33. Поклад, Б.И. Во власти дипломатии: мемуары / Б.И. Поклад. – М.: МедиаСтарт, 2008. – 408 с.
34. Родионов, А.А. СССР – Канада. Записки последнего советского посла / А.А. Родионов. – М.: Алгоритм, 2007. – 271 с.
35. Семенов, Н.П. Тревожная Прага. Воспоминания советского вице-консула в Чехословакии (1968 – 1972 гг.) / Н.П. Семенов. – М.: Междунар. отн., 2004. – 288 с.
36. Семичастный, В.Е. Беспокойное сердце / В.Е. Семичастный. – М.: Вагриус, 2002. – 460 с.
37. Сергеев, Р.А. В МИД СССР. На Кузнецком мосту и Смоленской площади, 1948 – 1991 / Р.А. Сергеев. – М.: РОССПЭН, 2007. – 319 с.
38. Сеницын, С.Я. Оставленные рубежи: из воспоминаний дипломата / С.Я. Сеницын; Ин-т Африки РАН, Совет ветеранов МИД РФ. – М.: ИА, 2006. – 322 с.
39. Степанов, А.И. Русские и швейцарцы: записки дипломата / А.И. Степанов. – М.: Научная книга, 2006. – 591 с.
40. Судоплатов, П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля / П.А. Судоплатов. – М.: Гя, 1996. – 509 с.

41. Тимербаев, Р.М. Рассказы о былом: воспоминания о переговорах по нераспространению и разоружению и о многом другом / Р.М. Тимербаев. – М.: РОССПЭН, 2007. – 271 с.
42. Трояновский, О.А. Через годы и расстояния / О.А. Трояновский. – М.: Вагриус, 1997. – 382 с.
43. Феклисов, А. За океаном и на острове / А. Феклисов. – М.: ДЭМ, 1994. – 177 с.
44. Хрущев, Н.С. Время. Люди. Власть: Воспоминания: В 4-х т. / Н.С. Хрущев. – М.: Московские Новости, 1999.
45. Черняев, А.С. Моя жизнь и мое время. Мемуары / А.С. Черняев. – М.: Междунар. отн., 1996. – 464 с.
46. Черняев А.С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы / А.С. Черняев. – М.: РОССПЭН, 2008. – 1048 с.
47. Чуев, Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Чуева / Ф. Чуев. – М.: Терра, 1991. – 623 с.
48. Шахназаров, Г.Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощников / Г.Х. Шахназаров. – М.: Рос-сика, Зевс, 1993. – 624 с.
49. Шебаршин, Л.В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки / Л.В. Шебаршин. – М.: Центр-100, 1992. – 352 с.
50. Шеварднадзе, Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Э. Шеварднадзе. – М.: Европа, 2009. – 428 с.
51. Israelyan, V.L. Inside the Kremlin during the Yom Kippur War / V.L. Israelyan; forew. by A.Z. Rubinstein. – University Park: The Pennsylvania Univ. Press, 1995. – XIV+238 p.

Яковлева Г.Н.

ФОНДЫ ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛА ПО ОХРАНЕ ВОЕННОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ В ПЕЧАТИ ПРИ ВИТЕБСКОМ ОБЛИСПОЛКОМЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СССР ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СТАЛИНИЗМА

В первые годы после окончания Великой Отечественной войны советское общество было проникнуто чувством гордости за победу, надеждами на перемены и ожиданиями новой, более счастливой жизни, заслуженной героизмом народа, спасшего свою страну. В среде интеллигенции возникли ощущения, что государство преобразуется, станет более гуманным, а общество более открытым, что сохранятся и даже усилятся контакты с бывшими союзниками по разгрому нацизма. Однако надеждам не суждено было сбыться. Начиная с 1946 года, была организована целая серия идеологических кампаний, которые должны были указать интеллигенции на прежнее, подчиненное, место в обществе, вновь вернуть её к необходимости выполнять задачи, поставленные властью, пресечь всякие иллюзии по поводу возможности сформулировать некие идеи об изменениях, назревших в обществе.

Сердцевиной, вокруг которой строилась вся идеологическая работа послевоенных лет, был советский патриотизм. Принципиально новым моментом сталинской доктрины советского патриотизма стало сочетание таких двух компонентов, как любовь к Родине и строительство коммунизма. В одной из статей 1947 г. говорилось: «В нашем патриотизме любовь к своему народу и к своей стране сливается безраздельно и полностью с любовью к своему государству, с пламенной преданностью советскому общественному строю, его основателям и вождям Ленину и Сталину» [1, с.174].

Идеологический контроль в стране резко усилился, максимально политизировались все сферы жизни общества, возросла роль, значение и объем работы таких органов, как Главрепертком Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР и Управления уполномоченного Совета Министров СССР по охране военной и государственной тайны в печати (Главлит). В БССР действовал Белглавлит и подчинявшиеся ему обллиты. Рассекреченные в 1990-е годы фонды Витебского обллита (Фонд 3991) помогают ощутить специфику общественно-политической ситуации в стране на местном уровне в конкретной ситуации конца 1940-х – начала 1950-х годов.

Витебский обллит возглавлял бывший начальник отдела контрразведки «Смерш» одной из танковых армий в годы войны [2, л.63]. Районные уполномоченные (райлиты), выполнявших эту работу по совместительству, как правило, возглавляли отделы пропаганды и агитации соответствующих райкомов. Однако даже в 1951 году среди них только трое имели высшее, а пятеро – незаконченное высшее образование. Обллит работал в тесном контакте с обкомом и райкомами КПБ (б). Политцензоры обллита и райлиты осуществляли предварительный и последующий контроль за об-

ластной и районными газетами, радиопередачами, мелкопечатной продукцией (афиши, программки, плакаты и т.д.). Они контролировали деятельность типографий, фонды библиотек, книготорговые организации, экспозиции музеев, репертуар местных оркестров, театра, концертных бригад и др. Цензоры не должны были пропустить в печать сведения, составляющие военную, экономическую или государственную тайну (отсюда – знаменитые «вычерки»). А также осуществлять политико-идеологический контроль, не пропуская материалы идеологически невыдержанные, политически вредные, порочившие советскую действительность, обеднявшие облик советского человека, низкопоклонствующие перед Западом и так далее. Нельзя было пропускать ошибок даже технического характера (опечаток, пропусков букв), которые могли тогда трактоваться как вредительство или контрреволюционная вылазка замаскированных врагов.

В 1945 году в области было изъято 53 экз. «политически вредной литературы» из 10 библиотек, сделано 5 вычерков из областной газеты и 5 из передач областного радиовещания, «...изъято 2500 экз. газеты «Витебский рабочий» ввиду политически вредной опечатки от 13.11.1945 №134, ...запрещены две радиопередачи» [3, л.2]. В 1948 г. по городу было изъято уже 136 книг 73 названий, сделано 54 вычерка из газет и радиопередач [2, л.5,8]. За 1950 год обллитом сделано 113 вычерков, предупреждено 7 политических искажений, изъято 5300 экземпляров политически вредной литературы, 203 экземпляра портретов [2, л.56].

Почтительное, можно даже сказать, трепетное отношение к Сталину было не только личным выбором каждого, но и культивировалось всей советской идеологией и контролировалось соответствующими органами. Наказание полагалось не только за мнения и поступки, направленные против вождя, но и действия, которые такой цели не преследовали и часто носили характер недоразумения, неточности, непреднамеренной ошибки, опечатки, какой-то технической погрешности и т.д. В 1947 году районная газета «Сталинец» Ореховского района стала объектом пристального внимания Витебского обллита. В письме секретарю обкома начальник Обллита, сделав обзор ошибок, допущенных редакцией газеты, требовал обратить внимание райкома и обкома на работу газеты. Письмо возымело действие, было обсуждено на заседании райкома партии, а на редактора и райлита, «виновных в помещении искажённого портрета тов. Сталина», наложено партийное взыскание [3, л.16]. При проверке Брестского обллита в сентябре 1949 года как вопиющий факт, не вызвавший, однако, соответствующей реакции местных органов власти, Главлитом БССР упоминался случай помещения в ряде районных газет Брестской области «искажённых клише портрета тов. Сталина. Несмотря на это они были распространены среди населения». В Пружанском районе в газете «Красное знамя» было помещено «...недоброкачественное клише с фото тов. Жданова» [4, л.17].

14 августа 1946 года было опубликовано постановление ЦК ВКП (б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», в котором говорилось не только о безыдейности и аполитизме М. Зощенко и А. Ахматовой, но и впервые зазвучали серьёзные обвинения литераторов в низкопоклонстве перед Западом. А. Жданов в своих выступлениях перед партийным активом и собранием писателей Ленинграда, посвящённых разъяснению сущности постановления о журналах и основных требований к современной идеологической работе, говорил: «Некоторые наши литераторы стали рассматривать себя не как учителей, а как учеников буржуазно-мещанских литераторов, стали сбиваться на тон низкопоклонства и преклонения перед мещанской иностранной литературой. К лицу ли нам, советским патриотам, такое низкопоклонство, нам, построившим советский строй, который в сто раз выше и лучше любого буржуазного строя? К лицу ли нашей передовой советской литературе, являющейся самой революционной литературой в мире, низкопоклонство перед ограниченной мещанско-буржуазной литературой Запада?» [5, с. 14].

Летом 1947 г. в парторганизации страны было разостлано закрытое письмо ЦК ВКП (б) «О деле профессоров Ключевой и Роскина». Как «антипатриотический и анти-

государственный поступок» в письме характеризовалось предоставление двумя учёными-медиками для публикации в США своих статей по проблемам лечения рака. В письме говорилось, что «дурная болезнь низкопоклонства перед границей может поражать наименее устойчивых представителей нашей интеллигенции, если этой болезни не будет положен предел» [Цит. по: 6, с.48]. В 1946 году появились два других постановления – «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» и «О кинофильме «Большая жизнь»».

В отчёте Витебского обллита за 1947 год отмечалось: «Витебский обллит в своей практической работе в 1947 году руководствовался такими программными документами как Постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров» и кинофильме «Большая жизнь», указаний Президиума ВС СССР «Об ответственности за разглашение государственной тайны», Постановлением СМ СССР «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону от 8 июня 1947 года». В основу нашей работы также положены приказы, циркуляры и указы Главлита СССР и БССР об усилении политико-идеологического контроля над произведениями печати с тем, чтобы не допустить в печать безыдейных и аполитичных статей или материалов, содержащих политически вредные положения» [3, л.9].

Отчет за 1948 год утверждал: «Основной задачей в работе Витебского обллита за 1948 год является выполнение решений ЦК ВКП (б) об идеологической работе. В связи с этим идеологическая работа Обллита строилась в направлении воспитания работников аппарата Обллита, а также и районных цензоров на усиление большевистской бдительности к контролируемым материалам, с тем, чтобы исключить всякую возможность разглашения военной, государственной и экономической тайны в печати и не пропускать ни одного факта опубликования в печати запрещенных сведений. Кроме этого большое внимание работников аппарата Обллита, а также и районных цензоров обращалось на то, чтобы в процессе осуществления контроля за печатной продукцией наряду с недопущением разглашения военной, государственной и экономической тайны, усилить политико-идеологический контроль над произведениями печати, всемерно проявлять большевистскую непримиримость ко всякого рода идеологическим извращениям и партийную принципиальность, сугубо критически подходить к просмотру материалов, помещенных в печати, с тем, чтобы исключить возможность проникновения в печать низких по идейному уровню статей и материалов, своевременно предупреждать ошибки идеологического характера, всякого рода политические опечатки и искажения, не допускать печатания в газетах статей и материалов, высказываний, содержащих преклонение перед Западноевропейской культурой и техникой» [2, л.1].

В феврале 1948 года вышло постановление ЦК ВКП (б) «Об опере «Великая дружба». Затронула кампания борьбы с формализмом и безыдейностью в музыке и местные культпросветучреждения. В мае 1948 года отдел культурно - просветительных учреждений Витгорисполкома провел совещание руководителей кружков художественной самодеятельности Витебска по решению ЦК ВКП (б) об опере «Великая дружба» В. Мурадели. «На совещании была подвергнута критике работа отдельных руководителей кружков, их репертуар (Иоффе, Вельтман), даны указания о дальнейшей работе кружков в свете выполнения решения ЦК ВКП (б)» [7, л.13]. В планах работы городских библиотек появляются задачи, соответствующие установкам партии по идеологической работе. Типичной становится следующая формулировка в плане работы витебских библиотек: «В основу своей работы библиотека положила пропаганду советского патриотизма, произведений классиков марксизма-ленинизма, пропаганды мичуринской науки, произведений советской художественной литературы, особенно лауреатов Сталинских премий» [8, л.44, 50]. «В Витебске за 4 месяца 1949 г. городскими библиотеками произведена 731 книговыдача произведений Ленина – Сталина. По сельскому хозяйству читаются книги Лысенко «Агробиология», «Искусство творения»,

«Преобразователи природы», сочинения Мичурина. Книга Вильямса «Основы земледелия» читается в малом количестве. Книги Ажаева, Бабаевского, Полевого и других читаются всеми читателями и почти не бывают на полках», - отмечалось в отчете отдела культурно-просветительных учреждений Витебского горисполкома за 1949 год [7, л.22]. В библиотеке им. Пушкина на тему «Советский патриотизм» в феврале 1950 году было проведено 13 чтений, 9 бесед, 1 лекция [8, л.47об.]. Характерно, что ни одна библиотека города вообще не планировала никаких мероприятий, посвященных западноевропейской литературе.

В августе 1949 года в Витебске был открыт парк культуры и отдыха им. Фрунзе. Начало его работы ознаменовалось борьбой против влияния буржуазной культуры на советский народ на местном уровне. В газету «Витебский рабочий» поступило письмо, озаглавленное символично: «Чья гэта культура?». Автор писал: "У першы-ж дзень тут сабралася значная колькасць жыхароў Віцебска. І з першага-ж дня тут выявіўся поўны беспарадак. Нашы працоўныя даўно ўжо асудзілі ўсякае пракланенне перад растленнай заходнееўрапейскай культурай, рэшткі якой мы штодзённа выжываем са здаровага савецкага асяроддзя. Нам, савецкім людзям, па праву дазволена ганарыцца нашай, самай перадавой у свеце сацыялістычнай культурай.

Толькі відаць не адчуваюць гэтага гонару добраўпарадкавацелі новага парку. Няма ў іх пачуцця гэтага новага ў запатрабаваннях нашых людзей. Таму на танцпляцоўцы, напрыклад, - гвалтоўная мітусня. Яно і зразумела: пад гукі аркестра тут танцуюць псіхаватую заходнееўрапейскую фокс-лінду. У перапынак аркестроўцаў замяняюць патэфонныя пласцінкі праз радыёўсіліцель – і зноў-жа беснаваты факстрот, танго і т.п. За цэлы вечар – ніводнага рускага бальнага танца! Узнікае пытанне: чыю культуру наладжваюць у парку: нашу айчынную, або гнілую заходнееўрапейскую?" Автор письма требовал от работников культуры "...ўхіліць рэшткі чуждай нам культуры і наладзіць для адпачынку працоўных горада сапраўдны савецкі парадак" [9, л.3].

В ответе отдела культпросветработы Витебского горисполкома редактору газеты «Витебский рабочий» критика признавалась правильной, и отмечалось о принятых мерах: «1. Пересмотрены все грампластинки и из них отобраны для проигрывания песни советских композиторов, классика и бальные танцы. 2. Даны указания духовому оркестру исполнять репертуар, только утвержденный реперткомом /музыка советских композиторов, классика для слуха/, музыка бальных танцев/.

... Таким образом, после первых дней работы парка культуры и отдыха Отделом культпросветработы были учтены недостатки и приняты меры к тому, чтобы изгнать гнилую западно-европейскую «культуру», принимаются меры по наведению общего порядка, чтобы превратить парк в место культурного отдыха трудящихся» [9, л.1]. Позже оркестры парка и ресторана «Аврора» были взяты на учёт в обллит и представляли свой репертуар на контроль ежеквартально [10, л.15].

Ощущались на региональном уровне отзвуки "ленинградского дела" и борьба с "безродными космополитами". В республике началось массовое изъятие произведений писателей, писавших на еврейском языке, а также книг, статей, портретов репрессированных членов "ленинградской группы". В июле 1950 года после проверок на местах во все обллиты республики был разослан приказ Главлита БССР, в котором отмечалось, что «некоторые книги, подлежащие изъятию по приказам Главлита СССР (Квитко «К солнцу», Бергельсон «Избранное») до настоящего времени не изъяты, недопустимо долго затягивается изъятие книг на базах книготорговых организаций». Книги Вознесенского в Сморгонском районе изъяты только накануне проверки Главлита БССР, портреты Вознесенского в Кличевском районе Бобруйской области лежали до 21 июня 1950 года, а его книги были изъяты только 10 марта [4, л.37].

Документы обллита позволяют ощутить ту степень секретности, повышенной бдительности, которая царил в обществе периода позднего сталинизма. Можно посочувствовать журналистам того времени, когда фактически любая информация об экономике или обороно-

способности страны была государственной тайной. Более того, фактически нельзя было писать о партизанском движении, потерях в годы войны, размерах репараций и т.д. В 1950 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «О мерах по ликвидации фактов разглашения государственных тайн в музеях». Была изменена экспозиция в Музее истории Великой Отечественной войны. Неоднократно, по представлению цензоров, изымались экспозиции в краеведческих музеях Витебска, Орши и Лепеля. В музее Витебска были изъяты плакаты, где приводились цифровые данные о потерях в живой силе и технике противника за время войны, суммарные данные о захваченных трофеях вооруженными силами СССР [2, л.60]. В 1951 году после проверки работы Брестского обллита Главлит БССР указывал, что один из цензоров при первичной проверке постоянной краеведческой выставки в Бресте «...оставил много экспонатов, разглашающих государственную тайну, не были сделаны замечания по поводу политически неправильного оформленного раздела «Партизанская борьба» [4, л.49]. Экспозиция была изменена только после вмешательства начальника обллита и представителя Главлита БССР.

Из публикаций в газетах вычеркивались упоминания о количестве партизан, действовавших в Беларуси в годы войны, о Герое Советского Союза, даже если он просто зажигал праздничный пионерский костёр. Как чрезвычайное происшествие обсуждался случай, когда в Оршанской районной газете в ноябре 1950 года была опубликована заметка «Сустрэча са школай», в которой речь шла о студентке Московского химико-технологического института рассказавшей, что после окончания вуза будет работать над дальнейшим изучением секретов атомного ядра. «Таким образом, раскрыт факультет в институте, занимающийся проблемами атомной энергии, чем нарушен параграф «Обязательных правил цензуры» [2, л.53].

В июле 1952 года Президиум Совета Министров СССР подготовил проект постановления об укреплении местных органов цензуры, который предусматривал увеличение штата районных цензоров (в местных органах Главлита), а также введение должности освобожденных цензоров вместо работающих по совместительству. Нагрузка на органы цензуры росла, с мест шли предложения о необходимости увеличить зарплату цензорам в связи с увеличением объёма работы. Высказывались даже мнения о необходимости перевода органов цензуры в ведение МГБ СССР.

Таким образом, документы обллитов являются важным источником по изучению механизма функционирования политической цензуры в СССР, позволяют реконструировать некоторые черты общественно-политической обстановки в стране, и ту атмосферу, в которой проходила жизнь советских людей в конце 40-х – начале 50-х гг. XX века.

1. Пыжиков, А.В. Рождение сверхдержавы. 1945-1953 годы. / А.В. Пыжиков, А.А. Данилов. – ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 319 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 2
3. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 1
4. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 3
5. Жданов, А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» / А. Жданов. – Госполитиздат, 1952. – 30 с.
6. Пихоя, Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. / Р.Г. Пихоя. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. - 684 с.
7. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 2. - Д. 24
8. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 3. - Д. 1
9. ГАВО. - Фонд 2222. - Оп. 2. - Д. 33
10. ГАВО. - Фонд 3991. - Оп. 2. - Д. 10

Касатая Т.В.

МЕТОД УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН-БАПТИСТОВ (ЕХБ) В БССР (1950–1980-е гг.)

Наряду с антропологизацией гуманитарных наук появляются новые попытки интерпретации исторической реальности. Всё большую популярность в этом процессе приобретает устная история. Важнейшим преимуществом нового подхода является возможность посмотреть на имеющиеся данные под другим углом, воссоздать первоначальное многообразие точек зрения, наполнить историю жизнью, расширить её масштаб [3, с. 18].

В Советском Союзе, где существовал жёсткий прессинг и подавление всякого рода свободы, верующие боялись говорить и тем более фиксировать свои мысли на бумаге. Евангельские христиане-баптисты оказались в духовной резервации. На вопросы о том, как был организован досуг верующих, как проходили служения в общинах, с какими проблемами сталкивались верующие в повседневной жизни, что помогало им противостоять официальной и господствующей идеологии и т. д. источники фондов архивов не дают полных ответов. Архивные данные, в основном, ограничены законодательными документами, делопроизводства и статистикой. Пробелы в источниках могут быть заполнены интервью с верующими баптистами. Устные источники помогают более полно и разносторонне отразить историческую картину времени, а также представляют собой своеобразные мемуары, которые описывают конкретные судьбы людей, их жизненный опыт. При этом нужно учитывать, что устные материалы выполняют вспомогательные или дополняющие функции, проясняют неточности документов. А их субъективность является не недостатком, а преимуществом. Ведь история – это не только события, структуры или образцы поведения, но и то, как они переживаются и фиксируются в воображении [3, с. 165]. Сопоставление официальных источников с мнениями простых верующих, несомненно, позволяет более реалистично реконструировать повседневную жизнь баптистов, их молитвенные собрания.

В опросник, который был составлен для проведения интервьюирования верующих вошли несколько блоков вопросов: общие сведения о верующем; община и её роль в жизни верующего; взаимодействие с другим религиозными организациями; жизнь верующего в советский период; ЕХБ и современность.

Опросник составлялся исходя из цели и задач исследования: изучить деятельность и жизненный мир ЕХБ в Беларуси (1944 – 1991 гг.); определить причины покаяния и крещения верующих; сравнить повседневную жизнь баптистов сегодня и в советский период; проанализировать отношение верующих к представителям других конфессий, государству, современному общественному развитию.

Вопросы охватывают разные стороны жизни верующих и составлены таким образом, чтобы они ориентировали респондентов на свободные и развёрнутые воспоминания. В результате возможно проанализировать индивидуально пережитые и осмысленные сведения, которые принадлежат не только к объективным анкетным данным о самом верующем, но и к обстоятельствам его участия в богослужениях, особенностям повседневной жизни, личным переживаниям. Например, пресвитер Церкви ЕХБ “Надежда” г. Гродно в своих воспоминаниях о давлении на него со стороны сотрудников КГБ говорит: “Через неделю меня вызвали на вторую встречу с сотрудниками КГБ. Мне было 19 лет (1959 г. р. – Т. К.). Молодой совсем. На меня оказывали давление. Я знал только одно – ни при каких обстоятельствах не должен сотрудничать, не быть Иудой своим братьям и сёстрам. Я сказал твёрдо: «Нет!». Сотрудник КГБ взял меня за подбородок, посмотрел прямо в глаза и сказал: «Я тебя посажу», - «Если это в Вашей власти, то сажайте». У меня были знакомые братья в Минске и в других городах. Я их попросил помолиться за меня. Они меня поддерживали молитвой. Была даже угроза отчисления. В тот момент я готов был оставить учёбу, думаю, родители поняли бы меня. Тогда я понял, что перенёс Христос искушаемый дьяволом в пустыне. Это была борьба. И Христос победил Словом Божиим”. Из этих воспоминаний следует, что устная информация имеет два пласта: фактологический материал и эмоционально-субъективный (оценка событий, пожелания, мечты информанта). Для исследователя ценность представляют и тот и другой пласт.

Помимо самих воспоминаний огромную роль в сборе устных источников играет социальное положение верующего, его место в общине. Сравнивая воспоминания пресвитера и рядового верующего можно оперделить их различия. Рядовые верующие, во-первых, очень редко идут на контакт, во-вторых, их воспоминания скупы фактологически. Например, верующий общины ЕХБ г. Гродно Т. на вопрос об инициативном дви-

жении ответил, что слышал о нём, но не знает, какие цели преследовали инициативники (до сих пор между официально зарегистрированным Союзом ЕХБ и бывшими инициативниками отношения остаются напряжёнными – Т.К.). При этом подтвердил, что был знаком с одним из активных верующих-инициативников И.Я. Синкевичем. Ответы на спорные, в некотором смысле щепетильные вопросы были общими, с использованием стандартных высказываний. Это обстоятельство связано как с принципами веры и жизненных позиций ЕХБ («будучи в мире быть не от мира сего»), так и с тем, что рядовые верующие редко интересовались внутрисоюзными проблемами, их жизнь в советский период чаще всего ограничивалась внутриобщинной деятельностью. Сложностью интервьюирования верующих является их всёпоглощающая идея Бога, о себе либо других верующих баптисты говорят неохотно. Что касается воспоминаний пресвитера, то они более насыщены информацией. Хотя на вопросы об отношениях с другими конфессиями, например, пятидесятниками, ответы были сдержанными и односложными (пятидесятники входили в Союз ЕХБ, но это слияние было навязано государственными органами, поэтому ни пятидесятники, ни баптисты не были в восторге от объединения, в результате они стремились к разъединению, а в период общего сосуществования их противоречия приводили к внутрицерковным конфликтам).

Таким образом, использование устной истории в изучении ЕХБ в БССР обусловлено историографической скудностью, преобладанием источников официального характера, общей тенденцией антропологизации истории. Конечно, воспоминания одного верующего не дают оснований для обоснованного обобщения относительно всех общин ЕХБ. Но главной заслугой устной истории заключается в изучении дистанции и связи между индивидуальным опытом и традиционной историографией изложения событий, связанных с деятельностью общин и верующих в советский период, а также информацией официальных источников.

1. Портелли, А. Особенности устной истории / А. Портелли // Хрестоматия по устной истории. / Пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. – СПб., 2003. С. 46.

2. Томпсон, П. Голос прошлого: Устная история / П. Томпсон; Пер. М. Л. Коробочкин, и др. – М., 2003.

Тимофеев Р.В.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ 1980-х гг. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА В БССР

Любое историческое исследование обязательно должно опираться на максимально широкий круг источников, если ставится задача достичь в нём достоверности и доказательности. Если речь касается советского периода белорусской истории, то такую возможность и как раз даёт нам периодическая печать. Наибольшее количество периодических изданий в Советском Союзе и БССР пришлось на 1980-е гг. и во многих из которых регулярно освещались социально-экономические вопросы. В свою очередь вопросы такого типа часто были связаны с развитием белорусского транспорта.

Периодическую печать изучаемого нами периода можно разделить на несколько групп и определить в них состав материалов, которые касались интересующей нас истории белорусского транспорта. Чаще всего читателю в 1980-е гг., а сегодня уже исследователю предлагались материалы о его производственной деятельности. Наиболее ценными здесь являются общесоюзные экономические журналы, такие как «Вопросы экономики» и «Плановое хозяйство», где можно найти обширные аналитические статьи, рассказывающие об итогах развития транспорта, в том числе и белорусского за определённый период времени, чаще всего за пятилетний, а также сведения о предполагаемых перспективах совершенствования его работы. Всё это позволяет узнать о том, что было задумано сделать для развития транспорта и что в итоге было достигнуто. Особую ценность им придаёт то факт, что авторами таких материалов были ведущие специалисты по транспорту в системе управления СССР, таких как его Госплан. Ещё

одним важным моментом, касавшимся отмеченных выше журналов, было то, что в других изданиях сложно было найти сравнение планов и реального положения дел.

Вопросы внедрения в производство передовых методов труда, для транспорта касавшихся в первую очередь рациональной организации перевозок, раскрывались на страницах таких общесоюзных журналов как «Социалистическое соревнование» и «Социалистический труд». Материалы о результатах использования нововведений публиковались там из тех союзных республик, где передовой опыт успешно распространялся, к ним как раз и относилась БССР. Особенно много там было материалов об экономических экспериментах во 2-й половине 1980-х гг. на Белорусской железной дороге и в Министерстве автомобильного транспорта БССР. Журналы такого типа фактически служили делу пропаганды передовых идей, рассказывали о возможных преимуществах того или иного метода

Обеспечения благоприятных условий работы транспортников касались публикации в журналах «Советские профсоюзы» и «Охрана труда и социальное страхование». В профсоюзном издании публиковалось большое количество решений по этому вопросу, касавшихся всех союзных республик, а также обязательными были Во втором из отмеченных здесь нами журналов размещалось наибольшее в периодической печати количество правовых документов, без которых транспортная работа была бы невозможна. На страницах предложенных ими статей можно увидеть имевшиеся у транспортников проблемы и правовые пути их решения.

Фактический и статистический материал по развитию транспорта, который позволяет исследователю провести анализ его состояния, предлагали общественно-политические журналы СССР: «Политинформатор и агитатор», «Коммунист» и «Молодой коммунист». Однако, к их публикациям необходимо относиться критически, так они старались отражать успехи в развитии транспорта и обходить его проблемы. Вопросы управления транспортными предприятиями касались журналы «Политическое самообразование» и «Партийная жизнь», но там также сложно было получить представление о проблемных местах транспортников.

Наоборот в основном вопросы технического оснащения транспортных предприятий и состояния их материальной базы касались такие специализированные общесоюзные журналы как «Железнодорожный транспорт», «Автомобильный транспорт», «Речной транспорт», «Гражданская авиация», «Авиация и космонавтика». Тем не менее там можно найти некоторые сведения о производственной деятельности отдельно взятых белорусских транспортных предприятий, которые отличись в общесоюзном масштабе своей успешной деятельностью, например в 1980- гг., Оршанское локомотивное депо и Гродненское областное автотранспортное управление.

Информацию о новинках транспортной техники, которая в том числе распространялась в 1980-е гг. и среди белорусских предприятий, дают исследователю всесоюзные научные и научно-технические журналы: «Наука и жизнь», «Наука и техника», «В мире науки», «ВДНХ», «Машиностроитель», «Вестник машиностроения». Более всего там материалов о новинках белорусских машиностроительных заводов в БССР, таких МАЗ, продукция которого как раз и пополняла предприятия Министерства автомобильного транспорта. В отличие от других журналов здесь есть сведения о разнообразной продукции белорусских судостроительно-судоремонтных заводов.

Проследить политику союзных властей по отношению к транспорту союзных республик, можно по таким периодическим изданиям как: «Собрание постановлений правительства СССР», «Ведомости Верховного Совета СССР», «Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР». Здесь размещены многочисленные постановления и указы не только отмеченных выше органов власти, но и ЦК КПСС и ВЦСПС. В документах такого типа даётся определённый анализ проблемы, пути её решения, задания ниже стоящим органам. В ряде случаев как положительный пример, давалось упоминание о белорусских транспортных предприятиях. Из изданий такого типа можно было выяснить, почему в республике по отношению

к транспорту проводились те или иные мероприятия, в первую очередь перевод его на самофинансирование в конце 1980-х гг. Вопросы обеспечения отдыха работников транспорта, в том числе и по БССР, затрагивались в особой группе таких общесоюзных журналов как: «Клуб и художественная самодеятельность», «Культурно-просветительская работа», «Библиотекарь».

Вторую группу периодических изданий представляют собой те журналы и бюллетени, которые издавались в нашей республике в 1980-е гг. С одной стороны они более информативны, так как рассказывали в основном о местных событиях, в том числе и связанных с транспортом, но с другой стороны они не издавались длительное время как всесоюзные журналы и не касались напрямую транспортной тематики. Так, связанный с экономическими вопросами республиканский журнал «Народное хозяйство Белоруссии» выходил только в 1984-89 гг., но успел отразить самые актуальные для того времени вопросы, например, по материально-технической базе ряда ведущих транспортных предприятий, чаще железнодорожных. Близким к нему по тематике был журнал «Строительство и архитектура Белоруссии», но там была размещена информация только по совершенствованию дорожной сети автомобильного транспорта республики.

Проблемы управления целыми транспортными отраслями республики, распространение передового опыта лучших белорусских железнодорожных депо, автопарков, речных портов, троллейбусных управлений и аэропортов регулярно поднимались на страницах общественно-политического журнала «Коммунист Белоруссии». Аналитические статьи по развитию белорусского транспорта там публиковали члены отдела по транспорту и связи ЦК КПБ, руководители транспортных министерств и их подразделений.

Тем не менее чаще всего документы по развитию белорусского транспорта размещались в «Собрании законов, указов Президиума Верховного Совета БССР, постановлений, распоряжений Совета Министров БССР». Но там исследователю приходится полагаться на свой анализ, так как подобные материалы если и содержат какую-либо информацию об итогах транспортного развития, то их там совсем немного. Чаще всего материалы подобного сборника касались рационального использования выделяемых транспорту ресурсов, в первую очередь топлива, строительства дорожной сети, сохранности подвижного состава. Из размещённых в сборниках документов можно было сделать вывод о том, что республиканские органы власти чаще всего интересовались проблемами простоев вагонов и порожних пробегов автомобилей, обеспечения потребностей республики в перевозках.

Таким образом, в 1980-е гг. в СССР и БССР издавалось значительно число таких журналов и сборников документов периодического характера, где были размещены материалы, касающиеся развития транспорта, что даёт возможность современному исследователю нарисовать реалистическую картину его состояния, а также выявить транспортные проблемы.

Мальчэўскі Я.С.
КРЫНЦЫ ПА ГІСТОРЫІ ПАТЭНТАВАЙ СПРАВЫ
Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Вывучэнне гісторыі патэнтавай справы не толькі дазваляе зразумець, якім чынам адбывалася фарміраванне яе сучасных асноў, але і можа дапамагчы вызначыць тэндэнцыі далейшага развіцця нацыянальнай патэнтавай сістэмы. Аднак, неабходна адзначыць, што пытанні развіцця патэнтавай справы ў Рэспубліцы Беларусь з'яўляюцца даследаванымі ў недастатковай ступені. Дапамагчы ў гэтым зможа дэталёвае вывучэнне крыніц па гісторыі патэнтавай справы.

Цікавасць для даследчыка ўяўляюць міжнародныя дамовы аб ахове інтэлектуальнай уласнасці. Да асноўных міжнародных дамоў, ўдзельніцай якіх з'яўляецца Рэспубліка Беларусь, можна аднесці Парыжскую канвенцыю аб ахове прамысловай уласнасці, Мадрыдскае пагадненне аб міжнароднай рэгістрацыі знакаў і Дамова аб патэнтавай кааперацыі. У

адпаведнасці з артыкулам 12 Парыжскай канвенцыі па ахове прамысловай уласнасці, у якой Рэспубліка Беларусь удзельнічае з 25.12.1991 г., кожная краіна Саюза па ахове прамысловай уласнасці (утвораны паводле артыкула 1 Парыжскай канвенцыі) абавязваецца стварыць цэнтральнае сховішча для азнаямлення грамадскасці з патэнтамі на вынаходствы, карыснымі мадэлямі, прамысловымі ўзорамі і таварнымі знакамі. Паводле Парыжскай канвенцыі вызначаецца склад аб'ектаў аховы прамысловай уласнасці. Таксама адзначаецца, што прамысловая ўласнасць разумеецца ў самым шырокім сэнсе і распаўсюджваецца ня толькі на прамысловасць і гандаль, але і на іншыя галіны вытворчасці [1]. У адпаведнасці з Мадрыдскім пагадненнем аб міжнароднай рэгістрацыі знакаў і Дамовай аб патэнтавай кааперацыі вызначаюцца парадак падачы і разгляду заявак па адпаведных міжнародных працэдурах рэгістрацыі аб'ектаў прамысловай уласнасці [2, 3].

Аднымі з найбольш важных крыніц інфармацыі аб станаўленні, развіцці, арганізацыі і асаблівасцях функцыянавання айчыннай патэнтавай сістэмы з'яўляюцца нарматыўныя дакументы Рэспублікі Беларусь, якія рэгулявалі адносіны з нагоды стварэння, аховы і выкарыстання вынікаў інтэлектуальнай дзейнасці.

Законамі “Аб патэнтах на вынаходствы” ад 05.02.1993 г., “Аб патэнтах на прамысловыя ўзоры” ад 05.02.1993 г. і “Аб патэнтах на вынаходствы і карысныя мадэлі” ад 08.07.1997 г., якія ўжо спынілі свае дзеянне, упершыню ў Рэспубліцы Беларусь была прадстаўленая прававая ахова вынаходствам, прамысловым узорам і карысным мадэлям, вызначаны парадак атрымання ахоўных дакументаў на дадзеныя аб'екты прамысловай уласнасці [4, 5, 6].

Практыка ўжывання гэтых заканадаўчых дакументаў выявіла шэраг прабелаў і недакладнасцяў у прававым рэгуляванні па асобных пытаннях і паказала накірункі для ўдасканалення патэнтавага заканадаўства. У свеце з'явіліся новыя міжнародныя стандарты ў вобласці інтэлектуальнай уласнасці, замацаваныя ў міжнародных дамовах, што таксама запатрабавала ўнесці карэктывы ў дадзеныя законы. Акрамя таго, было прынята рашэнне аб'яднаць прававое рэгуляванне адносін у вобласці аховы вынаходстваў, карысных мадэляў, прамысловых узораў у адзіным заканадаўчым дакуменце. І 16 снежня 2002 годзе наўзамен Законаў “Аб патэнтах на вынаходствы і карысныя мадэлі” і “Аб патэнтах на прамысловыя ўзоры” быў прыняты Закон “Аб патэнтах на вынаходствы, карысныя мадэлі, прамысловыя ўзоры” [7].

Важнымі крыніцамі па гісторыі патэнтавай справы з'яўляюцца прававыя акты Рэспублікі Беларусь, у адпаведнасці з якімі адбывалася ўтварэнне і рэарганізацыі органаў і арганізацый дзяржаўнай службы інтэлектуальнай уласнасці [8, 9, 10, 11]. У адпаведнасці з дадзенымі указамі патэнтавы орган быў некалькі разоў рэарганізаваны. Падчас пераўтварэнняў патэнтавага ведамства статус яго істотна змяняўся, што ў сваю чаргу цягнула адпаведныя змены кампетэнцыі.

Асобную групу крыніц складаюць нарматыўныя прававыя акты, якія рэгламентавалі дзейнасць патэнтавага органа на розных этапах развіцця дзяржаўнай службы інтэлектуальнай уласнасці [12, 13, 14].

Вялікае значэнне для даследавання гісторыі патэнтавай справы мае выкарыстанне матэрыялаў архіва Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці. Перш за ўсё, ўвагу даследчыка прыцягваюць дакументы аб арганізацыйнай, выканаўчай і распарадчай дзейнасці патэнтавага органа. Варта адзначыць, што арганізацыйна-распарадчыя, планава-справаздачныя і фінансавыя дакументы, якія ўтварыліся падчас дзейнасці патэнтавага органа ад моманту яго стварэння, цалкам знаходзяцца на ведамасным захоўванні ў архіве Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці. Дадзеныя катэгорыі дакументаў уключаны ў вопіс № 1-УД (50 спраў). У прыватнасці вопіс змяшчае загады Старшыні Белдзяржпатэнта (генеральнага дырэктара Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці) па асноўнай дзейнасці, штатныя расклады патэнтавага органа, гадавыя справаздачы аб яго фінансава-гаспадарчай дзейнасці і тлумачальныя запіскі да іх, правілы, палажэнні, указанні, растлумачэнні, пералікі, распрацаваныя

патэнтавым органам і матэрыялы па іх распрацоўцы. Правілы, палажэнні, указанні, растлумачэнні, пералікі ўяўляюць сабой арыгіналы нарматыўных прававых актаў Рэспублікі Беларусь, метадычных дакументаў, зацверджаных загадамі і пастановамі Белдзяржпатэнта.

Вялікую цікавасць для даследчыка ўяўляюць загады патэнтавага органа па асноўнай дзейнасці. Трэба адзначыць, што дакументы дадзенай катэгорыі былі выданыя на аснове нарматыўных прававых актаў Рэспублікі Беларусь ў межах ажыццяўлення выканаўчай і распарадчай дзейнасці патэнтавым органам. Прывядзем некалькі прыкладаў загадаў патэнтавага органа, ў якіх знайшлі адлюстраванне пытанні станаўлення і развіцця механізмаў і інфраструктуры нацыянальнай патэнтавай сістэмы. Загад Дзяржаўнага патэнтавага ведамства пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь “Аб парадку прыема заявак і афармленні ахоўных дакументаў на аб’екты прамысловай уласнасці” ад 23.07.1993 г. № 11 упершыню ў гісторыі незалежнай Беларусі вызначыў парадок прыема заявак на вынаходствы, таварныя знакі і прамысловыя ўзоры, правядзення экспертызы і выдачы ахоўных дакументаў Рэспублікі Беларусь, закладваючы падмурак практычнага механізму нацыянальнай патэнтавай сістэмы [15]. Загадам Дзяржаўнага патэнтавага ведамства пры Міністэрстве адукацыі і навукі Рэспублікі Беларусь “Аб стварэнні Апеляцыйнага савета патэнтавай экспертызы і экспертызы па таварных знаках Белдзяржпатэнта” ад 17.11.1995 г. № 45а быў утвораны Апеляцыйны савет пры Белдзяржпатэнце, вызначаны яго функцыі, правы па разгляду скарг фізічных і юрыдычных асоб на рашэнне экспертызы патэнтавага органа ў адносінах заявак на аб’екты прамысловай уласнасці і пярэчанняў фізічных і юрыдычных асоб супраць выдачы патэнтаў, сведчанняў і рэгістрацый аб’ектаў прамысловай уласнасці [16]. У адпаведнасці з загадам Дзяржаўнага патэнтавага камітэта Рэспублікі Беларусь “Аб перарэгістрацыі ўстаноўчых дакументаў” ад 13 кастрычніка 1999 г. № 35 падведамасная арганізацыя патэнтавага органа Дзяржаўнае прадпрыемства “Вучэбна-даследчы цэнтр прамысловай уласнасці” была рэарганізаваная ў Вучэбна-даследчае рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства інтэлектуальнай уласнасці “РУПУ” [17].

У архіве Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці захоўваюцца справы па заяўкам на аб’екты прамысловай уласнасці.

Частка спраў патэнтавага органа сталага тэрміна захоўвання ўжо знаходзіцца ў Беларускаім дзяржаўным архіве навукова-тэхнічнай дакументацыі (226 адзінак захоўвання апісанняў вынаходстваў і карысных мадэляў да патэнтаў за 1994 – 2005 гг., 56 адзінак захоўвання спраў па заяўкам на карысныя мадэлі за 1997, 1998 гг.).

Крыніцамі комплекснай інфармацыі аб розных аб’ектах прамысловай уласнасці, аб усіх звязаных з імі зменах патэнтава-прававога характару на розных этапах жыццёвых цыклаў адпаведных аб’ектаў, зменах патэнтавага заканадаўства з’яўляюцца афіцыйныя выданні патэнтавага органа: бюлетэні, апісанні да патэнтаў. Афіцыйныя выданні патэнтавага органа Рэспублікі Беларусь публікаваліся як на папяровых, так і на электронных носбітах, размяшчаліся на афіцыйным сайце патэнтавага органа.

Гадавыя справаздачы патэнтавага органа маюць асаблівае значэнне ў якасці крыніцы па яго гісторыі. Дадзеныя дакументы з’яўляюцца афіцыйнымі публікуемымі дакументамі патэнтавага органа, асноўнай мэтай якіх выступае азнаямленне грамадскасці з дзейнасцю патэнтавага органа і станам сістэмы інтэлектуальнай уласнасці Беларусі ў цэлым за каляндарны год. Гадавыя справаздачы змяшчаюць звесткі аб падрыхтоўцы і прыняцці нарматыўных прававых актаў у сферы інтэлектуальнай уласнасці, колькасці заявак на аб’екты прамысловай уласнасці, паданых у патэнтавы орган, колькасці ахоўных дакументаў, выданных патэнтавым органам, інфармацыйна-метадалагічным забеспячэнні сістэмы інтэлектуальнай уласнасці і інш. Улічваючы тое, што выданне гадавых справаздач пачалося літаральна з часу стварэння патэнтавага органа (першая справаздача была падрыхтавана за 1993 год і апублікавана ў 1994 годзе) [18] і працягваецца па цяперашні час, у гадавых справаздачах ахоплены

амаль увесь перыяд існавання патэнтавага органа. Справаздача за 2002 год утрымлівае невялікі гістарычны агляд развіцця патэнтавага органа і патэнтавай справы ў Рэспубліцы Беларусь [19]. Разам з тым, неабходна канстатаваць вялікую колькасць памылак і недакладнасцяў асабліва ў лічбавых дадзеных гадавых справаздач.

На аснове аналізу актаў заканадаўства ў сферах інтэлектуальнай уласнасці і дзяржаўнага будаўніцтва і дакументаў архіўнага фонда Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці, можна выдзяліць наступныя асноўныя віды крыніц па гісторыі патэнтавай справы ў Рэспубліцы Беларусь: 1. міжнародныя дамовы; 2. заканадаўчыя дакументы Рэспублікі Беларусь; 3. арганізацыйна-распарадчыя дакументы патэнтавага органа; 4. афіцыйныя выданні патэнтавага органа.

1. Парижская конвенция по охране промышленной собственности. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
2. Мадридское соглашение о международной регистрации знаков. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
3. Договор о патентной кооперации («РСТ»). // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
4. Закон Республики Беларусь “О патентах на изобретения” от 05.02.1993 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
5. Закон Республики Беларусь “О патентах на промышленные образцы” от 05.02.1993 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
6. Закон Республики Беларусь “О патентах на изобретения и полезные модели” от 08.07.1997 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
7. Закон Республики Беларусь “О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы” от 16.12.2002 г. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
8. Постановление Совета Министров Республики Беларусь “Об образовании Государственного патентного ведомства при Совете Министров Республики Беларусь” от 09.04.1992 г. № 199. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
9. Указ Президента Республики Беларусь “Об изменении структуры центральных органов управления Республики Беларусь” от 23.09.1994 г. № 122. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
10. Указ Президента Республики Беларусь “О системе республиканских органов государственного управления, подчиненных Правительству Республики Беларусь” от 11.01.1997 г. № 30. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
11. Указ Президента Республики Беларусь “О совершенствовании системы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь” от 24.09.2001 г. № 516. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь “Вопросы Государственного патентного ведомства при Совете Министров Республики Беларусь” от 31.07.1992 г. № 472. // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
13. Положение о Государственном патентном ведомстве (утверждено приказом Министра образования и науки Республики Беларусь от 12.12.1995 г. № 461). // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
14. Положение о Государственном патентном комитете Республики Беларусь (утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11.04.1997 г. № 322). // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронны рэсурс] / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск. 2011.
15. Архіў Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці Воп. 1-УД. Спр. 5.
16. Архіў Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці Воп. 1-УД. Спр. 19.
17. Архіў Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці Воп. 1-УД. Спр. 38.
18. Государственное патентное ведомство Республики Беларусь: Годовой отчет 1993. Минск: Белгоспатент, 1994. – 42 с.
19. Национальный центр интеллектуальной собственности: Годовой отчет 2002. Минск: НЦИС, 2003. – 56 с.

Юрчак Д.В.

ОСНОВНЫЕ ГРУППЫ ИСТОЧНИКОВ ПО БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИМ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ В 1991–2011 гг.

Современный период истории Беларуси характеризуется тем, что при его изучении историкам приходится сталкиваться с совершенно иной массой источников, позволяющих проследить имевшие место факты, процессы и явления. Не является исключением в этом плане и тема межгосударственного сотрудничества Беларуси с другими странами, в частно-

сти, с Украиной. В рамках данной публикации мы попробуем определить основные группы источников по вопросам белорусско-украинского сотрудничества в 1991-2011 гг.

В соответствии с поставленной задачей, на наш взгляд, все источники по белорусско-украинским связям можно систематизировать, опираясь на принятую в современном источниковедении классификацию, предусматривающую их разделение на документальные и повествовательные письменные источники. Среди документальных выделяются законодательные источники. К ним относятся нормативно-правовые акты Беларуси и Украины, в том числе декларации о государственном суверенитете двух республик, декреты и указы Президента Республики Беларусь, постановления Верховного Совета (с 1996 г. Национального Собрания) Республики Беларусь, Верховной Рады Украины, Совета Министров Беларуси и Кабинета Министров Украины, регулирующие как общие вопросы осуществления внешней политики, так и отдельные правоотношения, вытекающие из двусторонних контактов. Отдельную группу актовых источников составили межгосударственные, межправительственные и межведомственные договоры и соглашения публично-правового характера, ставшие международным юридическим фундаментом для белорусско-украинского сотрудничества.

Документы законодательства и публично-правовые акты определили правовое поле развития двусторонних отношений. Всё это действительно делает их очень ценным источником при изучении сотрудничества Беларуси и Украины в рассматриваемый период. Однако следует помнить, что «писанный закон» не всегда соответствует реальной практике. Последнее обусловлено проблемой реализации подписанных соглашений, что не всегда осуществлялась в полной мере.

Кроме вышеперечисленных источников при рассмотрении вопросов сотрудничества двух стран можно использовать материалы делопроизводства, отражающие практическую деятельность государственных органов и общественных организаций двух государств по развитию взаимовыгодного сотрудничества и решению существующих проблем. Основной массив подобного рода документов находится в государственных архивах или всё еще продолжает использоваться в текущем делопроизводстве. В частности, интересующие нас документы, находятся в Национальном архиве Республики Беларусь в фондах Верховного Совета (фонд 968) и Совета Министров (фонд 7). Среди них наибольший интерес представляют протоколы и стенограммы, распорядительные документы, отчёты, текущая переписка, касающиеся вопросов образования нового союза в 1991 г. и дальнейшей интеграции на постсоветском пространстве, двустороннего сотрудничества со странами СНГ и выполнения взятых на себя обязательств, создания пограничной инфраструктуры [1]. Но основной массив документов, обнаруженных в Национальном архиве Республики Беларусь, касался экономического сотрудничества Беларуси и Украины в 1990-х гг. [2]. Среди последних явно преобладает переписка правительства с государственными органами и субъектами хозяйствования двух стран по вопросам реализации экономических соглашений и контрактов, которые часто не выполнялись из-за разрыва прежних производственных связей, проблем со взаиморасчётами и разрешениями на осуществление внешнеэкономической деятельности.

Вторым архивом, документы которого позволяют рассмотреть сотрудничество Беларуси и Украины в постсоветский период является Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь, в котором находится на хранении внутренняя документация МИДа и внешние документы, исходящие из Администрации Президента, Совета Министров, министерств и ведомств Республики Беларусь, государственных органов и учреждений Украины. Среди них – проекты постановлений правительства, договоров и соглашений, организационная и распорядительная документация, переписка Министерства иностранных дел и Министерства внешнеэкономических связей Беларуси с украинским МИДом, посольством Украины в Республике Беларусь, белорусским посольством в Киеве, отдельными министерствами и ведомствами Беларуси, отчёты о работе посольств

и об итогах проводимых переговоров, информации и справки для МИДа, Совета министров и Президента Республики Беларусь, документы белорусской части Совместной комиссии по делимитации и демаркации государственной границы, включая текущую переписку и протоколы заседаний [3]. Данные источники подробно отражают основные направления сотрудничества стран-соседей, показывают особенности становления и развития межгосударственных отношений, свидетельствуют о роли различных органов государственного управления в процессе налаживания тесных двусторонних контактов.

Кроме того, интерес могут представлять документы региональных архивов Республики Беларусь. Среди них материалы Государственного архива Гомельской области из фонда Гомельского облисполкома (фонд 1174), включающие переписку, внутреннюю распорядительную документацию, отчёты различных структурных подразделений облисполкома и субъектов хозяйствования. Названные документы отражают развитие приграничного экономического и культурного сотрудничества с регионами Украины, характеризуют особенности участия местных властей в процессе делимитации государственной границы, создания пунктов упрощённого пропуска и разрешении вопросов белорусской собственности в Украине [4].

Вторым региональным архивом по количеству имеющихся источников по теме исследования является Государственный архив Брестской области. К сожалению, представляющие наибольший интерес документы Брестского облисполкома за рассматриваемый период в фондах архива по состоянию на 2008 г. отсутствовали. Они не передавались в архив с 1990 г. из-за нехватки помещений для хранения. Планируется, что эта проблема будет решена только после пуска в эксплуатацию нового здания, строительство которого завершается. Тем не менее, в фондах архива имеются дела о деятельности украинских общественных организаций Брестской области в 1990-х гг. [5], позволяющие более детально рассмотреть этот аспект двусторонних отношений.

Также к материалам делопроизводства по рассматриваемой тематике относятся отдельные документы текущих архивов Министерства образования, Министерства иностранных дел, Национальной академии наук (НАН) Беларуси, Белорусской ассоциации породненных городов (Белорусское общественное объединение «Породненные города»), Белорусского общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами иных учреждений и организаций, содержащие сведения о контактах двух государств в области культуры, науки и образования, а также данные об эволюции договорно-правовой базы белорусско-украинского сотрудничества в период с 1991 по 2004 гг.

К документальным источникам относятся также статистические материалы, отражающие динамику хозяйственных контактов двух государств. Официальные данные по торгово-экономическим связям и вопросам миграции населения публиковались в ежегодных статистических сборниках Министерства статистики и анализа Республики Беларусь.

Вторую большую группу источников по белорусско-украинскому сотрудничеству составляют повествовательные. К ним, в частности, относится мемуарная литература. И хотя подобного рода источники характеризуются крайне субъективным подходом авторов к рассматриваемым вопросам, тем не менее, они являются очень интересными и ценными, так как отражают позиции непосредственных участников исторических событий. При рассмотрении вопросов развития белорусско-украинских связей интерес могут представлять воспоминания председателя Верховного Совета БССР Н.И. Дементя, первого премьер-министра независимой Беларуси В.Ф. Кебича и министра иностранных дел П.К. Кравченко. Если первая из названных работ только частично затрагивает вопросы последних лет существования СССР и становления независимой Республики Беларусь, то две последние много внимания уделяют и вопросам сотрудничества Беларуси, России и Украины. Особенно это проявилось в подробном описании «беловежских» событий декабря 1991 г., выполненном в русле «мемуарных войн 1990-х гг.». В.Ф. Кебич и П.К. Кравченко представляют свой взгляд как на то, что произошло в Вискулях, так и на участников этих событий.

Вместе с тем, у названных мемуаров имеются и свои недостатки. Если П.К. Кравченко делает чрезмерно явный акцент на себе и собственной роли в истории, то В.Ф. Кебич пытается более сдержанно отразить имевшие место события и свою роль в них, допуская при этом иногда серьёзные фактологические ошибки [см. б, с. 86, 108, 215].

Отдельную группу источников по межгосударственным связям составляют публикации в периодической печати. Учитывая особенности этого вида источников, все их можно систематизировать на основе разных критериев. В частности, по стране происхождения материалы периодики могут быть представлены белорусскими («Советская Белоруссия», «Рэспубліка», «Народная газета», «Звязда», «Во славу Родины», «Белорусский рынок» («Белорусы и рынок») и т.д.) и украинскими изданиями («Голос Украины», «Зеркало недели», «Урядовий кур'єр», «Подробности»).

По своему статусу и в зависимости от учредителя периодические издания по теме можно разделить на государственные, содержащие официальные информационные сообщения, публикации, материалы, интервью с главами дипломатических представительств и т.д., и негосударственные («независимые»). Последние, в свою очередь, могут быть представлены как общегосударственными независимыми изданиями Беларуси и Украины, так и газетами национальных диаспор (например: «Українець в Беларусі»).

По типу носителя периодические издания, содержащие информацию по вопросам белорусско-украинского сотрудничества можно разделить на печатные и электронные. Последние, в свою очередь делятся на электронные версии существующих печатных изданий, электронные газеты и специализированные сайты с регулярно обновляемым новостным рядом. Среди последних особенно выделяются официальные сайты Президента Республики Беларусь, Совета Республики Национального Собрания, министерств и ведомств двух государств, а также электронные публикации посольств, содержащие выступления глав государств, интервью с сотрудниками посольств и государственных учреждений, информационные материалы по различным областям сотрудничества. И хотя электронные периодические издания в сети Интернет пока ещё не получили чётко определённого места в общей системе исторических источников, мы, исходя из норм действующего закона «О средствах массовых информационных», будем относить их к СМИ, а следовательно, к материалам периодики.

Таким образом, на наш взгляд, приведённые выше основные группы источников, доступные современным историкам, позволяют довольно подробно, детально и объективно рассмотреть основные вопросы становления, развития и эволюции белорусско-украинских двухсторонних отношений в постсоветский период.

1. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12. – Д. 170, 467, 737-738, 740-741, 770-771, 1122, 1247, 2510; Фонд 968. – Оп. 1. – Д. 4145.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12. – Д. 173, 175, 393, 707, 708, 710, 711, 731, 1231, 1232, 1242, 1244-1245, 1305, 2316, 2405, 2506.
3. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 185, 373, 630, 631, 975-976, 1159, 1469-1471, 1897-1900.
4. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1174. – Оп. 8. – Д. 2650, 2674, 2719, 2917, 3366, 3598, 3636, 3658.
5. Государственный архив Брестской области. – Фонд 338. – Оп. 1. – Д. 1, 7, 11, 17, 26, 32.
6. Кебич, В.Ф. Искушение властью: из жизни премьер-министра / В.Ф. Кебич. – Минск : Парадокс, 2008. – 480 с.

РАЗДЕЛ 4

ПЫТАННІ ТЭОРЫІ КРЫНІЦАЗНАЎСТВА. КРЫНІЦЫ ПА ГІСТОРЫІ КУЛЬТУРЫ. МУЗЕЙНЫЯ ПРАДМЕТЫ І КАЛЕКЦЫІ ЯК КРЫНІЦЫ

Пушкарева Н.Л.

ЗНАЧИМОСТЬ «УСТНОЙ ИСТОРИИ» КАК ВИДА ИСТОЧНИКА И МЕТОДА СБОРА МАТЕРИАЛА ДЛЯ ЖЕНСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

Во время бурных споров в отечественной гуманитаристике о роли и месте «качественных методов» - а они развернулись в начале 1990-х гг. – феминистские теоретики были записаны в один теоретический лагерь с этнометодологами, марксистами нового поколения (Л.Альтюссером) и всеми «антинатуралистами» и методологическими релятивистами [1, с. 28-42; 2, с. 22-32]. Действительно, феминистская критика социальной науки обосновывает идею воспроизводства сложившихся властных отношений при получении и распределении знания; потому-то и весь доступ к познавательным ресурсам представляется структурированным и организованным в интересах сохранения мужского господства в науке. Отрицание значимости «устной истории», подчеркнутое стремление «отправить» все устноисторические свидетельства в разряд второстепенных по значимости (по сравнению с документальными, особенно неопубликованными, но отложившимися в архивах) – как раз из их числа.

Феминистская методология постоянно ставит под сомнение объективность сложившейся – а это значит «мужской» - интерпретации общества, преимущественное право лидеров традиционной науки («патриархов») означать, классифицировать, интерпретировать эмпирические данные и назначать одни источники – *правильными, важными, значимыми, первостепенными, репрезентативными*, а вторые (и чьи-то устные рассказы, разумеется, попадают в этот разряд) – *незначимыми, вспомогательными, малорепрезентативными* и так далее. Убеденность феминистских теоретиков в существенности качественного понимания социальных явлений (в социологии это сторонники «понимающей социологии», в философии - приверженцы классической германской феноменологии с ее понятием *Verstehen*, в науках о прошлом – те, кто работает в области биографической и микроистории), дополненная гуманистическим идеалом и импульсом освобождения от считающей себя «нормальной» науки (а по сути - от устоявшейся, традиционной традиции исторического описания) приводит их в лагерь нового направления.

Новое направление – это женская и гендерная история, которая немислима без сбора данных путем личных интервью, в которых только и можно обнаружить непроговоренный, скрытый до поры до времени социальный опыт.

Желание сопереживать изучаемому объекту связывает феминистских теоретиков со сторонниками этнографического метода «включенного наблюдения», биографического метода и «гуманной социологии» [5; 6]. Шведская исследовательница М.Хиден, обосновывая различия мужского и женского подходов к самому сбору информации, обратила внимание и на его последствия: мужчины акцентировали внимание на цели (допустим: «почему/зачем он так делал»), в то время как женщины подчеркивали обстоятельства (например, «как он бил ее») и последствия акта, как физические, так и эмоциональные. Таким образом, выявились совершенно разные пласты в рассказах об одном и том же [4; с. 57]. Знание этого факта заставляет по-иному оценивать контент женских и мужских рассказов, равно как и то, *кто эти рассказы собирал*.

Специфика качественных методов в общей социологии – в том, что его сторонники постоянно имеют дело с идеографическим – с теми символами и знаками, которые обозначают индивидуальную неповторимость данной жизненной истории, индивиду-

альный рассказ о себе, индивидуальный текст, индивидуальные совокупности практик. Сторонницы направления женской и гендерной истории идут дальше, принимая вышеописанный подход. В их исследованиях идеографического так же присутствует акцент на теме неповторимости, индивидуальности, но он – иной, поскольку преодолевает надменность (арrogантность) обычного социологического описания отдельных судеб.

Ведь обычный исследователь индивидуального может себе позволить наблюдать за сценой социального театра как бы из «царской ложи», с исторически безопасного расстояния. Он может себе позволить писать о жизни своих соотечественников как о «чужих» (например, именуя человека-современника «homo soveticus», а жизнь, его окружавшую, называть «советским зверинцем»), будто он сам – не в этой общей истории, будто история вокруг не него – не встроена в его собственную жизнь, тело, язык, как будто он – не наследник свершившихся событий, а у него самого как бы нет биографии.

Исследователь (чаще – исследовательница), разделяющий феминистскую способность к пониманию и вчувствованию, такого не допустит. Собирая материалы «устной истории» для своего труда, исследователь (-ница) биографий с феминистских позиций прежде всего историоризирует самого(саму) себя – обозначая время и место в пространстве и на шкале времени, в котором совершается исследование, высказываясь в качестве участника (-цы) и не пытаясь вещать с позиций «абсолютно объективного исследователя», демиурга Великой науки, Разума или Истории. Как это сделать? *Переживая!* Иными словами, допуская чувства в свое исследование.

Мужчины-исследователи с трудом это приемлют – они подчеркивают свои эмоциональную независимость. А женщины-исследовательницы, считающие себя адептами направлениями женской и гендерной истории, настаивают на том, что *все сообщенное информантам может соотноситься с личной биографией*. Обращение же к собственному жизненному пути доступно каждому – и тому, кто наблюдает социум извне, и – в особенности – тому, кто в нем живет. Этот методический прием – лучший способ избежать суждения, диктуемого привилегированной позицией (мол, «я лучше тех, кого описываю, знаю их жизни»). Ученый старшего поколения, пишущий с таких позиций, уже поостережется считать себя, скажем, принадлежностью «советского зверинца»: ведь в этом «зверинце» была проведена большая часть его единственной и неповторимой жизни [2, с. 27].

Исследовательницы, разделяющие феминистские подходы «понимающей» и «гуманной» социальной антропологии, призывают постоянно учитывать собственную включенность в процесс – ту историю, которую рассказывают в своих жизненных историях информанты. Только тогда обнаружится то, чего нет у исследователя, желающего писать и видеть процессы как бы со стороны, извне: пишущий о своем, о своей включенности в культуру и историю обладает памятью тела – тела, наполненного немотой воспоминаний, тела маркированного, нагруженного уже свершившейся историей. Именно потому, что каждый обладает этой памятью тела, воспроизведение ее приносит *радость обретения действительности* (хранившееся в дальних уголках памяти, неожиданно воскрешенное совпадениями, реализуется, всплывает на поверхности, даря исследователю радость). И это – та дополнительная информация, которую годами избегали сообщать историки, пишущие на темы, которые их глубоко волновали.

Не забывая, что сверхзадачей любого социального исследования является изучение сети социальных связей (а не просто суммы казусов, отдельных судеб), феминистские исследователи жизненных историй (прежде всего автобиографий – записанных или рассказанных устно) не оставляют надежды выявить *специфику повторяющихся форм человеческих взаимодействий через понимание присущего им субъективного смысла*. Ведь социальные отношения складывающиеся в разных областях (например, в научном сообществе) не зависят от сознания и воли отдельного человека (хотя иногда он тщится повлиять на них, особенно если занимает властные позиции). Можно сказать и так: они оказывают структурное принуждение. Поэтому изучение женских эгодоку-

ментов, женских жизненных сценариев предпринимается, чтобы увидеть, как за кажущимися случайностями жизни, очень индивидуальными жизненными путями и предстающими добровольными решениями скрываются социально-структурирующее начало. Спектр альтернатив не бесконечен, и не случайно - поэтому - очень часто необходимость выдается за добродетель.

Значимость новых – обоснованных гендерной теорией – подходов к историописанию и подбору источников состоит в том, что они утверждают неполноту, частичность любой точки зрения, настаивают на необходимости полифонии репрезентаций, где нарративный анализ с позиций эмпатии (сопереживания) – конечно, не панацея, не единственный, но все же один из важнейших подходов и уж точно: полезное дополнение к классическому научному знанию.

1. Батыгин Г.С., Деятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. N 2. С. 28-42
2. Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения «человеческих документов», или размышления о значимости методологической рефлексии // Социс. 2000. N 9. С. 22-32
3. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социс. 1998. N ¾. С. 98-108
4. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социс. 1997. N 3
5. Hammersley M., Atkinson P. Ethnography: principles in practice. London, 1983
6. Plummer K. Documents of life: An introduction to the problems and literature of a humanistic method. London, 1983.

Остряк А.Н. **ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ** **ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ**

Современный этап развития исторической науки характеризуется интенсивным развитием новых исследовательских направлений, постепенно трансформирующихся в самостоятельные отрасли научных знаний. Эти процессы происходят в силу разных причин. Однако, автономизация одних отраслей исторической науки (историографическое, историография, археология), замкнутость на внутренних проблемах других (археология, дипломатика, палеография, хронология), появление новых специальных исторических дисциплин (документоведение, биографистика, клиометрика, феминология) привели к их обособлению в рамках исторической науки [11, с. 28]. Под воздействием десциентизирующих методологических влияний, "расползания" проблем истории, в частности, в политологию, социологию, культурологию, искусствоведение, педагогику под омофором междисциплинарных исследований и при "попустительстве" историков ослабился кумулятивный эффект от профессионального исполнения исторической наукой социального заказа и усилились инфляционные тенденции – перепроизводство "историков" и "историй". Сложившаяся ситуация – это этап в развитии исторической науки, который требует концентрации усилий на переосмыслении ценностных ориентиров, преодоления дилетантизма в науке, недопущения дальнейшей девальвации исторического знания. Такого рода преобразования предполагают обращение к базовым инструментам творчества историков, приоритетное место среди которых принадлежит историческому источниковедению. Последнее вместе с историографией и специальными историческими дисциплинами составляет познавательную систему исторической науки, овладение которой – первостепенная задача историка-профессионала.

Очерчивание "сферы ответственности" источниковедения продолжается более полувека [2; 8; 10-12]. В результате интеллектуальных усилий нескольких поколений ученых кристаллизировалось представление о том, что источниковедение изучает происхождение исторических источников, теорию и практику их использования в исторических исследованиях, состав, структуру и функционирование источниковой базы исторической науки [7, с. 11]. При этом внимание источниковедов главным образом было сосредоточено на категории исторического источника, его происхождении, информационных свойствах, классификации источников, источниковой базе исторической

науки и т.д. Эскалация теоретизации источниковедения привела к тому, что оно стало своеобразной terra incognita в рамках исторической науки для подавляющего большинства исследователей. Только некоторые представители исторического цеха стремились к пониманию источниковедческих тайн, однако выводы этих немногих зачастую становились достоянием лишь небольшого круга специалистов. Подавляющее же большинство историков при всей демонстрируемой методологической "продвинутой" старалось и старается дистанцироваться от такого рода теоретических эмпирей, считая вполне достаточным операционное, "ремесленное" овладение этим искусством на уровне позитивистских технологий добычи фактов из источника. Следствием этого стало стабильно незначительное число исследований по источниковедению, а немногочисленные диссертации в этой отрасли знаний чаще всего касаются источниковедческой практики. Обязательные же для диссертационных работ подразделы, в которых характеризуется их источниковая база, не всегда демонстрируют надлежащий уровень владения их авторами базовыми понятиями теории источниковедения. Таким образом, искреннее желание разобраться в теоретических вопросах обернулось потерей понимания назначения этих научных поисков, практической их пользы. Иными словами, в лабиринтах теории было потеряно функциональное назначение источниковедения в целом, и в частности пострадала источниковедческая культура научных исследований [6].

Функции источниковедения выделяются далеко не всеми теоретиками этой науки. Как ни странно, не во всех учебных пособиях по источниковедению четко прописана ценность этого знания для познания истории и историописания [1; 3-5]. В целом, можно согласиться с тем, что источниковедение выполняет познавательную (проникновение в природу исторических источников, их содержание и информационный потенциал, качественные характеристики сведений источников), мировоззренческую (источниковедение как средство формирования научного мировоззрения и исторического сознания) и прогностическую (простор для поиска, выявления и включения в научный оборот новых источников) функции [7, с. 36]. Следует обратить внимание, что ни одна из функций не определяет концептуальное предназначение источниковедения в системе гуманитарного знания. Поэтому необходимо выделить еще одну – *технологическую* функцию, которая реализует источниковедение как инструмент в системе знаний об источнике, его происхождении, свойствах и информационных возможностях в создании исторических знаний, присутствующий на всех этапах их конструирования.

Экстраполируя понятие "технология" на историческую науку, приходим к выводу о том, что создание исторического знания – это процесс интеллектуальных манипуляций над носителями информации, результатом которого есть ретроспективный образ прошлого или его фрагментов, представленный средствами той или иной знаковой системы. При этом принципиальное значение имеют не параметры образа, создаваемого в процессе изучения, а то, что этот процесс в реальности представляет собой "обработку" исторических источников на безальтернативной основе, которая и делает возможным или невозможным (из-за отсутствия источников) создание образа. Источник – не сырье, а средство для достижения конкретной цели – информационное обеспечение образа прошлого, создаваемого в процессе познания. Носитель информации может считаться историческим источником лишь в том случае, если информация, которая в нем содержится, будет структурирована в результате целенаправленной деятельности исследователя и представлена им в виде знаний о качественном своеобразии конкретной системы, то есть знаний о ее структуре и функциях [9, с. 277]. Значит, сведения источника – аргументация для создания количественной и качественной характеристики образа, которая служит связующим звеном в знаковой системе, представляющей образ (текст, изображение, памятник материальной культуры). Источник же в виде цитирования, пересказа, ссылки, библиографического описания существует и в итоговом представлении видения прошлого. Работа историка начинается с источника и заканчивается со-

зданием нового источника – монографии, статьи и т.п., который со временем станет отражать реальность времен создания текста. При этом труд историка как источник будет отвечать всем параметрам аутентичности, оригинальности, достоверности и т.д., которые всегда устанавливаются в процессе работы с источниками, и будет восприниматься и трактоваться в свете этих же категорий. Поэтому процесс создания источников (кодирование информации), который происходит постоянно, и их трактовки (декодирование информации) осуществляется одним и тем же инструментом. Следовательно, источниковедение – это информационная технология в исторической науке.

Возможность задавать различные вопросы источникам, принимать или не принимать во внимание источники как таковые, доверять или не доверять им – все подобные технологии воспроизведения, воссоздания, реконструкции, моделирования санкционируются источниковедением как системой знаний о средствах познаний прошлого. Признать или не признавать информационный потенциал исторических источников с точки зрения существующих методологических парадигм не столь важно по отношению к тому, что без источника и знания о нем, его функциях в процессе познания и отсутствия альтернатив этому элементу исторического познания, невозможна история вообще. Таким образом, овладение источниковедением как технологией историописания – отправная точка для выбора и применения различных методологий для высказывания оценочных суждений в процесс изучения прошлого.

Как и всякое технологическое решение, источниковедение представляет его суть в системе понятий и категорий, использование которых для технолога-историка единственный путь овладения технологией, залог корректного и эффективного применения ее на практике. Квалифицированное оперирование понятийным аппаратом источниковедения – это ключ не только к достижению максимального эффекта в работе с источниками в процессе создания источниковой базы работы, критического ее осмыслении, но и средство ее представления в тексте исследования. В этом смысле источниковедение, и в частности его теоретическая составляющая, является неким алгоритмом презентации источниковой базы – с помощью классификационных схем становится возможным структурирование и представление информационно-аналитического потенциала исследования, которое должно дать ответ на принципиально важный вопрос: возможно ли осуществление исследования с получением достоверного и систематизированного (т.е. научного) знания. Ибо если историографический обзор предполагает вычленение неисследованного или малоисследованного в истории, то есть указывает на наличие прорех в историческом познании, то источниковая база с ее количественными и качественными параметрами дает представление о возможности их устранения.

Что касается структуры исторического источниковедения [2, с. 97; 7, с. 55], то все ее аспекты включены в процесс производства исторического знания и всеми своими составляющими раскрывают суть технологии, последовательность, содержание и назначение отдельных операций в работе с источниками (функциональный аспект), дополнительные средства в работе с ними (субдисциплинарный аспект), определяют сферу применения полученной информации (предметный аспект) и придают всему этому единую направленность и общность исходных концептуальных решений (логический аспект). Таким образом, структура источниковедения представляет все те сферы науки, овладение которыми необходимо для освоения технологии в целом.

Сказанное выше свидетельствует о более масштабной роли источниковедения как технологии в исторической науке, нежели это может показаться на первый взгляд. Реализация технологической функции источниковедения должна способствовать осознанному усвоению знаний об источниках, методах работы с ними как одному из важнейших аспектов становления историков-профессионалов.

1. Богдашина О.М. Джерелознавство історії України: питання теорії, методики, історії: Навчально-методичний посібник / О.М.Богдашина. – 3-е вид., доп. та переробл. – Харків, 2008.
2. Варшавчик М.А. Историко-партийное источниковедение. Теория. Методология. Методика / М.А.Варшавчик. – К., 1984.

3. Воронов В.І. Джерелознавство історії України: Курс лекцій / В.І.Воронов. – Дніпропетровськ, 2003.
4. Голиков А.Г. Источниковедение отечественной истории: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Г.Голиков, Т.А.Круглова; под ред. А.Г.Голикова. – 3-е изд., стер. – М., 2009.
5. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И.Н.Данилевский, В.В.Кабанов, О.М.Медушевская, М.Ф.Румянцева. – М., 2000.
6. Источниковедческая культура студента-историка: Сборник научно-методических трудов. – Тверь, 1990.
7. Історичне джерелознавство: Підручник / Я.С.Калакура, І.Н.Войцехівська, С.Ф.Павленко та ін. – К., 2002.
8. Никитин С.А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х гг.) / С.А.Никитин. – М., 1940.
9. Підгаєцький В.В. Основи теорії та методології джерелознавства з історії України XX ст.: Навч. посіб. / В.В.Підгаєцький – Дніпропетровськ, 2000.
10. Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР / М.Н.Тихомиров. – М., 1940. – Т. I.
11. Фарсобин В.В. Источниковедение и его метод. Опыт анализа понятий и терминологии / В.В.Фарсобин. – М., 1983.
12. Шмидт С.О. Современные проблемы источниковедения / С.О.Шмидт // Источниковедение: теоретические и методические проблемы. – М., 1969. – С. 7 – 58.

Балюк Т.П.

СОКРАЩЕННО НАПИСАННЫЕ СЛОВА В РУКОПИСНОЙ КНИГЕ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ

Изучение истории народа невозможно без понимания мировосприятия человека определенной эпохи. Работа с каждым источником предполагает реконструкцию исторической действительности. В такой реконструкции важно не пропустить ни один элемент культуры, который несёт в себе информацию о прошлом.

Весь комплекс письменного наследия, цели и задачи создания источников, сфера их употребления и функционирование определяют характер письменности эпохи. Данное понятие распространяется и на особенности письма каждой эпохи. Письмо – это символическое выражение мысли человека. Изучая рукописную книгу, мы разгадываем этот символ, чтобы получить как можно больше информации. При изучении письменности определенного периода важен системный анализ всех составляющих, в том числе и детальный палеографический анализ, который предполагает изучение каждого признака рукописи.

В славянской кириллической палеографии такой важный элемент письма, как сокращения – сокращенно написанные слова – не получил должного внимания ученых. Между тем изучение сокращений даёт возможность ответить на ряд вопросов относительно характера письменности, особенностей письменной культуры в данном регионе, понимания письма писцом и людьми, читающими рукописи.

В восточнославянской письменности сокращения встречаются в разных типах памятников – как светского, так и религиозного характера, в книгах и на стенах храмов, в посланиях на бересте и иконографии. Результаты изучения количества и видов сокращений свидетельствует о широкой распространенности этого элемента письма. Возникает вопрос о причинах и целях появления и использования сокращенно написанных слов.

Сокращения слов пришли в славянский язык из греческого и латинского языков. Латинская система сокращений сложилась на основе унаследованной античной и заимствованной греческой. Активная общественная жизнь Древнего Рима породила необходимость в стенографии. Сенека систематизировал все употреблявшиеся знаки и довёл их число до 5 тысяч [3, с. 35]. В греческих рукописях наиболее частые и общеупотребительные слова (например, титулы чиновников) подвергались сокращению [4, с. IX]. Однако в славянской письменности сокращения носят иной характер. Они появились, долгое время существовали и развивались в рамках т.н. сакральной письменности; не активная общественная жизнь и не политические деятели инициировали употребление сокращений, а люди духовного сословия, которые чаще всего были переписчиками и составителями книг в ранний период славянской письменности. Чаще всего в кириллических рукописных книгах XI – XIV вв. сокращаются слова сакрального характера или близкие к ним. Такие сокращения по примеру латинских в литературе принято называть священными именами, или *nomina sacra*.

О том, как появились специфические сокращения *nomina sacra*, в литературе существует несколько мнений [см. 5, 6, 8]. К.Р. Соломон (Keneth R. Solomon), анализируя теории происхождения сокращений, подводит итог дискуссиям: практика употребления *nomina sacra* могла появиться под влиянием еврейской тетраграммы, греко-римских сокращений, финикийских аббревиатур или криптографии. Родоначальниками могли быть еврейские переписчики, еврей-христиане или нееврей-христиане. Местом происхождения мог быть Иерусалим, Антиохия, Александрия или др. Но ни одна из этих теорий, по его мнению, не отражает раннюю стандартизацию и универсальное признание употребления *nomina sacra* [7, с. 18]. Сам К. Соломон считает, что *nomina sacra* могли возникнуть только в среде апостола Павла и позже с самыми ранними рукописями распространяться на обширные территории.

В Средневековье переписчики уже не задумывались над происхождением сокращений *nomina sacra*, а воспринимали их как неотъемлемую часть христианской культуры. Один из писателей середины IX в. Христиан из Ставело дал такое объяснение *nomina sacra*: «Имена Божии должны писаться прикровенно, ибо имя Божие не может быть выражено в буквах. Если же означает человека, пишется всеми буквами» [3, с. 42].

Древнейшие сокращения вместе с другими особенностями письма пришли в славянскую письменность из греческой. Долгое время считалось, что древняя славянская письменность всецело заимствована, искусственно введена из Византии. И.В. Ягич был убежден, что в сокращениях древнейших славяно-русских рукописей заметна лишь «рабская зависимость» славянской письменности от средневековой греческой [1, с. 427]. Однако в середине XX в. учёные оспорили данную точку зрения. Э.Е. Гранстрем выделяет в кириллических и глаголических рукописях XI в. три группы сокращений: 1) заимствованные из греческих рукописей: бог, господь, дух, отец, небо, человек, Давид, Израиль, Иерусалим, Иисус, Христос, сын, мать, крест, спас; 2) заимствованные из латинских рукописей: святой, церковь, глаголати, цесарь, ангел, апостол, сердце, благоден, владыка, пророк, мученик, мученица, милость, молитва, епископ, архиепископ, язык, поп; 3) сокращения, образованные самостоятельно переписчиками русских и славянских рукописей: аминь, богатство, предтече, дева, девица, пречиста, троице, премудрость, мучитель, память, солнце, богородицу и др [1, с. 429].

Некоторые современные авторы считают, что «необходимость экономии времени и дорогого писчего материала приводила к тому, что наиболее употребительные слова писались сокращённо» [2, с. 23]. Однако возникает обоснованный вопрос: могли ли сокращения слов в условиях сакральной культуры играть роль лишь ускорения письма и экономии места? Причины сокращения слов, на наш взгляд, нужно искать не только в практических функциях, но и в сакральных. Данный тезис доказывает словарь сокращавшихся слов: сокращались в основном определенные слова сакрального характера, различаются способы сокращения сакральных и обычных слов, система сокращений со временем претерпевает изменения, что отражается на словаре сокращавшихся слов. Встречаются случаи, хотя это не строгий канон, когда одно и то же слово с разным смыслом могло сокращаться либо нет: слово «дух» и производные писались сокращённо («дхъ»), если имелся ввиду Святой Дух, но не сокращалось, если говорилось о «духе нечистом».

Однако согласится с мнением, что сокращения носили лишь сакральный характер, о чём говорят некоторые богословы, нельзя, потому что даже в ранних памятниках (Остромирово Евангелие 1056 – 1057 гг., Изборник Святослава 1073 г.) встречаются сокращения, вызванные практической необходимостью – конец строки, конец страницы и т.д. Кроме того, сокращение даже сакральных слов имело также практическую функцию – визуальное выделение этого слова в тексте, который писался без пробелов, так как над сокращаемым словом ставился особый знак – титло, имевший разные формы – дуги, прямой с двумя нижними засечками по краям, «двускатной крыши», обычной прямой.

В славянских кириллических текстах XI – XIV вв. заметна традиция покрывать титлом только те слова, которые специально сокращались и не ставить знака над теми, в которых буквы пропущены по невнимательности. Встречаются разные графические формы титла. Вероятно, в ранних текстах ещё не существовало сложившегося канона употребления определённой формы, переписчик будто пробовал различные титла.

Тексты Евангелия, которые преобладают среди памятников письменности XI–XIII вв., делятся условно на канонический, или основной, текст – это непосредственно текст евангельских глав, и неканонический, или вспомогательный, - текст указаний к главам.

Канонический текст писался, как правило, в соответствии с определёнными нормами по греческому образцу, а в указаниях к главам заметна личная манера и творчество переписчика. Буквы в указаниях пишутся небрежным уставом, допускаются лигатуры (написание двух букв на одной основе), заметно также широкое разнообразие сокращённых слов, чего нельзя сказать о каноническом тексте. Если в главах Евангелия, как правило, сокращаются слова сакрального характера, то в указаниях сокращения выполняют скорее практическую функцию.

Не смотря на то, что текст Евангелия⁶ носит преимущественно канонический характер, общепринятых правил сокращения слов не было. Доказательством этому служат слова, которые «выпадают» из общей классификации, например, «Иисусови» (написанное «iуsvи»), слова с комбинированными способами сокращения, разное написание (по количеству сокращённых букв) одного слова. «Иисус» и производные, например, встречается в основном тексте Остромирова Евангелия в 35 вариантах. В XI в. выноситься над строкой могли разные буквы в одном и том же слове.

Для сокращения наиболее важных слов – «Господь», «Богъ» и «Христа» применялся такой способ как пропуск всех букв, кроме первой и последней. С практической точки зрения такой способ является наиболее удобным: слово максимально сокращено, но понятен его смысл и при чтении трудности не возникают (если знаешь «правила»), так как в слове есть окончания. Однако данный способ применялся только для трех слов. Причём такие сокращения одинаковы и в XI в., и в XIV в., и в основном, и во вспомогательном тексте. Следовательно, их нужно было «скрыть» максимально. Подобные сокращения применялись в иконографии, например, «IC XC». Это византийская традиция, которая, вероятно, была воспринята славянскими переписчиками как некий канон, обязательный для исполнения.

Заметна вариативность написания некоторых, особенно часто употребляемых, слов. У переписчика еще не существует своей традиции, он ищет удобный вариант, который нередко зависит от расположения слова в строке.

В каноническом тексте более точно были определены те слова, которые подлежат сокращению, а в неканоническом тексте проявлялась личная манера переписчика. В неосновном тексте сокращения применялись скорее для ускорения письма и экономии места, а в каноническом тексте сокращённые слова в большинстве своем являются *potina sacra*, которые пришли в славянскую письменность уже как традиция, и переписчик обязан был сокращать такие слова.

Анализ словаря сокращённых слов показывает, что способы сокращения различались для сакральных слов и тех, которые имели практический характер. Существование практических сокращений было обусловлено стремлением ускорить процесс переписывания книги или вместить слово в строку.

Анализ сокращённо написанных слов в актах XIV в. показывает, что сокращения все больше приобретают практические функции, в сакральных сокращениях намечается тенденция улучшения читабельности слов (появление выносных, большее количество букв в словах).

Подводя итог, можно сказать, что сокращённо написанные слова дают нам возможность говорить о характере восточнославянской письменности: в XI – первой половине XIV

⁶ Для примера избраны Остромирово Евангелие 1056 – 1057 гг. и Архангельское Евангелие 1092 г.

вв. (время бытования устава) источники создавались в рамках сакральной письменности, которая влияла и на графическое выражение мысли. Однако в рамках этой письменности также выделялся и практический элемент: переписчик облегчал свой труд, насколько это было возможно, при этом люди читавшие рукопись понимали слова и в том случае, если они сокращались необычным образом. При обучении грамоте люди получали навык написания и чтения сакральных слов, тем более что основными учебниками и были сами сакральные тексты. Со временем сокращения сакральных слов видоизменялись, давали толчок для развития «светских» сокращений. Так, например, из слова «Господь», которое всегда сокращалось, в актовых источниках XIV в. появилось сокращение слова «господарь». Появление большей разновидности способов сокращений и увеличение числа сокращенно написанных слов совпадает по времени с началом использования в письме полуустава.

1. Гранстрем, Е.Э. Сокращения древнейших славяно-русских рукописей / Е.Э. Гранстрем // Труды отдела древнерусской литературы. М., 1954. – Т. 10. – С. 423 – 445.
2. Груцо, А.П. Старославянский язык: учеб. пособие / под ред. А.П. Груцо. – Мн: ТетраСистемс, 2004. – 335 с.
3. Люблинская, А.Д. Латинская палеография / А.Д. Люблинская. – М, 1969. – 351 с.
4. Церетели, Г.Ф. Сокращения в греческих рукописях преимущественно по датированным рукописям Санкт-Петербурга и Москвы / Г.Ф. Церетелли. – Изд. 2-е исправлен. и дополнен. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1904. – 212 с.
5. Howard, G. The Tetragramm and the New Testament / G. Howard // Journal of biblical literature. – 1977. – № 96/1. – P. 68 – 85.
6. Паар, А.Н.Р.Е. Nomina sacra in the Greek Papyri of the First Five Centuries A.D.: The Sources and Some Deductions / А.Н.Р.Е. Паар. – Leiden, 1959. – 302 p.
7. Solomon, K.R. Nomina sacra: Scribal practice and piety in early Christianity / K.R. Solomon // Midwest regional meeting “The Church Convergent, Divergent, and Emergent: 21st Century Ecclesiology”. – Chicago, 2008. – P. 3 – 27 .
8. Traube, L. Nomina Sacra. Versuch einer Geschichte der christlichen Kürzung. Quellen und Untersuchungen zur lateinische Philologie des Mittelalters / L. Traube. – München, 1907. – 211 p.

Зіманскі В.Э.

ЦАРКОЎНАСЛАВЯНІЗМЫ Ў “ЖЫЦІ ЕФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ”

“Повесть жития и преставления святыя и блаженныя и преподобныя Еуфросинии, игумены монастыря Святаго Спаса и Пречистыя Его Матере, ижи в Полотьске граде” – гэта адзін з найбольш ранніх помнікаў беларускай пісьменнасці і адзін з найлепшых твораў старажытнай беларускай літаратуры, складзены і запісаны ў канцы XII ст., хутчэй за ўсё, манахам манастыра Св. Багародзіцы, і адзіная крыніца біяграфічных звестак пра Ефрасінню Полацкую. Твор дайшоў да нас у шасці рэдакцыях і больш чым ста пяцідзсяткі спісах. Старэйшы з вядомых спісаў гэтага “Жыція” адносіцца да XVI ст. Менавіта ў гэты час твор становіцца вядомым і ў Маскоўскай Русі, дзе мітрапаліт Макарый уключае яго ў “Мінеі-Чэці”, а затым у «Степенную книгу». Пасля былі зроблены дзве праложныя рэдакцыі “Жыція”, а ў XVIII ст. свяціцель Дзімітрый Растоўскі ўключыў “Жыціе” прападобнай у свае «Кнігі жыціі святых».

Як узор рэлігійнай літаратуры XII ст., твор выклікае значную цікавасць для аналізу з’яў дяхранічнага і сінхранічнага міжмоўнага ўзаемадзеяння, без чаго немагчыма грунтоўнае вывучэнне лінгвістычнай праблематыкі ўсходнеславянскіх моў. Паколькі арыгінальны твор XII ст. дайшоў да нас у спісах пазнейшага перыяду, цікава прасачыць, у якой ступені захаваліся ў ім царкоўнаславянскія моўныя рысы, характэрныя арыгінальным рэлігійным тэкстам жыційнага жанру XII ст. Разгледзім асноўныя асаблівасці ўжывання царкоўнаславянскага на лексічным, фанетычным і марфалагічным узроўнях.

Сярод **лексічных** царкоўнаславянскага паводле семантычных адметнасцей можна выдзеліць наступныя тэматычныя групы апелятываў: 1. Назвы, што абазначаюць духоўных асоб: патрыарх (И посла слугу своего Михаила тогда сущему патриарху); апостол (Ты, господи, заповѣда своим апостолом, рек: “Не носите с собою ничто же, токмо жезл един!”); отче (Отче преподобный, приму слово твое, як дар многоценный!); пастырь (Буди им пастырь и дверник!); черница (В та же лѣта бяша княгини Романова чер-

ница.); игуменія (пребываше в монастыри и повинующисъ игуменни и сѣстром всем); епископ (И въстав епископ въскоре страхом и трепетом одержим); архиепископ (Се доста отвръзже блаженный архиепископ уста своя набѣсѣдовати к ней о спасении души); мнихъ (И тую совершивши, иконома украсив и освятивши, дасть ю мнихом). 2. Назвы, што абазначаюць рэлігійных істот: Бог (Бог хоцетъ и твоя, княже, воля тако будеть); Господь (Благословен Господь Бог Израилев, Бог Аврамов, Бог Исаков, Бог Ияковль); Богородица (Блежены людие, живущие в монастыри святого Спаса и святыя Богородица!); благодетель (Ты, Господи сердцевидче, Благодетелю, Боже, благый милостивый Господи, зри на храм свой, яже создах во имя твое!); ангел (И се рек ангел к ней, отиде от нея); диаволь (вооружившися на супротивника своего, диавола). 3. Бытавая лексіка: ризы (облещи в черны ризы); одеяние (Ты бо еси отецъ убогим, нагим одеяние); трапеза (Се бо есть трапезе за нетлеющих брашен); утварь (Княжна Борисовна пришедши единою от дни всю свою утварь златую и порты многоценныя в монастырь). 4. Назвы асоб па сямейных адносінах: дщерь (И спреси дщерь его за сын свой); доилица (карміцелька) (И питома бяше доилицею своею, день от дни растяше). 5. Назвы, што абазначаюць часткі цела чалавека: око (Ни око виде, ни ухо слыша); выя (шыя) (А другыя паче желѣзу выя своя не преклониша). 6. Назвы, што абазначаюць рэлігійныя дзеянні і паняці: аминь (И буди имя твое благословено на рабе твоей Ефросинни отныне и до века! Аминь!); пост, молитвы (Но, яко добрый Храбор..., повинующисъ игуменни и сѣстром всем, и вся преспевающи постом, молитвами и бдением ношным); грѣх (Не вмени сего во грѣх, занеже позволих по стопам твоим ходити); псалом (И потом нача псалом глаголяти: “Готово сердце мое, Боже!”); икона (И тую совершивши, иконома украсив и освятивши, дасть ю мнихом); крест (И крест поставиша); монастырь (И се на уме положивши, идее в монастырь, утаившися отца и матери и всех домашних); келия (И то рекши, отпусти ю в келию свою); кація (лампада) (И купи различныя фимяны и кацію злату). Лексічныя прыкметы царкоўнаславянiзмаў нясуць у сабе прыслоўі (Юнии же глаголаху: “Камо заходиши, свете очию нашею!”) і службовыя словы: прыназоўнікі: от (у складзе “роднага выдзяляльнага”) (Да ни един от них будетъ восхищен волком губителя дьявола); ради (у постпазіцы) (Сего ради примут венець из руки господня); злучнікі: аще (Дан бяше таков дар Еуфросинии от Бога: аще кто ея вопрошаше о которой вѣщи, она же ему разрѣшаше чему есть быть); яко (Снидѣтсея сущии в пустынях и в горах, житие ангелское имуще, старии немощь отложивше, а юнии, яко елени скачуще).

На *марфалагічным* узроўні царкоўнаславянiзмы, ужытыя ў “Жыціі”, маюць наступныя моўныя адметнасці. 1. *Структурна-словаўтваральны аспект*: назоўнікі з суфіксам *-ние*: учение (Сълучи же ся девици деснаго естества плод милостивый и толми любящи учение); сѣтование (Приложи сѣтование к сѣтованию души моей, и печаль к печали); бдение (А другыя ... предаша телѣса своя на пост и на бдѣние); ядение, говѣние, ступание (юныя же учаше чистотѣ душевней и беспристрастию телесному, говѣнию образному, ступанию кротку, гласу смирену, слову благочестну, ядению и питию безмолвну); воспитание (Блажено воспитание ея!); слышание (Снидѣтсея на новое слышание!); назоўнікі з суфіксам *-ость*: старость (Увы нам вожду старости нашея, просвѣщение души нашея!); премудрость (Всяка бысть Ефросиния, убо сердце свое напоякаше Божия премудрости); дерзость (И супротивихся окаяннѣй, его дерзости, надеяшисъ на твое человеколюбие, господи!); назоўнікі з суфіксам *-ство*: множество (Буди, чадо, последствующи преже тебѣ бывших жен рекше Февронии и Еупраксии и иных множество, яже Христа ради пострадаше!); назоўнікі з суфіксам *-ие*: питание, беспристрастие (юныя же учаше чистотѣ душевней и беспристрастию телесному, говѣнию образному, ступанию кротку, гласу смирену, слову благочестну, ядению и питию безмолвну); оружие (Буди им, господи, оружие и зазбрало); житие (Не можеша понести тяготы мнишескаго жития; И житие их мимо тече); причастие (И приде про-

звитер, нося причастие). Показчыкам царкоўнаславянскага ўплыву з’яўляюцца кампазіты: серцеvidче (Ты, Господи серцеvidче, Благодетелю, Боже); човеколюбие (И супротивихся окаяннѣй, его дерзости, надеяшись на твое човеколюбие, господи!); многоцвѣтныя (Колико врѣмя баше княжна Борисовна, именем Звенислава ... принесе всю утварь златую и порты многоцвѣтныя в монастырь); светозарный (Кым убо языком, братие, достоин ми похвалити светозарную память преблаженныя невесты Христовы Еуфросиние!). 2. Марфалолога-катэгарыяльны аспект: 1) назоўнік: ужыванне клічнага склону (Ты ли, госпоже, присылаеши и понежаеши мя на дѣло?; Господи, Иисусе Христе! Не вмени сего во грѣх, занеже изволих по стопам твоим ходити!); ужыванне канчатка *-и* ў Н.скл. мн.л. м.р. (Вы же послушайте блазии, или князи или бояри, церковници, вы, честнии собори святых); ужыванне канчатка *-ѣхъ* у М.скл. мн.л. м.р. (святых, сущих в монастырѣхъ); ужыванне канчатка *-омъ* у Д.скл. мн.л. (И пришедши ко вратомъ, паде на землю); 2) дзеяслоў: цвёрды канчатак у 3-й ас. адз. і мн.л. цяп.ч. (И ты показа ей ангел Господень, и глаголя Еуфросиніи: “Ты ти подобаесть быти!” Яко достойна естъ царствию небесному, и яко миро доброванно, молитва ея восходитъ к Богу; Се бо естъ трапеза за нетлѣющихъ брашен, иже гортань наслажають и чрево насыщаютъ, а си душа веселящися, а ум укрѣпляючи на подвигы добрыхъ дѣл); суфікс *ти* ў інфінітыве (Не можеша понести тяготы мнишескаго житиа; Пощадитесь, чада моя, убѣжати того всего!; Красота же ея многыи славныи ея князь на любовь приведе ко отцу ея, яко же пояти ю невѣсту за сын свои); шматлікія формы аорыста і імперфекта (И нача книги писати своими руками; Горѣ мнѣ, чадо мое, почто се сотворили еси, печаль души моей принесе; И по малѣхъ днехъ присла отецъ к ней; Жалость же бысть всѣм в дому о ней; Но что успѣша при нас бывшии родове наши?; Се доста отврѣзше блаженный архиепископ уста своя, на бѣсѣдовати к ней о спасении души; И вси бояри его слышавше жалость князя своего и плакахуся горко о напрасней печали князя их); формы загаднага ладу з часціцай *да* (Воля Господня да будетъ; Он же глагола: “Да благословитъ тя, чадо, и дасть ти трѣпѣние и силу на всѣхъ вразь”); ужыванне спрагальных форм дзеяслова *быти* ў цяп.ч. (Бог мой еси ты!); ужыванне канчатка *-ши* ў формах 2-й ас. адз.л. цяп.ч. (Ты ли, госпоже, присылаеши ... мя на дѣло?); 3) прыметнік: канчатак *-аго* ў Р. скл. адз.л.: деснаго (Сълучи же ся девици деснаго естества плод милостивый и толми любящи учение); мнишескаго (Не можеша понести тяготы мнишескаго житиа); небеснаго (Хочу ваю обручити жениху бессмертному и ввѣсти в чрътогъ царства небеснаго); святаго (Примите мя, да бых легла во церкви святаго Саввы); грядущаго (Благословен Господь Бог, посвѣщая всякаго человека, грядущаго в мир); несцягнутыя займеннікавыя формы склонавых канчаткаў: добрыхъ (Се бо естъ трапеза за нетлѣющихъ брашен, иже гортань наслажають и чрево насыщаютъ, а си душа веселящися, а ум укрѣпляючи на подвигы добрыхъ дѣл); ужыванне іменных форм прыметнікаў (А еще юна еси возрастом; Паки другое чадо скажу вам, добри послушници; А иже прежны жены, взявше мужескую крѣпость и поидоша вослѣд жениха своего Христа); канчатак *-ѣй* у Д.скл. адз.л. ж.р.: святѣй (Еуфросиния же, поклонившися святѣй Софіи и благославивши от епископа); 4) дзеепрыметнік: дамінаванне форм незал. ст. цяп. ч. (Яко же и бысть, еже наперед идущее скажем, о сих же сие кажем; Мы же наперед лѣжащее возвратимся; Аз же твоему словеси нослѣдствующи изыдох на мѣсто а ничто же имущи носящи; Видѣвши же она, блаженная жена, уность ея и возраст цвѣтущи онея, и не хотящи острица ея, и смятеся, и нача тѣлом утѣрпати, и сердцем ужасатися, лицѣ на землю преклоньше); дапасавање іменных форм у родзе і ліку (Колико врѣмя баше княжна Борисовна, именем Звенислава, пришедши единою от дни ... в монастырь; Отвѣщавши же блаженная отроковица и рече ей; Сидѣтеса сущии в пустынях и в горах, житие ангелское суще, старии немощь отложивше, а юнии, яко елени скачюще; Пребываючи тунѣ колико врѣмя, во ину убо нощь возлещи хотящи отпочити от многого стояния яже к богу

в молитвах, видѣ видѣние); 5) **займеннік**: ужыванне энклітычных форм: ся, мя, ти (Господь Бог дастъ ти силу и побѣду на супротивника нашего диявола; И всѣмъ, часто присылающимъ ся за сынъ свои ко отцу ея; Или отца моего ради не хочещи мя острищи); формы Р.скл. указальных займеннікаў ж.р.: ея, ю (Единъ же преодолѣ ваше славнымъ своимъ княжением и богатствомъ присла ко отцу ея и спрости дщерь его за сынъ свой; И облече ю в черны ризы); царкоўнаславянскія формы ўказальных займеннікаў: си, се, яже, еже, сей, сиць, оный (А си слова есть прахъ и пепель, яко дымъ разыйдется, яко пара водная погыбаеть; Се есть Бог положилъ на сердци твоёмъ, иже еси сиць смыслилъ отроковицѣ сей и попечение о ней; Видѣвши же она, блаженная жена, уность ея и возраст цвѣтущи онея) і асабовага займенніка 1-й ас.: азъ (Азъ же твоему словеси послѣдствующи изыдох на мѣсто се).

Фанетычнае аблічча слоўніка “Жыція” вызначаецца наступнымі царкоўнаславянскімі асаблівасцямі: *словы з няпоўнагалоссем*: страна (И тако пришедши вся страна); глас (На всяк же день учаше сестры своа: старья же учаше ... гласу смирену, слову благочестну); град (И внидох во святыи град); млеко (Отроковица, тело млеко питаемо, растяше, а душа святого духа наполняшеса); власы (Жалостно терзаше власы своя и любѣзнѣ целоваше ю, глаголя: “Горе мне, чадо мое!”); врата (И пришедши ко вратомъ, паде на землю); храм (Господи, зри на храм свой, яже создах во имя твое!); глава (Яко венець на главе церкви, тако почиваетъ дух святыи в ней); *словы з пачатковым е*: единъ (Не носите с собою ничто же, токмо жезл един!); елень (Снидѣтеса сущии в пустынях и в горах, житие ангелское имущее, старии немощь отложившее, а юнии, яко елени скачущее!); егда (Но боюся, егда будетъ плен в вас); *словы з пачатковым а*: аще (Аще не аз тя возбужаю, а кто тя взывае на таково дело, того послуша, и прилежно со тщанием); азъ (Азъ грешная его просих и получих от тебя, владыко!); *словы са спалучэннем жд*: дважды (Тои же ноши видѣ дважды); трижды (Она же восставши и поклонися трижды приимши пречистое тело, тако возлеже); наслаждати (Се бо есть трапеза за нетлѣющихъ брашен, иж гортанъ наслажають); *словы са спалучэннем шч*: печь (“печ”) (И так ей помолившися заутра же построению божию, обретоша плиты в пещи); ночь (ноч) (Тои же ноши видѣ дважды и трижды), тщание (А кто тя взывае на таково дело, того послуша, и прилежно со тщанием); насыщати (Се бо есть трапеза за нетлѣющихъ брашен, иже гортанъ наслажають и чрево насыщають); таксама: укрѣпляющи, цвѣтущи, хотящи і пад.; *адсутнасць інтэрвакальнага j*: блаженнаа (Отвещавши же блаженнаа отроковица; Не можещи понести тяготы мнишескаго жития).

Праведзены аналіз паказвае, што даследаваны помнік вызначаецца высокай ступенню захаванасці царкоўнаславянскіх моўных рыс на розных узроўнях — лексічным, марфалагічным, фанетычным (прыблізная колькасць лексічных царкоўнаславянстваў складае 42 %, марфалагічных – 51%, фанетычных – 27%). Такім чынам, царкоўнаславянская мова, як мова кніжнай культуры, ва ўмовах феадальнага драблення і далейшага развіцця ўсходнеславянскіх дыялектаў аказала значны ўплыў на пісьмовую мову жыццёвых твораў усходніх славян і, мяркуючы па ступені яе захаванасці ў спісах пазнейшага перыяду, працяглы час, побач з народнай, была важнай крыніцай фарміравання літаратурнай мовы.

1. Сапунов, А. Житие Евфросинии Полоцкой / А.Сапунов. – Витебск, 1888.
2. Степенная книга. – ПСРЛ, Т. 21. – Ч. 1. – СПб., 1908. – С. 206-220.
3. Коршунаў, А.Ф. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры / А.Ф. Коршунаў. – Мн., 1959. – С. 69-80.

Кручинина А.Н.
ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛНОГО НОТИРОВАННОГО СВОДА
ГИМНОГРАФИИ В ЧЕСТЬ РАВНОАПОСТОЛЬНОГО
ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Чинопоследование, созданное в память о Равноапостольном Великом князе Владимире Киевском, с 80-х годов XIX века и по настоящее время неоднократно становилось предметом внимания учёных¹. К нотированным текстам медиевисты обращались начиная с 1912 года². В 2004 году был опубликован полный свод нотированных песнопений содержащихся в кодексе, созданном в 80-х годах XVI века³. Кроме того два песнопения изданы с расшифровкой⁴.

Таким образом, к настоящему времени гимнография и чинопоследование в целом введены в контекст научного знания, определена источниковая база, выявлены полные своды, а также впервые исследован корпус песнопений, как целостное произведение, воплотившее в себе идею царской власти⁵.

В результате дальнейшего изучения нотированных рукописей, автору удалось выявить историю сложения полного чина, представленного в рядовых певческих рукописях. Эти списки репрезентируют особенности местного почитания князя Владимира. Их отличительным признаком оказывается связь с монастырской певческой традицией. Они либо создавались в скрипториях, либо принадлежали инокам, головщикам, клирошанам. Об этом свидетельствуют записи, помещённые в рукописях⁶.

Первым по времени появления нотированным текстом оказывается песнопение «Придете, сотецемя» (XIV век). Следующим, вошедшим в нотированные списки, созданные ранее первого полного свода, явилось величание на полиелеофе, помещённое в сборники, датируемые по общепалеографическим признакам серединой — второй половиной XVI века⁷. Песнопение свидетельствует о сложившемся к этому времени особом литургическом статусе почитания святого — богослужении с полиелеем.

Одновременно с величанием в нотированную рукопись 1558 года вошли два славника восьмого гласа «Придете стецемя веси» и «Началенико благочестию»⁸. Роспевы из этой рукописи уникальны и, скорее всего, представляют авторское творчество составителя и писца — Елисея, «родом вологжанина».

Следующими вошедшими в певческую книжность текстами оказались две стихиры на стиховне восьмого гласа. Рукопись была создана не ранее 70-х годов XVI века⁹. Писец и составитель — Варфоломей — указал тип книги («в книжице Трезвонь»), роспев и нотацию («книжица певчая путная»). «Путь путевой», которым были записаны эти стихиры, представляет единственный в певческой традиции (для песнопения князю Владимиру) случай введения не знаменного, а иного монодического стиля, данного в соответствующей ему системе нотирования. Скорее всего, созданный во время работы по централизованному собиранию певческих памятней свод путных роспевов, был связан с местной инициативой или с деятельностью мастера — роспевщика и писца — хорошо усвоившего новый, только входивший в певческую практику роспев, а так же его нотацию.

Таким образом, прежде составления первого свода песнопений в рукописи вошли четыре нотированных текста, помещённые в авторских кодексах. Эти роспевы не были включены в образцовые своды. Быть может, для создателей сводов, стремившихся к собиранию нормативных музыкальных композиций, «Путь путевой» Варфоломея и версия знаменная Елисея не соответствовали этой «норме».

В 1604 году был создан кодекс инок Христофора¹⁰. В него включено шесть нотированных песнопений. Эта подборка появилась уже после создания двух образцовых сводов и в неё вошли как тексты сопоставимые с роспевами образцовыми, так и тексты, представляющие оригинальную версию, являясь, по-видимому, творением инок Христофора. Эти же тексты выявлены в рукописи старца Измаила Костромы¹¹. При сопоставлении двух списков (Кирилловского и Соловецкого) оказалось, что их роспевы ос-

нованы на одном и том же принципе организации формы, но различаются способами сопряжения интонационного материала.

Музыкальные тексты, выявленные в рукописях середины XVI — начала XVII века, при сопоставлении с текстами первого образцового свода обнаруживают разную степень устойчивости:

1. идеальную сохранность текста, созданного в 80-х годах XVI века (в стихирах на «Слава...»), что позволяет воссоздать роспевы с достаточно высокой точностью, ориентируясь на поздние списки, нотация которых имеет киноварные пометы, оформительный словарь, композиция, форма идентичны старшему списку;

2. устойчивость попевочного словаря, зафиксированного в старшем списке (в стихирах на стиховне) при изменении способов сопряжения попевок, что влечет за собой иной тип музыкальной организации;

3. движение музыкального текста-архетипа, представленного старшим списком (величание), завершённое в середине XVII века созданием двух устойчивых роспевов (знаменного и путного), зафиксированных знаменной нотацией;

4. новые, уникальные роспевы, представленные единичными списками (две стихиры на стиховне) в рукописи, созданной писцом Варфоломеем, и славники из рукописи Елисея Вологжанина.

1. Славницкий М. Канонизация св. князя Владимира и службы ему по спискам XIII-XVII вв. с приложением двух неизданных служб по рукописям XIII и XVI вв. // Странник. 1888. Май-август. Ф. 197-238; Милютенко Н.И. Святой равноапостольный князь Владимир и Крещение Руси: древнейшие письменные источники. СПб., 2008. С. 206-238.

2. Металлов В.М. Русская семиография. СПб., 1912. Табл. 62.

3. Рамазанова Н.В. Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI-XVII веков. СПб., 2004. С. 125-150, 358-371, 382-392.

4. Серегина Н.С. Песнопения русским святым: по материалам певческой книги XI-XIX веков «Стихирарь месячный». СПб., 1994. С. 71. Рамазанова Н.В. Московское царство... С. 382-392.

5. Рамазанова Н.В. Московское царство... С. 126.

6. РНБ, Кир.-Бел. 652/909, 1558 г. «Сия книга стихарал... а писал сию книгу грешный инок Елисей, родом вологжанин». Кир.-Бел. 669/926, 60 гг. XVI в. «Стихораль старца Ефрема Вольнского». Кир.-Бел. 623/880 70-е г. XVI в. «Книжица певчая путная Варфоломеева». Кир.-Бел. 665/922 1604 г. Рукопись инока Христофора. Кир.-Бел. 621/878 30-40 гг. XVII в. «Священноинока Данила Дубровского, постриженика Кирилова монастыря». Солов. 690/769 начало XVII в. «Стихорал знаменной Соловецкого монастыря казенной старца Измаила Костромы дачи» и т.д.

7. СПбГК, №9; РНБ, Кир.-Бел. 652/909, Кир.-Бел. 669/926, Кир.-Бел. 619/876.

8. РНБ, Кир.-Бел. 652/909, л. 682 об. - 683 об.

9. РНБ, Кир.-Бел. 623/880, л. 234.

10. РНБ, Кир.-Бел. 665/922, л. 347 об. - 349.

11. РНБ, Солов. 690/769, л. 280.

Смыковская И.И.

СОСТАВ ПЕСНОПЕНИЙ УТРЕНИ ВЕЛИКОГО ПЯТКА ПО БЕЛОРУССКИМ ИРМОЛОГИОНАМ конца XVI – XVIII веков

Белорусские рукописные Ирмологионы конца XVI – XVIII веков – это ценнейшие памятники, хранящие древние роспевы и традиции церковного певческого искусства средневековой Беларуси. Этот тип богослужбной певческой книги сформировался во второй половине XVI века на территории белорусских и украинских православных епархий Киевской митрополии и явился результатом духовного творчества народов, культура которых развивалась в условиях полиэтнического и поликонфессионального государства – Речи Посполитой. Православная церковная обрядность существовала здесь вместе с римо-католической, а после Брестской унии 1596 года пополнилась самобытным образцом богослужбного обряда, созданным греко-католиками. Взаимодействие и взаимовлияние культур Востока и Запада – православного и католического миров – предопределило появление Ирмологиона в белорусско-украинской книжной традиции.

Самоназвание Ирмологиона – «Ирмолой» – происходит от начальных строк канонов – ирмосов, которые представляют собой мелодические образцы для стихов канона и составляют содержание Ирмология. Исследователи отмечают такую черту Ирмологиона, как ориентированность на праздничное богослужение [1; 2; 13]. В отличие от древнерусского Ирмология, в него включались не только ирмосы, но и избранный репертуар, определявшийся богослужебной практикой. Ирмологион приобрел распространенную для певческих рукописей XVI–XVIII веков форму сборника: в одном переплете могли быть объединены различные певческие книги. Наиболее распространенными являлись Ирмологий, Октоих, Обиход, Праздники [2, 133].

По мнению Ю.П. Ясиновского, прообразом Ирмологиона могла быть древнейшая певческая книга Кондакарь [13, 47–48]. Среди всего разнообразия богослужебных книг она наиболее близка Ирмологиону разнообразием представленных в ней жанров. Во второй раздел Кондакаря записывались аллилуарии, троичны, светильны, киноники (причастны), ипокои (респонсорные припевы), катавасии, воскресные тропари, евангельские стихиры, богородичные, подобны, степенные антифоны. Ирмологион стал своего рода антологией церковных песнопений. В нем представлено все жанрово-видовое разнообразие греко-византийского певческого искусства.

Структура и оформление Ирмологиона определялись культурно-историческими условиями и отражали локальную книжно-певческую традицию. Ю.П. Ясиновский выделяет 5 структурных типов певческих рукописей: жанрово-тематический, календарно-тематический, гласовый, греческий и особый [13, 49–50; 11].

Основу песнопений Ирмологиона составили традиционный знаменный, а также киевский, болгарский, сербский, греческий, супраслевский, мирский и ряд других местных и авторских роспевов [2; 3; 4; 5; 6; 10; 11; 12; 13; 14; 15].

В соответствии с общепринятой в современной музыкальной медиевистике терминологией, под *Ирмологионом* мы будем понимать сборник, объединяющий различные нотированные певческие книги с неустойчивым составом, в которые входили монодийные песнопения всех богослужебных жанров, записанные пятилинейной нотацией, называемой квадратной или киевской.

В Триодный раздел Ирмологионов под заголовком «Ночало Святых Страстей Господа нашего Иисуса Христа» включались песнопения, которые являются ярким свидетельством богословского истолкования христианских догматов музыкально-поэтическим языком. Древнерусская традиция «Страстных» песнопений исследована А.Н. Кручининой [7; 8]. Она установила, что их стабильным элементом является последование 15 антифонов и его соотносительность с чтениями евангелий. Антифоны определены ею как «архетип цикла». Под этим понятием понимается: «1) архетип состава (последование песнопений); 2) архетип музыкальной организации (система гласовой принадлежности песнопений, а также связей частей песнопения друг с другом); 3) архетип интонационный (закономерные соотношения, лежащие в основе распевания литературного текста; состав музыкальных формул, входящих в каждое песнопение архетипа)» [7, 58–59].

Рассмотрим состав песнопений утрени Великой пятницы по белорусским Ирмологионам. Согласно Уставу, чинопоследование образуют тропари, стихиры, троичны, богородичны, прокимен, трипеснец, светилен, стихиры самогласные «на хвалитех», стихиры самогласные «на стиховнах» [9]. Песнопения «Страстей Христовых» изучаются нами по рукописям, хранящимся в библиотеке Академии наук Литвы (8 единиц), в Институте рукописей и старопечатных изданий Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (2 единицы), в Национальной библиотеке Беларуси (4 единицы) – всего 14 Ирмологионов. Время включения песнопений в рукописи охватывает период с конца XVI до первой половины XVIII века (таблица 1).

Таблица 1. Состав песнопений утрени Страстной пятницы по белорусским нотолинейным Ирмологионам из фондов LMAВ, ИР НБУВ, НББ⁷

№	Ирмологион	Песнопения					
		Тропарь «Егда славнии ученицы»	15 антифонов	Блаженны	Трипеснец	Стихиры «на хвалитех»	Троичен и стихиры «на стиховнах»
1	1598–1601 гг. ИР НБУВ ф. I, 5391		+		+	+	
2	1649 г. ИР НБУВ ф. I, 3367		+			+	
3	3 чтв. XVII в. LMAВ F19–117		+			+	
4	2 п. XVII в. F19–122 LMAВ		+			+	
5	XVII в. LMAВ F19–119			+		+	
6	Сер. XVII в. LMAВ F19–121					+	
7	1738 г. LMAВ F19–128				+		
8	1 п. XVIII в. LMAВ F19–127	+					
9	1769 г. LMAВ F22–71	+					
10	3 чтв. XVII века LMAВ F19–118	+				+	
11	2 чтв. XVII в. НББ 091/309		+			фрагмент	
12	1669 г. НББ 091/316		+			фрагмент	
13	3 чтв. XVII века НББ 091/148		+			+	+
14	1610–20 и 50 гг. XVII в. 091/283к НББ		+			+	+

Как видно из таблицы, архетип цикла «Страстных» песнопений – 15 антифонов, записан в 8 Ирмологионах из 14 (№№ 1, 2, 3, 4, 11, 12, 13, 14). В списке Ирмологиона 1598–1601 гг. ИР НБУВ ф. I, 5391 (№ 1) к антифонам добавлен *трипеснец* и *стихиры на «хвалитех»*; списках Ирмологионов 3 чтв. XVII века НББ 091/148 и 1610–20 и 50 гг. XVII в. 091/283к НББ (№№ 13, 14) – *стихиры на «хвалитех»*, *троичен и стихиры на «стиховнах»*; 1649 г. ИР НБУВ ф. I, 3367, 3 чтв. XVII в. LMAВ F19–117, 2 п. XVII в. LMAВ F19–122, 2 чтв. XVII в. НББ 091/309 и 1669 г. НББ 091/316 (№№ 2, 3, 4, 11, 12) – *стихиры «на хвалитех»*.

В остальные рукописи внесены *единичные песнопения*: 3 чтв. XVII века LMAВ F19–118 (№ 10) – *тропарь «Егда славнии ученицы»* и *стихиры на «хвалитех»*; 1 п. XVIII в. LMAВ F19–127 и 1769 г. LMAВ F22–71 (№№ 8, 9) *тропарь «Егда славнии ученицы»*; XVII в. LMAВ F19–119 (№ 5) – *блаженны* и *стихиры на «хвалитех»*; 1738 г. LMAВ F19–128 (№ 7) – *трипеснец*; сер. XVII в. LMAВ F19–121 (№ 6) – *стихиры на «хвалитех»*.

Исследование чинопоследования утрени Великого пятка по 14 Ирмологионам показывает, что обязательную часть полного состава песнопений образуют 15 антифонов. Ни в одной нотолинейной рукописи он не презентуется целиком. С различной степенью полноты в каждом списке представлена своя редакция свода. Самым ранним

⁷ БАНЛ – Библиотека Академии наук Литвы;

ИР НБУВ – Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского;

НББ – Национальная библиотека Беларуси.

по времени написания и наиболее полным, является список Ирмологиона 1598–1601 годов ИР НБУВ ф. I, 5391.

1. Бражников, М.В. Русская певческая палеография / М.В. Бражников / под ред. Н.С. Серединой. – РИИИ; СПбГК, 2002. – 296 с.
2. Вознесенский И.И. Церковное пение православной Юго-Западной Руси по нотно-линейным ирмологам XVII и XVIII веков. / И.И. Вознесенский. Вып. 2. – Москва, 1898.
3. Конотоп, А. Херувимская песня царигородского распева XVI века / А. Конотоп // Музык. акад. – 2003. – № 1. – С. 118–122.
4. Герасимова, И. Стихира-осмогласник Успению «Богоначальным мановением» в древнерусской и литовско-русской традициях знаменного распева. // Древнерусское песнопение. Пути во времени. Вып. 3. По материалам научной конференции «Бражниковские чтения-2005». – СПб, 2008. – С. 57–79.
5. Корний Л.Ф. Болгарский распев в певческой практике Украины XVI – XVII веков (к проблеме болгаро-украинских музыкальных связей). Автореф. дис. ... канд. Искусствоведения. – Киев, 1980.
6. Корній, Л. Православна монодія білоруської та української монастирських традицій XVII ст. : на матеріалі нотолінійн. ірмологів з Жировиц. та Межигір. монастирів / Л. Корній // Дьяспара. Культуралогія. Гісторыя : матэрыялы IV Міжнар. кангр. беларусістаў «Беларус. культура ў кантэксце культур еўрап. краін», Мінск, 6–9 чэрв. 2005 г. / пад рэд. А. Мальдзіса, А. Смаленчука. – Мінск, 2006. – С. 108–113. – (Беларусіка = Albaruthenica ; кн. 28).
7. Кручинина, А.Н. К проблеме текстологического изучения древнерусского монодийного цикла. – Л., 1983. – С. 47–78.
8. Кручинина, А.Н. О композиционных закономерностях древнерусского чинопоследования / А.Н. Кручинина // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Поэтика древнерусского певческого искусства : сб. науч. тр. / Рос. нац. Б-ка ; сост. и науч. ред.: А.Н. Кручинина, Н.В. Рамазанова. – СПб., 1992. – С. 11–40.
9. [Триодь Цветная, начало XVII века] // Институт рукопису Національної бібліотеки України (Київ). – Кир, 722.
10. Шевчук Е.Ю. Киевский напев в контексте церковно-монодийского пения Украины и Белоруссии XVII – XVIII ст. (источники, жанры, черты стилистики). Автореф. дис. ... канд. искусствования. – Пер. Киев, 1999.
11. Шевчук Е.Ю. Болгарский распев // Православная энциклопедия. Т.5. – С. 643–646.
12. Шевчук Е.Ю. Сербский напев в контексте южнославянского влияния. // Музыкальное искусство христианского мира. Вып. 2 (3). – Москва, 2008. – С. 23–54.
13. Ясіновський, Ю. Український нотолінійний Ирмолог як тип гімнографічного збірника: зміст, структура // Записки наукового товариства ім. Т. Шевченка Т. ССХХVI. / Праці музикознавчої комісії. – Львів, 1993.
14. Ясіновський, Ю. Українські та білоруські нотолінійні Ирмологи XVI–XVIII століть : кат. і кодик.-палеограф. дослід. / Ю. Ясіновський. Львів : Місіонер, 1996. – 622 с.
15. Ясиновский, Ю. Репертуар греческого напева в украинских певческих сборниках / Ю. Ясиновский // Гимнология : материалы междунар. науч. конф., Москва, 2000 г. : в 2 кн. / Науч. центр рус. Церков. музыки им. протоиерея Димитрия Разумовского. – М., 2000. – Кн. 1. – С. 243–253. – С. 356.

Бароўка В.Ю.

ЛІТАРАТУРНЫ ТВОР І ГІСТАРЫЧНАЯ РЭАЛЬНАСЦЬ

Мастацкі твор – форма адлюстравання гістарычных рэалій, адна з крыніц гісторыі як навукі. Вядомы літаратуразнаўца В.Я. Халізеў слушна заўважыў, што «побач з універсальямі сусветнага прыроднага і чалавечага быцця (і ў непарыўнай сувязі з імі) мастацтва і літаратура нязменна адлюстроўваюць культурна-гістарычныя рэаліі ў іх шматпланавасці і багацці. <...> Літаратурай спасцігаюцца рысы плямён, народаў, нацый, рэлігійных канфесій, асаблівасці дзяржаўных утварэнняў і вялікіх геаграфічных рэгіёнаў, што валодаюць культурна-гістарычнай спецыфікай (Заходняя і Усходняя Еўропа, Блізкі і Далёкі Усход, Лацінаамерыканскі свет і г.д.). Уласцівы такім агульнасцям тып свядомасці (менталітэт), укаранёныя ў іх (у жыцці як народа ў цэлым, так і ў “адукаванага пласта”) культурныя традыцыі, формы камунікацыі, бытавы ўклад з яго звычаямі нязменна адгукаюцца ў плёне мастацкай дзейнасці» [1, с. 52].

Творы прыгожага пісьменства з’яўляюцца надзвычай карыснай, але адметнай крыніцай уласнагістарычнай і народазнаўчай інфармацыі. Багаты крыніцазнаўчы для гісторыка матэрыял можа прысутнічаць і ў драматычных, і ў лірычных, і ў эпічных творах. Дастаткова шырокімі пазнавальнымі магчымасцямі валодае проза, бо поўная свабода праяўлення твора ў арганізацыі мастацкага часу і прасторы, выяўленні аўтарскай свядомасці, думак і перажыванняў персанажаў, гнуткая разнастайнасць спосабаў апавядання, багацце вобразна-выяўленчых сродкаў, адсутнасць жорсткай рэгламентацыі ў іх ужыванні забяспечваюць прозе неабмежаваныя магчымасці ў рэалізацыі інфарматыўна-пазнавальнай і эўрыстычнай функцыі літаратуры. У сярэдзіне XIX ста-

годдзя ў навуцы пра літаратуру ўзнік метадалагічны напрамак, прадстаўнікі якога даследавалі мастацкія творы ў цеснай суаднесенасці з гістарычнымі і этна/нацыянальнымі рэаліямі. Заснавальнік гэтага напрамку французскі вучоны І.-А. Тэн у працы «Гісторыя англійскай літаратуры. Уводзіны», спасылаючыся на гістарычныя і культуралагічныя факты, сцвярджаў, што літаратура кожнага народа раскрывае псіхалогію свайго народа, сфарміраваную канкрэтным асяроддзем.

У адных літаратурах свету, як у беларускай, прыярытэтная ўвага надаецца адлюстраванню нацыянальна-гістарычных рэалій і этнааксіялагічных канстант, у другіх – гэта прысутнічае, але не выходзіць на першы план.

Эстэтычнае ўвасабленне рэчаіснасці і чалавека мае сваю спецыфіку. Яго адметнасць на змястоўным узроўні была адзначана яшчэ старажытнагрэчаскім філосафам Арыстоцелем. У знакамітай працы «Аб мастацтве паэзіі» Арыстоцель параўнаў паэта з гісторыкам і падкрэсліў, што «задача паэта гаворыць не пра тое, што сапраўды адбылося, а пра тое, што магло адбыцца, значыць, пра магчымае па верагоднасці ці па неабходнасці. Менавіта гісторык і паэт адрозніваюцца [адзін ад аднаго] не тым, што адзін карыстаецца памерамі, а другі не: можна было б перакласці вершам працы Герадота, і тым не менш яны былі б гісторыяй, як з метрамі, так і без метра; але яны адрозніваюцца тым, што першы гаворыць пра тое, што сапраўды адбывалася, а другі – пра тое, што магло б адбыцца. Таму паэзія філасафічнай і сур’ёзнай гісторыі: паэзія больш гаворыць пра агульнае, гісторыя – пра адзінкавае» [2, с. 67–68]. Арыстоцель справядліва заўважыў, што навукоўца апярэчуе канкрэтнымі фактамі, а пісьменнік дадумвае гэтыя факты на аснове мастацкай ідэі, канцэпцыі, праз адзінкавае пісьменнік імкнецца выявіць усеагульнае. Істотная адметнасць мастацкага пазнання заключаецца ў канцэптуальным падыходзе і канцэптуальным абагульненні, «дадумванні». Сілай свайго таленту пісьменнік «малюнкамі», па словах рускага крытыка В.Р. Бялінскага з вядомага артыкула «Погляд на рускую літаратуру 1847 года», прымушае чытача паверыць у рэальнасць прадстаўленага ім свету [3, с. 311], стварыць іншую рэальнасць, у існаванне якой пачынае верыць чытач. Пісьменнік пад уплывам мастацкай ідэі можа канцэптуалізаваць, ігнараваць гістарычныя факты. Для прыкладу, у Шэкспіравай «хроніцы» «Рычард III» ёсць паведамленне, што Рычард III, герцаг Ёркскі, праславіў сябе ў бітве пры Сент-Албане. На самай справе герцагу Ёркскаму тады было толькі два гады, але Шэкспіру хацеў падкрэсліць бліскучы пачатак палітычнай кар’еры гэтай асобы і яе бясслаўнае завяршэнне. Распаўсюджаная пісьменніцкая практыка – парушэнне жыццёвай праўды дзеля праўды мастацкай. Так, у хрэстаматыйным вершы «Слуцкія ткачыкі» Максіма Багдановіча, гераіні якога ткуць «залатыя паясы», хаця насамрэч у персіярыях працавалі мужчыны. Пісьменнік можа метафарызаваць з’явы і гістарычных асоб. У кнізе «Шляхціц Завальня» Яна Баршчэўскага імператрыца Кацярына II прадстае ў абліччы белай сарокі. Праз вобраз белай сарокі падкрэслівалася неардынарнасць імператрыцы і яе згубная для суайчыннікаў Баршчэўскага палітычная дзейнасць (сарока ў беларускім фальклоры – птушка, якая або робіць зло, або з’яўляецца спадарожніцай цёмных сіл).

Творчая індывідуальнасць пісьменніка адыгрывае надзвычай важную ролю ў мастацкім адлюстраванні рэчаіснасці. У гэтай сувязі варта спаслацца на кур’ёзны выпадак са зборнікам «Гузла». Спачатку майстры мастацкага слова і навукоўцы лічылі, што Праспэр Мерымэ толькі падрыхтаваў да выдання зборнік ілірыйскіх песень «Гузла», дзе паказваліся паўднёvasлавянскія рэаліі. Не толькі эстэтычныя вартасці, але і народазнаўчы патэнцыял зборніка атрымалі высокую ацэнку некаторых гісторыкаў XIX стагоддзя, а таксама І.В. Гётэ, А. Пушкіна, А. Міцкевіча, і толькі з цягам часу выявілася, што ілірыйскія песні – таленавітая мастацкая містыфікацыя французскага аўтара. У сапраўднасці Мерымэ не наведваў землі паўднёвых славян, меў урыўкавыя звесткі пра гісторыю і культуру гэтых народаў, але здолеў пераканаць многіх сваіх сучаснікаў у аўтахтоннасці нібыта знойдзеных ім ілірыйскіх песень.

Літаратура ў яркай, вобразнай форме ўзнаўляе з’явы рэчаіснасці. У аповесці «Дзікае паляванне караля Стаха» (1964) У. Караткевіча надзвычай пераканальна адлюстравана сацыяпалітычная сітуацыя на Беларусі другой паловы XIX стагоддзя праз паказ, напрыклад, правінцыйнага чыноўніцтва. Пракурор, суддзя і адвакат у творы надзвычай далёкія ад абароны інтарэсаў добрасумленных людзей. Агульнае ў прадстаўнікоў Феміды, паводле Караткевіча, заключаецца ў тым, што яны ігнаруюць справядлівасць, кіруюцца аднолькавымі карыслівымі памкненнямі. Іх аддаленасць ад карэннага насельніцтва падкрэслівалася моўным бар’ерам (суддзя гаворыць на рускай мове, пракурор – на польскай, адвакат-немец – на рускай мове, якую ён дрэнна засвоіў).

Мастацкім творам характэрна суб’ектыўнасць пісьменніцкай ацэнкі асоб, падзей, з’яў. Напрыклад, у канцы XX стагоддзя беларускія пісьменнікі Леанід Дайнека ў рамане «Меч князя Вячкі» і Уладзімір Арлоў ў аповесці «Дзень, калі ўпала страла» па-рознаму інтэрпрэтавалі дзейнасць полацкага князя Уладзіміра, што змагаўся з крыжакамі ў XIII стагоддзі. Для У. Арлова князь Уладзімір, або Валодша, – герой, мужны абаронца ўсходнеславянскіх зямель. Арлоў спецыяльна ў маналогу героя падкрэсліваў галоўную мэту жыцця князя: «Ён, князь Валодша, з роду Рагвалодавічаў, не пусціў і не пусціць немцаў на крывіцкія землі. Не пусціць, пакуль за ягонымі плячыма веча, а яно стаіць за яго ўжо трыццаць летаў і будзе стаяць, пакуль жывы» [4, с. 256]. Для Л. Дайнекі князь Уладзімір – прагматычны палітычны дзеяч, што жыве інтарэсамі выключна Полацкага княства, не грэбуе ісці на перамовы з ворагам і ахвяраваць інтарэсамі бліжэйшых суседзей і саюзнікаў дзеля ўласных палітычных выгод.

Пісьменнік – чалавек пэўнага часу, ён існуе ў канкрэтнай сацыякультурнай сітуацыі. Творы мастацкай літаратуры нясуць на сабе адбітак эпохі, у якую яны ствараліся. Гэтыя асаблівасці адбіваюцца ў змесце і форме літаратурных твораў. Важнае значэнне мае не толькі паказ рэчаіснасці, гістарычных асоб, але і іх пісьменніцкае ўспрыманне, у многім дэтэрмінаванае ўяўленнямі пэўнага гістарычнага часу. У якасці прыкладу можна параўнаць трактоўку беларускімі пісьменнікамі вобраза Кастуся Каліноўскага. Калі творцы 1920–1930-х гадоў акцэнтавалі бунтарны дух Каліноўскага, яго антыцарскую і антышляхецкую настроенасць, дэмакратызм (Е. Міровіч), то аўтары перыяду Вялікай Айчыннай вайны – смеласць, мужнасць, адданасць роднаму краю (П. Броўка), а ў другой палове XX стагоддзя адны пісьменнікі падкрэслівалі рэвалюцыйныя памкненні Кастуся Каліноўскага, змаганне за сацыяльную справядлівасць (А. Якімовіч, А. Куляшоў, Э. Скобелеў), а другія – гуманізм і патрыятызм (У. Караткевіч). Гістарычная з’ява падаецца ў літаратурным творы ў вобразнай форме, што надае ёй сэнсавую шматслойнасць, дапускае розныя варыянты трактоўкі дзейнасці і характару гістарычных асоб у розныя перыяды функцыянавання твора ў чытацкім асяроддзі.

Пісьменнікі могуць рэкаструяваць падзеі мінуўшчыны (творы так званай гістарычнай прозы), даваць сваю версію гістарычных падзей, з’яў мінулага. Літаратурны твор можа падштурхоўваць да фарміравання пэўных гіпотэз у сферы гісторыі, паказанае ў літаратурным творы дае матэрыял для роздуму і стымулюе навуковыя пошукі. Так, у апавяданні «Беларускі радавод» (1909) В. Ластоўскі сцвярджаў, што продкамі беларусаў былі волаты, а ў аповесці «Лабірынты» (1923) выказаў меркаванне, што беларусы, верагодна, вядуць свой радавод ад старажытных этрускаў. Менавіта беларускія пісьменнікі (С. Хурсік, М. Клімковіч) распаўсюджвалі версію змены Скарынам імені Юрый на Францыск, пераконвалі чытачоў, што ўсходнеславянскі першадрукар дзеля атрымання адукацыі ў Кракаўскім універсітэце вымушаны быў прыняць іншую веру і імя, перайсці з праваслаўя ў каталіцтва. У. Караткевіч у вершы «Таўры» (1968) выказаў думку, што таўры канчаткова не вымерлі, але зніклі як народ з прычыны страты гістарычнай памяці. Э. Скобелеў у рамане «Гефеіманскі сад» даў сваю, далёка не бяспрэчную, версію жыцця і смерці Хрыста. Скобелеў пісаў твор у часы перабудовы, калі разбураліся традыцыйныя формы жыццёўладкавання, калі частцы

савецкага грамадства рэчаіснасць канца мінулага стагоддзя бачылася выключна ў апакаліптычных фарбах, а лёс камуністычнай ідэалогіі выклікаў аналогіі з хрысціянскім вучэннем. Сацыяльная рэчаіснасць другой паловы XX стагоддзя ў рамане асацыявалася Э. Скобелевым з біблейным Гефсіманскім садам, становілася іншасказальным абазначэннем месца татальнага здрадніцтва і крывадушнасці.

У літаратурных творах нярэдка падаюцца рэдкія сведчанні гістарычнага характару, узбуджаюцца паасобныя эпізоды. Для прыкладу, у рамане «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел» (1989) В. Казько фактычна ў іншасказальнай форме раскажаў пра так званы пераходны перыяд і яго вызначальныя рысы (татальны дэфіцыт, страта ўлады камуністычнай партыяй, пераход улады ад партыйных функциянераў да чыноўнікаў, расчараванне людзей у старым ладзе жыцця і ў выніках перамен). Паказальна, на якім транспарце ў творы перамяшчаюцца прадстаўнікі былой і новай улады (парторг на матацыкле, а старшыня сельсавета на легкавіку), што і як размяркоўваюць кіраўнікі рознага рангу сярод насельніцтва ў час дэфіцыту. У аповесці «Но Пасаран» (1990) В. Казько дастаткова падрабязна абмаляваны побыт і ўяўленні падлеткаў першага пасляваеннага дзесяцігоддзя, не без іроніі пададзена барацьба з каларадскім жуком. У літаратурным творы пісьменнік можа дэталізаваць паасобныя гістарычныя факты. Для прыкладу, у створаных на пачатку XXI стагоддзя романах «Уліс з Прускі», «Расія», «Валошкі на мяжы» У. Гніламёдава расказваецца пра лёс паўднёва-заходніх беларусаў у першай палове XX стагоддзя: эміграцыю ў далёкае замежжа ў пошуках лепшай долі, спецыфіку становішча мірнага насельніцтва падчас першай сусветнай вайны, жыццё ў складзе польскай дзяржавы пасля Рыжскага мірнага дагавора, змаганне за аднаўленне нацыянальнай незалежнасці і сацыяльнай справядлівасці. Этнаграфічна-бытавыя падрабязнасці ў романах гэтага пісьменніка заслугоўваюць увагі не толькі аматараў чытання, але і спецыялістаў-гісторыкаў, паколькі аўтар шырока выкарыстоўваў мемуарныя крыніцы, вусныя сведчанні тых, хто знаходзіўся ў бежанстве ў перыяд першай сусветнай вайны, хто змагаўся за ўз'яднанне беларускіх зямель у 1920–1930-я гады.

Матэрыял, цікавы для гісторыка, утрымлівае ў сабе не абавязкова твор пра мінулае. Гэта можа быць твор, напісаны пра сучаснасць, паколькі там аўтар з рознай ступенню падрабязнасці ўзнаўляе рэаліі свайго часу. А.Я. Гурэвіч сцвярджаў, што найбольш праўдападобна падаюць гісторыю, этнаграфічна-бытавыя дэталі нейкага канкрэтнага часу пісьменнікі так званага трэцяга рада [4, с. 159]. Думка вядомага спецыяліста ў галіне вывучэння культуры патрабуе пэўнага ўдакладнення. Справа ў тым, што пісьменнікі трэцяга рада робяць стаўку на эмпірызм і фактаграфічнасць, а таленавітыя аўтары могуць праз трапныя, сэнсава ёмістыя дэталі выяўляць сутнасць часу, эпохі. Беларускі пісьменнік Кузьма Чорны адзін са сваіх романаў назваў «Пошукі будучыні». Назвай твора ён алегарычна абазначыў асноўную лінію існавання сваіх суайчыннікаў у першай палове XX стагоддзя, а зместам – выявіў іх духоўныя памкненні.

Паўнаватарны літаратурны твор – не ілюстрацыя гісторыі, не белетрызацыя гістарычных фактаў, а мастацкае даследаванне. Вайна ў творах Васіля Быкава і такіхсама пісьменнікаў-франтавікоў Віктара Астаф'ева, Канстанціна Вераб'ева, Рыгора Бакланава пададзена з гістарычна і псіхалагічнай пераканаўчасцю як кожнаімгненнае процістаянне вернасці і здрады, добра і зла, маралі і амаральнасці, праўдзівае сведчанне самапачування чалавека ў экстрэмальных умовах.

Сёння ў кантэксце далейшага развіцця беларускай дзяржаўнасці асабліваю надзённасць набывае спасціжэнне айчыннага мінулага, выяўленне механізмаў захавання лепшых набыткаў матэрыяльнай і духоўнай культуры нашых продкаў, аднаўленне гістарычнай праўды. Літаратура працягвае сваё актыўнае ўзаемадзеянне з гісторыяй.

1. Хализев, В.Е. Теория литературы : учебник / В.Е. Хализев. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2007. – 405 с.
2. Аристотель. Об искусстве поэзии / Аристотель. – М. : Гослитиздат, 1957. – 158 с.
3. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. / В.Г. Белинский. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953–1956. – Т. 10. – 1956. – 474 с.

4. Арлоў, У. Сны імператара : аповесці, апавяданні, эсэ / У. Арлоў. – Мінск : Маст. літ., 2001. – 383 с.
5. Гуревич, А.Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэзии / А.Я. Гуревич // Историческая поэтика : итоги и перспективы изучения : сб. ст.; редкол.: М.Б. Храпченко [и др.]. – М., 1986. – С. 153–167.

Падстаўленка В.Ф.

ЖАНРАВА-СТЫЛЯВАЯ СІНТЭТЫЧНАСЦЬ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗЕЙНА-РАЗГОРНУТАГА САТЫРЫЧНАГА АПАВЯДАННЯ 1920 - 30-х ГАДОЎ

У сістэме беларускай “малой” сатырычнай прозы 20-30-х гг. ХХ ст. адметнае месца займае падзейна-разгорнутае сатырычнае апавяданне. Яго стыль паказальна адлюстроўвае агульнажанравую тэндэнцыю пераходу да рэалістычна праломленага і псіхалагічна заглыбленага ўзнаўлення рэчаіснасці ў мастацкім творы.

Думаецца, не патрабуе дадатковага доказу той факт, што “сіла” камічнага апавядання ў яго жыццёвай дакладнасці і гуманістычнай накіраванасці. Пры гэтым заўважаецца цікавы момант, звязаны з тым, што ў камічных творах і творах рэалістычнага напрамку з актыўным рознаўзроўневым выкарыстаннем элементаў мастацкага смеханапаўнення (у камічным сюжэце, канфлікце, стылявых сродках і прыёмах) героі, прадстаўленыя пазакантэкстна, ізалявана, часцей за ўсё не з’яўляюцца іманентна камічнымі, а праяўляюць сваю “смехавую” сутнасць толькі ў рамках спецыфічных сітуацый. Для жанравай мадыфікацыі падзейна-разгорнутага сатырычнага апавядання даследуемага перыяду характэрна камічная тыпізацыя персанажаў шляхам завастрэння вобразаў “у форме жыццёвай праўдападобнасці” (Дз. Нікалаеў), а гэта ў сваю чаргу непасрэдна ўказвае на пэўную камбінаванасць уласна камічнага і рэалістычнага планаў у межах даследуемых жанраўтварэнняў.

Трэба адзначыць, што ў еўрапейскай літаратурнай традыцыі назіраецца “збліжэнне” жанравых структур апавядання і навелы. У гэтай сувязі мэтазгодна падкрэсліць канструктыўныя асаблівасці, якія вызначаюць спецыфіку апавядання. Сярод уласцівасцяў апошняга можна назваць падзейную разгорнутасць, апісальнасць, пераважную інертнасць фабульнага развіцця, а ў асобных выпадках назіраецца і кантамінацыя розных сюжэтных ліній, што ўказвае на прыбліжэнне жанравай мадыфікацыі апавядання па стылявых прыкметах да твораў аповесцевай будовы.

Шматжанравая “малая” проза Я. Коласа 1920-30-х гадоў была прадстаўлена і крэатыўнымі знаходкамі ў межах падзейна-разгорнутага сатырычнага апавядання, у стылі якога камізм альбо выступаў дамінантай (“Драматург і лірычны паэт”), альбо займаў адну з прыярытэтных пазіцый у сінтэтычным дыскурсе класіка (“Хаім Рыбс”, “Пракурор”, “У двары пана Тарбецкага”, “Адукацыя”, “Хатка над балотцам”). У названых творах, апрача стылявых канстантаў, уласцівых большасці прыкладаў малой празаічнай формы Я. Коласа (жыццёвасць, сюжэтнасць, псіхалагізм, аналітычнасць), адметнае месца належыць іранічнасці аповеду. Іронія дае магчымасць аўтару аб’ектыўна выявіць свае адносіны да падзей і персанажаў, і, што важна, іранічнасць аповеду выступае своеасаблівай альтэрнатывай да агульнага патэтычна-гераічнага апявання жыцця. У вышэйадзначаных апавяданнях пісьменнікам шырока практыкуецца камічны прыём дэгераізацыі, з дапамогай якога “зрываюцца маскі” з псеўдагерояў “старога” і “новага” часу: паноў, “упаўнаважаных”, паэтаў і драматургаў, горанаستاўнікаў і інш. Структурнай асаблівасцю гэтых твораў можна назваць давядзенне сітуацый да абсурднага фіналу, у выніку чаго адбываецца самавыкрыццё іманентна заганнай з’явы.

У сваю чаргу дадатковую камічнасць большасці персанажаў Я. Коласа надае пярэнасць іх характарыстыкі: спачатку пісьменнік апісвае герояў у пазітыўным (альбо негатыўным) ракурсе, абумоўленым грамадска-часавымі стэрэатыпамі, але дэталізаваная перадача інтраспектыўных працэсаў у свядомасці персанажаў і адлюстраванне вынікаў іх дзейнасці прыводзіць да ўспрымання вобразаў у камічным плане. Такім

чынам, у апавяданнях Я. Коласа паспяхова ўжываецца камічны прыём зменлівай характарыстыкі персанажаў.

Яшчэ адным важным элементам смеханапаўнення ў дадзеных творах з’яўляецца сінтэз антаганістычных моўных стыхій — грамадска-публіцыстычнага стылю і народна-гутарковай лексікі. У выніку іх супрацьстаяння сатырычна выкрываецца імкненне да механічнага, неўсвядомленага выкарыстання ідэалагічных моўных клішэ.

У прозе М. Лынькова да жанравай мадыфікацыі падзейна-разгорнутага сатырычнага апавядання набліжаюцца толькі рэалістычныя апавядальныя творы з камічнымі элементамі: “Кларнет”, “Андрэй Лятун”, “Журавель мой, журавель”. Яны ўяўляюць сабой пэўную пераходную жанравую форму паміж уласна апавяданнем і навелай. Сінтэтычны стыль адзначаных твораў камбінуецца з наступных складнікаў: інертнасць дзеяння (“Кларнет”), “мазаічнасць” фабулы (“Журавель мой, журавель”), зварот да штодзённых побытавых фактаў, “прыглушанасць” канфліктаў, філасофская глыбіня зместу, пераважная лірычная актыўнасць аўтарскага апаведу, сінтэз рамантычнага і рэалістычнага прыцыпаў мастацкага пазнання рэчаіснасці, спалучэнне аб’ектыўнай і суб’ектыўнай формаў апаведу, індывідуалізаванасць мовы герояў.

Гумарыстычнасць апавядання “Кларнет” (1928) у поўнай меры праяўляецца дзякуючы падкрэсліванню камічнага кантрасту паміж пасіўна-абыякавым стаўленнем героя да бытавой неўладкаванасці і працэсам яго трансфармацыі ў выніку з’яўлення пажаданай працы. У апавяданні “Журавель мой, журавель” (1932) выклікае цікавасць трагікамічны вобраз Аркадзя Ермалаевіча, чалавека, які ператварыў сваё жыццё ў штучнае, механічнае існаванне з прычыны фізічнай недасканаласці і маральна-духоўнай абмежаванасці. Яго жыццёвая філасофія (“не хвалявацца!”) супярэчыць самой прыродзе чалавека. Жудаснай пустэчай уяўляецца духоўны свет героя, дзе мае месца толькі адна існая прыхільнасць – любоў да лічбаў. Па гэтай прыкмеце названы вобраз тыпалагічна збліжаецца з Акакіем Башмачкіным з гогалеўскай аповесці “Шынель”.

Паміж сацыяльна-псіхалагічным апавяданнем “Андрэй Лятун” (1928) і гумарыстычнай навелай Хв. Шынклера “Загубленая грамата” (1928) таксама існуюць пэўныя агульнасці, якія дазваляюць разглядаць іх разам. Найперш адзначым самую відавочную прыкмету – агульнае месца дзеяння (чыгунку), што з’яўляецца невыпадковым фактам, бо значныя перыяды жыцця абодвух пісьменнікаў былі звязаны менавіта з ёю. Аб’ядноўвалі аўтараў і рэальныя жыццёвыя абставіны: дзякуючы падтрымцы М. Лынькова Хв. Шынклер уступіў у літаратурнае аб’яднанне “Маладняк”.

У стылі “прамяністага пісьменніка” (іменна так назваў Хв. Шынклера С. Грахоўскі) заўважаюцца асобныя рысы, уласцівыя і творчаму дыскурсу М. Лынькова: дамінаванне суб’ектыўнага апаведу, адсутнасць падрабязных партрэтных апісанняў, сюжэтна-кампазіцыйная завершанасць, увага да дэталі. Натуральна, што стыль Хв. Шынклера мае і шэраг непаўторных прыкмет: дынамізм рэалістычна пададзенага дзеяння, анекдатызм сюжэта, кампазіцыйная кантрастнасць: элегічнасць, інертнасць пралога змяняецца дынамікай наступных стылізаваных пад дэтэктыўны апавед частак.

Цікавым для аналізу момантам у навеле Хв. Шынклера стала ўключэнне літаратурных рэмінісцэнцый з твора “Прапаўшая грамата” М. Гогаля. У выніку гэтага ствараецца эфект дадатковай містычнасці і нагнятання атмасферы загадкавасці, а ўвядзенне вобразаў “праклёнашаў-вядзьмачак” у сучасныя аўтару абставіны і вытлумачэнне інтрыгі навелы будзённымі канцылярскімі недарэчнасцямі ўзмацняюць камічны эфект твора.

Мастацкім аб’ектам у апавяданнях Я. Нёманскага стала адлюстраванне чалавека “на зломе” (М. Гарэцкі), у час пераацэнкі светапогляднай пазіцыі, грамадскіх устаноў, міжасобных стасункаў і, нарэшце, самога сябе. Пры аналізе творчага дыскурсу Я. Нёманскага заўважаецца неаднароднасць, сінкрэтызм стылявых складнікаў. Аўтарам аддаецца перавага рэалістычна адноўленаму апаведу, у якім асобныя эпізоды (напрыклад, пейзажныя замалёўкі) напаяюцца рамантычна-метафарычнымі кампанентамі. Трагічнасць

займае прэпазіцыю сярод розных тыпаў ідэйна-эмацыянальнай ацэнкі ў апавяданнях Я.Нёманскага. А камізм тут выступае (пераважна) кантрастным працягам трагічнага пафасу, што і назіраецца ў апавяданнях “Рамеа і Джульета на Беларусі”, “Зварот”.

Напрыклад, антыподамі да вобразаў закаханых з апавядання “Рамеа і Джульета на Беларусі” (1923) выступаюць сатырычныя вобразы царкоўных служкаў. Апісанне апошніх ажыццяўляецца ў формах праўдападобнасці з элементамі шаржыравання. Выкрываючы заганаць святароў, аўтар ужывае, па-першае, прыёмы сатырычна-гратэскавага партрэта, па-другое, праз па-майстэрску змадэляваныя сітуацыі падкрэсліваецца камізм неадпаведнасці, прыкідвання, які вызначае ідэйную сутнасць гэтых вобразаў.

Больш складаную сістэму трагікамічных кампанентаў уяўляе сабой апісанне галоўнага героя Максіма Гукоўскага з твора “Зварот” (1925). У апавяданні даследуюцца вытокі камічна прадстаўленай грамадскай пасіўнасці і баязлівасці персанажа, дэтэрмінаваныя не столькі яго асабістымі схільнасцямі, колькі агульнай сацыяльна-класавай канфрантацыяй. Аўтар не дае прамой сатырычнай характарыстыкі Гукоўскаму, а выкарыстоўвае магчымасці адцягнутага камічнага партрэта і акцэнтуюе ўвагу на ўнутраных маналогам героя і яго алагічных паводзінах. Удала, на нашу думку, быў ужыты камічны прыём прыпадабнення “жывога нежывому” – паралель “гаспадар–яго жылло”.

Тыповасць вобразаў і абставін уласціва і сацыяльна-псіхалагічным апавяданням “Справа Віктара Лукашэвіча” (1929) і “Спатканне з васпаватым чалавекам” (1930) К.Чорнага. Грамадска-палітычная абвостранасць праблематыкі (узаемаадносінны спаконвечнай маралі і новых законаў, “сацыяльная мімікрыя”), трагічнасць пафасу і мастацка-публіцыстычная палемічнасць пералічаных твораў дапаўняецца сатырычным аспектам стылю.

Падкрэсліваючы камічную сутнасць дэмагогаў і прыстасаванцаў, К.Чорны самабытна развівае нацыянальныя традыцыі гратэскавага рэалізму. Прынамсі, на прыкладзе вышэйназваных апавяданняў аўтарам былі прадэманстраваны шырокія магчымасці бурлескных прыёмаў і сродкаў. Пры абмалёўцы сатырычных вобразаў заўважаецца свядомае скажэнне прапорцый праўдападобнасці, у выніку чаго “выпукляюцца” асобныя мастацкія дэталі (часткі цела), якія надзвычай трапна характарызуюць персанажаў (“васпаваты твар”). На бурлескнасць стылю апавяданняў таксама ўказваюць наступныя прыкметы: “мазаічны”, разрознены тып кампазіцыі, экспрэсіўнасць аповеду, уключэнне натуралістычных (заснаваных на іроікамізме) элементаў, аўтарскі крытыцызм і пазіцыя *адхілення* ад светапоглядных перакананняў сатырычных персанажаў.

Асаблівасці часу напісання апавяданняў, безумоўна, адбіліся на “балючасці” стаўлення К.Чорнага да рэчаіснасці. Гэта ў сваю чаргу прадвызначыла трагічнасць пафасу твораў, падтэкставасць камізму, “рэдукаванне смеху” (М.Бахцін) і філасофскую аналітычнасць апавяданняў класіка.

У шырокім ракурсе асвятлення праблема ўзаемасувязі і ўзаемаўплыву асобы і грамадства прадстаўлена ў сацыяльна-псіхалагічным апавяданні “Здарэнне з камісарамі” Ц.Гартнага (1929). Канцэптуальнасць твора, яго палемічнасць і аналітычны падыход да з’яў рэчаіснасці – гэтыя мастацкія асаблівасці поўнасьцю выбіваліся з агульнай спрошчана-класавай мадэлі тагачаснай літаратуры. У выніку гэтага апавяданне атрымала пазітыўную ацэнку толькі ў сучасным літаратуразнаўстве (працы А.Макарэвіча, Т.Шамякінай, М.Тычыны і інш.).

У творы Ц.Гартнага рэалістычная гісторыя прыгод камісараў прадстаўлена ў драматычным ключы з фрагментарным праяўленнем трагікамічных рыс. Нягледзячы на пэўныя стылявыя недахопы (празмерная дэталізацыя, апісальнасць, факультатыўныя для развіцця фабулы інфармацыйныя блокі), апавяданне “Здарэнне з камісарамі”

прываблівае, апрача вышэйназваных якасцяў, самабытнасцю выноў па канцэптуальна-антрапалагічных пытаннях. У прыватнасці, тут аналізуюцца ўнутраныя механізмы перараджэння асобы ў выніку трансфармацыі грамадска-палітычных абставін.

Адной з асноўных стылявых адзнак апавядання з’яўляецца іранічнасць, якая спрыяе рэалістычна дакладнаму апісанню падзей і вобразаў, а адносна апошніх выконвае яшчэ і характэрную функцыю, бо дазваляе аб’ектыўна ацаніць ідэйную сутнасць персанажаў. Думаецца, менавіта таму апісанне большасці герояў твора дапаўняецца іранічнымі аўтарскімі каментарыямі.

Важную зместава-формавую ролю ў “Здарэннях з камісарамі” адыгрывае прыём кампазіцыйнага ланцуга: апавяданне пачынаецца і заканчваецца эпізодамі здрады Парулі (жонкі камісара Юстына). Гэтыя ўрыўкі, па-першае, насычаюць твор атмасферай няшчырасці, падману, дробных інтрыг, па-другое, дадаткова раскрываюць тэму неразгаданасці дыялектыкі жыцця, дзе маюць месца самыя розныя факты. У аналізуемым апавяданні Ц.Гартнага бліскуча быў прадэманстраваны вялікі камічны патэнцыял прыёму дэгенераізацыі.

На падставе прааналізаваных прыкладаў мэтазгодна адзначыць некаторыя агульныя моманты, уласцівыя дадзенай жанравай форме. Камікаванне “ў чыстым выглядзе” ў падзейна-разгорнутым сатырычным апавяданні не назіраецца: камізм тут пераважна выступае адным са складнікаў сінкрэтычных стыляў пісьменнікаў. Адзнакай часу можна лічыць тое, што камічны бок твораў раскрываецца на фоне трагізму і драматычных падзей.

Котович Т.В.

СЦЕНОГРАФИЯ КАК ИСТОЧНИК СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ В ТЕАТРАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ

Один из известных российских театральных деятелей М. Розовский сделал очень важное для понимания сценического произведения высказывание: *«Дыра сцены космогонична, это окно во Вселенную, которой наполнено «Я» каждого отдельного человека»* [1]. Семантика данного заявления предполагает достаточно серьезную глубину, которая раскрывается не сразу и, более того, открывается часто только специалисту. На примере творчества сценографа НАДТ имени Якуба Коласа А. А. Соловьева рассмотрим процессы смыслообразования сценического произведения. Из всех оформленных им спектаклей мы выбрали два.

Вся творческая деятельность сценографа связана со сценой на ул. Замковой в Витебске. Это – традиционная сцена-коробка, а пределах которой возможен только *визуальный* эксперимент, где любая конструкция всегда будет располагаться за порталом, и контакт со зрителем будет оставаться однотипным. В условиях, когда нельзя трансформировать сцену и зрительный зал ни по объему, ни по параметрам, главными выразительными средствами художника служат цвет и свет. Как подчеркивает А. А. Соловьев, *«когда конструкция сделана, начинается живопись. Светом. Для меня очень важной была световая партитура в пространстве. Она своим ритмом создает мелодию цвета в пространстве. Это ведь как вселенная, как мир, в котором мы живем. А как это строится? Нужны определенные прожектора, на первом плане – например, белый луч, а дальше – синие тона и прочее. В театре живопись отличается от живописи на холсте. На сцене можно поставить стог сена, елки и палки, и осветить это так, что это будет золотом сверкать. На сцене необходимо создать светоносную среду, ту, в которой есть за что ухватиться лучу света. Если фактура предметов или стен ровная, там зацепиться не за что. Нужно, что при скольжении луча, пространство вибрировало. Это – вопросы оцущения материи. Я люблю, когда сцена приглушена, а работает один луч на актере. Когда ты работаешь с трагедией – а я только трагедии люблю – пространство живет в борьбе Добра и Зла. Цвет – ритм – пространство: вот формула театра. Формула сценографии. Я страшно*

люблю черный цвет, потому что это – пространство, а не собственно черный цвет. Меня упрекают, что у меня много черного, но лучше его ничего нет. Это – камертон, из которого на сцене – особенно на сцене – возникает любой цвет. А если есть свет, то другого цвета не надо даже» [2].

Наиболее интересным и концептуальным в творчестве А.А. Соловьева оказалось эстетическое сотрудничество с В.Е. Мазынским в 1970-е гг. Спектакли по произведениям В. Короткевича были оформлены под серьезным влиянием школы Д. Боровского. Данная методика разрушала принципы иллюстративной сценографии, и, приправленная местным колоритом, давала простор национальной поэтике.

Важно отметить, что не только предоставленный В. Короткевичем исторический материал и возвышенно-трагический смысл его произведений оказал влияние на постановщиков. Эстетика В. Мазынского, во многом обусловленная эстетикой А. Соловьева, сыграла свою роль в успехе спектаклей «Званы Віцебска» и «Кастусь Каліноўскі». Плотные веревки от колоколов в одном и свеча во втором стали камертоном в звуке, тональности и настроении обеих постановок. В. Короткевич с В. Мазынским предлагали определенную эстетическую программу – это был театр, адресованный интеллигенции, взывающей к знанию о своей истории, о национальных ценностях и национальных героях. В первом – идея народа, витебских горожан, их борьбы и жертвоприношения. Во втором – идея восхождения личности очень молодого героя-борца на голгофу подвига. При этом стилевые особенности воплощения этих идей связаны с благородством патины, покрывающей общую картину в раме портала, с охристыми подтеками и пятнами старины, с чуть подгоревшими краями старой рукописи на суперзанавесе и т.д. И вместе с этим спектакли задумывались как поэтико-символические в духе старых площадей и темных замков, казематов и мрачного света. Этот романтический флер короткевического настроения должен быть передан скупой и визуальной точностью. Задача для Коласовского театра того времени с его традиционным пониманием сценографии сложная. Необходим был определенного рода вброс зрителей в начало 17 в. и 60-е гг. 19 в. – вброс мгновенный и от того сам по себе исполненный глубокого драматизма, с трудным переходом в другое время для переживания событий глубоко драматических.

В «Званах Віцебска» преамбулой становится пластическая увертюра Звонаря (Б. Севко), отделяющегося в серо-охристой полотняной свитке из коричневой сетчатой стены задника. Зависая на плетеной паутине и срываясь с нее, запутываясь в ней и выпрыгивая из нее, поднимаясь все выше и выше и, наконец, резко взлетая над планшетом сцены, Звонарь приступает к созданию трагической «музыки». Зрители ее не слышат, они видят ее через испушенность пластики актера. Отрывая от плетеной стены гигантские сплетенные канаты, Звонарь собирает их все и, протягивая вверх руки, в самом центре сцены ведет «колокольный перезвон». Таким образом авторами постановки заявлен главный персонаж – колокола Витебска. Они не визуализированы, они даны символически и опосредованно, и заявлены только в самом начале сценического произведения, но дальше они как бы вмонтированы в его смысловую ткань: веревки от колокольных языков будут напоминать о вестниках восстания и знаке свободного города постоянно.

Критик В. Волчкова писала под впечатлением от сценографии этого спектакля: «Художник объединил все места действия в одной декорации – три стены, сделанные из деревянного частокола и переплетенных веревок. А необходимая по ходу спектакля смена места действия происходит за счет небольших перестановок. Например, на сцене появляются лавки, светильники, кресло архиепископа, если действие переносится в помещение. Мудреное переплетение веревок создает иллюзию и городских стен, выложенных из каменных глыб, и стен храма. Тревожный ритм рисунка веревочных переплетений – зловещий символ огромной паутины, которую плетут под мрачными сводами храмов угнетатели витебчан, символы религии – паука <...>. По ходу спектакля символическая заданность свисающих канатов резко меняется. В лирическом эпизоде

свидания Багуси и Вольхи они переплетаются как руки влюбленных, и колокола звонят нежно. А вот канаты скручиваются и висят плетью в доме архиепископа Кунцевича. В минуты тяжелых раздумий, борьбы с самим собой он попадает головой в петлю – снова возникает символ осужденности» [3].

Персонажи – участники витебского восстания, в костюмах, соответствующих общей цветовой гамме, выходят на сцену по одному с разных сторон. Сценическая площадка будет оставаться не заполненной деталями реквизита на протяжении всего спектакля. Пространство площади – это главное место действия. Принимающие в одиночку решение об участии в восстании, они сплетаются в общую массу, заполняющую всю сцену-площадь. Открытое пространство сценографа позволяет режиссеру достигать предельного обобщения в статичности массовки. Текст пьесы переносится в сценические условия не способом действия, а с помощью состояния. От актеров потребовалась огромная сосредоточенность в нерасчлененности массы на отдельных персонажей. Групповой портрет тех, кто выступили, были обезглавлены, остались в истории города. В спектакле у них нет личных биографий, есть общая судьба. И статика сценографического решения оказалась в такой ситуации простым и наилучшим решением.

С помощью световых акцентов художник выхватывает из темноты определенные эпизоды,двигающие сюжет и раскрывающие главные пружины событий. Это происходит в моменты, связанные с Иосафатом Кунцевичем (В. Кулешов), трагической личностью в истории Витебска. Убитый восставшими горожанами, он был спустя время канонизирован Ватиканом. Мрачный персонаж подан в спектакле негативно и, вместе с тем, цветовая партитура его костюмов выделена А. Соловьевым на общем фоне и подана предельно символично. Кунцевич появляется на протяжении спектакля в трех колерах: черной, белой и красной мантиях. В визуальной партитуре постановки значение их было конкретным и символизировало самый верхний драматический слой восприятия: черное явление для города, красную пролитую кровь и самого священника и горожан, белый цвет как цвет одежд священника и как знаковость церковная. В общей монохромной палитре подобные краски придавали необыкновенную выразительность и чувственную значимость всему образу, а также создавали динамическое напряжение спектакля.

Все происходящее было заключено в вытянутый вверх коричневый параллелепипед, внутри которого композиционные линии расположены квадратом по линии кулис и по рампе, а также диагоналями по планшету. Сценограф сознательно не углублял визуальное пространство сцены, чтобы, насколько это возможно задней стенкой параллелепипеда визуальное прижать массовку к рампе, что задано проблемой группового портрета. Он не использует и рассеянный свет для впечатления воздушной перспективы. По этой же причине он отказался и от разбивки планшета сцены на планы. Зрительское внимание, таким образом, всегда концентрировалось между боковыми арками портала. Как бы ни стремился взгляд в глубину, художник всегда возвращал его в пределы авансцены. Для достижения этой цели А. Соловьев отказывался даже от изначально заданной в увертюре вертикали, где используется целиком весь задник снизу до колосников. Так же, как отказывался и от центральной оси, которая была отдана в увертюре для пластической экспозиции в исполнении Б. Севко.

Сценограф и режиссер ушли от иллюстративности, т.к. не ставили задачей изображение реального места событий. Основной материальной реальностью спектакля выступало время, как выступает оно, когда рассматриваешь старые фотографии или картины старых мастеров. Сквозь мрак здесь проглядывают неожиданные – и непохожие на современные лица – лики, и внимание зрителя движется внутрь судеб. Поэтому в спектакле было так мало света. А. Соловьев всегда любил тактильную шероховатость фактур, возникающую в скользящем луче. Световые блики и пятна только подчеркивали складки одежды и блеск оружия. Четкий ритм короткевичского драматического высказывания соблюдался еще и благодаря тому, что свет вторил совокупному движению

актеров. Это было возможным еще и потому, что спектакль был элитарным, не принадлежащим к массовой культуре, а значит, нуждающимся в изысканности.

Можно ли назвать созданное сценографом в «Званах...» ожившей картинкой или художественно зримым образом спектакля? Думается, такого рода определения, столь важные для понимания задач сценографии вообще, в данном случае являются нужными, но все-таки общими и даже какими-то сторонними, находящимися где-то рядом. Даже из только описания творческого проекта А. Соловьева ясно, что идея состояла в создании визуального сгустка времени, существующего помимо участников событий, некоего энергетического статичного столба, попадая в который каждый из участников принужден исполнять определенную роль. Это – не иллюстрация, подчеркнем еще раз, и не отражение сюжета. Сценография существует поверх сюжета, она выявляет фрагмент вечности, определенный, диктующий условия попавшим в него действующим лицам.

В спектакле «Кастусь Каліноўскі» поступил с пространством по-другому. Он распахнул его целиком, разом и во все стороны. Черный кабинет и рассеянный свет создавали легкую дымку, словно какая-то взвесь времени стояла в воздухе, и цвет не проникал внутрь этого прозрачного тумана. Белый, черный, сероватый, зеленый – графическая визуальная партитура подчеркивала жесткость драматического конфликта, противостояния Калиновского (В. Кулешов) и графа Муравьева (Ф. Шмаков), внутреннего кристаллического мира главного героя. Костюмы персонажей, исторически обусловленные, немногочисленные предметы мебели – вот единственные детали, даже теряющиеся в общем мареве. Это пространство резко контрастировало с изображением на суперзанавесе, где с обугленными краями возникал размером в весь портал текст из прокламаций Калиновского. Подобная «заставка» предполагала насыщенную массовой и иллюстрацией восстания постановку.

Однако драматургический материал и режиссерский замысел состояли в том, что провести зрителей по внутреннему миру героя. В. Кулешов читал стихи Калиновского на протяжении всего спектакля. Весь его облик напоминал романтический персонаж со сложными душевными психологическими состояниями, обостренными взаимоотношениями с миром, а совсем не руководителя народного восстания. Это было принципиальным в режиссерском и актерском решении. Герой появлялся на сцене в темноте с горящей свечой в руке, и сам становился символом факела, ибо тратил свою судьбу на всеобщее освобождение. Таким образом, вся драматургическая история превращалась в ритуальный путь, путешествие героя во времени к себе самому, к своей инициации, к своему жертвоприношению. Поэтому сценическое пространство не могло иметь очертаний, а все организованные детали быта пребывали на сцене как бы намеком, очень немногословно. Время в спектакле конкретизировано определенным периодом жизни исторического персонажа, вместе с тем, оно было сугубо внутренним временем героя. При этом он был изначально задан и не эволюционировал, герой должен был осуществить свою «программу» на глазах зрителей.

Сценограф А. Соловьев в течение 1970-х гг. отдал дань актуальным в тот период природным материалам, используя возможности которых он внес в историю витебской сценографии концептуально-действенный подход. Соединив конструктивистский метод материального подбора с живописными панно на заднике сцены, художник продвигал образы, задающие тональность произведения и определяющие пластику движений актеров. Сценография А. Соловьева сосредоточила в себе формо- и структурообразование соответствующих постановок, выдвигаясь на первый план среди всех партитур сценического произведения.

1. М. Розовский. Игра с вещью. – Декоративное искусство. – 1970. – № 10. – С. 8 – 13. – С. 9.
2. Интервью с А. А. Соловьевым из архива автора статьи.
3. В. Валчкова. Звонкія струны душы. – Віцебскі рабочы. – 1976. – 29 лютага. – С. 4.

Петухов Ю.С.
КОЛЛЕКЦИЯ ТЕАТРАЛЬНЫХ ПЛАКАТОВ, АФИШ И ПРОГРАММОК
А.А. ЖИГУРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ТЕАТРАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВИТЕБСКА

Вопреки распространенному мнению, архивные фонды состоят не только из документов учреждений, организаций и предприятий. Значительную и в некотором смысле наиболее интересную часть архивных собраний составляют фонды личного происхождения, состоящие из документов, собранных деятелями политики, науки, культуры и искусства, находящимися на вершине культурной и общественной жизни своего времени. Сегодня областным госархивом принято на хранение 55 фондов личного происхождения, содержащих документы о жизни и творчестве писателей и художников, ученых и актеров, композиторов и краеведов.

В 2010–2011 гг. в фонды госархива поступил необычный, однако исключительно ценный комплекс документов – коллекция, переданная Андреем Андреевичем Жигуром. В результате работы над магистерской диссертацией, выполнения должностных обязанностей художника по рекламе Национального академического драматического театра (НАДТ) имени Якуба Коласа и просто увлечения историей и искусством А.А. Жигуром было создано уникальное собрание театральных плакатов, афиш и программ, как подготовленных им лично по роду служебной деятельности, так и обнаруженных в результате кропотливого поиска. Сегодня коллекция принята на государственное хранение в архив в составе 102 единиц хранения, включающих 203 документа за 1963 – 2011 гг.

С точки зрения видовой характеристики документов коллекция А.А. Жигура может быть структурирована следующим образом. Наиболее ценной, по нашему мнению, группой документов в ней являются плакаты к спектаклям белорусских, российских, украинских и польских театров, общей численностью 64 единицы, 39 из них – плакаты к спектаклям НАДТ имени Якуба Коласа. Также имеются плакаты к спектаклям Санкт-Петербургского академического театра комедии имени Н.П. Акимова, Драматического театра имени А. Венгерки в Белостоке, Львовского театра Леся Курбаса, Национального академического драматического театра имени М. Горького, Национального академического Большого театра оперы и балета, Гомельского городского экспериментального театра-студии «Молодежный». Данные материалы предоставляют возможность изучения истории театральной жизни Витебска и республики в целом, тематики театральных постановок, тематической компоновки спектаклей в рамках репертуара театров и др.

Вместе с тем, применительно к плакату функция исторического источника является факультативной, поскольку основная ценность этих материалов заключена в них самих как произведениях изобразительного искусства. В этом смысле украшением коллекции А.А. Жигура являются работы «Byelorussian ballet», «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Спартак» [1] известной российской художницы Е. Китаевой, а также работы «Тоска» В. Окунева, «Кармэн» Л. Гончаровой [2], «Ветрагоны» А. Слепова и А. Жигура [3] и др. В собрании имеются и плакаты, способные претендовать на роль театральных раритетов, например, «Багна» и «Званы Віцебска» А. Соловьева, «Вечар» Л. Герлаван, «Дзікае паляванне караля Стаха» В. Клименко [4].

Еще одной эстетически значимой группой документов в коллекции являются программки к спектаклям. Следует отметить, что театральная программка – еще более специфичный вид документа, чем плакат. Выполняя функцию источника по истории театра, она является также и разновидностью изобразительного искусства, которое иллюстрирует на ограниченном пространстве буклета не только особенности организационной подготовки спектакля, актерского и технического состава, занятого в нем, но и призвано передать средствами полиграфии до предела сжатую идею спектакля, его творческий и эстетический замысел. В этом смысле театральная программка, особенно

на современном этапе ее развития, является элементом художественного оформления спектакля, краткой аннотацией режиссерской идеи, переданной в руки зрителя.

Среди документов коллекции насчитывается 63 театральные программки. На наш взгляд, наиболее заслуживающими внимания среди упомянутого массива материалов являются программки к спектаклям «Вар’яцкае танга каханья», «Школа з тэатральным ухілам», «Аднакласнікі, альбо 3 Днем Птэрадактыля», «Тузы», «Только он вправе меня разбудить» [5]. Имеющиеся в собрании материалы позволяют высказать суждение о том, что в НАДТ имени Якуба Коласа сложились элементы своей традиции оформления программки к спектаклям, созданные усилиями художников и дизайнеров П. Анащенко, А. Кукурузо, С. Карейво, А. Жигура, Н. Ермоловой.

Значительной группой документов коллекции являются театральные афиши. В отличие от плакатов и программки в афише реализован принципиально иной подход к презентации материала: изобразительные средства здесь практически не используются, уступая место текстовому изложению. В этом смысле афиша имеет отношение скорее не к изобразительному искусству, а к текстовой рекламе.

Всего в составе коллекции имеется 62 афиши, которые не являются однородными по своим функциям. В их комплексе можно выделить несколько тематических и функциональных подгрупп документов. К первой подгруппе следует отнести афиши, посвященные гастроллям Белорусского государственного драматического театра имени Якуба Коласа, не содержащие, вместе с тем, никаких сведений о гастрольном репертуаре. Такие печатные материалы, по сути, являются не столько объявлением о планируемых спектаклях, сколько рекламой самого театра. В составе принятых на хранение документов имеются 2 подобные афиши, одна из которых особенно интересна: она содержит фотографии всей актерской труппы театра по состоянию на 1965 г. [6].

Ко второй подгруппе могут быть отнесены театральные афиши, посвященные конкретным постановкам. В отличие от описанных выше, они просты по оформлению и содержат только краткую информацию о планируемом спектакле. В этом стиле выполнена, например, афиша бенефиса, посвященного 65-летию творческой деятельности Ф.И. Шмакова [7], афиша к спектаклю «Дарагая Памэла Кронкі» [8].

Наиболее многочисленными среди документов данного вида являются материалы третьей подгруппы, куда отнесены месячные сводные афиши НАДТ имени Якуба Коласа, а также сводные гастрольные афиши театров, выступавших в г. Витебске на его сцене. Данный вид документов интересен не столько своим внешним видом (поскольку оформление сводных афиш, как правило, однотипно на протяжении длительного времени), сколько систематичностью подачи материала. В этом смысле эти афиши предоставляют информацию о репертуаре театра, его тематической и жанровой компоновке, популярности и периодичности исполнения тех или иных постановок и т.д. Наиболее полно в документах данного вида отражена сценическая деятельность НАДТ имени Якуба Коласа в период 2008 – 2011 гг. Особый же интерес представляет сводная афиша Белорусского государственного драматического театра имени Якуба Коласа на октябрь 1975 г., которая является своего рода юбилейной, анонсируя открытие 50-го театрального сезона [9].

Рассмотрев структуру и проанализировав основные виды документов, переданные на хранение в Государственный архив Витебской области в составе личной коллекции А.А. Жигура, можно заключить, что в ходе многолетней работы фондообразователем был собран достаточно полный, оригинальный и интересный комплекс документов, который позволяет решать на его основе разнообразные научные задачи.

Одной из таких задач может, к примеру, являться изучение истории НАДТ имени Якуба Коласа. Конечно же, на основании полиграфических материалов невозможно построение сколько-нибудь полной исторической картины, однако в определенном информационном потенциале данным документам отказать нельзя, что приобрета-

ет особенную актуальность для местных историков и краеведов в условиях, когда основной комплекс документов театра находится на хранении в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства. С другой стороны, с помощью данного комплекса документов можно изучать гастрольную деятельность в г. Витебске других театров, что позволит установить, какие спектакли представлялись ими вниманию зрителей, какие жанры и постановки пользовались особым успехом. Все это имеет, на наш взгляд, важное значение при изучении не только истории театра, но и истории повседневности. Наконец, коллекция А.А. Жигура является важным источником для проведения анализа как стилистики белорусского театрального плаката в целом, так и ее региональных особенностей, для изучения эволюции визуальных способов презентации тематического материала в конце XX – начале XXI вв.

Таким образом, коллекция, собранная молодым ученым, может быть с успехом использована в искусствоведении, истории театра, краеведении, истории городской повседневности. Она также имеет большое значение для организации экспозиционной работы, поскольку театральная полиграфия является частью изобразительного искусства и содержит эстетическую ценность. Все это делает ценность коллекции А.А. Жигура в рамках фондов Учреждения Государственный архив Витебской области необычайно высокой, а факт безвозмездной передачи личного собрания проявлением высокой творческой, научной и гражданской позиции.

1. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Фонд 2173. – Оп. 1. – Д. 75. Плакаты «Byelorussian ballet», «Лебединое озеро», «Щелкунчик», «Спартак». 1993.
2. ГАВО. Фонд 2173. – Оп. 1. – Д. 73, 74. Плакаты «Тоска», «Кармэн». 1992.
3. ГАВО. Фонд 2173. – Оп. 1. – Д. 9. Плакат и программка к спектаклю «Ветрагоны». 2009.
4. ГАВО. Фонд 2173. – Оп. 1. – Д. 18, 19, 20, 69. Плакаты к спектаклям «Багна», «Званы Віцебска», «Вечар», «Дзікае паляванне караля Стаха». 1972, 1974, 1983, 2003.
5. ГАВО. Фонд 2173. – Оп. 1. – Д. 3, 57, 58, 81. Программки к спектаклям «Вар’яцкае танга кахання», «Школа з тэатральным ухілам», «Аднакласнікі, альбо 3 Днем Птэрадактыля», «Тузы», «Только он вправе меня разбудить». 2007, 2008.
6. ГАВО. Фонд 2173. – Оп. 2. – Д. 9. Афиша к гастролям Белорусского государственного драматического театра имени Якуба Коласа на сцене Львовского театра драмы имени М. Заньковецкой. 1965.
7. ГАВО. Фонд 2173. – Оп. 1. – Д. 13. Афиша к бенефису, посвященному 90-летию со дня рождения и 65-летию творческой деятельности на сцене НАДТ имени Якуба Коласа Ф.И. Шмакова. 2007.
8. ГАВО. Фонд 2173. – Оп. 1. – Д. 51. Афиша и программка к спектаклю «Дарагая Памэла Кронкі». 2005.
9. ГАВО. Фонд 2173. – Оп. 2. – Д. 10. Сводная афиша Белорусского государственного драматического театра имени Якуба Коласа на октябрь 1975 года. 1975.

Шавлинская О.Н.

КНИГА КАК ИСТОЧНИК, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЙ СПЕЦИАЛИСТАМ-ИСТОРИКАМ ОБЛАСТНЫМИ ПУБЛИЧНЫМИ БИБЛИОТЕКАМИ

Между реально существовавшей исторической действительностью и результатом исследования ученого-историка, то есть научно-воссозданной картиной мира, стоит промежуточное звено – исторический источник. Изучение истории невозможно без четкого документального обоснования, на основании которого становится возможной конкретно-историческая реконструкция тех или иных событий.

Под историческими источниками в общем смысле понимается весь комплекс документов и предметов материальной культуры, непосредственно отразивших исторический процесс и запечатлевших отдельные факты и свершившиеся события, на основании которых воссоздается представление о той или иной исторической эпохе, выдвигаются гипотезы о причинах или последствиях, повлекших за собой те или иные исторические события [1, с. 254].

Существует ряд классификаций, предлагаемых различными авторами и опирающихся на различные признаки. Однако следует отметить, что для любой классификации характерно выделение письменных, словесно-письменных или текстовых источников к которым относятся книги.

Книга как исторический источник представляет собой интерес для большого количества читателей – школьников, студентов, любителей истории. Но наиболее ценным является ее значение для историков-специалистов, которые не только анализируют изложенные в источнике факты, но и делают на их основании выводы, строят гипотезы, расширяя границы исторического знания.

Характерной особенностью многих стран является выделение в системе библиотек специальной структурной единицы – исторической библиотеки. Среди них можно назвать Государственную публичную историческую библиотеку России или Национальную историческую библиотеку Украины. Для Беларуси не характерно выделение исторической библиотеки как отдельного института, поэтому работой со специалистами-историками занимаются публичные библиотеки в целом и областные публичные библиотеки в частности, как центры не только широко исторической, но и более узкой краеведческой информации.

Вообще, среди специалистов-историков, являющихся пользователями публичных библиотек, особо можно выделить работников исторических музеев, преподавателей исторических дисциплин школ и вузов, аспирантов и соискателей исторических специальностей. Все вышеназванные категории пользователей являются непосредственными участниками процесса непрерывного образования в таких его проявлениях как повышение квалификации или последипломное образование. И сотрудники публичной библиотеки, как института, предоставляющего доступ к необходимой исторической информации, должны обращать внимание на некоторые специфические особенности книги как исторического источника.

Во-первых, книга как носитель исторической информации не является объективным отражателем событий, она дает лишь ту информацию, которую в ней ищет историк и отвечает лишь на те вопросы, которые историк ставит перед собой. Информация, найденная специалистом посредством библиотеки, в целом зависит от характера поиска и поискового запроса историка-пользователя библиотеки [2, с.12]. Поэтому именно касаясь исторических источников, в публичной библиотеке целесообразно ведение хронологических картотек изданий и статей, а также тематических рубрик, посвященных основным историческим событиям. Кроме того, библиотекарь должен, в случае необходимости, помочь пользователю сформировать правильный запрос и, как результат, найти информацию, пригодную для изучения и сравнения. Только в таком случае найденная историческая информация будет не только донесена до своего пользователя, но и эффективно использована им в полной мере.

Во-вторых, следует обратить внимание, что источник не является объективным отражателем истории потому, что он передает события через мировосприятия автора, его создавшего. Это обстоятельство имеет важное значение, так как то или иное понимание картины мира, существующее в сознании создателя источника, так или иначе воздействует на те данные, которые он фиксирует [2, с. 13]. Поэтому, историк, придерживающийся определенной научной концепции, разрабатывающий определенную тему и проведший предварительный сравнительный источниковедческий анализ должен в большей мере придерживаться работ других историков, работающих в выбранном направлении. Помощь и участие библиотекаря в данном случае заключается в знании темы, разрабатываемой историком, в анализе выдаваемой литературы через анализ формуляров или электронные записей, в осуществлении поиска полных текстов оцифрованных книг в базах данных по заданной тематике.

Произведения, которые люди создают в процессе осознанной целенаправленной деятельности, представляют определенный интерес – научный или художественный – для своих современников. Эти же источники несут ценную информацию о тех людях и о том времени, когда они создавались, последующим поколениям. Таким образом, источник, не обладающий ярко выраженной научно-исторической направленностью, со

временем приобретает историческое значение и несет исторически ценную информацию. При извлечении такой информации из источника, говорят об интерпретации источника, его анализе и оценке достоверности.

Как правило, специалисты-историки хорошо владеют навыками данных этапов работы с источником. Однако, для получения доступа к источнику с целью последующей работы с ним, пользователь должен знать о его существовании. Поэтому особое внимание с этой точки зрения должно уделяться библиотекой созданию грамотного и полноценного поискового образа документа – написанию аннотации, работе с ключевыми словами, проставлению соответствующего индекса документа. В таком случае историк обратит внимание на наличие необходимого документа, будет иметь возможность работать с ним, а также использовать полученную историческую информацию в повышении своего образовательного уровня и дальнейшей разработке выбранной темы.

Кроме того, не менее важными для исторического исследования зачастую бывают законодательные акты, статистические источники, делопроизводственная документация государственных учреждений и общественных организаций, материалы планирования народного хозяйства, судебно-следственные материалы, дипломатические документы, периодическая печать, мемуары. Значительная часть этих источников также предоставляется историку публичной библиотекой.

И, наконец, нельзя не уделить внимания такой важной особенности публичной библиотеки как наличию в ее структуре краеведческого отдела или сектора. Именно данное подразделение является источником узкоспециализированной краеведческой литературы, посвященной истории края, которая будет интересна для историков области и региона. Краеведческая деятельность областных публичных библиотек касается как работе с книгами в традиционной форме, так и ведению полнотекстовых баз данных, в том числе и баз оцифрованных исторически значимых книг. Так, в числе подобных проектов можно назвать комбинированную базу данных «Прыдзвінскі край: гісторыя і сучаснасць», электронную коллекцию «Витебщина: документальное наследие», базу данных «Памяць Віцебшчыны», генерируемый Витебской областной библиотекой им. В. И. Ленина[3].

Таким образом, публичные областные библиотеки выступают важным звеном в предоставлении необходимых исторических источников для специалистов. Библиотеки оказывают помощь в поиске необходимых источников, осуществляют комплектование фондов документами, важными для истории региона, создают полноценный поисковый образ документа, позволяющий выделить его из документного массива. Иными словами, можно сказать, что книга как исторический источник является неотъемлемым компонентом исторического исследования, в то время как публичная библиотека является важным звеном в процессе организации этого исследования.

1. Блок, М. Апология истории / М. Блок. – М., 2003. – С. 548.
2. Медушевская, О. М. Источниковедение : теория, история, метод / О. М. Медушевская. – М., 2007. – 98 с.
3. <http://vlib.by/>

Рева Л.Г.

ЛІТЕРАТУРНО-ХУДОЖНЯ ПЕРІОДИКА – ВАЖЛИВЕ ДЖРЕЛО КРАЄЗНАВСТВА

Літературне краєзнавство в Україні почало розвиватися з виникненням літературно-художньої періодики. В ХІХ – на початку ХХ ст. в галузі літературного краєзнавства працювали відомі діячі, Д. Бантиш-Каменський, М. Максимович, І. Вагилевич, М. Шашкевич, І. Франко, М. Комаров, В. Модзалевський, О. Левицький, М. Сумцов та ін. Досліджували журналістику в ХХ ст. О. Дей, В. Здорова та інші.

Перша літературна газета в Україні — «Харьковские известия» (1817). У Харкові почали виходити перші українські журнали: «Украинский вестник» (1816–1819), «Харь-

ковський Демокрит» (1816), «Украинский журнал» (1824–1825). В 30–40 рр. XIX ст. тут були видані перші в Україні альманахи: «Украинский альманах» (1831), «Утренняя звезда» (1833), «Украинский сборник» (1838, 1841), «Ластівка» (1841), «Молодик» (1843 – 1844) та ін. На їх шпальтах значне місце посідали твори української художньої літератури, критичні та краєзнавчі матеріали, бібліографічні списки нових видань. Основне завдання видавці вбачали в тому, щоб давати правильне уявлення про тутешній край і сприяти по змозі успіхам освіти (Украинский вестник. – 1818. – Окт. – С. 124).

В розвитку краєзнавства значну роль відіграли “Губернские ведомости” (1838 – 1917) – офіційні урядові місцеві газети.

Після реформи 1861 р. настає новий етап і в розвитку української літератури, пов’язаний з виходом журналу «Основа» (СпБ., 1861–1862), газети «Черниговский листок» (1861–1863), редагований Л.І. Глібовим. та кількох поодиноких альманахів і часописів. «Основа» виходила двома мовами. В її керівництві були В.М. Білозерський, П.О. Куліш, М.І. Костомаров. Видавці «Основи» об’єднали навколо себе багатьох письменників – Т.Г. Шевченка, Марка Вовчка, Л.І. Глібова, С.В. Руданського, П.О. Куліша, М.І. Костомарова та ін. Значення «Основи» – неоціненне. На її сторінках читач знайшов чимало цінних публікацій Т. Шевченка, Марка Вовчка... В журналі друкувалося багато рецензій, статей, що популяризували творчість українських та російських письменників, літературних критиків, «Библиографический указатель галицко-русской литературы» В.І. Межова, а також перша бібліографія Г.С. Сковороди, складена Г.П. Данилевським, та інші бібліографічні матеріали [1].

Посилення реакції після реформи, указ 1863 р. про заборону українських видань припинили вихід періодики на Наддніпрянській Україні. Письменники звертаються до галицьких видань. В 70–80-х роках XIX ст. зароджується національна журналістика на Заході України. За невтомної діяльності І.Я. Франка (як редактора і видавця) та його соратників тут виходять журнали і збірники «Друг», «Громадський друг», «Дзвін», «Молот», «Світ», «Народ», «Зоря», «Жите і слово», «Літературно-науковий вісник» та ін. І.Франко упорядкував низку бібліографічних праць. Йому належить покажчик змісту часопису «Правда» за 1867 – 1883 [2]. Вчений уклав короткий бібліографічний реєстр творів С.В. Руданського (Зоря. – 1886. – №6. С.95 – 96; №7. – С. 120), що доповнив список покажчика, укладеного М.Ф. Комаровим, збірник доповнень до «Галицько-руської бібліографії» І.О. Левицького, який, на жаль, не був опублікований [3].

В часи, коли можливість розвитку української культури стояла під знаком запитання, спільними зусиллями наддніпрянських і галицьких українців створюється у Львові Товариство імені Тараса Шевченка (1873 –1939), з 1892 – Наукове товариство імені Шевченка (НТШ). Археологічна комісія НТШ видає дві спеціальні серії – «Жерела до історії України-Руси» і «Пам’ятки українсько-руської мови і літератури» – куди входило видання пам’яток літописних, історико-літературних, історико-статистичних і історико-етнографічних. Етнографічна комісія НТШ за ініціативи М. Грушевського заснувала «Етнографічний збірник» (вийшло 40 томів). Багатолітнім редактором збірника був В. Гнатюк. Етнографічна комісія видавала також «Матеріали до українсько-руської етнології», перші випуски яких вийшли за ініціативи і за редакцією Ф. Вовка – видатного етнологіста і антрополога. Всього вийшло 22 томи «Матеріалів». В цій серії була надрукована чотиритомна монографія В. Шухевича «Гуцульщина», «Мелодії українських народних дум» Ф. Колесси, «Гаївки» В. Гнатюка та інші матеріали.

«Літературно-науковий вісник» – перший всеукраїнський літературно-науковий і громадсько-політичний щомісячний журнал. Заснований 1898 р. Науковим товариством імені Шевченка у Львові замість журналу «Зоря» з нагоди 100-літнього ювілею нової української літератури. 1898 – 1906 рр. – виходив у Львові. Провідна роль у редакції належала М. Грушевському, І. Франкові, О. Маковою, В. Гнатюку. 1907 – 1914 рр. – журнал видавався у Києві. До 1910 р. мав дві редакції: київську – редактор М. Грушевсь-

кий, і львівську – редактор В. Гнатюк. 1922 – 1930 рр. – журнал знову виходив у Львові. З 1933 під назвою «Вісник», редактор – Д. Донцов. 1948 – 1949 рр. побачили світ два номери відновленого журналу, надруковані в Регенсбурзі та Мюнхені [4]. Редакційна політика журналу була скерована на осмислення самобутності української нації. Велика увага приділялася осмисленню літературного процесу в українському суспільстві. Цей процес розглядався як важливий чинник формування національної свідомості. Публікувалися статті та матеріали з соціогуманітарних дисциплін, у тому числі з етнографії, етнології, фольклористики, краєзнавства. Усього вийшло 109 томів «Літературно-наукового вісника» в 316 поодиноких, 17 подвійних та 3 потрійних книжках [5].

Розглядаючи літературно-художню періодику, ми не можемо забувати і про часописи інших галузей знання, зокрема «Труды Киевской Духовной Академии» (далі – ТКДА). Журнал щомісяця виходив на теренах України впродовж 57-ми років – з 1860 до 1917 р., і відіграв важливу сторінку в історії розвитку української філософської думки, культури, журналістики. Ми вважаємо, що ігнорувати цей часопис, розглядаючи розвиток історії народу, держави, літератури, журналістики ми не маємо права. Повний комплект журналу зберігся в Національній бібліотеці України ім. В.І. Вернадського НАН України [6].

Після заснування Київського університету 1834 р. поживляється літературне життя в Києві. «Киевская старина» – перший в Україні багатoproфільний історичний журнал, який виходив у Києві з 1882 до 1906 рр. Був заснований з ініціативи Київської Громади. Від 1907 р. журнал друкувався українською мовою під назвою «Україна». 31 липня 1898 р. київській цензурі було надано право самостійно вирішувати долю своїх рукописів. Цього ж року було засновано українську друкарню, а 1899 р. – українську книгарню. Журнал «Киевская старина», завдяки старанням київського губернатора М. Драгомирова, став осередком українського просвітницького руху [7].

Певну роль в розвитку літературного краєзнавства відіграли журнали «Рідний край», «Южные записки» та ін.

В складних умовах післяреволюційних, соціальних та національних катаклізмів бурхливе, часом яскраве літературно-мистецьке життя відзначалося спонтанністю, строкатістю і суперечливістю. Літератори зосереджувалися навколо своїх переважно недовготривалих часописів та альманахів [8]. Активізувалася українська преса: газети видавалися не лише в губернських центрах, а й в повітових осередках: "Наше минуле" (Київ, 1918 – 1919 рр.) за редакцією В.Королева-Старого, пізніше М.Зерова; "Літературно-критичний альманах" (1918), "Шлях" (1917–1918) за редакцією М.Шаповала й О.Мицюка. Якщо в 1917 р. в Україні діяло 106 друкованих видань, то в 1918 р. – 212. Українська періодика буйно розквітла «над прахом царських хоругв» [9].

Першим спеціалізованим виданням української критики та бібліографії став часопис "Книгар": Літопис українського письменства (1917 – 1919), за ред. В.Королева-Старого й М.Зерова. У передмові від редколегії до останнього номера за 1918 р. (ч.16), говориться: "Тепер, коли підходить момент для загального миру... ми хочемо вірити, що невикористана духовна сила України виявить всю свою енергію на утворення своїх національних скарбів... Ми віримо, що тільки високо поставлена культура національна, може, навіть більш, як дипломатичні хитрування, виведе народ на певний шлях до щастя і зміцнить головні підвалини державного життя України" [10].

Виходять журнали й альманахи різних літературних організацій – «Плуг» (1922–1932), «Гарт» (1927 – 1932), «Молодняк» (1927–1937), «Ілюстровані щотижневики «Червоний перець» (1922, 1927–1934), «Глобус» (1923–1935) – та ін. В Одесі видаються журнали «Шквал», «Металеві дні», в Донецьку – «Забой», в Дніпропетровську – «Зоря». На чолі української журналістики стояв «Червоний шлях» (1923 – 1936), в якому з питань краєзнавства надруковано ряд статей: Дубняк К. Що таке краєзнавство // Червоний шлях. – 1925. – № 6/7. – С. 224–237; Каспярівич М. Білоруське краєзнавство // Червоний шлях. – 1928. – № 7. – С. 160–178; Федоровський О. Краєзнавча робота в

Харкові і на Слобожанщині // Червоний шлях. – 1923. – № 3. – С. 187–194; Ковалівський А. Етнографія та етнологія // Червоний шлях. – 1925. – № 10. – С. 127–131 та інших числах журналу. Журнал згуртував навколо себе людей, небайдужих до долі нації та її культури [11].

Важливу роль у розвитку української літератури радянського періоду відіграв щомісячник «Життя й революція» (1925–1934) [12].

Особливу роль в розвитку літературознавчої наукової періодики відіграли періодичні часописи новоствореної Української Академії наук. Комісія давнього українського письменства мала своє видання “Пам’ятки мови та письменства давньої України” як окрему серію “Збірника Історико-філологічного Відділу ВУАН”. Протягом звітнього часу вийшов 1-ий том “Пам’яток”.

Активно працював професор В.І. Барвінок – історик, штатний співробітник Історико-філологічного відділу з окремих наукових доручень (з 1919 р.), нештатний постійний співробітник академічної бібліотеки в Михайлівському монастирі (1923). Він описував стародруки київських книгозбірень, пізніше Щекавицької та Андріївської церков. Разом з тим він допомагав осліпшому акад. М.І. Петрову писати розвідки, який, незважаючи на сліпоту, працював в царині історії давнього українського письменства. Як свідчать протоколи засідань, члени Комісії проводили велику пошукову, наукову та організаційно-методичну роботу [13].

Український літературний процес першої половини ХХ ст. не можна уявити без часопису «Радянське літературознавство». 1938 р. у видавництві Академії наук України Інститутом літератури імені Тараса Шевченка було започатковано цей часопис. «Радянське літературознавство» – перше академічне видання літературознавчих праць, було задумане як серія тематичних збірників, присвячених висвітленню певних літературних постатей, проблем чи явищ [14]. За період до 1957 р. (з перервою в 1941–1946 рр.) здійснено 19 випусків. Відповідальними редакторами першої – четвертої та п’ятої–шостої книжок були І.Стебун, А.Велічков, Д.Копиця. Починаючи з сьомої–восьмої книги (1947) – незмінним головою редколегії та відповідальним редактором став директор Інституту літератури акад. О. Білецький. Новий етап своєї історії журнал розпочав ще до зміни назви у 1990 р. на «Слово і час». Чіткою була позиція журналу: відмовою від «занауковлених» статей, зростанням інформаційних, документальних матеріалів, а також в актуальному питанні про традиційні й модерні, методологічні та інтерпретаційні підходи, засвоєння новітніх зарубіжних естетико-філософських систем та методик. У січні 2000 р. «Слово і час» відзначав свій ювілей, підбивши підсумки десятирічної діяльності [15].

Журнал «Краєзнавство» – друкований орган Українського комітету краєзнавства. Видавався у 1927 – 1930 рр. Видання цього часопису мало велике значення для членів краєзнавчих гуртків і товариств. До складу редколегії входили вчені та діячі краєзнавчого руху В. Геринович, К. Дубняк, Д. Зайцев, П. Ковалівський, С. Рудницький, О. Яната. Відповідальним редактором протягом усього існування журналу був М. Криворотченко. За браком коштів часопис виходив нерегулярно: усього побачило світ 28 номерів, об’єднаних в 11 випусків. Однак, на початку 1930-х років вітчизняні краєзнавці були піддані масовим репресіям, єдиною провиною яких була любов до рідної землі. Більшість краєзнавчих товариств ліквідовані. Журнал “Краєзнавство” 1930 р. припинив своє існування. Лише в другій половині 1950-х років почалося поступове відновлення краєзнавчого руху в Україні, почалися створюватися народні музеї і музейні кімнати. Важливим етапом у розгортанні історико-краєзнавчих досліджень було видання в 1960-х – 70-х роках 26-томної “Історії міст і сіл Української РСР”. До її підготовки були залучені бібліотекарі, вчителі та інші представники інтелігенції (понад 100 тисяч місцевих авторів). 1990 р. розпочала діяльність Всеукраїнська Спілка краєзнавців – правонаступниця репресованого в 1930-ті роки Українського комітету

краєзнавства. 2008 р. вона реорганізована в Національну Спілку краєзнавців України. З 1993 р. відроджений журнал "Краєзнавство", що отримав статус наукового. Виходить ряд місцевих періодичних видань – газет, журналів, альманахів, збірників.

В 1990-х роках виходять історико-краєзнавчі, етнографічні журнали «Берегиня», «Родовід». Перед журналом були поставлені завдання продовжувати досліджувати історію того чи іншого краю, окремого населеного пункту, пам'яток історії та культури, життєписів видатних політичних, державних діячів, письменників, митців та інших видатних особистостей, життєвий та творчий шлях яких пов'язаний з даним краєм [16]. Головний редактор журналу – Петро Тимофійович Тронько. Учений-історик, голова редакційної колегії 26-томної "Історії міст і сіл Української РСР" державний і громадський діяч, академік Національної академії наук України (1978), заслужений діяч науки і техніки України (1990), лауреат Державної премії СРСР (1976), Герой України (2000). На жаль, 13 вересня 2011 р. його серце зупинилося.

З цікавістю читаються матеріали, вміщені в рубриці «Кримознавство в системі української історичної науки». Багато пізнавального несуть статті, опубліковані в рубриці «Літопис українського краєзнавства», зокрема, «Історико-краєзнавчі дослідження в Харківському університеті» (кінець XIX – початок XX ст.) О. Кошаби, «Наукові засади національного географічного краєзнавства» та «Краєзнавча діяльність української діаспори у вивченні Волині», написані відомим краєзнавцем, професором М. Кострицею [17].

У травні 1996 р. було засновано щомісячник «Вісник Книжкових палати» – друкований орган Національної Книжкової палати України ім. І. Федорова. На його сторінках висвітлюються питання стандартизації у галузі видавничої та бібліотечної справи, публікуються історичні розвідки про відомих діячів книги. Подається інформація про діяльність бібліотек, видавництв, огляди міжнародних та вітчизняних книжкових ярмарок, відомості про читацькі конференції, презентації книг. Надає гідну увагу журнал і краєзнавчим проблемам. Для прикладу назвемо декілька: Макарова М. Нові джерела до історії книжкової справи на Правобережній та Західній Україні у XVIII ст. (2006. – № 8. – С. 38 – 39); Рева Л. Він жив і творив на Чернігівщині: До портрета Лазаря Барановича (2007. – № 11. – С. 29–33); Рева Л. Велика Волинь на вістрі часу (2008. – № 3. – С. 48–51); Сендульська Т., Заславець Г. Буковина туристична. Мовою книги (2007. – № 10. – С. 52) та ін.

1. Рева Н.М. Рекомендаційна бібліографія художньої літератури і літературознавства на Україні: Навч. посібник. – К.: Вища шк., 1992. – 195 с.
2. Франко І. Правда. Письмо наукове і літературне. Від 1867 р. // Правда: Літ. зб. [В доповнення 13-го річника часопису «Правда»]. – 1884. – С. 273 – 315.
3. Рева Н.М. Бібліографія української художньої літератури та літературознавства. – К.: Вища шк., 1979. – 232 с.
4. Історія української дожовтневої журналістики. – Львів, 1983; Історія української літератури. — К., 1988.
5. Показчик змісту «Літературно-наукового вістника»: Тт.1. – XX (1898–1902). – Львів, 1903; «Літературно-науковий вістник»: Показчик змісту: Т. 1–109–(1898–1932). – К. – Нью-Йорк, 2000; Ясь О.В. «Літературно-науковий вістник»// Енциклопедія історії України. –Т.6. – С. 233 – 237.
6. Бойко А. Тіні забутих часописів: «Труды Киевской Духовной Академии» (1860—1917): До 150-річчя заснування // Львівська національна наукова бібліотека України імені В. Стефаніка: Історія і сучасність: доп. та повідомлення Міжнар. наук. конф., Львів, 28–30 жовт., 2010 р. / Відп. ред. М.М. Романюк. –Львів, 2010. –С.517–521. – [624 с.].
7. Рева Л.Г. Михайло Іванович Драгомиров: штрихи до портрета // Військова та культурно-освітня спадщина генерала М.І. Драгомирова: Збірник наук. публікацій: Вип. II / Матеріали конф., присвяч. 180-річчю з дня народж. генерала М.І. Драгомирова; Конотоп. міський краєзнав. музей ім. О.М. Лазаревського (Конотоп, 18 листопада, 2010 р.). – Конотоп: Поліграф. центр "Олімп", 2010. –[112 с.]. – С.90–94 [Листування М.І. Драгомирова з Д.І. Багалієм].
8. Рева Л.Г. Культурно-освітні процеси в Українській державі // Студії з архівної справи та документознавства. — К., 1999. — Т. 5 : Матеріали II Міжнародної наукової конференції "Гетьман Павло Скоропадський та Українська Держава 1918 року. – С. 129 – 132.
9. Рильський М. Збір. тв.: У 20 т. – К., 1984. – Т.4. – С. 220.
10. [Від редколегії]. Передмова // Книгар. –1918. – Ч.16. – С. 938.
11. Рева Л. Бібліографія часопису як дзеркало епохи // Слово і час. – 2005. – № 8. – С. 81 – 83: Рец. на кн.: "Червоний шлях", 1923 – 1936 : сист. показч. змісту / М-во культури і мистецтв України, Нац. парлам. б-ка України; упоряд. Лошинська Н. В. – К., 2003. – 215 с.
12. Життя й революція: 1925 —1934: Системат. показч. змісту /Укл.: Рева Н.М. – Львів, : Львів.наук. б-ка, 1970 – 162 с.

13. Рева Л. Роль В.І. Барвінка в бібліографуванні церковно-слов'янських стародруків // Четверті бібліографічні студії, присвячені 120-річчю Михайла Ясинського [текст] / Держ. заклад "Харківська держ. наук. б-ка ім. В.Г. Короленка"; [уклад. Т.О. Сосновська, В.О. Ярошик]. – Х., 2009. – 125 с. – [100 – 103].
14. Скулейко Л., Дончик В. Наукова періодика: «Радянське літературознавство», «Слово і час» // Інститут літератури ім. Т.Г. Шевченка НАН України: 1926 – 2001: Сторінки історії. 75. – К.: Наук. думка, 2003. – 589 с.: іл. – [С.433].
15. Рева Л. [Вітальне слово : до виходу в світ 500-го ювіл. номеру "Слова і час"] // Слово і час. – № 8. – 2002. – С. 24. – (Слово нашим шанувальникам).
16. Прокопчук В.С. Шкільне краєзнавство: Навч. посібник. – К.: Кондор, 2011. – 338 с.
17. Рева Л. Регіональні джерела літературної біографіки (на прикладі Великої Волині – Житомирщини) // Краєзнавство: Наук. журнал. – №2.– 2011. – С.306 – 320.

Лякишева С.И.

УСАДЕБНЫЕ БИБЛИОТЕКИ КАК ЗНАЧИМЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Какой бы разноплановой ни была классификация исторических источников, для глубокого и всестороннего изучения любой области знаний необходимо обращение к книге. Большую историческую ценность представляют фонды усадебных библиотек. После революции книги из помещичьих усадеб ждала самая разная судьба: часть сжигалась, когда уничтожались усадьбы, часть разворовывалась в суматохе исторических преобразований, часть национализировалась, часть увозилась за границу. На их сохранение был направлен Декрет Совнаркома «О национализации библиотек и книгохранилищ, книжных складов и книг вообще». Теперь практически каждая крупная библиотека, в том числе, учебных заведений, содержит частичные или полные фонды дворянских библиотек. Например, в России в Тульской областной библиотеке размещены свыше 30 личных коллекций из усадебных библиотек, в том числе, 30 тысяч книг одного только помещика села Петровское Новосильского уезда Н.П. Горбова, автора учебников по русской истории и народному образованию. В Орловской областной библиотеке хранятся книжные собрания дворян Орловской губернии – Скарятиных, Куракиных, Голицыных, Лопухиных... Каждая книга владельческой библиотеки может служить серьезным историческим источником для изучения определенной темы, поскольку усадебные книги собирались в период формирования мировоззрения целой эпохи. К XVIII веку с важными преобразованиями в стране в области политики, культуры и просвещения сложились наиболее благоприятные условия для развития книжной культуры. У владельцев усадеб появилась возможность обустраивать библиотеки по европейскому образцу: для значительного собрания книг в доме выделяли отдельное помещение – библиотеку, где тщательно продумывали элементы интерьера - от книжных шкафов, письменных столов, давенпортов, бюро, конторок, секретеров, зооморфных кресел, до чернильниц из бронзы и модных глобусов. В результате усадебная библиотека с добротным внешним видом выполняла функцию интеллектуального центра в дворянском доме и отличалась фундаментальным, энциклопедическим характером. Фонды усадебных библиотек были разнообразными и качественными по составу. Рассмотрим только несколько векторных направлений их использования в качестве исторических источников.

Характерной чертой помещичьего быта второй половины XVIII - начала XIX веков являлся интерес к архитектурно-строительному делу, садоводству и ландшафтному проектированию. Современным специалистам-усадебоведам «язык» дворянских парков можно понять, обращаясь к книгам XVIII-XIX вв. Конечно, начало анализу дворянских садов и парков, с культурологической точки зрения, в конце XX века положили работы Ю.М. Лотмана [1] и Д.С. Лихачева [2], давшие описания базовых понятий. Однако «парковый язык» хозяева усадьбы чаще всего создавали с помощью мasonicких книг [3]. Они выпускались малыми тиражами, «оседали» в дворянских библиотеках, и обращаться к ним как к историческому источнику при изучении усадебных парков необходимо. Кроме того, символику усадебных парков можно «читать», изучая античные книги, к которым дворяне проявляли большой интерес. Еще Петр I, понимавший, что в основе культуры европейских народов лежит Греко-римская культурная

традиция, не жалея средств, приобретал в Европе античные статуи и устанавливал их в Петербурге, Петергофе, Москве. Приобщение дворян к произведениям античной литературы, обязательное для начала XIX века, происходило благодаря французским переводам. На русском языке основные, хрестоматийные сочинения древнегреческих и римских авторов стали доступны с первой половины XIX века, когда издание подобных произведений в России поощрялось как на языке оригинала, так и в переводе. В дворянских библиотеках находим переводы: Н.И. Гнедич - «Илиада», Квашнин-Самарин - «Энеида», А. Раич - «Георгик», И. Соснецкий - «Буколик» и «Георгик», А. Клеванов - сочинения Овидия, А. Фет - «Оды» Горация, «Сатиры» Ювенала, стихотворения Катулла, П. Голенищев-Кутузов - «Оды» Пиндара.

Ценной составной частью усадебных библиотек являются исторические разделы, обращение к которым показывает, что круг чтения владельцев усадеб отмечен феноменальным интересом к истории Отечества и разных стран. Систематическое изучение книг по этой теме способствовало расширению представлений читателей об особенностях русской истории и стран зарубежья, поэтому дворяне основательно формировали отделы исторической литературы в своих домашних библиотеках. Книжные фонды дворян (являвшихся зачастую государственными чиновниками) определялись официальным положением ее собственника. В них преобладали ведомственные, служебные издания, литература учебного характера, специальные периодические издания. Государственная служба на ответственных должностях обусловила появление в книжном собрании такой темы, как гражданское законодательство и римское право.

Ценным собранием книг по отечественной истории в России являлась библиотека А.Д. Черткова (1789-1858). Библиотека К.Н. Батюшкова в усадьбе Даниловское содержала книги по российской истории, всеобщей истории, в том числе, по истории Великой Французской революции, римской истории, китайской истории, а также книги, посвященные историческим деятелям мирового масштаба. Четвертая часть книжного состава из общего фонда в 3 тысячи книг библиотеки Межаковых в усадьбе Никольское Кадниковского уезда Вологодской губернии состояла из книг исторической тематики, среди них - Синописис, Древняя и новая история аббата Милотта, историческая сатира и анекдоты, книги о тактических правилах ведения военных действий, воинские уставы. 18-тысячная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском, размещенная в пяти залах, также имела значительный состав книг по истории России, истории Франции, античности, морскому и военному делу; в библиотеке А.С. Уварова в усадьбе Поречье Можайского уезда Московской губ., который приобретал книги преимущественно на европейских распродажах - исторические сочинения, среди них - часть редкостей: первые издания античных классиков, книги историко-археологического содержания; в фонде библиотеки В.Н. Панина - книги по юриспруденции и истории, а также отдел *Rossica*; в многочисленных библиотеках Воронцовых в Петербурге, Москве, Мошнах Киевской губ., Алушке и Одессе среди множества исторических книг есть чрезвычайно редкие - трехтомный сборник «О рабстве негров», отражающий взгляды английских аболиционистов, или - редкий даже для английских книгохранилищ журнал «Антирабский ежемесячник». Значительное место в усадебной библиотеке занимали общественно-политические и исторические журналы: «Вопросы философии и психологии», «Запросы жизни», «Городское дело», «Исторический вестник», «Русская старина», «Русский архив», «Русская мысль», журналы религиозной тематики: «Церковные ведомости», «Русский паломник», «Русское богословие», «Странник», «Церковный вестник» - все они содержат бесценный источниковедческий материал.

Изумительным источником для исторических исследований могут стать книги географического содержания, вышедшие в самостоятельный раздел дворянских библиотек. Постоянные путешествия, выезды на европейские курорты, равно как и чтение описаний путешественников, были характерны практически для всех представителей дворянского сословия, так как составляли особую часть их образа жизни. В XIX веке

последовал ряд кругосветных плаваний, начатых в 1803 году Крузенштерном и Лисянским и сопровождавшихся открытием множества островов в Тихом океане, а в 1821 году - в Антарктиде. Множество островов в Тихом океане носят фамилии дворян: Чичагова, Ермолова, Волконского, Румянцова, Лисянского, Сенявина, Римского-Корсакова, Раевского, Остен-Сакена, - их опубликованные дневники и путевые заметки также приобрелись дворянами для своих книжных собраний.

Обязательной частью фонда усадебной библиотеки с XIX века становились книги по педагогике, по истории музыки и театра. Отдел русских книг представлен в усадебной библиотеке разнообразием подразделов: математика, астрономия, физика, химия, минералогия, биологические и географические науки, медицинские, сельское хозяйство, психология и психиатрия, философия и социология – любая отрасль знаний находила отражение в фондах усадебных библиотек. Дополнительную источниковедческую ценность дворянским книгам придают записи на полях, переплетах или свободных от текста листах – хозяева книг умели работать с текстом, и важной чертой их книжной культуры являлось умение делать важные пометы в процессе работы.

Чудом уцелевшие и бережно хранящиеся в мемориальных музеях и крупных библиотеках дворянские книги готовы служить современным специалистам для новых открытий в отечественной истории.

1. Лотман, Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур/ Ю.М. Лотман // Языки культуры и проблемы переводимости. – 1974. - № 8. – С. 11-19.

2. Лихачев, Д.С. Поэзия садов к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д.С. Лихачев. – М.: «Согласие», ОАО Типография «Новости», 1998. - 356 с.

3. Подробнее : Лотарева, Д.Д. Русская усадьба и мазонство: заметки на полях / Д.Д. Лотарева // Русская усадьба: сборник общества изучения русской усадьбы. - М.: «АИРО-XX», 1996. - Вып. 2(18).- С. 64-69.

Лисов А.Г.

БЕСЕДЫ О ХУДОЖНИКЕ РОБЕРТЕ ФАЛЬКЕ ИЗ ФОНДА ЗАПИСЕЙ ОТДЕЛА УСТНОЙ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ МГУ

В нынешнем году исполняется 125 лет со дня рождения Роберта Рафаиловича Фалька (1886-1958), выдающегося российского художника, члена художественного объединения «Бубновый валет», педагога московской школы живописи. Непродолжительный промежуток его жизни лета-осени 1921 г. связан с Витебском, где Фальк преподавал в художественном училище. В течение нескольких месяцев он приобрел небольшой круг учеников, оказавшихся преданными его сторонниками и последовавшими за ним в Москву, во ВХУТЕМАС. Фальку удалось утвердить свой авторитет в условиях, когда в Витебске господствовала художественная доктрина супрематизма.

Имя Фалька не было забыто. И хотя он не избежал обвинений в формализме, подлинники ценители, коллекционеры живописи проявляли и проявляют к его произведениям огромный интерес. В советские годы творчество художника не было удостоено внимания в нашей стране. Первая и самая большая монография о нем, автором которой был Д.В. Сарабьянов, издана по-немецки в ГДР [1]. За последние годы этот существенный пробел в российском искусствоведении стал заполняться [2].

К юбилею художника нам удалось в соавторстве с московскими учеными Ю.В. Диденко и Н.А. Паньковым завершить работу по комментированию текстов бесед о Фальке с его женой А.В. Щекин-Кротовой (1910-1992), записанных В.Д. Дувакиным (1909-1982), литературоведом, доцентом МГУ, основателем кафедры научной информации в университете. Фонограммы бесед хранятся в фондах отдела устной истории научной библиотеки МГУ. Фонд звукозаписей начал систематически создаваться Дувакиным вместе с его учениками. Он составляет в настоящее время более полутора тысяч кассет, около половины из которых проведены при Дувакине [3].

Первые беседы В.Д. Дувакин начал записывать со второй половины 1960-х гг. В записях фонда представлен целый пласт русской культуры, науки, литературы, искус-

ства. Виктор Дмитриевич изучал творчество В.В. Маяковского, но созданные по инициативе и при его непосредственном участии фонодокументы далеко выходят за рамки его собственных научных интересов. С начала 1990-х гг. материалы фонды фонодокументов основанного Дувакиным отдела стали издаваться в виде комментированных текстов в тематических сборниках, фрагментами в журнальных публикациях, отдельными изданиями. Наибольший интерес вызывали у издателей беседы Дувакина с М.М. Бахтиным (дважды издававшиеся на русском (1996, 2002), а также в переводах на польский (2002) и итальянский (2008) языки. И это не считая фрагментов во многих журнальных и книжных изданиях.

Три из четырех бесед с А.В. Щекин-Кротовой были записаны в 1975 г., последняя проведена после смерти Дувакина В.Ф.Тейдер в феврале 1986 года. Идея сделать записи бесед с А.В. Щекин-Кротовой возникла у Дувакина, вероятно, в ходе общения с А.В.Азарх-Грановской, женой известного театрального режиссера, руководителя Государственного еврейского театра, сестрой третьей жены Р.Р.Фалька). Семь бесед с ней Дувакин записал ранее, в 1968-1973 годах.

А.В.Щекин-Кротова очень много сделала для сохранения творческого наследия Фалька, она способствовала и непосредственно участвовала в подготовке первой книги о Фальке, изданной в ГДР [1]. Она составила документальную и научно-справочную части этой книги. В 1960-е – 70-е гг. она работала над составлением каталогов посмертных выставок художника. Наконец, первое биографическое издание о Фальке на русском языке также подготовлено ею [4].

Мемуарные опыты А.В.Щекин-Кротовой о Фальке достаточно обширны, часть из них опубликована в виде статей, часть сохраняется в архивном фонде РГАЛИ. Первая мемуарная статья напечатана в 1966 г. Позднее ею вплоть до самой смерти в 1992 г. публиковались статьи, отражавшие разные аспекты творчества Фалька, кругу его общения [5].

Но устные беседы – совершенно иной жанр, нежели подготовленные к публикации автором тексты. В них с очевидностью присутствует личность инициатора бесед, В.Д. Дувакина. Его собственные суждения субъективны, интересы пристрастны, не всегда он оказывается в контексте высказываемых интервьюером соображений.

Субъективны, разумеется, позиции А.В. Щекин-Кротовой. Друг и соратница художника, Ангелина Васильевна она была его женой в течение последних двадцати лет его жизни с 1939 по 1958 гг. Она о многом говорит со слов Фалька, судит с его позиций, но вносит во все и свое собственное видение. В центре – личность художника, но в беседах преобладает жизненная канва, биография, отношение к творчеству братьев по цеху, его отношение к живописи.

В беседах А.В. Щекин-Кротова рассказывает о себе, об обстоятельствах знакомства с художником. В отношении мастера важнейшими оказываются биографическая канва и круг общения. В кругу творческого общения Фалька были известные художники В.А.Фаворский, А.В.Куприн, деятели литературы И.Г. Эренбург, В.Б. Шкловский, И.Л.Сельвинский, К.А. Некрасова, театра – С.М.Михоэлс, К.С.Станиславский, музыканты С.Т.Рихтер, Г.Г.Нейгауз. Многих из них Фальк писал и рисовал.

1. Sarabjanow Dmitri. Robert Falk: Miteiner Dokumentation, Briefen, Gesprachen, Lektionen des Kunstler und einer biographischen Ubersient, heraus gegeben von A.W. Stscheckin-Krotowa. Dresden: Verlag der Kunst, 1974
2. Левина Т. Роберт Фальк. М., 1996; Щекин-Кротова А.В. Мой Фальк / Публикация и сост. Ю.В.Диденко и А.Г.Эмдина. М.: НГС, 2005; Сарабянов Д.В., Диденко Ю.В. Живопись Роберта Фалька: Полный каталог произведений. М., 2006;
3. Возвышенный корабль: Виктор Дмитриевич Дувакин в воспоминаниях. М., 2009
4. Фальк Р. Р. Беседы об искусстве. Письма. Воспоминания о художнике. М., 1981
5. Щекин-Кротова А.В. Из жизни рядом с Фальком // «Московский художник» (газета), 1966, 28 октября, №42, 11 ноября, №45; Она же. Дружба с художником // Воспоминания об Илье Эренбурге. – М., 1975. - С.218-233; Щекин-Кротова А.В. Осмеркин и Фальк // Осмеркин. Размышления об искусстве. Письма. Критика. Воспоминания современников. М., 1981.- С. 268-271; Она же. Становление художника / Предисл. М.Алпатов // Новый мир, 1983, №10.- С.207-227; Она же. Люди и образы. Биографии и легенды: Из цикла «Модели Фалька» // Панорама искусств. 1985.

Вып.8. - С.194-227; Она же. Родство душ: Святослав Рихтер и Роберт Фальк // Советская музыка. 1985, №6. - С.42-44; Она же. Монолог о Фальке / Интервью; Материал подгот. И.Смирновой // Советская культура, 1989. 8 апреля. С.9; Она же. Роберт Фальк и театр. Беседы Р.Р.Фалька с Е.О.Любомирским (апрель – июнь 1945 г.) // Художник и зрелище. М., 1990; Она же. «Надо уметь слушать музыку мира» / Беседовала Н.Алиханова // Музыкальная жизнь, 1992, №4. - С.18-20.

Бяспалая М.А.

МУЗЕЙНЫЯ КАЛЕКЦЫІ – КРЫНІЦАЗНАЎЧАЯ БАЗА НАВУКОВЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ ПА АЙЧЫННАЙ ГІСТОРЫІ

Сярод прынцыпаў гістарычнай навукі адно з галоўных месцаў займаюць прынцыпы аб'ектыўнасці і даставернасці, якія прадугледжваюць і дасягаюцца праз навуковы аналіз адпаведных крыніц. Такую магчымасць, безумоўна, прадастаўляюць для даследчыкаў музейныя калекцыі, якія, нароўні з іншымі крыніцамі, удзельнічаюць у фарміраванні крыніцазнаўчай базы, ці, у пэўных выпадках, выступаюць у якасці адзінай крыніцы даследавання. Аднай з важнейшых умоў іх ужывання ў навуковай рабоце з'яўляецца іх атрыбуцыя па ўсіх правілах музейнай навукі. Выкарыстанне музейных калекцый у навуковых даследаваннях набывае дваякае значэнне, таму што дасягнутыя навуковыя вынікі першае, пашыраюць магчымасці гістарычнай навукі, па-другое, паглыбляюць існуючую музейную інфармацыю, якую можна ўжыць у экспазіцыі.

Навуковае даследаванне на падставе музейных калекцый можа быць і даследаваннем у межах гістарычнага крыніцазнаўства, якое адбываецца па законах гэтай дапаможнай гістарычнай дысцыпліны: праводзіцца аналіз прыкмет прадмета і абставін яго набывання, параўнаўчы аналіз і г.д. Такая скрупулёзная атрыбуцыя дазваляе зрабіць цікавыя навуковыя адкрыцці, і прыкладаў таму ў гістарычнай літаратуры шмат. Аднак мы ставім задачай паказаць на некалькіх прыкладах значэнне музейнай калекцыі ў раскрыцці пэўных гістарычных падзей. У якасці аб'екта даследавання мы абралі толькі дзве калекцыі з фондаў Нацыянальнага гістарычнага музея і Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны.

Да месца будзе сказаць, што айчынныя музеі захоўваюць неабсяжную колькасць найцікавых матэрыялаў, і аўтар артыкула на асабістым прыкладзе ўпэўнілася ў гэтым, калі ў фондах аднаго з рэгіянальных музеяў выпадкова адшукала дакументы аб трагічных падзеях 1949 г. у роднай вёсцы, што на Піншчыне, і якія аказалі выразны ўплыў на лёс роднай сям'і.

Адна з самых вядомых і ўнікальных калекцый музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны – калекцыя рукапісных партызанскіх часопісаў. Яе змест з'яўляецца выразным доказам таго, што працэс даследавання ніколі не можа быць завершаны, таму што кожны новы перыяд у гісторыі грамадства прадугледжвае свае падыходы да ацэнкі гістарычных падзей, вылучэння пунктаў гледжання, адпавядаючых часу, фармуліроўкі новых мэт і задач. Калекцыя налічвае 248 адзінак і складаецца з рукапісных выданняў партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі на акупіраванай тэрыторыі рэспублікі. Першыя 19 часопісаў з'явіліся ў 1942 г., асноўная частка – у 1943 г., некалькі часопісаў – у 1944 г. Безумоўна, у музейную калекцыю ўваходзяць не ўсе партызанскія часопісы, а толькі тыя, што змаглі адшукаць і захаваць супрацоўнікі. Партызанскія часопісы – гэта самаробныя, напісаныя ад рукі ці надрукаваныя на машынцы сшыткі ці альбомы рознага фармату і аб'ёму. Калекцыі рукапісных партызанскіх часопісаў быў прысвоены статус “гісторыка-культурнай каштоўнасці” катэгорыі “1” і яна ўнесена ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь.

Партызанскія рукапісныя часопісы ўжо выступалі ў якасці крыніцазнаўчай базы для даследавання беларускіх гісторыкаў. На іх аснове напісаны манаграфіі Г.Д.Кнацько “Рукапісныя выданні партызан Беларусі” – Мінск, 1979г. – 88с.; І.С.Краўчанка “Работа Кампартыі Беларусі ў тылу ворага (1941—1944)” – Мінск, 1959. – 175с.; Л.Мухарынская “Беларуская народная песня” – Мінск, 1968. – 64с. і інш... Мастацкае афармленне

часопісаў таксама стала адным з аб'ектаў вывучэння ў манаграфіі і доктарскай дысертацыі Р.Ф.Шаура “Развіццё народнага выяўленчага мастацтва Беларусі канца ХУІІ – пачатку ХХІ ст.: гісторыка-тэарэтычны аспект”.—Мінск, 2009.

Першы рукапісны мастацка-палітычны часопіс пад назваю “Народны месцівец” з’явіўся ў Магілёўскай вобласці ў лютым 1942 г. Яго выхад быў дапасаваны да чарговай гадавіны Чырвонай Арміі, аб чым сведчыць загад № 55 Народнага камісара абароны, які размешчаны на першай старонцы.

Змест партызанскіх часопісаў надзвычай разнастайны, і каштоўнасць яго якраз у тым, што ствараўся ён па гарачых слядах падзей тымі, хто прымаў у іх непасрэдны ўдзел. Існуе шмат літаратуры па пытаннях арганізацыі першых партызанскіх атрадаў, але непасрэдныя ўдзельнікі гэтага працэсу апісвалі яго, напрыклад, так: “Ад роты нас засталася 7 чалавек... Праз топкае балота мы адступілі ў лес. Сталі дзейнічаць партызанскімі метадамі... Хутка загінуў палітрук і мы, згубіўшы вопытнага таварыша, пайшлі ўразброд. Урэшце-рэшт нас засталася двое... Шлі ад вёскі да вёскі. Тут папалі ў палон. Жылі ў канцлагеры, сядзелі ў бабруйскай турме, а пасля таго, як уцяклі адтуль, тыдні з два хаваліся ў адной з вёсак. А калі пачуў пра партызан, то вырашыў пайсці да іх”. Аўтар гэтых радкоў у нумары часопіса “Чапаявец” за 10 студзеня 1943 г. ўступіў у першы бой з ворагам, маючы на ўзбраенні толькі пугаўё, ды і другія былі ўзброены хто чым.

Матэрыялы партызанскіх часопісаў пацвярджаюць факт актыўнага стварэння партызанскіх атрадаў на акупіраванай тэрыторыі рэспублікі ў пачатку 1942 г. Даследчыкі гэтай праблемы абавязкова павінны ўлічваць сацыяльна-палітычную сітуацыю таго часу і разумець, што галоўнай тэмай усіх партызанскіх часопісаў павінна была быць і была тэма аб ролі Камуністычнай партыі і камсамола ў арганізацыі і кіраўніцтве партызанскім рухам. У якасці доказу нагадаем назвы перадавых артыкулаў некаторых часопісаў “Партарганізацыя – авангард баявой дзейнасці атрада”, “Растуць рады партыйнай арганізацыі”. “Пастанова ЦК КП(б)Беларусі” і інш.

Рукапісныя часопісы могуць выступаць у якасці крыніцы і пры вывучэнні баявой дзейнасці партызан. Мы не будзем задавацца пытаннем аб праўдзівасці гэтых звестак, аднак тое, што баявая дзейнасць партызан была разнастайнай – гэта відавочна. Яны знішчалі не толькі жывую сілу праціўніка, але ажыццяўлялі дыверсіі на чыгунцы, шасэйных і грунтавых дарогах, знішчалі сувязь і інш. Са зместу часопісаў вынікае, што ў некаторых атрадах існавала своеасаблівае спаборніцтва паміж атрадамі па выніках баявой дзейнасці, а таксама Дошкі і Кнігі гонару, партрэты лепшых партызан змяшчаліся на іх старонках.

На наш погляд, рукапісныя партызанскія часопісы з’яўляюцца ці не галоўнай крыніцай пры даследаванні паўсядзённага жыцця партызан. Пачнем з галоўнай праблемы – харчавання. Падпольныя камітэты партыі разглядалі сельскагаспадарчыя работы як асноўную ўмову забеспячэння партызан прадуктамі харчавання. Напрыклад, з часопіса № 5 за 1943г. партызанскага атрада “Польмя” Мінскага злучэння можна даведацца, што партызанскае камандаванне выдзяліла групу партызан для аказання дапамогі сялянам у пасяўной, а потым і ва ўборачнай. Партызаны мелі права нарыхтоўваць па два пуды збожжа з гектара. У многіх партызанскіх часопісах можна прачытаць матэрыял аб розных відах сельскагаспадарчых работ, нават аб дажынках у адной з вёсак Пухавіцкага раёна. Разам з тым у часопісах маюцца цікавыя матэрыялы аб своеасаблівай абавязковай разнарадцы на сельскагаспадарчую прадукцыю, якую павінны былі выконваць жыхары навакольных вёсак.

Матэрыялы партызанскіх рукапісных часопісаў выразна паказваюць, што да 1943г. ў партызанскіх фарміраваннях была створана гаспадарчая сістэма, якая шмат у чым адпавядала даваеннай як па структуры так і па змесце дзейнасці.

У часопісах утрымліваюцца звесткі аб выпадках несанкцыяніраваных партызанскіх рэквізіцый сярод сялян, аб асацыяльных паводзінах асобных партызан і інш. Адначасова можна скласці ўяўленне, што з такімі ўчынкамі партызанскае камандаван-

не змагалася самымі жорсткімі мерамі аж да расстрэлу. Працытуем невялікі ўрывак з грунтоўнага артыкула, размешчанага ў часопісе “Рагачоўскі партызан” у нумары за чэрвень 1944г. і ў якім падрабязна разглядаецца харчовая праблема і шляхі яе вырашэння. На старонцы 10 адзначаецца “Склад партызанскага атрада быў неаднародны, асабліва ў 1943г., калі пачаўся масавы наплыў у партызаны, калі ў атрады сталі пранікаць не зусім стойкія людзі і былыя паліцэйскія. Сярод такіх элементаў назіраліся выпадкі марадзёрства. Пад відам гаспадарчай аперацыі такія людзі трэслі сундукі, вымагалі самага, разбуралі вулі з пчоламі, пагражалі зброяй...”.

На старонках партызанскіх часопісаў можна знайсці цікавыя матэрыялы аб паўсядзённым жыцці ў партызанскіх лагерах, аб імкненні вырашаць праблемы сваімі сіламі, аб дапамозе мясцовага насельніцтва аддзелам, харчаваннем, аб медыцынскай дапамозе ў партызанскіх атрадах, нават аб існаванні партызанскага “санаторыя” пад назваю “Ялта” ў Клічаўскай партызанскай зоне.

Змест партызанскіх часопісаў надзвычай разнастайны, і даследчык, на наш погляд, можа знайсці матэрыял па любых аспектах партызанскага руху. Напрыклад, можна даведацца, што ў партызанскія зоны засылаліся шпіёны і дыверсанты пад выглядам продажу махоркі, закупкі сельскагаспадарчай прадукцыі і г.д.; аб фактах панічных паводзін у баі, аб неразумных рашэннях і спрэчках падчас аперацый на чыгунцы, калі падымаўся крык на ўсё наваколле, і толькі- што пастаўленыя міны неўзабаве здымаліся варожымі патрулямі; аб цікавых дыскусіях па творчасці вядомых пісьменнікаў і паэтаў і ўласных літаратурных дасягненнях; аб партызанскай самадзейнасці і многім іншым.

Як адзін з доказаў таго, што магчымасці музейных фондаў далёка не вычарпаны, нагадаем нядаўні выпадак з аўтарам артыкула. Маючы навуковы інтарэс да сацыякультурнага развіцця Беларусі ў канцы XIX – пач. XX ст., мы палічылі патрэбным азнаёміцца з матэрыяламі адпаведнай тэматыкі ў фондах Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь. На здзіўленне аўтара сярод другіх заслугоўваючых увагі дакументаў захоўвалася паведамленне паліцыі, у якім паведамлялася аб адным з эпизодаў сацыяльнай барацьбы ў 60-я гады XIX ст. ў роднай вёсцы.

Але галоўная знаходка чакала ў папках, якія, як можна зразумець з надпісаў на іх, папалі ў фонды НГМ з Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці. У іх знаходзіўся матэрыял, прысвечаны ўзнікненню і дзейнасці Мінскага таварыства аматараў прыродазнаўства, этнаграфіі і археалогіі, якое было ўнесена ў рэестр аб’яднанняў і саюзаў Мінскай губерні 21 красавіка 1912 г. Аб гэтым таварыстве ёсць звесткі ў цікавым даследаванні З.В.Шыбека аб гісторыі губернскага Мінска, але матэрыялы з фондаў музея ўтрымліваюць значна багацейшыя факты аб яго дзейнасці.

Сярод іх знойдзены дакументы аб працэсе стварэння Мінскага гарадскога музея, які пачаўся ў тым жа годзе па ініцыятыве членаў азначанага таварыства. Лічым патрэбным нагадаць, што вядомы даследчык у галіне гісторыі музейнай справы А.А.Гужалоўскі ў сваіх працах упамінае аб стварэнні гарадскога музея, аднак у фондах НГМ захоўваюцца больш цікавыя матэрыялы, якія дазваляць значна абагаціць нашы веды. У выніку атрымалася, што музейныя дакументы ўтрымліваюць як бы дзве сюжэтныя лініі: таварыства і музей. Сярод іх знойдзены акт, падпісаны 21 кастрычніка 1919 г. дырэктарам Мінскага настаўніцкага інстытута У.М.Ігнатоўскім, аб здачы рэчаў музея, які дзейнічаў ў памяшканні Мінскай рэальнай школы. Навуковую каштоўнасць уяўляюць заявы гаспадыні памяшкання, у якім размяшчаўся гарадскі музей, якія даюць магчымасць дакладна вызначыць перыяд існавання музея.

З дакументаў бачна, што ў склад таварыства ўваходзілі паважаныя ў горадзе людзі – упраўляючыя казённой палаты, аддзялення банка, урачы, аграномы, прысяжныя павяраныя і інш. У пажыццёвыя члены быў абраны

Р.А. Скірмунт, сярод членаў быў І.І.Луцэвіч, ганаровымі членамі з’яўляліся губернатар Я.Е.Эрдэлі, І.І.Жылінскі.

Такім чынам, на наш погляд, відавочным з'яўляецца багаты дакументальны матэрыял, які ўтрымліваецца ў двух апісаных калекцыях і які прадстаўляе вялікія магчымасці для даследчыкаў пэўнага гістарычнага перыяду. Калі калекцыя партызанскіх рукапісных часопісаў знаходзіцца ў арбіце навуковага даследавання даўно і нават выдадзены іх каталог, то калекцыя дакументаў з фондаў Нацыянальнага гістарычнага музея фактычна не даследавана. Яе ўвядзенне ў навуковы зварот значыцца ў планах аўтара артыкула.

Стельмах А.В.

**ПОЧТОВЫЕ КАРТОЧКИ И ФОТОГРАФИИ ФИДЕЛЬМАНОВ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ЛЕПЕЛЬСКОГО РАЙОННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ г. ЛЕПЕЛЯ НАЧАЛА XX в.**

В фондах Лепельского районного краеведческого музея хранится несколько десятков работ лепельских фотографов Фидельманов. Это работы Бориса Лазаревича Фидельмана (1870–1941) и его сына – Рафаила (1904–1984). Семья Фидельманов в конце XIX–начале XX веков сделала сотни фотоснимков города, каналов, шлюзов, мостов Березинской водной системы, людей Лепеля [6].

Это почтовые карточки и фотографии периода 1900-1930-х годов. Всю данную коллекцию можно условно разделить на несколько групп. Первая группа (наиболее известная и изученная) – это почтовые карточки с видами Лепеля. Они издавались в начале XX века. В их числе: «Лепель. - Костел», «Лепель.–Преображенский собор», «Лепель.- Ново-Чашникская улица», «Лепель.–Дворянская улица» и др. Использовались почтовые карточки в то время для письма. По ним можно узнать адреса, где жили авторы писем, куда писали и пр. Все почтовые карточки на обороте имеют номер и название изображения. «Лепель.- Пушкинская улица» имеет № 171. «Лепель.- Базарная площадь» - №186. В фондах нашего музея хранится тридцать почтовых карточек с видами Лепеля. Если смотреть по номерам их должно быть гораздо больше. Последний с известных–№ 197. Отдельные почтовые карточки встречаются у коллекционеров различных стран. Но это в основном известные изображения, которых насчитывается около трех десятков, но никак около 200, если верить нумерации на почтовых карточках. Почтовые карточки позволяют сделать сравнительный анализ зданий, улиц и площадей, по изображениям на карточках можно проследить архитектурный облик города н. 20 в. В данной группе выделяются не только по тематике, но и количественно две подгруппы.

К подгруппе А, отнесем виды г. Лепеля: «Лепель.–Клуб и полиция», «Лепель.– Озерная улица», Лепель.–Пушкинская улица», «Лепель.–Мельница» и др. Сюда можно отнести фотографии источника в Боровке.

К подгруппе Б отнесем изображения Березинской водной системы. Это известные почтовые карточки: «Лепель.- Шлюз закрытый», «Лепель.–Шлюз». На одной из карточек изображен «Сплав леса через шлюз у д. Волова Гора». Это шлюз на Соединительном (Березинском) канале у д. В. Гора. Снимки на всех других известных карточках сделаны в самом городе Лепеле. Это почти единственное изображение, хранящееся у нас сделанное не в Лепеле.

Любопытны надписи на данных почтовых карточках. Они сделаны на лицевой стороне и на обороте на русском и польском языках. Есть надписи тесненные золотистыми буквами. Есть несколько карточек на которых надписи сделаны только на лицевой стороне или только на обороте. Таких карточек известно меньше.

Ко второй группе относятся фотографии жителей и гостей города сделанные Фидельманами в 1900- 1930–х гг. Это в основном постановочные снимки сделанные в фотографии Фидельмана. Сохранился снимок дома с надписью «Фотография Фидельмана» и несколько фотографий Р.Б. Фидельмана н.20 в. (КП-3121, КП-3118, НВ-1105). Эта группа

представляет интерес не только потому, что на этих фотографиях запечатлены конкретные люди. В фондах хранятся фотографии и неизвестных людей. Большинство фотографий оформлены в паспарту, хорошего качества, больших размеров. Фотографии данной группы представляют интерес как исторический источник т.к. по ним можно определить как одевались жители Лепеля 100 лет назад, какие у них были обувь, какие прически, аксессуары и пр. Особенно интересны фотографии данной группы, когда известен социальный статус изображенных на данной фотографии. Среди фотографий данной группы так же выделяется несколько подгрупп: а) это фотопортреты, которые вошли в моду еще в к. 19 века, когда возникла мода обмениваться фотографическими портретами с трогательными надписями; б) семейные фотографии, в основном мещан г. Лепеля; в) групповые фотографии служащих учреждений связи, медицины, образования. В этой группе больше всего фотографий сделаны в период с 1910 по 1925 гг. По фотографиям можно определить не только какие организации были в городе в это время, кто в них работал, как выглядела форма служащих данной организации, но и материальное положение данной группы населения (конторы связи (КП-9595), учащихся Лепельского Мариинского училища (КП-13574), преподавателей и слушателей учительских курсов в Лепеле, 1919 г. (КП-4407). Фотографии данной группы поступили в музей от частных лиц, родственники которых когда-то работали в различных организациях города. К сожалению, наши сдатчики уже часто не могут указать, кто изображен на данной фотографии.

К третьей большой группе относятся фотографии, на которых фотографы запечатлели установление и первые годы Советской власти на Лепельщине. Здесь четко выделяются две подгруппы. В подгруппу А относим фотографии митингов и демонстраций в Лепеле, начиная с «Митинга в г. Лепеле 4 апреля 1917 г.» (КП-3120). Это известная посетителям музея фотография много лет находится в экспозиции музея. Снимок сделан на Соборной площади (сейчас площадь Свободы), по-видимому, с балкона или окна здания почты (сохранилось и сейчас). Митингующие держат лозунги «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует равноправие женщин!». Фидельман так же запечатлел митинг в первую годовщину Советской власти (КП-1155) и сбор демонстрантов у здания ревкома (ныне центра детского творчества) 7 ноября 1918 г. (КП-1198). Есть фотографии различных проводимых политических мероприятий. Это и любопытные фотографии сделанные вовремя проведения агиткампании в помощь голодающим в 1921 г. Где виден лозунг «Крестьяне спешите сдавать продналог!» (КП-524). Интересно рассматривать в данном случае одежду, определять социальный, возрастной и половой статус митингующих. Среди изображенных на фотографиях много женщин, солдат, крестьян. Другая подгруппа Б это—фотографии различных заседаний уездных партийных и советских комитетов, слушателей различных курсов. В этой подгруппе в музее насчитывается достаточно большое количество снимков в процентном отношении ко всем фотографиям Фидельманов. Первые руководители Советской власти в Лепеле любили фотографироваться. На многих фотографиях 1917-1921 гг. изображены одни и те же лица. Можно определить как меняется их облик, манера одеваться. Это фотографии различных заседаний бюро уездного комитета партии, партийных конференций, заседаний уездного комитета комсомола (КП-526, КП-558, КП-3566, КП-569). На фотографии «Пятой районной конференции ЛКСМБ Лепельщины» 27-28 ноября 1926 г. половина делегатов конференции одеты в военную форму, в буденовках, что объясняется, тем что граница в это время проходила недалеко от Лепеля и район входил в пограничную зону (КП- 4580). Фотограф Б. Фидельман был хорошо знаком с партийно-советским активом Лепельского уезда первых лет Советской власти. По архивным документам известно, что его сын Залман Беркович Фидельман командировался в Москву для получения фотографических материалов [5]. Рафаил Борисович Фидельман был сотрудником Усобеза [3]. С середины 1920-х гг. фотографий данной группы становится все меньше. Появляются фотографии без паспарту и выглядят они

скромнее. Последние известные фотографии Фидельмана датируются концом 1920-х гг. Это снимки учителей школ, студентов Лепельского педагогического техникума. Благодаря этим снимкам удалось установить, что здание виноочистного склада, где тогда располагался техникум в 1929 г. было еще одноэтажным (КП-5161). Дальнейшая судьба фотографов Фидельманов неизвестна.

Фотографии Фидельмана это почти единственный известные фотографии Лепеля н. 20 в. На почти всех фотографиях Фидельмана стоит эмблема фотографии Фидельмана. Часто на обороте к паспорту приклеивалась специальный бланк с надписями «фотография Фидельмана», «г. Лепель», «негативы хранятся».

На основе фотографий сделанных фотографами Фидельманами издан набор открыток «Лепель на старых почтовых карточках». Их фотографии вошли в каталоги, использованы в книге «Память: Лепельский район» [2, с.66,68,70,89], в брошюре «Березинская водная система» [4, фот.], в буклетах и в периодической печати [1, с.25]. Эти фотографии, сохранились на музейных стендах.

1. Карлюкевич Алесь, В поисках утраченного, Советская Белоруссия № 171, 30 октября 2004 г. с.25.
2. Памяць: Лепел. р-н: Гіст.-дак.хронікі гарадоў і р-наў Беларусі/ Укл. В.Я. Ланікіна, А.У. Стэльмах: Рэдкал.: В.Я. Ланікіна і інш.; маст. Э.Э. Жакевіч.-Мн.: Беларусь, 1999.-640 с.: іл.
3. Служебная записка (доверенность) от сотруднику Усобеза 23.08.1921г. Фидельману Р.Б. на получение от Губисполкома денег, вещей, одежды, обуви, стекла для погорельцев города, (копия), КП-3116 Учреждение культуры «Лепельский районный краеведческий музей».
4. Стэльмах, А.В. Березинская водная система/А.В. Стэльмах.– Витебск: Витеб. обл. тип., 2009.- 24 с., [8] с фот.
5. Удостоверение №1173 от 01.05.1921 г. фотографу Фидельману Залману Берковичу, в том, что он командирован в Москву в комитет фото-кино для получения фотографических материалов, - (копия), КП-3314, Учреждение культуры «Лепельский районный краеведческий музей»
6. Януш І, Фотолетапіс лепяльчан // Народнае слова от 14.01.2003 г.

Давидовская О.Н.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ КОЛЛЕКЦИИ ФОТОДОКУМЕНТОВ ВИТЕБСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ (1919–1924 гг.)

Коллекция фотодокументов Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ) насчитывает более 23 тысяч фотографий (оригинальных снимков и репродукций), разнообразных по своей информационной насыщенности и назначению и охватывающих почти полутораветковой исторический период в жизни страны. В классификации музейных источников фотография рассматривается одновременно как изобразительный и вещественный источник, поскольку не только содержит информацию, зафиксированную посредством зрительного образа, но и является материальным объектом, созданным трудом человека и отражающим информацию о прошлом. Фотографии из фондовой коллекции ВОКМ постоянно используются в экспозиционной и просветительской работе музея, вызывают неизменный интерес у посетителей и исследователей. В связи с большой востребованностью этих музейных предметов становится актуальной проблема определения путей формирования коллекции фотодокументов ВОКМ.

Поступление фотографий в собрание музея осуществлялось на протяжении всего периода его существования. История пополнения коллекции может быть изучена в несколько этапов. В данном исследовании проведена попытка определить пути формирования коллекции фотодокументов на начальном этапе создания музея (1919-1924 гг.), установить авторство, датировку, локализацию сохранившихся до настоящего времени фотографий, провести краткую интерпретацию их содержания.

В ноябре 1924 г. на основе четырех существовавших ранее витебских музеев – Витебской ученой архивной комиссии, Витебского церковно-археологического древнехранилища, витебского частного музея В.П. Федоровича и Витебского губернского музея, в состав которого вошла коллекция А.Р. Бродовского, было создано Витебское отделение Белорусского Государственного музея (БГМ; ныне ВОКМ). Как отмечает первый директор этого учреждения И.И. Василевич, фактически музей начал действовать с

27 апреля 1925 г. [4, с. 198]. К тому времени в его фонды было передано еще одно собрание – архив историка и археографа А.П. Сапунова.

С первых дней существования музея велась работа по учету и систематизации предметов его коллекций. Опись фотографий Витебского отделения БГМ была составлена сотрудником музея, краеведом В.В. Добровольским. Перечисленные в этом документе фотографии распределены по следующим разделам: 1) фотографии храмов, костелов, часовен и церквей старины; 2) фотографии старинных зданий и разных предметов старины; 3) фотографии городов и разных местностей; 4) фотографии государственных и общественных деятелей и этнографические типы; 5) фотографии, относящиеся к частной жизни А.П. Сапунова. Снимки поступили из собраний В.П. Федоровича, А.П. Сапунова, Витебской ученой архивной комиссии и Витебского церковно-археологического древнехранилища.[8]⁸

Первым (по времени создания) источником поступления является **частный музей В. П. Федоровича**. Он был создан коллекционером в 1880-х гг. и, по описанию краеведа В.Г. Краснянского, состоял из семи разделов [3, с. 208]. Фотографии были помещены в пятый раздел – «Памятники науки и искусства». До настоящего времени сохранилось 25 фотографий из частного собрания В.П. Федоровича. На них изображены предметы из археологических раскопок, проводимых на территории Витебской губернии и других местностей, а также витрины с этими и другими экспонатами в музее, созданном коллекционером.

Необходимо отметить, что частью музея В.П. Федоровича были коллекции археолога М.Ф. Кусцинского, который проводил археологические исследования на территории Витебской и соседних губерний, а в родовом имении Завидичи Лепельского уезда создал музей местных древностей. Экспонатами музея были не только археологические находки, но и фотографии с их изображением.

М.Ф. Кусцинский впервые на территории современной Беларуси начал фотографировать процесс раскопок и составлял фототеку памятников древностей Витебской и других губерний. Поэтому можно с уверенностью предположить, что автором снимков с изображением археологических находок коллекции Кусцинского является он сам. Тем более, что отдельные фотографии аннотированы археологом (содержат надписи на польском языке).

На сохранившихся до настоящего времени восьми снимках М.Ф. Кусцинского запечатлено оружие и курганные находки. Некоторые из них находятся в фондах нашего музея, в том числе каменный сверленный топор, лунница, наконечник копья [13, с. 30-31]. Из коллекции М.Ф. Кусцинского в Витебское отделение БГМ поступило 8 фотографий с изображением серебряного столового прибора (нож, ложка, вилка). Эти предметы в настоящее время находятся в фондах ВОКМ, а вот снимок сохранился только один.

Часть предметов в собрании В.П. Федоровича была представлена керамикой и изразцами. «Обширная коллекция печных изразцов лепных и расписных... с геометрическим, растительным, животным и геральдическим орнаментом» была передана Федоровичу «из помещичьих имений или добыто при раскопках на территории витебских замков» [3, с. 208]. На сохранившихся до настоящего времени снимках эти предметы запечатлены в витринах музея В.П. Федоровича.

Еще один источник поступления предметов в фонды ВОКМ – собрание **Витебского церковно-археологического древнехранилища**, в котором среди прочего находились «фотографии местной церковной старины» [3, с. 210]. До настоящего времени сохранилось 13 снимков из этого собрания [6].

На четырех фотографиях изображены предметы религиозного культа – Иверская икона Божией Матери, древняя панагия (два снимка), крест преподобной Параскевы, княжны Полоцкой. Восемь снимков представляют собой фотокопии портретов униат-

⁸ В описи Добровольского не упоминается собрание А.Р. Бродовского, т.к., очевидно, фотографии в нем отсутствовали или находились в очень плохом состоянии.

ских и православных священнослужителей XVII-XIX вв.: Викторiana Любимова, епископа Полоцкого и Витебского (1874-1882); Саввы Тихомирова, епископа Полоцкого и Витебского (1866-1874); Василия, архиепископа Полоцкого и Витебского (с 1840 г.); Флориана Гребницкого, униатского архиепископа Полоцкого (1716-1748); Ираклия Лисовского, униатского архиепископа Полоцкого (1784-1809); Ясона Юноши Смогоржевского, униатского архиепископа Полоцкого (1758-1780), Афанасия Терлецкого, архиепископа Полоцкого, Витебского и Мстиславского (1588 - 1592), а также Александра Корвин Гонсевского, воеводы Смоленского. Эти снимки были получены во время обследования храмов г. Витебска и губернии и поступили в древнехранилище 20 мая 1896 г. от А.П. Сапунова. На паспарту каждой фотографии имеется автограф ученого, сделанная его рукой аннотация и ярлык с надписью: «Витебское церковно-археологическое древнехранилище». Автор (или авторы) снимков не известны.

До настоящего времени сохранилась еще одна фотография, поступившая в ВОКМ из собрания Витебского церковно-археологического древнехранилища – «Вид м. Креславка Двинского уезда». Снимок был получен в 1909 г. от священника Алексея Донова, фамилия фотографа на данный момент не установлена. В фондах древнехранилища находилось более десятка снимков с изображением общего вида местечка Креславка и отдельных строений на его территории, в т.ч. костела, церкви, базара, почтовой конторы и др. [6]. Этот населенный пункт упоминается А.П. Сапуновым в книге «Река Западная Двина» как одна из «замечательнейших местностей по реке Двине» [11, с. 453]. Здесь находились Креславские пороги, представляющие интерес для ученого. Кроме того, с 1729 г. владельцами местечка являлись помещики Плятеры. Один из представителей этого рода, Адам Плятер (1790-1862), известен как краевед, археолог, коллекционер. В своих исследованиях он писал о самобытности края, изучал историю Полоцка, в результате путешествия по Западной Двине описал памятники архитектуры, археологии, исторические местности, «Борисовы камни» [9, с. 98].

Третий источник поступления фотографий в Витебское отделение БГМ – собрание **музея Витебской ученой архивной комиссии (ВУАК)**, существовавшего с 1910 по 1919 гг. По утверждению В.Г. Краснянского, «коллекция снимков и фотографий с древностей Северо-Западного края вообще и Витебской губернии в частности» в музее была «очень богата и разнообразна» [3, с. 209]. О богатстве ее на данный момент судить сложно, а вот с разнообразием нельзя не согласиться. Из сохранившихся восьми снимков на одном запечатлены общественные деятели Витебщины начала XX в., на трех – храмы и монастыри г. Полоцка, четыре снимка представляют собой фотокопии литографий с изображением событий Отечественной войны 1812 г.

Особый интерес представляет фотография, аннотированная В.В. Добровольским как «Группа из 12 человек с председателем Ученой архивной Комиссии Кадыгробовым во главе» [5]. Снимок сделан в г. Полоцке фотографом Бермантом в период между 1910 и 1912 гг. (именно в эти годы В.А. Кадыгробов был председателем ВУАК). Более детальное исследование этой фотографии еще предстоит провести, т.к. на данный момент не установлено точно, что послужило поводом для съемки, не определены имена всех участников снимка.

С историей Полоцка связаны еще три фотографии, поступившие из музея ВУАК. Снимки фотографа Берманта с изображением храмов и монастырей древнейшего белорусского города («Иконостас Николаевского собора в Полоцке», «Ниша и гроб в Полоцком Софийском соборе, открытые при осмотре комиссией», «Борисоглебский монастырь в Полоцке») можно назвать своеобразным отчетом о деятельности комиссии по выявлению, изучению и описанию памятников старины.

Четвертым источником формирования коллекции фотографий Витебского отделения БГМ было **собрание историографа А.П. Сапунова**, поступившее в музей после смерти ученого (2.10.1924). В числе 1845 предметов, составлявших научное имущество Алексея Парфеновича, находилось 328 фотографий [4, с. 198; 12, с. 211]. В настоящее

время в фондах музея выявлено только семь снимков: «Порог «Бараньи рожки» на Двине», «Витебские общественные деятели к. XIX в.», «Преподаватели Витебской гимназии в 1876 г.», «Церковь в селе Иваново Невельского уезда», «Двинский Борисов камень 2-ой», «Вилейский камень», «Большой валун (?)». Четыре последних фотографии использовались Сапуновым в качестве наглядного материала при чтении лекций в Витебском отделении Московского археологического института [7].

На сегодняшний день установлено авторство двух из вышеперечисленных предметов – снимка с изображением 2-ого Двинского Борисова камня и фотографии, запечатлевшей общественных деятелей г. Витебска конца XX века.

Борисовы камни – монументальные памятники эпиграфики XII в. на территории Беларуси. Известный витебский историк А.П. Сапунов в книге «Двинские, или Борисовы камни» описал шесть Борисовых камней. «...Второй камень, сероватый гранитный валун, лежит в верстах 5 ниже г. Дисны почти посередине Двины, ближе к правому берегу, ... с этого же единственно камня есть и фотографический снимок, снятый лет десять тому назад [приблизительно в 1880 г. – О.Д.] М.Ф. Кусцинским...». В 1818 г. этот памятник эпиграфики был поврежден в результате взрывных работ, проводимых по причине «очистки Двины от камней, затруднявших судоходство»: утрачена верхняя часть камня с фрагментом надписи. Отколовшийся кусок удалось отыскать археологу М.Ф. Кусцинскому, по фотографии которого сделан рисунок, помещенный в издание А.П. Сапунова [10, с. 20-21]. До настоящего времени 2-ой Двинский Борисов камень не сохранился.

Уникальным музейным предметом можно назвать фотографию, на которой запечатлены общественные деятели г. Витебска к. XIX – нач. XX вв.: историк и краевед В.К. Стукалич; журналист, редактор газеты «Витебские губернские ведомости» И.И. Пилин; этнограф и фольклорист Н.Я. Никифоровский; краевед В.К. Златковский; архивист, археограф М.Л. Вережкин; директор народных училищ Витебской губернии А.Ф. Масловский. Единственная женщина на фотографии – Романова. Снимок сделан в 1895 г. в ателье витебского фотографа А. Гершевича.

До настоящего времени фотография дошла в измененном виде: левая ее часть с изображением по крайней мере двух человек (судя по фрагментам одежды – мужчины и женщины) была обрезана. Кем и по какой причине – пока не известно. Остается невыясненным также событие, заставившее собраться в фотостудии А. Гершевича такое количество известных в Витебске людей. Их фамилии указаны на оборотной стороне паспарту в виде аннотации, автором которой, вероятно, является А.П. Сапунов.

Отдельную группу составляют шесть снимков, которые внесены В.В. Добровольским в опись фотографий Витебского отделения БГМ, но ссылки на источники их поступления отсутствуют. Это два снимка с изображением учащихся Зачернянской низшей сельско-хозяйственной школы 1-го разряда (1896 г., фотограф И. Серебрин); фотография, запечатлевшая раскопки на Замковой горе в 1895-1896 гг.; снимок, сделанный во время пребывания Великого князя Владимира Александровича в Невельском монастыре в 1894 г.; фотография с изображением ул. Замковой в Витебске в 1860-х гг. (фотограф С.А. Юрковский); снимок, запечатлевший участников 1-ой Всебелорусской краеведческой конференции, состоявшейся в ноябре 1924 г. Каждая из этих фотографий имеет свою историю создания и бытования и может стать предметом отдельного исследования.

Отдельного внимания заслуживает фотография «Вид ул. Замковой в Витебске в 1860-х гг.» – она является одной из самых ранних в музейной коллекции. Автор снимка – известный витебский фотограф С.А. Юрковский. Собственное заведение он открыл в городе в 1866 г. [2], из чего следует, что фотография была сделана не ранее указанного периода. Снимок содержит большой объем информации, связанной с археологией, историей, культурой, архитектурой, градостроением: на нем запечатлена жилая застройка Замковой улицы, замыкающий ее перспективу Николаевский собор, а также фрагмент ныне не существующей Замковой горы. Фотография Юрковского – одно из немногих

сохранившихся изображений этого памятника археологии, который уничтожался на протяжении почти ста лет, начиная с 1850-х гг.

Таким образом, на момент создания Витебского отделения Белорусского государственного музея в его собрание вошли фотографии всех ранее существующих витебских музеев, за исключением музея А.Р. Бродовского. Ценным пополнением фондов стал научный архив А.П. Сапунова. Из 1070 фотографий, находившихся в фондах музея в 1924 г., до настоящего времени сохранилось лишь 59. Основная причина, по которой было утрачено такое большое количество фотографий, – события Великой Отечественной войны, в годы которой музейные фонды частично были эвакуированы, частично находились в оккупированном городе. Не все предметы вернулись из эвакуации, многие из тех, что оставались в городе, исчезли [1, с. 17]. Сохранившиеся снимки, положившие начало формированию коллекции фотодокументов, занимают особое место в фондах ВОКМ.

Самая ранняя фотография датируется 1860-ми гг. – «Вид на ул. Замковую в Витебске»; самая поздняя – «Участники 1-ой Всебелорусской краеведческой конференции» – была сделана в ноябре 1924 г. География снимков довольно обширна и включает населенные пункты и «разные местности» [3, с. 209] на территории Витебской губернии.

В числе авторов фотографий – археолог М.Ф. Кусцинский, витебские «мастера светописы» С.А. Юрковский, И. Серебрин, А. Гершевич, а также фотограф из г. Полоцк Бермант. На данный момент выявлено 17 выполненных ими фотографий. Авторство остальных снимков еще предстоит определить.

Перечислить все лица и события, так или иначе связанные с фотографиями, довольно сложно, поскольку объективы фотокамер запечатлели деятельность многих общественных организаций и отдельных личностей конца XIX – начала XX вв. В этом смысле музейные предметы являются неопределимыми источниками по изучению истории и культуры Витебщины. В 1925 г. В.Г. Краснянский отмечал, что «в целом собрания витебских музеев, друг друга дополняющие, при своем слиянии образуют собрание предметов не только местного значения, но и общекультурной ценности» [3, с. 211]. С мнением Краснянского трудно не согласиться, т.к. и на сегодняшний день фотографии, поступившие в музей в 1924 г., имеют неоспоримую информационную насыщенность, а многие снимки являются носителями, по существу, уникальной изобразительной информации.

1. 90 год Віцебскаму абласнаму краязнаўчаму музею: матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30-31 кастр. 2008 г. / Віцебскі абл. краязн. музей; рэдкал.: Г.У Савіцкі [і інш.]. – Мінск: Медысон, 2009. – 421 с.
2. Абрамова, И.А. История фотографии в Витебске / И.А. Абрамова // Научный архив Витебского областного краеведческого музея. – Н/А 931.
3. Букіна, А. Музейная спадчына Віцебска / А. Букіна // Віцебскі сшытак. – 2000 г. – № 4. – С. 206 -211.
4. Васілевіч, Я. Віцебскі Дзяржаўны культурна-гістарычны музей / Я. Васілевіч // Віцебшчына: неперыядычны зборнік Віц. Акруговага Тав-ва Краязнаўства. Том II. – Віцебск, 1928 г. – С. 197-203.
5. Инвентарная опись исторического музея Витебского Высшего Педагогического института // Научный архив Витебского областного краеведческого музея. – Н/А 8/1,2.
6. Книга для записи предметов, поступающих в церковно-археологический музей Витебска // Научный архив Витебского областного краеведческого музея. – Н/А 7/1.
7. Опись музейных экспонатов по отделу государственно-общественного быта // Научный архив Витебского областного краеведческого музея. – Н/А 6/1.
8. Опись фотографий Витебского отделения Государственного музея (из собрания А.П. Сапунова, В.П. Федоровича, Витебской ученой архивной комиссии и Витебского церковно-археологического древнехранилища) // Научный архив Витебского областного краеведческого музея. – Н/А 11/7.
9. Півавар, М.В. Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVIст. – 1944 г.: даведнік / М.В. Півавар. – Віцебск: Віцеб. Абл. Друк., 2006. – 176 с.
10. Сапунов, А.П. Двинские или Борисовы камни / А.П. Сапунов. – Витебск: типография Витебского губернского правления, 1890. – 32 с.
11. Сапунов, А.П. Река Западная Двина: историко-географический обзор / А.П. Сапунов. – Витебск: типолитография Г.А. Малкина, 1893 г. – С. 453. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова) / Л. Хмяльніцкая. – Мінск: “Энцыклапедыкс”, 2001 г. – 256 с.
12. Шарковская, Н.Ю. Материалы Лепельщины в археологическом собрании Витебского областного краеведческого музея / Н.Ю. Шарковская // III Лепельскія чытанні: матэрыялы навук.-практ. канф., Лепель, 10 кастр. 2008 г. / Лепельскі раённы краязн. музей; рэдкал.: Баранаў У.А. [і інш.]. – Віцебск, 2008. – С. 29 – 35.

Дьякова Е.В.

СОБРАНИЕ ДОКУМЕНТОВ В.А. РЫБАЛОВА КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СОБЫТИЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ХАРЬКОВЕ

К популярным темам современной украинской историографии можно отнести исследования повседневной жизни людей на разных исторических этапах. Ведь, чтобы лучше понять исторические события, необходимо знать в каких социальных, политических условиях жили люди, как они относились к существующему порядку, государственному и местному руководству. И важную роль в исследовании истории повседневности играют мемуары как выдающихся людей, так и рядовых граждан. Ведь в своих воспоминаниях авторы отображают такие детали, которые в общеисторическом процессе не очень заметны, но намного ярче отображают события и факты, которые происходили на местном уровне.

Для изучения истории Великой Отечественной войны на Харьковщине определенное значение имеют воспоминания, собранные в 1960-1970-х гг. В.А. Рыбаловым. И целью данной статьи является характеристика собранных им документов.

Владимир Алексеевич Рыбалов родился в 1898 г. в Харькове в рабочей семье. Его трудовая деятельность началась в 1914 г. Во время революции он служил в Красной Армии. В 1924 г. вступил в ВКП(б). С 1929 г. находился на партийной работе в Харькове и Одессе. В 1939 г. возглавил военный отдел Харьковского горкома партии, а с 1941 г. параллельно работал секретарем горкома по пищевой промышленности. В годы войны занимал обе должности [4, с. 67]. С 1949 г. заведовал административным отделом горкома партии. В 1952 г. переведен сначала начальником, а с 1954 г. – заместителем начальника областного управления Гострудсберкасс и Госкредита.

Выйдя на пенсию в 1957 г., В.А. Рыбалов активно занялся поисково-исследовательской работой, был членом военно-научного общества при гарнизонном Доме офицеров, принимал участие в сборе и публикации документов и мемуаров, посвященных Великой Отечественной войне [4, с. 68]. Лично написал 15 статей, является автором неопубликованных мемуаров и очерков по истории Харьковщины 1930–1960-х гг.

В 1960-х гг. в Советском Союзе проводилась огромная работа по сбору воспоминаний участников Великой Отечественной войны. Толчком для этого послужило принятое 29 декабря в 1962 г. ЦК Компартии Украины постановление «О недостатках, допущенных при учете участников антифашистского подполья и партизанского движения на Украине в период Великой Отечественной войны 1941-45 гг.» [2, ф. П-2, оп. 5, д. 1152, л. 7]. В Харькове была сформирована специальная комиссия в составе 9 человек под руководством секретаря Харьковского обкома партии Ю.Ф. Бухалова. В эту комиссию вошли историки, архивисты, журналисты, партийные и советские работники [2, ф. П-2, оп. 5, д. 1152, л. 8]. В 1970-х гг. к этой работе была подключена молодежь и движение получило название «Никто не забыт, ничего не забыто». В поисковой работе принимали участие миллионы граждан бывшего Советского Союза. В Харькове среди активистов этого движения был В.А. Рыбалов.

Владимир Алексеевич собирал мемуары о событиях времен Великой Отечественной войны у выдающихся военачальников (М.К. Попеля [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 59], М.С. Шумилова [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 164]), Героев Советского Союза (П. Бельдиева [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 5.], П. Вернигоренко [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 11]), руководителей партийных и советских органов Харьковской области (А.И. Смирнова [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 70, 71], Ф.К. Сырова [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 70, 73а]), партизан и подпольщиков (Л.А. Поляковой(Кручининой) [5, ПДФ № 3777], И.Ф. Гаркуши [5, ПДФ № 3783], И.В. Гришкина [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 19а], А.М. Камышана [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 35а], родственников погибших харьковчан (семьи И.И. Бакулина [5, НДФ № 3781], А.Г. Зубарева [5, НВФ № 3461], Г.А. Никитиной [5, НВФ № 3462; НВФ № 3770]), бойцов и командиров Первого Отдельного Чехословацкого батальона (Л. Свободы [2, ф. П-

10417, оп. 5, д. 65], З. Коржнар [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 33], М. Квапиловой-Пишловой [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 37]) и др.

Рассказы участников и свидетелей событий были написаны в обычных тетрадях собственноручно В.А. Рыбаловым или напечатанные на печатной машинке и им подписанные, что дает основание считать их единой коллекцией документов. Но эта коллекция разбита: часть собранных документов находится в историческом музее, а часть – в государственном архиве Харьковской области.

В хранилищах музея собраны В.А. Рыбаловым мемуары также собраны не в одной коллекции, а разложены по общим и персональным фондам документов, посвященным войне. Также здесь хранятся тексты экскурсий по местам боевой славы, составленные Владимиром Алексеевичем. В государственном архиве Харьковской области мемуары, собранные В.А. Рыбаловым, хранятся в фонде П-10417, где размещена коллекция материалов военно-научного общества при Харьковском гарнизонном Доме офицеров. Из 223 дел этого фонда 120 – это воспоминания участников войны, где также есть рыбаловские тетради.

Имея значительный мемуарный и документальный материал, В.А. Рыбалов не мог этим не воспользоваться. Он написал несколько очерков, посвященных Харьковскому украинскому институту переливания крови [5, НДФ № 3766], областному военному комиссариату [5, ПДФ № 3767], ОСОАВИАХИМу и Красному Кресту [5, ПДФ № 34788], деятельность которых была малозаметной, но очень важной в годы войны. В фонде исторического музея находятся также рукописи, рассказывающие о деятельности подпольного обкома комсомола [5, ПДФ № 3764] и первых партизанских отрядов, которые действовали на Киевщине [5, ПДФ № 3776]. Также в фонде исторического музея хранятся мемуары самого В.А. Рыбалова «Записки заведующего военным отделом горкома партии» [5, Вст. № 9295, Инв. № 1274]. Это машинописный текст общим объемом 778 страниц. Он разбит на три части и хронологически охватывает период с 1939 по 1962 г., но в основном воспоминания посвящены событиям на Харьковщине в 1941-1945 гг.

Частично собранные В.А. Рыбаловым материалы вошли в книги «В боях за Харьковщину» [1] и «Подвиги во имя Отчизны» [2]: хранящиеся в музее или архиве мемуары, по объему больше, чем те, которые напечатаны в книгах.

Во многих неопубликованных воспоминаниях авторы не скрывали действительного положения, которое было на фронте или вражеском тылу в 1941 – 1943 гг., когда в Харькове шли ожесточенные бои и город был оккупирован гитлеровцами. Люди пытались показать как в действительности происходили события, участниками которых они были. Так, член подпольного обкома партии И.А. Корзин в своих записках честно написал, что не смог объединить партизанские отряды районов области, которыми должен был руководить [5, НДФ № 2139. С. 4] и в декабре 1942 г. переехал в Харьков и никакой действенной борьбы не проводил. А заведующий военным отделом горкома партии Ф.К. Сыров вспоминал, что на кануне оккупации Харькова к нему пришли командеры отступавшей дивизии и высказали мнение о бесполезности обороны города потому что «судьба нашей армии и фронта решена и что все наши усилия и сопротивление бесплодны» [2, ф. П-10417, оп. 5, д. 73. Л. 7об.]. В своих воспоминаниях жена первого секретаря подпольного обкома партии К.И. Бакулина описала свои скитания по возвращении из эвакуации в Харьков и безразличное отношение местного руководства к ней и ее проблемам (материальным и жилищным) [5, НДФ № 3781, л. 10-11]. Понятно, что в 1960-х гг., когда в советской историографии господствовала концепция героизации участников войны и заботливое отношение партии и правительства к ветеранам и семьям погибшим в боях или во вражеском тылу, такие сведения никто не печатал.

При написании очерков собственных мемуаров В.А. Рыбалов использовал архивные документы, личные записи, сделанные во время войны, письма к жене [5, Вст. № 9295, Инв. № 1274, ч. 1, с. 3], воспоминания коллег и друзей. Это дало возможность автору воссоздавать емкую картину событий, происходивших в Харькове в годы

войны. Любопытными являются, например, его описания условий жизни людей во время войны, впечатления от поведения харьковчан, переживших оккупацию [5, Вст. № 9295, Инв. № 1274]. Для изучения истории этого периода вызывают интерес также его записки о первых месяцах войны, формирования военизированных отрядов, условия жизни и работы партийных работников в Харькове и Купянске, где располагались обком партии и облисполком в ноябре 1941 г. – мае 1942 г., рост преступности в освобожденном Харькове и т.п.

При написании очерков или справок, В.А. Рыбалов также пользовался архивными документами, которые появились в открытом доступе лишь в 1990-х гг., но сегодня пока что научными работниками не выявлены. Ярким примером этого является фраза, написанная в справке о первом секретаре подпольного обкома партии И.И. Бакулине. В ней кроме биографии написано, что возглавить подпольный обком партии должен был И.И. Профатилов, занимавший в годы войны должность второго секретаря обкома партии. Однако за несколько дней до сдачи города врагу он был назначен начальником штаба партизанского движения Харьковской области и поэтому в последние дни перед гитлеровской оккупацией было принято решение о назначении вместо него И.И. Бакулина [5, ПДФ № 3400, л. 1-2]. Понятно, что исследователь сделал эту запись неслучайно, а хорошо зная о таком факте. Однако из-за того, что ссылок на первоисточник в справке нет, то сегодня трудно сказать откуда появилась такая информация – из каких-то документов или В.А. Рыбалов о ней просто знал еще со времен войны. Как бы то ни было, но такой слух известен в Харькове и современные исследователи, не имея пока что документальных подтверждений, не могут ни опровергнуть, ни подтвердить этот факт.

Существенным недостатком воспоминаний и очерков В.А. Рыбалова было то, что он не делал ссылок и потому утверждать, что они абсолютно правдивы невозможно. Хотя при ознакомлении с его воспоминаниями чувствуется, что автор хорошо знает тему и имеет целью рассказать о реальном положении, в котором оказались город и его жители во время войны, не скрывая негативные явления и в то же время пытаясь объяснить причины того, что происходило в городе. Понятно, что в этом ему помогал опыт партийной работы, умение анализировать ситуацию. И все же будучи партийным работником, он во всем придерживался линии партии и оставался верным партийцем до конца. И написать такие воспоминания его, скорее всего заставило требование коммунистической партии быть честным до конца.

Однако иногда В.А. Рыбалов приукрашал то, о чем писал. Это особенно ярко видно из его очерка о первых харьковских партизанских отрядах, которые действовали на Киевщине. В очерках рассказывается об их героической борьбе с гитлеровцами [5, ПДФ № 3776], хотя еще в 1941 г. было известно, что отряд под командованием Рутченко, после сдачи немцам Киева, распался на две группы, из которых одна осталась в городе и вскоре была арестована немцами, а вторая отошла в район Ирпеня; второй отряд под командованием Косова также распался [2, ф. П-2. оп. 122, д. 129, л. 5]. Из этих двух отрядов среди мстителей на оккупированную Харьковщину вернулось несколько партизан, из которых особенно активно проявили в борьбе с врагом двое. Это Т.С. Милюха, который организовал отряд в Краснокутском районе, и Н.Я. Франков, который руководил одной из подпольных групп в Харькове. И, общаясь с этими людьми после войны, Владимир Алексеевич не мог не знать о действительном положении, в котором оказались харьковские отряды под Киевом.

То, что собраны В.А. Рыбаловым воспоминания были напечатаны с купюрами или вовсе не увидели мир ярко демонстрирует каким образом создавалась общепринятая концепция истории Великой Отечественной войны. И в то же время следует отметить о некоторых явных неточностях при изложении материала.

Таким образом, анализируя собранные или написанные В.А. Рыбаловым мемуары, можно сделать вывод, что они являются важным источником для изучения многих проблем истории Великой Отечественной войны в Харькове.

1. В боях за Харьковщину: Воспоминания участников Великой Отечественной войны / Отв. ред. С.З. Голиков. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Харьков: Прапор, 1973.
2. Государственный архив Харьковской области.
3. Подвиги во имя Отчизны: Очерки о Героях Советского Союза – харьковчанах / Рук. Р.И. Мильнер. – Харьков: Прапор, 1974.
4. Рыбалов Владимир Алексеевич (биография) // Харьков, 1943-й. Освобожденный навсегда!: Сб. док. и материалов / Сост. В. Вохмянин. – Харьков, 2008.
5. Харьковский исторический музей.

Сидорова Н.А.
ДОКУМЕНТЫ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
«СУВОРОВСКОЕ-КОНЧАНСКОЕ» КАК ИСТОЧНИК

В Боровичском районе Новгородской области, в селе Кончанское-Суворовское расположен музей-усадьба фельдмаршала Александра Васильевича Суворова. А. В. Суворов провел здесь два года (1797–1799). Павел I после восшествия на престол отстранил от службы фельдмаршала, предписав находиться в Кончанском под гласным надзором. Император славился своим переменчивым нравом и в 1799 году призвал А. В. Суворова вернуться, чтобы возглавить русско-австрийские войска в сражениях с Французской республиканской армией. Таким образом, из небольшого, мало кому известного села Кончанское, отслужив молебен в деревенской церкви, А. В. Суворов отправился в свой победоносный Альпийский поход 1799 года.

В настоящее время музей-усадьба Суворовское-Кончанское — филиал Новгородского государственного объединенного музея-заповедника, включающий: зимний и летний дома А. В. Суворова, здание бывшей церкви, построенное в 1901 году, в которой экспонируется картина-диорама «Альпийский поход А. В. Суворова», парк площадью 4 га с прудом, парковой беседкой, аллеями и дубами суворовских времен. В экспозицию музея вошли личные вещи полководца, книги и предметы обстановки XVIII.

Музей открылся в октябре 1942 года, но еще раньше, в 1939 году была проведена большая предварительная работа. В фондах музея хранятся документы, рассказывающие о предыстории его создания. Это - газеты, телеграммы, письма. Данные документы представляют собой как музейные экспонаты (единицы хранения), так и исторические источники. Историческими источниками является все, непосредственно отражающее исторический процесс и дающее возможность изучать прошлое человеческого общества, т. е. все, созданное ранее человеческим обществом и дошедшее до наших дней в виде предметов материальной культуры, памятников письменности и т.д. В нашем случае речь идет в основном, о письменных источниках – как рукописных, так и печатных. Эти источники особенно интересны, так как представляют собой документы эпохи, а не пересказ тех или иных событий, преломившихся в сознании автора мемуаров, носящих личностную оценку. Каждая статья или письмо отражают отдельный факт или группу событий, сопоставление которых позволяет реконструировать срез социально-культурной жизни конца 30 годов.

Боровичская газета «Красная Искра» пишет, что «Жители села Кончанского организовано провели несколько воскресников по уборке Суворовского парка. В нем производится посадка кустов и деревьев» [3]. Этот факт подтверждают сохранившиеся в фондах музея фотографии 30 гг., на которых запечатлены люди, убирающие парк.

Опубликованная в газетах переписка колхозников с потомками полководца, которая хранится в музее, свидетельствуют о том, что местные жители помнили, кто был хозяином Кончанского, и стремились увековечить его память.

Они обратились за поддержкой к депутату Верховного Совета СССР, народной артистке Е.П. Корчагиной – Александровской.

В одном из писем жители Кончанского сообщают о делах в бывшем имении Суворова: « В нашем селе до сего дня сохранился домик полководца. Сейчас в нем помещается почта. Цел, хотя запущен, прекрасный дубовый парк. Сохранилась знаменитая

«Дубиха», где Суворов принял курьера, прибывшего от Павла I с приказанием явиться в Петербург [6].

В письме рассказывается о поддержке, оказанной кончанцам в их начинании: «На помощь нам пришли трудящиеся многих окружающих нас деревень, на наш призыв откликнулись десятки художников, скульпторов, артисты театра им. Пушкина. С большой любовью взялись за работу коллектив художников завода им. Ломоносова (сейчас Императорский фарфоровый завод - Н.С.), палехские мастера, ленинградские художники Серебряный, Верейский, Воинов, Антонов, Прибытнов, скульптор – модельер Соколов и другие» [7].

Е.П. Корчагина-Александровская поддержала «общественную инициативу трудящихся Кончанского сельсовета» и посчитала «важным и необходимым всестороннее воспроизведение образа славного полководца, стоящего в ряду великих имен прошлого нашей Родины» [8].

Письмо Е.П.Корчагиной – Александровской было опубликовано в газете «Правда» от 18 апреля 1939 года. Дата публикации письма – поддержки в газете «Правда» является отправной точкой в истории создания музея [9].

На Ломоносовском фарфоровом заводе в 1939 году специально для музея в Кончанском был изготовлен бюст А.В.Суворова. В газете «Ломоносовец», выпускавшейся на заводе, были напечатаны сообщения о создании бюста А.В. Суворова (художник – И. Я.Гинзбург (наст. имя и фамилия Элиаш Гинзбург)), и о передаче его в музей [5]. Сейчас он хранится в фондах музея – усадьбы. Размер бюста - 30,8 см. На задней стороне можно прочесть гравировку : "Колхозникам и интеллигенции села Кончанского - землякам великого Суворова от коллектива завода им. Ломоносова. 28.08.39 г.

Тогда же в «Военно-историческом журнале» была опубликована подборка материалов, посвященных А.В.Суворову. Сопоставление этих фактов и документов из фондов музея, подтверждает, что имя Суворова и его полководческий талант не были забыты и после 1917 года. Важным представляется тот факт, что авторы статей считают, что личность А.В. Суворова, его опыт необходимы командирам и бойцам Красной Армии. «Для широких масс бойцов и командиров Красной Армии «Наука побеждать» имеет большой интерес и серьезное воспитательное значение. пишет, в статье «Наука побеждать» [2], военный историк, полковник Е.А . Болтин .

Как говорилось выше, в фондах музея сохранились письма и телеграммы от правнуков полководца, живших в то время в Советском Союзе. Эти документы говорят о взаимопонимании, существовавшем между потомками полководца и жителями деревни. «Ленинградской области Боровического района Село Кончанское Председателю Сельсовета товарищу Иванову Александру Ивановичу.

«Исполняется 139 лет со смерти прадеда нашего, великого русского полководца... Нам праправнукам его особенно дорого то исключительное внимание, та горячая любовь, которую высказывают к его памяти граждане великой нашей родины, и в первую очередь земляки его, колхозники села Кончанского... Мы со своей стороны также стараемся по мере сил своих принять участие и оказать содействие в собирании реликвий связанных с именем А.В.Суворова, для устройства музея в селе Кончанском, организуемого по инициативе самих Вас, колхозников. Мысли ли мы, что парк Вы восстановите, посадив там множество деревьев, и усадьбу приводите в порядок и хлопчите даже об устройстве памятника фельдмаршалу... Шлем родному колхозу сердечный привет и пожелания всегда и во всем преуспевать, и стоять в ряду лучших колхозов нашей родины, что бы настоящее Села Кончанского было так же славно как его прошлое».

Праправнучка А.В.Суворова Апполинария Сергеевна Акаджанова
3 июня 1939[1].

Местные жители сообщали о находящихся у них вещах из имения. Газета «Красная Искра» печатала такие сообщения: «Ф. И. Доброумов из деревни Стужева,

Внутского сельсовета, Хвойнинского района, сообщил письмом в Кончанское, что у него имеются стулья, диван и этажерка, приобретенные из имения Суворова. Он пишет, что указанные вещи, принадлежали русскому полковнику Александру Васильевичу Суворову, и могут быть использованы при организации музея» [4].

Все перечисленные документы впоследствии стали музейными экспонатами. Они воссоздают обстановку при которой создавался музей, собирались его коллекции, систему взаимоотношений между жителями деревни и потомками полковника.

Музей был открыт в 1942 году. Перед отправкой на фронт его посещали бойцы Красной Армии, проходившие лечение в госпиталях г. Боровичи. Зная про ратные подвиги А. В. Суворова, стало легче переносить страх, лишения, легче верить в то, что победа над врагом возможна. Гордость за славное прошлое для народа — сильнейший стимул в борьбе против захватчиков.

1. НГМКП3403 – 1К
2. Болтин Е.А. Наука побеждает //Военно – исторический журнал,1940,№ 5,С 97-98
3. «Красная Искра»,10.05.1939 года
4. «Красная Искра»,17.05.1939
5. «Ломоносовец», № 4,37,1939 год
6. «Правда»,18 апреля 1939 г.
7. Там же.
8. Там же.
9. На протяжении многих лет, в изданиях, посвященных музею – заповеднику, называлась ошибочная дата – 18 июля. Автору статьи совместно с зав. музеем М.Н.Васильевой удалось устранить неточность

Сімакова І.М.

ФАРМІРАВАННЕ ЭТНАГРАФІЧНЫХ КАЛЕКЦЫЙ ДЗЯРЖАЎНЫХ МУЗЕЯЎ БЕЛАРУСІ (ДРУГАЯ ПАЛОВА ХХ – ПАЧАТАК ХХІ ст.)

Этнаграфічныя матэрыялы захоўваюцца сёння ў асноўным у комплексных (краязнаўчых) музеях краіны (50 % ад агульнай колькасці музеяў рэспублікі), гістарычных і этнаграфічных (разам складаюць 17 %). Калекцыі этнаграфіі ўяўляюць сабой невялікую групу – 3 % Дзяржаўнага музейнага фонду. Гэтыя прадметы з’яўляюцца крыніцавай базай сучаснай айчынай этнаграфічнай навукі і вывучаюцца як супрацоўнікамі саміх музеяў, так і даследчыкамі з іншых пазамузейных устаноў.

Беларускія музеі назапасілі вялікі вопыт выяўлення і збору этнаграфічнага матэрыялу. Ужо ў канцы XVIII ст. у прыватным зборы Ганны Ябланоўскай у Сяміцічах былі сабраны этнаграфічныя калекцыі па культуры розных народаў. Сярод публічных музеяў, якія займаліся зборам і папулярызацыяй этнаграфічнай спадчыны, неабходна адзначыць Віленскі музей старажытнасцей. Прадметы этнаграфіі знайшлі сваё месца ў прыватных зборах К. Тышкевіча, А. Ельскага, І. Луцкевіча і інш. У выніку развіцця краязнаўчага руху ў першай палове ХХ ст. за кошт этнаграфічных калекцый пашырылі свае фонды краязнаўчыя музеі краіны. Аднак значная частка гэтых збораў была страчана. Тым, што захаваліся, у пасляваенны час былі ўнесены ў інвентарныя кнігі музеяў, аднак высветліць легенду гэтых прадметаў, крыніцы паступлення ў музей ужо не прадстаўляецца магчымым.

Сучасныя фонды этнаграфічных музеяў пачалі камплектавацца ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі. “Палажэннем аб раённым краязнаўчым музеі”, распрацаваным Міністэрствам культуры БССР у маі 1954 г., быў абумоўлены пачатак планамернай экспедыцыйнай дзейнасці па выяўленні і збіранні прадметаў матэрыяльнай культуры раёнаў. Не магло не адбіцца на музейнай дзейнасці развіццё этнаграфічнай навукі, у прыватнасці, стварэнне Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук БССР ў 1957 г. Значна папоўніліся этнаграфічныя калекцыі шэрагу музеяў па ініцыятыве мясцовага насельніцтва, што было выклікана развіццём урбанізацыйных працэсаў і знікненнем з планаў гарадской забудовы старой драўлянай архітэктуры.

Прадметы музейнага значэння, якія выйшлі з ужытку і сталі непатрэбнымі ўладальнікам у новых гарадскіх умовах жыцця, пачалі паступаць у музеі.

Значная праца па выяўленні і збіранні этнаграфічных матэрыялаў была праведзена Дзяржаўным музеем БССР (сёння – Нацыянальны гістарычны музей Рэспублікі Беларусь). Распараджэнне Савета Міністраў БССР аб яго стварэнні было прынята ў снежні 1956 г., а ўжо праз паўгады, у чэрвені 1957 г., супрацоўнікамі была здзейснена першая этнаграфічная экспедыцыя у Ганцавіцкі раён Брэсцкай вобласці і Краснаслабодскі раён Мінскай вобласці з мэтай набыцця прадметаў беларускага народнага побыту і культуры. У выніку першага этнаграфічнага даследавання ў фонды паступіла 116 прадметаў (беларускае народнае адзенне, мастацкія тканіны, хатняе начынне, сельскагаспадарчы інвентар і г.д.) [8]. У наступным экспедыцыі праводзіліся штогод.

Характэрнай асаблівасцю дадзенай установы з’яўлялася тое, што плошча этнаграфічнага абследавання ахоплівала ўсю тэрыторыю Беларусі. У навуковым архіве музея захавалася значная колькасць экспедыцыйных матэрыялаў, на падставе якіх можна сцвярджаць, што вывучэнне этнаграфіі краіны з’яўлялася адным з прыярытэтных накірункаў музейнай дзейнасці. Тлумачыцца гэта па-першае, зацікаўленасцю супрацоўнікаў музея і пазамузейных спецыялістаў-этнолагаў, якія прымалі актыўны ўдзел у музейным жыцці, у зберажэнні этнаграфічнай спадчыны краіны. Па-другое, у часы, калі музей выконваў функцыі палітасветнай установы, фонды неабходна было камплектаваць так, каб яскрава прадэманстраваць дасягненні сацыялістычных пераўтварэнняў на вёскі ў параўнанні з яе беднасцю ў дарэвалюцыйны час. Таму асобная ўвага надавалася набыццю этнаграфічных матэрыялаў канца XIX – пачатку XX стст. Акрамя таго, у першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі ўласна гістарычныя матэрыялы выявіць было куды больш складана ў разбураных гарадах, чым этнаграфічныя прадметы, якія захаваліся ў вяскоўцаў. За першыя дзесяцігоддзі існавання музея яго супрацоўнікі здолелі ажыццявіць экспедыцыі ва ўсе вобласці краіны.

Адначасова вялася работа па вывучэнні традыцыйнай гарадской культуры. У жніўні 1959 г. была арганізавана экспедыцыя ў г. Добруш з мэтай збору матэрыялаў, што тычыліся побыту і працоўнага жыцця рабочых бумажнага камбіната “Герой працы”. У 1960 г. падобная экспедыцыя была праведзена ў г. Ліда, у 1978 г. – у мястэчку Копысь. Асобная ўвага надавалася вывучэнню цэнтраў рамеснай вытворчасці (Нясвіж, Любча, Навагрудак, Шчорсы, Мір і інш.). Дзякуючы намаганням супрацоўнікаў сучасныя фонды Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь утрымліваюць значную калекцыю традыцыйнай гарадской культуры.

Апошняе этнаграфічнае даследаванне музеем праводзілася ў 2006 г. у Браслаўскім раёне Віцебскай вобласці. У яго выніку ў фонды музея патрапілі каля 200 прадметаў. На 2010 г. у складзе рэчавых помнікаў музея налічвалася 22 калекцыі, сярод іх 8 з’яўляюцца крыніцавай базай этнаграфічнай навукі: “Традыцыйная побытавая этнаграфія”, “Мэбля”, “Беларускае народнае адзенне”, “Метал” (побытавы і прамысловы метал утылітарнага прызначэння і дэкаратыўна-прыкладной), “Кераміка. Фарфор. Шкло” (беларуская народная кераміка, прамысловая кераміка, фаянс, фарфор, кафля, дэкаратыўна-прыкладное мастацтва), “Дэкаратыўна-ўжытковае мастацтва”, “Музычныя інструменты”. Да выяўленчых крыніц аднесена калекцыя “Мастацкія промыслы. Вырабы майстроў народнай творчасці” [6].

Папаўненне прадметаў этнаграфічнага характару апошнім часам ажыццяўляецца не праз экспедыцыйную дзейнасць, а праз іншыя формы камплектавання (закупка, атрыманне ў дар або па завяшчанні; выкананне арыгінальных або капійных работ па заказе музея; абмен з іншымі музейнымі ўстановамі і г.д.).

Буйным цэнтрам, дзе сфарміраваны этнаграфічныя калекцыі, з’яўляецца Музей старажытнабеларускай культуры Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору ім. К. Крапівы (ІМЭФ НАН Беларусі). У канцы 1969 г. у ІМЭФ быў утвораны сектар

“Збору помнікаў гісторыі і культуры Беларусі”, які з 1970 г. пачаў праводзіць сістэматычныя экспедыцыі па выяўленні твораў народнага мастацтва і этнаграфіі. Першыя даследаванні ажыццяўляліся на Брэстчыне, адкуль былі прывезены каштоўныя абразы, скульптура, творы дэкаратыўна-прыкладнага мастацтва, мастацкія тканіны. З гэтага часу этнаграфічныя экспедыцыі ладзіліся 2-3 разы на год. Набытыя прадметы сталі асновай для стварэння Музея старажытнабеларускай культуры, які быў адкрыты ў маі 1979 г. [5, с. 5].

Вялікая работа была выканана музейнымі інтузіямі па стварэнню асобнага “Чарнобыльскага фонду”, куды ўвайшлі прадметы з выселеных вёсак Чарнобыльскай зоны. Першая экспедыцыя па збору прадметаў музейнага значэння ў забруджаных рэгіёнах была ажыццяўлена летам 1991 г. па ініцыятыве дырэктара Музея старажытнабеларускай культуры В.Ф. Шматава. Усяго было праведзена больш за 20 выездаў, у выніку якіх у музейныя фонды было ўключана каля 2 000 прадметаў матэрыяльнай культуры беларусаў. Сёння Чарнобыльскі фонд падзелены не некалькі калекцый: сельскагаспадарчыя прылады працы, прынады для апрацоўкі ільну, ткацкія вырабы, рыба-лоўны інвентар, побытавыя прадметы [2, с. 45-46].

Калекцыя этнаграфіі, якая тэрытарыяльна ахоплівае амаль усю Беларусь, сфарміравана ў Гісторыка-культурным музеі-запаведніку “Заслаўе”. Першыя прадметы этнаграфічнага характару пачалі паступаць у музей ў канцы 1980-х гг. ад жыхароў горада, затым музеем была наладжана планамерная экспедыцыйная дзейнасць. Этнаграфічныя матэрыялы музея размеркаваны па калекцыях “Абсталяванне жылля”, “Абутак”, “Адзенне”, “Кераміка і шкло”, “Метал”, “Музычныя інструменты”, “Прылады працы”, “Ткацтва”, “Пляценне”, “Транспартныя сродкі і вупраж” [1, с. 2]. Сёння ў выніку карэкціроўкі канцэпцыі камплектавання перавага ў фарміраванні этнаграфічных калекцый аддаецца Заслаўскаму рэгіёну, аднак прадметы з іншых раёнаў краіны знайшлі сваё месца ў фондах і экспазіцыях запаведніка.

Вялікая калекцыя этнаграфіі захоўваецца ў Веткаўскім музеі народнай творчасці, аснову якой склаў прыватны збор Ф.Р. Шклярава. Пастанова аб стварэнні музея была прынята Саветам Міністраў БССР у лістападзе 1978 г. З гэтага часу пачалася актыўная экспедыцыйная дзейнасць на тэрыторыі Веткаўскага і суседніх раёнаў. Толькі за 1983 г., пасля набыцця ўласнага транспарту, супрацоўнікамі было здзейснена больш за 60 выездаў з мэтай выяўлення прадметаў музейнага значэння. Сёння экспедыцыйна дзейнасць музея працягваецца. З 1998 г. музей рэалізоўвае Праграму комплексных экспедыцыйных даследаванняў рэгіёна ўздоўж рэк – шляхоў рассялення славянскіх плямёнаў “Па шляхах старажытных радоў”. З 2008 г. праект па вывучэнні беларуска-расійскага памежжа ажыццяўляецца сумесна з Дзяржаўнай адукацыйнай установай сярэдняй прафесійнай адукацыі “Новазыбаўскі прафесійна-педагагічны каледж” (Расія). Вынікі экспедыцыйных даследаванняў населеных пунктаў уздоўж рэк Сож, Бесядзь, Іпучь і іх прытокаў знайшлі сваё ўвасабленне ў справаздачных выставах (“Уздоўж Бесядзі”) і выданні калектыўнай манаграфіі музея “Арнаменты Падняпроўя” [3, с. 5]. У музеі сабраная багатая калекцыя традыцыйнага адзення жыхароў Веткаўшчыны, ткацкіх вырабаў і вышыўкі, прадметаў побыту і вырабаў самадзейных майстроў. Гонарам музея з’яўляецца калекцыя ткацтва з в. Неглюбка. Музеем была праведзена значная праца па фіксацыі мясцовых святаў і абрадаў, тэхналагічных працэсаў, якія ўвайшлі ў асобны фонд фота- і відэаматэрыялаў.

Фарміраванне калекцыі этнаграфіі Мазырскага аб’яднанага краязнаўчага музея было ініцыяравана ў сярэдзіне 1970-х гг. мясцовымі жыхарамі, якія пасля зносу старой драўлянай гарадской забудовы, пачалі перадаваць этнаграфічныя матэрыялы ў музей. Значна папоўнілася этнаграфічная калекцыя этнаграфіі ў 1994 г. у сувязі з перадачай музею прыватнага збора мясцовага калекцыянера і мастака-кераміста М.М. Пушкара (295 прадметаў). З 2002 г. музей разгарнуў дзейнасць па вывучэнні рэгіёна ў межах

праекта “Шляхамі А.К. Сержпутоўскага”, які рэалізуецца сумесна з супрацоўнікамі ІМЭФ НАН Беларусі, Інстытута культуры Беларусі і Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. З 2002 па 2010 гг. было праведзена 5 этнаграфічных экспедыцый: дзве ў Лельчыцкім, па адной у Петрыкаўскім, Жыткавіцкім, Мазырскім раёнах Гомельскай вобласці [7]. У выніку рэалізацыі праекта музей папаўняе свае фонды рухомымі помнікамі і ажыццяўляе фіксацыю нематэрыяльнай гісторыка-культурнай спадчыны.

Яскравым прыкладам дзейнасці па збіранні і вывучэнні этнаграфічнай спадчыны краіны з’яўляецца работа Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту, які быў заснаваны паводле пастановы Урада Рэспублікі Беларусь ў 1976 г. З гэтага часу і да 1981 г. была праведзена значная навукова-экспедыцыйная работа па пошуку помнікаў народнага дойлідства і збору прадметаў этнаграфіі. Супрацоўнікам музея ўдалося выявіць каля 5 000 помнікаў, на падставе чаго была сфарміравана адзіная ў краіне калекцыя “Архітэктура”. На тэрыторыі музея прадстаўлена сёння 25 аўтэнтчных помнікаў рознага прызначэння. Усяго запланавана зрабіць даступнымі для наведвальнікаў звыш 250-ці культурных, жылых, гаспадарчых, грамадскіх і вытворчых пабудоў з шасці гісторыка-этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі [4, с. 34]. Пры музеі сфарміраваны каля 30-ці тэматычных калекцый: абразы, дэкаратыўна-прыкладное мастацтва, ткацтва і вышывка, народныя строі, пляценне, кераміка і г.д.

Значныя этнаграфічныя калекцыі сабраны ў Нацыянальным Полацкім гісторыка-культурным музеі-запаведніку, Магілёўскім абласным краязнаўчым музеі, Брэсцкім абласным краязнаўчым музеі, Гродзенскім дзяржаўным гісторыка-археалагічным музеі, Музеі беларускага Палесся, Музейным комплексе гісторыі і культуры Аршаншчыны і інш.

Такім чынам, сучасныя этнаграфічныя калекцыі беларускіх музеў пачалі фарміравацца ў першыя пасляваенныя дзесяцігоддзі. З 1970-х гг. былі арганізаваны сістэматычнае выяўленне і даследаванне помнікаў матэрыяльнай і духоўнай культуры акадэмічнымі ўстановамі краіны, што паўплывала і на музейную практыку. Уздым дзейнасці музеяў па камплектаванні фондаў прадметамі этнаграфіі назіраўся ў 1990-я гг., што было звязана з агульнай тэндэнцыяй абуджэння цікавасці да гісторыі і культуры краіны ў пераломны перыяд набыцця незалежнасці. Асэнсаванне таго, што прадметы этнаграфіі ў хуткім часе будзе немагчыма выявіць як у вясковым, так і ў гарадскім асяродку, прымушае музейных супрацоўнікаў працягваць працу па выяўленні і збіранні прадметаў матэрыяльнай культуры і нематэрыяльных сведчанняў народнай творчасці, распрацоўваць доўгатэрміновыя экспедыцыйныя праекты. Гэтыя мерапрыемствы ў спалучэнні з іншымі формамі камплектавання спрыяюць пашырэнню музейных фондаў і адначасова крыніцавай базы этнаграфічнай навукі.

1. Аналіз наяўнага музейнага фонду запаведніка “Заслаўе” і прапановы па калекцыйным камплектаванні // Навуковы архіў Гісторыка-культурнага музея-запаведніка “Заслаўе”.
2. Беляева, С.С. Коллекция памятников этнографии и народного искусства Чернобыльской зоны / С.С. Беляева // Могілянскі чытанні 2004: Збірнік навуковых праць / Нац. Киево-Печер. іст.-культ. запавіднік; ред. рада: В.М. Колпакова (від. ред.) та ін. – Київ, 2005. – С. 45-50.
3. Действующие в учреждении «Ветковский музей народного творчества» внутренние долговременные программы и проекты // Навуковы архіў Веткаўскага музея народнай творчасці.
4. Локотко, С. Белорусский скансен: проекты, реальность и перспектива / С. Локотко // Музеи Литвы и Беларуси: пути и перспективы развития в XXI в. / Сост.: Е. Матевосян, В. Повилонас, А. Шашкевич. – Минск, 2007. – С. 34-36.
5. Музей старажытнабеларускай культуры / Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы; навук. рэд. В.Ф. Шматаў. – Мінск: Бел. навука, 1998. – 233 с.
6. Праграма камплектавання фондаў дзяржаўнай установы “Нацыянальны музей гісторыі і культуры Беларусі” на 2007-2010 гг. // Навуковы архіў Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь.
7. Проект этнокультурного изучения Мозырщины «Дорогами А. Сержпутовского» / Автор проекта В.Т. Сайфудинова // Навуковы архіў Мазырскага аб’яднанага краязнаўчага музея.
8. Справаздача Дзяржаўнага музея БССР за 1957 год // Навуковы архіў Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь.

Жидченко А.В.

ЭКСПОЗИЦИЯ ВЕДОМСТВЕННОГО МУЗЕЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО РАЙОНА (на примере музея Советского округа г. Омска)

В контексте современных исследовательских поисков историков приобретает все большее звучание локальная проблематика. При изучении микропроцессов и микроструктур, ученые способны делать более обширные выводы, апробировать исследовательский арсенал на небольших, а затем более крупных объектах. При анализе локальных объектов актуальным является применение широкого спектра источников, как местного, так и общегосударственного уровня. Помимо традиционных видов источников, таких как законодательные акты, делопроизводственная документация, периодическая печать и других, важным становится изучение и музейных предметов.

Экспозиции музеев дают не только информационный материал для исследователя, но и часто формируют целостное представление о том или ином объекте, формируют образ изучаемой реальности, которая за пределами статистических данных и письменных законов, в буквальном смысле «оживает». Поэтому, в ходе научной реконструкции, на некоторых этапах работы, обращение к музейным источникам становится особенно важным.

В этой работе обратимся к музейному комплексу Администрации Советского административного округа (далее САО) города Омска. Это обращение является частью более объемного исследования, посвященного повседневной жизни новых городских районов крупных городов Сибири в 1950-60-е гг. (На материалах Омска и Новосибирска). Дело в том, что главным очагом формирования Советского округа в современных административных границах стал городок Нефтяников, как жилой район, построенный для работников крупного нефтехимического комплекса. Именно на вопрос о том, какую роль может сыграть музейная экспозиция САО для реконструкции истории такого городского района, как городок Нефтяников в период его формирования, предстоит ответить в ходе этой работы.

Музейный комплекс администрации САО был создан недавно и повествует, главным образом, об истории округа. Примечательно, но несмотря на то, что район был образован на основании постановления президиума Омского городского Совета рабочих, крестьян и красноармейских депутатов 3 марта 1935 года, свою реальную историю в отражении музея он ведет с конца XIX века. С 1897 года в границах будущего района стал работать дрожжевой завод, образовавший небольшой поселок. Затем здесь был открыт сельскохозяйственный и ветеринарный институты. В районе современной Старозагородной рощи действовали опытная полеводческая станция и молочная ферма. В 1920-е гг. был открыт судоремонтно-судостроительный завод, а вместе с ним образован жилой поселок «городок водников».

Другой этап в истории района начинается с момента его образования. Авторы текста, размещенного на стендах, попытались показать, что войдя административно в состав города, территория городка водников и прилегающих территорий стала благоустраиваться. В 1937 году поселок был связан с центром города трамвайной линией. В годы войны сюда были эвакуированы различные цеха предприятий, строились бараки, проводились линии электроснабжения и водопровода. В информационной содержании стенда включены также фотографии ветхих домов деревни «Николаевка» и ее жителей, относящиеся к началу XX века. Территориально данная деревня находилась далеко от границ оформленного района, однако в будущем она сыграет роль в истории городка нефтяников, который перенесет на себя ядро Сталинского района.

Следующий стенд посвящен истории района в 1946-1959 гг. Это время стало наиболее важным, так как именно тогда было начато строительство омского нефтеперерабатывающего завода и городка нефтяников как жилого района при нем. Этим была ознаменована новая веха в истории и поэтому в текст стенда была включена следующая

фраза: «Становление Советского района связано с образованием и развитием нефтехимического комплекса на территории района». Это говорит о том, что уже само строительство этой части района вело к его обновлению. Хотя в течении почти 10 лет строившийся район городка нефтяников продолжал входить в состав Сталинского района, его рассвет пришелся уже на период истории района Советского, обновленного. Стенд повествует о застройке новых улиц капитальными домами, об озеленении и благоустройстве, о строительстве мощной ТЭЦ-3 и т.д. Представленная фотогалерея охватывает рост как нефтегородка, так и городка водников, где также строились жилые дома и бараки. Однако здесь их было гораздо меньше. Как важный составной элемент культурной жизни формирующегося городка нефтяников была показана фотография клуба «Строитель», построенного в стиле позднего сталинского ампира в 1957 году. Последнее фото рассказывает о следующем периоде крупнопанельного жилищного строительства многоквартирных домов. На фотографии изображен меняющийся быт жителей городка, когда им еще недавно приходилось ходить с ведром за водой, а теперь появилась возможность пользоваться всеми коммунальными удобствами.

Третий стенд охватывает 1960-1996гг. и начинается с переименования района Указом президиума Верховного Совета РСФСР от 5 ноября 1961 года из Сталинского в Советский. Этот период был ознаменован благоустройством и озеленением района. Советский район в целом, и городок нефтяников как его главная часть, выходят на первое место по городу и олицетворяют звание «город-сад». Десятки тысяч саженцев, деревьев и кустарников, миллионы цветов высаживались в скверах и парках, во дворах и бульварах района. Популярным местом отдыха и проведения массовых гуляний стал Парк культуры и отдыха Советского района. Следующий период в истории, как городка нефтяников, так и Советского района, ознаменован строительством здесь студенческого городка. Как отдельный микрорайон он не был запланирован, однако на протяжении нескольких километров одна из сторон проспекта Мира была застроены корпусами вузов.

Параллельно развивалось и нефтехимическое производство. И Советский район стали населять не только нефтяники, но и химики. Поэтому в 1975 году был сдан в эксплуатацию дворец культуры «Химик». В формировании стендов отражены этапы эволюции района, что можно проследить даже по перечислению культурно-досуговых учреждений, на который авторы сделали особенный акцент. Это клуб «Строитель» для первостроителей городка, дворец культуры Нефтяников для работников Нефтезавода, дворец культуры «Химик» для работников завода «Синтетический каучук» и наконец, кинотеатр «Кристалл» для студенческой молодежи.

Следующий стенд полностью посвящен Первомайскому району, который выделился из состава Советского 27 декабря 1973 года. Здесь очень быстро строились жилые дома новых серий, объекты соцкультбыта.

Важным этапом в истории двух районов стало строительство нового моста им. 60-летия ВЛКСМ, связавшего с районом левобережья. Автомобильный мост был сдан в эксплуатацию в октябре 1978 года.

По административной реформе 1997 года Первомайский округ был ликвидирован и его большая часть была присоединена к Советскому округу. Последний стенд рассказывает о современном состоянии округа, его достижениях и перспективах. На территории округа в настоящее время функционирует 5 научно-исследовательских институтов, 42 общеобразовательные школы. Общая протяженность улиц, подъездов, набережных в округе составила 375 км. Силами управления благоустройства и дорожного хозяйства округа обслуживается 49 скверов и газонов общей площадью 239 гектаров, более 1,5 кв. метров дорог. За период с 2001 по 2004 год была высажено более 50 тысяч деревьев и кустарников. Подчеркиванием данной информации авторы стендов донесли до посетителей музея мысль о том, что Советский район продолжает оставаться образцом благоустройства и озеленения по городу Омску.

Помимо стендов, экспозиция комплекса также представлена музейными предметами, иллюстрирующими историю района. Среди них: удостоверения первых секретарей райкома, фотографии разных лет, награды и подарки района. В материалах, объединенных темой «Славные вехи Омского нефтеперерабатывающего завода», можно встретить портрет первого директора завода А.М. Малунцева, его трудовую биографию. В хронологическом порядке размещены фото разных лет, на которых запечатлены: первостроители завода, торжественное открытие завода, 10-летний юбилей предприятия, пуск новых установок, Первомайские демонстрации и просто коллективные фото работников.

Таким образом, в экспозиции музейного комплекса Администрации Советского округа города Омска нашли свое отражение все основные вехи истории района. Закономерно, главной целью было показать развитие того пространства, которое в настоящее время охватывает территориально Советский округ. Акцент был сделан на развитие промышленного и жилого сектора, а также на административные изменения.

В целом, краткое описание основных периодов истории района позволяет сделать ряд важных выводов о его составных частях. Во-первых, делая акцент на определенных переменах в жизни района, становится возможной периодизация его истории и выделение наиболее знаковых событий. Во-вторых, исходя из экспозиции, складывается впечатление о том, что городок нефтяников, хотя и стал основой для района, все-таки его историческое ядро охватывает территорию, находящуюся ближе к городу Омску, и включает улицу Красный Путь, городок водников и прилегающие территории. Хотя реально, эта часть района развивалась гораздо более медленно, чем молодой микрорайон городок нефтяников. В-третьих, начиная с определенного этапа, городок нефтяников становится лучшим районом по благоустройству и озеленению. На сегодняшний день это остается одним из преимуществ района, которое, исходя из вызовов современности, авторы экспозиции, подчеркивают в фотоматериале и в информационном содержании стендов.

Анализ экспозиции позволяет произвести реконструкцию истории района в целом. Однако в ней важно учесть субъективный фактор и современные тенденции, которые закономерно накладывались на историческое повествование. Для формирования более полной картины истории района, необходимо привлечение широкого круга источников, а также беседа с авторами экспозиции для выявления основных идей и предпосылок, которыми они руководствовались при ее создании.

Ермалёнак В.А.

ІДЭНТЫФІКАЦЫЯ ЗДЫМКАЎ ПОЛЬСКАГА АФЦЭРА З ФОНДАЎ ГІСТАРЫЧНАГА МУЗЕЯ ШКОЛЫ № 3 г. МІЁРЫ

У фондах музеяў Міёрскай сярэдняй школы знаходзіцца больш тысячы ўнікальных фотаздымкаў, якія з'яўляюцца важнай крыніцай вывучэння асобных старонак гісторыі края. Шмат здымкаў патрабуюць ідэнтыфікацыі. Вось адзін з прыкладаў даследавання старых фотаздымкаў. Гісторыя іх пачалася яшчэ ў 2007 годзе, калі ў Міёрах разбіралі стары будынак гатэлю. За падшыўкай шпалеры другога паверха рабочы камунгаса Віктар Лагун знайшоў пачак старых здымкаў, якія і перадаў спачатку ў рэдакцыю раённай газеты, а потым яны трапілі ў гістарычны музей Міёрскай СШ №3. Усяго было знойдзена 196 фотаздымкаў. Захаванасць большасці з іх была здавальняючай. Некаторыя з іх былі зроблены ў прафесійных фотамайстэрнях, але большая частка – аматарскія, невялікіх памераў, што сведчыла аб тым, што іх уладальнік карыстаўся сваім фотаапаратам. Першапачатковае вывучэнне подпісаў высветліла, што здымкі належылі польскаму паручніку жандармерыі КОП (корпус аховы пагранічча). Большасць здымкаў было зроблена ў 1936-1939 гадах. З надпісаў мы даведаліся, што іх уладальнік скончыў у 1936 годзе курсы ў Невяркуве (Валынь Заходняя Украіна).

Многія здымкі былі пазначаны гарадамі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны: Клецк, Слуцк, Валожын, Гродна, Стоўбцы і іншыя. На іх мы бачым вайскоўцаў на вучэннях, у адпачынку, на курорце Друскінінкай, пад час службы. Гэта своеасаблівы летапіс вайскоўца. Шмат здымкаў жанчын з розных месцаў Польшчы і Беларусі. На большасці жаночых здымкаў подпісы “найкаханейшаму”, “адзінаму ў свеце”, што, на наш погляд, сведчыла аб тым, што малады абаяльны афіцэр карыстаўся поспехам у жанчын. Пры першапачатковым даследаванні мала знайшлося сямейных здымкаў. Ёсць толькі некалькі партрэтаў яго стрыечных сяцёр, якія жылі ў Радаме, Жэшуве, Кабярцове, Кадлубове, Бакацыне. Але на ніводным фотаздымку няма прозвішчаў, толькі імёны. Наша першапачатковае меркаванне было наступным. Паручнік Эдвард у 1936-1938 годзе служыў у батальёне КОП “Клецк”, таму што больш за ўсё на вайсковых здымках подпісы гэтага гарада. Але адзін з самых апошніх па часу здымкаў быў пазначаны подпісам “Янэк м. Лужкі жнівень 1939 г.” Гэтым жа годам пазначаны і фотаздымак жанчыны ля вагона з надпісам “Вільня – Друя “ 3 успамінаў старажыхароў мы ведалі, пасля нападу СССР на Польшчу 17 верасня 1939 года, польскія пагранічнікі ў нашых мясцінах адступалі ў бок латышскай мяжы. Так наш паручнік Эдвард мог спыніцца ў гатэлі ў Міёрах, дзе і схаваў свае здымкі за шпалерай да лепшых часоў. Ён разумеў магчымасць палону і не хацеў, каб здымкі яго сяброў-афіцэраў трапілі ў чужыя рукі. З альбома яны былі вырваны, калі паручнік паспешліва пакідаў казармы, таму некаторыя фотаздымкі былі нават з вугалкамі, больш вялікія па памерах былі складзены папалам, так як не змяшчаліся ў кішэні. Раз гаспадар не вярнуўся за імі, значыць лёс яго склаўся трагічна. У 1940 годзе з далучэннем Латвіі да СССР былыя польскія ваенныя трапілі ў савецкі палон. Паручнік Эдвард хутчэй за ўсё мог быць расстраляны, як і большасць малодшых афіцэраў у Катыні, або, трапіўшы ў армію Андэрса, зноў жа мог загінуць у Афрыцы або Італіі. Пазбегшы палону, трапіўшы ў Армію Краёву - польскія партызанскія фарміраванні часоў другой сусветнай вайны-, і там таксама лёс яго мог быць трагічны. Такія былі нашы першыя гіпотэзы пасля папярэдняга вывучэння старых фотаздымкаў. Нашы першапачатковыя меркаванні былі надрукаваны ў артыкулах, змешчаных у раённай газеце “Міёрскія навіны”, “Краязнаўчай газеце” [5, с. 3].

Далей перад намі стаяла складаная задача: дакладна даведацца прозвішча ўладальніка здымкаў і яго лёс. Пачаўся дасціпны пошук, які доўжыўся амаль чатыры гады. Праводзіць яго было складана, бо, знаходзячыся ў Беларусі, цяжка было непасрэдна трапіць у польскія вайсковыя архівы або знайсці неабходныя дакументы і кнігі. Спачатку мы пісьмова звярнуліся ў галоўны вайсковы архіў у Рэмбертове ля Варшавы, архіў стражы пагранічнай у Гданьску, але ніякіх адказаў не атрымалі.

Пазней мы ўсталявалі сувязь з таварыствам “Карта”, якое займаецца зборам і ўшанаваннем памяці рэпрэсаваных палякаў, інстытутам памяці народнай у Варшаве, расійскім таварыствам “Мемарыял” і інш. Важную ролю ў пошуку адыграла таварыства браслаўчан у Варшаве на чале з іх старшынёй Уладзіславам Краўчуком і яго намеснікам Зофіяй Пранеўскай-Важыньскай. Было наладжана ліставанне з краязнаўцам з Клецка Андрэем Блінцом, які якраз у гэты час займаўся вывучэннем гісторыі КОПу “Клецк.” Былі выкарыстаны інтэрнэт-рэсурсы, атрыманы выпіскі з кніг: І. Тухольскага “Забойства ў Катыні”, “Медная, Кніга польскіх ваенных пахаванняў. Том II”, “Пазначаны пячаткай Асташкова” і г. д.

Праводзіць пошук было вельмі цяжка, таму што вайскоўцаў-пагранічнікаў, у якіх было імя Эдвард было шмат, як у Клецку, так і ў іншых батальёнах КОПу, не захаваліся і спісы малодшых афіцэраў за многія гады, але ўсё ж наш працяглы пошук завяршыўся паспяхова. Дзякуючы пазначаным крыніцам, удалося высветліць як прозвішча ўладальніка фотаздымкаў, так і яго лёс. На жаль, наша меркаванне спраўдзілася: жыццё паручніка-пагранічніка завяршылася трагічна. Вось што нам на сённяшні дзень стала вядома.

Нарадзіўся Эдвард Пянькоўскі 23 верасня 1902 года ў Лодзі. Бацька яго быў Антон, маці Гэлена з Кавальскіх. І сапраўды, пры больш уважлівым вывучэнні некаторых здымкаў, на якіх адбываецца пахаванне, на вялікай стужцы мы бачым надпіс на польскай мове “Памяці Антона”. Значыць, гэта было пахаванне бацькі Эдварда, на якім ён прысутнічаў і трымаў гэтую стужку. Таксама на адным са здымкаў мы бачым Эдварда ў цывільнай форме з чорнай павязкай на рукаве і яго хутчэй за ўсё сяцёр і маці таксама ў жалобным адзенні. Адзін з такіх здымкаў на фоне, хутчэй за ўсё, іх сядзібы.

У кароткіх біяграфічных звестках сказана, што Эдвард прымаў удзел у першым сілезскім паўстанні, якое адбылося з мэтай аднаўлення незалежнасці Польшчы. У 17 год добраахвотнікам уступіў у польскае войска, ваяваў у складзе 40-га Львоўскага пяхотнага палка з 1 жніўня 1919 года па 2 снежня 1921 года. Мужнасць у баях была адзначана памятным медалём за вайну 1918-1921 года і медалём дзесяцігоддзя заваёвы незалежнасці Рэчы Паспалітай [2, с. 685]. Сапраўды, на вайсковых здымках Эдварда мы бачым на мундзіры дзве ўзагароды. З 8 жніўня 1930 года яго вайсковая служба праходзіла ў 19 батальёне КОП у Слабодцы (зараз Браслаўскі раён Віцебскай вобласці). У гэты час ён быў жанаты, яго сын Андрэй нарадзіўся ў Браславе ў 1930 годзе. На адным з непадпісаных здымкаў мы і бачым хутчэй за ўсё яго жонку з маленькім сынам, але, напэўна, пазней ён разышоўся з ёй, таму што на некаторых фотаздымках мы бачым заручальны пярсцёнак у яго на левай руцэ. І ў дакументах рэпрэсаваных сямей вайскоўцаў, якіх вывозілі ў 1940 годзе ў Сібір, Казахстан мы не знаходзім сям’і Пянькоўскіх.

Уважлівы прагляд выцвельных і пажоўклых здымкаў пацвердзіў знаходжанне па-ручніка Эдварда ў Слабодцы, на адным з іх ёсць постаць яго і невядомай жанчыны на фоне возера і Слабодскага касцёла. На жаль, не ўсе вайсковыя дакументы захаваліся, не ўсе нам удалося адшукаць. Са знойдзенага мы ведаем, што батальён КОП “Слабодка” быў расфарміраваны ў красавіку 1939 года і накіраваны да горада Аўгустова. [1, с. 254] 13 верасня 1939 года трэці батальён корпуса аховы пагранічча “Слабодка” праводзіў баі з фашыстамі на Сувальшчыне. А пазней разам з трэцім пяхотным палком КОП накіраваны на Валынь у раён Роўна, дзе 23 верасня ў раёне вёскі Радошын ён капітуляваў, але лёс нашага героя быў іншым. Хутчэй за ўсё ён яшчэ заставаўся для правядзення мабілізацыі ў батальёны КОПа “Лужкі” і “Падсвілле”. У вайсковых дакументах адзначана, што 1 верасня 1939 года харунжы Эдвард Пянькоўскі быў накіраваны ў распараджэнне батальёна КОП “Клецк” [3, с. 128]. Вось менавіта ў гэты час харунжы Эдвард Пянькоўскі мог спыніцца ў гатэлі мястэчка Мёры і аставіць свае фотаздымкі. 17 верасня 1939 года пасля нападу СССР на Польшчу батальён “Клецк”, дзе ўжо знаходзіўся наш герой, быў падпарадкаваны брыгадзе КОП “Палессе”. Каб злучыцца з брыгадай, батальён пачаў паступова адступаць на поўдзень спачатку, на Крывошын, потым Лунінец, Камень Кашырскі, Ратна, Шацк. За 15 дзён адступлення польскія пагранічнікі прайшлі 447 кіламетры. Апошні бой батальёна “Клецк” адбыўся 30 верасня ля ўкраінскага мястэчка Вытачна, а 1 кастрычніка камандуючы брыгадай “Палессе” генерал Орлік-Рюкеман аддаў загад спыніць баявыя дзеянні. Большая частка вайскоўцаў трапіла ў палон, некаторая частка здолела выратавацца і перайсці да партызанскіх форм барацьбы. Менавіта Эдвард Пянькоўскі ў гэтых мясцінах трапіў у савецкі палон. У складзе ваеннапалонных ён знаходзіўся ў лагеры Асташкоў непадалёку ад Калініна (цяпер Цвер, 200 км ад Масквы). 4 красавіка па распараджэнні кіраўніцтва СССР Сталіна і наркома НКВС Берыі пачаліся расстрэлы польскіх афіцэраў. У лагеры Асташкоў было расстраляна за месяц 6300 ваеннапалонных. У іх ліку быў і харунжы Эдвард Пянькоўскі. Толькі ў 1990 годзе было знойдзена месца, дзе былі пахаваны расстраляныя польскія афіцэры [4, с. 46]. Гэта гісторыя, спадзяюся, яшчэ будзе мець працяг. Працягваецца пошук сына Эдварда Андрэя, або яго іншых сваякоў. Пад пытаннем застаецца яшчэ і ўмовы, калі і пры якіх былі схаваны фотаздымкі ў гатэлі. Спадзяёмся і гэтыя згадкі будуць высветлены.

1. Dr Jerzy Prochwicz, Andrzej Konstankiewicz, Jan Rutkiewicz, "Korpus Ochrony Pogranicza 1924-1939", wyd. Barwa i Bron, Warszawa 2003, ISBN 83-900217-9-4.
2. Miednoje. Księga Cmentarna Polskiego Cmentarza Wojennego, tom. II, Warszawa 2005.
3. J. Tucholski: Mord w Katyniu, Warszawa 1991.
4. Krzysztof Persak – Ekshumacje katyńskie. Prace archeologiczno-ekshumacyjne w Charkowie, Katyniu i Miednoje w latach 1991–1996 i ich wyniki // Biuletyn Instytutu Pamięki Narodowej, Warszawa, nr 4, 2010, ISSN 1641-9561.
5. Ермалёнак В.А. Які твой лёс паручнік Эдвард // Краязнаўчая газета, №2, 2008.
6. <http://www.indeks.karta.org.pl/>

Свилас С.Ф.

ОБ УЧАСТИИ АРХИВИСТОВ БЕЛОРУССКОЙ ССР В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ГОДЫ ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ»

О вкладе советских специалистов в международное архивное сотрудничество писали российские эксперты Г.А. Белов, Г.А. Дремина, М.Я. Капран, Е.В. Старостин. Вопрос, рассматриваемый автором, не нашел достаточного отражения в белорусской историографии. Участие Белорусской ССР в деятельности Международного совета архивов в 1956 – 1964 гг. показано на основе документов внешнеполитического ведомства республики, рассекреченных в 1990-е годы и впервые вводимых в научный оборот.

Архивисты всего мира сталкиваются с одинаковыми проблемами отбора документов, обеспечения их хранения и организации поиска исследователями. Интерес народов друг к другу в значительной степени удовлетворяется архивами. Политики, анализируя эффективность сотрудничества своего государства с другими или членства в международных организациях, обращаются к изучению генезиса взаимоотношений на основе источников. Эти три главных мотива являются основой международного архивного сотрудничества [2, с. 82], активизация участия в котором советских специалистов произошла в годы хрущевской «оттепели».

В январе 1956 г. Президиум ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление о вступлении в Международный совет архивов (неправительственную общественную организацию, существовавшую с 1948 г. при активном взаимодействии с ЮНЕСКО) Главного архивного Управления СССР, Архивного управления УССР, Архивного управления Белорусской ССР и об участии представителей этих архивных органов в работе III Международного конгресса архивов (I конгресс состоялся в 1950 г. в Париже и II-й - в 1953 г. в Гааге, но на них советские представители не посылались). В соответствии с указанным постановлением Архивное управление БССР 2 февраля 1956 г. направило письмо председателю Международного совета архивов о своем вступлении в Международный совет архивов. 25 сентября 1956 г. Международный совет архивов принял Архивное управление БССР в число своих членов. Представителем архивистов республики в организации был назначен начальник Архивного управления при Совете Министров Белорусской ССР А.И.Азаров [1, д. 327, л. 212; д. 349, л. 174] - «1907 года рождения, русский, член КПСС с 1939, окончил Московский историко-архивный институт в 1940 году, кандидат исторических наук» [1, д. 334, л. 5].

На III Международном конгрессе архивов (Флоренция, октябрь 1956 г.) Белорусскую ССР в составе делегации Советского Союза представляли А.И. Азаров и В.А. Ильичева, «начальник Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства БССР, 1926 года рождения, член КПСС с 1953 года, русская, окончила Московский историко-архивный в 1948 году» [1, д. 334, л. 6]. Всего в работе конгресса приняли участие 560 архивистов из 45 стран, которые обсудили вопросы строительства архивных зданий, экспертизы ценности документов, а также вопрос о частных архивах. После окончания работы конгресса советская делегация посетила Рим и ряд других городов Италии, где ознакомились с постановкой архивного дела, а затем совершила поездку по архивам ГДР [1, д. 327, л. 216; д. 349, л. 175]. В рассекреченных документах белорусского внешнеполитического ведомства сохранились краткие воспоминания А.И. Азарова о поездке в Италию, носящие отнюдь не формаль-

ный характер: «21 октября, поднявшись с постели в четыре утра и выпив итальянского кофе, мы отправились на вокзал и выехали в Венецию. ...Курортный сезон в Италии уже закончился, но любители еще купались. Многие из нас также искупались в Адриатическом море. Наши катались на гондолах. Во Флоренцию возвратились поздно вечером. ...Нам подали вино, пирожные и пряники. Архивисты Рима в откровенной беседе говорили, что рады установить с советскими архивами связь, которую имели до 1937 г.» [1, д. 327, л. 212 - 214].

23–25 мая 1957 г. в Загребе состоялась III-я Международная конференция архивистов, в которой в составе советской делегации участвовал тот же А.И. Азаров. Обсуждалась проблема «Место архивов и архивных работников в государстве». Члены советской делегации ознакомились с постановкой архивного дела в Югославии, имели ряд бесед с югославскими архивистами. В одной из таких бесед, в которой принимал участие белорусский представитель, был затронут вопрос об ускорении выявления в Югославии документов об Октябрьской революции и написании воспоминаний ее участниками [1, д. 367, л. 143]. На IV Международной конференции архивистов (20 – 22 мая 1958 г., Висбаден, ФРГ) А.И. Азаров продолжал представлять Белорусскую ССР. Участники обменялись мнениями по новым областям использования архивов (история литературы, географические исследования и национальная экономика). На обсуждение был внесен ряд предложений по улучшению работы архивов, в частности, о создании методических и тематических каталогов по истории литературы и географии (Португалия), об издании путеводителя-справочника по истории литературы (Франция). А.И. Азаров рассказал о том, что в СССР и странах народной демократии систематически разрабатываются архивные материалы по истории литературы, географии, политике и другим вопросам, архивы широко используются для решения экономических и социальных проблем, работа архивистов широко освещается в печати, в республике принят ряд мер по изучению и использованию архивных материалов, имеющих практическое значение для развития национальной экономики страны: архивные учреждения систематически информируют различные организации об интересующих их документах, организуют выставки архивных материалов, публикуют статьи по отдельным вопросам, соответствующими организациями периодически заслушиваются доклады о составе и содержании архивных фондов. Было отмечено, что документы государственных архивов БССР широко использовались при восстановлении народного хозяйства республики, в частности, при восстановлении и строительстве промышленных предприятий, путей сообщения и коммунальных сооружений в Минске, Витебске, Полоцке, Бресте, Мозыре, Пинске, а это сэкономило значительную сумму государственных средств [1, д. 390, л. 95–96].

На IV Международном конгрессе архивов (Стокгольм, август 1960) были представлены 47 стран, приславшие 600 специалистов. До открытия конгресса советская делегация, в составе которой находился А.И. Азаров, присутствовала на заседании комиссии по составлению путеводителя о странах Латинской Америки, где выразила готовность к сотрудничеству. Во второй половине того же дня, 16 августа, состоялось заседание учредительной Генеральной ассамблеи Международного совета архивов, на которой была утверждена повестка дня конгресса, заслушаны отчеты о деятельности исполкома МСА, принято предложение об увеличении членских взносов. Были заслушаны также краткие сообщения о работе редакции журнала «Архивум», о деятельности комиссии архивной терминологии по составлению словаря архивных терминов. В целях укрепления связей и обмена опытом с архивистами социалистических стран был расширен состав исполкома, в который вошли Г.Белов (СССР) и Г.Альтман (ПНР). Ассамблея приняла в МСА Главное архивное управление КНР, приславшее на конгресс свою делегацию. Также впервые присутствовали делегации архивистов Болгарии и Чехословакии. Конгресс рассмотрел следующие вопросы: государственные архивы и их

организация; новая техника, новые материалы и новый опыт в области реставрации документов и печатей, консервация карт и фотографий; архивы и современные экономические и социальные исследования. Бельгийский архивист Сабб подчеркнул необходимость повышения профессионализма архивистов, затронул вопросы обеспечения сохранности документальных материалов, деятельности библиотек архивов, систематизации и классификации документов, совершенствования средств воспроизведения текста (микрофотокопирование и т.п.). Седе (Венгрия) обратил внимание на преимущества централизации архивного дела в стране. Альтман (ПНР) высказал мнение, что организация архивного дела всегда зависит от государственного строя и традиций. Он подчеркнул, что централизация архивного дела имеет решающее значение для проведения научных изысканий. Дунивай (США), будучи сторонником децентрализации, отметил, что в его стране архивные учреждения штатов независимы от центральных органов, и Национальный архив не подчиняет себе отдельные архивы, а также не руководит их работой. Советская делегация не выступала по первому вопросу, поскольку ее позиция была изложена в журнале «Исторический архив». Г.А. Белов доказывал, что база комплектования государственных архивов в социалистических странах, где документы являются общенародной собственностью, несравненно богаче и шире, нежели в архивах стран, где существует частная собственность на документальные материалы предприятий, акционерных обществ, фирм и отдельных лиц. Архивы Советского Союза являются не только «житницей истории» и «арсеналом администрации», но и арсеналом народного хозяйства, арсеналом передового технического прогресса. Дискуссия на конгрессе проходила в основном на деловой основе, нарушенной французским архивистом Марканом, назвавшим социалистические страны находящимися «по ту сторону железного занавеса» и характеризовавшим их профюзы как «почти государственные организации». Делегаты Польши и СССР подчеркнули, что подобные заявления не могут служить сближению архивистов [1, д. 428, л. 54 - 58].

VI сессия Международной конференции «круглого стола» архивов (май 1961, Варшава) собрала 44 руководителя национальных архивных управлений и центральных архивов из 26 стран, а также представителей ЮНЕСКО и ООН. А.И.Азаров в составе советской делегации принял участие в обсуждении вопроса «Архивы в международной жизни». Советская делегация внесла предложения об обращении участников конференции к архивистам всех стран с призывом способствовать возвращению перемещенных в годы Второй мировой войны архивных материалов их законным владельцам. Было подчеркнуто, что СССР по своей инициативе передал Польше, Чехии, Румынии, ГДР, Франции, Норвегии и другим странам большое количество документов, спасенных от гибели его армией. В Беларуси погибло 50% архивных материалов (столько же – в западных областях России, а в Украине из 47 государственных архивов было полностью уничтожено 22). Советская делегация отметила, что ряд архивов Советского Союза удерживается в ФРГ и США, а правительства этих стран не предпринимают никаких мер по их возвращению. Конференция призвала правительства при составлении международных договоров приглашать для консультаций архивистов и рекомендовала исполкому Международного совета архивов учредить комиссию по изучению практических вопросов международного архивного права, в том числе связанных с территориальными изменениями государств. Конференция высказалась за возвращение документов, перемещенных в годы Второй мировой войны, оказание помощи в организации архивного дела развивающимся странам. Исполнительному комитету Международного совета архивов было предложено учредить комитеты по микрофотокопированию и по организации выставок архивов за границей, а архивам - составить каталоги документов, которые можно у них получить. Сессия призвала архивные учреждения всех стран уведомлять друг друга о возможной продаже документов. Белорусский участник отмечал большой успех сессии [1, д. 453, л. 57 - 64].

Коллегия МИД Белорусской ССР, состоявшаяся в июне 1961 г., отметила, что форумы архивистов в Стокгольме и Варшаве «прошли в обстановке научного сотрудничества... и способствовали взаимному обмену опытом в области обеспечения сохранности, внедрения новой техники и новых методов комплектования архивов, организации использования документальных материалов в архивах и т.д. Результаты работ конференций свидетельствуют о неуклонном росте международного авторитета советских архивистов». А.И.Азарову было рекомендовано выступить в республиканской прессе и подготовить статью о развитии архивного дела в Белорусской ССР для опубликования ее в изданиях ЮНЕСКО [1, д. 436, л. 67].

V Международный конгресс архивов (1 – 5 сентября 1964 г., Брюссель) собрал 600 делегатов из 45 стран. В работе конгресса приняли участие представители всего «социалистического лагеря», за исключением Болгарии и КНР, а также ГДР, представители которой были лишены возможности прибыть на конгресс в связи с позицией бельгийских властей, отказавших им в выдаче въездных виз. От Белорусской ССР в конгрессе вновь участвовал начальник Архивного управления при Совмине БССР А.И.Азаров, выезжавший из Москвы. Началу работы конгресса предшествовало заседание Генеральной Ассамблеи – высшего руководящего органа Международного Совета архивов. На Ассамблее были утверждены поправки к Уставу МСА, принятые на заседании исполкома Международного совета архивов в июне 1964 г., и проведены выборы нового исполкома МСА. В его состав вошли представители Англии, Бельгии, Испании, Мексики, Польши, СССР, Франции, ФРГ и Венгрии. Президентом МСА был избран Главный архивист Бельгии Э. Сабб. Конгресс обсудил следующие вопросы: внедрение и использование техники в архивном деле; публикаторская работа архивов и ее методы; положение, организация и систематизация церковных архивов; хранение и описание печатей; подготовка научных кадров для государственных архивов. Члены советской делегации выступили в секциях по публикаторской работе архивов, сфрагистике и подготовке молодых архивистов. Участие в работе конгресса дало возможность представителям архивных учреждений Советского Союза ознакомиться с ценным зарубежным опытом, особенно в области систематизации архивных материалов, публикации документов, подготовки специалистов. Как недостаток в организации конгресса А.И. Азаров отметил отсутствие синхронного перевода на русский язык [1, д. 529, л. 109 – 110]. Подчеркнем, что взносы Белорусской ССР в Международный совет архивов, в том числе финансирование участия специалистов республики в его мероприятиях, осуществлялись из союзного бюджета [1, д. 505, л. 9; д. 521, л. 11].

Современные архивы Запада по оснащенности значительно опережают белорусские, причем прорыв в развитии инфраструктуры был начат в первой половине 1960-х гг. В то же время, по оценке выдающегося российского архивиста В. Козлова, «мы остаемся пока равными в осмыслении и понимании профессиональных проблем с представителями нашей профессии из любой, даже самой продвинутой страны мира» [2, с. 85, 93], что обусловлено совокупностью факторов, в числе которых – традиция участия в международном сотрудничестве, восстановленная в период «оттепели».

1. Архив Министерства иностранных дел Республики Беларусь. - Ф. 907/3. – Оп. 3.

2. Козлов, В. Многие тайны хранят российские архивы / В. Козлов // Международная жизнь. – 2008. - № 12. – С. 82 – 93.

РАЗДЕЛ 5 ГИСТАРЫЯГРАФІЧНЫЯ КРЫНІЦЫ

Чикалова И.Р. ИЗДАНИЯ ПЕРЕВОДОВ «ВСЕОБЩИХ ИСТОРИЙ» В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В XIX веке начинает укрепляться представление о недостаточности изолированного изучения истории отдельных стран и необходимости более широкого взгляда на мир, представленного всеобщими, или всемирными историями. В одном из номеров 1860 г. редакция журнала *Отечественные записки* сформулировала отношение к проблеме изучения истории: «Большее или меньшее распространение в обществе основательных исторических сведений служит мерилем развития самого общества; а количество и качество средств, находящихся в его распоряжении для приобретения этих сведений, дают возможность судить об общем уровне и качестве его исторических познаний». Журнал определил и свою позицию относительно жанров исторической литературы. «Исторические учебники, с одной стороны, и исторические монографии, с другой, в самой богатой ими литературе, еще не доставляют всего того, что необходимо для распространения в обществе прочных, основательных исторических сведений. Учебник имеет своим назначением только дать ключ к последующему пониманию науки; учебник истории – это только ее азбука... Чтение монографий дает массу исторических сведений, развивает исторический смысл и понимание. Но, по свойству самих монографий, добытые с их помощью сведения будут иметь характер разрозненных обрывков: необходима дополняющая их общая связь; необходимо знать и понимать целое на столько, чтобы уметь отдельной части указать соответствующее ей место. Этой потребности стремятся удовлетворить труды по всемирной истории; они пишутся не для ученых специалистов, хотя и им приносят свою пользу; они предназначаются для массы образованных или образующихся людей» [22]. В России «Всемирные истории» стали издаваться в избытке – от многотомных (у Шлоссера, например, их было 18) до скромной, на 200 с небольшим страниц, «Всеобщей истории для детей» Лависса [14].

Первыми по времени на российском книжном рынке появились труды одного из основателей немецкой либеральной гейдельбергской школы **Фридриха Кристофа Шлоссера**. Его «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особо подробным изложением хода литературы» [41] и «Всемирная история» [42] в России издавались – первая дважды, вторая трижды. Шлоссера высоко оценивали представители революционно-демократической мысли. Например, его «Всемирную историю» конспектировал К.Маркс. Н.Г.Чернышевский перевел для русского издания ряд ее томов, поэтому у него, как ни у кого другого, были основания отметить «правдивость и рассудительность» в изложении Шлоссером исторических событий. В глазах Чернышевского «этот человек занимает первое место в между всеми современными нам историками... Он верит в правду, он любит человека... Едва вы прочтете несколько десятков страниц в его книге, в вас начинает пробуждаться чувство, которого вы никак не ожидали, – чувство уважения к нему... Сроднившись с ним, вы, может быть, перестанете видеть в истории тот непрерывный, ровный прогресс в каждой смене событий и исторических состояний, который чудился вам прежде; быть может, вы потеряете веру почти во всех тех людей, которыми ослеплялись прежде; но зато уже никакое разочарование опыта не сокрушит того убеждения в неизбежности развития, которое сохранится в вас после его строгого анализа» [40]. С мнением Чернышевского солидаризировался А.А. Антонович, который в *Вестнике Европы* высказал убеждение в благотворности труда Шлоссера, потому что в нем «на каждой строке говорит голос глубокого убеждения, искреннего чувства, неподдельного восторга или

негодования, нравственной строгости, неподкупной правды и глубокого презрения ко всякому ренегатству» [5]. С Чернышевским были согласны и читатели: даже в провинциальных российских библиотеках на сочинения Шлоссера был большой спрос [26].

Значительный интерес в России вызвали труды немецкого историка **Георга Вебера**. Появление в 1859 г. его «Курса всеобщей истории» [2], а затем в 1860 г. «Всемирной истории» [3] вызвало более чем благожелательный отклик. Журнал *Отечественные записки* отозвался редакционной статьей (не назвав автора): «Недавно мы имели случай поздравить русских читателей с приобретением перевода исторического учебника Георга Вебера; теперь мы имеем возможность поздравить их с новым капитальным приобретением. Лучший немецкий труд по всемирной истории – *Всемирная история* Георга Вебера является в русском переводе, делается доступным для большинства русской читающей публики». Еще большую известность получила его 15-томная «Всеобщая история», вышедшая в России двумя изданиями [4]. Об общественном интересе к этому труду свидетельствует тот факт, что первые 12 томов под псевдонимом «Андреев» перевел Н.Г. Чернышевский. Вебер с опорой на новейшие по тому времени данные естественных наук, истории и археологии, лингвистики, философии и социологии попытался создать целостное представление о развитии политических институтов и событий, социально-экономических отношений и прогресса культуры с древнейших времен до XIX в. Собственно последнему посвящены 14 и 15 тома. Относительно освещения истории XIX в. критика была беспощадна. *Русское богатство* особенно отметило, что в изложении Вебера больше всего отведено место истории Германии, но «это не история объединения немецкого народа, скорее славословие в честь Бисмарка и Гогенцоллернов, гимн милитаризму и проповедь ненависти к Франции ... Пред нами не беспристрастный, сдержанный в своих суждениях историк, каким является Вебер в предыдущих томах своего труда, а опьяненный победами юнкер из Померании» [30].

В России хорошо знали труды выдающегося английского историка, вига по убеждениям и политической карьере (в правительстве Мелборна занимал пост военного министра) **Томаса Бабингтона Маколея**. Большую роль в распространении исторических знаний сыграло его 16-томное полное собрание сочинений, которое издавалось дважды – в 1860–1866 и 1865–1871 гг. [15, 16] Первые пять томов составляют исторические эссе 1828–1835 гг., сквозной идеей которых является основанное на английском опыте утверждение о возможности и желательности отказа от революционных изменений. 6–13 тома включают «Историю Англии от восшествия на престол Иакова II», которая охватывает, однако, лишь последнюю четверть XVII в. В связи с этим главное внимание в ней уделено «Славной революции» 1688 г. и царствованию Вильгельма III. 6–13 тома включают «Историю Англии от восшествия на престол Иакова II», 14–15 тома – статьи и речи, 16 том – портретную галерею государственных деятелей и других выдающихся лиц, упомянутых Маколеем в своих сочинениях. Маколей тепло был встречен в России. *Русский вестник*, не дожидаясь перевода, откликнулся на лондонское и лейпцигское издания. Оценки им даны в превосходных степенях: Маколей «решился изобразить только одну эпоху, но изобразить ее так, чтобы она вся, со своими лицами, интересами, страстями восстала перед лицом читателей. Для достижения этой цели Маколей не жалел ни усилий, ни времени; он изучал с одинаковым вниманием важнейшие исторические акты и ничтожнейшие, по-видимому, произведения народной литературы, общие стремления страны и мелкие побуждения отдельных деятелей ее»; и как общий вывод: «замечательный очерк главнейших эпох английской истории» [1]. Потом в трудах Маколея стали находить слабое знание источников, ошибки и погрешности, возвеличение роли отдельных личностей и недооценку народных масс. Интерес к нему постепенно угас.

Одновременно в двух переводах в 1880 г. вышел «Общий очерк истории Европы» профессора Оксфордского университета **Эдуарда Фримана** [38; 39]. Издание этой

книги объясняли недостатком «такого обзора европейской истории, который соединял бы краткость конспекта с живым интересом изложения, который, служа учебником или учебным пособием, мог бы вместе с тем возбудить охоту к ближайшему изучению истории». Критика встретила эту работу резко отрицательно «Книга Фримана переполнена фактами и именами, посвящена почти исключительно внешней судьбе европейских государств; тем же сторонам народной жизни, освещение которых составляет главную задачу и главный интерес современной исторической науки, Фриман отводит слишком мало места. Он дает именно конспект, т.е. перечень событий, годный для справок, для возобновления в памяти забытых фактов, а не связную, живую картину важнейших перемен, происшедших в положении, жизни, мирозерцании европейских народов». Из этого делался вывод: «существенно полезным приобретением для нашей литературы книга Фримана названа быть не может» [6]. Не вызвала особого общественного резонанса и трехтомная «История Европы XIX века» **Чарльза Файфа**, опубликованная в 1889–1890 г. и переизданная в 1904 г. [37] Она охватывала события от Французской революции до 1878 г. и главное внимание уделяла международным отношениям, дипломатическим переговорам и войнам. Как заметила *Русская мысль*, «от чтения его книги остается впечатление, что вся история Европы в XIX в. была наполнена одними войнами и дипломатическими переговорами; факты внутренней истории выступают у Файфа на сцену только для того, чтобы заполнить промежутки между войнами и международными конгрессами, и излагаются чрезвычайно кратко» [27]. Если политический процесс в отдельных странах хоть как-то представлен, то внутренняя жизнь Англии совершенно не затрагивается. История экономической жизни и культуры Файфа вообще не интересует.

На протяжении 1894–1895 гг. опубликовали первым изданием четырехтомную «Всеобщую историю» профессора педагогики из Бонна **Оскара Иегера** [9]. Она имела успех у читателей, которых привлекали либеральный подход к оценке событий, богатство фактического материала, образность характеристик политических деятелей и монархов. Как и многие другие подобные труды, книга не обращается к социально-экономическим проблемам. Всего труд Иегера выдержал в России пять изданий.

Трижды в переводе с датского языка издали двухтомный труд «История нашего столетия. 1815–1890» **Александра Торсое** (1840–1920). 3-е издание под заглавием «История новейшего времени» охватывало уже 1815–1916 гг. [34; 35; 36] Внутренняя история в нем преобладает над международными отношениями и войнами, рассматривается почти исключительно жизнь европейских народов. Широких обобщений и характеристик эпох в этой книге нет, равно как и выявления причин явлений. Почти не уделено внимания экономической истории и духовной жизни. Авторитет книге А. Торсое «История нашего столетия. 1815–1890» придавало участие в нем одного из наиболее прогрессивных российских историков профессора Киевского университета И.В. Луцицкого, выступившего в качестве редактора 3-его издания и автора включенного во 2-й том раздела «Очерк международных отношений в Западной Европе с 1900 г.».

Получил широкую известность двухтомный труд профессора Сорбонны **Шарля Сеньобоса** «Политическая история современной Европы». В России с 1897 по 1908 гг. эта книга издавалась в 3-х различных переводах 7 раз и 2 издания вышли уже при Советской власти в 1922–1924 гг. [33] В центре внимания Сеньобоса политическая, особенно парламентская история, хотя и не без изъятов в освещении событий: по книге нельзя составить представление об изменении социального состава электората после реформ 1867 и 1884 гг. В очерках по истории ведущих европейских стран, в том числе и Англии, рассмотрены особенности государственного строя и деятельность партий, показаны международные отношения, в том числе соперничество России и Англии. История экономических и социальных отношений, духовная жизнь также остались за рамками двухтомника. Книга вызвала одобрительные отзывы *Мира Божьего*, журнал

особенно отмечал, что «автором чуть ли не впервые весьма детально обработана история политических партий, самых важных факторов в развитии различных политических учреждений» [20]. Приветствовал выход книги и *Северный вестник*, подчеркнувший, что «давно уже чувствовалась потребность в сочинении, которое бы заключало сжатую, но ясную и полную политическую историю современной Европы. Эту задачу взял на себя лектор парижского университета Сеньбос и выполнил ее, – надо отдать ему справедливость, – превосходно» [32]. *Русская мысль* выступила более критично. Посетовав, что 3 перевода в течение года «слишком много» и отметив, что «политическая история XIX века изложена в главных чертах с чисто французской последовательностью и ясностью», журнал, не назвавший автора рецензии, охарактеризовал труд как компилятивный, лишенный продуманности и конспективный: «автор слишком уж старается не пропустить мало-мальски значительных фактов и отводит много места простым перечням, предпочитая их более поучительным общим характеристикам» [28]. На четвертое издание, вышедшее в 1907–1908 гг., этот же журнал откликнулся рецензией А. Кизеветтера, благожелательной по своим оценкам: «конспективный, но точный и выразительный очерк политического развития европейских государств, составленный Сеньбосом, действительно является прекрасным пособием для первоначальной ориентировки в новейшей истории Европы» [29].

Член Французской Академии и министр образования при Наполеоне III **Виктор Дюрюи** создал 3-томную «Всеобщую историю». Ее тоже издали в России [8]. Французский профессор **Э. Марешаль**, до того как его узнали в России, 19 раз издал во Франции книгу «История девятнадцатого века (1799–1899)» [18]. В ней Французская революция конца XVIII в. представлена величайшим событием мировой истории, открывшим этап утверждения буржуазного прогресса и миропорядка, в историческом процессе центральное по значению место отдано Франции, а английская история рассматривается в связи с антинаполеоновскими войнами и соперничеством с Францией. Марешаль видит во Франции центральную по своему историческому значению страну, именно ее истории уделено наибольшее внимание, а история других стран Европы в том числе Англии, рассматривается в контексте французской. В сочинении Марешаля, разделенном на три тома, два посвящены истории Европы (первой и второй половин XIX в., границей между которыми являются революции 1848 г.) и один – остальным странам: Америке, Азии и Африке, Океании. Автор сосредотачивает внимание преимущественно на политических и военных событиях истории. Истории экономических отношений не рассматривается, рассказ о духовной жизни сведен к перечислению произведений писателей. Нет у Марешаля и общих характеристик эпох, закономерностей и особенностей развития стран отдельных континентов. Встретили книгу не то чтобы восторженно, но в общем благосклонно: «довольно полное справочное пособие по новейшей истории», содержание «полнее и обстоятельнее Сеньбоса, Файфа и Торсое – трех лучших компендиумов истории XIX века, переведенных на русский язык» [19].

Под редакцией **Юлиуса Пфлуг-Гартунга** в переводе с немецкого языка была издана в 1910 г. «Всемирная история» [24]. Авторами этой книги являются сам Пфлуг-Гартунг (раздел «Эпоха национальных и социальных движений»), Ульман («Европа во время реакции»), а также Гейгель и Гаузенштейн («Эпоха национального объединения»). Авторы сделали попытку представить всемирную историю не только как сумму историй отдельных стран, а через эти истории выявить определяющий вектор развития XIX в. По убеждению авторов, «развитие XIX века, главным образом, обуславливалось национальными и социальными силами, проявляясь все более и более в массовых формах. Повсюду массы: массовые количества рабочих, массовое производство товаров, массовый капитал, потребности масс, города с массовым населением, массовые армии, массовые изобретения и т.д. Если масса, таким образом, начинает влиять на судьбы жизни, то в ней и через нее фактически проявляется деятельность человечества» [25].

Русское богатство, признавая, что в этом труде читатель найдет «много полезного и хорошо сгруппированного материала», в то же время предостерегает против «общего направления» книги, выражающегося в «умеренном либерализме». По мнению журнала, книга, «выражая сочувствие к «некоторым экономическим сторонам социализма и даже к его представителям» (имеются в виду Маркс, Энгельс и Лассаль), «несправедливо относится к чисто политической стороне дела», подогревает обращающиеся в буржуазных слоях легенды о политических выступлениях социализма, переносит свое враждебное отношение «на все идеи широкого демократизма и республиканства». Журнал обратил внимание и на германофильство, составляющее «постоянную атмосферу книги» и никак не отмеченное редакторами перевода Н.И. Кареевым и С.Г. Лозинским [31]. Затем под редакцией Юлиуса Пфлуг-Гартунга в 1911–1912 гг. вышла «История нового времени» [10]. Ее перевод редактировал профессор Е.В. Тарле.

Широкую известность получила восьмитомная «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени», созданная французскими историками под руководством профессоров Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо и выходившая в России на протяжении 1897–1903 гг. [7] Завершающий издание 8-ой том полностью посвящен Французской революции конца XVIII в. Современников в этом труде привлекло, помимо высокого научного уровня, сравнительное беспристрастие: «здесь Франция занимает подобающее ей место, но не подавляет все остальное» [21]. Продолжив начинание, Лависс, Рамбо и их единомышленники отразили девятнадцатое столетие в отдельной, тоже восьмитомной, «Истории XIX века», российскую публикацию которой осуществили в 1905–1908 гг. [11] Уже современники расценивали ее как наиболее полное отражение событий рассмотренного столетия. Этот труд имел долгую жизнь. В советское время он вышел двумя изданиями, второе – под редакцией академика Е.В. Тарле. Говоря о научном уровне и достоинствах «Истории XIX века», Тарле подчеркивал: «Собственно, из всех больших европейских изданий, подводящих общие итоги результатам исторических исследований по истории XIX века, с трудом Лависса и Рамбо может быть сопоставлена по научной основательности одна только «Кембриджская новая история»... Но Кембриджская история рассчитана больше на специалиста, чем на массового читателя... Совсем другое дело Лависс и Рамбо. Они дают не только живое, связанное литературно исполненное изложение всей громадной массы сложнейших политических событий XIX столетия во всех странах Европы, но и очень содержательную, при всей своей краткости, характеристику таких явлений мировой культуры, как литература, музыка, живопись, скульптура, архитектура, развитие научных знаний» [23].

Переводы на русский язык трудов крупнейших европейских историков, политологов, юристов, социологов стали важным и естественным ответом на общественную потребность в изучении европейского опыта. Осмысление своеобразия исторического развития, особенностей государственно-политического устройства, общественной жизни и социальной политики зарубежных стран должно было помочь найти ответы на вопросы, перед решением которых стояла Российская империя. По словам В.О. Ключевского, речь шла «о согласовании национального с общечеловеческим, самобытного народного развития с необходимостью подражать опередившим народам» [12]. Российский литературовед, академик Петербургской Академии Наук Н.А. Котляревский в «Очерках из истории общественных настроений шестидесятых годов» отмечал: «Иностранная книга приходила молодому читателю на помощь прежде всего в его борьбе с традициями старины – т.е. с установившимися религиозным мировоззрением, с господствующим политическим порядком и с наличным социальным строем; она, затем, укрепляла в нем сознание силы индивидуального начала в жизни вообще и веру в сильную личность, призванную дать направление массовой жизни; она поддерживала в читателе его гуманный образ жизни и ту демократическую тенденцию, которая все резче и ярче проступала в его понятии о прогрессе» [13]. Соглашаясь с обозначенной Котля-

ревским общей тенденцией, следует отметить и то, что круг «потребителей» научной литературы территориально был в значительной мере ограничен столицами и провинциальными университетскими городами.

1. Арсеньев К. Последняя часть Истории Англии Маколея // Русский вестник. 1861. № 6. С. 587; № 9. С. 16.
2. Вебер Г. Курс всеобщей истории / Пер. с нем. Е. и В. Корша. В 4-х т. М.: Унив. тип., 1859–1862; Изд. 2-е. М.: Тип. Грачева и К°, 1860-1875.
3. Вебер Г. Всемирная история / Пер. В. Игнатович и Н. Зуев. Кн. 1. СПб.: Тип. С. Бенева. 1860. 486 с.
4. Вебер Г. Всеобщая история Георга Вебера. В 15 т. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1885–1893.
5. Вестник Европы. 1871. №5. С. 485.
6. Вестник Европы. 1880. № 6. С. 306-308.
7. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Сост. под рук. Э. Лависса и А. Рамбо. В 8-ми т. М.: К.Т. Солдатенков, 1897–1903.
8. Дюрюи В. Всеобщая история. Т. 1-3. Т. 3. История нового времени. СПб.: Изд. ред. журн. «Наука и жизнь», 1904. 328 с.
9. [Иегер О.]. Всеобщая история. В 4-х т. Соч. проф. Оскара Иегера. СПб.: А.Ф. Маркс, 1894–1895; изд. 2-е. 1904; изд. 3-е. 1906; изд. 4-е. 1908; изд. 5-е. 1909.
10. История нового времени (1500–1910) / Под гл. ред. И. Пфлуг-Гартунга. Т. 1. СПб.: Т-во «Просвещение» / Пер. с нем. под ред. проф. Е.В. Тарле, 1911–1913.
11. История XIX века (Западная Европы и внеевропейские государства). Т. 1–8 / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Пер. с франц. с доп. статьями П.Г. Виноградова, М.М. Ковалевского, К.А. Тимирязева. М.: Бр. А. и И. Гранат и К°, 1905–1908.
12. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения: В 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 5. С. 327.
13. Котляревский Н. Очерки из истории общественного настроения шестидесятых годов // Вестник Европы. 1914. № 4. С. 177.
14. Лависс Э. Всеобщая история. Для детей от 10 до 13–14 лет. М.: А.Ю. Маноцкова. 1900. 211 с.
15. Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений / Пер. А. Буницкий, Г. Думшин; Авт. ст. Г. Вызинский. СПб.: Изд. Николая Тиблена, 1860–1866.
16. Маколей Т.Б. Полное собрание сочинений / Пер. А. Буницкий, Г. Думшин; Авт. ст. Г. Вызинский. СПб.: Изд. Николая Тиблена, 1860–1866.
17. Маколей Т.Б. Полн. собр. соч. В 16 т. СПб.: Изд. Николая Тиблена, 1860–1866; Изд. 2-е. СПб., 1865–1868.
18. [Маршалль Э.]. История девятнадцатого века (1799–1899) / Пер. с 19-го издания, дополненного с ноября 1896 года по сентябрь 1899 г. Э. Озу, под редакцией профессора А.С. Травчевскаго. СПб.: Изд. Ф. Павленкова; Тип. Ю.Н. Эрлих, 1904. 1588 стб.
19. Мир Божий. 1904. № 5. С. 98.
20. Мир Божий. 1897. № 1. С. 71.
21. Мир Божий. 1897. № 2. С. 85.
22. Отечественные записки. 1860. № 11. Т. 133. С. 50-51.
23. От редактора // История XIX века / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1938. Т. 1. С. 10-11.
24. Пфлуг-Гартунг И. [составитель]. Всемирная история. Пер. с доп. и предисл. под ред. Н.И. Кареева и С.Г. Лозинского. Отд. рус. истории написан А.А. Корниловым. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910–1911.
25. Пфлуг-Гартунг И. [составитель]. Всемирная история. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910–1911. Т. 1. От Венского Конгресса до наших дней (1815–1910). 1910. С.8.
26. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. СПб.: Изд. О.Н. Поповой, 1895. С. 116.
27. Русская мысль. 1905. № 3. С.105.
28. Русская мысль. 1898. № 11. С. 431.
29. Русская мысль. 1908. № 8. С. 171.
30. Русское богатство. 1893. № 6. С. 5.
31. Русское богатство. 1910. № 11. С.130, 131.
32. Северный вестник. 1897. № 7. С. 104.
33. Сеньобос Ш. Политическая, история современной Европы: эволюция партий и политических учреждений. 1814–1896; в 2 ч. СПб.: А.С. Суворин. Ч. 1. 1899. 608 с; Ч. 2. 1897. 792 с.
34. Торсое А. История нашего столетия. 1815–1890 г. / Пер. с дат. М.В. Лучицкой, под ред. проф. И.В. Лучицкого. Т. 1–2. Киев: С.В. Кульженко, 1898–1899.
35. Торсое А. История нашего столетия 1815–1890 г. / Пер. с датского с доп. М.В. Лучицкой под ред. проф. И.В. Лучицкого. Т. 1–2. СПб.; Харьков; Киев: Южно-русское книгоиздательство Иогансона, 1902.
36. Торсое А. История новейшего времени. 1815–1916 г. / Пер. с дат. М.В. Лучицкой, под ред. проф. И.В. Лучицкого. Пг.: П.П. Сойкин, 1917–1918.
37. Файф Ч.А. История Европы XIX века. В 3 т. / Под ред. И.В. Лучицкого. Т. 1. С 1792 г. по 1814 г. СПб.: К.Т. Солдатенков, 1889. 394 с; Т.2. С 1814 по 1848 г. СПб., 1889. 352 с.; Т.3. С 1848 по 1878 г. СПб., 1890. 368 с. 2-е изд. [В 1 т.] СПб.: Кн-во М.В. Пирожкова, 1904. 784 с.
38. Фриман Э.А. Общий очерк истории Европы. СПб.: Тип. Н.А. Котомина, 1880. XVI, 242 с.
39. Фриман Э.А. Очерк истории Европы. СПб.: «Новое время». 1880. 208 с.
40. Чернышевский Н.Г. Предисловие к русскому переводу истории XVIII столетия Шлоссера // Полн. собр. соч. М., 1950. Т. V. С. 175-176.

41. Шлоссер Ф.К. История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи с особо подробным изложением хода литературы. В 8 т. СПб.: Тип. Глав. штаба его императорского величества по воен.-учеб. заведениям, 1858–1860. 2-е изд. В 8-ми т. СПб.: А.А. Черкесов, 1868–1871.
42. Шлоссер Ф.Х. Всемирная история / Пер. под ред. Н.Г. Чернышевского. С 10 т. В. Зайцева. В 18 т. СПб.: Изд. А. Серно-Соловьевича, 1861–1869; 2-е изд. В 8 т., СПб., 1868–1877; 3-е изд. В 3 т. СПб., 1876–1878.

Воранаў Р.Г.

**ТРАКТОЎКІ ПОСТАЦІ ФРАНЦІШКА СКАРЫНЫ Ў ПОЛЬСКОЙ ГІСТА-
РЫЯГРАФІІ ХІХ – пач. ХХ ст. ЯК КРЫНІЦА ВЫВУЧЭННЯ ПОГЛЯДАЎ НА
БЕЛАРУСКУЮ ЭТНІЧНУЮ СУПОЛЬНАСЦЬ**

Постаць Францішкі Скарыны, як аднаго з нацыянальных герояў менавіта беларускай гісторыі, сёння падаецца абсалютна лагічнай і абумоўлена цэлым шэрагам прычынаў: ягоным полацкім паходжаннем; сталай дзейнасцю на сваёй этнічнай тэрыторыі; моўнымі характарыстыкамі выданняў; асабістымі “патрыятычнымі” поглядамі. Выбітнасць жа Скарыны найперш звязваецца з фактарам першадрукарства. Чаму менавіта чалавек, які першым надрукаваў кнігу на нашых землях і з ужываннем мясцовай мовы, заняў настолькі трывалае месца ў масавай свядомасці і культурнай памяці беларусаў, – асобная тэма, бо першадрукары з цягам часу не становяцца цэнтральнымі фігурамі ў гераічных пантэонах “сваіх” народаў у абавязковым парадку. (Сярод толькі нашых суседзяў поруч з прыкладамі вялікай вядомасці Мажвідаса ў Літве, добра знанага ў Расіі і Украіне Івана Фёдарова, мы сустракаем татальную непапулярнасць першадрукароў у Польшчы.)

Рэвалюцыйнасць вынаходніцтва кнігадрукарства, яго асветніцкі эффект відавочны. Вядомы канадскі сацыёлаг і літаратуразнаўца Маршал Мак-Люэн у даследаванні *Галактыка Гутэнберга* (1962 г.) прадэманстраваў, што вынаходніцтва кнігадрукарскага варштата не толькі станавілася прычынай культурных зменаў, але і трансфармавала свядомасць, стабілізоўвала мовы і ператварала іх ва “ўніфікуючы сродак агульнанацыянальных зносін” [3, с. 336], спрыяла цэнтралізацыі дзяржаў і аднастайнасці нацый. То бок, ролю друкаванай кнігі, а значыць і яе аўтараў, цяжка пераацаніць у гісторыі любой дзяржавы-нацыі, і гэта мусіла б тлумачыць вялікую ўвагу да першадрукара ў любым сённяшнім грамадстве. Але разважаць пра разуменне гэтай ролі нацыянальнымі супольнасцямі *by default*, без чыйсці “дапамогі”, было б наіўна.

Не менш наіўна будзе сцвярджаць пра вырашальны ўплыў польскіх даследаванняў, у каторых закраналася фігура Францішкі Скарыны, на той канчатковы вобраз нацыянальнага беларускага героя, які сфармаваўся на сённяшні дзень. Вектар ягонай у сучасным разуменні пра-беларускай інтэрпрэтацыі, пабудаванай на факталогіі расійска-імперскіх даследаванняў, паўстаў адначасова з мадэрным беларускім нацыянальным рухам ў “нашаніўскі” перыяд, актыўна развіваўся ў БССР гадоў беларусізацыі, у пасляваенны час і гады перабудовы. (Звароты да постаці Францішкі Скарыны ў міжваеннай Заходняй Беларусі і ў беларускай пасляваеннай дыяспары мелі апасродкаваны ўплыў на канчатковы масавы вобраз першадрукара.)

Польская Скарыніяна цікавая для нас у кантэксце польска-беларускіх міжнацыянальных стасункаў дзякуючы таму факту, што менавіта тут упершыню літаратурны аўтар, перакладчык і друкар Францішак Скарына быў акрэслены як уласна беларускі, як прадстаўнік асобнага беларускага народу – этнічнай супольнасці са сваёй мовай, тэрыторыяй і нацыянальнымі героямі. Гэта адбылося яшчэ ў сярэдзіне ХІХ ст. і было цалкам заканамернай з’явай што да перадумоў і гісторыка-палітычнага фона.

Сістэматычныя звароты да Францішкі Скарыны ў польскай навуковай літаратуры з’яўляюцца на пачатку ХІХ ст. Падобна да найбольш ранніх руска- і нямецкамоўных твораў вучоных Расійскай Імперыі, па-польску пра першадрукара спачатку пішуць ў творах бібліяграфічнага характару. Адна з першых падрабязных згадак аб ім з’яўляецца ў артыкуле Самуэля Багуміла Ліндэ *O Literaturze Rossyyskiéy*, які ёсць рэак-

цыяй на выданне *Опытъ російской бібліографіи* за аўтарствам “першага ў Расіі сапраўднага бібліёграфа” [4, с. 91] Васілія Сцяпанавіча Сопікава. Асоба першадрукара блізкая да польскага аўтара не толькі паходжаннем з зямель, якія калісьці былі часткай Рэчы Паспалітай (“nasz współziomek” – “наш суайчыннік”), але і мовай. Вершы з *Кнігі Іова* паводле Ліндэ дазваляюць пераканацца, наколькі “мова Скарыны набліжаная да [...] пальшчызны” [8, с. 281]. Напрыканцы артыкула Ліндэ выбачаецца, што надаў столькі ўвагі працам “Polaka Franciszka Skorony z Połocka” [8 с. 299]. У іншым сваім творы *O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydanyim wiadomości* Ліндэ не дае характарыстык нацыянальна-дзяржаўнай прыналежнасці першадрукара, хаця робіць заўвагі аб мове яго *Бібліі*, якую хутчэй адносіць да “царкоўнай”, а не да “Ruszczyzny” [9, с. 19]. У падобным кірунку характарызуе мову выданняў Скарыны і Адам Паўстаньскі, заўважаючы, што сапраўдная беларуская мова – гэта дыялектная мешаніна „вернікаў грэцкай веры, што жывуць на Беларусі і ў Польшчы” [10, с. 6], і якая не знайшла рэалізацыі на пісьме.

Досыць часта імя Францішкі Скарыны з’яўляецца ў даследаваннях віленскай тэматыкі, прысвечаных гісторыі і культуры гэтага гораду. У кнігах Ежы Самуэля Бандтке, Юзэфа Крашэўскага, Міхала Баліньскага першадрукар згадваецца як творца “славянскіх” альбо (у Бандтке) “рускіх” („ruskich”) кніг, проціпастаўленых кнігам польскім ці лацінскім, якія выходзілі ў Вільні.

Пасля С. Б. Ліндэ найбольш грунтоўна постаць Францішка Скарыны і яго спадчыны аналізавалася ў восьмым томе *Historii literatury polskiej* Міхала Вішнеўскага. Ускосна пра значнасць, якую надаваў першадрукару аўтар у кантэксце непольскай літаратуры Рэчы Паспалітай, сведчыць змяшчэнне на першых старонках выдання факсіміле тытульнага аркуша скарынаўскіх *Акафістаў*. Францішак Скарына прадстаўляецца прадаўжальнікам справы піянера кірыліцкага друку кракаўскага рамесніка Швайпольта Фіёля, самастойным героем, а не аўтарам пры друкарні Якуба Бабіча, як гэта падавалася, напрыклад, у Баліньскага. Беларуская мова паводле Вішнеўскага была адной з найбольш распаўсюджаных на “рознакаляровай Русі”, была чысцейшай ад рускай („język gosyjski”) і мела асобную багатую літаратуру: „Князі рускія, свецкія асобы і манахі-базыльяне на ўсёй Літве і на Беларусі пісалі беларускай мовай. [...] Гэтай мовай напісаныя метрыкі і акты літоўскія [...] Скарына на беларускую мову пераклаў усю Біблію [...], а Мамонічы выдалі Статут Літоўскі. Будны напісаў Катэхізіс [...]” [12, с. 461]. Паводле Вішнеўскага Францішак Скарына – гэта цэнтральная фігура беларускай літаратуры, з 24 старонак параграфа аб беларускай мове і літаратуры 14 аддадзеныя першадрукару.

Гісторык, публіцыст і грамадскі дзеяч Адам Ганоры Кіркор звяртаецца да беларускай літаратуры і мовы ў серыі сваіх лекцый *O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich* (1874 г.). Аўтар канцэнтруецца на асобнай ад рускай („rosyjski”) “русінскай” („rusiński”) мове – поўным адпаведніку найменавання “руская” (“ruski”). Ён адзначае яе неаднароднасць і вылучае беларускую, маларускую і галіцкую літаратуры. Сярод астатняга Кіркор адзначае: “Беларус [...] да нашых дзён захаваў мову, якую ўжывалі пры двары літоўскіх князёў, на якой напісана цудоўная паэма *Песнь аб палку Ігаравым*, на якую Скарына пераклаў Святое Пісанне, на якой публікаваліся законы, статуты, прывілеі, граматы” [7, с. 50]. У той жа момант, распавядаючы пра пачаткі “русінскага” кнігадрукавання і зноў звяртаючыся ў гэтым кантэксце да Скарыны, Кіркор не называе яго беларусам, як напрыклад Сімяона Полацкага, але толькі “русінам” – прадстаўніком супольнасці жыхароў Бelay, Малай, Чорнай і Чырвонай Русяў. У інтэрпрэтацыі Кіркора Францішак Скарына, друкуючы пераклады Бібліі, выконвае замову новага сацыяльнага слоя – русінаў-каталікоў, да якіх, як лічыў аўтар, адносіўся і сам палачанін.

Для гісторыка і этнографа Аляксандра Ябланоўскага прыклад Францішкі Скарыны прыдаўся для спробы даказаць цывілізатарскую ролю польскай культуры і

дзяржавы ў стасунку да “рускіх” тэрыторый. У выданні 1899 г., прысвечаным Кіева-Магілянскай акадэміі, Скарына прыгадваецца як выбітны дзеяч, які вучыўся ў Кракаве, а ў Празе выдаваў кнігі. Гэта стала для яго магчымым дзякуючы “захопу Польшчай і Літвой амаль усіх старарускіх земляў” [6, с. 18], што адкрыла мясцовым жыхарам шлях на захад. Усходнеславянскі першадрукар атаясамляецца з жыхаром “літоўскай Русі”, які тлумачыў Біблію на “рускую” ці “беларускую” мовы. Для Ябланоўскага няма вялікай розніцы паміж гэтымі вызначэннямі, бо пад “беларускай” мовай ВКЛ ён разумее мову дзяржаўных канцэлярыяў, статутаў і указаў, і яе ўмоўная назва не ўказвае “на якую-небудзь перавагу ў гэтай афіцыйнай мове жывой беларускай [у дадзеным значэнні напісана праз злучок – *PВ*] мовы” [6, с. 46]. Таму, калі Ябланоўскі і піша пра неспланізаваны пераклад Бібліі Скарынай, то азначэнне “беларускі” ён бярэ ў двукоссі.

Такога кшталту падзелу наймення беларускай мовы не сустракаецца ў творы гісторыка і публіцыста Леона Васілеўскага *Litwa i Białoruś* (1912 г.). “Спецыяліст па крэсах”, як ён часам вызначаўся ў польскамоўнай літаратуры, прызнаваў поўную пераемнасць сучаснага яму беларускага народу з беларусамі Вялікага княства Літоўскага і асіміляцыйную ролю насельнікаў “Белай Русі” (“*Biała Ruś*”) у дачыненні да літоўскага элементу, прыкметай чаго была, між іншым, і ўрадавая беларуская мова – мова прадстаўнікоў беларускага народу [11, с. 265]. Васілеўскі адзначае, што *Біблія Францішкі Скарыны* ёсць першым друкаваным беларускім творам, а выдадзены ім жа ў Вільне *Апостал* – першым “айчынным” (“*krajowym*”) друкаваным выданнем. Да не менш важнага помніка беларушчыны у даўнія часы Л. Васілеўскі запісвае Статут ВКЛ.

У гэты час, на пачатку ХХ ст., ужо нараджаецца мадэрная ўласна беларуская зацікаўленасць у нацыянальным героі Францішке Скарыне: яго імя стала прысутнічае на старонках “Нашай нівы”, у працах Максіма Багдановіча, Вацлава Ластоўскага, Максіма Гарэцкага. Беларускія аўтары былі знаёмыя з даследаваннямі польскіх вучоных, але іх ідэйнае “паведамленне” успрымалася негатыўна. Напрыклад, вызначэнні “*Polak*” і “*współziomek*” у дачыненні да Скарыны ў БССР 1920-х гг. разумеліся літаральна ў катэгорыях ХХ ст. і твор С. Б. Ліндэ за гэта меў тую ж порцыю крытыкі, што і ад расійскіх даследчыкаў ХІХ–пач. ХХ стст. [Напр.: 5, с. 4; 1, с. X]. У той жа момант агляд ўсёй карціны прэзентацыі постаці Скарыны ў польскамоўнай літаратуры акрэсленага перыяду прыводзіць да высоў аб няслушнасці падобных трактаванняў, а дынаміка стасункаў з усходнеславянскім першадрукаром у тагачасным польскім навуковым дыскурсе дазваляе сцвярджаць аб адлюстраванні у ім працэсу пошуку мадэлі стасункаў з беларускай этнічнай супольнасцю. Ліндэ на самым пачатку ХІХ ст. разважае яшчэ ў катэгорыях Рэчы Паспалітай, укладваючы ў вызначэнні “*Polak*” і “*współziomek*” хутчэй дзяржаўніцкі сэнс, а не этнічную прыналежнасць Ф. Скарыны. (Назва “Рэч Паспалітая” ў польскай літаратуры, гістарыяграфіі і масавай свядомасці па сённяшні дзень вольна замяняецца “Польшчай” як абсалютна раўназначным сінонімам, падобна таму, як, напрыклад, сённяшнія жыхары ЗША называюць дзяржавы Расійская Імперыя, СССР і Расійская Федэрацыя адным словам: “*Russia*”.) Але “абезэтнічанае” стаўленне да “рускіх” жыхароў Рэчы Паспалітай з польскага боку пацярпела змены пасля карэкціроўкі нацыянальнай палітыкі расійскай манархіі да беларускіх і украінскіх губерняў. З актывізацыяй працы па ўкараненню вобразу трыадзінага рускага народу, які, фактычна, супрапацьстаўляў сялянам-беларусам і ўкраінцам былых польскіх (ці польскамоўных) суайчыннікаў, інтэлектуалы былой Рэчы Паспалітай спрабуюць пасадынічаць беларусам і “маларусам” прыгадаць сваю тэрытарыяльную асобнасць, унікальнасць мовы і культуры, а таксама гістарычную повязь з Польшчай (як этнічнай, так і ў сэнсе з Рэччу Паспалітай). Такім чынам, у сяр. ХІХ ст. Францішак Скарына пераўтвараецца з “рускага” друкара ў нацыянальнага героя асобнага беларускага этнасу з даўнімі літаратурнымі традыцыямі. Плюралізм поглядаў, абумоўлены ў тым ліку і “базаваннем” польскамоўнай навукі ў трох розных імперыях, веў да суіснавання розных

уяўленняў аб Скарыне і ягоным дачыненні да беларускага народу. Адам Кіркор, не без уплыву сваёй літоўскай ідэнтычнасці [2, с. 58–62], з аднаго боку энергічна падвышае ацэнку культуры “русінскіх” народаў Літвы і Кароны, супрацьпастаўляе літаратурнае багацце беларусаў і ўкраінцаў тым чатыром расійскім пісьменнікам, якіх, паводле Кіркора, толькі і можна згадаць за перыяд XVI–XVII стст. [7, с. 85–86]. З іншага боку, ён бачыць у Скарыне выказніка патрэбаў новай генерацыі беларусаў-каталікоў, як бы нагадваючы сучаснікам, што не ўсе каталікі жыхары былых земляў Рэчы Паспалітай – палякі. У працы А. Ябланоўскага назіраецца намінальнасць дачынення героя-першадрукара да беларускай культуры, а ягоны вобраз не суадносіцца з сучасным для навукоўцы беларускім этнасам. Незадоўга да паўстання незалежнай польскай дзяржавы ў манаграфіі Л. Васілеўскага постаць Францішка Скарыны ўпісваецца ў кантэкст магутага беларускага народу, здатнага не толькі на выпрацоўку ўласных ўзораў культуры, але і на асіміляцыю суседскіх. З іншага боку, публіцыст, гісторык, папличнік Ю. Пілсудскага і ўдзельнік рыжскіх перамоў 1921 г. Васілеўскі са скептыцызмам пазіраў на самастойную будучыню беларусаў. Гісторыя II Рэчы Паспалітай прадэманстравала рэалізацыю падобнага стаўлення надзвычай рэльефна.

1. Владимирев, П. В. Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык / П. В. Владимирев. – Санкт-Петербург, 1888. – 351 с.
2. Долбилов, Михаил; Сталюнас, Дариус. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи 1840–1873 / Михаил Долбилов, Дариус Сталюнас. – Вильнюс: LII leidykla, 2010. – 274 с.
3. Мак-Люэн, Маршалл. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры / Маршалл Мак-Люэн. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
4. Немировский, Е. Л. По следам Франциска Скорины / Е. Л. Немировский. – Минск: Беларусь, 1990. – 271 с.
5. Піотуховіч, Міхаіл. Францішак Скарына і яго літаратурная дзейнасць / Міхаіл Піотуховіч. – Менск: Інстытут беларускай культуры, 1926. – 25 с.
6. Jablonowski, A. Akademia kijowsko-mohilańska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacji zachodniej na Rusi / A. Jablonowski. – Kraków, 1899–1900, 318 s.
7. Kirkor, A. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich / A. Kirkor. Kraków, 1874. – 356 s.
8. Linde, S. B. O Literaturze Rossyjskiéy / S. B. Linde // Pamiętnik Warszawski. – 1815 – Listopad – S. 277–299.
9. Linde, S. B. O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość / S. B. Linde. – Warszawa, 1816. – 218 s.
10. Powstański, A. Uwagi odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego / A. Powstański. – Wilno, 1829. – 227 s.
11. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: Przeszłość – Teraźniejszość – Tendencje rozwojowe / L. Wasilewski. – Kraków, 1912. – 361 s.
12. Wiszniewski, M. Historia literatury polskiej: w 10 t. / M. Wiszniewski. – Kraków, 1851. – T. 8. – 504 s.

Мосейчук Л.И.

ПОЛЬСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЕНСКОГО ПАПСКОГО АЛУМНАТА

Изучение отдельных направлений становления и развития системы среднего и высшего духовного католическо-униатского образования на Белорусских землях конца XVIII – начала XIX вв. имеет место, как в отечественной, так и зарубежной историографии. Исторически сложились два историографических центра изучения истории Римско-католической и униатской церкви в восточно-европейском регионе. В конце XIX – начале XX века это был Санкт-Петербург. В российской историографии такие авторы как А.В. Белецкий [8] П. Н. Жукович [9], Н. Изверков [11], М. О. Коялович [12], Д. А. Толстой [13], И. А. Чистович [14] сформировали разные подходы к изучению и оценке деятельности духовных школ дающих высшее и среднее образование белому униатскому духовенству. Именно в работах вышечисленных авторов была поставлена проблема связанная с деятельностью виленского папского Алумната.

Революционные события 1917 г. привели к перемещению центра исследований в Люблин (где в 1918 г. на основе Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии открылся Люблинский католический университет). Однако акцент в работах польских авторов (И. Белинского [1], Я. Гижицкого [4], Я. Дукалы [3], Т. Длугоша [2], Б. Кумора [5], И. Охманьского [6]) делается в первую очередь на исследования истории римско-католических духовных семинарий белорусских земель. В то время как униатскому духовному образованию посвящаются в лучшем случае небольшие разделы [5].

В этой связи особый интерес для создания целостной картины становления духовного униатского образования вообще и деятельности папского Алузната представляется изучение русской и польской историографии по вышеназванной проблеме. Цель статьи, основываясь на материалах содержащихся в работах польских и российских авторов, показать влияние данного учебного заведения на последующее развитие среднего и высшего униатского духовного образования.

Единственное учебное заведение, существовавшее на территории Речи Посполитой, в котором дети белого униатского духовенства могли получить высшее образование в XIX в. – виленский папский Алузнат «*Alumnat papieski*», основанный по распоряжению Папы Григория XIII в г. Вильно в конце XVI в. для молодых людей «способных к духовному сану» [1, с. 83]. Просуществовал до 1798 г. [1, с. 84].

Это учебное заведение размещалось в здании, примыкавшем к епархиальной виленской католической семинарии. Алузнат, был рассчитан на 16 учеников: 12 католического вероисповедания и 4 униатского. Места, предназначенные для униатского клира, как правило, занимались представителями базилианского ордена, что вызывало негативное отношение к данной институции со стороны белого духовенства [12, с. 159]. С первых дней своего открытия учебное заведение было под управлением иезуитов. Преподаватели в виленский Алузнат назначались непосредственно из Рима, где, как правило, и готовились для этой должности [5, с. 234.].

В связи с многочисленными войнами и политическими неурядицами в Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. занятия в Алузнате часто прерывались, а количество клириков редко превышало семь человек [4, с. 17].

С целью повышения количества выпускников папского Алузната и повышения образовательного уровня среди униатского духовенства последний, с 12 февраля 1753 г. перешёл в ведомство базилиан.

В булле Папы Бенедикта XIV «*Commendatissimum studium*» от 5 апреля 1753 г. [1, с. 84], говорилось о необходимости воспитания образованных клириков для выполнения вспомогательных обязанностей при епископах и для замещения епископских кафедр лицами из белого духовенства. В это же время количество обучаемых клириков увеличилось до 20. Подтверждая новый состав семинарии, ректор Феликс Вержбицкий (1752–1769 гг.) в 1754 г. подчеркнул, что из 20 мест 4 будет распределено между монахами базилианского ордена, 16 – отдано белому униатскому духовенству [1, с. 85]. По одному ученику присылали Киевская епархия, воеводства Виленское, Новогрудское, Минское, Полоцкое, Витебское, Брестское и Подлясье. По двое клириков присылали из Полоцкой, Смоленской, Владимирской и Пинской епархий [12, с. 159].

Папская институция, как и прочие семинарии, представлял собой учебное заведение закрытого типа, где воспитанники бесплатно обеспечивались жильём, питанием и обучением, давая обещание посвятить себя духовной карьере [6, с. 157]. В уставе данного учебного заведения говорилось, что «воспитанники Алузната предназначаются для занятия высших должностей в церкви до епископства включительно (*usque ad episcopatum*)» [7, с. 44].

По данным П.Янковского курс обучения в Алузнате составлял семь лет [15, с. 268] и специфика преподавания «философско-богословских наук, составлявших программу Алузната, смотря по времени, было очень удовлетворительным и чуждым той узости взгляда и фанатической односторонности, коими страдали другие подобные заведения, почти исключительно заправляемые иезуитами» [15, с. 268].

Фундуш Алузната был не большим и состоял из 43 200 руб. высылаемых из Рима на содержание 16 семинаристов униатского вероисповедания и денежного пожертвования виленского маршалка М.Мнишки (1748 – 1806 гг.) [7, с. 146] в 54 000 зл. [1, с. 83]. В результате разлада в финансировании данного учреждения в конце XVIII в., семинария задолжала крупную сумму. Бывший в то время при Российском дворе папский

нунций архиепископ Литта, узнав об этом, издал распоряжение, согласно которому клирики были переведены в другие учебные заведения, семинарские здания проданы с торгов, а вырученные от их продажи деньги потрачены на уплату долгов [1, с. 83].

Все преподаватели и ректоры семинарии были представителями базилианского ордена. Возглавляли семинарию в вышеназванный период Феликс Вержбицкий (1752 – 1768 гг.) и Павел Корсак (1769 – 1798 гг.) [1, с.85].

Выпускниками этой духовной школы были: протопросвитель Оршанского и Бабиновичского уезда каноник Савинич, протопросвитель Витебского, Суражского и Вележского уезда каноник Юрьевич, протопросвитель Гродненского и Невельского уездов каноник М. Копецкий, протопросвитель Люцинского Дрисенского и Себежского уездов каноник Конюшевский, протопросвитель Полоцкого уезда каноник Радзевич. А также полоцкий архиепископ И. Красовский, протоирей А. Тупальский, митрополит И.Булгак [13], оказавшие впоследствии значительное влияние на развитие униатской духовной образовательной системы.

Таким образом, как учебное заведение, дающее духовное образование униатскому клиру «*Alumnat parieski*» просуществовал с 1753 по 1798 гг. и не смог сильно повлиять на ситуацию просвещения белого униатского духовенства из-за своей недоступности для широких слоев духовного клира.

Вместе с тем весьма примечателен тот факт, что выпускник данного учебного заведения А.Тупальский в своих разговорах уже со своими воспитанниками, а в последствии и единомышленниками вспоминал, о папском Алумнате с теплотой и признательностью. «Нам неоднократно доводилось слышать от покойного протопресвитера, что все знания полученные им касательно восточного обряда униатской церкви были получены в данном учебном заведении» - напишет в последствии его ученик П.Янковский [15, с. 267-268].

С закрытием папского Алумната высшей ступенью в образовании униатских священников должна была стать духовная семинария.

1. Bieliński, J. Uniwersytet Wilenski (1579 – 1881). W III T. – Tom I. – Krakow: druk W.L. Anczyca i spoiki. 1899 – 1900. – 537s.
2. Długosz, T. Dzieje diecezji Smoleńskiej / T. Długosz. – Lwów: Skład główny w księgarni Gubrynowicza, Drukarnia Urzędnicza, 1937. – 95 s.; Długosz, T. Schematyzyzm diecezjalny jako źródło historyczne / T. Długosz // Sprawozdania z czynności wydawniczej i posiedzeń naukowych, oraz Kronika Towarzystwa Naukowego Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. – 1961. – № 12. – S. 89–92; Długosz, T. Seminaria duchowne we wschodniej Polsce do 1800 roku / T. Długosz // Collectanea Theologica. – 1935. – R. 16. – S. 23–37.
3. Dukała, J. «Ratio studiorum» w seminariach diecezjalnych pod zarządkiem księży misjonarzy (1675–1864) / J. Dukała // Nasza przeszłość. – 1984. – T. 61. – S. 149–231; Dukała, J. Formacja alumnów diecezjalnych przez księży misjonarzy w latach 1675–1864 / J. Dukała // Nasza przeszłość. – 1996. – T.86. – S. 11–70.
4. Giżycki, J.M. Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J. Giżycki. – Kraków: W.L. Anczyca, 1905. – 20 s.
5. Kumor, B. Historia kościoła. Część 6. – Czasy nowożytne kościoła w okresie absolutyzmu i oświecenia. – Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1985. – 308s.
6. Ochmański, J. Historia Litwy – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1990. – 396 s.
7. Radwan, M. Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim (1796 – 1839). - Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2004. – 504 s.
8. Белецкий, А.В. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803 – 1832 гг. Отд.3. Учебные заведения Витебской и Могилёвской губерний в 1803 – 1832 гг. – Вильно: Тип. Сыркина, 1908. – 146 с.; Белецкий, А.В. Неудавшаяся попытка дать латинскому духовенству Западной России воспитание в русском духе. Вильно, тип. Св. Духовского братства, 1897. – 37 с.; Белецкий, А.В. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803 – 1832 гг. Отд.3. Учебные заведения Витебской и Могилёвской губерний в 1803 – 1832 гг. – Вильно: Тип. Сыркина, 1908. – 146 с.
9. Жукович, П.Н. Записка о духовной Академии в Вильне. – С. – Петербург: 1914. – 29 с.; Жукович, П. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803 - 1832гг.) // Христианское Чтение. – СПб.: 1887. - № 3-4. – С. 237 – 286; Жукович, П. Н. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803 –1832гг.). – СПб.: 1887. – 50 с.; Жукович, П. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии // Христианское чтение. – СПб, 1888. – № 3 – 4. – С. 369.
10. Изверков, Н. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко) митрополит Литовский и Виленский. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1889 – 235 с.
11. Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времён. –СПб.: 1873. – 400с.; О заслугах покойного митрополита Литовского Иосифа в деле русского образования в Западной России // Журнал Мини-

стерства Народного просвещения. Часть СХL. 1867. С. 896 – 905.

12. Лужинский, В. Записки Василия Лужинскаго архиепископа Полоцкаго // Православный собеседник. 1884 май. Казань: Типография Императорского университета. С. 29 – 43.

13. Толстой, Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование графа Д.А. Толстого. Т.2. – СПб.: Издание и типография В.Ф.Демакова, 1876. – 248 с.

14. Чистович, И.А. История Санкт - Петербургской Духовной Академии. – СПб.: 1887. – 625с.; Чистович, И. Очерк истории западно-русской церкви. – В 2-х ч. - Ч. 1. – СПб.: Типография Департамента Уделов, 1882 – 424с.; Чистович, И. Пятидесятилетие (1839 – 1889) воссоединения униатов с православной церковью СПб, 1889. – 89с.

15. Янковский, П. Протопресвитер Антоний Тупальский // Записки сельского священника. С. 267 - 268.

Прицев Д.А.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ СССР (1946–1953 гг.) В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Обострение международной обстановки, ставка на развитие средств производства обуславливали необходимость поисков средств для реализации планов восстановления и преумножения социально-экономического потенциала страны. Основным же источником по осуществлению намеченных целей модернизации народного хозяйства являлся сельскохозяйственный сегмент экономики. Во многом вынужденная эксплуатация деревни позволила советскому правительству в относительно короткие сроки восстановить и превысить уровень разрушенного войной промышленного производства.

Концентрация на преимущественном развитии тяжелой индустрии приводила к перераспределению средств из аграрного сектора экономики, консервировала командно-административный стиль управления сельским хозяйством, ориентируя на экстенсивный путь развития, что приводило к усилению мер внеэкономического стимулирования труда. Неэффективность организации колхозного производства, по мнению О.М. Вербицкой, проявилась в постоянной нехватке рабочих рук, нарушении принципа материальной заинтересованности, в исключительно большой роли личных подсобных хозяйств в производстве отдельных видов животноводческой продукции в ее общем объеме [5, с. 59-61]. Подобная государственная политика вела к снижению уровня жизни сельского населения, инициировала серьезные социально-демографические трансформации деревни.

Монография О.М. Вербицкой «Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х начало 60-х годов» стала одной из первых попыток переосмысления вначале 1990 гг. послевоенной истории российского крестьянства. В новых исследованиях более глубоко по сравнению с предшествующим периодом анализируются исходные позиции, с которых началось восстановление сельского хозяйства. Подчеркивается более длительный восстановительный период не ограниченный рамками первой послевоенной пятилетки 1945-1950 гг., отражается обоснованность и необходимость реформирования аграрного сектора [6, с. 115].

В это же время появились исследования, посвященные анализу, описанию и интерпретации голода 1946-1947 гг. в научной и публицистической литературе, затрагивающие как природные, так и социальные аспекты данного явления, зачастую содержащие переклесты в оценке событий [6, с. 116; 12, с. 29]. В связи с чем, следует отметить ряд публикаций В.Ф. Зимы, среди которых монография «Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия» является центральной работой [10]. Исследователь видит одну из главных причин продовольственного кризиса в политике руководства страны, направленной на первостепенное пополнение государственных резервов в связи с обострением международной обстановки, обусловленной форсированным развитием новых систем вооружений. При этом голод, по мнению В.Ф. Зимы, зачастую использовался в качестве инструмента усмирения недовольства среди населения, вызванного не только отсутствием самых элементарных продуктов, но и непомерно возрастающим год от года налоговым бременем, всякого рода займами, усилением административно-правового нажима, «граби-

тельской» денежной реформой 1947 г. Данное положение в сельском хозяйстве автор называет «вторым раскулачиванием», приведшим в итоге к тупику аграрную политику советского руководства [9, с. 173]. Схожих взглядов на послевоенное развитие деревни придерживается и Н.С. Иванов [11]. Причем одним из основных механизмов трансформации села, по мнению М. А. Безнина, Т. М. Димони, Л.В. Изюмовой, явились повинности колхозников, представлявшие зачастую бесплатные виды работ, позволявшие государству накапливать необходимые ресурсы с целью дальнейшего поступательного развития, приводя вместе с тем к деградации и разрушению аграрный уклад [4, с. 33].

В 1990 гг. успешно развиваются региональные центры исследований. В рамках вологодской школы аграрной истории появляется несколько новых направлений, занятых изучением крестьянского хозяйства и двора, представленные М.А. Безниным, Н.В. Савиной, О.В. Артемовой. Вопросы взаимоотношения государства и крестьян рассматривают Т.М. Димони, В.Л. Кукушкин. Анализируют материальное положение крестьян К.А. Гулина, С.Г. Карпова, М.А. Безнина [4, с. 3]. Со второй половины 1990 гг. в Новосибирске и Вологде приступили не только к изучению экономических отношений в колхозной деревне как отношений повинностного типа, присущих аграрному обществу, но и социально-политических и культурных элементов трансформационных процессов раскрестьянивания села [1, с. 6].

Избежать перехлестов в оценке развития сельского хозяйства способствовало проведение научных методологических мероприятий: семинаров, конференций, симпозиумов на которых апробировались результаты научных изысканий, выдвигались новые концепции, происходило теоретическое осмысление [13]. В 1992 г. в Вологде на Всероссийской конференции была озвучена концепция раскрестьянивания, трактуемая как процесс перехода от аграрного к индустриальному обществу, сопровождаемом при этом не только перетоком рабочей силы из деревни в город, но и разрушением существовавшего хозяйственного уклада двора, отчуждением крестьян от земли, товаризацией производственных, потребительских, трудовых отношений [8]. Позднее на сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы 2000 г. М.А. Безнин и Т.М. Димони дополнили данное положение описанием сопутствующих ему процессов пролетаризации и формирования протобуржуазии. В дальнейшем исследователи представили новые подходы в эволюции поземельных отношений, динамики капитализации различных сельских укладов, товаризации продукции, средств производства, рабочих рук, перемен в сельской инфраструктуре [1, с. 6].

Необходимо также отметить предложение Т.М. Димони использовать для постижения реальности в качестве исторического источника художественный текст. Применение постмодернистского подхода, по мнению, исследователя, позволяет лучше понять и объяснить протекавшие процессы, выявить общекультурный контекст данного периода [7]. Так, Т.М. Димони обращается к тетралогии А.Ф. Абрамова «Братья и сестры», кинофильму «Председатель», фотографиям разных лет. Несмотря на значительные трудности работы с художественным текстом, опасность субъективизма, ученый уверена, что задачей историка является разработка новых методологических подходов, позволявших бы его научную интерпретацию [7].

Обращают на себя внимание и ряд публикаций М.А. Безнина и Т.М. Димони, в которых ученые рассматривают процессы капитализации деревни [2]. Советское социально-экономическое устройство представляло собой, по их мнению, государственный капитализм, одну из форм модернизации, для которого специфическими чертами являлись социальные завоевания наравне с социалистической системой ценностей. Для ранней стадии государственно-капиталистического типа хозяйствования 1930 - 1950 гг. были присущи низкие темпы накопления капитала, возрождение повинностной системы экспроприации сельхозпродукта, незавершенность фундаментальных экономических основ модернизации, значительное место остаточных хозяйственных укладов. Преобладание колхозного уклада

в указанный период с характерными чертами внеэкономических методов принуждения, господство коллективистских общинных нравов, позволило государству накопить достаточный капитал, лишит крестьян собственности на средства производства, обеспечить товаризацию рабочей силы, сельскохозяйственной продукции, средств производства с целью форсирования модернизационных процессов [3, с. 116-117]. Вместе с тем некоторые выводы носят полемический характер до настоящего времени. Остаются мало изученными процессы социальной трансформации села, образование новой деревенской стратификации. Требуют дальнейшего исследования вопросы развития экономики коллективных хозяйств, региональные особенности проведения аграрной политики, методы стимулирования труда, формы социального протеста. Недостаточно освещены проблемы сферы потребления и ее влияние на объемы общего производства [12, с. 30].

В задачу данного историографического исследования не входило полное освещение исторической литературы по указанной проблематике, а лишь выявление направлений и тенденций, проблем, характерных для современной российской историографии. Между тем предоставленный анализ показывает наличие ряда вопросов, требующих более полного и комплексного исследования в будущем.

Проблема послевоенной трансформации аграрной политики советского руководства претерпела в российской историографии существенные изменения. Открытие архивов в начале 1990 гг., содержащих ранее малоизвестные или секретные документы, позволило историкам значительно расширить представления о послевоенном развитии, сформулировать новые подходы, оценки и концепции. Вместе с тем некоторые проблемы долгое время оставались и остаются без должного освещения, остаются мало изученными процессы социальной трансформации села, образование новой деревенской стратификации. Более пристальное внимание следует уделить дальнейшему анализу различных аспектов проведения аграрной политики как на общесоюзном, так и на региональном уровнях. В связи с чем, по-прежнему, актуально появление комплексного обобщающего рассмотрения послевоенного экономического развития СССР.

1. Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация в российской деревне 1930-1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 128 с.
2. Безнин М. А., Димони Т. М. Капитализация сельской аграрной подсистемы России в XX веке: истоки, динамика, социальные трансформации / Безнин М. А., Димони Т. М. // <http://www.hse.ru/data/579/858/1235/ГУ%20ВШЭ.pdf>. - Дата доступа 15.04.2011.; Безнин М. А., Димони Т. М. Аграрный строй России в 1930 – 1980-х годах (новый подход) / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23-44.
3. Безнин М. А., Димони Т. М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве 1930 – 1980-х годов / М. А. Безнин, Т. М. Димони // Отечественная история. 2005. № 6. С. 94-121.
4. Безнин М. А., Димони Т. М., Изямова Л. В. Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах / М. А. Безнин, Т. М. Димони, Л. В. Изямова. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
5. Вербицкая О. М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х начало 60-х годов / О. М. Вербицкая. М.: Наука, 1992. 224 с.
6. Волков И. М. Деревня СССР в 1945-1953 годах в новейших исследованиях историков (конец 1980-х – 1990-е годы) / И. М. Волков // Отечественная история. 2000. № 6. С. 115-124.
7. Димони Т. М. Власть в северной деревне: 1940-1950-х гг.: художественный дискурс // <http://ags-vologda.ru/download/old/2003/dimoni-opt.pdf>. Дата доступа. 16.07.2011.
8. Димони Т. М. История колхозной деревни в романе Ф.А. Абрамова «Братья и сестры» // <http://hist.at.ua/dimoni1.pdf>. Дата доступа. 14.07.2011.
9. Зима В. Ф. Голод в СССР 1946 - 1947 гг.: происхождения и последствия / В. Ф. Зима. М.: РАН, Ин-т рос. истории, 1996. 256 с.
10. Зима В. Ф. Тупики аграрной политики / В. Ф. Зима // СССР и холодная война / Под ред. Е. И. Пивовара, И. Н. Ильина. М.: Мосгорархив, 1995. С. 143-159.; Зима В. Ф. Голод в России 1946 – 1947 годов / В. Ф. Зима // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35-51.; Зима В. Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) / В. Ф. Зима // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109-125.
11. Иванов Н. С. Раскрестьянивание деревни / Н. С. Иванов // Судьбы российского крестьянства. В 2 кн. Кн. 2. / Под общ. Редакцией Ю. Н. Афанасьева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1996. С. 416-435.
12. Пянкевич В. Л. Восстановление экономики СССР (середина 1941 – середина 1950-х гг.) историография. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра. ист. наук: 07.00.02 / В. Л. Пянкевич. СПб, 2002. 39 с.
13. Слепнев И. Н. Конференции по аграрной истории в 1992-1995 гг. / И. Н. Слепнев // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. / Теодор Шанин, В. П. Данилов, Джеймс Скотт и др.; Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 322-346.

Сакович Е.Г.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СССР И КНР (1953–1964 гг.)
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Вопрос, связанный с анализом взаимоотношений СССР и КНР периода 1953-1964 гг. в советской исторической литературе не получил должного освещения. Такая ситуация во многом объяснима теми условиями, в которых работали советские историки, а именно: возможность использования архивных материалов, не противоречащих правительственным идеям, и ограниченность анализа западных исследований по проблематике предопределили направленность их научных интересов. Современный российский исследователь И.В. Казарина считает, что для работы советских специалистов с середины 1950-х гг. и вплоть до второй половины 1980-х гг. несли на себе печать своего времени и не были свободны от идеологических догм. По точному замечанию автора, отсутствие архивных материалов зачастую компенсировалось «научными работами уполномоченных на это лиц, социальный статус которых позволял им трактовать многие факты из истории взаимоотношений СССР с социалистическими странами под несколько иным углом зрения, чем это требовал объективный подход к событиям» [1, с. 3].

В советской историографии советско-китайских связей 1953-1964 гг. в хронологическом отношении можно выделить несколько этапов. Первый охватывает работы, написанные в первой половине 1950-х гг., т. е. до 1958 г., когда, согласно мнениям специалистов, состоялся окончательный разрыв двусторонних отношений. Для литературы этого периода было свойственно подчеркивание «великой дружбы СССР и КНР», укрепление двусторонних отношений, развитие экономического сотрудничества двух стран. Для второго периода, охватывающего конец 1950-х гг. – конец 1980-х гг., характерно наличие работ, ставивших акцент на истоках двусторонних разногласий, увеличилось количество работ, посвященных рассмотрению внутренней политики КНР, внешнеполитическая линия Китая описывалась советскими учеными в таких категориях как «великоханьская» и «шовинистическая». Появились отдельные переводные работы англо-американских (Д. Флойд, Э. Кренкшоу) и французских (Ж.Э. Видаль) исследователей, в которых критиковалась политика Мао Цзэдуна. Для данного периода характерно наличие работ, посвященных проблеме анализа отношений КНР с США, авторы которых активно проводили в жизнь идею поворота группы Мао на империалистическую политику Запада.

Исследования советских историков середины 1950-х гг. были призваны указать на прогресс в развитии отношений между СССР и КНР. Работы таких ученых, как А.И. Ярцев и М.С. Капица полностью соответствовали идеологической линии советского руководства. В их работах приводились факты, доказывающие «многолетнюю дружбу» советского и китайского народа, подчеркивалась необходимость дальнейшего укрепления отношений двух государств в целях обеспечения прогресса мировой социалистической системы [21, с. 30; 7, с. 20; 8, с.100].

Поворот в исследовании проблематики в советской историографии состоялся после официального разрыва в двусторонних отношениях в 1958 г. Научные интересы советских специалистов теперь был направлены на поиск причин раскола двух государств, рассмотрение «шовинистической внутренней и внешней политики маоцзэдуновской группы». В академической среде советских историков утвердилась точка зрения, согласно которой начало советско-китайских разногласий середины 1950-х гг. было инициировано китайской стороной с целью подорвать авторитет СССР как лидера мирового коммунистического движения. М. С. Капица и О. Б. Борисов сходились во мнении в том, что разрыв советско-китайских отношений произошел в 1956 г., когда появилась в КНР тенденция к «великодержавному шовинизму» [9, с. 10; 3, с. 166]. Ученые подчеркивали, что Мао Цзэдун преднамеренно начал политику, направленную на разжигание антисоциалистических выступлений «буржуазных правых элементов» в 1957 г. [9, с. 10; 3, с. 166]. О.

Б. Борисов полагал, что с 1958 г. китайское руководство приступило к реализации «особого политического курса», направленного на срыв проводимой СССР политики мирного существования [3, с. 12]. Проявление «великодержавного шовинизма» во внешней политике КНР исследователи видели также в инициировании Мао Цзэдуном китайско-индийского пограничного конфликта 1958 г. и следовании требованиям «империалистических кругов» [9, с. 22; 3, с. 165]. М. С. Капица, рассматривая советско-китайские отношения в исторической ретроспективе, пришел к выводу, что «многолетняя дружба СССР и КНР» явилась своеобразной ширмой, за которой китайское руководство проявляло великодержавные националистические тенденции [9, с. 29].

Некоторые исследователи (Е.Ф. Ковалев, А. Румянцев, Г.В. Астафьев) считали, что истоки антисоветского курса КНР следует искать в анализе взглядов китайского лидера. Е.Ф. Ковалев и Г. Апалин, анализируя труды Мао Цзэдуна, пришли к выводу, что китайский лидер стремился исказить не только политику СССР, но и коммунизм в целом [1, с.70; 1, с.62]. Авторы подчеркивали, что труды китайского лидера «написаны с правооппортунистических позиций» и представляют открытое наступление на марксизм-ленинизм [1, с.70; 1, с.62]. А. Румянцев и Г.В. Астафьев, соглашаясь по многим позициям с Е.Ф. Ковалевым, подчеркивал, что в Китае в качестве обязательной идеологической основы в 1950-х гг. были провозглашены идеи Мао, которые считались маоистами вершиной развития марксизма-ленинизма [19, с. 270; 2, с.230]. В целом, в советской историографии конца 1960-х-начала 1970-х гг. при рассмотрении проблематики советско-китайских отношений 1953-1964 гг. исследователи обязательно отмечали гегемонистский характер внешнеполитического курса Китая, антимарксистскую сущность взглядов китайского лидера и шовинистический характер политики Мао Цзэдуна. Вышедшие в 6 выпусков сборников статей в период с 1969 по 1975 гг. в издательстве «политической литературы» под названием «Опасный курс» являются ярким подтверждением [13-18].

К началу 1970-х гг. советские исследователи познакомились с некоторыми англо-американскими публикациями по проблеме развития отношений СССР и КНР 1953-1964 гг., получивших в среде советских историков название «буржуазная историография». Анализируя исследование проблематики в «реакционной буржуазной историографии» советские историки отмечали, что западные авторы стремились использовать возможность для подрыва советско-китайских отношений, симпатизируя антисоветским настроениям в КНР [9, с. 22; 3, с. 166]. Весьма часто советские специалисты, чтобы доказать «провокационные настроения буржуазных авторов» активно цитировали труд американского историка Х. Сольсбери «Война между Россией и Китаем», опубликованной в 1969 г. Советский историк Е.Ф. Ковалев, например, отмечал, что Х. Сольсбери, подчеркивая антисоветскую линию КНР призывал руководство США к активному вмешательству в конфликт между СССР и КНР [10, с. 146]. Более того, Е.Ф. Ковалев считал, что идеи Х. Солсбери прослеживаются во многих работах советологов, особенно публикациях периода 1964-1970-х гг. [10, с. 146]. Тем не менее, не все работы англо-американских исследователей советские авторы относили к «реакционным». Некоторые труды западных исследователей, которые, по мнению советских историков, освещали «провокационный курс группы Мао Цзэдуна», были переведены на русский язык. В 1964 г. были переведены исследования американских историков Дж. Флойда «Мао против Хрущева. Краткая история китайско-советского конфликта» и Э. Кренкшоу «Новая холодная война. Москва против Пекина», в 1967 г. - французского автора Ж. Видаля «Куда ведет Китай группа Мао Цзэдуна» [20; 11; 4].

Рубежом в исследовании советско-китайских отношений 1953-1964 гг. советскими историками был признан совместный труд О.Б. Борисова и Б.Т. Колоскова «Советско-китайские отношения. Краткий очерк», опубликованный в 1972 г. [4]. Заслугу авторов Е.Ф. Ковалев видел в том, что они предоставили о многом положительный взгляд относительно проблемы динамики отношений СССР и КНР с 1945 по 1970 гг. В

отличие от историков 1950-х-1960-х гг. О.Б. Борисов и Б.Т. Колосков утверждали, что вопрос, связанный с развитием советско-китайских отношений не представлял прямолинейный, а сложный противоречивый процесс, отражающий борьбу двух линий – последовательной линии КПСС на укрепление дружбы и сотрудничества и противоположной линии националистических антисоциалистических сил в Китае [4, с. 100]. В целом, идеи О.Б. Борисова и Б.Т. Колоскова о том, что крупные просчеты в экономическом строительстве в результате маоистской политики «большого скачка» и принудительных «народных коммун» повлекли за собой ухудшение отношений с СССР, доминировали в советской историографии вплоть до конца 1980-х гг. [10, с. 45]

Таким образом, советские исследователи при рассмотрении вопроса советско-китайских отношений 1953-1964 гг. акцентировали внимание преимущественно на анализе причин двусторонних разногласий и анализе антимарксистских взглядов Мао Цзэдуна. В целом, следует отметить, что процесс исследования проблематики в советской историографии имел односторонний и весьма тенденциозный характер.

1. Апалин Г. Идеологические основы внешней политики группы Мао Цзэдуна / Г. Апалин // Международная жизнь. 1968. № 6. С. 60-72.
2. Астафьев Г. В. Великодержавный шовинизм и «левый» авантюризм во внешней политике группы Мао Цзэдуна / Г. В. Астафьев // Антимарксистская сущность взглядов и политики Мао Цзэдуна. М.: Издательство политической литературы, 1969 г. С. 233-262.
3. Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения в 1953-1959 гг. / О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков // Ленинская политика СССР в отношении Китая. М.: Наука, 1968. С. 165-178.
4. Борисов О. Б., Колосков Б. Т. Советско-китайские отношения. 1945-1970. Краткий очерк / О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. М.: Мысль, 1972. 476 с.
5. Видадь Ж. Э. Куда ведет Китай группа Мао Цзэдуна / Ж. Э. Видадь. М.: Прогресс, 1967. 300 с.
6. Казарина И. В. Эволюция политики СССР в отношении стран социализма в 1953-1964 гг. / И. В. Казарина. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук. М.: МГУ, 2000. 25 с.
7. Капица М. С. Великая дружба народов Советского Союза и Китая / М. С. Капица. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. 64 с.
8. Капица М. С. Советско-китайские отношения / М. С. Капица. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 413 с.
9. Капица М. С. Эскалация вероломства. (Политика Пекина и советско-китайские отношения) / М. С. Капица. М.: Знание, 1970. 32 с.
10. Ковалев Е. Ф. Новый шаг в изучении советско-китайских отношений 1945-1970-х гг. / Е. Ф. Ковалев // Вопросы истории. 1972. № 11 С. 144-151.
11. Ковалев Е. Ф. Из истории развития маоистских взглядов / Е. Ф. Ковалев // Вопросы истории. 1972. № 4. С.63-75
12. Кренкшоу Э. Новая холодная война. Москва против Пекина / Э. Кренкшоу. М.: Прогресс, 1964. 600 с.
13. Опасный курс. Вып. 1. М.: Издательство политической литературы, 1969. 231с.
14. Опасный курс. Вып. 2. М.: Издательство политической литературы, 1970. 234 с.
15. Опасный курс. Вып. 3. М.: Издательство политической литературы, 1972. 229 с.
16. Опасный курс. Вып. 4. М.: Издательство политической литературы, 1973. 241 с.
17. Опасный курс. Вып. 4. М.: Издательство политической литературы, 1974. 240 с.
18. Опасный курс. Вып. 5. М.: Издательство политической литературы, 1975. 253 с.
19. Румянцев А. Маоизм и антимарксистская сущность его «философии» А. Румянцева // Марксизм-ленинизм – единое интернациональное учение. Вып. 6. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 264-298.
20. Флойд Д. Мао против Хрущева. Краткая история китайско-советского конфликта / Д. Флойд. М.: Прогресс, 1964. 567 с.
21. Ярцев А. И. Наш великий друг. К 10-летию КНР / А. И. Ярцев. Белгород: Прогресс, 1959. 55 с.

Крюковский В.Д.

КОМСОМОЛ БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ в 70-е годы XX века: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Современное белорусское государство уважительно относится к убеждениям верующих. В республике созданы благоприятные условия для деятельности традиционных религиозных конфессий. Но в 70-е годы прошлого столетия государственная политика СССР, БССР была в корне иной и направлялась на постепенное вытеснение религии, церкви из жизни общества, формирование у трудящихся и прежде всего молодежи научно-материалистического мировоззрения, атеистических убеждений. Естественно это определяло тематику общественных исследований и идеологическую работу партийных и комсомольских организаций.

Деятельность ВЛКСМ, комитетов комсомола ЛКСМБ в системе взаимоотношений государства и церкви, мировоззренческие проблемы молодежи привлекали к себе внимание многих исследователей. Полученные ими результаты, раскрывающие состояние религиозности молодежи, различные стороны деятельности партийных и комсомольских организаций в системе государственно-церковных отношений, освещаются в ряде монографий, научных сборников, брошюр, бюллетеней [1]. Так, в монографии В.К.Арсенкина “Кризис религиозности и молодежь: Методологические аспекты исследования” на основе научного осмысления исторических судеб религии анализируются причины, состояние и характер религиозности молодежи, формы и методы, применяемые современными конфессиями для воспроизводства религиозности, содержание, общественные функции и основные задачи атеистического воспитания.

Ценные материалы, раскрывающие деятельность партийных и комсомольских организаций по формированию научно-материалистического мировоззрения подрастающего поколения, содержатся в сборниках “Молодежь, религия, атеизм”, “Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания молодежи”. Ряд направлений деятельности комсомольских организаций в системе государственно-церковных отношений исследовались в некоторых докторских и кандидатских диссертациях [2]. К этой теме обращалась Н.Т.Лагунова в диссертационной работе. На конкретном материале автор проанализировала опыт деятельности комсомольских организаций западных областей Украины по формированию у молодого поколения материалистических убеждений [3].

В Республике Беларусь сложилась своя школа в освещении философских, социологических, нравственных и других проблем атеистического воспитания и истории религии. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют работы Р.П.Платонова. В них на основе архивных документов, данных социологических исследований анализируются вопросы содержания и организации государственными структурами атеистической пропаганды, ее средства, формы и методы, раскрываются причины просчетов и ошибок в атеистическом воспитании и освещении роли религии и церкви в историческом развитии Беларуси. В книгах есть ссылки на специфику идеологической работы комсомольских организаций. Однако поскольку автор не ставил целью специальное изучение деятельности комсомольских комитетов по атеистическому воспитанию молодежи, в монографиях, естественно, отсутствует системный анализ данного направления идейно-воспитательной работы [4].

Формы и методы деятельности партийных и комсомольских организаций по атеистическому воспитанию молодежи освещается в ряде кандидатских диссертаций [5]. Интерес в этой связи вызывают исследования А.А. Горбацкого и Н.М.Демченковой. Они написаны на большом фактическом материале. Авторы раскрывают работу партийных организаций по формированию у трудящихся, а также учащихся общеобразовательных школ научно-материалистических взглядов. Вместе с тем, вследствие того, что в данных исследованиях изучались формы и методы работы партийных организаций, освещение деятельности комитетов комсомола в них ограничивается лишь рядом примеров и фактов.

Научный интерес для исследования мировоззренческих проблем подрастающего поколения и истории религии представляют труды белорусских философов. В монографиях и брошюрах М.Я.Ленсу раскрываются содержание, структура, функции научного атеизма и религии, методологические и методические проблемы атеистического воспитания молодежи, обобщается опыт атеистической работы в Беларуси [6].

Особое место занимают работы И.И.Акинчица и Г.М.Филиста [7]. Так, в книге И.И.Акинчица “Молодежь и религия” исследуются модернистские концепции современных служителей культа, применяемые ими для утверждения в сознании молодежи религиозных убеждений. На конкретных примерах автор показывает наиболее эффективные методы атеистической работы комсомольских организаций среди молодых ве-

рующих, формирует методические рекомендации для пропагандистов. В работе Г.М.Филиста “Урбанизация и сектанство” рассматриваются особенности эволюции сознания и поведения сектантской молодежи в условиях роста городов, анализируются новые тенденции в идеологии и деятельности сектантства, показывается процесс формирования научно-атеистических убеждений верующей молодежи, влияние на него социально-экономических условий городской жизни, воспитательного воздействия трудового коллектива. Отдельные аспекты деятельности комитетов комсомола по атеистическому воспитанию молодого поколения освещаются в трудах А.А.Круглова, К.К.Койты и Л.М.Игнатенко [8].

Опыт проведения конкретно-социологических исследований состояния религиозности среди различных категорий населения, в том числе молодежи, жизни, быта, особенностей поведения, психологии, нравственных идеалов, эмоционального мира верующих, причин сохранения религиозных взглядов и путей их преодоления проанализированы в монографии “Причины существования и пути преодоления религиозных пережитков” (Минск, 1965, под редакцией А.И.Залесского, Г.П.Давидюка и Е.С.Прокошиной) и в социологическом очерке “Баптизм и баптисты” (Минск, 1969, под редакцией М.Я.Ленсу и Е.С.Прокошиной).

Характерные формы и методы атеистической деятельности комсомольских организаций республики 60 – 70-х годов освещались в сборниках “Атеистическое воспитание молодежи” и “Атеистическое воспитание студентов: Пробл. методики” [9]. В книге В.Н.Драговца “Политическая культура молодежи: Опыт, проблемы формирования” (Минск, 1987) приводятся примеры работы комитетов ЛКСМБ начала 80-х годов по атеистическому воспитанию. Автор предлагает некоторые меры по ее улучшению.

Определенные сведения содержит информационный бюллетень Центрального комитета ЛКСМ Белоруссии “Из практики работы Волковысского ГК ЛКСМБ по атеистическому воспитанию молодежи”. В нем анализируются формы и методы деятельности комитетов комсомола района по атеистическому воспитанию [10].

На основании анализа приведенных работ и личного исследования проблемы, думается, правильным будет вывод: проводимая комитетами комсомола республики атеистическая работа с молодежью как правило превращалась в простую формальность и практически мало способствовала расширению политического и культурного кругозора, укреплению мировоззрения, развитию нравственных качеств юношей и девушек.

1. Актуальные проблемы научно-атеистического воспитания молодежи: Сб. материалов I-III Всесоюзных школ молодых ученых и специалистов. М., 1983; 1984; 1987; Актуальные вопросы атеистического воспитания молодежи: Вопр. теории и практики: Сб. статей. Киев, 1986; Арсенкин В.К Кризис религиозности и молодежь: Методол. аспекты исслед. М., 1984; Евсеев А.И. Атеистическое воспитание молодежи. Л., 1981; Молодежь – атеистическую убежденность; Сб. статей. М., 1987; Молодежь, религия, атеизм: Сб. статей. М., 1984; 1985; 1986; 1988. Быску Ф.А. Атеистическое воспитание работающей молодежи. Кишинев, 1985; Дмитриев В.П., Хангельдин С.М. Комсомольское слово. Алма-Ата, 1973; Пути совершенствования стиля, форм и методов атеистической работы комитетов комсомола: Из опыта работы комитетов комсомола Узбекистана по атеистическому воспитанию молодежи. Ташкент, 1986.
2. Вещиков А.Т. Атеистическое движение в СССР: Опыт изучения деятельности КПСС и Сов. государства по осуществлению марксистско-ленинского учения о преодолении религии: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1972; Голобин В.М. Партийное руководство атеистическим воспитанием сельской молодежи (1971-1980 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1988; Джомарджидзе С.Д. Деятельность Коммунистической партии Грузии по атеистическому воспитанию молодежи (1971 – 1980 гг.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1984.
3. Лагунова Н.Т. Комсомол - активный помощник партии атеистическому воспитанию молодежи. (На материалах западных областей УССР). 1961 – 1970 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Львов.
4. Платонов Р.П. В поисках высокой действенности: Полит. пропаганда и атеист. воспитание. М., 1976; Он же. Научно-атеистическая пропаганда: пути повышения эффективности: Некоторые аспекты комплекс. подхода в атеист. воспитании. Минск, 1978; Он же. Пропаганда научного атеизма: Ист.-социол. исслед. на материалах Компартии Белоруссии. Мин-ск, 1982; Он же. Пропаганда атеизма: Организация, содержание, результаты: Из опыта Белорусской ССР. М., 1985.
5. Горбацкий А.А. Работа партийных организаций по формированию научно-атеистического, материалистического мировоззрения учащихся в системе народного образования (1971 – 1980 гг.). На материалах Белоруссии: Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1988; Демченкова Н.М. Деятельность КПБ по совершенствованию форм и методов атеистического воспитания трудящихся (1971 – 1980 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1987; Шадурский В.Г. Деятель-

ность Компартии Белоруссии по коммунистическому воспитанию рабочей молодежи (1976 – 1985 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1988.

6. Ленсу М.Я. Методология и методика атеистического воспитания. Минск, 1985; Он же. Основы атеистического воспитания: Методолог. проблемы. Минск, 1976.

7. Акинчиц И.И. Молодежь и религия. Минск, 1975; Он же. Поросль отрезанной ветви. М., 1985; Акинчиц И.И., Филлист Г.М. Атеистические бе-седы с учащимися. Минск, 1985; Филлист Г.М. Урбанизация и сектантство. Минск, 1986.

8. Круглов А.А. Мы и религия. Минск, 1984; Он же. Развитие атеизма в Белоруссии (1917 – 1987 гг.). Минск, 1989; Койта К.К. В поисках истины. Минск, 1982; Игнатенко Л.М. За возвращение в жизнь. Минск, 1976.

9. Атеистическое воспитание молодежи: Материалы республикан. межвуз. науч. конф. по проблеме “Атеистическое воспитание молодежи”. Гродно, 23-31 окт. 1970 г.; Атеистическое воспитание студентов: Пробл. методики. Минск, 1978.

10. Из практики работы Волковысского ГК ЛКСМБ по атеистическому воспитанию молодежи: Информ. бюл. ЦК ЛКСМБ. Минск, 1987.

Рахимбекова А.К. **ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ КОЛОНИЗАЦИИ КАЗАХСТАНА: НОВЫЕ ПОДХОДЫ**

«Мы должны искать методы. Ибо для исследования разных проблем требуются разные методы» [1, с. 158]. Этот призыв известного немецкого историка Г.Дройзена, прозвучавший в 1864 г., в известной мере отмечает начало более чем вековой дискуссии об историческом методе. Во всемирной истории за последние сто лет произошло несколько смен парадигм: от эмпирических (сборов информации) к эволюционистским (идея единства рода человеческого и культуры) и далее к плюралистическим (теория цивилизации). Другими словами, произошли трансформации целых учений о научном методе познания и изменения в методах и целях исследований, породивших новые методологии и методики.

Общеизвестно, для советских и казахстанских исследователей основная традиция методологических подходов в изучении истории прошлого находилась в рамках эволюционной теории. Более того, в советский период действовали такие правила: истинная история страны (а также вся мировая история в целом) только та, которая служит интересам и авторитету партийного руководства. Такие подходы не имели реальной возможности для объективного изучения сложных исторических процессов, в том числе и узловых проблем колонизации Казахстана. Потому применялись концепции «абсолютного зла», а затем с точностью наоборот, «абсолютного блага».

В условиях независимого Казахстана постепенное освобождение от идеологического диктата, от роли подсобного инструмента текущей политики, преодоление антинаучных схем и теоретических представлений, препятствовавших объективному исследованию, должны привести к кардинальным изменениям в исследовательской парадигме с учетом достижений мировой исторической мысли. Однако как обстоит ситуация в реальности, каким является состояние отечественной исторической науки по изучению озвученной проблемы и какие трудности имеются на этом пути? Не приводит ли переоценка устоявшихся взглядов к появлению новых политических конструкций, опять таки, в угоду конъюнктуре. Эти вопросы вызывают интерес у автора статьи.

Смена научных парадигм положила начало пересмотру сложившихся концепции применительно и к колонизации Казахстана. Существенную эволюцию претерпела господствовавшая длительное время концепция так называемого добровольного присоединения Казахстана к России. С 1991 г. начинают выходить серьезные научные издания и публикации в печати, авторы которых ставят вопрос о пересмотре устаревших трактовок и о более взвешенной оценке событий колониального прошлого [2]. Преобладающее большинство газетно-журнальных публикации носит постановочный характер. Академик М.К. Козыбаев ставит под сомнение утвердившийся в советской историографии термин «наименьшее зло», осуждает колониализм и неоколониализм как зло большое и малое: «колониализм не имеет человеческого лица, колониализм и гуманизм – антиподы... Оно олицетворяет национальный гнет, грабеж природных богатств, геноцид [3, с. 100].

Гарантом не сползания к пройденным ошибкам является академическая наука. Исследование должно стать достоянием сугубо академических кругов, именно, академическая наука (под которой понимается рационально - аналитическое, понятийно-логическое знание) должна дать научно обоснованные ответы. На сегодня процесс переосмысления колониального прошлого, а вместе с тем и подходов к его изучению в исторической науке Казахстана продолжается. По мысли В.З. Галиева, требуется уточнить понятие «колониализма» и терминологию, связанную с ним. Автор не согласен с тем, что оперируют понятиями «колониальное угнетение», «колониальный гнет» применительно к первой половине XIX века. Подчеркивая важность понимания колонизации как хозяйственное освоение, характерное для воззрения представителей русской историографии (Соловьев С.М., Ключевский В.О.), исследователь отмечает, что пришлое русское население усваивало хозяйственные навыки в новых условиях, а казахское население - трудовой опыт земледелия и совместной выработки общечеловеческих ценностей. Потому вопреки воле царизма, проявлялась прогрессивная сторона вхождения в состав России. Однако, имперские амбиции, изъятие огромного земельного фонда, нарушение казахского менталитета - это наглядное свидетельство колониальных устремлений царизма и правящих кругов России» [4, с. 77-81].

Интерпретация истории колониального прошлого казахского народа военно-феодальным империализмом, военно-феодальной эксплуатацией колонии со стороны царизма, что в итоге означало «колониальный гнет» односторонне, неполно, необъективно. Такой подход лишал казахскую историю самобытности и национального колорита. Обедненная подобным образом история, по мнению С.Ф. Мажитова, формировала усеченную социальную память, лишая ее качественной самостоятельности, выражающейся в наличии полноценного национального самосознания и стойкой здоровой национальной психологии. В то же время мало кто рискнул изучить по массовым источникам, при посредстве количественных методов познания экономические и социальные показатели, раскрывающие, на основе строго выверенных фактов и во всей возможной полноте, реальные (глубоко противоречивые) сдвиги в жизни всех слоев населения Казахстана конца XIX- начало XX вв. и влияние этого процесса на общее состояние России [5, с. 62-71].

Свою позицию по проблеме С.К. Жакыпбек формулирует так: Мы боимся термина «завоевание». До сегодняшнего дня не покидающая нас рабская психология воспринимает только завоевание Англии, Франции, Германии и других государств, а что касается России, то это было добровольное, мирное присоединение, вхождение. Ради справедливости надо признать, что суть любой колонизации одинакова: это насилие, грабеж, бесправие. Различие может быть только в методах реального осуществления. Если колонизацию европейских государств будем осуждать, а российскую сглаживать, то это не научные взгляды. По мнению автора, отсталость Российской империи от стран Европы, наоборот, усилило русскую колонизацию [6, с. 48].

Роль теоретических и методологических концепции, связанных с такими феноменами как экспансия и колонизация, по-новому определены в исследованиях К.Р. Несипбаевой. Автором представлен потенциал имеющихся англо-американских исследований в рамках этой тематики, анализируются теоретико-методологические основы и концепции, на которые базировались современные англо-американские исследователи истории Центральной Азии. Рассмотрев большой массив зарубежной литературы, проанализировав законодательные акты царизма, К.Р. Несипбаева приходит к выводу о переосмыслении национальной политики царизма как политики апартеида, расовой дискриминации. Постановка проблемы является радикальной в казахстанской историографии [7].

Как один из факторов, объективно способствовавших мобилизации этнонационального сознания, рассматривает российскую колониальную практику Ж.Б. Абылхожин. «...включение Казахстана в состав России и последовавшая за этим обширная и

перманентная миграция русских на его территорию придали определенное ускорение процессу казахской этнической консолидации и мобилизации». По мнению ученого, имперский колониализм не обладал возможностями привносить сюда сколько-нибудь радикальные трансформации, вопреки его претензиям на цивилизаторскую и культурно-мессианскую роль в регионе, подавлял не столько национальное самоотождествление, сколько консервировал факторы и условия, тормозящие, а порой и сводящие на нет динамику этого идентификационного процесса. Отмечая особенность российского колониализма, Ж.Б. Абылхожин определяет его сущность следующим образом: В Казахстане нечего было модернизировать. Русские создавали основы. Казахстан рассматривали не столько как колонию, а как свою территорию, свою землю и распоряжались ею как своею - земля собственность государства. Они строили крепости, города и пришли в Казахстан навсегда [8, с. 11-13].

Приведенный материал демонстрирует разночтения по проблеме и это можно объяснить ее сложностью, неоднозначностью. Независимость дала возможность иметь альтернативные взгляды. Альтернативой строго однонаправленной, монологической (марксистско-ленинской) методологии и вытекающих из него соответствующих подходов к исследованию исторических проблем, в настоящее время, выступает концепция многовариативности развития исторических процессов. История колониального прошлого в доминирующей степени рассматривается с новых гуманистических позиции. При изучении проблем колонизации оправдывает себя цивилизационный подход. Однако отход от формационной теории и попытки развития цивилизационного подхода, являясь, отличительными чертами современного состояния науки, пока не демонстрирует наличие каких-либо серьезных научных концепций.

Справедливо суждение о том, что главным препятствием на пути объективного изучения истории в советский период было заученное повторение или вынужденное подтверждение выводов и оценок исследователей центра учеными республики, исходя из указаний партийно-государственных органов. Вместе с тем, об опасности впадения в другую ловушку предостерегают российские коллеги. Таковыми являются, на их взгляд, увлечения отыскиванием приятных для слуха сюжетов, причем для избранного этноса, при котором неизбежно легкая смена плюсов на минусы и наоборот; однозначность подбора документальных фактов, приводящих к выводам, не коррелируемым методологией и теоретическими выкладками; сужения исследовательских тем до республиканской тематики, узость кругозора отдельных авторов, ограниченность доступа к архивным хранилищам бывшего Союза, что приводит к уходу от острых тем, имеющих важное методологическое значение. При избирательном и конъюнктурном использовании новых архивных документов и других источников «...проявляется сложность историографической ситуации, когда утверждение историзма и объективности в изучении прошлого сталкивается с дилетантизмом и конъюнктурой» [9, с. 18]. Критика тенденции написания прошлого в формате национального нарратива в историографии Казахстана озвучена была на международной конференции «Историческая наука постсоветской Центральной Азии: обретения и проблемы» [10].

Эйфория первых лет обретения национальной независимости, сопровождалась в доминирующей степени национальным форматом написания истории - так считает А.Миллер [11, с. 21]. Сегодня в мировой историографии устарел национальный нарратив. В то время как, в межвоенный период такой подход доминировал во всем мире и был в Европе. По мысли А.Миллера, ситуация парадоксальна: исследователи, которые не работают в жанре национального нарратива, и в этом смысле составляют часть *main-stream* (течение) в мировом масштабе являются маргиналами в собственных академических структурах, которые в свою очередь маргинальны по отношению к мировой историографии.

Главные проблемы, профессор Омского университета А.Ремнев, связывает не столько с преодолением гегемонии марксистско-ленинской методологии и стиранием «белых пя-

тен», сколько своего рода эмоциональным «переживанием прошлого», высокой степенью политической вовлеченности и селекции исторического знания в процесс формирования новой национальной государственности и национальной идентичности [12].

Итак, новые времена рожают новые взгляды и оценки на исторические события прошлого, связанные с использованием новых методологических подходов. Это стало возможным в связи с освобождением от идеологического прессинга коммунистического режима и навязывания идеологических канонов государственной идеологией. Уровень развития современной исторической науки позволяет взглянуть на проблему по-другому.

Как видится, абсолютное зло, наименьшее зло, колониализм, царизм, шовинизм, геноцид, этноцид - вот определенный интеграл, т.е. матрица научных суждений о смысле российского феномена в казахстанском пространстве, которые недостаточно раскрывают сущность обозначенной проблемы. С другой стороны, «цивилизаторская миссия», «абсолютное благо», «преимущество вхождения» и т.д. также не являются достаточно объективными. Для создания реальной исторической картины колониальной практики, объективного исследования неоднозначной, противоречивой сложности колониального прошлого, на наш взгляд, требуется своевременное овладение новейшим методологическим потенциалом и современным исследовательским методическим инструментарием, обращение к концептуальным наработкам. Эти вопросы остаются открытыми. Появление более совершенного теоретического и познавательного инструментария требуют более адекватного приложения исследовательских усилий.

1. История// Thesis. 1994.-С.158.
2. Козыбаев М.К. История и современность. А-Ата, 1991; История Казахстана: Белые пятна. Сб. статей. А-Ата, 1991; История Казахстана с древнейших времен до наших дней. Очерк. Алматы, 1993; Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Алматы, 1993; История Казахстана в лицах (Политические портреты). Акмола, 1993.
3. Козыбаев М.К. Казахстан на рубеже веков: Размышления и поиск. Алматы, 2000.- С.- 100.
4. Галиев В.З. Национально- освободительное движение казахского народа в свете новых исследований.// Мысль, 1993, №11, С.-77-81.
5. Мажитов С.Ф. Вопросы методологии изучения методов и характера колониального господства России в контексте истории Казахстана начала XX века// Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сборник статей. – Алматы, 1994, Вып.2, С.62-71.
6. Жакыпбек С.К. «Казахстанды патшалык Ресейдин отарга айналдыруын студенттерге калай окуту керек//Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию Казахского национального университета имени Аль-Фараби. 21-22 октября, 2004г., Ч. 1, 2 – Алматы, 2004.
7. Несипбаева К.Р. Современная англо-американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии и Казахстана (XVIII- начала XX вв.).- Алматы: Казак университеті.- 1997.-191с.
8. Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы: «Дайк - Пресс», 2007-296с. – С 11-13.
9. Аманжолова Д. На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. – Алматы: Издательский дом «Таймас».2009.-С.18.
10. Материалы международной конференции «Историческая наука постсоветской Центральной Азии: обретения и проблемы. - Алматы, 29-30 сентября 2005.
11. Миллер А. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М, 2006.- С.21.
12. Ремнев А.В. Новая имперская история: проблемы исследования и преподавания// Материалы международной конференции: Образовательно-инновационная и социокультурная политика в Казахстане и сопредельных территориях: опыт, проблемы и перспективы. Астана, Евразийский гуманитарный институт, 2005; Он же: Региональный нарратив в новой имперской истории России//Этнопанорама. Оренбург, 2005, №3-4, С.35-42; Он же: Имперская история Азиатской России в национальном и региональном нарративах//Степной Край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Тезисы докладов и сообщений VI Международной научной конференции.- Омск, 2009.- 6-11.

Паўлава А.Я.

КРЫНІЦА ЗНАЎСТВА НА СТАРОНКАХ “БЕЛАРУСКАГА ГІСТАРЫЧНАГА ЧАСОПІСА” ў канцы 1990-х – 2011 гг.

Вядучым дзяржаўным гістарычным выданнем з 1993 г. з’яўляецца “Беларускі гістарычны часопіс”. На сваіх старонках ён спрабуе сумясціць навуковыя, навукова-папулярныя і вучэбна-метадычныя тэксты. Па меркаваннях рэдакцыі найбольш важнай пры выбары тэкстаў для публікацыі з’яўляецца практычная накіраванасць матэрыялаў (магчымасць вы-

карыстання ў сферы адукацыі). Такім чынам, калі пераасэнсаваць формулы “Без крыніц няма гісторыі” і “Гісторыя пішацца па дакументах. Няма іх – няма гісторыі”, то публікацыі крыніцазнаўчага накірунку з’яўляюцца вельмі актуальнымі для часопіса.

У дадзеным артыкуле прапануецца кароткі агляд вынікаў прац беларускіх і замежных гісторыкаў, апублікаваных на старонках “Беларускага гістарычнага часопіса”. На працягу апошніх 15 гадоў на старонках БГЧ было апублікавана і каля 40 артыкулаў, прасвечаных праблемам крыніцазнаўства. Аўтарамі матэрыялаў з’явіліся навукоўцы Інстытута гісторыі, Інстытута літаратуры і мовы Акадэміі навук, вядучых ВНУ, архіўных і музейных устаноў Рэспублікі Беларусь. Калі гаварыць пра тэматычнае напавненне, то гэта аналіз асобных груп крыніц, паведамленні аб архіўных крыніцах, комплексныя даследаванні крыніц па вызначаных гістарычных пытаннях, публікацыі тэкстаў крыніц і характарыстыка становішча з вывучэннем крыніцазнаўства ў беларускіх ВНУ. Аўтары артыкулаў прадэманстравалі навуковую цікавасць не толькі да традыцыйна папулярных пісьмовых і археалагічных, а таксама да рэчавых, выяўленчых, картаграфічных крыніц. І ўсё ж, асноўная частка матэрыялаў прысвечана разгляду вынікаў вывучэння пісьмовых крыніц, а менавіта апавадальным крыніцам. Абсалютная большасць артыкулаў была апублікавана ў перыяд 2004 – 2011 гг. Вынікі навуковых даследаванняў друкаваліся не толькі ў спецыяльным раздзеле “Крыніцазнаўства”, а таксама ў раздзелах “Гісторыя культуры”, “Археалогія”, “Гісторыя архітэктуры”, “Беларусы ў свеце”, “Мастак і гісторыя”, “Ваенная гісторыя”, “Краязнаўства”, “Матэрыялы да ўрокаў”. Тэксты ўсіх артыкулаў падрыхтаваны на беларускай мове.

Пачнем агляд з публікацый дакументаў. За азначаны перыяд у часопісе былі надрукаваны дакументы аб стварэнні БДУ, утварэнні ССРБ, выявы графіці XII-XIV стст. у Спаса-Праабражэнскай царкве ў Полацку, грамата князя Васіля Нарымонтавіча канца XIV ст., апісанне падарожжа з Мінска ў Пецябург у 1797 г. ананімнага беларускага шляхціца, даклад лідара Беларускай хрысціянскай дэмакратыі А.Станкевіча “Беларусы як нацыянальная меншасць у Польшчы”, лісты Філона Кміты-Чарнабыльскага і Льва Сапегі, тэксты Полацкага летапісу і “Аповяда пра Усеслава Чарадзея”, рапорты войскаў вермахта перыяда абароны г.Магілёва ў ліпені 1941 г. і інш.

Матэрыял дацэнта кафедры крыніцазнаўства БДУ М.Ф.Шумейкі прысвечаны пытаннем традыцый выкладання крыніцазнаўства і спецыяльных гістарычных дысцыплін пры падрыхтоўцы спецыялістаў у галіне архівазнаўства і дакументазнаўства [27].

Усё больш увагі даследчыкаў прыцягваюць фотадакументы. Паведамленне А.М.Міхальчанкі прысвечана разгляду фотадакументаў БелГА у якасці крыніц па гісторыі Беларусі [16]. Матэрыял В.А.Лабачэўскай расказвае пра этнаграфічную фотакалекцыю з Беларусі на Усерасійскай этнаграфічнай выстаўцы 1867 г. У аснову наступнага артыкула гэтай жа даследчыцы пакладзены знойдзены ў іканаграфічным адзеле Нацыянальнага музея Літвы фотаздымак саламяных царскіх варот з Піншчыны. В.А.Лабачэўская паспрабавала высветліць не толькі гісторыю і лёс узнікнення гэтай фотакрыніцы, а і самага помніка народнага мастацтва [9,10].

У асобную групу можна выдзеліць паведамленні пра архіўныя крыніцы. Так, у 2006 г. выйшлі артыкулы В.С.Івановай “Першая сусветная вайна ў дакументах беларускіх архіваў” і А.Латушкіна “Нясвіжскі архіў Радзівілаў (1838 – 1873)”. У 2008 г. убачыў свет матэрыял дырэктара НГАБ ў Мінску А.К.Галубовіч “Скарбніца дакументальнай спадчыны”. На думку аўтараў, час ставіць перад гісторыкамі новыя праблемы, даследаванне якіх немагчыма без ўвода ў навуковы зварот новых дакументальных крыніц, на якія так багаты айчынныя архіўныя ўстановы.

Сярод комплексных крыніцазнаўчых даследаванняў пэўных праблем айчыннай гісторыі неабходна выдзяліць артыкул супрацоўніцы Інстытута гісторыі НАНБ І.У.Ганецкай “Крыніцы па гісторыі беларускіх замкаў”. Аўтар ўпэўнена, што выкарыстанне розных відаў крыніц і метадаў даследавання павялічвае навуковую каштоўнасць работ. У артыкуле прадстаўлены вынікі вывучэння гісторыі беларускіх замкаў на

падставе пісьмовых, археалагічных, картаграфічных, іканаграфічных, вусных крыніц і фотодакументаў [2].

В.Ф.Голубеў прадставіў артыкул “Крыніцы па гісторыі сельскай абшчыны ў Беларусі ў XVI-XVIII стст.” Матэрыялаў, прысвечаных выключна дзейнасці сялянскай абшчыны на беларускіх землях у XVI-XVIII ст. няма. У разглядаемы перыяд абшчына на тэрыторыі ВКЛ з’яўлялася грамадскай арганізацыяй сельскага насельніцтва. Звесткі пра яе існаванне ў большасці крыніц ускосныя. Аўтарам не выяўлена ні воднага дакумента, які б даваў усебаковую характарыстыку сельскай абшчыны ў Беларусі ў вывучаемы перыяд. Тым не менш, даследчык зрабіў класіфікацыю крыніц па намінальнаму прызнаку (выдзелена 10 відаў дакументаў), дзе можна сустрэць неабходныя звесткі. У працэсе вывучэння высветлілася, што абсалютная большасць крыніц паходзілі ад пануючага саслоўя феадалаў-уласнікаў. Кожны дакумент вырашаў пэўную задачу, неабходную яго аўтарам. Але існавалі і дакументы, якія сведчылі пра захаванне пэўных норм і правіл грамадскага жыцця ў вёсцы [3].

Выклікае цікавасць і матэрыял В.Б.Келер і С.Б.Каўна “Вялікае Княства Літоўскае ў нямецкіх выданнях другой паловы XVII – пачатку XVIII ст”. У артыкуле прыведзены вынікі вывучэння выданняў, якія зберагаюцца ў Цэнтральнай бібліятэцы зямлі Заксен Ангальт [8].

Значная колькасць публікацый складаюць матэрыялы аб гісторыі кніжных збораў як гістарычных крыніц. Так, В.А.Варонін у артыкуле “Кніга светого Софея” разгледзеў гісторыю захавання ў XV-XVI стст. Самых значных кніжных збораў Полаччыны і іх далейшы лёс. Серыя паведамленняў галоўнага захавальніка Веткаўскага музея народнай творчасці С.І.Лявонц’евай прысвечана асаблівасцям мастацкага афармлення Веткаўскіх рукапісных кніг XVIII ст. [12,13,14]. Ю.М.Лаўрык аналізуе рукапісныя кнігі ў Куцейне.

Прыцягвае ўвагу і артыкул Н.А.Скепьян, якая звярнулася да вывучэння такога віду выяўленчых крыніц як выявы дзяржаўных дзеячоў . Даследчыца правяла параўнальны аналіз выяў канцлераў ВКЛ першай паловы XVI ст. на партрэтах, мініяцюрах з малітоўнікаў і каменных надмагільных помніках [17].

Дастатковая колькасць паведамленняў закранае праблемы вывучэння археалагічных крыніц. Напрыклад, паведамленне В.У.Мядзведзевай прысвечана рэалістычным шахматным фігурам ў Беларусі ў часы Сярэднявечча. Як пазначае аўтар, па матэрыялах атрыманых беларускімі археолагамі можна зрабіць высновы, што нашыя продкі выдзяляліся высокай шахматнай культурай. На тэрыторыі Беларусі знойдзены амаль усе фігуры рэалістычных шахмат акрамя слана і каня [17].

Асобнае месца займаюць публікацыі палеаграфічнага накірунка. Так, трэба адзначыць матэрыял А.І.Грушы “Рэлігія – мова – пісьмо: пра сутнасць устава і паўустава XI – першай паловы XVI ст.” [5]. У паведамленнях І.Л.Калечыц рознабакова разглядаюцца эпіграфічныя помнікі: графіці на сякере з Музея Беларускага Палесся ў Пінску і графіці XII – XIV стст. У Спаса-Праабражэнскай царкве ў Полацку [6,7].

Аналіз дакументальных пісьмовых крыніц, акрамя вышэй азначанага артыкула В.Ф.Голубева, прадстаўлен у рабоце А.І.Грушы “Невядомы арыгінал граматы князя Васіля Нарымонтавіча канца XIV ст.” [4] .

Адной з цэнтральных тэм для беларускіх навукоўцаў-крыніцазнаўцаў з’яляецца вывучэнне апаਵядальных крыніц: летапісаў, лістоў, дзённікаў. Пастаянным аўтарам БГЧ можна назваць літаратуразнаўца І.В.Саверчанку. На працягу азначанага перыяда ім былі прапанаваны артыкулы “Рарытэт нацыянальнай гістарыяграфіі і літаратуры” – аб летапісных паведамленнях “Аповяды пра Усеслава Чарадзея”, “Полацкі летапіс – галоўная крыніца палітычнай гісторыі Беларусі XII ст.”, “Пісьмовая спадчына Льва Сапегі” – аб выніках вывучэння 300 лістоў, “Эпістальярная спадчына Філона Кміты-Чарнабыльскага” [22,23,24,25]. Трэба адзначыць, што лісты гэтага дзяржаўнага і ваен-

нага дзеяча прыцягнулі навуковую ўвагу і маладога даследчыка Ю.М. Мікульскага, які рыхтуе да археаграфічнага выдання зборнік лістоў прыгаданай знакамітай асобы [15]. У фокусе даследчыцкай увагі Ю.Л. Казакова і Б.Рока знаходзяцца запіскі падарожнікаў. Аднаводна, прыгаданымі аўтарамі быў прадсталены артыкул “Апісанне падарожжа з Мінска ў Пецярбург ананімнага беларускага шляхціца”.

Крыніцазнаўства гісторыі XX стагоддзя прадстаўлена артыкуламі, ў якіх на падставе шырокага выкарыстання крыніц падаецца аналіз войнаў і іх наступстваў для Беларусі. Так, падзеі Першай сусветнай вайны прадстаўлены матэрыяламі М.Ліс “Фатаграфіі У.Паўлоўскага – дакументальнае сведчанне Першай сусветнай вайны” і С.С.Рудовіча “Вайна, палітыка, паўсядзённасць у “Дзённіку” Фердынанда Рушчыца”. Падсумоўваючы разгляд дзённікавых запісаў вядомага мастака за 1914 – 1919 г. аўтар публікацыі адзначае шматпланавасць і шматаспектнасць інфармацыі, якой пры гэтым уласціва характэрная для дзённікаў мазаічнасць і незавершанасць сюжэтаў. З пункту гледжання інфармацыі выдзяляюцца два пласты. Першы – непасрэдня ўражанні мастака пра падзеі, у якіх ён удзельнічаў непасрэдна або назіраў асабіста: штодзённае жыццё пад акупацыяй у асяроддзі шляхецкага маёнтка, а таксама дзейнасць Ф.Рушчыца як польскага краёўца. Другі пласт складаюць водгукі аўтара на больш маштабныя працэсы, паваротныя моманты ў гісторыі Першай сусветнай вайны [11, 21].

У цэнтры ўвагі даследаванняў С.Я.Новікава знаходзяцца падзеі гісторыі Беларусі перыяда Вялікай Айчыннай вайны, а менавіта абарона г.Магілёва летам 1941 г. Раздзяду азначаных падзей гісторык прысвяціў наступныя артыкулы: “Адлюстраванне падзей на Буйніцкім полі 12 ліпеня 1941 г. у нямецкіх архіўных дакументах”, “Абарона Магілёва у святле новых дакументальных крыніц” і “Магілёўская бітва 1941 г.”. Гісторык перакананы, што адметнай рысай сучасных даследаванняў павінна стаць шырокае выкарыстанне нямецкіх архіўных дакументаў, без якіх практычна немагчыма адказаць, у прыватнасці на асобныя пытанні бітвы за Магілёў летам 1941 г. Аўтар прыходзіць да высновы, што нямецкія дакументы сведчаць аб існаванні на Дняпры “непрыступнага басціёна”, “баяздольнай крэпасці”, за якую ў ліпені 1941 г. разгарнулася сапраўдная бітва. Па меркаваннях С.Я.Новікава гэтыя факты павінны стаць для беларускай грамадскасці перакаўчай падставай для таго, каб прысвоіць г.магілёву ганаровае званне “Горад-герой” [18,19,20].

Тэма партызанскага руху знайшла адлюстраванне ў матэрыяле Т.В.Букінай “Партызанскія часопісы як з’ява ў агітацыйным мастацтве Беларусі”, падрыхтаваны на аснове аналізу калекцыі дадзеных крыніц у фондах БДМГВАВ. Даследчыца спыняецца на партызанскіх часопісах як асобным віду гістарычных крыніц па гісторыі партызанскага руху: у часопісах спалучаліся функцыі дакументавання і агітацыі і прапаганды. Прадметам дэтальнага разгляду стала выяўленчае мастацтва на старонках часопісаў і гістарыяграфія вывучэння гэтага віду крыніц. Артыкул быў надрукаваны ў раздзеле “Матэрыялы для ўрокаў”. Аднак, ён можа быць выкарыстаны і пры падрыхтоўцы навуковых прац [1].

Падсумоўваючы агляд публікацый па крыніцазнаўству на старонках вядучага галіновага часопіса, неабходна адзначыць, што праца з крыніцамі застаецца для гісторыкаў адным з галоўных напрамкаў навуковых пошукаў. Актыўны пошук дадатковых крыніц і спробы новага іх прачытання сведчаць, што значная частка даследчыкаў не вельмі задаволена станам распрацоўкі асобных пытанняў гісторыі краіны.

Тым не менш, трэба прызнаць што на сёняшні дзень “Беларускі гістарычны часопіс” выдае вялікую колькасць невялікіх артыкулаў па дастаткова вузкім праблемам і без прэтэнзій на канцэптואльнасць. Практычна адсутнічаюць палемічныя матэрыялы. Нажаль, няма артыкулаў па тэарэтычных пытаннях крыніцазнаўства. Спадзяёмся, што становішча выправіцца ў бліжэйшай будучыні.

1. Букіна Т.В. Партызанскія часопісы як з’ява ў агітацыйным мастацтве Беларусі. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. - №11. – С.60 - 66.

2. Ганецкая І.У. Крыніцы па гісторыі беларускіх замкаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. - №9. – С.17 -23.
3. Голубеў В.Ф. Крыніцы па гісторыі сельскай абшчыны ў Беларусі ў XVI – XVIII стст.//Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. - №10. – С.24 -30.
4. Груша А.І. Невядомы арыгінал граматы Васіля Нарымонтавіча канца XIV ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. - №11. – С.31-42.
5. Груша А.І. Рэлігія – мова – пісьмо: пра сутнасць устава і паўустава XI – першай паловы XVI ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - №9. – С.28-31.
6. Калечыц І.Л. Графіці XII – XIV стст. У Спаса-Праабражэнскай царкве у Полацку // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. - №7. – С.37 -46.
7. Калечыц І.Л. Сякера з Музея беларускага Палесся: невядомы эпіграфічны помнік // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. - №7. – С.28-31.
8. Каўн С.Б., Келер В.Б. Вялікае Княства Літоўскае ў нямецкіх выданнях другой паловы XVII – пачатку XVIII стст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. - №1. – С.67 -71.
9. Лабачэўская В.А. Саламяныя царскія вароты: новая знаходка. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. - №4. – С.24 -27.
10. Лабачэўская В.А. Этнаграфічная фотакалекцыя з Беларусі на Усерасійскай этнаграфічнай фотавыстаўцы 1867 г. Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - №4. – С.32-37.
11. Ліс. М. Фатаграфіі У.Паўлоўскага – дакументальнае сведчанне Першай сусветнай вайны. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2004. - №8. – С.44-49.
12. Лявонцьева С.І. Мастацтва рукапіснай кнігі Веткі і народная творчасць // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. - №2.
13. Лявонцьева С.І. Мастацкае афармленне Веткаўскіх рукапісных кніг XVIII ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - №4. – С.22-32.
14. Лявонцьева С.І. Мастацкае афармленне Веткаўскіх рукапісных кніг XVIII ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. - №9. – С.22-32.
15. Мікульскі Ю.М. Новыя лісты Філона Кміты-Чарнабыльскага.// Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. - №10. – С.18-23.
16. Міхальчанка А.М. Фотадакументы БелГА як гістарычная крыніца. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. - №4. – С.32-35.
17. Мядзведзева В.У. Рэалістычныя шахматныя фігуры сярэднявковай Беларусі. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. - №4. – С.41-45.
18. Новікаў С.Я. Магілёўская бітва 1941 года ў данясеннях Вермахта. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. - №7. – С.23 -34.
19. Новікаў С.Я. Абарона Магілёва ў святле новых дакументальных крыніц. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. - №7. – С.44 -53.
20. Новікаў С.Я. Адлюстраванне падзей на Буйніцкім полі 12 ліпеня 1941 г. у нямецкіх архіўных матэрыялах. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - №7. – С.12 -19.
21. Рудовіч С.С. Вайна, палітыка, штодзённасць у “Дзённіку” Ф.Рушчыца. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - №10. – С.37 -45.
22. Саверчанка І.В. “Полацкі летапіс” – галоўная крыніца палітычнай гісторыі Беларусі XII ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. - №5. – С.13-18.
23. Саверчанка І.В. Пісьмовая спадчына Льва Сапегі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. - №3. – С.3 - 11.
24. Саверчанка І.В. Рарытэт нацыянальнай гістарыяграфіі і літаратуры // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - №11. – С.32-36.
25. Саверчанка І.В. Эпістальярная спадчына Ф.Кміты-Чарнабыльскага. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. - №5. – С.29-33.
26. Скепьян Н.А. Выявы канцлераў ВКЛ першай паловы XVI стагоддзя як гістарычная крыніца. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - №5. – С.30-33.
27. Шумейка М.Ф. Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны на гістарычным факультэце БДУ: гісторыя і сучаснасць. // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. - №4. – С.27-30.

Трыгорлава Л.Б.
ХРЭСТАМАТЫЯ Ў ШКОЛЬНЫМ ГІСТАРЫЧНЫМ КУРСЕ:
РОЛЯ І ТЭХНАЛОГІЯ АДПРАЦОЎКІ ТЭКСТУ

Вывучэнне гісторыі ў школьным курсе гісторыі, асабліва на старэйшай ступені адукацыі, цесна звязана з выкарыстаннем дакументальнага матэрыялу. А рост цікавасці вучняў да шматвяковага шляху, пройдзенаму беларускім народам за сваю гісторыю, адчуваецца сёння асабліва востра. Сапраўды, азнаямленне вучняў непасрэдна з пісьмовымі крыніцамі дапамагае ім як бы прыадкрыць дзверы ў мінулае, разгледзіць з’явы ў першазданым выглядзе, адчуць пульс гістарычнага працэсу. Таму выкладанне гісторыі павінна абапірацца на факты, якія ўтрымліваюцца ў дакументах. Выключную ролю ў гэтым працэсе адыграюць хрэстаматыі па гісторыі Беларусі (для 10 класа пад рэдакцыяй А. А. Кавалені, 2009 г.; для 11 класа – складальнікі В. М. Фамін, С. В. Паноў, Т. Ф. Ходзіна, 2009 г.). Галоўная мэта хрэстаматый – спрыяць больш глыбокаму і

ўсебаковаму вывучэнню актуальных праблем беларускай гісторыі, паказаць рэальнае развіццё гістарычнага працэсу ва ўсёй яго супярэчнасці.

Падбор дакументаў адпавядае праграме па гісторыі Беларусі, размеркаваны ў адпаведнасці з яе перыядызацыяй. Хрэстаматыя ўтрымлівае пісьмовыя крыніцы як афіцыйнага характару, так і неафіцыйнага. Сярод іх выдзяляюцца дакументы розных відаў. З афіцыйных матэрыялаў гэта: заканадаўчыя акты (Устаўная грамата да народаў Беларусі. 9 сакавіка 1918 г.; Канстытуцыя ССРБ, 1919 г.), справаздаўчыя дакументы (Нацыянальная справаздача аб чалавечым развіцці, 1996 г.; Пратакол пасяджэння кіраўнікоў дэлегацый Аб'яднаных Нацый па пытанні аб запрашэнні БССР і УССР у лік членаў – заснавальніц ААН), дыпламатычныя і ваенныя дагаворы (Мірны дагавор паміж Расіяй і Украінай, з аднаго боку, і Польшчай – з другога. 18 сакавіка 1921 г.; Дагавор аб стварэнні Саюзнай дзяржавы Беларусі і Расіі, 1999 г.); статыстычна-эканамічныя матэрыялы (Звесткі арганізацыйна-інструктарскага аддзела ЦК КП(б) Б, 1933 г.). З неафіцыйных – успаміны (С. В. Прытыцкага), асабістыя лісты (Пісьмы беларусаў-эмігрантаў пасля наведвання імі Радзімы, 1967 г.) і інш. Аднак у хрэстаматыі недастаткова матэрыялаў, якія павінны адлюстроўваць грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі ў 20-30-х гг. ХХ ст., што заклікана паказаць складанасць і драматызм лёсу соцэн тысяч беларусаў і прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей у час станаўлення савецкага таталітарызму.

Дакументы, якія ўтрымліваюцца ў хрэстаматыі, узяты з розных выданняў. Большасць з іх надрукавана на мове арыгінала.

У хрэстаматыі для 10 класа ў канцы кожнага раздзела змешчаны пытанні і заданні да дакументаў, якія арыентаваны на фарміраванне ў вучняў уменняў параўноўваць, суадносіць з'явы і падзеі, вызначаць прычынна-выніковыя сувязі, даваць асабістую характарыстыку гістарычным дзеячам, рабіць неабходныя вывады. Сярод дакументаў утрымліваюцца як вядомыя, так і невядомыя, упершыню вынесеныя на свет з архіва.

У хрэстаматыі для вучняў 11 класа амаль для кожнага з дакументаў даецца невялічкая прадмова, што дазваляе ўявіць сутнасць гістарычных падзей, з'яў, працэсаў, якія адлюстраваны ў крыніцы, а таксама кароткія даведкі аб аўтарах дакумента ці асобах, згаданых у крыніцах. У хрэстаматыі да дакументаў складзены пытанні і заданні, якія накіраваны на асэнсаванне аднаўленне іх зместу ў рэчышчы вывучаемых падзей.

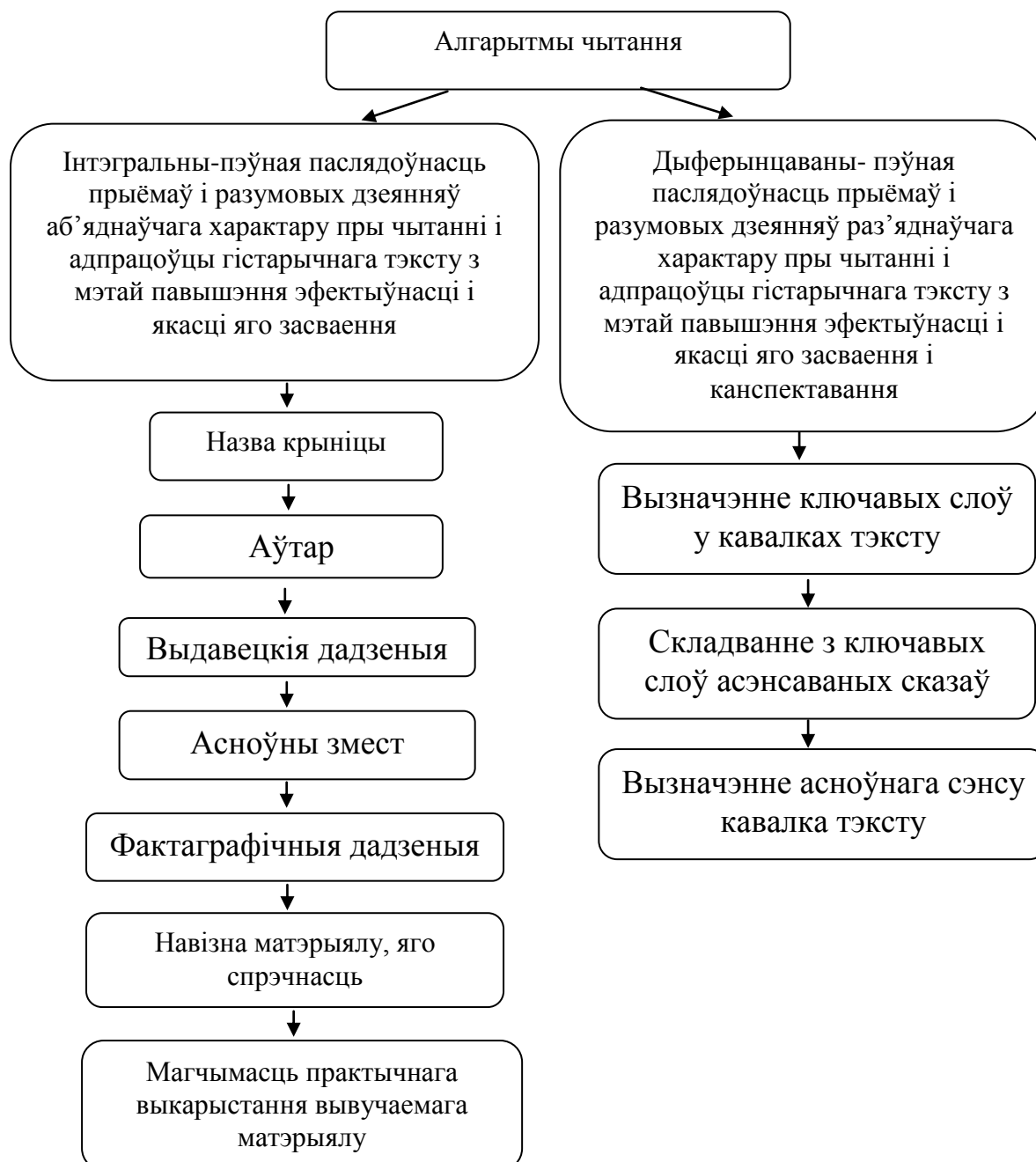
У хрэстаматыях змешчаны спісы вучэбнай і навуковай літаратуры, а таксама электронныя рэсурсы, якія ўтрымліваюць дакументальныя матэрыялы па гісторыі Беларусі другой паловы 1940-х гг.-пачатку ХХІ ст. Адны дакументы прыводзяцца поўнасю, другія - часткова. І гэта невыпадкова. Усялякі тэкст можа быць асэнсаваны толькі ў тым выпадку, калі навучэнцы валодаюць пэўнай культурай працы з ім. Культура працы з тэкстам – гэта фундамент, на якім будуюцца іншыя канструкцыі, напрыклад, інфармацыйная культура асобы. Але тут і ўзнікае некалькі праблем:

- Вучні толькі знаходзяцца на стадыі фарміравання культуры працы з тэкстам.
- Шматлікасць крыніц па стылю выкладання, характары падачы матэрыялу, складанасці тэрміналагічнага апарату і розны ўзровень развіцця лагічнага мыслення ў навучэнцаў.
- Розны ўзровень развіцця ў вучняў навыкаў самастойнай працы з гістарычнай крыніцай.
- Недастатковая ўпарадкаванасць дзейнасці чытальнікаў.
- Праблемы практычнага выкарыстання атрыманых ведаў.
Занепакоенасць сэння выклікаюць і недахопы традыцыйнага чытання:
- Артыкуляцыя (унутранае прагаворванне тэксту); зніжаецца хуткасць чытання, прычым істотна.
- Адсутнасць развітага перэферычнага зроку (здольнасць толькі некаторых вучняў ахапіць поглядам 2 словы ў тэксце).
- Рэгрэс у чытанні (зніжэнне ўзроўню чытання).

- Нізкая сэнсавая здагадка.
- Цяжкасці з засваеннем правіл чытання.

Вызначыўшыся з праблемамі, якія ўзнікаюць пры працы з дакументам, выкладчык выбірае найбольш эфектыўны метадад засваення зместу пісьмовых крыніц. Існуе 3 такія метады.

1. Метадад паслядоўна-тэкстуальнага вывучэння крыніц, заснаваны на правілах (алгарытмах) чытання.

Метадад паслядоўна-тэкстуальнага вивучэння крыніц мэтазгодна выкарыстоўваць пры вивучэнні дакументаў па тэмах “Абвяшчэнне і стварэнне беларускай дзяржаўнасці”, “Заходняя Беларусь пад уладай Польшчы”, “Уз’яднанне Заходняй Беларусі з БССР”.

2. Метадад лагічных заданняў. Лагічнае заданне – гэта сукупнасць метадычных сродкаў, якія арыентуюць вучняў на разумовыя дзеянні ў выніку чаго на базе існуючых

ведаў утвараюцца новыя веды, думкі, адбываецца іх кіруемае прырастанне на прадуктыўна-пазнавальнай аснове. Лагічныя заданні ўключаюць у сябе 3 групы сродкаў: 1) пытанні і заданні на вызначэнне прычын, часу, умоў стварэння крыніцы, а таксама асноўнай тэрміналогіі; 2) пытанні і заданні, якія арыентуюць навучэнцаў на пошук патрэбнага матэрыялу і яго глыбокае засваенне; 3) абагульненне і практычныя заданні, якія патрабуюць сінтэза матэрыялу і суадносін ідэй і палажэнняў крыніцы з рэчаіснасцю.

Метад лагічных заданняў працуе пры знаёмстве з дакументамі па тэмах “Правядзенне індустрыялізацыі ў БССР”, “Калектывізацыя сельскай гаспадаркі ў БССР”, “БССР у першае пасляваеннае дзесяцігоддзе”.

3. Метад паэтапнага вывучэння крыніц. Гэты метады заснаваны на самастойным знаёмстве навучэнцаў з дакументамі шляхам трохэтапнага алгарытма дзеянняў (падрыхтоўчай работы, засваення зместу крыніцы, выкананне абагульняючых і практычных заданняў). Такім метадам можна адпрацоўваць тэксты па тэмах “Адукацыя і навука БССР ў канцы 1920-1930-х гг.”, “Развіццё літаратуры і мастацтва БССР ў канцы 1920-1930-х гг.”, “Станаўленне дзяржаўнага суверэнітэту Рэспублікі Беларусь”, “Грамадска-палітычнае жыццё ў другой палове 1990-х гг. - пачатку XXI ст.”. Пры выкарыстанні метада паэтапнага вывучэння крыніц у абавязковым парадку навучэнцамі вядзецца канспект крыніцы.

Такім чынам, даследаванне пісьмовых гістарычных крыніц на ўроках гісторыі спрыяе фарміраванню ў вучняў пэўнага светапогляду, дапамагае самастойна ім асэнсоўваць матэрыял і рабіць неабходныя, больш пераканаўчыя, вывады, а не «навязвае» агульнапрынятыя гістарычныя стандарты.

1. Источниковедение. Теоретические и методические проблемы. - М., 1969.
2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учебное пособие / И.Н. Данилевский, В. В., Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. - М., 1998.
3. Медушевская, О. М. Теоретические проблемы источниковедения. - М., 1976.
4. Степанищев, А.Т. Методика преподавания и изучения истории: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. – М., 2002.
5. Фарсоби́н, В. В. Источниковедение и его метод: опыт анализа понятий и терминологии. - М., 1983.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Агееў Аляксандр Рыгоровіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова.

Адамовіч Аксана Уладзіміраўна – загадчык аддзела выкарыстання і публікацыі дакументаў установы “Занальны дзяржаўны архіў” г. Маладзечна.

Акульшын Пётр Уладзіміравіч – доктар гіст. навук, загадчык навукова-адукацыйнага цэнтра гісторыка-гуманітарных і сацыяльна-эканамічных даследаванняў Разанскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя С.А. Ясеніна.

Астранка Андрэй Мікалаевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі і археалогіі Украіны Чарнігаўскага нацыянальнага педагагічнага ўніверсітэта імя Т.Р. Шаўчэнкі, намеснік дырэктара Інстытута гісторыі, этналогіі і правазнаўства імя А.М. Лазарэўскага Чарнігаўскага нацыянальнага педагагічнага ўніверсітэта імя Т.Р. Шаўчэнкі.

Афанасьева Таццяна Юр’еўна – дырэктар Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі ў г. Гродна.

Баброў Мікалай Міхайлавіч – старшы выкладчык кафедры грамадзянскага права і грамадзянскага працэсу Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Балюк Таццяна Пятроўна – аспірантка кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Бароўка Ванда Юльянаўна – доктар філалагіч. навук, прафесар кафедры беларускай літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Белюкоў Дзмітрый Анатольевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт, дэкан сацыяльна-гуманітарнага факультэта Вялікалукскай дзяржаўнай акадэміі фізічнай культуры і спорту.

Бруханчык Кацярына Анатольеўна – кандыдат гіст. навук, выкладчык Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка.

Буцін Дзяніс Сяргеевіч – аспірант кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Бяспалая Марыя Аркадзеўна – доктар гіст. навук, прафесар, загадчык кафедры гісторыі Беларусі і музейзнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.

Варламава Надзея Пятроўна – загадчык навукова-экспазіцыйнага аддзела Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.

Волкава Вольга Анатольеўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта фізічнай культуры і спорту.

Воранаў Раман Генадзевіч – магістр гісторыі, культуролог ПРПП “Кастусь-медыя”.

Гарматны Віталь Пятровіч – магістр гіст. навук, аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Гладкова Ганна Аляксандраўна – выкладчык кафедры беларускай літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Глінскі Яўген Станіслававіч – магістрант кафедры гісторыі Беларусі старажытнага часу і сярэдніх вякоў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Глушкоў Сяргей Мікалаевіч – краязнаўца (г. Полацк).

Грыбко Віктар Вільгельмавіч – краязнаўца, настаўнік УА “Іванская ДАСШС” Чашніцкага раёна Віцебскай вобласці, кіраўнік гуртка “Гісторыкі-краязнаўцы”.

Грэбень Яўген Аляксандравіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта.

Давідоўская Вольга Мікалаеўна – старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.

Дакунова Алена Мікалаеўна – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Дзянісава Алена Рыгораўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Дз’якава Алена Васільеўна – выкладчык кафедры гісторыі Украіны Харкаўскага нацыянальнага педагагічнага ўніверсітэта імя Р.С. Скаварады.

Доўнар Аляксандр Барысавіч – кандыдат гіст. навук, загадчык сектара крыніцазнаўства і археаграфіі інстытута гісторыі НАН Беларусі.

Дубік Марына Рыгораўна – кандыдат гіст. навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі Украіны НАН Украіны.

Дулаў Анатоля Мікалаевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Елісееў Аляксей Барысавіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гуманітарных навук Мінскага філіяла Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта эканомікі, статыстыкі і інфарматыкі.

Ермалёнак Вітольд Антонавіч – крэйзнаўца, настаўнік ДАУ “Міёрская сярэдняя школа № 3”.

Жарын Дзмітрый Валер’евіч – метадыст Цэнтра праблем развіцця адукацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Жыдчанка Аляксандр Уладзіміравіч – суіскальнік кафедры сучаснай айчыннай гісторыі і гістарыяграфіі Омскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф.М. Дастаеўскага.

Зіманскі Вадзім Элдаравіч – кандыдат філалагіч. навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Ігнатавец Людміла Міхайлаўна – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Какенава Галіна Мажытаўна – доктар гіст. навук, прафесар Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л.М. Гумілёва (г. Астана).

Карапузава Ганна Генадзьеўна – дырэктар Дзяржаўнага архіва Брэсцкай вобласці.

Карпекін Канстанцін Рыгаравіч – магістр пед. навук, галоўны захавальнік фондаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці.

Карпінская Паліна Уладзіміраўна – вядучы архівіст Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці.

Касая Таццяна Уладзіміраўна – навуковы супрацоўнік Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея.

Каханка Уладзімір Пятровіч – загадчык аддзела навуковага выкарыстання і публікацыі дакументаў Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці.

Карчміна Алена Сяргееўна – кандыдат гіст. навук, старшы выкладчык Разанскага інстытута (філіяла) Маскоўскага дзяржаўнага адкрытага ўніверсітэта.

Катовіч Таццяна Віктараўна – доктар мастацтвазнаўства, прафесар кафедры усеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Кітурка Ірына Фёдараўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт, дэкан факультэта перападрыхтоўкі Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Ключарова Антаніна Уладзіміраўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт Тульскага дзяржаўнага ўніверсітэта, старшы навуковы супрацоўнік Музея-сядзібы Л.М. Талстога “Ясная паляна”.

Косаў Аляксандр Пятровіч – кандыдат гіст. навук, загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Краско Генадзь Генадзьевіч – кандыдат гіст. навук, ДУА “ІНБ”

Крукоўскі Уладзімір Дзмітрыевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта.

Кручыніна Альбіна Нікандраўна – кандыдат мастацтвазнаўства, прафесар кафедры старажытнарускага спеўнага мастацтва Санкт-Пецярбургскай дзяржаўнай кансерваторыі імя М.А. Рымскага-Корсакава, заслужаны дзеяч мастацтваў РФ.

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч – кіраўнік аддзела інфармацыі і навуковага выкарыстання дакументаў Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі.

Кур’яновіч Юрый Уладзіміравіч – аспірант кафедры гісторыі Беларусі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, супрацоўнік органаў МУС Рэспублікі Беларусь.

Латушкін Андрэй Мікалаевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Лаўрыновіч Дзмітрый Сяргеевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт, дэкан факультэта замежных моў Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова.

Лінкевіч Віктар Мікалаевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх дзяржаў Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Лісаў Аляксандр Генадзьевіч – кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Лугачова Таццяна Аляксееўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Луферчык Яўген Георгіевіч – студэнт 5 курса гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, супрацоўнік СНДЛ «Гісторыя і камп’ютар».

Лякішава Святлана Іванаўна – кандыдат пед. навук, навуковы супрацоўнік сектара ўліку і захавання фондаў Дзяржаўнага мемарыяльнага і прыроднага запаведніка Л.М. Талстога “Ясная Паляна”.

Макараў Максім Дзмітрыевіч – кандыдат гіст. навук, старшы навуковы супрацоўнік Рэспубліканскага інавацыйнага ўнітарнага прадпрыемства «Навукова-тэхналагічны парк БНТУ «Палітэхнік».

Мальчэўскі Яўген Сяргеевіч – галоўны спецыяліст Нацыянальнага цэнтра інтэлектуальнай уласнасці, аспірант гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Мартынюк Аляксей Віктаравіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы.

Мітракова Вераніка Аляксандраўна – магістр гіст. навук, старшы навуковы супрацоўнік Аршанскай гарадской мастацкай галерэі В.А. Грамыкі – філіяла УК “Музейны комплекс гісторыі і культуры Аршаншчыны”.

Масейчук Людміла Іванаўна – навуковы супрацоўнік Цэнтра праблем развіцця адукацыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Мошнік Юлія Ігараўна – загадчык навукова-даследчага аддзела Дзяржаўнага гісторыка-архітэктурнага і прыроднага музея-запаведніка «Парк Манрэпо», г. Выбарг.

Мурашка Аляксандр Іванавіч – кандыдат гіст. навук, старшы выкладчык кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь.

Мусагаліева Арайлым Сабітаўна – доктар гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі Казахстана Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л.М. Гумілёва (г. Астана).

Назарава Яўгенія Львоўна – кандыдат гіст. навук, старшы навуковы супрацоўнік Цэнтра гісторыі Паўночнай Еўропы і Балтыі Інстытута ўсеагульнай гісторыі РАН (Масква), кіраўнік даследаванняў па балтыйскай гісторыі.

Носава Аляксандра Аляксандраўна – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Нікалаева Ірына Уладзіміраўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Падалінскі Уладзімір Аляксеевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры эканамічнай гісторыі Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта.

Падбярозкін Піліп Дзмітрыевіч – студэнт гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Падзерава Ірына Валер’еўна – магістр пед. навук, выкладчык Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта.

Падстаўленка Віталь Феліксавіч – кандыдат філалагіч. навук, дацэнт кафедры беларускай літаратуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Памалейка Вольга Леанідаўна – старшы выкладчык кафедры філасофіі і ідэалагічнай працы Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь.

Паўлава Алена Якаўлеўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музейназнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.

Петухоў Юрый Сяргеевіч – загадчык аддзела ІПС і аўтаматызаваных архіўных тэхналогій Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці.

Півавар Мікалай Васільевіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Попель Радзівон Ігаравіч – супрацоўнік СНДЛ “Гісторыя і камп’ютар” Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Прыцаў Дзмітрый Аляксандравіч – аспірант гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Пушкарэва Наталля Львоўна – доктар гіст. навук, прафесар, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута этналогіі і антрапалогіі РАН, Прэзідэнт Расійскага нацыянальнага камітэта Міжнароднай федэрацыі даследчыкаў жаночай гісторыі, галоўны рэдактар штогодніка “Сацыяльная гісторыя”.

Пушкін Ігар Аляксандравіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчаванняў.

Пятроў Дзмітрый Мікалаевіч – старшы выкладчык кафедры міжнароднага права і замежных моў Магілёўскага філіяла ПУА “БП – Інстытут правазнаўства”.

Рахімбаева Ажар Кабдулаўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі Казахстана Еўразійскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Л.М. Гумілёва (г. Астана).

Рогут Дарыўш – доктар гісторыі, супрацоўнік Інстытута гісторыі Універсітэта Яна Кахановскага (філіял у г. Пётркув-Трыбунальскі).

Рэва Ларыса Рыгораўна – кандыдат філалагіч. навук, навуковы супрацоўнік Нацыянальнай бібліятэкі Украіны імя У.І. Вярнадскага НАН Украіны.

Рымко Вольга Георгіеўна – аспірантка Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы, выкладчык кафедры сацыяльна-гуманітарных дысцыплін Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Рындзін Сяргей Мікалаевіч – аспірант гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Сакалоў Аляксандр Станіслававіч – доктар гіст. навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі і культуры Разанскага дзяржаўнага радыётэхнічнага ўніверсітэта.

Саковіч Кацярына Георгіеўна – аспірант кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Свілас Святлана Францаўна – дацэнт кафедры міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Серак Алена Уладзіміраўна – намеснік дэкана педыятрычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага медыцынскага ўніверсітэта.

Сідарэнка Барыс Ігаравіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры міжнароднага права і замежных моў Магілёўскага філіяла ПУА “БП – Інстытут правазнаўства”.

Сідарава Наталля Анатолеўна – кандыдат культуралогіі, метадыст 1 катэгорыі сектара падрыхтоўкі электронных выданняў Дзяржаўнага Эрмітажа.

Сідорэнка Віталіна Мікалаеўна – асістэнт кафедры гісторыі Беларусі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны.

Сімакова Іна Мікалаеўна – магістр гіст. навук, аспірантка кафедры этналогіі, музейалогіі і гісторыі мастацтваў гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Смыкоўская Ірына Іванаўна – старшы выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Соркіна Іна Валер’еўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт факультэта гісторыі і сацыялогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Стэльмах Аліна Уладзіміраўна – дырэктар установы культуры “Лепельскі раённы краязнаўчы музей”.

Таратута Аляксей Мікалаевіч – выкладчык спецыяльных дысцыплін УА “Навапольскі дзяржаўны аграрна-эканамічны каледж”, аспірант гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Трыгорлава Людміла Браніславаўна – настаўніца УА “Полацкая дзяржаўная гімназія № 2”.

Тухта Валерый Уладзіміравіч – настаўнік гісторыі Слабадскай сярэдняй школы-сада Лепельскага раёна.

Уласава Наталля Віктараўна – суіскальнік кафедры гісторыі Расіі Разанскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя С.А. Ясеніна.

Фядзюнін Уладзімір Валер’евіч – суіскальнік кафедры айчыннай гісторыі Маскоўскага дзяржаўнага гуманітарнага ўніверсітэта імя М.А. Шолахава.

Хаданёнак Віктар Мамертавіч – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Чыкалава Ірына Рамуальдаўна – доктар гіст. навук, прафесар кафедры новай і найноўшай гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка.

Цімафееў Расціслаў Уладзіміравіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Шаўлінская Вольга Мікалаеўна – аспірантка кафедры тэорыі і гісторыі інфармацыйна-дакументных камунікацый Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры.

Шэвялёў Павел Валер’евіч – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Шэлегава Кацярына Дзмітрыеўна – студэнтка 4 курса гістарычнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Шнеер Арон Ільіч – доктар гісторыі, старшы навуковы супрацоўнік Залы Імён Яд Вашэм – Мемарыяла ахвяр Катастрофы і герояў Супраціву (Іерусалім).

Юрчак Дзяніс Валер’евіч – намеснік дэкана гістарычнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Ягораў Андрэй Міхайлавіч – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры дзяржаўна-прававых дысцыплін Пскоўскага юрыдычнага інстытута ФСВП Расіі.

Якаўлева Галіна Мікалаеўна – кандыдат гіст. навук, дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава.

Навуковае выданне

**АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ КРЫНЦАЗНАЎСТВА
АЙЧЫННАЙ ГІСТОРЫ**

Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі,
прысвечанай 450-годдзю віцебскага
гарадскога права і 100-годдзю выдання першай кнігі
зборніка “Полоцко-Вітебская старина”

Віцебск, 6–7 кастрычніка 2011 г.

Тэхнічны рэдактар *Г.У. Разбоева*
Камп’ютарны дызайн *Т.Я. Сафранкова*

Падпісана ў друк 2011. Фармат 60x84¹/₁₆. Папера афсетная.
Ум. друк. арк. 20,34. Ул.-выд. арк. 33,85. Тыраж экз. Заказ .

Выдавец і паліграфічнае выкананне – установа адукацыі
«Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава».
ЛВ № 02330 / 0494385 ад 16.03.2009.

Надрукавана на рызографе ўстановы адукацыі
“Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”.
210038, г. Віцебск, Маскоўскі праспект, 33.